This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Slav 4350.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

26 July 1899

Digitized by Google

Digitized by Google

Slav 4350.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

26 July 1899

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

(Второе изданіе).

Генеральская дочь.—Крылатое слово.—Отечество въ опасности.—Общій взглядъ.—Ахметка Саратовскій.—Ицекъ Шмуль, брилліантщикъ.

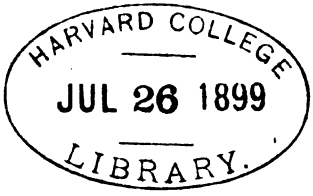
Изданіе Ф. Павленкова

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1898.

Digitized by Google

Slav 4350.3



Pierce fund

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Генеральская дочь	1
Крылатое слово	181
Отечество въ опасности	207
Общій взглядъ	297
Ахметка саратовскій	315
Ицекъ Шмуль, брилліантщикъ	331

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ.

ПОВѢСТЬ.

I.

— Маничка, долго еще?—спросила Зинаида Петровна, съ безнадежной тоской обводя взоромъ раскинувшіяся по обѣ стороны поля, съ которыхъ давно уже былъ скошенъ и свезенъ хлѣбъ.

— Не знаю, мама!—угрюмо отвѣтила дѣвушка, сурово сдвинувъ брови и продолжая пристально смотрѣть въ спину возницы, какъ будто въ этой плоской спинѣ, одѣтой въ грязную сорочку съ широкими пятнами пота, она читала разгадку всего того, что свалилось на ея голову въ послѣдніе дни столь стремительно и неожиданно.

А поля, казалось, нигдѣ не кончались. Впереди, позади и съ обѣихъ сторонъ — все поля, поля. Вотъ уже два часа, какъ не попадается на глаза ни села, ни хутора, ни хотя-бы какой-нибудь полуразрушенной хаты. Все мертво; все, что еще недавно такъ живописно оживляло равнину сперва зеленью всевозможныхъ оттѣнковъ, потомъ золотомъ созрѣвшихъ колосьевъ, затѣмъ своеобразной архитектурой наскоро сложенныхъ стоговъ, все это убрано къ дворамъ, и равнина опустѣла. Только кое-гдѣ вырисовываются полосы поздняго баштана, но и оттуда уже снятъ камышевый курень, и нигдѣ не видно согбен-

Digitized by Google

наго въ дугу дѣда, суетливо машущаго руками, стараясь этимъ жестомъ и своимъ хриплымъ кашлемъ отогнать вредную птицу—галокъ и скворцовъ. На горизонтѣ туманно обозначается грязно-сѣрое пятно. Это чей-то «шматокъ» овецъ, а поодаль отъ нихъ — неподвижно, какъ монументъ, стоитъ пастухъ съ предлинной палкой, на концѣ загнутой крючкомъ. Имя этой палки—«гирлига».

А южное солнце между тѣмъ не хочетъ уняться и, несмотря на конецъ сентября, палитъ такъ, что возницѣ жарко въ холщевой сорочкѣ, а его печальная кляча вся мокра. Возница однако слышитъ разговоръ своихъ спутницъ и считаетъ долгомъ разрѣшить ихъ недоумѣніе.

— Да уже не такъ много осталось!—говоритъ онъ утѣшающимъ голосомъ:—больше половины проѣхали...

— А всѣхъ сколько?—спросила Зинаида Петровна тѣмъ убитымъ голосомъ, которымъ она въ послѣдніе дни выражала рѣшительно всѣ свои мысли.

— А кто-жъ его знаетъ! Люди кажутъ, что будто сорокъ верстовъ, да я думаю, что это неправда. Никто-жъ никогда не мѣрялъ... А можетъ, оно и правда, кто его знаетъ! Мы такъ себѣ считаемъ: вонъ колодезь, а надъ нимъ бадя. Такъ ежели до колодезя доѣхалъ, ну, значитъ, больше половины пути сдѣлалъ. Такъ мы и считаемъ...

«Значитъ, еще часа три тащиться!» подумала Зинаида Петровна.

Она была вся въ черномъ. Атласная кофточка, застегнутая на множество пуговицъ, плотно облегала ея полное тѣло, по всѣмъ признакамъ—хорошо упитанное и не знавшее нужды. Голова ея была спрятана въ кружевную дамскую шляпку съ длиннымъ креповымъ вуалемъ, который свободно развѣвался по вѣтру. Лицо ея—смуглое, съ рѣзкими, сразу запоминающимися чертами, изъ тѣхъ лицъ, что въ молодости кажутся интересными и привлекательными, а съ теченіемъ лѣтъ пріобрѣтаютъ оттѣнокъ несимпатичный и отталкивающій,—носило выраженіе застывшаго, окаменѣвшаго горя, смѣшаннаго съ

Digitized by Google

глубокимъ недоумѣніемъ. Большіе, темные, почти неподвижно смотрѣвшіе глаза какъ-бы говорили: «Это ужасно! Это безчеловѣчно! Но какъ это случилось? Почему? За что? Невозможно объяснить!»

Странно было, что рядомъ съ этой женщиной, лицо и костюмъ которой говорили о глубокомъ траурѣ, сидѣла дѣвушка, называвшая ее матерью, и въ одеждѣ этой дѣвушки не было никакихъ признаковъ траура. Стройная, тонкая, съ лицомъ смуглымъ, какъ у матери, но совсѣмъ другого типа, она держалась прямо и глядѣла сурово, даже строго, сдвинувъ брови и прищуривъ глаза, въ которыхъ свѣтилось скорѣе озлобленіе, чѣмъ печаль. Желтая соломенная шляпка съ небольшимъ пучкомъ какъ-бы брошенныхъ гдѣ попало цвѣтовъ, сѣрый ватерпруфъ, изъ-подъ котораго выглядывала коричневая шерстяная юбка,—таковъ былъ ея костюмъ.

Обширный ящикъ мужичьей повозки былъ весь заваленъ картонками и узлами. На одинъ изъ узловъ возница довольно безцеремонно оперся локтемъ лѣвой руки и отъ времени до времени посвистывалъ на свою клячу, которая впрочемъ не обращала ни малѣйшаго вниманія на это поощреніе и продолжала будто нехотя переваливаться съ ноги на ногу. Зинаида Петровна нѣсколько разъ отодвигала отъ него узелъ, но возница не понималъ этого намека, притягивалъ къ себѣ узелъ и поплотнѣе упирался въ него, потому что находилъ это удобнымъ.

«Боже, какая грубость, неотесанность, невѣжество! — съ отчаяніемъ думала Зинаида Петровна:—то-ли еще будетъ? И что будетъ? И какъ случилось это? И за что?»

И мысли ея въ тысячный разъ проходили по одной и той-же логической дорожкѣ и всякій разъ одинаково сбивались и путались, оставляя не разрѣшенными вопросы: какъ это случилось и за что. Чувствовала она только одно: что въ душѣ у нея, злобно оскаливъ зубы, стоятъ другъ противъ друга два чудовища — позоръ прошлаго, неожиданный, непредвидѣнный позоръ, и ужасъ передъ будущимъ. Эти чудовища словно спорятъ и собираются

Digitized by Google

пожрать другъ друга изъ-за того, кому она достанется, которому изъ нихъ доведется измять ее въ порошокъ, изуродовать, изувѣчить остатокъ ея жизни.

Какъ скучна и тяжела дорога, когда знаешь, что впереди ждетъ тебя нѣчто мучительное, безотрадное, когда съ наслажденіемъ поѣхалъ-бы совсѣмъ въ другую сторону, а надо ѣхать туда,—надо потому, что ничего больше не остается дѣлать. Если ты присужденъ къ казни и петля наброшена на твою шею, то ужъ повѣрь, что она будетъ затянута и вздернута, и ничего другого не жди.

Вотъ какимъ представлялось Зинаидѣ Петровнѣ ея положеніе,—и понятно, что по мѣрѣ приближенія къ цѣли, ея настроеніе становилось мрачнѣе. Пробовала она заговаривать съ дочерью, но та отвѣчала короткими фразами, сквозь зубы, и такой недобрый огонекъ загорался въ ея глазахъ, которые къ тому-же и смотрѣли отъ нея въ сторону,—что Богъ съ нею, Богъ съ нею... Можетъ быть она и права, ничего вѣдь не разберешь во всей этой путаницѣ. Богъ съ нею, лучше и не думать объ этомъ.

— А вотъ и Марловка, слава тебѣ Господи!—воскликнулъ возница и указалъ кнутомъ вдаль, впереди себя —Видите, вонъ крестъ,—это наша церковь... А вонъ стѣна бѣлѣется, — это корчма. Исайка къ Успенью выбѣлилъ начисто, потому у насъ на Успенье — храмъ... Ну, и пройда-же, скажу я вамъ, этотъ Исайка! Хитрая собака!

И возница повернулъ къ дамамъ свое загорѣлое, лукаво-улыбающееся лицо, съ очевиднымъ намѣреніемъ разсказать имъ о какой-то продѣлкѣ хитраго Исайки. Но каменное выраженіе лицъ его спутницъ совершенно убило въ немъ всякую игривость. Онъ обратилъ лицо къ хвосту своей лошади и подумалъ: «Господь ихъ знаетъ, что у нихъ на душѣ... Горе какое, а можетъ — такъ, отъ важности... Кто ихъ разберетъ». Онъ изо всѣхъ силъ хватилъ лошадь кнутомъ по ногамъ, та подпрыгнула, попеслась вскачъ, но сейчасъ-же раздумала и возврати-

Digitized by Google

лась къ прежнему благоразумному переваливанью съ ноги на ногу.

А Марловка виднѣлась уже вся какъ на ладони: скучная, сѣрая, съ однообразными черными хатами, съ какимъ-то полувысохшимъ болотомъ намѣсто рѣки, съ двумя мельницами, у которыхъ крылья точно были подрѣзаны и трепетно дрожали отъ вѣтра.

«Это ужасно! это ужасно!—неслышно шептали губы Зинаиды Петровны.—Это гробъ, въ который насъ зарываютъ живыми! За что? Боже мой, за что?»

Дѣвушка только сильнѣе сдвинула брови, а ея тонкія губы плотнѣе прижались одна къ другой.

Солнце перевалилось на западъ. Старикъ въ «постолахъ» и пятилѣтній мальчуганъ въ одной только рубахѣ гнали къ селу «череду», которая оставляла за собой цѣлую тучу пыли. Встрѣтились двѣ бабы, съ великимъ любопытствомъ оглядѣвшія пріѣзжихъ; въ сторонѣ остался небольшой, но въ достаточной степени запущенный садикъ; колодезь, хаты, еще колодезь; минули церковь—невысокую, съ давно некрашенной зеленой крышей и облѣзлыми стѣнами; чуть не наѣхали на свинью, которая съ дикимъ крикомъ стрѣлой проскользнула черезъ дыру въ камышевомъ заборѣ; собаки съ неистовымъ лаемъ провожали ихъ отъ хаты до хаты, какъ-бы сдавая ихъ съ рукъ-на-руки сосѣдямъ своей породы. А вотъ хата, стоящая особо отъ всѣхъ и отличающаяся тѣмъ, что на ней черепичная, а не камышевая крыша, нѣтъ ни изгороди, ни сарайчика, ни двора,—только маленькій, запущенный палисадникъ съ тремя акаціями и нѣсколькими кустами сирени и георгинъ.

— Ну, вотъ и пріѣхали... Это вотъ и есть наша школа!—сказалъ возница, остановивъ повозку у хаты-особняка.

Онъ слѣзъ на землю, подошелъ къ окну и постучалъ въ него кулакомъ.

— Эй, Хивря! Выйди!... Господа пріѣхали! Ты тамъ померла, что-ли?—крикнулъ онъ очень громко.

Digitized by Google

— Какіе тамъ господа?—послышался бабій голосъ изъ хаты.—А хотя-бы и померла?! Я думаю, никто-бы и не перекрестился за упокой Хивриной души... Охъ, жи-исть!... Тоже жисть называется!...

Черезъ минуту однако изъ хаты вышло нѣкое худощавое, блѣдное, какъ-бы нарочно высушенное существо, именуемое Хиврей. Лицо у нея было маленькое и кожа на немъ была вытянута, какъ вытягиваютъ тѣсто, когда пекутъ слоеный пирогъ, и не было никакой возможности опредѣлить, сколько ей лѣтъ. Она осмотрѣла пріѣзжихъ съ такимъ видомъ, словно отъ нея зависѣло, принять или не принять ихъ въ хату.

— Новыя учительницы будете?—спросила она, не подступаясь къ узламъ.

— А то кто-жъ? Извѣстно, учительницы! Бери узлы, дурища!—отвѣтилъ возница за своихъ спутницъ, которыя сидѣли въ повозкѣ словно прикованныя къ ней.

— Которая-же?—продолжала допрашивать Хивря, приблизившись къ повозкѣ.

— Да не мели глупымъ языкомъ, скверная баба!—сердито закричалъ на нее возница.—Которая, которая? Извѣстно, молодыя—учительница, а онѣ—ихъ мамаша... Тащи узлы, вѣдьма безхвостая!

— Такъ-бы и сказали!—съ чувствомъ полнаго удовлетворенія заявила Хивря и добросовѣстно принялась за сниманіе узловъ.

«Это ужасно! это ужасно!—думала Зинаида Петровна, идя по направленію къ двери, съ картонками въ обѣихъ рукахъ и боясь даже вообразить ту мизерную обстановку, въ которую она сейчасъ попадетъ въ качествѣ постоянной жилицы.—Вотъ онъ—гробъ. Вотъ!»

Стройная дѣвушка не несла въ рукахъ ничего и шла за нею молча, твердыми, сердитыми шагами.

II.

Школа,—т. е. строеніе, извѣстное въ селѣ подъ этимъ названіемъ,—состояла изъ двухъ отдѣленій. Изъ

Digitized by Google

темныхъ сѣней, въ которыхъ была устроена «кабыця» для варки легкой пищи, налѣво шла дверь въ довольно тѣсную комнату съ тремя небольшими окнами. Комната походила-бы вполнѣ на обыкновенную хату, если-бы въ ней на мѣсто большой русской печи не была поставлена въ углу круглая, высокая унтермарковская печь, и на мѣсто обычной мужицкой обстановки не стояли парты со скамейками и маленькій столикъ со стуломъ. На стѣнахъ были наклеены картинки изъ священной исторіи, изъ ботаники и зоологіи, въ углу висѣлъ образъ безъ кіота и какихъ-бы то ни было украшеній. Это и была школа въ собственномъ смыслѣ этого слова. Направо изъ сѣней было устроено помѣщеніе для учительницы,—двѣ крошечныхъ комнатки и при нихъ нѣчто вродѣ чулана, въ которомъ помѣщалась Хивря.

Къ своему удивленію, пріѣзжія нашли свое новое жилище непустымъ. Зинаида Петровна немало думала о томъ, на чемъ онѣ будутъ спать и ѣсть, и этотъ вопросъ разрѣшился самъ собой. Въ задней комнатѣ оказалась узенькая желѣзная кровать съ тюфякомъ, одѣяломъ и подушкой, круглый столикъ, на которомъ лежала раскрытая книга, строчками внизъ, еще столъ, служившій, повидимому, письменнымъ, потому что на немъ стояла стеклянная чернильница. Было нѣсколько стульевъ и одно мягкое, развалистое, но сильно потертое кресло. На лежанкѣ, пристроенной къ печкѣ, валялась въ безпорядкѣ куча книгъ. Въ передней комнатѣ стоялъ шкафчикъ съ посудой и столъ, очевидно, обѣденный. Словомъ, было все, что нужно для первой необходимости: приходи и живи.

— Чье это все?—спросила Зинаида Петровна у Хиври.

— Покойницы, все какъ есть—покойницы, голубки моей!... съ глубокимъ вздохомъ отвѣтила Хивря.

— Покойницы? Какой покойницы?—съ ужасомъ спросила Зинаида Петровна.

— Какъ какой? Господи, дай ей царствіе небесное! Покойницы Клавдіи Антоновны, которая до васъ учи-

Digitized by Google

тельницей была... Ахъ, вотъ была истинно ангельская душа!.. И Богъ прибралъ. Хорошіе-то, видно, и тамъ нужны...

— Она здѣсь умерла?

Въ большихъ выпуклыхъ глазахъ Зинаиды Петровны выражался страхъ. Отчаянье смѣнило въ ея сердцѣ нѣкоторое чувство облегченія, вызванное видомъ готовой обстановки. «Такъ это совсѣмъ-таки гробъ, совсѣмъ!» подумала она.

— Здѣсь, на этой самой кроваткѣ скончалась бѣдняжечка!—промолвила Хивря, съ любовной грустью указавъ взглядомъ на кровать, прикрытую полосатымъ байковымъ одѣяломъ.—Здѣсь она мучилась, здѣсь и вѣкъ свой прикончила... Ангельская, какъ есть ангельская душа!..

— Какая-же у нея была болѣзнь?

— А кто-жъ его знаетъ! Фершалъ сказывалъ, что чихотка, говоритъ, а настояще, развѣ можно знать? Сохла, сохла бѣдная и отошла!..

— Маня! — съ неподдѣльнымъ ужасомъ въ голосѣ произнесла Зинаида Петровна. — Чахотка!.. Вѣдь это... это заразительно!..

— Мнѣ все равно!—сурово и даже грубо отвѣтила дѣвушка. Она сидѣла въ креслѣ, въ ватерпруфѣ и шляпкѣ; у нея былъ видъ человѣка, который рѣшился не двинуть пальцемъ о палецъ.

— Но какъ же все равно? Заразиться чахоткой, вѣдь это ужасно!—возразила Зинаида Петровна.

Дѣвушка скривила ротъ въ презрительную улыбку.

— Если боитесь, то уѣзжайте обратно...—рѣзко заявила она.

— Обратно?! Жестокая ты дочь... жестокая!..

Глаза Зинаиды Петровны наполнились слезами. Она пошарила въ карманѣ, вынула платокъ и поднесла его къ глазамъ. Дѣвушка не обратила вниманія на это и продолжала сидѣть въ своей позѣ человѣка, рѣшившагося ничего не предпринимать.

Хивря съ недоумѣніемъ смотрѣла на эту странную пару и слушала разговоръ между матерью и дочерью.

— Развязать узлы, что-ли?—спросила она.

Digitized by Google

— Я сама, сама... Иди себѣ!—поспѣшно сказала Зинаида Петровна.

Хивря еще разъ взглянула на нихъ вопросительно и вышла, но не въ чуланъ свой, а совсѣмъ изъ хаты. Зинаида Петровна вытерла слезы и съ выразительнымъ укоромъ посмотрѣла на дочь.

— Ты думаешь, что это ничего?—нетвердымъ голосомъ спросила она.

— Я ничего не думаю! Оставьте меня въ покоѣ! Оставьте меня!—нервнымъ, раздраженнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, и во взглядѣ ея, скользнувшемъ по лицу матери, блеснули искры злобы и презрѣнія.

Зинаида Петровна тяжко вздохнула, спрятала платокъ въ карманъ и молча приступила къ развязыванію узловъ. Черезъ полчаса давно некрашенный полъ школьной квартиры былъ весь занятъ хозяйственнымъ скарбомъ, пріѣхавшимъ изъ города въ узлахъ. Предметы, постепенно появлявшіеся на свѣтъ Божій изъ узловъ, представляли крайнее несоотвѣтствіе скромной, почти нищенской обстановкѣ въ двухъ маленькихъ комнатахъ. Вотъ вынули пару бронзовыхъ канделябръ для трехъ свѣчей каждая и сейчасъ-же выдѣлился стоявшій на окнѣ и доселѣ незамѣтный жестяной подсвѣчникъ съ маленькимъ стеариновымъ огаркомъ. Будетъ-ли въ этихъ двухъ комнатахъ когда-либо поводъ зажечь эти канделябры? Шелковая скатерть съ пестрой вышивкой по коричневому фону,—что будетъ покрываться ею здѣсь? Изящныя, расшитыя золотомъ туфли,—куда одѣть ихъ и кого принимать въ нихъ? А эти двѣ женскихъ рубахи изъ тончайшаго полотна съ дорогими кружевами, этотъ драгоцѣнный фуляровый пеньюаръ съ большими цвѣтами... Какъ все это уцѣлѣло отъ погрома и какъ все это безотрадно напоминаетъ о томъ, что никогда, никогда не вернется! Десятки вещицъ, разрозненныхъ, случайно выхваченныхъ впопыхахъ и спрятанныхъ на скорую руку въ первый попавшійся «вѣрный» закоулокъ...

Digitized by Google

Зинаида Петровна вынула изъ послѣдняго узла послѣднюю вещицу и обратилась къ дочери:

— Куда-жъ это все размѣстить, Маничка?—спросила она колеблющимся голосомъ, еще не зная, получитъ-ли отвѣтъ.

Дѣвушка, не перемѣняя своей развалистой позы, разсмѣялась сухимъ, злымъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ вопросъ! Одѣнь кружевную рубашку, шелковые чулки, золотыя туфли и свой обольстительный пеньюаръ, зажги канделябры и задавай балъ... Ха-ха-ха! Одинъ изъ тѣхъ баловъ, chère maman, на которыхъ мы съ тобой такъ великолѣпно блистали... Не правда-ли?

И она опять злостно и обидно засмѣялась, глядя прямо въ лицо матери. Зинаида Петровна наклонилась надъ какой-то вещью и беззвучно плакала. Она думала: «Это казнь, казнь! Ты меня оставилъ, жестокій человѣкъ, чтобы я одна расплачивалась за все, а самъ ушелъ *туда!*.. Вотъ я покаялась—и что-жъ? И все-таки она казнитъ меня безпощадно, на каждомъ шагу, каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ... О, Боже мой, Боже мой! Куда-же мнѣ дѣваться? За что укрыться?»

— Чего-же ты плачешь, мама, я не понимаю?—продолжала дѣвушка тономъ какъ-будто вполнѣ резоннымъ и убѣдительнымъ:—Что-же я могу тебѣ посовѣтовать, право? Что-же другое можно сдѣлать съ этими вещами? Вѣдь онѣ... Я не знаю, зачѣмъ ты ихъ привезла сюда? Вѣдь онѣ сгніютъ здѣсь вмѣстѣ съ нами... Ну, развѣсь ихъ по стѣнамъ въ видѣ украшенія, чтобы и эта Хивря или Харя, или какъ ее... и всѣ другіе знали, что мы съ тобой не какія-нибудь, а изъ хорошаго дома... Богато жили, въ шелкахъ ходили, балы да пикники задавали... А то знаешь что? Знаешь, что я тебѣ посовѣтую? Здѣсь вонъ какая большая печка: возьми все это—и туда, да и подожги! По крайней мѣрѣ разомъ улетятъ въ трубу всѣ твои прекрасныя воспоминанія!

— Ты съ ума сошла! Это—сжечь?

Digitized by Google

— А, да ну—какъ хочешь, мнѣ право все равно!—нервнымъ, капризнымъ, разбитымъ голосомъ закончила дѣвушка: очевидно, ей самой надоѣло издѣваться надъ матерью.—Только убери пожалуйста все это съ глазъ... Это меня раздражаетъ, возмущаетъ до глубины души!..

Зинаида Петровна съ покорной поспѣшностью стала собирать все въ кучу и завязала въ одинъ огромный узелъ. Исполнивъ это, она отодвинула узелъ къ печкѣ и сѣла на стулъ, безпомощно положивъ руки на колѣни.

Солнце зашло, спустились сумерки, а онѣ все сидѣли молча, каждая сосредоточившись на своихъ мысляхъ. Вошла Хивря и зажгла огарокъ въ жестяномъ подсвѣчникѣ.

— Можетъ, самоваръ поставить?—спросила она, глядя на нихъ изъ-подлобья.

— Поставь, милая!—нѣжно промолвила Зинаида Петровна. Послѣ разговора съ дочерью она какъ-то вдругъ смирилась и покорилась судьбѣ. Хивря достала въ своемъ чуланѣ маленькій, пузатый самоваръ и вышла съ нимъ въ сѣни.

— Однако, что-жъ такъ сидѣть?—рѣзко сказала дѣвушка и порывисто поднялась.—Сколько ни сиди, а придется вступить въ должность... Мнѣ жарко!..

Она крутымъ движеніемъ сорвала съ себя шляпку и сняла ватерпруфъ. Шерстяное коричневое платье красиво облегало ея тонкую, стройную фигуру. Бѣлизна шеи игриво оттѣнялась маленькими завитушками черныхъ волосъ, оставшихся отъ подобранной кверху густой косы. Строгому, безукоризненному профилю ея лица больше шла спокойная задумчивость, чѣмъ сосредоточенная, застывшая злость, которая теперь портила выраженіе этого лица и нарушала чистоту линій.

— Чему я ихъ учить буду? Тебѣ это неизвѣстно, мама?—вдругъ спросила она.

— Какъ чему? Наукамъ...—неувѣренно отвѣтила Зинаида Петровна.

— Наукамъ? Какимъ-же это? Танцамъ? Ха-ха-ха!.. Разъ-два-три, разъ-два-три!.. ха-ха-ха! Нѣтъ, я ихъ буду

Digitized by Google

учить пѣть цыганскіе романсы... Да, ты вѣдь тоже это умѣешь? Вотъ и отлично!

Она пропѣла съ цыганскимъ пошибомъ:

„Ей поцѣлуй горячій нуженъ,
Въ ней кровь цыганская кипитъ“...

— Вотъ этому я могу ихъ научить! А больше... хоть убей меня, ничего не умѣю... Вы только этому и научили меня, chère maman!

— Какъ-же, Маничка, ты-же была въ гимназіи!.. возразила мать.

— Ну да, еще-бы!.. Все это вылетѣло изъ головы на другой день послѣ экзамена... А потомъ пошло другое, и ни одной книжки! Вѣдь у насъ въ домѣ, chère maman, никогда не было ни одной книжки... А вѣдь мы съ вами—образованныя!.. Ну-съ, такъ чему-жъ я ихъ буду учить, я тебя спрашиваю, когда я сама ровно ничего не знаю?

Зинаида Петровна только глубоко вздохнула и возвела очи къ потолку. Маничка, немного помолчавъ, опять заговорила съ дерзкимъ, злобнымъ, оживленіемъ:

— Завтра буду представляться начальству...

— Какому начальству?—съ неподдѣльнымъ удивленіемъ спросила мать.

— Какому? Всякому. Здѣсь всѣ—начальство. Мнѣ такъ сказалъ Аркадій Николаевичъ. Батюшка—начальство, помѣщикъ—начальство, старшина—начальство и еще кто-то такой—всѣхъ не помню.

— Это ужасно!

— Что? Вотъ это? Нѣтъ, не это! А то, что я ихъ всѣхъ, рѣшительно всѣхъ презираю, вотъ что ужасно!.. И себя я презираю, вотъ что ужаснѣе всего!

Она сѣла къ столу, стукнула въ него локтями, уперлась лицомъ въ ладони и сидѣла такъ до тѣхъ поръ, пока не пришла Хивря съ чайной посудой и не сказала:

— Позвольте, барышня, столъ накрыть: самоваръ поспѣлъ!

Digitized by Google

III.

Школьники приходили съ утра. Маничка ихъ обучала. Это вошло въ колею и дѣло само собою дѣлалось, незамѣтно. У нея была программа. Аркадій Николаевичъ далъ ей и сказалъ: «Вотъ вамъ программа, строго слѣдуйте ей и больше ничего не надо». И она слѣдовала строго. Въ кучѣ книгъ прежней учительницы нашлись подходящія. Маничка садилась съ вечера и готовилась. Она пристально смотрѣла въ книжку и читала, читала...

Въ первый вечеръ это чтеніе привело ее въ отчаяніе. Она прочитала разъ, другой, третій и ничего не поняла.

— И вотъ—все простыя слова, понятныя, и предметъ простой—бѣлый медвѣдь, а ничего не могу сообразить! Мама, я не умѣю читать по печатному, т. е. не читать, а понимать! На это нужна привычка.

Она опять старательно читала, наконецъ съ досадой захлопнула книгу и стала гнѣвно ходить по комнатѣ.

— Бѣлый медвѣдь! Зачѣмъ имъ бѣлый медвѣдь? И развѣ это не унизительно! Я должна готовиться къ уроку для какихъ-то грязныхъ дикарей!..

— Я не понимаю, зачѣмъ имъ въ самомъ дѣлѣ бѣлый медвѣдь?—разсуждала Зинаида Петровна, стараясь подладиться подъ тонъ дочери.

— А вѣдь мы съ вами, мама, какъ весело жили и безъ бѣлаго медвѣдя, правда?

О, это страшный упрекъ, и все у нея къ этому сводится; о чемъ ни заговори, она повернетъ всегда къ прошлому. И откуда у нея взялась эта злость? Была такая добродушная, веселая хохотунья. Откуда? И такъ сразу перемѣнилась, будто другая стала. Ариѳметика, вычитаніе, семь вычесть изъ десяти. Семь изъ нуля нельзя вычесть, занимаемъ единицу у десятковъ, т. е. одинъ десятокъ, т. е. десять единицъ. Почему занимаемъ и почему десять единицъ и почему теперь уже семь не изъ нуля, а изъ десяти? Все это надо объяснить имъ, этимъ дикарямъ съ грязными носами, которые они вытираютъ

Digitized by Google

рукавами рубашекъ. А какъ объяснить, когда она сама неясно понимаетъ?

— Вотъ ты научи меня, ты—мать!—ѣдко-шутливымъ тономъ говоритъ Маничка Зинаидѣ Петровнѣ.

А та вздыхаетъ. Гдѣ ужъ ей! Когда это было, что она учила вычитаніе? Лѣтъ тридцать назадъ.

Однако, понемножку Маничка научилась «читать по печатному» и кое-какъ объясняла вычитаніе. Къ начальству представляться она не ходила. Вышло такъ, что за нее всѣмъ представилась Хивря. Да и начальства какъ-то вовсе не оказалось. Никто ею не интересовался. Хивря пошла къ батюшкѣ и сообщила, что новая учительница пріѣхала.

— Что-жъ, занимается уже?—спросилъ старый батюшка.

— Занимаются. Чудные они люди!

И Хивря разсказала всѣ свои наблюденія, упомянула о дерзкомъ тонѣ, какимъ дѣвушка говоритъ съ матерью, и о странныхъ подсвѣчникахъ, ни на что ненужныхъ, и о томъ, что мать часто плачетъ, а дочь по цѣлымъ часамъ сидитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, и о томъ, что въ сущности онѣ бѣдны и ничего у нихъ нѣтъ. Батюшка сказалъ:

— Богъ съ ними! Не хорошо, что онѣ не идутъ ко мнѣ, къ священнику, а впрочемъ—это ихъ дѣло. Вотъ пойду Законъ Божій излагать, познакомлюсь!

Зашла мимоходомъ Хивря и къ старшинѣ и ему разсказала то-же самое. Старшина сказалъ:

— Да онѣ всѣ какія-то-сь чудныя, мнѣ какое дѣло! Пусть живутъ себѣ, а я себѣ буду жить. А ты имъ услуживай, Хивря, потому это твоя служба такая.

Говорила Хивря со многими другими мужиками и бабами. Большинство было того мнѣнія, что должно быть это какія-нибудь несчастныя: въ городѣ не выгорѣло—сюда пріѣхали. Что касается помѣщика, то это былъ человѣкъ, вполнѣ поглощенный двумя вещами: своимъ свинымъ заводомъ и охотой на окрестныхъ волковъ,

Digitized by Google

которымъ онъ устраивалъ облаву. Когда ему сказали (батюшка сказалъ), что пріѣхала новая учительница, онъ удивился и спросилъ:

— Какъ? А прежняя развѣ уѣхала?

— Она умерла еще въ августѣ,—отвѣтилъ батюшка.

— Неужели? Ну, скажите пожалуйста! А я и не зналъ! Ахъ, батюшка, я и забылъ вамъ сказать,—какого мнѣ кабанца изъ Пешта прислали! Просто пальчики оближешь! Теперь у насъ пойдетъ новая порода. Хотите прислать свою свинью? А отчего-же она умерла?

— Отъ чахотки, кажется... Славная была дѣвушка, кроткая, преданная своему дѣлу... А я-бы не прочь, если вы ничего не имѣете противъ...

— Насчетъ чего?

— Да насчетъ свиньи. Мнѣ-бы хотѣлось завести хорошую породу. Она какъ—жировая?

— Еще-бы! Кабанчукъ весь точно изъ одного жира вылитъ. И крупный, я вамъ скажу, какъ лошадь... Не вѣрите, посмотрите сами... Хотите? пойдемте!

Помѣщикъ Марковъ, коренастый, плечистый, съ брюшкомъ, съ длинными усами и выбритыми щеками и подбородкомъ, съ непокорнымъ жесткимъ чубомъ на головѣ, сорокалѣтній холостякъ, когда-то служилъ въ арміи и сохранилъ до сихъ поръ еще военныя привычки и манеры. Онъ говорилъ громко, отрывисто, любилъ крѣпкія слова, уважалъ женщинъ, за которыми можно было приударить, и игнорировалъ тѣхъ, на которыхъ надо было жениться или даже только канитель разводить.

— Я думаю все-таки, такъ какъ вы состоите попечителемъ школы, посовѣтовать ей представиться вамъ,— сказалъ батюшка по дорогѣ въ свинятникъ.

— А развѣ я попечитель? Тьфу, чортъ! Совсѣмъ забылъ!.. А что, она хорошенькая?

— Видалъ только мелькомъ. Но, кажется, дѣвица благовидная и аккуратная...

— Гм!..

Digitized by Google

— При ней ея маменька... Говорятъ, очень странная особа.

— Маменька? Такъ ну ее къ свиньямъ!

Этимъ и ограничился весь интересъ къ новой учительницѣ попечителя школы.

Батюшка собрался наконецъ дать урокъ Закона Божія. Давалъ онъ въ присутствіи Манички, но, по слабости человѣческой, все больше на учительницу смотрѣлъ. Хотѣлось ему хорошенько разглядѣть, какова она изъ себя, какъ держится и ведетъ себя. Онъ нашелъ, что учительница въ самомъ дѣлѣ «благовидная и аккуратная»; не понравилось ему только, что взглядъ у нея черезчуръ суровый и что она, несмотря на его шутки, ни разу не улыбнулась. «Видно, что гордая личность!» подумалъ онъ.

Однако, послѣ урока онъ не пошелъ домой, а счелъ своимъ долгомъ обратиться къ Маничкѣ:

— Желалъ-бы познакомиться съ мамашей вашей!

— Прошу васъ къ намъ! —съ ледяной любезностью промолвила дѣвушка.

Батюшка вошелъ въ квартиру, перекрестился на образъ и поклонился Зинаидѣ Петровнѣ.

— Позвольте представиться: — священникъ Семенъ Поликарповичъ Кологривовъ. Очень будетъ пріятно познакомиться домами! У меня семейство: жена, дочь-невѣста...

Зинаида Петровна, смущенная внезапнымъ приходомъ батюшки, не сообразила, что надо взять благословеніе, и протянула руку. Батюшка ничего не сказалъ, но подумалъ: «Гордыня! руки цѣловать не желаетъ». Его попросили садиться.

— Изволили прежде въ городу жить?—спросилъ батюшка, помѣстившись въ креслѣ.

— Да, до сихъ поръ жили въ городѣ, а теперь вотъ пришлось...

— Такъ, такъ!... подтвердилъ батюшка.—Супругъ вашъ служилъ гдѣ-нибудь, должно быть?

Digitized by Google

— Да, онъ служилъ!.. Онъ, мужъ мой, умеръ и мы остались безъ средствъ Вотъ и пришлось дочери работать...

— Такъ, такъ!... Что-жъ, бѣдность не порокъ. Всѣ трудимся, тѣмъ и живемъ. Я старъ вотъ, а тружусь, семейство кормлю!.. А осмѣлюсь спросить, какой фамиліи будете? Я хотя читалъ вотъ ихнее удостовѣреніе насчетъ личности, но памятью слабъ и не упомнилъ...

— Рынцевы наша фамилія...

— Рынцевы?—какъ-бы удивившись, спросилъ батюшка.

— Да!

— Гм... Рынцевы... Рынцевъ, Рынцевъ!.. Что-то знакомое, поразительно знакомое?.. Гм... А вотъ не могу припомнить! Память-то слаба! Но знакомая фамилія, то-есть такъ вотъ какъ будто вчера только слышалъ...

— Можетъ быть, однофамильца знали... дрожащимъ, смущеннымъ голосомъ замѣтила Зинаида Петровна. Лицо ея покраснѣло и приняло напряженное выраженіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, не однофамилецъ... А какъ будто гдѣ-то читалъ что-нибудь... А впрочемъ, можетъ—и ошибаюсь... Память-то у меня совсѣмъ ослабѣла!.. Но милости просимъ къ намъ... Познакомьтесь, будетъ весьма пріятно... Весьма, весьма!..

Батюшка уже поднялся и пожималъ руку Зинаиды Петровны. Маничка впродолженіе его визита стояла въ полъ-оборота къ окну и глядѣла на улицу, на расходившихся по домамъ школьниковъ. Она нервно теребила руками случайно оставшуюся у нея какую-то тетрадь и выразительно кусала губы.

— А насчетъ пѣнія вы какъ?—спросилъ батюшка, прощаясь съ ней.

— Пѣнія? Какого пѣнія?

— Церковнаго, разумѣется... Преподавать не можете?..

— Нѣтъ, не могу,—отвѣтила она и сейчасъ-же ушла въ чуланъ Хиври.

— Гм... Это жаль!—сказалъ батюшка, обращаясь

Digitized by Google

къ Зинаидѣ Петровнѣ: — прежняя учительница, Клавдія Антоновна, могла. Сперва она тоже не умѣла, а потомъ научилась. Такъ милости просимъ къ намъ!..

Едва батюшка вышелъ изъ квартиры, какъ Маничка почти выпрыгнула изъ чулана и очутилась около матери.

— Ха-ха-ха-ха!—злобно разсмѣялась она прямо въ лицо Зинаидѣ Петровнѣ:—Начинается, начинается!.. Я гдѣ-то читалъ, гдѣ-то читалъ!.. А ты скрывай, скрывай шило въ мѣшкѣ... Выдумай какую-нибудь исторію, сочини... А если скажутъ: не тотъ-ли?—откажись, какъ Іуда!.. О, хороши мы съ вами, chère maman, хороши!.. Собственнаго имени боимся! До чего дошли!..

Зинаида Петровна научилась уже́ не возражать на ея злобныя выходки. Она ограничивалась тяжкими вздохами, убѣдившись, что Маничка, не встрѣчая возраженій, скорѣе замолкаетъ.

Маничка помолчала, а потомъ заговорила другимъ тономъ — насмѣшливо-презрительнымъ:

— Какое-то пѣніе церковное преподавать предлагаетъ этотъ батюшка! Мама, отчего вы меня не научили церковному пѣнію?.. Ха-ха-ха!.. А эта прежняя, какъ ее, Клавдія Антоновна, что-ли... Она умѣла! Потому что у ней была ангельская душа!.. Ханжа должно быть была эта Клавдія Антоновна, ангельская душа, и прескучная особа!.. Ну, а у меня должно быть дьявольская душа, и все это мнѣ противно, противно, ахъ какъ противно! Съ какой стати я вожусь съ этими мужиченками? Что они мнѣ? Съ какой стати я буду знакомиться съ этимъ батюшкой, съ его матушкой и дочкой, должно быть очень глупой и неотесанной? Съ какой стати? А что, chère maman, если ко мнѣ посватается здѣшній пономарь? а? Что вы скажете? а? Ха-ха-ха-ха!

— Маничка,—съ мольбой произнесла Зинаида Петровна:—пора-бы тебѣ уже примириться и не злобствовать... Господи, Господи!..

Digitized by Google

— Что? что? что ты сказала? Мнѣ примириться? Мнѣ? А ты, ты примирилась?

Зинаида Петровна, видя ея полные злобы глаза, поспѣшно ушла въ школьную комнату и тамъ, усѣвшись за партой, тихонько плакала.

IV

— Шшш... *Она* идетъ!.. Шш...

— А я не боюсь ея ни капли!

— Ого-го! Не боишься? А на колѣнки до вечера поставитъ!..

— Не поставитъ! А поставитъ—не стану... Убѣгу!..

— Убѣжишь? А линеекъ въ руку надаетъ! Ого-го! Еще какъ! Омелькѣ надавала такъ, что и теперь еще пузыри... Это не прежняя... Та была добрая... Замѣсто того, чтобы за чубъ оттаскать, она глянетъ на тебя ласково, да усмѣхнется такъ, что ажь совѣсть тебя возьметъ... А эта у-у... Злющіе глаза!

—Бъ...о...бъ...ы... бобы... Въ...а...зъ...а... ваза.. Чъ...и...жъ...и...къ... твердый знакъ, чижикъ...

— Шшш... Идетъ, идетъ!..

— Брешешь, это Хивря!..

— Тетка Хивря, тетка Хивря... А-а-а!..

— Тише, голодрабцы!.. Вотъ она вамъ задастъ! Избаловала васъ покойница Клавдія Антоновна!.. Ты чего ревешь, Мишка?

Ревѣлъ мальчуганъ лѣтъ девяти, въ драной сорочкѣ, съ совершенно бѣлой головой. Слезы текли у него по щекамъ, оставляя полосы на грязной кожѣ.

— Чего ты убиваешься?—приставала къ нему Хивря.

— Цар...ство-го-го-го-го не-бе-э-сно-е-ге-гее!..—едва могъ выговорить мальчикъ сквозь обильныя слезы.

— Ишь ты, вспомнилъ! Даромъ что маленькій!.. Охъ, царство ей небесное, голубушкѣ!..

— Шшш!.. Шшш!..

Вошла учительница, и все смолкло. Только бѣлоголо-

Digitized by Google

вый мальчуганъ никакъ не могъ удержать порывистыхъ всхлипываній.

— О чемъ онъ плачетъ?—строго спросила учительница, по обыкновенію рѣшительно и сурово сдвинувъ брови.

Дѣти молчали. Они боялись новой учительницы, какъ огня. Особенно дрожали передъ нею дѣвочки, которыхъ было всего четыре. Хивря пояснила:

— Это онъ покойницу, Клавдію Антоновну, вспомнилъ. Глупая дытына!.. Она его больше всѣхъ любила... Онъ такой бѣднѣйшій. Совсѣмъ голодрабецъ. А она ему и одеженку справила, и голову бывало расчешетъ. Вотъ онъ и вспомнилъ...

— Идите, Хивря, на свое мѣсто!—строго приказала ей учительница. Хивря вышла.

Маничка вся дрожала отъ злобы, когда при ней говорили о необыкновенныхъ добродѣтеляхъ прежней учительницы. Она ее ненавидѣла отъ глубины души исама не знала почему. Сейчасъ-же она придралась къ бѣлоголовому мальчику, который тоже вдругъ сдѣлался ей ненавистенъ. Потрясенный жалобнымъ воспоминаніемъ и собственнымъ плачемъ, онъ, конечно, не сумѣлъ безошибочно прочитать по книгѣ «Что ты спишь, мужичекъ», и стоялъ уже у печки на колѣняхъ, не смѣя даже громко плакать.

Маничка, красивая, статная, кокетливая Маничка Рынцева не стѣснялась въ пользованіи своимъ правомъ наказывать. Аркадій Николаичъ сказалъ ей: «Сѣчь, разумѣется, нельзя, но вы имѣете право, въ случаѣ необходимости, поставить въ уголъ, на колѣни, а также употребить въ дѣло линейку. Слегка, разумѣется... Мы допускаемъ эти наказанія, безъ которыхъ обойтись невозможно».

Часы, когда она занималась въ школѣ, были для нея самыми мучительными часами въ жизни. Въ прежнее время она съ отвращеніемъ смотрѣла на гувернантокъ и учительницъ, проводящихъ всю свою жизнь за скучнымъ и сухимъ занятіемъ—обученіемъ дѣтей и присмотромъ за ихъ поведеніемъ. И теперь она сама вдругъ

Digitized by Google

очутилась въ положеніи въ милліонъ разъ худшемъ, чѣмъ любая изъ нихъ. Какіе-то грязные оборванцы, грубые, дикіе... Съ какой стати? Что они ей? И какимъ образомъ это случилось?

Исторія Владиміра Ивановича Рынцева надѣлала много шуму не только въ губернскомъ городѣ, но можетъ быть и во всей Россіи.

Въ губернскомъ городѣ ихъ квартиру зналъ каждый извозчикъ, каждый уличный мальчишка. Этотъ верхъ небольшого двухъ-этажнаго дома съ веселымъ крылечкомъ, съ веселыми окнами, въ которыя видна была также веселая и не дешево стоившая обстановка, Рынцевы занимали втеченіе многихъ лѣтъ. На дверяхъ, выходившихъ на улицу, красовались двѣ мѣдныя дощечки. На одной, которая была побольше, значилось: «Агентство южной страховой компаніи», на другой — «Владиміръ Ивановичъ Рынцевъ», который и завѣдывалъ агентствомъ. Повидимому, дѣла южной страховой компаніи въ губернскомъ городѣ К. шли хорошо, иначе Рынцевъ не оставался-бы главнымъ агентомъ втеченіе многихъ лѣтъ. Ясно было также, что и дѣла самого Рынцева были блестящи, иначе въ верхнемъ этажѣ этого дома не жили бы такъ весело. Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что у Рынцева было свое состояніе, правда, не очень большое, но въ соединеніи съ процентами съ агентуры представлявшее порядочную величину.

А весело жили въ этомъ домѣ. Съ утра до двухъ часовъ въ верхнемъ этажѣ была мертвая тишина, и ставни во всѣхъ окнахъ были на-глухо закрыты. Въ это время дѣятельность сосредоточивалась въ нижнемъ этажѣ, гдѣ была контора. Южная компанія, благодаря способностямъ ея главнаго агента, въ самомъ дѣлѣ вела въ краѣ широкія операціи и контора никогда не бездѣйствовала. Но въ два часа она закрывалась, зато растворялись ставни въ верхнемъ этажѣ, и тамъ начиналась жизнь.

Все, что было въ городѣ живого, разбитного, любя-

Digitized by Google

щаго повеселиться, съѣзжалось и сходилось сюда. Молодые чиновники изъ новыхъ, адвокаты и судейскіе, пріѣзжіе помѣщики, люди военнаго званія, все это являлось сюда запросто, вело себя здѣсь какъ дома, всѣ были хорошими знакомцами, своими людьми. Открытый домъ, пріятная уютная обстановка, радушіе хозяина, фривольное обращеніе сорокалѣтней хозяйки, рѣшившейся, повидимому, никогда не сдаваться передъ вліяніемъ времени, очаровательные глазки юной красавицы, хозяйской дочки, — все это было какъ-бы общимъ достояніемъ, всѣмъ давалось такъ легко и не возбуждало соперничества.

Съ вечера до утра въ этомъ домѣ раздавались звуки фортепіано, веселый смѣхъ, пѣніе, шумъ танцевъ. Обыватели губернскаго города любили останавливаться передъ ярко освѣщенными окнами, внимать шуму чужого веселья и любоваться видомъ этого непрерывнаго праздника.

Въ лѣтнюю пору нерѣдко около этого дома появлялось нѣсколько наемныхъ экипажей; веселое общество разсаживалось въ нихъ, таща съ собой корзины съ ѣдой и питьемъ, и отправлялось куда-нибудь за городъ, въ рощицу, или переѣзжало на лодкахъ по рѣкѣ на живописный островокъ и тамъ коротало ночь.

Владиміръ Ивановичъ Рынцевъ былъ популярная личность въ городѣ. Но популярность эта была пріобрѣтена не какою-нибудь широкой благотворительностью или полезной общественной дѣятельностью; ни въ чемъ подобномъ Рынцевъ не былъ грѣшенъ. Популярность досталась ему удивительно легко и совсѣмъ ничего не стоила. Онъ пріобрѣлъ ее благодаря своей наружности. Это былъ рослый, статный красавецъ-здоровякъ. изъ той породы счастливцевъ, для которыхъ природа, повидимому, отобрала здоровье у сотни другихъ смертныхъ и отдала имъ. Болѣзни, утомленіе, печали, безпощадная рука времени, — все это удѣлъ другихъ, все это идетъ мимо этихъ счастливцевъ. Сердце обывателя безкорыстно ра-

Digitized by Google

довалось, когда онъ видѣлъ проходившаго по улицѣ Рынцева съ его властной, широкой и неспѣшной поступью, одѣтаго въ изящную крылатку, а зимою въ мѣховую шинель съ эффектными бобрами. Его длиннѣйшіе молодецки закрученные кверху усы, нѣжно-розовый цвѣтъ лица, большой умный лобъ и орлиный покоряющій взоръ, — сдѣлали ему репутацію перваго красавца въ городѣ; даже такое обстоятельство, что онъ слегка прихрамывалъ на лѣвую ногу (онъ прежде былъ офицеромъ, контуженъ и вышелъ въ отставку), не только не вредило Рынцеву, но дѣлало его еще болѣе интереснымъ.—Это Рынцевъ идетъ!—съ гордостью говорили обыватели:—какой онъ у насъ красавецъ!

Зинаида Петровна во многомъ, даже очень во многомъ уступала своему мужу, но смириться не хотѣла. Когда-то красивое ея лицо теперь отдавало сильной поношенностью; она расплылась и пошла въ ширь; но ничего этого она не хотѣла признавать, наряжалась и веселилась, окруженная губернской молодежью и не замѣчая, какъ уже мало шла къ ней роль ingénue.

Въ городѣ свободно переходили изъ устъ въ уста разсказы о безпрерывныхъ романическихъ успѣхахъ Рынцева, причемъ столь-же свободно называли имена губернскихъ дамъ, участвовавшихъ въ его романахъ въ довольно опредѣленной роли. Но Зинаида Петровна не оставляла мужу въ этомъ отношеніи никакихъ преимуществъ. Про ея отношенія къ губернскимъ молодымъ людямъ говорили открыто, и такъ какъ было принято думать, что Рынцевы — счастливцы, особо избранные судьбой, и имъ все позволено, то никому и въ голову не приходило осуждать ихъ поведеніе. Рынцевымъ все прошалось; ихъ образъ жизни находили оригинальнымъ, молодецкимъ, и если разсказывали о немъ пріѣзжимъ, то съ такимъ видомъ, съ какимъ передаются вѣковыя легенды о мѣстныхъ герояхъ, нѣкогда спасшихъ отечество.

Digitized by Google

V.

Марья Владиміровна кончила гимназію, когда ей было 17 лѣтъ; но въ это время она уже умѣла носить длинное платье, искусно играть своими чудными бархаттыми глазами и забористо пѣть цыганскіе романсы. У Рынцевыхъ-родителей былъ единственный принципъ, по которому они строили всю свою жизнь и жизнь своей дочери: жить весело, весело во что-бы то ни стало. Изъ всего, что могла дать жизнь, бралось только то, что дѣлало ее веселой; все остальное безпощадно браковалось. И въ этихъ рамкахъ расцвѣтала и зрѣла красота Марьи Владиміровны. Что она была красива, этого никто не могъ отрицать и за это, въ случаѣ надобности, поголовно вступился-бы цѣлый городъ. Вокругъ нея вертѣлась и увивалась молодежь—и блестящая (какая нашлась въ губернскомъ городѣ), и всякая. Для того, чтобы наполнить домъ веселыми или хоть ищущими веселья людьми, нельзя было слишкомъ разбирать, и здѣсь былъ весь губернскій городъ. Всякій считалъ для себя честью быть въ числѣ поклонниковъ юной красавицы, и никто изъ холостыхъ не отказался бы попасть въ женихи и сдѣлаться ея мужемъ. Помимо всѣхъ ея личныхъ достоинствъ, подозрѣвалось, и не безъ основанія, что за Марьей Владиміровной порядочный кушъ приданаго.

Сама Марья Владиміровна знала навѣрное, что отъ бабушки по отцу ей досталось пятьдесятъ тысячъ и что это былъ ея личный капиталъ. Но конечно это знали и другіе и, судя по образу жизни Рынцевыхъ, разсчитывали на большее. Такимъ образомъ, Марья Владиміровна считалась богатой невѣстой.

Бѣда только была въ томъ, что самыя настойчивыя ухаживанья скользили поверхностно по ея сердцу, не производя на нее глубокаго впечатлѣнія. Былъ блестящій чиновникъ особыхъ порученій при мѣстномъ губернаторѣ, съ хорошей карьерой въ будущемъ, по фамиліи Каминскій; былъ полкосникъ со связями, правда, пере-

Digitized by Google

валившій за сорокъ, человѣкъ тяжеловатой комплекціи, но еще свѣжій, по фамиліи Прядилинъ; былъ молодой овцеводъ Карпенко, получившій въ наслѣдство отъ отца тысячъ пятнадцать «шпанокъ» и довольно десятинъ чернозема, чтобъ кормить это богатство, кандидатъ университета и искренно влюбленный въ Марью Владиміровну; были и другіе, но рѣшительно никто не добился у нея предпочтенія. Она довольствовалась этимъ легкимъ, ни къ чему не обязывающимъ весельемъ, граціозно порхала среди влюбленныхъ поклонниковъ и посылала очаровательныя улыбки всѣмъ безъ исключенія, потому что до всѣхъ ей было рѣшительно все равно.

Но наступилъ моментъ, когда и ея крѣпкое сердце подалось и разыгрался романъ. Это былъ вполнѣ обыкновенный романъ, съ обычными переливами страсти нѣжной, съ томительными тревогами ревности, съ безконечными клятвами въ вѣчной вѣрности. Герой отличался отъ другихъ тѣмъ, что въ двадцать семь лѣтъ въ его нѣкогда роскошной шевелюрѣ нояивились уже глубокіе заливы, служившіе продолженіемъ висковъ—примѣта житейской мудрости,—а въ зенитѣ головы блѣдно просвѣчивали зачатки лысины. Но это не мѣшало ему быть блестящимъ и очаровательнымъ.

Сергѣй Александровичъ Понятьевъ служилъ въ Кіевѣ, гдѣ занималъ такъ называемый «переходный» постъ, съ котораго ему видѣлся болѣе или менѣе широкій служебный горизонтъ. Въ губернскій городъ К. онъ пріѣхалъ въ отпускъ, на лѣтніе мѣсяцы, и даже собственно не въ городъ, а въ деревню своего отца, верстахъ въ тридцати отъ города. Но довольно было ему войти въ домъ Рынцевыхъ и увидѣть прекрасные глаза Марьи Владиміровны, чтобы забыть и о деревнѣ, и о лѣтнемъ отдохновеніи отъ зимнихъ трудовъ, и о деревенской роднѣ. Онъ преклонился и отдался въ плѣнъ. Среди мѣстной молодежи онъ выдѣлялся своимъ блѣднымъ, почти строгимъ лицомъ, съ вдумчивыми, пронизывающими глазами, манерой держаться спокойно, увѣренно, съ чув-

Digitized by Google

ствомъ большого достоинства и съ сознаніемъ превосходства надъ другими. Среди губернскихъ простаковъ, чистосердечно выказывавшихъ среди веселья и свой маленькій умъ, и свою большую глупость, онъ казался умницей. На безыскусственныя шутки онъ отвѣчалъ полупрезрительной, полуснисходительной улыбкой, въ большомъ обществѣ предпочиталъ молчать, изрѣдка вставляя замѣчанія, которыя были всегда удачны, потому что обдуманы, и любилъ много, горячо и красиво говорить гдѣ-нибудь въ маленькой гостиной, съ какимъ-нибудь воздушнымъ существомъ, подлежавшимъ очарованію.

Марья Владиміровна остановила на немъ свое вниманіе уже хотя-бы потому, что онъ не походилъ на другихъ, а затѣмъ частыя встрѣчи и интимныя бесѣды докончили дѣло. Она влюбилась въ Понятьева какъ только можетъ влюбиться двадцати-двухъ-лѣтняя дѣвушка, всей обстановкой своей жизни подготовлявшаяся для любви, и только для одной любви. За недѣлю до отъѣзда въ Кіевъ, Понятьевъ былъ объявленъ женихомъ Марьи Владиміровны, а свадьба была рѣшена зимой, для чего онъ долженъ былъ пріѣхать въ К. Потомъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ тянулась самая оживленная любовная переписка, которая прекратилась почти въ тотъ самый моментъ, когда прекратилось все. .

Послѣ его отъѣзда жизнь тянулась обычнымъ порядкомъ: въ квартирѣ Рынцевыхъ не оскудѣвали ни веселье, ни радушіе, ни гостепріимство. Только однажды Марьѣ Владиміровнѣ удалось замѣтить на лицѣ отца что-то похожее на тревогу; но это была только тѣнь, которая разсѣялась при первыхъ звукахъ безшабашной мелодіи цыганскаго романса. Въ другой разъ довелось ей слышать разговоръ между отцомъ и матерью.

— Ты на это рѣшаешься?—съ испугомъ спросила Зинаида Петровна.—Но вѣдь это... Это не наше?...

— Мой другъ,—полусерьезно отвѣтилъ Рынцевъ:—скоро все поправится и мы это возмѣстимъ. Я имѣю въ

Digitized by Google

виду одну вѣрную комбинацію... Во всякомъ случаѣ это—мой предпослѣдній шагъ...

— А послѣдній?

— Послѣдній? Ха-ха-ха? Это мое дѣло!

Зинаида Петровна вышла тогда изъ кабинета съ блѣднымъ, неспокойнымъ лицомъ и была еще больше смущена, когда увидѣла въ гостиной Маничку. Но это у нея скоро прошло, и вечеромъ того-же дня она была беззаботна, какъ всегда.

Марья Владиміровна ничего не поняла изъ этого, по ея мнѣнію, дѣлового разговора. Ей были чужды всѣ эти комбинаціи и шансы. Она не почувствовала, что въ этомъ «дѣловомъ» разговорѣ заключался зародышъ—а можетъ быть, и нѣчто большее—той трагедіи, которая скоро разыгралась.

Это было въ началѣ сентября. Былъ чудный вечеръ, потомъ очаровательная ночь; катались на лодкахъ большой компаніей, пѣли пѣсни на островкѣ, гдѣ, по распоряженію Рынцева, даже оказалось шампанское. Вернулись поздно и улеглись спать. Прошла ночь, наступило утро, взошло солнце. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда въ нижнемъ этажѣ должна была открыться контора, въ кабинетѣ Владиміра Ивановича Рынцева раздался выстрѣлъ. Испуганныя женщины повскакали съ постелей и помчались въ кабинетъ. Рынцевъ дѣйствовалъ навѣрняка и разсчиталъ хорошо. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, съ прострѣленнымъ вискомъ, весь въ крови и безъ всякихъ признаковъ жизни.

Этотъ роковой выстрѣлъ означалъ для Рынцевыхъ вступленіе въ новую эру жизни. Можетъ быть, въ губернскомъ городѣ и были люди, которые предугадывали это событіе; можетъ быть, и сама Зинаида Петровна больше была огорчена, чѣмъ удивлена неожиданностью; но для Марьи Владиміровны это было чѣмъ-то непонятнымъ, невозможнымъ, невѣроятнымъ. Жизнь казалась ей легкой и милой шуткой, въ которой только изрѣдка попадаются серьезные эпизоды, ввидѣ мученій ревности

Digitized by Google

и тоски отъ разлуки съ любимымъ человѣкомъ. Никто никогда не намекалъ ей на то, что это когда-нибудь можетъ кончиться, перемѣниться, что есть и другая сторона жизни, оборотная.

И что развернулось передъ нею втеченіе нѣсколькихъ дней, слѣдовавшихъ за катастрофой? Собственныя средства Рынцевыхъ давно были прожиты, ея личное достояніе, 50 тысячъ, доставшіяся ей отъ бабушки, растрачены и ушли въ ту-же бездну. Но этого мало: въ дѣлахъ конторы оказалась страшная путаница, и въ концѣ-концовъ не досчитались больше сотни тысячъ общественныхъ денегъ.

Очнувшись отъ удара, Зинаида Петровна телеграфировала въ Кіевъ Понятьеву о постигшемъ ихъ горѣ и получила отвѣтъ: «Сердечно сочувствую вашему горю, но помочь ничѣмъ не могу. Вашъ Понятьевъ».

Теперь, когда Марья Владиміровна смотритъ въ маленькое окошко марловской школы и не видитъ ничего изъ того, что раскидывается передъ ея взоромъ, ей ясно представляется все, что произошло втеченіе какихъ-пибудь двухъ недѣль; тогда-же она ничего не понимала, а только чувствовала, что каждое мгновеніе какая-то посторонняя сила наноситъ ей удары въ голову и въ сердце. Пустынный домъ, послѣ вѣчнаго оживленія и веселья, кажется гробомъ. Никто не приходитъ утѣшать, потому что имя ихъ покрылось позоромъ. Но вотъ являются какіе-то люди и на основаніи какихъ-то законовъ описываютъ, разглядываютъ и объясняютъ, что у нихъ нѣтъ ничего, а все, что онѣ считали своимъ, имъ не принадлежитъ.

— Мы—нищіе!—восклицаетъ Зинаида Петровна.—Мы умремъ съ голоду!

Ее больше всего пугаетъ перспектива умереть съ голоду. Недоумѣніе и отчаяніе въ сердцѣ Марьи Владиміровны начинаютъ смѣняться новымъ чувствомъ, чувствомъ злобы къ этой женщинѣ и къ тому человѣку за то, что они не только не сумѣли устроить порядочно

Digitized by Google

ея жизнь, но еще ограбили ее. Зачѣмъ-же они обманывали? Можетъ быть, для ея счастья? Полно! Они сами спѣшили жить и веселиться. Зачѣмъ они заставили ее думать, что всѣ эти почтительныя и заискивающія улыбки окружающихъ веселыхъ людей—чистая монета? А теперь всѣ ихъ презираютъ, никто къ нимъ не завернетъ; даже если кому нибудь изъ знакомыхъ и случится проходить мимо ихъ разоренной квартиры, то онъ нахлобучиваетъ шляпу, чтобъ какъ нибудь нечаянно не встрѣтиться взглядами съ ними

А Зинаида Петровна все восклицала:—«Ахъ, ахъ! Мы умремъ съ голоду! У насъ ничего нѣтъ!» И дѣйствительно, у нихъ ничего не было, не осталось даже мелочи, чтобы послать на базаръ.

Тогда Марьѣ Владиміровнѣ пришла въ голову мысль искать какого-нибудь мѣста: надо же было что-нибудь ѣсть. И она отправилась къ Аркадію Николаевичу Морозову, который у нихъ тоже бывалъ, хотя, какъ очень солидный человѣкъ, только изрѣдка. Этотъ обладатель толстыхъ щекъ, широко разросшихся бакенбардъ и добродушныхъ глазъ занималъ въ губернскомъ городѣ К. довольно вліятельный постъ по учебной части.

— Вы знаете, что случилось!—прямо сказала ему Марья Владиміровна: — намъ ѣсть нечего... Дайте мнѣ какое-нибудь мѣсто...

Морозовъ задумался. Мѣсто этой красивой бабочкѣ, у которой, благодаря несчастному случаю, стерлась съ крыльевъ пыль?

— Какое же вамъ мѣсто, Марья Владиміровна? Я могу только учительское...

— Какое хотите... Что-нибудь! Ахъ, мнѣ это рѣшительно все равно...

— Въ деревнѣ?..

— Куда угодно... Это даже лучше... Подальше отсюда!..

— Пожалуй... Пожалуй!.. Я готовъ для васъ это сдѣлать. Вотъ въ Марловкѣ умерла учительница. Хотите на ея мѣсто?

Digitized by Google

— Все равно!

— Жалованье ничтожно: тридцать пять рублей въ мѣсяцъ...

— Я ѣду... Только поскорѣй, умоляю васъ!..

И вотъ она въ Марловкѣ, въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, которыя не такъ еще давно занимала прежняя учительница, Клавдія Антоновна.

VI.

— Что вы отъ меня хотите? Я не понимаю!... Что вамъ отъ меня нужно?—крайне недружелюбно спрашивала Марья Владиміровна стоявшихъ передъ нею двухъ бабъ. При этомъ по ея нетерпѣливой позѣ можно было заключить, что она сію минуту повернется спиной къ своимъ гостьямъ.

— Уже вы сдѣлайте милость, паняночка, хорошая вы моя, усовѣстите ее... Господомъ-Христомъ прошу... Усовѣстите вы ее, кобылу мою цыгайскую... Ничего я съ нею не могу подѣлать!—говорила, усердно кланяясь ей, сухопарая баба въ фланелевой полосатой кофтѣ и въ затасканномъ шерстяномъ платкѣ на головѣ. Она говорила чистѣйшимъ малороссійскимъ языкомъ.

— Кого? Что? Съ какой стати? Какую кобылу?—все больше и больше раздражаясь, почти крикнула на нее учительница.

— Мою дѣвку, дочку мою! Вотъ она стоитъ, чертовка распроклятая, и морду отвернула!..—пояснила баба, указавъ глазами на здоровую краснощекую дѣвку, которая дѣйствительно «отвернула морду» къ окну и довольно презрительно смотрѣла и на свою мать, и на учительницу. Баба продолжала:—Спозналась она, подлюга каторжная, съ Омельяномъ Цвиркуномъ, а Цвиркунъ ледащій парень и на все село розбышака. А она по ночамъ къ нему на токъ ходитъ и, шкура барабанная, съ нимъ подъ однимъ кожухомъ спитъ...

Digitized by Google

— Послушайте!—задыхаясь отъ гнѣва, промолвила Марья Владиміровна:—какъ вы смѣете разсказывать мнѣ такія вещи? Кто далъ вамъ право? Я ничего не понимаю и ничего не хочу понимать,—ни вашего дурацкаго языка, ни вашихъ дѣлъ!.. Съ какой стати вы врываетесь въ мою квартиру? Я съ вами незнакома, оставьте меня въ покоѣ!...

Она круто повернулась и, гнѣвно захлопнувъ дверь передъ самыми носами бабъ, вбѣжала во вторую комнату и повалилась на кровать.

Что это? Что это? Значитъ, она здѣсь не дома, не хозяйка своего времени: она должна быть—къ услугамъ этихъ бабъ. Нѣсколько дней тому назадъ какой-то старикъ приходилъ просить, чтобы она написала ему письмо къ его сыну, который служитъ въ солдатахъ, гдѣ-то въ Харьковѣ. Она, разумѣется, отказала. Съ какой стати? Церковный староста являлся познакомиться и просилъ крестить у него внука. Этого еще недоставало,—чтобы она заводила себѣ здѣсь родню. Наконецъ, эти глупыя бабы пришли молоть что-то совсѣмъ ужъ непристойное и окончательно вывели ее изъ терпѣнія. И главное, что все это обрушивается на нее одну, потому что Зинаида Петровна почти никогда даже дома не сидитъ. Ужъ она завела знакомство съ семействомъ священника и даже съ помѣщикомъ. Она находитъ, что всѣ они премилые люди и ей съ ними весело. Кажется, она утѣшилась. Помѣщикъ сдѣлалъ визитъ ей, Маничкѣ, но она приняла его сухо и оффиціально, только какъ попечителя школы, а попадья все ждетъ ея визита. Какъ все это безотрадно, скучно и глупо!

А Понятьевъ не пишетъ ни строчки. Неужели и онъ такой же подлецъ, какъ и всѣ остальные, такъ скоро отвернувшіеся отъ нихъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть. Онъ просто не зналъ, гдѣ онѣ, а теперь она ему сообщила свой деревенскій адресъ и онъ навѣрно поспѣшитъ написать ей.

Digitized by Google

Въ сосѣдней комнатѣ разговоръ продолжается. Хивря выползла изъ своей конуры.

— И напрасно ты пришла, Килина, напрасно! Это не Клавдія Антоновна, покойница... Та, бывало, въ чужое горе такъ вникаетъ, какъ въ свое!.. А эта—нѣтъ, у этой суровость какая-то!..

«Опять эта Клавдія Антоновна!—съ злобной досадой подумала Марья Владиміровна:—Опять она! Точно въ этихъ комнатахъ осталась тѣнь ея, которая преслѣдуетъ меня... Что это была за личность? Должно быть, уродъ или старая дѣва, которой не посчастливилось выйти замужъ... Конечно такъ, иначе она не могла-бы возиться съ этимъ грязнымъ народомъ, расчесывать грязную голову дикаго мальчугана... Вотъ пошлое сентиментальничанье, рисовка и ломанье! Я ее ненавижу, какъ личнаго врага!..»

— Господи, Господи! А я-то надѣялась!—говорила баба:—думала, какъ онѣ учительницы и мы къ нимъ съ уваженіемъ,—дѣвка ихъ, можетъ, и послушаетъ... Чего ухмыляешься, корова нѣмецкая? Скоро, можетъ, покрыткой будешь—безсовѣстная дѣвка!.. А я-то надѣялась!.. И скажите на милость Божію, откуда у нихъ такая строгость? Изъ себя такая красивенькая, словно цвѣточекъ... А поди ты!.. Неприступная!.

— Клавдія Антоновна красивѣй была!—съ убѣжденіемъ возражаетъ Хивря.

«Что? Она, эта хапжа, эта ломака, старая дѣва,—была красива и даже красивѣй меня? Этому нельзя повѣрить. Эта Хивря, разумѣется, отъ нея въ восторгѣ, потому что получила отъ нея на память нѣсколько старыхъ платьевъ и еще что-то тамъ...»

Бабы ушли. Хивря опять забралась въ свою конуру. Марья Владиміровна лежитъ на кровати лицомъ вверхъ и не думаетъ ни о чемъ, а только злобствуетъ. Она обводитъ взглядомъ компату и всюду находитъ что-нибудь, напоминающее о Клавдіи Антоновнѣ. Ея мебель, ея книги, чернильница, ковершикъ... И такъ ей хочется все это собрать въ кучу и вышвырнуть за окно.

Digitized by Google

Зинаида Петровна вернулась отъ священника. На дворѣ уже сумерки. Въ квартирѣ прохладно; это—ноябрь. Зинаиду Петровну встрѣтила Хивря и онѣ вмѣстѣ вошли въ комнату. Марьѣ Владиміровнѣ не хотѣлось разговаривать съ матерью. О чемъ? Она будетъ передавать то, о чемъ былъ разговоръ у священника. Пожалуй, тамъ былъ помѣщикъ, и пожалуй, этотъ помѣщикъ-свиноводъ уже ухаживаетъ за нею и не безъ успѣха! Маничка прикинулась спящей, только бы не слышать повѣствованій матери.

— Онѣ, должно быть, заснули!..—шепотомъ сказала Хивря:—а я вамъ скажу—тутъ была Килина съ дочкой...

— Какая Килина?

— Килина Вороненкова...

Хивря подробно разсказала, о чемъ просила Килина, и что ей отвѣтила Марья Владиміровна.

— Онѣ прямо, можно сказать, прогнали ихъ... А это не хорошо, вотъ ей-Богу же не хорошо!.. Клавдія Антоновна всѣхъ, бывало, приметъ, разспроситъ, обласкаетъ и добрымъ словомъ утѣшитъ... Да! И какое къ нимъ уваженіе имѣли! Повѣрьте, даже старые старики, когда Клавдія Антоновна по улицѣ проходитъ, бывало, вставали и шапки снимали и низко кланялись...

«Опять про нее! Опять!» мелькаетъ въ головѣ Манички и она круто повертывается и ложится на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ. Хивря и Зинаида Петровна на полъминуты умолкаютъ.

— Да скажи ты мнѣ, ради Бога, что это была за личность, эта Клавдія Антоновна?—спрашиваетъ Зинаида Петровна въ полъ-голоса, стараясь не разбудить дочь.—Я вездѣ про нее слышу...

— О, хорошая была личность!—восторженнымъ шепотомъ отвѣчаетъ Хивря:—ужъ это именно—личность... Я вамъ скажу, что это была не женщина, а какъ бы сказать—ангелъ... Вотъ истинное слово—ангелъ!.. Какіе она труды несла, прямо сказать—мученическіе... И все по своей волѣ, никто не заставлялъ, никто... Что-жъ,

Digitized by Google

учительница, извѣстно, должна обучать грамотѣ, а больше ничего, вотъ какъ ваша барышня и дѣлаетъ. А она... Господи, какіе труды она несла!..

— Да кто она такая была?

— Какъ, кто такая? Клавдія Антоновна кто такая?

— Ну, да... То-есть какого она происхожденія?

— Она происхожденія высокаго!—съ чувствомъ гордости произнесла Хивря, и до того глубоко было въ ней это чувство, что шепотъ ея непроизвольно перешелъ въ густыя грудныя ноты:—она—генеральская дочь! Да!

— Неужели?

— Генеральская!.. Я своими глазами видѣла...

— Что ты видѣла?

— А то видѣла, какъ пріѣзжалъ сюда къ ней самъ генералъ, Клавдіи Антоновны папенька, да!.. Пріѣзжалъ, весь, можно сказать, въ золотѣ, и на плечахъ золото, и поясъ золотой, и шабля золотая, и медаль и прочее... А вы какъ думали? Вы думали, она изъ простыхъ? Нѣтъ, генеральская дочь!

— Но что же ее заставило?

— То-есть чтобы, значитъ, въ учительскую должность пуститься?

— Да, да!..

— А Богъ ее знаетъ. Это намъ неизвѣстно. Знаю только, что генералъ дѣйствительно пріѣзжалъ изъ дальняго города, чуть-ли не изъ самаго Кіева. И она его папенькой называла. Онъ ее всячески переманивалъ къ себѣ жить, а она ни за что. Молилъ онъ ее, плакалъ передъ нею, сама видала, какъ плакалъ. А потомъ это увидѣвши, что ничего слезами не подѣлаешь, грозить сталъ. Кулакомъ по столу стучитъ да кричитъ: я тебя заставлю, я тебя черезъ полицію выпишу, по этапу, говоритъ... А она—ничего, молчитъ, только головой качаетъ... А на-послѣдокъ онъ сказалъ: ну, говоритъ, ежели ты такъ отцу родному напротивъ идешь, такъ вотъ же тебѣ: отказуюсь отъ тебя на вѣки-вѣковъ, никакого тебѣ наслѣдства отъ меня не будетъ во вѣки-вѣ-

Digitized by Google

ковъ. А она: какъ, говоритъ, вамъ угодно, папенька, а я своего рѣшенія не могу перемѣнить... Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ.

— И ты говоришь, что она была молодая?

— Совсѣмъ молоденькая... Годковъ такъ съ двадцать-три, ну, вотъ какъ ваша барышня... А красавица какая, Господи ты Боже мой, какая красавица!..

— Красавица, говоришь?

— Краля, настоящая краля!.. Ежели вамъ угодно, я могу ея потретъ показать...

— А есть?

— Есть. Онъ у меня въ такомъ мѣстѣ, что никто не найдетъ... Въ шкапѣ... Можетъ, оно и грѣхъ, а я его какъ-бы икону берегу, потому я такъ считаю, что душа у нея была святая... Ей-Богу!.. И я уже такъ полюбила ее, покойницу, дай ей Господи мирное упокоеніе... Коли хотите, пойдемте въ школу, покажу вамъ...

— Пойдемъ, пойдемъ, покажи! — Зинаида Петровна очень заинтересовалась портретомъ прежней учительницы. Что она была красавица, это твердили всѣ—и батюшка, и матушка, и поповна, и помѣщикъ. У помѣщика при этомъ на лицѣ появилась какая-то мрачная тѣнь, означавшая, повидимому, что у него была съ покойницей какая-то непріятная исторія.

— Н-да, она была красива, этого отнять у нея нельзя!—говорилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что всѣ другія ея достоинства онъ готовъ оспаривать. — Но, — прибавлялъ онъ, — но странная женщина.

— Что-же именно?

— Какъ вамъ сказать? Я считаю, что въ ней не было совсѣмъ сердца...

— Безсердечная была?

— Нѣтъ, не то, чтобъ безсердечная. Насчетъ милосердія къ ближнимъ и... тамъ прочее разное такое, она была, какъ говорятъ, очень даже чувствительна. Но вы понимаете,—дѣвушка въ деревнѣ одна скучать дол-

Digitized by Google

жна и, такъ сказать, благодарить судьбу, если она посылаетъ ей мужчину пріятнаго и любезнаго... Понимаете? Я не говорю, чтобъ что-нибудь такое... А просто — времяпрепровожденіе... Но она—прямо никакихъ... Однѣ дерзости... Очень странная была женщина!...

Зинаида Петровна совершенно правильно поняла смыслъ этого разсказа. «Слѣдовательно, онъ къ ней приставалъ съ предложеніями, а она послала его къ чорту», мысленно объяснила она.

Обѣ женщины вышли въ школьную комнату.

VII.

Марья Владиміровна поднялась съ постели. Ее самое поразило, что она вдругъ почувствовала интересъ къ прежней учительницѣ. «Неужели она была красива?» спрашивала она и почему-то этотъ вопросъ какъ-бы задѣвалъ ее за живое и ей хотѣлось поскорѣе разрѣшить его. «Молода, красива, генеральская дочь... Отецъ пріѣзжалъ, упрашивалъ... И такая судьба!.. Добровольная пытка... Что это значитъ? Почему?»

Рѣшительно не могла постигнуть Маничка, что способно было-бы заставить дѣвушку, обладавшую такими средствами быть вполнѣ счастливой, втиснуть себя въ эту узкую, непріятную нору, осудить себя на скучную жизнь, на тоску, одиночество, бѣдность. Она понимала свое положеніе: ей ничего не оставалось, какъ это; но чего только ни отдала бы она за то, чтобы избавиться отъ теперешней своей скучной доли! А тутъ вдругъ говорятъ ей о дѣвушкѣ, которая добровольно взяла эту долю и отвергла лучшую.

«Неужели она была красива?» Ей казалось, что этотъ вопросъ очень важенъ и можетъ разрѣшить всѣ ея недоразумѣнія: если она была красива, то въ ея жизни была какая-нибудь тайна; если нѣтъ, если, напротивъ, она была уродлива, то все ясно: самолюбіе загнало ее въ глушь, большое самолюбіе женщины, которая не могла вынести второстепенной роли въ обществѣ.

Digitized by Google

Впрочемъ, недоумѣнія ея очень скоро сами собой разсѣялись. Она даже улыбнулась, вспомнивъ, изъ какого источника исходили всѣ эти похвалы красотѣ прежней учительницы. О, конечно, она была красивѣй Хиври, да по всей вѣроятности, красивѣй и матушки, и поповны (Маничка ихъ не видала, но ея озлобленное воображеніе рисовало ихъ портреты не въ слишкомъ лестномъ для нихъ видѣ) и, понятно, поэтому казалась имъ красавицей. Помѣщикъ-свиноводъ, по всей вѣроятности, — медвѣдь, ничего не видавшій, кромѣ своей берлоги и тѣхъ же матушки и поповны,—съ своей стороны долженъ былъ преклоняться передъ ней. И вотъ разгадка всей этой легенды.

У Манички на душѣ становилось легче по мѣрѣ того, какъ она собственною властью развѣнчивала прежнюю учительницу. Оставалось только покончить съ миѳомъ о генералѣ. Но это не такъ трудно было сдѣлать. Кто видѣлъ этого генерала? Хивря, все та же Хивря, этотъ главный источникъ славы прежней учительницы. Боже мой, гдѣ училось это жалкое созданіе различать чины и мундиры, и кто можетъ поручиться за то, что этотъ генералъ не былъ просто военнымъ писаремъ или телеграфистомъ?

«И все-таки выходитъ, что она была ханжа, ломака и больше ничего! Иначе... иначе ничего этого нельзя было-бы объяснить!»

Вошла Зинаида Петровна и зажгла свѣчу.

— А ты не спишь уже? Я не хотѣла тебя безпокоить и потому ушла въ школу.

— Какъ вы любезны!.. Даже удивительно!—съ ѣдкой улыбкой произнесла Марья Владиміровна.

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Я всегда, кажется, заботилась о твоемъ здоровьѣ и о прочемъ...

— И о счастьѣ, не правда-ли?

— Ахъ, довольно упрековъ... Довольно!..

Зинаида Петровна взялась за виски въ знакъ того, что упреки производятъ у нея мигрень; но этого вовсе

Digitized by Google

не было. Она принадлежала къ тѣмъ счастливымъ существамъ, которыя не умѣютъ надолго сосредоточиваться на своихъ ощущеніяхъ. Они привыкаютъ и приспособляются ко всякому положенію. За два мѣсяца она научилась пропускать мимо ушей колкости дочери, которыя еще такъ недавно вызывали у нея слезы. Общество матушки и поповны, которое она сперва находила ужаснымъ, теперь уже казалось ей пріятнымъ и она съ полнымъ интересомъ относилась къ тѣмъ-же деревенскимъ сплетнямъ и маленькимъ исторіямъ, которыя и ихъ занимали. Помѣщикъ въ началѣ знакомства просто испугалъ ее своей грубостью, но она настолько съ нимъ освоилась, что не безъ пріятности гуляла съ нимъ подъ-ручку въ небольшомъ садикѣ батюшки.

— Я не понимаю, почему ты до сихъ поръ не соберешься къ батюшкѣ!—продолжала Зинаида Петровна:— Это положительно неловко. Онъ законоучитель, я тамъ бываю, а ты—ни разу, даже не познакомилась... Увѣряю тебя, что они вовсе не такое уже дурное общество, какъ ты думаешь... Они могли бы развлечь тебя...

— Въ особенности этотъ свиноводъ и попечитель школы!... Не правда-ли?

— А что-жъ такое? Это ты о немъ напрасно такъ отзываешься... Онъ человѣкъ приличный и любезный. Очень даже любезный человѣкъ...

— Ха-ха-ха!..—вдругъ звонко и, какъ показалось Зинаидѣ Петровнѣ, обидно разсмѣялась Маничка.

— Что-жъ тутъ смѣшного? Не понимаю!..—обидчиво возразила Зинаида Петровна.

— Ахъ, какъ я была глупа, какъ я была слѣпа!—выразительно подчеркивая слова, промолвила Марья Владиміровна:—Ничего я не видала и не понимала... А теперь я васъ насквозь вижу, да это и не трудно, потому что вы прозрачны... И какъ я только могла уважать васъ! Ха-ха-ха!..

— Но, Маничка, это слишкомъ, такъ говорить... Я мать... Это—слишкомъ...

Digitized by Google

— Послѣ того, что вы со мной сдѣлали, ничего не слишкомъ!.. Все, что ни есть самаго злого, оскорбительнаго,—все вамъ впору. И вы должны слушать, потому что вы заслужили!—съ сверкающими глазами произнесла Маничка.—Ахъ, да еслибы вы знали, сколько во мнѣ злобы сидитъ противъ васъ... противъ обоихъ васъ,—даже самой противно...

Зинаида Петровна смолчала. Она и такъ знала, что Маничка страшно озлоблена противъ нея. Но вѣдь съ этимъ ничего не подѣлаешь. Время пройдетъ и она смягчится: время все сглаживаетъ.

Маничка встала и начала ходить по комнатѣ. Это было крайне неудобно, потому что комната была миніатюрна; но изъ того, что она почувствовала потребность ходить по комнатѣ, Зинаида Петровна заключила, что въ головѣ ея бродитъ какая-то новая мысль, мысль далеко не мирнаго свойства, и ждала бури. Маничка шагала нѣсколько минутъ молча, потомъ спросила, не переставая ходить:

— Какъ вы думаете, мама, почему Понятьевъ ни одной строчкой не отвѣтилъ на мое письмо?

Спросила она это не простымъ вопросительнымъ тономъ, а скорѣе—тономъ строгаго допроса. Этого совсѣмъ не ожидала Зинаида Петровна и не сразу нашлась, что отвѣтить. Она-то знала, почему Понятьевъ не пишетъ: Понятьевъ такой же человѣкъ, какъ и другіе. Маничка, конечно, ему нравилась, это такъ понятно; но, разумѣется, онъ имѣлъ въ виду и ея приданое. Приданаго этого вдругъ не оказалось. Кромѣ того—вѣдь онъ не восемнадцатилѣтній юноша, чтобы не думать о своей карьерѣ. А женитьба на дочери человѣка, растратившаго чужой капиталъ и своимъ послѣднимъ выстрѣломъ оповѣстившаго объ этомъ всю Россію, быть можетъ, не всѣми была бы одобрена. Но ничего этого Маничкѣ она не сказала.

— Почему, я васъ спрашиваю, онъ не отвѣтилъ?—настойчиво повторила свой вопросъ Марья Владиміровна.

Digitized by Google

— Богъ же его знаетъ, почему... Мало-ли какія могутъ быть обстоятельства!—уклончиво отвѣтила Зинаида Петровна.—Можетъ, письма не получилъ, или что другое...

— Гм... Письма не получилъ!.. Какъ же! А телеграмму его помните? Хороша была телеграмма! «Сочувствую, но, къ сожалѣнію, помочь ничѣмъ не могу!» И какъ скоро все это понялъ и круто повернулъ!.. Какой мерзавецъ!

— Господи, какія слова!

— Эхъ, слова! Слова васъ пугаютъ! И всегда-то вы такая были... А у меня не слова, а обида... Какого человѣка любила и цѣловала, какому негодяю довѣрилась! А вы ничего! Вамъ все равно! Вы объявили меня невѣстой его и съ радостью отдали бы замужъ, даже и не подумавъ узнать его хоть настолечко! Что онъ красивъ, прилично одѣтъ, платковъ изъ кармана не воруетъ—значитъ хорошій человѣкъ и прекрасный женихъ для вашей дочери... Ахъ, сслибы мнѣ какъ-нибудь все забыть,—я не знаю, что отдала бы за это!.. Послушайте!—прибавила она, остановившись передъ матерью,—что-жъ вы ничего не сообщаете мнѣ объ этой вашей красавицѣ?

— Какой красавицѣ?

— Да этой... Клавдіи Антоновнѣ.

— Что же я могу сообщить?

— Да вѣдь вы же только что ходили смотрѣть ея портретъ...

Зинаида Петровна сдѣлала удивленные глаза.

— Ты слышала? Ты не спала?

— Ну, да... Ну, и что же? Она красива?

— Какъ тебѣ сказать... Я, право, затрудняюсь опредѣлить...

Зинаида Петровна затруднялась не потому, чтобы не составила себѣ опредѣленнаго мнѣнія о наружности Клавдіи Антоновны, а потому, что боялась новой бури со стороны дочери. Она знала о ея настроеніи по отношенію къ прежней учительницѣ, знала, что Маничка не позво-

Digitized by Google

литъ ей быть красивой, а въ особенности красивѣй ея самой. Но лгать тоже не было разсчета, потому что вѣдь Маничка легко можетъ провѣрить. Она докончила, призвавъ на помощь всѣ дипломатическія способности своего ума:

— Видишь, по карточкѣ нельзя судить.... Карточки часто даютъ невѣрное понятіе. Вѣроятно, и здѣсь...

— Перестаньте путаться и врать, chère maman... Покажите мнѣ карточку...

— Это надо Хиврю попросить... Она спрятала!—отвѣтила Зинаида Петровна такимъ неувѣреннымъ тономъ, будто сомнѣвалась, что Хивря согласится показать Маничкѣ карточку.

— Послушайте, Хивря!—крикнула Марья Владиміровна въ чуланъ:—покажите-ка мнѣ карточку прежней учительницы!

Хивря, уже было возлегшая на свое узкое ложе, зашевелилась и высунула голову изъ чулана.

— Я вамъ не покажу, барышня!—сказала она, сперва основательно обсудивъ этотъ вопросъ, и покачала головой.

— Это почему?

— А потому, барышня, что вы ненавистны къ ей, къ покойницѣ... Покажи вамъ, а вы надругаетесь надъ ею...

— Что такое? Что-же я, бѣшеная собака, что-ли? На все набрасываюсь, рву и мечу? Что за глупости вы говорите? Надругаетесь! Чортъ знаетъ что такое!...

— Нѣтъ, не то чтобы... А дѣйствительно злости въ васъ, барышня милая, очень много... Такъ она въ васъ ходуномъ и ходитъ... А мнѣ она, покойница, вотъ какъ дорога... Роднѣе родной!..

«А вѣдь это правда, что злость во мнѣ ходуномъ ходитъ и что я, пожалуй, способна, какъ она говоритъ, «надругаться». Какъ это гнусно и во что я превратилась! Въ злючку какую-то»!

— Я вамъ даю честное слово, Хивря,—болѣе мяг-

Digitized by Google

кимъ тономъ сказала Маничка,—что только посмотрю и отдамъ и ничего не скажу!..

Хивря еще разъ обсудила этотъ вопросъ, еще разъ покачала головой и наконецъ пошла въ школу. Маничка ходила по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Точно какая-то невидимая сила незримо связала ея судьбу съ судьбой прежней учительницы; точно это не простая случайность, что она живетъ въ той-же квартирѣ, гдѣ та жила, спитъ на ея кровати и пользуется ея мебелью. Что-то связывало ихъ и заставляло Маничку относиться къ своей предшественницѣ страстно и, конечно, несправедливо.

Хивря вошла и подала ей карточку. Это былъ довольно большой кабинетный портретъ, съ нѣсколько выцвѣтшими золочеными краями.

— Вотъ она мнѣ, покойница, и надпись надписала, только что я плохо разбираю по писанному!...—любовно сказала Хивря, указывая на строчки на оборотной сторонѣ.

Маничка не спѣша подошла къ столу, гдѣ горѣла свѣча. Она взяла себя въ руки и рѣшила «не набрасываться». Она сѣла, поставила свѣчу поудобнѣй и, чтобы доказать самой себѣ свое спокойное отношеніе къ дѣлу, начала сперва разсматривать надпись.

Почеркъ былъ женскій, — мягкій и растяжистый, но ровный и увѣренный. Было написано: «Самой доброй на свѣтѣ душѣ, сердечному моему другу—Хиврѣ», и подпись: «Клавдія Порховская».

«Ну, это уже слишкомъ!—подумала Маничка: —Хивря — сердечный другъ! Что могло быть общаго между нею и Хиврей? Какъ-же это не ломанье?» Она медленно перевернула карточку на другую сторону и сейчасъ-же строго нахмурила брови. Почему-же? Красавицы передъ нею не было. Ни безукоризненно правильныхъ чертъ, ни тонкихъ линій, ни строгаго профиля. Носъ чуть-чуть вздернутъ кверху, губы тонкія, полуулыбающіяся, глаза большіе, мягкіе, волосы зачесаны гладко кверху и от-

Digitized by Google

крываютъ довольно большой лобъ. Но столько въ этомъ лицѣ было милаго, симпатичнаго, сердечнаго, простого, такъ ясно смотрѣли эти глаза и смотрѣли прямо въ душу, и такъ отрадно было чувствовать на себѣ этотъ примиряющій взглядъ, что даже въ озлобленной душѣ Манички вдругъ зашевелилось какое-то доброе чувство къ этой женщинѣ. Это именно было лицо человѣка, отрѣшившагося отъ всего мелочного и сквернаго, лицо, проникнутое любовью, и какъ-бы говорившее: «Я люблю всѣхъ людей, и тебя люблю, тебя, которая меня ненавидитъ!» И стыдно стало Марьѣ Владиміровнѣ за свои прежнія чувства къ этой дѣвушкѣ, и поняла она, что не жалкое самолюбіе заставило ее отказаться отъ свѣтскихъ радостей жизни и поселиться въ этой глуши, а что-то другое. Но что-же, что? Этого Маничка не могла себѣ представить. Она положила карточку на столъ, отодвинула свѣчу и взглянула на Хиврю. Та стояла съ умиленнымъ лицомъ и, казалось, понимала уже, какое впечатлѣніе произвела на злобную барышню ея любимица.

— Ндравится вамъ?—спросила она.

— Чудное лицо! Чудное лицо!—отвѣтила Марья Владиміровна.

Хивря посмотрѣла на нее любовно. За этотъ отзывъ она простила учительницѣ все прежнее.

— А вы, барышня, посмотрите еще. На нее когда смотришь, то чувствуешь, будто въ раю!..

Зинаида Петровна одѣвала шляпу. У батюшки предположенъ былъ маленькій вечеръ, гдѣ будутъ помѣщикъ и еще кой-кто изъ деревенской аристократіи.

— Ты не пойдешь? Очень просили!—спросила она у дочери.

Маничка отрицательно покачала головой, а Зинаида Петровна знала, что больше ужъ нечего просить, все равно — ничего не выйдетъ. Она поглядѣлась въ маленькое зеркальце, нашла, что шляпа ей къ лицу, и ушла.

Digitized by Google

Хивря горѣла нетерпѣніемъ просвѣтить Марью Владиміровну насчетъ прежней учительницы. Для этой совершенно одинокой женщины, заброшенной сюда судьбой изъ далекихъ мѣстъ (гдѣ-то на Дону была ея родина), не было высшаго наслажденія, какъ говорить о той, которая отнеслась къ ней сердечно и назвала ее другомъ.

— Вотъ такая-жъ у нея и душа была ангельская, какъ лицо!—промолвила она.

— Скажите мнѣ, Хивря, неужели послѣ ея смерти никто объ ней не справлялся?—спросила Маничка.

— Ни одинъ человѣкъ! И такъ вотъ все, что у нея было, осталось ничье... Господь ихъ знаетъ!.. И одежа, и посуда, и книжки, и бумаги разныя... Полный столъ бумагъ!... Бывало, по вечерамъ сидитъ голубушка и пишетъ, пишетъ. Спросишь: что это вы все пишете, Клавдія Антоновна? А это, говоритъ, я свои мысли записываю. И множество бумаги переписала она. Вотъ поглядите.

Хивря открыла ящикъ стола, вынула оттуда толстую тетрадь и подала ее Маничкѣ.

«Моя жизнь, мои мысли и чувства», было написано на первой страницѣ. Маничка придвинула свѣчу, облокотилась обѣими руками на столъ и съ жадностью принялась за чтеніе. Хивря постояла съ минуту, потомъ, какъ-бы не желая мѣшать столь великому дѣлу, какъ чтеніе бумагъ ея «ангела», на цыпочкахъ удалилась въ свой чуланъ.

VIII.

«Двѣ миніатюрныхъ комнатки, столъ, стулъ, кровать—и я одна. А впрочемъ нѣтъ, не одна: тамъ въ чуланѣ возится и вздыхаетъ какая-то старушонка, по имени Хивря. Цѣлая амфилада большихъ свѣтлыхъ комнатъ, ковры, гардины, диваны, диванчики, столы, столики, канделябры, картины, бездѣлки,—красиво, уютно, покойно. Какая огромная разница!

Digitized by Google

«Папа въ кабинетѣ; большимъ изящнымъ ножемъ изъ слоновой кости въ золоченой оправѣ (ножъ этотъ поднесли ему офицеры, когда онъ покидалъ прежній полкъ) онъ громко разрѣзываетъ листы только что полученнаго военнаго журнала. Мама въ гостиной разсматриваетъ картинки модъ; передъ нею стоитъ портниха Егорьева,—вопросъ идетъ о нашихъ съ Лидой весеннихъ туалетахъ. Бабуся тутъ-же вяжетъ гарусомъ кружки для свѣчей — это двѣсти-четвертый кружокъ, связанный въ ея жизни. Жизнь ея теперь какъ-бы вся сосредоточилась въ этихъ кружкахъ; переходъ отъ желтаго цвѣта къ розовому, отъ розоваго къ голубому достаточно разнообразитъ эту жизнь. Кружки идутъ въ ежегодную благотворительную лотерею. Кромѣ того, бабуся еще читаетъ евангеліе по утрамъ и молится Богу. Лида въ залѣ пересматриваетъ ноты, сейчасъ сядетъ за экзерсисъ; а я просто подбѣгаю ко всѣмъ имъ по-очереди и чему-то улыбаюсь безъ всякой причины, и мнѣ всѣ улыбаются. Это потому, что я ихъ всѣхъ люблю и меня всѣ любятъ. Я младшая дочь, я баловница.

«Я только и умѣю, что любить ихъ; а больше ничего не умѣю. Я даже не умѣю рядиться, потому что объ этомъ всегда думаетъ мама. Ужъ она отлично знаетъ, когда надо подумать о новомъ платьѣ, о новой кофточкѣ, накидкѣ, какіе подобрать цвѣта, что мнѣ къ лицу, что лучше оттѣняетъ контрастъ между нѣжно-розовымъ цвѣтомъ моихъ щекъ и темными густыми волосами, между свѣтлыми голубовато-сѣрыми глазами и длинными черными рѣсницами и черными бровями. Мама все это знаетъ и мнѣ нѣтъ надобности думать объ этомъ. Я никогда не думаю о томъ, что мнѣ хочется ѣсть, надо позавтракать, поужинать, закусить сладенькаго. Ужъ объ этомъ обо всемъ подумаетъ бабуся. Она все еще думаетъ, что я маленькая, хотя мнѣ уже 19 лѣтъ.

«Клавѣ закусить пора! сварите Клавѣ какао! Принесите Клавѣ винограду!» И ужъ тутъ хочется не хо-

Digitized by Google

чется, а надо ѣсть и пить, иначе бабуся обидится. «Ты меня совсѣмъ разлюбила, Клава!»—скажетъ и поднесетъ платокъ къ глазамъ. Впрочемъ, слезъ у нея нѣтъ, поэтому она сморкается. Нѣтъ, мнѣ совсѣмъ не о чемъ думать. Если я слегка простудилась, папа утромъ или вечеромъ, когда я цѣлую его бритую щеку, увидитъ это въ моихъ глазахъ прежде, чѣмъ я сама почувствую. «У тебя жарокъ, дѣвочкѣ нездоровится», скажетъ онъ и сейчасъ-же пошлетъ тревожную записку Семену Андреевичу, нашему старому доктору; Семенъ Андреевичъ прилетитъ, пощупаетъ пульсъ мой, заставитъ показать ему языкъ, чего я не могу сдѣлать безъ хохота, и уложитъ въ постельку.

«Я всегда бываю очень рада, когда Семенъ Андреевичъ уложитъ меня въ постельку. Постелька у меня мягкая, одѣяльце бѣлоснѣжное, пушистое, комната наша съ Лидой вся розовая, свѣтлая. Но Клава нездорова, у дѣвочки легкій жарокъ, — поэтому на окнахъ спускаются шторы и въ комнатѣ дѣлается розоватый пріятный полумракъ. Кругомъ тихо. Если кто заходитъ въ спальню, то ему говорятъ: «Тише, не безпокойте Клаву, ей нездоровится». Если входятъ въ нашу комнату, то стараются не скрипѣть дверью и ходить на цыпочкахъ. Предполагается, что бѣдная Клава спитъ, а Клава и не думаетъ спать; она только закрыла глазки и нѣжится. Ей это нравится, что всѣ объ ней думаютъ и принимаютъ ее въ разсчетъ, — вотъ и все. Маленькій эгоизмъ, не больше. Любитъ Клава также и діэту, которую предписалъ ей Семенъ Андреевичъ: крѣпкій бульонъ, зеленый горошекъ, куриная котлетка и компотъ изъ сливъ; собственно говоря, она терпѣть не можетъ бульона и компота изъ сливъ, но ѣстъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, потому что ей интересно и смѣшно, какъ всѣ на нее жалобно смотрятъ. А она ужъ давно здорова, да и была-ли больна—Богъ ее знаетъ: этотъ грѣхъ лежитъ на душѣ Семена Андреевича.

«Я красотка, это мнѣ достовѣрно извѣстно. Это мнѣ

Digitized by Google

говорятъ рѣшительно всѣ — и свои, и посторонніе. Я стройна какъ пальма,—это утверждаетъ бабуся; у меня какая-то особенная посадка головы, какъ у Венеры Милосской: папа это навѣрное знаетъ, потому что онъ ѣздилъ въ Парижъ и бывалъ въ луврскомъ музеѣ. Шейка у меня стройная и молочнаго цвѣта, — это я сама провѣряла въ зеркалѣ; въ самомъ дѣлѣ — точно молоко. Говорятъ, что это большая рѣдкость — черныя рѣсницы и брови при свѣтлыхъ глазахъ. А у меня такъ и есть. Мама однако говоритъ, что у меня неправильныя черты лица, но что это ничего и что я все-таки красотка.

«Я забыла еще прибавить, что мнѣ не приходится думать даже о томъ, какъ провести время, повеселиться, развлечься: поѣхать-ли въ театръ, въ циркъ (я страстно люблю циркъ!), къ знакомымъ или назначить вечерокъ у насъ. Обо всемъ этомъ позаботится Лида. Лида старше меня на два года, и я думаю, что она красивѣй меня; но всѣ, кажется, думаютъ иначе. Она солидна, лицо правильное, строгое и холодный взглядъ у нея. Я живая, подвижная, веселая, люблю прыгать, смѣяться, танцовать, а она почти никогда не смѣется, а только улыбается. Она, кажется, и не умѣетъ смѣяться. Что-нибудь очень потѣшное—я хохочу до слезъ, а она улыбается. Движенія ея медленны; она много читаетъ,— все длинные романы,—а еще больше думаетъ. Сядетъ съ книгой и задумается, а книга лежитъ на колѣняхъ. Вотъ какая Лида. Она не нравится мужчинамъ; они, кажется, боятся ее. Но я люблю Лиду, потому что она ко мнѣ добра и на меня никогда не смотритъ тѣмъ холоднымъ и безстрастнымъ взглядомъ, которымъ глядитъ на другихъ. Лида чудно играетъ на фортепіано. Она много работаетъ, иногда сидитъ по четыре часа сряду. Учитель музыки Завялко говоритъ, что у нея большой талантъ, а у меня нѣтъ никакого таланта. Я ей не завидую и очень рада, что у меня нѣтъ никакого таланта. Когда есть талантъ, то надо по четыре часа подъ-рядъ

Digitized by Google

сидѣть за фортепіано. А я-бы умерла отъ скуки, если-бы мнѣ пришлось это. Больше четверти часа не могу. Слава Богу, что у меня нѣтъ таланта.

«Я положила перо и прочитала все, что написала. Странное дѣло! У меня, оказывается, много воображенія. Я написала такъ, какъ будто я теперь такая-же, какъ была тогда. А я думала, что все уже настолько перемѣнилось, что я не смогу даже вообразить, какъ это тогда было. Но нѣтъ, все вышло совершенно такъ, какъ было тогда: бабуся вышла какъ живая, хотя ужъ теперь ея нѣтъ на свѣтѣ. А Лида... бѣдная моя Лида! Впрочемъ, тогда «маленькая эгоисточка» тебя еще любила, искренно любила...

«Мнѣ приходитъ въ голову вопросъ: зачѣмъ я это пишу? Нѣтъ, сперва: почему? а потомъ — зачѣмъ? Почему? Потому, что въ душѣ моей много мыслей, впечатлѣній и образовъ, и тяжело ихъ держать въ себѣ закрытыми навсегда. Въ моей жизни много поучительнаго. Я не хочу лгать перомъ, потому что я никогда языкомъ не лгу. Я не хочу увѣрять себя, что пишу безъ всякой цѣли, для себя одной, и желаю, чтобъ эта тетрадь никому не попалась въ руки и никто-бы ее не прочиталъ. Нѣтъ, я пишу не для себя, а для другого; для кого—не знаю. Я увѣрена, что если моя тетрадь попадется человѣку, у котораго въ сердцѣ накопилось много обиды и злобы, и онъ не знаетъ, гдѣ найти примиреніе, то онъ найдетъ примиреніе въ этой тетради. Вотъ и отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ? Поэтому я не просто записываю, что приходитъ въ голову, а стараюсь, привожу въ порядокъ мои мысли и чувства, я хочу быть убѣдительной...

«Намъ живется не то, чтобы очень весело, но такъ, что я не замѣчаю, какъ идетъ время. Съ утра до ночи

Digitized by Google

время такъ пріятно занято, что ни на одну минуту не приходится пожалѣть, что оно проходитъ. У насъ не однѣ забавы, о нѣтъ! Папа серьезный человѣкъ, самъ много часовъ сидитъ въ кабинетѣ, читаетъ и даже пишетъ. Есть у него очень толстая тетрадь, въ которую онъ каждый день что-то вписываетъ. Онъ говоритъ намъ: «Я далеко не сторонникъ такъ называемаго женскаго образованія въ томъ смыслѣ, чтобы женщина покидала семью и отправлялась на поиски какой-нибудь ученой степени. Зачѣмъ ей степень? Развѣ мужчина, выбирающій себѣ жену, спрашиваетъ ее о томъ, есть-ли у нея ученая степень? Но я признаю, что женщина имѣетъ право быть образованной». Поэтому къ намъ, послѣ того какъ мы кончили пансіонскій курсъ, ходили два учителя: Марковъ—очень старый профессоръ, уже давно выслуживший пенсію (онъ признавалъ и зналъ литературу только до Лермонтова, а все, что было послѣ, какъ бы не существовало), и Кандидовъ—молоденькій доцентъ, читавшій намъ исторію. Кандидовъ былъ красивый брюнетъ, всегда изящно одѣвался и ухаживалъ за своей бородой и усами. Но читалъ онъ плохо,—путался, краснѣлъ и постоянно искалъ словъ. Мы ему не вѣрили и на его лекціяхъ зѣвали.

«Днемъ мы съ Лидой и съ мамой катались въ нашемъ экипажѣ. Я забыла сказать, что тогда мы жили въ Одессѣ, гдѣ красивый бульваръ и рядомъ съ нимъ ровная, гладкая асфальтовая мостовая. Тамъ мы любили кататься. Лошади идутъ шагомъ. Колеса беззвучно катятся по мостовой, точно по полу, застланному ковромъ. Мы молчимъ и смотримъ на заливъ, усѣянный судами, испещренный флагами, заливъ съ шныряющими пароходиками, и набережную съ непрестаннымъ движеніемъ телѣгъ, вагоновъ и локомотивовъ. Заливъ расширяется и переходитъ въ море, — открытое, безбрежное и величественное море, отъ котораго на насъ вѣетъ свѣжестью и какой-то необъятностью. Хорошо! Чудно хорошо!

«Вечеромъ мы въ театрѣ, или у знакомыхъ, или

Digitized by Google

знакомые у насъ. Ихъ очень много: офицеры, адвокаты, чиновники, учителя. Всѣ очень милые люди, съ ними очень пріятно проводится время,—не особенно весело, но пріятно. Пріятно потому, что все проходитъ безслѣдно, ничего не задѣвая въ душѣ, и когда они расходятся или когда мы пріѣзжаемъ домой, я ложусь въ постель и засыпаю безъ волненія, безъ мысли. Лида долго, очень долго читаетъ въ постели одинъ изъ своихъ толстыхъ романовъ, и иногда утромъ встаетъ блѣдная, съ красными глазами; а я ничего не читаю и всегда встаю розовенькая и съ веселыми глазками. Я не люблю волненій, ни сладкихъ, ни мучительныхъ. Зачѣмъ? Такъ пріятно живется, когда не чувствуешь, бьется у тебя сердце или нѣтъ. А оно вѣдь все равно бьется.

«Все, что я говорю здѣсь, было, но потомъ перестало быть. Объ этомъ я скажу послѣ, а теперь только замѣчу, что въ то время, какъ оно уже перестало быть, всѣ думали, что оно продолжается. Клава казалась неизмѣнной; у Клавы нашелся талантъ, котораго никто не подозрѣвалъ: она прикидывалась и очень искусно. Клава почувствовала, что у нея есть сердце; ужъ это было не хорошо, но она вела себя такъ, какъ будто этого не чувствовала.

«Въ домѣ у насъ появился новый человѣкъ. Онъ былъ у насъ уже три раза, и я замѣтила, что папа съ нимъ любезнѣе, чѣмъ съ другими. Не то, чтобъ онъ за нимъ ухаживалъ или какъ-нибудь унижался,—нѣтъ, папа этого никогда не сдѣлалъ бы; но его дѣлали центромъ всего, что происходило въ нашемъ домѣ. Говорятъ о чемъ-нибудь, спорятъ, и папа непремѣнно обратится къ нему, хотя бы онъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ:

«—Какъ вы объ этомъ думаете, князь?

«Случится что-нибудь въ домѣ,—ну, напримѣръ, у бабуси ревматизмъ разыгрался,—папа ему первому сообщитъ, какъ будто это уже навѣрное извѣстно, что онъ интересуется нашими семейными дѣлами. Его отличали и папа, и мама, и даже бабуся, когда онъ при-

Digitized by Google

ходилъ днемъ, показывала ему свои гарусные кружки и спрашивала:

«— Какъ вы находите, князь?

«Онъ всегда находилъ, что это очень мило и изящно. Князя звали Александромъ Сергѣевичемъ, а по фамиліи Походцевъ. Онъ былъ лѣтъ тридцати, статный, повыше средняго роста, съ русыми курчавыми волосами, съ хорошимъ, открытымъ, простымъ лицомъ, не очень умнымъ, не очень выразительнымъ, но симпатичнымъ. Онъ умѣлъ хорошо смотрѣть въ глаза—прямо и многозначительно, и ему въ глаза пріятно было смотрѣть, потому что можно было смотрѣть не смущаясь. Въ Одессу онъ пріѣхалъ не такъ давно, мѣсяца три. Его прислали въ качествѣ адъютанта къ какому-то высокопоставленному лицу, и онъ съ большимъ достоинствомъ, но вмѣстѣ и съ необыкновенной простотой носилъ свои аксельбанты. Танцовалъ онъ мало и какъ-бы неохотно, будто лишь снисходилъ къ этой слабости изъ любезности къ хозяевамъ, но самъ стоялъ гораздо выше этого. Во всей его фигурѣ, въ движеніяхъ, позахъ, въ осанкѣ и въ манерѣ говорить видна была серьезность, но не та серьезность, которой хотятъ порисоваться, а скромная, сама собой довольная серьезность.

«Онъ уже въ четвертый свой визитъ къ намъ такъ явно отдавалъ предпочтеніе Лидѣ, что всѣмъ кое-что было уже очевидно. Онъ танцовалъ только съ Лидой; встрѣчаясь съ нами въ театрѣ и раскланиваясь съ нашей ложей, онъ словно кланялся не намъ всѣмъ, а только Лидѣ, а когда являлся въ ложу и приносилъ конфекты, то отдавалъ ихъ прямо ей.

«Однажды мнѣ бабуся сказала:—Знаешь, Клава, какая наша Лида счастливица! Князь навѣрно женится на ней!

«— Какъ? Развѣ онъ сдѣлалъ ей предложеніе?—поспѣшно спросила я и даже сама испугалась того голоса, какимъ произнесла это. Вмѣсто того, чтобъ выразить радость по новоду такого пріятнаго извѣстія, голосъ мой изобразилъ испугъ, настоящій испугъ.

Digitized by Google

«— Нѣтъ, онъ еще не сдѣлалъ предложенія, но непремѣнно сдѣлаетъ...

«— Но кто-же это можетъ знать? Я не понимаю...

«— Ахъ глупенькій ребеночекъ! Конечно ты ничего не понимаешь... А ужъ если я говорю, значитъ—знаю...

«Тупая боль въ сердцѣ была отвѣтомъ на это сообщеніе... Вотъ тутъ-то я и почувствовала, что у меня есть сердце. Но зачѣмъ я это почувствовала!..»

IX.

— Барышня, а барышня!—почти шепотомъ произнесла Хивря, высунувъ свое маленькое, сморщенное лицо изъ-за двери.

Маничка вздрогнула и испуганно подняла голову. Она прищурила глаза и напряженно присматривалась къ фигурѣ, торчавшей въ дверяхъ, гдѣ былъ полумракъ. Погруженная всѣмъ своимъ существомъ въ развертывавшуюся передъ нею повѣсть, которая именно теперь становилась интересной, и неожиданно отвлеченная отъ нея какимъ-то таинственнымъ шепотомъ, она даже не сразу поняла, въ чемъ дѣло, и какъ-будто удивилась тому простому обстоятельству, что надъ нею виситъ низкій потолокъ, а близкія одна отъ другой стѣны какъ-бы собираются сдавить ее со всѣхъ сторонъ, что передъ нею простой четыреугольный столъ, а на немъ свѣча въ жестяномъ подсвѣчникѣ. И вотъ она разглядѣла лицо Хиври, на которомъ изображалась опасливая осторожность, смѣшанная съ благоговѣніемъ. Съ такимъ выраженіемъ пономарь входитъ въ алтарь во время службы и, въ тотъ моментъ, когда батюшка молится, рѣшается перебить его экстреннымъ и неотложнымъ вопросомъ о томъ, будетъ-ли сегодня акаѳистъ. Хиврѣ именно казалось, что Маничка, читая рукопись покойной учительницы, священнодѣйствуетъ.

— Что вамъ?—не совсѣмъ дружелюбно спросила Марья Владиміровна.

Digitized by Google

— Не подать-ли вамъ чаю? У меня самоварчикъ готовенькій!..

Хивря и смотрѣла, и говорила нѣжно. Все, что касалось покойницы, необыкновенно трогало и размягчало ея и безъ того податливое старое сердце.

Маничка отодвинула отъ себя тетрадь и протерла глаза, въ которыхъ чувствовалась неловкость отъ утомленія. Она рѣшила перевести духъ и, пожалуй, попить чаю. «Маленькая эгоисточка» уже порядочно задѣла ея любопытство; но увѣренность въ томъ, что тетради у нея никто не отниметъ и дальнѣйшее чтеніе въ ея власти, позволяла ей не торопиться. Притомъ же очень ужъ интересна была Хивря съ этой совершенно новой для нея миной, и ей захотѣлось послушать, что́ она будетъ говорить, и посмотрѣть, какъ она станетъ вести себя.

— Пожалуй, дайте, Хивря! —сказала она.

Хивря поспѣшно скрылась въ чуланъ, повозилась тамъ и черезъ минуту вошла въ комнату на цыпочкахъ, какъ бы боясь стукомъ ногъ разогнать впечатлѣніе отъ святыхъ для нея писаній Клавдіи Антоновны. Она поставила передъ Маничкой небольшой подносъ, на которомъ былъ стаканъ съ чаемъ, блюдце съ сахаромъ, булка и немного масла.

— Ужъ я вамъ, барышня, готовенькій подаю, чтобы вы не возились долго!.. А это вотъ маслица мнѣ Килина принесла!..

— Какая Килина?

— Килина Вороненкова... Та вотъ, которую вы прогнали... съ дочкой которая... Она маслица принесла и говоритъ: ты, говоритъ, Хивря, и барышню угости, говоритъ... Пускай, говоритъ, ее размягчитъ, а то, говоритъ, она, прости ей Господи, строгая такая...

Какъ ни старалась Маничка выдержать серьезность, но не могла удержаться отъ смѣха.

— Такъ она хочетъ маслицемъ смягчить мою строгость?—съ улыбкой спросила она.

Digitized by Google

— А ну-да-жъ! Дорого-ли, говоритъ, ей сказать моей дѣвкѣ слово-другое? А дѣвка ея послушалась бы, и именно, можетъ, и послушалась бы... Потому дѣвка— она что жъ? Она глупая. Ей ежели баба простая говоритъ, будь то и матерь, она и не слушаетъ, а ежели въ шляпкѣ и притомъ учительница, такъ совсѣмъ другое понятіе выходитъ...

— Да въ чемъ дѣло? Я ничего не поняла...

— Дѣвка ея съ ненадежнымъ парнюгой спозналась... А тутъ къ ней хорошій хозяинъ свататься хочетъ. Ну, надобно образумить ее, глупую... Парень этотъ все одно на ней не женится, потому негодящій онъ и безсовѣстный... Ужъ не одну дѣвку попортилъ... Дѣвкѣ сказать надобно: образумься, глупая, — вотъ только и всего... Уговорить ее, значитъ.

— И она послушаетъ?

— И-и! Непремѣнно послушаетъ. Клавдію Антоновну, покойницу, всѣ слушали. Бывало, взглянетъ въ лицо человѣку своими ангельскими очами и скажетъ какое ни на есть доброе слово, такъ у человѣка того сейчасъ душа и задрожитъ, и онъ покается. Сколькихъ она такимъ манеромъ на истинный путь наставила! Повѣрите-ли, барышня: Степанъ Залѣзко такой уже горькій былъ пьяница и розбышака, а какъ она его поисповѣдовала разъ да другой, такъ и закаялся, и по сію пору въ ротъ не беретъ...

Странное дѣло! Маничкѣ теперь казалось непонятнымъ, почему она тогда сурово отнеслась къ этой Килинѣ Вороненковой. Дѣло такое простое, житейское и ничего въ немъ нѣтъ для нея обиднаго. А она-то какъ тогда разобидѣлась и раскричалась! Теперь она относится къ этому гораздо мягче, и приди сейчасъ Килина съ своей «коровой нѣмецкой», какъ она называла свою дочь, Маничка, пожалуй, исполнила бы ея просьбу. «Ужъ не масло-ли въ самомъ дѣлѣ размягчило мою душу!» — съ улыбкой подумала она.

Digitized by Google

— А что я васъ спрошу, барышня,—промолвила Хивря прежнимъ осторожнымъ голосомъ.

— Что же именно? спросила Маничка.

— Да насчетъ писанья Клавдіи Антоновны: очень, должно быть, занимательно?

— Очень, очень! Она была интересная личность!..

— Ахъ, правда! Ужъ какая была личность, Господи, какая личность! И умно, должно быть, это написано, а?

— Да, не глупо.

— Еще-бы! Она такая была умница! Она была премудрая дѣвица, истинно премудрая!.. Вотъ бѣда моя,— не умѣю по писанному разбирать! По печатному научила меня Клавдія Антоновна. Уже въ постелькѣ лежала, бѣдняжечка, и скучно было ей, такъ она меня въ науку производила... А по писанному не успѣла, умерла моя голубка!... А то бы я только и дѣлала, что читала бы ея рукописанье!.. Я вамъ еще стаканчикъ налью, барышня!..

Она принесла еще стаканъ чаю и прибавила: — Ну, я уже скроюсь, не буду мѣшать вамъ, барышня! Читайте себѣ, читайте!—и ушла въ коморку.

Маничка придвинула къ себѣ тетрадь и продолжала.

«Послѣ этого сообщенія, я ушла къ себѣ въ комнату, улеглась на кровати лицомъ вверхъ и, стиснувъ зубы и нахмуривъ лобъ, смотрѣла въ потолокъ. Сердце у меня то усиленно билось, то замирало. Злоба кипѣла во мнѣ. Клава, веселая, вѣчно улыбающаяся, всѣми любимая и всѣхъ любящая Клава оказалась злючкой и вовсе не въ шутку, а какъ слѣдуетъ. Я злилась... на что? На то, что Лида будетъ прежде меня счастлива. Какъ? Значитъ, я не первая? Я, которой всѣ смотрѣли въ глаза, я — красотка, общая любимица, я — первая во всемъ и вездѣ, только не въ этомъ и не здѣсь?

«Маленькая эгоисточка оказалась очень большой и очень злой эгоисткой. Я теперь думаю объ этомъ и вижу, что это такъ. Я была доброй дѣвочкой потому,

Digitized by Google

что у меня не было никакого основанія быть злой. Все, рѣшительно все потакало моему эгоизму; все окружающее какъ-бы соединило усилія, чтобы дѣлать мою жизнь пріятною. Почему-же мнѣ было не любить весь міръ и не улыбаться ему, если вездѣ и во всемъ я встрѣчала только удовольствіе? Но вотъ первое, что задѣло меня за живое, взбудоражило меня, покоробило, первое, что было сдѣлано не для меня, а для другого, и я уже злюсь и куда дѣвалась моя любовь! Я уже никого не люблю. Да, въ тотъ моментъ, когда, послѣ сообщенія бабуси, я лежала на кровати и смотрѣла въ потолокъ, я не любила никого, потому что всѣ—я это видѣла—старались устроить счастье Лиды, а обо мнѣ не думали.

«Вошла Лида. На щекахъ у нея былъ румянецъ, что бывало рѣдко; она была оживлена и улыбалась, что также случалось не часто. Она присѣла ко мнѣ на кровать, взяла мои руки и заговорила голосомъ нѣжнымъ и счастливымъ.

«— Клава, ты любишь меня?—спросила она, заглядывая мнѣ въ глаза.

«— Что за вопросъ, Лида?—отвѣтила я. И тутъ-то я сдѣлала свое открытіе: у меня вдругъ оказалась способность очень хорошо прикидываться. Я отвѣтила это такимъ естественнымъ тономъ, что Лидѣ конечно и въ голову не пришло сомнѣваться въ моихъ чувствахъ къ ней.

«— И будешь радоваться, если я буду счастлива?—продолжала она.

«— Разумѣется!

«— Мнѣ сказалъ папа, что князь не сегодня, такъ завтра сдѣлаетъ мнѣ предложеніе... Ахъ, какъ я буду счастлива, Клава!

« И она крѣпко стиснула мои руки.

«— Почему-же папа знаетъ?—просто спросила я.

«— Онъ намекалъ... Я не знаю, почему, но... онъ знаетъ. Клава, я такъ люблю его... Ты не можешь себѣ вообразить, какъ я его люблю!

« На это я не нашлась, что сказать. Одно только

Digitized by Google

помню, что именно въ этотъ моментъ я почувствовала, что князь для меня далеко не безразличенъ, и что, можетъ быть, я тоже люблю его.

«Странная любовь изъ зависти и злости! До сихъ поръ я на князя не обращала особеннаго вниманія; онъ мнѣ казался даже не интереснымъ. Теперь вдругъ я увидѣла въ немъ красавца, умницу, я придала ему всѣ тѣ качества, которыя составляютъ идеалъ. Нѣтъ, я не могла допустить этого,—чтобъ онъ остановилъ свое вниманіе не на мнѣ, красоткѣ Клавѣ, на которую всѣ заглядывались, а на Лидѣ, холодной, сухой Лидѣ, которая не нравилась мужчинамъ. Что-жъ это значитъ? Онъ, пріѣхавшій изъ Петербурга и, значитъ, обладавшій сравнительно больше развитымъ вкусомъ, сразу отдаетъ предпочтеніе не мнѣ, которую всѣ предпочитаютъ, а Лидѣ. Это оскорбительно и я рѣшила это измѣнить. Князь женится на Лидѣ, пусть это будетъ такъ, я не хочу этого измѣнять. Но я смущу его счастье, онъ будетъ у моихъ ногъ.

«Теперь, когда я думаю объ этомъ и обо всемъ томъ, что произошло впослѣдствіи, мнѣ больно и стыдно, но я понимаю все, понимаю, что иначе и быть не могло. Вѣдь жизнь состоитъ изъ радостей и горя, какъ время изъ ночи и дня. Если бы на землѣ всегда былъ непрерывный ясный весенній день и вдругъ нежданно сошла бы на землю ночь, мы были бы въ отчаяньи. Моя жизнь была сплошнымъ весеннимъ днемъ, моя грудь знала только пріятныя ощущенія, а все мало-мальски непріятное предусмотрительно устранялось отъ меня десяткомъ заботливыхъ рукъ. О томъ, что бываетъ на свѣтѣ горе, я слышала, но сама не испытала никакого горя. И вотъ—первый же уколъ моему балованному самолюбію сразу пробуждаетъ въ моемъ сердцѣ все, что есть дурного въ человѣческой натурѣ.

«Ахъ, еслибы у меня когда-нибудь были дѣти, я заставила бы ихъ жить среди всего того, что даетъ настоящая неприкрашенная жизнь, среди радостей и горя.

Digitized by Google

Какъ для закаленія желѣза равномѣрно нужны и огонь, и вода, такъ для воспитанія сердца необходимы и радости, и горе. Однѣ только радости воспитываютъ эгоизмъ, который порождаетъ злобу; одно только горе воспитываетъ злобу, которая порождаетъ эгоизмъ.

«У насъ былъ вечеръ. Собрались всѣ знакомые, былъ и князь. Я думаю, что этотъ вечеръ былъ устроенъ для него. Папа разсчитывалъ, что онъ именно теперь сдѣлаетъ Лидѣ предложеніе. Когда я вошла въ залъ — я вышла поздно, мнѣ на этотъ разъ такъ хотѣлось, — я сразу почувствовала, что я уже не та, что была прежде, и все это общество какъ бы сдѣлалось для меня другимъ. Оно меня совсѣмъ не интересовало; лица, мундиры, слова, движенія — все это передо мной мелькало какъ бы въ туманѣ и до меня не касалось. Съ кавалерами, — по обыкновенію, разсыпавшимися передо мной въ любезностяхъ, — я была холодна, какъ Лида. Мнѣ даже трое сказали, что я сегодня не въ духѣ и что это со мной въ первый разъ. Да, это въ самомъ дѣлѣ было со мною первый разъ въ жизни. Всѣ они меня возмущали, потому что они были *не онъ*, ихъ любезности были не *его* любезности.

«Князь ходилъ подъ-руку съ Лидой. Только что кончился вальсъ... Онъ танцовалъ съ нею. Я взглянула на нихъ... Лида, уловивъ мой взглядъ, улыбнулась мнѣ дружеской и полной счастья улыбкой. Но я не могла отвѣтить ей тѣмъ же. Я чувствовала, что лицо мое поблѣднѣло, я отвернулась и пошла въ другую сторону.

«Въ нашей гостиной былъ уголокъ, задрапированный широколиственной зеленью. Я сѣла на низенькомъ диванчикѣ и начала слѣдить глазами за счастливой парой. Ко мнѣ подошелъ Криленко, молоденькій офицеръ, давно уже бросавшій на меня нѣжные взгляды. Едва я оставалась одна, онъ сейчасъ же подбѣгалъ и начиналъ выразительно вздыхать. Онъ говорилъ что-то, и ему, вѣроятно, казалось, что я его слушаю; но я не слышала ни одного слова. Я вся ушла въ мой взглядъ, который

Digitized by Google

переходилъ туда, куда шелъ князь съ Лидой. Зачѣмъ я смотрѣла на нихъ, я сама хорошенько не знала. Не хотѣлось-ли мнѣ испробовать силу своего взгляда и заставить князя невольно взглянуть въ мою сторону? Кажется, такъ, потому что когда это случилось, т. е. князь тревожно обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, я ощутила въ груди такой восторгъ, словно одержала побѣду надъ врагомъ, и вдругъ весело и громко расхохоталась. Князь выразилъ на лицѣ изумленіе, а мой собесѣдникъ умолкъ, вѣроятно—обидѣвшись.

«Цѣлый вечеръ я преслѣдовала князя своимъ взглядомъ и я имѣла полное право убѣдиться въ силѣ моихъ глазъ. Онъ всякій разъ оборачивался съ такимъ выраженіемъ, словно его поймали на мѣстѣ преступленія. Когда онъ случайно остался одинъ и стоялъ у окна, я подбѣжала къ нему и какъ бы мимоходомъ сказала:

«— Вы сегодня разсѣянны, князь...

«— Это оттого, что вы сегодня сосредоточенны!—отвѣтилъ онъ съ загадочной улыбкой.

«О, это великолѣпно! Я сразу поняла, что онъ хотѣлъ сказать этимъ. Значитъ, онъ чувствовалъ мое вліяніе, значитъ—онъ во власти моего взгляда. Превосходно. Пусть онъ сдѣлаетъ предложеніе Лидѣ, но онъ сдѣлаетъ его не сегодня. Сегодня въ душѣ его произойдетъ заминка, на него нападетъ сомнѣніе и онъ скажетъ себѣ: «Я сдѣлаю это завтра; не все-ли равно?» И какъ они всѣ будутъ разочарованы! Какъ будетъ взбѣшена счастливица Лида, которая съ минуты на минуту ждетъ, что онъ выговоритъ роковое слово!.. Я заранѣе торжествовала побѣду. Я уже видѣла своимъ воображеніемъ, какъ она, когда гости разошлись, вошла въ нашу комнату—блѣдная, суровая—и, не раздѣваясь, легла на кровать, уткнувшись лицомъ въ подушку...

«Часовъ въ двѣнадцать я замѣтила, что въ залѣ произошло движеніе. Всѣ, очевидно, говорили объ одномъ и томъ же; многіе подходили къ папѣ, къ мамѣ, къ Лидѣ, къ князю... Я не поняла. Но вотъ ко мнѣ подбѣ-

Digitized by Google

гаетъ Лида—радостная, торжествующая, и цѣлуетъ меня въ губы.

«— Клава, какъ я счастлива!—тихонько говоритъ она:—князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе...

И она, увѣренная въ томъ, что и я въ восторгѣ, ушла отъ меня. Сказать-ли правду? Сказать-ли, что въ этотъ моментъ я почувствовала ненависть къ Лидѣ, къ моей сестрѣ, которая меня такъ безкорыстно любила...

«Дурное чувство, я стыжусь вспомнить о немъ; но я рѣшилась быть правдивой и не могу не упомянуть объ этомъ. Я ненавидѣла Лиду и клялась мѣшать ея счастью, клялась всячески смущать князя своими взглядами и выходками безумнаго кокетства, чтобы счастье ея по крайней мѣрѣ не было безоблачно...

«Откуда во мнѣ взялось столько зла? Я часто объ этомъ думаю и не могу рѣшить этотъ вопросъ иначе, какъ такъ: все оттого, что я отъ пеленокъ и до двадцати лѣтъ была только счастлива. Вы, устраняющіе отъ дѣтей своихъ малѣйшее облако печали, разсуждая такимъ образомъ, что впереди имъ предстоитъ еще цѣлая жизнь, полная огорченій, знаете-ли вы, что этимъ воспитываете въ нихъ самыя дурныя чувства!.. Если ваши дѣти самой судьбой поставлены въ такія счастливыя условія, что ни откуда имъ не представляется печали, а все только одно счастье, то выдумайте имъ маленькое горе, чтобъ они знали, какъ оно дѣйствуетъ на сердце и какъ переносится. Это необходимо для человѣческаго сердца».

X.

— Напрасно, душа моя, напрасно ты отказалась пойти къ священнику... Ахъ, какъ было весело!—промолвила вошедшая Зинаида Петровна, развязывая ленты шляпы. Видъ ея служилъ прекрасной иллюстраціей ея словъ. Лицо ея было оживленно и въ глазахъ блестѣли слѣды испытанной пріятности.

— Да?—какъ-то неопредѣленно спросила Маничка и перенесла на нее не то вопросительный, не то раздум

Digitized by Google

чивый взглядъ. Она смотрѣла на мать и подъ вліяніемъ только что прочитаннаго какъ бы провѣряла свои чувства къ ней. Эта внезапная перемѣна въ чувствахъ Клавы произвела на нее глубокое дѣйствіе. Сердце, не знавшее никакого другого чувства, кромѣ радости, удовольствія жить, любви къ тѣмъ, кто ее любилъ, сердце, повидимому неспособное чувствовать злобу, вдругъ охвачено ненавистью, и притомъ злобной и дѣятельной, придумывающей способы, какъ бы сдѣлать непріятность ни въ чемъ неповинной сестрѣ, всегда такъ любовно къ ней относившейся. Положимъ, между Лидой и Зинаидой Петровной—больше различія, чѣмъ сходства. Лида—чистое, беззлобное созданіе, нѣсколько склонное отъ природы къ задумчивой грусти; повидимому, задумчивость и серьезность Лиды происходили оттого, что у нея въ душѣ создался идеалъ, въ образованіи котораго были виноваты толстые романы. У Лиды сердце развивалось правильнѣе, чѣмъ у Клавы, потому что она переживала по крайней мѣрѣ то горе, которое испытывали герои романовъ, а Клава романовъ не читала. Лида долго не находила идеала въ жизни, но вотъ явился князь, — и ея задумчивость прошла. Зинаида Петровна — совсѣмъ другого типа. Она глотала жизнь до забвенія своихъ обязанностей къ семьѣ, она наслаждалась—и только. Но въ то же время она любила Маничку и прилагала всѣ усилія, чтобы и она наслаждалась. По отношенію къ Маничкѣ любовь ея была несомнѣнна и безкорыстна; не виновата же она, что идеалъ счастья представлялся ей въ формѣ безпардоннаго веселья во что бы то ни стало; она совершенно искренно научала этому идеалу и дочь.

«За что же я ее ненавижу? Она ошибалась такъ же, какъ и я. Она такая же жертва невѣжества, какъ и я! Да, невѣжества, невѣжества!.. Очевидно, она знала жизнь только съ одной стороны, какъ и я. Кто-то научилъ ее этому, а она меня научила. За что же я ее ненавижу?»

Она пристально вглядѣлась въ мать и ей захотѣлось

Digitized by Google

перестать относиться къ ней враждебно и заговорить съ нею ласково.

— О, да! Увѣряю тебя! Ахъ, этотъ помѣщикъ такой милый! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ смѣшно танцуетъ молдаванскій танецъ! Онъ научился во время какой-то военной кампаніи... И знаешь, я нахожу, что онъ въ сущности очень, очень не дуренъ собой...

— Да?—опять по прежнему неопредѣленно спросила Марья Владиміровна.

— Очень не дуренъ. Но я тебѣ скажу... Я даже не ожидала... Какой тамъ есть интересный молодой человѣкъ. Онъ тутъ въ Бараньемъ-Рогѣ акцизнымъ чиновникомъ служитъ, а фамилія его Сутугинъ... Знаешь, такой статный, красивый брюнетъ!.. Глаза такіе глубокіе, совершенно какъ у Ляскаго... Помнишь Ляскаго? Я даже вспомнила о немъ, когда увидѣла этого Сутугина... Ахъ-ахъ-ахъ!..

— А ты, мама, совсѣмъ, совсѣмъ-таки неисправима! —съ улыбкой замѣтила Марья Владиміровна.

— Ну, вотъ еще! Въ чемъ это мнѣ исправляться? Слава Богу, и такъ, кажется, достаточно терплю! Много-ли я себѣ удовольствія позволяю!...

— А видишь, мама, я такъ думаю, что каждому человѣку полагается отъ судьбы столько-то, такая-то порція удовольствій и радостей. Иные пользуются радостями экономно и имъ хватаетъ на всю жизнь, а другіе забираютъ впередъ и иногда такъ зарываются, что смотришь —у нихъ впереди еще цѣлая жизнь, а радости уже всѣ забраны и прожиты. Мнѣ кажется, что мы съ тобой именно зарывались, и если для насъ что-нибудь пріятное осталось, то это какіе-нибудь пустяки...

— Откуда это ты такой философіи набралась, скажи пожалуйста?—съ удивленіемъ спросила Зинаида Петровна.

— Откуда? Отъ прежней учительницы, Клавдіи Антоновны...

Зинаида Петровна широко раскрыла глаза. Уже мяг-

Digitized by Google

кій и спокойный тонъ, какимъ говорила съ нею дочь, показался ей необычнымъ; а это напоминаніе о прежней учительницѣ, имени которой Маничка не могла слышать безъ злобы, окончательно поразило ее.

— Какимъ же образомъ?—спросила она.

— А вотъ видишь эту тетрадь? Это—ея дневникъ. Я читаю.

— И что-же? Тамъ есть эти мысли?—наивно спросила Зинаида Петровна.

— Нѣтъ, этихъ мыслей здѣсь нѣтъ. Это мои мысли. Видишь, я сегодня, кажется, въ первый разъ въ жизни стала думать; прежде я только испытывала ощущенія... А вотъ подумала съ минуту и вижу, что я не такая уже глупая, и что это успокаиваетъ. Вотъ-бы и тебѣ попробовать!

— Ну, вотъ глупости! Съ чего я стану пробовать!.. И такъ—скука, а то еще буду утруждать себя мыслями!..

Маничка улыбнулась и еще разъ посмотрѣла на мать. Какъ она вся сказалась въ этихъ словахъ! Да вѣдь она въ самомъ дѣлѣ во всю жизнь ни о чемъ серьезно не думала и не умѣла этого дѣлать. Думать, по ея мнѣнію, значитъ «утруждать себя мыслями». И она только о томъ и заботилась, чтобы не утруждать себя, и жила такъ, какъ ей казалось хорошо. Веселиться пріятно, она веселилась, но она не была корыстна или зла въ своемъ весельи. Если бы отъ нея зависѣло сдѣлать такъ, чтобы и весь міръ только и дѣлалъ, что веселился, она непремѣнно такъ и сдѣлала бы. Можно-ли въ чемъ-нибудь винить такое существо? А *онъ*?..

При воспоминаніи о немъ, о человѣкѣ, который держалъ въ рукахъ ихъ жизнь и счастье и вмѣстѣ съ своей жизнью однимъ движеніемъ револьвера перевернулъ вверхъ дномъ и всю ихъ судьбу, брови ея нахмурились и на лбу появились двѣ характерныя морщинки, которыя часто стали появляться на немъ въ послѣднее время. Какъ! Неужели онъ не вѣдалъ, что творилъ, онъ—такой практикъ, такъ хорошо знавшій жизнь

Digitized by Google

и людей? Вѣдь ему люди довѣрили такое большое дѣло и это дѣло въ его рукахъ шло хорошо и давало большой доходъ. Про него говорили, что онъ опытный и ловкій дѣлецъ, что онъ художникъ своего дѣла. Значитъ онъ зналъ, что дѣлалъ, и вся эта несообразность, которая произошла въ ихъ семьѣ, должна лежать на его отвѣтственности?.. Ахъ, да развѣ она въ состояніи распутать всю эту исторію? Развѣ она его знала? Развѣ хоть на минуту, интересовалась его дѣлами, мыслями и чувствами? Нѣтъ, теперь еще рано ей брать на себя эту задачу; потомъ, можетъ быть, у нея будетъ больше данныхъ.

Зинаида Петровна сняла свои парадныя одежды, которыя, какъ остатки недавняго величія, были не лишены шика. Было уже часовъ одиннадцать, одѣваться было не для чего, она осталась въ бѣлой юбкѣ и рубахѣ. Маничка рѣшила читать въ постели и начала раздѣваться. Ей пришла фантазія поговорить съ матерью. Еще два часа назадъ это было для нея немыслимо. Она сама никогда ни о чемъ съ матерью не заговаривала, а когда Зинаида Петровна обращалась къ ней съ рѣчью, она старалась отдѣлаться какой-нибудь злобной выходкой, которая отбивала у той охоту продолжать разговоръ. Теперь ее стали интересовать нѣкоторые вопросы и она относилась къ нимъ спокойно.

— Скажи мнѣ, мама,—начала она простымъ тономъ, разстегивая кофточку:—ты никогда не догадывалась, не ожидала того, что произошло?

— Что это значитъ?—испуганно спросила Зинаида Петровна.—«Опять хочетъ издѣваться!»—подумала она.

— Нѣтъ, я интересуюсь этимъ просто такъ... ну, какъ бы посторонній человѣкъ. Ты никогда не допускала мысли, чтобы могло это произойти?

— Никогда!—съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорила Зинаида Петровна.—Знаешь, я и теперь еще иногда, вотъ послѣ сна, когда еще не совсѣмъ проснулась, недоумѣваю и сомнѣваюсь, и мнѣ мерещится, что это сонъ...

Digitized by Google

Да, да! Никакъ не могу привыкнуть. Нѣтъ, никогда я не ожидала подобнаго чего-нибудь...

— И ты совсѣмъ не знала дѣлъ отца?

Зинаида Петровна вздрогнула при этомъ словѣ. Отца Маничка никогда не понимала, а если ей, Зинаидѣ Петровнѣ, случалось намекнуть о немъ, то ее всю какъ-то передергивало.

— Его дѣлъ?—упавшимъ голосомъ произнесла она.— Почти не знала... Охъ, Господи, Господи! Зачѣмъ ты его помянула!..

— Нѣтъ, мама, я совсѣмъ какъ бы посторонняя... У меня сейчасъ почему-то никакой злобы въ сердцѣ нѣтъ. И ты ничего не знала о томъ, что онъ тратилъ бабушкинъ капиталъ?..

Послышался легкій, подавленный стонъ, а потомъ едва слышный, надломленный голосъ:

— Не знала я!..

Маничка продолжала все тѣмъ же ровнымъ, неизмѣннымъ, словно окаменѣвшимъ голосомъ:

— А помнишь ты, какъ однажды ты была съ нимъ въ кабинетѣ, и вы что-то такое горячо говорили, и ты сказала ему: «Ты на это рѣшаешься? Но вѣдь это не наше!» и еще онъ сказалъ тогда, что у него есть какая-то комбинація и что это его предпослѣдній шансъ.... Что это такое было?...

— Боже мой, Боже мой, Боже мой!—вдругъ воскликнула Зинаида Петровна и, залившись слезами, спрятала лицо въ ладони:—какъ ты меня рѣжешь, мучаешь, терзаешь! Что-жъ, я скажу тебѣ, изволь: онъ говорилъ тогда о бабушкиномъ, то-есть о твоемъ капиталѣ, я знала это: но развѣ я могла удержать его...

— Ха-ха-ха! — Маничка засмѣялась не только не ядовитымъ, а скорѣе успокоительнымъ смѣхомъ. — Чего же ты плачешь, мама? Неужели ты думаешь, что мнѣ жаль этихъ денегъ? Богъ съ ними! Я только жалѣю, что онѣ ему не помогли спасти себя... А я не къ тому, а вотъ къ чему: ты совсѣмъ неисправима, мама. Ужъ,

Digitized by Google

кажется, какое большое несчастье несемъ мы вмѣстѣ, и я больше, чѣмъ ты, потому что ты все-таки прожила жизнь, а я только начать ее собиралась. А ты зачѣмъ-то хочешь быть правой, зачѣмъ-то лжешь передо мной! Вотъ это мнѣ дѣйствительно обидно, а больше ничего. Зачѣмъ тебѣ это теперь? Ужъ, кажется, и все пропало, и никакого возврата нѣтъ къ прежнему, а ты какъ-будто хочешь для чего-то соблюсти передо мною свой престижъ. Нехорошо это, мама. Знаешь, что можетъ теперь насъ примирить? Правда, одна только правда!

Зинаида Петровна вытирала слезы и молчала. Новъ былъ для нея этотъ тонъ, ново было спокойствіе, съ какимъ Маничка говорила о такихъ предметахъ, которые прежде будили въ ней всю желчь. Она не спѣша сдѣлала себѣ постель на лежанкѣ и стала моститься на ней. Это былъ одинъ изъ источниковъ ея страданій. Уже нѣсколько дней какъ начались холода и печь пришлось протапливать. Лежанка нагрѣвалась и, лежа на ней, Зинаида Петровна чувствовала себя такъ, будто парилась въ банѣ на самой верхней полкѣ. Бѣдная женщина каждыя пять минутъ ворочалась съ боку на бокъ, что, разумѣется, мѣшало ей спать.

— Что ты ворочаешься?—не разъ спрашивала ее Маничка, просыпаясь отъ безпокойнаго шороха.

— Нѣтъ, такъ, не спится!.. Безсонница!—отвѣчала всякій разъ Зинаида Петровна. Она даже не могла дать себѣ отчета, почему она не хочетъ сказать дочери настоящей причины своей безсонницы. Чего-то она боялась и сама не знала чего. Но въ прошлую ночь она не выдержала и сказала:

— Лежанка горяча, припекаетъ!...

И тутъ произошло то, чего она безсознательно страшилась. Маничка презрительно разсмѣялась.

— Это тебѣ за твои грѣхи! Ха-ха-ха!.. Нѣкоторое подобіе ада, адскихъ мукъ!.. Ха-ха-ха!..

Вышло значитъ еще одно лишнее оскорбленіе. Зинаида Петровна уткнулась лицомъ въ подушку и сдѣ-

Digitized by Google

лала видъ, что уснула. Но не до сна было ей. Всѣ подобные эпизоды вызывали и въ ея головѣ рядъ мыслей о прошломъ. Да, неосмотрительно жили они съ покойникомъ, неосмотрительно. Жили они словно дѣти, старающіяся съѣсть какъ можно больше сладостей, не думая о послѣдствіяхъ. И если хорошенько подумать, то это было и нечестно. Ну, тамъ общественныя деньги оказались растраченными, это что-жъ, это просто—несчастье! Но Маничкинъ капиталъ не слѣдовало трогать, нѣтъ, не слѣдовало. И она, Зинаида Петровна, именно тогда, когда онъ говорилъ о «предпослѣднемъ шансѣ», должна была остановить его, настоять. Ужъ лучше было сразу прекратить пиршество, чѣмъ рѣшиться на это. Вѣдь у Манички это была единственная опора въ жизни, это были святыя деньги.

И она начинала думать, что въ самомъ дѣлѣ это ей послана казнь и что не даромъ Маничка сравнила припеканье лежанки съ мученьями ада... Но какъ ожесточилась Маничка! До чего озлобилась! Все то, что она говоритъ — правда, всѣ ея укоры справедливы; но все же она—дочь и можно было бы ожидать отъ нея нѣкоторой мягкости, деликатности.

— Послушай, мама,—сказала теперь Маничка, когда Зинаида Петровна совсѣмъ уже приспособилась на лежанкѣ:—ты, пожалуйста, ложись на кровати...

— Что? На кровати?

Зинаида Петровна совсѣмъ растерялась отъ неожиданности. Послѣ вчерашняго оскорбленія ей предлагаютъ лечь на кровати! Что это? Какое-нибудь тонко обдуманное новое глумленіе? Или сегодня такой ужъ счастливый день?

— Да, мама, ты ложись на кровати, потому что тебя припекаетъ на лежанкѣ, а я какъ-нибудь приспособлюсь при помощи кресла и стульевъ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста ложись, я прошу тебя!

Не успѣла Зинаида Петровна, все еще продолжая въ душѣ изумляться, переселиться на кровать, какъ изъ

Digitized by Google

чулана выползла Хивря и сказала въ высшей степени предупредительнымъ тономъ:

— Барышня, я вамъ устрою постельку! Вы, дорогая, не безпокойтесь!

И сейчасъ-же она вытащила откуда-то два огромныхъ ящика, опрокинула ихъ, навалила на нихъ что-то вродѣ перинки и двѣ подушки, застлала чистой простыней и получилась постель на славу. Все это Хивря продѣлывала съ необыкновеннымъ стараніемъ и даже съ любовью. Ужъ она смотрѣла на Марью Владиміровну другими глазами и обращалась съ нею какъ съ сосудомъ, въ которомъ заключена святая вода, и это потому, что Маничка вкусила отъ рукописанья Клавдіи Антоновны. Впрочемъ, надо сказать, что она также приняла къ обсужденію и послѣдній эпизодъ, т. е. уступку Маничкой кровати матери. Въ глубинѣ души она давно порицала «гордость» Манички, справедливо полагая, что молодая всегда должна уступить старой. И сегодняшній поступокъ Марьи Владиміровны просто-таки возвеселилъ Хиврино сердце.

Помѣстившись на своей новой постели и найдя, что это очень удобно, Маничка почувствовала, что у нея, чуть-ли не въ первый разъ со времени пріѣзда въ Марловку, нервы спокойны и на душѣ нѣтъ никакой тяжести. У нея явилось желаніе спать и почему-то казалось ей, что этотъ сонъ будетъ спокоенъ и сладокъ. Она рѣшила отложить дальнѣйшее чтеніе дневника Клавдіи Антоновны на завтра.

«Однако,—съ улыбкой думала она въ то время, когда глаза ея уже смыкались первой полудремотой,—я нахожу, что это даже выгодно не быть злой. Велика-ли уступка, которую я сдѣлала мамѣ, а уже я получила возмездіе отъ Хиври: мягкую и удобную постель».

XI.

На утро Марья Владиміровна встала съ свѣжей и здоровой головой, что въ Марловкѣ бывало съ нею не-

Digitized by Google

часто. Все здѣсь раздражало ее втеченіе дня; она ложилась въ постель изнеможенной и больной, спала тревожно и просыпалась съ головой отяжелѣвшей, какъ въ похмѣльѣ. А день приносилъ съ собой тысячи причинъ для новыхъ огорченій и вся жизнь ея превратилась въ злобу, которая окрашивала всѣ окружающіе предметы въ мрачный цвѣтъ. «Я способна сойти съ ума отъ злобы!» говорила она сама себѣ. Сначала эта злоба даже тѣшила ее: есть извѣстная доля жгучаго наслажденія въ чувствѣ ненависти и презрѣнія ко всему міру. Но Маничка по натурѣ не была способна слишкомъ долго стоять на этой точкѣ. Острое чувство злобы утомило ее; она инстинктивно искала если не примиренія, то хоть нѣкотораго успокоенія нервовъ. Дневникъ Клавдіи Антоновны отвлекъ ея мысли отъ круга впечатлѣній, который постоянно занималъ и раздражалъ ее, и ея нервы съ удовольствіемъ приняли это облегченіе и стали отдыхать.

По прежнему холодная и сухая, сидѣла она въ этотъ день за своимъ столикомъ въ школѣ, вставала, подходила къ ученикамъ и давала имъ объясненія. Но уже не было на лбу ея тѣхъ двухъ бороздокъ, которыя повергали въ трепетъ школьниковъ, брови не хмурились и въ глазахъ не блисталъ злобный огонь, появлявшійся въ нихъ прежде при малѣйшей неисправности какого-нибудь мальчугана. И что всего замѣчательнѣе, въ этотъ день никто изъ учениковъ не попалъ ни въ уголъ, ни на колѣни, несмотря на то, что молодое поколѣніе марловцевъ на этотъ разъ не было нисколько совершеннѣе, чѣмъ всегда.

Маничка была очень невнимательна къ уроку. На нее напала охота къ размышленію. Мысль получила еще вчера извѣстный толчокъ и не могла остановиться. Маничка смотрѣла на школьниковъ и находила ихъ сегодня такими-же грязными, грубыми и неотесанными, какъ и вчера, но это уже ее нисколько не бѣсило. «Чѣмъ-же они виноваты, что они такіе? Не виноваты они и

Digitized by Google

въ томъ, что мнѣ приходится возиться съ ними. Въ этомъ виноваты мама и онъ, а они здѣсь не при чемъ. Скорѣе я передъ ними виновата, что взялась за такое дѣло, которое мнѣ скучно. Отъ этого теряютъ только они. Не возьми я этого мѣста, у нихъ былъ-бы другой учитель, который, можетъ быть, любилъ-бы свое дѣло, а они отъ этого выиграли-бы. Справедливость прежде всего, — они меня кормятъ и я еще ихъ благодарить должна»...

Послѣдніе выводы удивили даже ее самое. Конечно, вчера она не могла-бы предсказать, что въ ея головѣ явятся такія мысли. Но она сегодня была въ холодно-разсудительномъ настроеніи и хотѣла быть послѣдовательной.

Перемѣна въ учительницѣ, конечно, сейчасъ-же была замѣчена школьниками; но запуганные Маничкой, они объяснили это по-своему. Имъ показалось это предвѣстьемъ большой вспышки; они съ минуты на минуту ждали, что учительница вотъ-вотъ выйдетъ изъ себя, придерется къ чему-нибудь и обойдетъ всѣхъ по-очереди съ линейкой. И когда урокъ кончился, они разошлись съ видомъ еще большей робости, чѣмъ всегда.

Хивря продолжала ухаживать за Маничкой. Совершенно сюрпризомъ за обѣдомъ явилось новое блюдо— блинчики съ вареньемъ, чего даже по праздникамъ не полагалось. Ужъ это она взяла на свой страхъ и собственнымъ усиліемъ выпросила у дьячихи варенья. При этомъ она не преминула сообщить дьячихѣ свои наблюденія.

— Замѣчаю я, что наша барышня, учительница то-есть, помягчѣла... Куда-а! Къ мамашѣ своей будто ласковѣй стала и какъ-бы сказать по-человѣческому обращается къ ей... А то бѣда, что было! Та только и дѣлала, что слезы лила. Истинно! Свою собственную постель ей предложила! Да!.. Ужъ вы мнѣ чашечку вареньица отпустите; побаловать ее хочу! Вѣрите-ли, когда вижу, что человѣкъ суровый—можетъ, отъ несчастья у нея суровость эта приключилась, Богъ ее знаетъ,—и

Digitized by Google

вдругъ душой своей умягчается, такъ у меня на сердцѣ все одно какъ-бы праздникъ! И сейчасъ у меня въ головѣ мысли идутъ про покойницу мою, Клавдію Антоновну. Какая у ей была мягкая душа! Ахъ!..

«Нѣтъ, рѣшительно выгодно не быть злой!»—шутя думала Маничка, когда на столѣ внезапно появились блинчики съ вареньемъ. Она должна была такъ подумать, потому что лицо Хиври выдавало всѣ ея тайныя помышленія. По всѣмъ ея пріемамъ, по умильному голосу, по заглядыванію въ Маничкины глаза, можно было заключить, что блинчики были изготовлены собственно для нея и шли, можно сказать, прямо отъ восхищеннаго сердца Хиври.

Послѣ обѣда Хивря подошла къ Марьѣ Владиміровнѣ очень близко и таинственнымъ голосомъ спросила:

— А что, барышня, занятно?

— Занятно, Хивря, очень занятно!—отвѣтила Маничка.

— Господи! И чего-бы только я не дала за то, чтобы прочитать это ея рукописанье! Она мнѣ, барышня, не разъ говаривала: здѣсь, говоритъ, на этой самой бумагѣ, я свою душу выливаю... А душа-то у ей была не земная, а прямо сказать—небесная...

Маничка устроилась въ школѣ и снова принялась за тетрадь.

Зинаида Петровна до сихъ поръ еще не могла придти въ себя отъ непонятной перемѣны, случившейся съ ея дочерью. Болѣе всего ее поражало, что видимо вдругъ установилось какое-то согласіе между Маничкой и Хиврей, двумя элементами, повидимому, не имѣвшими ничего между собой общаго. Хивря, которая прежде тихонько отъ Манички повѣряла ей свои тайны, теперь не обращала на нее никакого вниманія, смѣло подходила къ Маничкѣ и конфиденціально говорила съ нею вполголоса. Что-то такое между ними произошло. Но у Зинаиды Петровны не было ни малѣйшей склонности особенно доискиваться сущности явленій; съ нея достаточ-

Digitized by Google

но было того, что она удивлялась этому. Она была того мнѣнія, что всякое дѣло, какъ-бы ни казалось оно таинственнымъ и запутаннымъ, рано или поздно само разъяснится и распутается; зато она теперь вполнѣ наслаждалась удобной постелью, которой совсѣмъ завладѣла, и съ горькимъ чувствомъ вспоминала о ночахъ, проведенныхъ на горячей лежанкѣ.

Маничка погрузилась въ чтеніе.

«Свадьба Лиды съ княземъ была назначена черезъ два мѣсяца. Въ домѣ у насъ воцарилось какое-то торжественное счастье. Всѣ—и папа, и мама, и бабуся, и ужъ, конечно, Лида—ушли въ эту свадьбу. Заготовлять приданое почти не было никакой надобности: у Лиды все было готово; но, несмотря на это, съ приданымъ возились очень много. Вынимали вещи изъ шкафовъ, комодовъ и сундуковъ, пересматривали ихъ, по сту разъ примѣряли, критиковали, дополняли и усиленно придумывали, что-бы еще такое заказать. Бабуся оставила свои благотворительные кружки изъ гаруса и сдѣлалась центромъ домашней возни. Съ утра около нея собирался кружокъ женщинъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; вокругъ нея строились баррикады изъ креселъ и стульевъ, на которыя наваливались кучи изящныхъ тряпокъ. Бабуся изображала изъ себя неприступную крѣпость, потому что до нея нельзя было добраться. И строгая она такая была въ своемъ высокомъ кружевномъ чепцѣ, въ огромныхъ круглыхъ очкахъ, пытливымъ взглядомъ какъ-бы старавшаяся проникнуть въ самую сущность какого-нибудь лифа или капота.

«Всѣ до того были погружены въ это занятіе, что, повидимому, позабыли обо мнѣ. Къ кому-бы и зачѣмъ-бы я ни обратилась, мнѣ отвѣчали наскоро, какъ-бы желая только поскорѣй отдѣлаться. Я сама замѣчала, что поблѣднѣла и въ глазахъ моихъ вмѣсто прежняго безъ-заботно-наивнаго выраженія появилось жестокое и даже угрюмое.

«Однажды я не спала ночь. Нервы были разстрое-

Digitized by Google

ны, сердце такъ непріятно стучало,—какъ-то тупо и будто съ разстановкой. Я чувствовала себя обиженной, обойденной, несчастной. Нѣтъ, я никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что какая-нибудь случайность могла сразу отодвинуть меня на второй планъ. Видите, какая я была круглая и законченная эгоистка! Предстоящее замужество Лиды, моей сестры, человѣка такъ близкаго ко мнѣ, счастье Лиды—я считала ничтожной случайностью, потому что все это было не для меня, внѣ меня и помимо моей особы. Если-бы поставили рядомъ замужество Лиды и... ну, положимъ, предстоящее мнѣ катанье въ коляскѣ вдоль приморскаго бульвара, я право не знаю, не сочла-ли-бы я, что первое — не больше, какъ простая случайность передъ послѣднимъ. И это потому, что героиня катанья—я, а героиня замужества —Лида, т. е. не я.

«Всю ночь я не спала, и когда утромъ пришла въ кабинетъ, чтобы поздороваться съ отцомъ, папа былъ пораженъ моимъ видомъ.

«— Что съ тобой, моя дѣвочка? Ты нездорова?—ласково, какъ всегда, спросилъ онъ и приложилъ ладонь къ моему лбу.—Э, да у тебя маленькій жарокъ! Клаву надо уложить въ постельку...

«Ужъ онъ сейчасъ готовъ былъ сказать: надо послать за Семеномъ Андреевичемъ! И послалъ-бы, а Семенъ Андреевичъ пріѣхалъ-бы, заставилъ бы меня показать ему языкъ, уложилъ-бы въ постель и прописалъ-бы діэту. Но въ это время въ кабинетъ вошла мама.

«— Какъ ты думаешь,—обратилась она къ отцу:— заказать здѣсь цвѣты или лучше выписать изъ Петербурга? Я боюсь, что здѣсь не сумѣютъ сдѣлать такъ тонко...

«— А знаешь, это вопросъ! — И отецъ принялся серьезно обсуждать этотъ вопросъ. Вообще онъ никогда не интересовался туалетными дѣлами, но эта постоянная возня съ тряпками, охватившая весь домъ, и его, какъ онъ самъ говорилъ, «обабила», и онъ сталъ принимать

Digitized by Google

дѣятельное участіе въ обсужденіи костюмныхъ вопросовъ. Къ нему ежеминутно врывались въ кабинетъ, совѣтовались съ нимъ. Сначала это его раздражало, но потомъ онъ втянулся, и когда къ нему долго не шли, онъ самъ выходилъ въ гостиную и присоединялся къ дамамъ.

«Обсужденіе вопроса о цвѣтахъ было горячо и продолжительно. Я постояла съ минуту у стола, потомъ отошла въ сторону; на это никто не обратилъ вниманія. Тутъ я вся задрожала отъ злости, и въ эту минуту я ненавидѣла не только Лиду, но и всѣхъ другихъ—папу, маму, и .. и даже бѣдненькую бабусю. Я стрѣлой вылетѣла изъ кабинета, и мое бѣшенство усилилось еще оттого, что это никого не тронуло, никто не замѣтилъ моего отсутствія, не окликнулъ меня, не вспомнилъ, что «у Клавы жарокъ, и ее надо уложить въ постельку». Я прибѣжала къ себѣ, схватила попавшуюся мнѣ подъ руки мою маленькую шелковую подушечку, мою любимую думку, и въ бѣшенствѣ принялась теребить ее, швырять на полъ, топтать ногами и рвать на куски. Комната наполнилась летающимъ пухомъ, который садился на мебель и мнѣ на волосы и на платье.

«Папа очень скоро вспомнилъ обо мнѣ, звалъ меня и даже пришелъ ко мнѣ въ комнату. При видѣ его удивленія, я должна была сказать, что мою думку разорвалъ котенокъ Миха, хорошенькій рябенькій любимецъ мой... Сколько измѣнъ и вѣроломства!... Я была обижена и потому настойчиво сказала, что совершенно здорова, и просила не звать доктора. Это была тоже своего рода месть, тонкая, эгоистическая месть. Папа уговаривалъ, доказывая, что я блѣдна и глаза у меня воспалены, но я отказалась. Мнѣ доставляло удовольствіе сознаніе, что онъ будетъ бояться за меня

«У меня было тысяча случаевъ убѣдиться въ томъ, что весь домъ поглощенъ приданымъ и къ моей особѣ относится невнимательно. Каждый такой случай накоплялъ въ моей груди бѣшенство.

Digitized by Google

«Какъ-то я заспалась до двѣнадцати часовъ. Уже это одно меня обидѣло. Въ прежнее время кто-нибудь непремѣнно подошелъ-бы ко мнѣ часовъ въ десять и осторожно разбудилъ-бы меня: у насъ въ домѣ придерживались правилъ здравой гигіены. А теперь предоставили спать сколько угодно. Я подчеркнула это. Я вышла въ столовую. На столѣ былъ самоваръ—холодный; котлеты некрасиво были разбросаны по блюду,—очевидно, завтракали наскоро, торопились. Все выглядѣло неаппетитно, непривѣтливо, невкусно. Я сѣла и подперла голову ладонями. Я ждала, что будетъ дальше. Прошла мимо стола мама и, поспѣшая куда то, точно налету поцѣловала меня въ голову.

«— А ты только что встала? Ай, вотъ лѣнтяйка!— шутя промолвила она.

«— Все холодное!—сквозь зубы замѣтила я.

«— Пусть подогрѣютъ... Лиза, велите подогрѣть самоваръ и завтракъ!

«— Сейчасъ!—крикнула Лиза (наша экономка) изъ гостиной. Мама вышла изъ столовой. Я слышала, какъ бабуся поручила Лизѣ принести изъ шкафа какую-то кружевную накидку. Лиза побѣжала и, конечно, забыла о самоварѣ, о завтракѣ и обо мнѣ. Въ этотъ мигъ бѣшенство мое дошло до невѣроятной степени. Мнѣ хотѣлось и плакать, и бить посуду, и кричать, но я ничего этого не сдѣлала просто потому, что была хорошо воспитана. Передо мною лежала тарелка, а рядомъ—вилка и ножъ. Я обратила вниманіе на то, что ножъ, повидимому, только сегодня отточенъ и очень остеръ. Не помню, какимъ логическимъ путемъ я пришла къ своему дикому рѣшенію, потому что въ это время злоба кипѣла во мнѣ. Я схватила ножъ и съ непоколебимою жестокостью рѣзанула имъ по своему пальцу, по большому пальцу лѣвой руки.

«— А-ахъ! Ахъ!—раздался въ столовой дикій, отчаянный крикъ. Это кричала я, кричала отъ настоящей физической боли, которая была невыносима. Кровь стру-

Digitized by Google

илась изъ раны на тарелку, на скатерть, на мое платье, я продолжала кричать; въ столовую сбѣжался весь домъ, даже бабуся приплелась на своихъ дрожащихъ ногахъ.

«— Что такое? Что ты надѣлала? Какимъ образомъ? Боже мой! Воды, компрессъ, англійскій пластырь, Семена Андреевича!—восклицали всѣ.

«Я вся дрожала и была блѣдна. Я сама перепугалась, увидѣвъ, какъ глубока была рана и какъ много вытекло крови. Разумѣется, рану сейчасъ-же заботливо перевязали, былъ Семенъ Андреевичъ, всѣ за мной ухаживали. Я объяснила, что поранила себя нечаянно. Я лежала на постели и торжествовала. «Вотъ вамъ,—повторяла я про себя:—я заставила васъ заняться моей особой. Теперь побезпокойтесь-ка, повздыхайте-ка!»

«Моей раны хватило мнѣ на недѣлю. Она стала заживать и о ней стали забывать. И теперь еще на пальцѣ у меня остался рубецъ, и вотъ я сейчасъ смотрю на него и такъ живо припоминаю то время, словно оно картина за картиной нарисовано въ этомъ рубцѣ.

«До свадьбы оставалось недѣли двѣ. Должны были пройти рождественскіе праздники. А что-же онъ? Онъ продолжалъ казаться мнѣ такимъ-же недосягаемымъ идеаломъ и въ то-же время ненавистнымъ обидчикомъ. Я однако-жъ не пропускала ни одного случая загадочно или вызывающе посмотрѣть на него, сказать ему и иногда почти шепнуть какую-нибудь туманную фразу, которая должна была смутить его. Но онъ, казалось, былъ неуязвимъ. Онъ снисходительно и ласково полуулыбался мнѣ, какъ милому и немножко своенравному ребенку, былъ со мной любезенъ, вѣжливъ—и только.

«На Рождествѣ у богатаго коммерсанта Граціани былъ назначенъ балъ; мы, разумѣется, были приглашены. Намъ сдѣлали бальныя платья: мнѣ—розовое, Лидѣ—голубое. Мнѣ вообще шелъ розовый цвѣтъ, но Лида въ голубомъ была необыкновенно эффектна. Платье вышло пышнымъ и шикарнымъ. Когда я увидѣла ее наканунѣ бала примѣряющей платье, я сейчасъ-же поня-

Digitized by Google

ла, что всѣ будутъ смотрѣть не на меня, а на Лиду. Въ послѣднія недѣли Лида, подъ вліяніемъ счастливаго чувства, которое она постоянно испытывала, какъ-то расцвѣла, похорошѣла и сдѣлалась веселой и говорливой. Мысль о томъ, что Лида завтра будетъ имѣть передо мной всѣ преимущества, потому что, вдобавокъ ко всему, она еще будетъ съ княземъ, и многіе такъ и говорили, что у Граціани будетъ князь Походцевъ съ своей невѣстой,—эта мысль превратила мое смутное недовольство противъ Лиды въ ненависть къ ней, а изъ этой ненависти родилось желаніе сдѣлать ей что-нибудь непріятное, причинить ей горе.

«Въ день бала платья лежали на нашихъ кроватяхъ. Ровно за два часа до выѣзда я тихонько прошла въ нашу комнату, схватила ножницы, подбѣжала къ Лидиному платью и прорѣзала на немъ внизу спереди порядочную дыру. Я это сдѣлала въ одно мгновеніе, подъ вліяніемъ овладѣвшихъ мною дурныхъ чувствъ; но когда я увидѣла то, что сдѣлала, я почувствовала себя такъ, какъ будто совершила убійство. Помню, ясно помню, что у меня на мгновеніе въ сердцѣ мелькнуло даже такое странное ощущеніе,—что ножницы въ крови, какъ будто я разрѣзала не платье, а сердце моей бѣдненькой Лиды. Я уронила ножницы на полъ, руки у меня дрожали, сердце неистово билось, я задыхалась. Я бросилась на полъ и спрятала лицо въ ладони...

«Скоро въ домѣ поднялась тревога; Лида рыдала какъ маленькая; всѣ недоумѣвали, какъ это могло произойти и кто могъ это сдѣлать. Я уже овладѣла собой и удивлялась и недоумѣвала съ такимъ же естественнымъ видомъ, какъ и другіе. Вопросъ такъ и остался неразъясненнымъ, а Лида продолжала плакать и убиваться. Она такъ мечтала объ этомъ балѣ, гдѣ она будетъ вмѣстѣ съ княземъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ такомъ большомъ обществѣ въ качествѣ невѣсты...

«Въ послѣдній разъ! Какая это страшная фраза!

Digitized by Google

Бѣдная моя Лида, какъ ты искренно тогда плакала по поводу своей маленькой печали! Но вѣдь ты не знала, что есть на свѣтѣ безконечно большія печали, отъ которыхъ не плачутъ, потому что это безполезно и ничего не улучшитъ. Я даже теперь не прощаю себѣ, что я причинила тогда тебѣ это горе...

«Состояніе, въ которомъ я находилась тогда, было странно. Я и торжествовала, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было больно. Вѣдь Лида не сдѣлала мнѣ никакого зла, а все зло лежало во мнѣ, въ моемъ скверненькомъ себялюбіи. Довольно сказать, что я почти была рада, когда всезнающая и всеумѣющая бабуся, долго и пристально разсматривавшая раненное платье, вдругъ придумала какую-то ловкую комбинацію, мигомъ скомандовала портниху, и въ какіе-нибудь полчаса разомъ были вылечены двѣ раны: въ платьѣ и въ сердцѣ Лиды...

«Мы немного опоздали и пріѣхали въ самый разгаръ бала. Князь былъ тамъ, онъ безпокоился. Мама все время говорила, но только мнѣ, а не Лидѣ, что исторія съ платьемъ—не къ добру. Лида была эффектна и сіяла отъ счастья. Немножко заплаканные глаза придавали ея лицу какую-то загадочную прелесть.

«— А все-таки, все-таки это не къ добру!...—еще разъ повторила мнѣ на ухо мама и впродолженіе всего вечера лицо ея было печально.

«А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это было не къ добру... Бѣдная моя Лида!»

XII.

Дверь скрипнула и въ школьную комнату вошла Хивря. Маничка подняла голову и только теперь замѣтила, что наступали уже раннія зимнія сумерки. Сердце ея усиленно билось и ей нужно было сдѣлать большое усиліе, чтобъ осмыслить и признать реальнымъ фактомъ появленіе и даже самое существованіе Хиври.

— Барышня, а оны опять пришли! —сдерживая голосъ, сказала Хивря.

Digitized by Google

— Кто такіе?

— Килина съ дочкой. Уже вы, барышня, не взыщите съ ихъ, потому это я виновна... я пошла къ Килинѣ да и покликала ее: иди, говорю, моя паняночка мягчѣе стала. И даже я пошутила: это, говорю, должно быть, твоего маслица поѣвши... А она страсть въ какой бѣдѣ. Хорошій человѣкъ свататься хочетъ, только говоритъ: пока, говоритъ, она отъ этого шельмеца Цвиркуна не отстанетъ, такъ даже и разговора не можетъ быть... Ужъ вы, барышня, поговорите съ ей, съ дѣвкой!...

— Да вѣдь ничего не выйдетъ, Хивря...

— Выйдетъ... Я вамъ говорю, выйдетъ...

— Зовите!

Хивря моментально выскочила изъ комнаты. Маничка рѣшительно не знала, что она скажетъ этой заблудшей дѣвкѣ и какими доводами будетъ вліять на нее. Но она рѣшила попробовать главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать удовольствіе Хиврѣ, которая теперь казалась ей добрымъ и совершенно безкорыстно расположеннымъ къ ней существомъ. Черезъ минуту дверь снова отворилась и черезъ порогъ тяжело и неловко перевалилась здоровая, полнотѣлая дѣвица, которую Маничка уже видѣла. Она остановилась у порога и смотрѣла въ полъ.

— Идите-ка сюда!—сказала ей Маничка, сдерживая улыбку, которую вызвала въ ней мысль, что у этого тяжеловѣснаго и неотесаннаго существа есть тоже романъ. Дѣвица быстрыми шагами, стуча большими сапогами, подошла къ столу и круто остановилась.

— Присядьте пожалуйста, вотъ здѣсь!—Маничка указала ей на ближайшую скамейку. Та покорно присѣла. Лицо ея было совершенно красно отъ смущенія; она не знала, куда дѣвать глаза. «Что я ей скажу?» подумала Маничка. Но такъ какъ что-нибудь надо было сказать, то она начала, очень, правда, нетвердо:

— Ваша мать очень огорчена тѣмъ, что вы водите знакомство съ этимъ... кажется, Цвиркуномъ его зовутъ...

Digitized by Google

Ну, давайте поговоримъ объ этомъ... Вы дѣвушка и я тоже дѣвушка, вотъ мы, можетъ быть, и поймемъ другъ-друга лучше.

Маничка перевела духъ и остановилась. Что-жъ дальше? Предполагается, что этотъ Цвиркунъ—злодѣй большой руки. Съ этой точки зрѣнія и надо трактовать предметъ. Ну, а если это только личное мнѣніе Килины? А вдругъ этотъ Цвиркунъ въ дѣйствительности — складъ всякихъ добродѣтелей? Но все-таки—говорить надо.

— Этотъ Цвиркунъ, говорятъ, очень дурной человѣкъ... Правда-ли это? какъ вы думаете?

— Самый что-ни-на-есть разбойникъ!—совершенно неожиданно отвѣтила дѣвушка.

— Да? Вы это знаете? Такъ почему же вы тогда водите съ нимъ знакомство?

— Хорошій парень! красивый!—со вздохомъ промолвила дѣвушка.

— Гм... Но однако-жъ онъ на васъ не женится, обманетъ васъ... Онъ обѣщалъ жениться? Да?

Тутъ произошла полная неожиданность. Дѣвка вдругъ разрыдалась и, поднявъ уголъ фартука, вытирала имъ слезы.

— О чемъ вы?—спросила Маничка.

— Обѣщалъ... мошенникъ... Онъ, можетъ, уже десятой обѣщаетъ... Тѣмъ, говоритъ, я брехалъ... а тебѣ правду говорю!..

— Ну, а вы какъ думаете, правду онъ вамъ говоритъ?

— Брешетъ, побей меня Богъ, брешетъ, какъ собака!..

Маничка улыбнулась наивности этого солиднаго созданія.

— Вы вотъ что: вы прежде всего успокойтесь. Вытрите слезы и перестаньте плакать. Вотъ такъ. А теперь поговоримъ. Если даже вы не вѣрите его словамъ, то, значитъ, онъ плохой человѣкъ. Ну, за что-же такого любить, сами посудите! Онъ поиграетъ и броситъ васъ, да еще смѣяться будетъ надъ вами. А у васъ, го-

Digitized by Google

ворятъ, есть хорошій женихъ. Пока васъ Цвиркунъ не бросилъ, вы сами его бросьте; тогда ужъ не онъ надъ вами, а вы надъ нимъ смѣяться будете. Правда?

— А вже-жъ правда!

— Ну, то-то и есть! Совѣтую вамъ такъ и поступить. И матери вашей пріятно будетъ, и вы сами хорошо устроитесь. Теперь идите!

Дѣвка поднялась и вышла. «Кажется, я была даже слишкомъ краснорѣчива», подумала Маничка. Въ это время изъ сѣней долетали до ея слуха отрывочныя фразы изъ разговора Килины съ Хиврей.

— Ужъ я ей... Господи, Царица небесная!..—слышался исполненный умиленія голосъ Килины:—Къ Ризду поросеночка .. самаго чистенькаго... Маслица, приходи, дамъ... Всѣмъ подѣлюсь... Мнѣ-бы дѣвку выправить... Сколько-то говорила... Душа въ ей есть... Истинно есть душа! Ужъ поросеночка такого подберу... Царица небесная!..

— И повѣрь, что дѣвка образумится!—съ своей стороны увѣряла Хивря: — покойница Клавдія Антоновна, бывало, голубушка моя...

Тутъ онѣ перешли изъ сѣней во дворъ, откуда доносился только глухой гулъ отъ ихъ разговора, но словъ совсѣмъ нельзя было разобрать.

Маничка сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, потомъ встала и начала съ волненіемъ ходить по комнатѣ. Она никакъ не могла понять своего теперешняго душевнаго состоянія. Сказать, что въ груди ея вмѣсто злыхъ появились добрыя чувства, она не могла. Не возгорѣлась она любовью къ этой глупой дѣвкѣ и къ ея матери,—за что, съ какой стати, что онѣ ей? Ничѣмъ онѣ не возбуждаютъ ея симпатіи. Если у нея есть доброе чувство къ Хиврѣ, то это очень просто объясняется: Хивря старается сдѣлать ей удовольствіе, ухаживать за нею, любовно смотрѣть ей въ глаза. Подобное обращеніе невольно подкупаетъ. Вотъ и все. А между тѣмъ она чувствуетъ,

Digitized by Google

что съ ней самой произошла существенная перемѣна,— отъ сердца отлегла злость, которая, терзая другихъ, и ее самое душила, и ей вдругъ стало легко. Точно какая то тяжелая завѣса вдругъ отодвинулась въ сторону, и она увидѣла Божій міръ въ совершенно новой окраскѣ. Свѣтъ не такъ мраченъ, люди не такъ плохи, какъ это ей казалось. И все это произошло, вѣроятно, оттого, что она первый разъ въ жизни заглянула въ глубину человѣческаго сердца, которое передъ нею открыла Клавдія Антоновна. Все, что прежде ее окружало, не исключая отца, матери и даже Понятьева, соприкасалось съ нею поверхностно. Ни отъ кого не повѣяло на нее той особенной, способной творить чудеса, теплотой, которой обладаетъ только горюющее и искренно исповѣдающееся человѣческое сердце. И вотъ отъ дневника этой уже умершей дѣвушки на нее повѣяло теплотой сердечной исповѣди. Ощущеніе ея походило на то, какъ если-бы послѣ холодной и ненастной ночи она очутилась въ тепломъ, свѣтломъ, уютномъ домѣ, гдѣ можно согрѣться и отдохнуть, или если-бы послѣ долгаго мучительнаго одиночества она нашла друга. Ей было хорошо, легко, она это цѣнила и всецѣло приписывала вліянію тетради Клавдіи Антоновны.

Сумерки сгустились. Хивря возилась въ сѣнцахъ съ самоваромъ. Маничкѣ не хотѣлось идти на свою половину. Ей казалось, что Зинаида Петровна прочтетъ на ея лицѣ ея чувства и мысли, заведетъ разговоръ и своей полной неспособностью сколько-нибудь понять ее, унизитъ и опошлитъ чувство, которымъ она такъ дорожила. Между тѣмъ въ комнатѣ было темно и нельзя было продолжать чтеніе. Въ это время ей послышалось, что въ сѣни кто-то вошелъ. Хивря привѣтливо сказала: «Ахъ, Боже мой! Пожалуйте, пожалуйте! Вотъ сюда!» И вошедшіе, которыхъ, повидимому, было двое, прошли въ квартиру. Тамъ опять раздались привѣтственныя восклицанія и начался разговоръ. Маничка полуоткрыла дверь и спросила Хиврю о гостяхъ.

Digitized by Google

— А это матушка-попадья съ своей поповной!—таинственно отвѣтила Хивря.

У Манички явилось желаніе посмотрѣть ихъ. Это тоже была новость. Люди были ея врагами; не было для нея большаго огорченія, какъ необходимость новаго знакомства; всѣ казались ей неинтересными, скучными и тяжелыми. Теперь ей именно захотѣлось посмотрѣть людей, какихъ-нибудь, это все равно, лишь-бы были живые люди.

Она спрятала тетрадь въ ящикъ парты и вышла изъ школьной комнаты.

Первое, что ее поразило, это стоявшая на столѣ канделябра съ тремя зажженными свѣчами. Очевидно, Зинаида Петровна рѣшилась ослѣпить деревенскихъ дамъ остатками своего былого величія. А на ней самой была надѣта темнокрасная кофточка къ черной юбкѣ, на головѣ же была тоже краснаго цвѣта наколка. Красный цвѣтъ былъ ея любимымъ и такъ или иначе участвовалъ во всѣхъ ея туалетахъ прежнихъ счастливыхъ лѣтъ.

При появленіи Манички, по лицу Зинаиды Петровны пробѣжала легкая тѣнь. Это лицо какъ бы говорило: «Ахъ, боюсь, какъ бы она своимъ мрачнымъ характеромъ и рѣзкой манерой обращаться съ людьми не испортила вечера!» Вслухъ же Зинаида Петровна сказала:

— Вотъ это моя дочь—Маничка, Марья Владиміровна. А это — матушка и ихъ дочь, Софья Семеновна.

— Ужъ вы извините насъ!—мужественнымъ голосомъ проговорила матушка.—Такъ ужъ надобно было отдать визитъ вашей мамашѣ... Онѣ у насъ сколько разъ были, а мы у нихъ ни разу... Да признаться, очень-таки хотѣлось познакомиться съ вами... Хоть вы и гордячка такая и отъ насъ сторонитесь, а все-же...

— О, нѣтъ, вы напрасно такъ думаете!—привѣтливымъ голосомъ и сильно покраснѣвъ, отвѣтила Маничка.—

Digitized by Google

Я сама очень хочу познакомиться съ вами. Я просто не успѣла освоиться съ новымъ для меня положеніемъ... Я очень рада, что вы пришли...

«Что это она, смѣется, или какъ?»—съ неопредѣленной тревогой подумала Зинаида Петровна. Но Маничка говорила такъ просто и повидимому безъ всякой «загвоздки», не хмурила бровей, скорѣе сама конфузилась, чѣмъ хотѣла кого-нибудь смутить. При томъ же у нея съ матушкой и съ Софьей Семеновной, въ то время какъ Зинаида Петровна хлопотала вмѣстѣ съ Хиврей около стола, завязался оживленный разговоръ, въ которомъ Маничка съ неподдѣльнымъ любопытствомъ разспрашивала гостей о томъ, какъ онѣ проводятъ время, не скучно ли имъ, удивлялась, что можно не скучая прожить всю жизнь въ деревнѣ. Однимъ словомъ, это была *не та Маничка*, какъ мысленно опредѣлила Зинаида Петровна; и несмотря на такое благопріятное обстоятельство, у нея въ сердцѣ все время было тревожное чувство. А вдругъ *не та Маничка* превратится *въ ту*, нахмуритъ брови, искры заблистаютъ въ глазахъ и она скажетъ: «Подите вы отъ меня, надоѣли вы мнѣ, противны вы мнѣ!» повернется спиной къ гостямъ и выбѣжитъ изъ комнаты...

Маничка присматривалась къ гостямъ. Обѣ онѣ, сверхъ ожиданія, оказались приличными дамами. У матушки до нѣкоторой степени предателемъ былъ языкъ. Она не говорила «обнаковенно» или «пашталетъ» (вмѣсто пистолетъ), какъ говаривала Хивря, когда ей приходила фантазія, вмѣсто прирожденнаго ей малороссійскаго, пользоваться литературнымъ языкомъ, зато у нея на каждомъ шагу попадались такія выраженія, какъ «хотишь», «скучила за городомъ», «негляже» и т. п. Это была, въ противность обычному представленію о деревенскихъ матушкахъ, худая, желтолицая особа, съ привѣтливой улыбкой на тонкихъ, безцвѣтныхъ губахъ, съ пріятнымъ пѣвучимъ голосомъ. Скромный темный цвѣтъ одежды шелъ къ ея лицу, отразившему на себѣ множество перенесен-

Digitized by Google

ныхъ ею болѣзней и, несмотря на это, оживленному и даже веселому.

Софья Семеновна, напротивъ, по внѣшности обѣщала въ будущемъ, въ случаѣ благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, сдѣлаться форменной матушкой. Круглолицая, краснощекая, плотная, она вся дышала здоровьемъ и свѣжестью и казалась сдѣланной изъ желѣза. Ея голосъ былъ крѣпкій и внушительный, ея смѣхъ былъ звонкій и здоровый, ея походка и манеры были рѣшительны: однимъ словомъ, она была то, что называется молодчина-дѣвка. Ея громкій говоръ, постоянно сопровождаемый смѣхомъ, потому что она была веселая дѣвушка и любила говорить о веселомъ, способенъ былъ заглушить какой-бы то ни было шумъ. Костюмъ ея былъ—свѣтлое шерстяное платье, сшитое недавно, и розовая ленточка на шеѣ; а двѣ тяжелыхъ и длинныхъ косы возбудили зависть въ Маничкѣ, которая прямо сказала ей:

— Что за прелесть у васъ волосы! Откуда вы ихъ такіе достали?

— Богъ далъ! Сами выросли!—съ веселымъ смѣхомъ отвѣтила Софья Семеновна.

Маничка была очень удивлена, когда узнала, что поповна интересуется книгами и очень много читаетъ.

— Скучно такъ сидѣть!—просто объясняла она.—Иной разъ завалишься на кровать съ какой-нибудь толстой книгой,—романъ ли, или журналъ,—да и пролежишь, пока всю книгу не прикончишь!

— Это правда!—подтвердила матушка.—Случается, что зовешь ее, зовешь обѣдать, а она ни съ мѣста. Не могу, говоритъ, очень интересно... И даже вовсе обѣдать не идетъ, ни ѣсть, ни пить не хотитъ... Вотъ какая...

— Откуда же вы берете журналы?—полюбопытствовала Маничка.

— А мы и сами выписываемъ, какъ же. Отецъ Семенъ выписываетъ цѣлыхъ три журнала: «Ниву», потомъ «Епархіальныя Вѣдомости» и потомъ... Вотъ ужъ

Digitized by Google

не упомню... Вѣстникъ какой то... Соничка, какой это у насъ вѣстникъ?

— «Вѣстникъ Европы», мамаша... Ахъ, я читаю тамъ теперь одну повѣсть Бобарыкина! Прелесть что такое! Вы не читали еще? Въ послѣдней книжкѣ...

— Н-нѣтъ... Я... еще не видѣла этой книжки! —отвѣтила Маничка и покраснѣла. «Вѣстникъ Европы»... Да, есть такой журналъ, и есть еще много другихъ журналовъ. Напримѣръ «Русскій Вѣстникъ» —журналъ, «Всемірная Иллюстрація» —тоже, кажется, журналъ. А вѣдь она никогда въ своей жизни не читала ни одного журнала. Какъ это странно! Поповна, деревенская дѣвушка, все это читаетъ и обо всемъ этомъ можетъ говорить, а она, жившая въ городѣ, въ такомъ обширномъ кругу, никогда не брала ни одной книги въ руки. И замѣчательно, что у нихъ бывали и учителя, и офицеры, и инспекторъ училищъ, и адвокаты, и никто никогда даже не намекнулъ ей о томъ, что «дѣлается въ книгахъ». Всѣ смотрѣли на нее какъ на игрушку, куклу, которую надо только наряжать, чтобы играть ею. А отецъ и мать? Но полно, они сами никогда не читали книгъ. По мнѣнію Зинаиды Петровны, это значило «утруждать себя», и она себя не утруждала и, очень естественно, и дочку не хотѣла утруждать.

Это ничего, что поповна читаетъ книги и журналы. А вотъ что скверно,—что Маничкѣ пришлось солгать передъ нею, очень ловко прикинувшись, что она не видѣла только послѣдней книжки, и покраснѣть. Она тутъ же дала себѣ слово, хотя бы изъ самолюбія, какимъ-нибудь способомъ познакомиться съ разными журналами и книгами, чтобы не краснѣть передъ поповной. Отъ Клавдіи Антоновны осталась куча книгъ и, кажется, тамъ есть какіе то журналы за нѣсколько лѣтъ; вотъ она и займется ими. А пока что, въ сердцѣ у нея смутно шевельнулось какое то непріязненное чувство къ Софьѣ Семеновнѣ. Но хорошо было то, что она сейчасъ же пой-

Digitized by Google

мала себя на этомъ и подумала: «Это—зависть, дурное чувство!» и удвоила любезность.

Пили чай и хвалили масло, доставленное Килиной Вороненковой. Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что Софья Семеновна училась въ епархіальномъ училищѣ и кончила курсъ даже съ медалью, не чужда нѣкотораго знанія французскаго языка и немножко играетъ на фортепіано. Однимъ словомъ, дѣвица оказалась хоть куда, и Маничка по совѣсти не могла сказать, что провела вечеръ скучно. Все въ этихъ людяхъ было не такъ, какъ въ тѣхъ, которыхъ она прежде видѣла, и вниманіе ея невольно останавливалось то на той, то на другой чертѣ, казавшейся ей новой. Маничка припомнила, что и у Хиври, на что ужъ она незамѣтная личность, нашлось не мало своего, оригинальнаго, о чемъ слѣдовало подумать; даже эта неумная дѣвка, съ которой ей пришлось сегодня вести бесѣду, даже она обладаетъ коечѣмъ своимъ, хотя бы оригинальнымъ фасономъ своей глупости.

«Чего добраго, придешь къ заключенію, что всѣ люди интересны!» полушутя думала Маничка.

— Ну, ужъ теперь надѣюсь, что и вы у насъ побываете!—сказала ей прощаясь матушка.

— Непремѣнно, непремѣнно!—съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтила Марья Владиміровна, и у нея въ самомъ дѣлѣ явилась мысль: «Интересно, какъ эти люди живутъ у себя дома!»

Когда гости ушли, Зинаида Петровна ни однимъ словомъ не намекнула на то, что перемѣна въ поведеніи Манички удивляетъ ее. Она боялась нарушить очарованіе и ограничилась тѣмъ, что посмотрѣла на дочь полнымъ благодарности взглядомъ. Когда же Хивря разсказала ей шепотомъ о собесѣдованіи Манички съ Килининой дѣвкой, Зинаида Петровна даже перекрестилась и сказала тихонько: «Господи, ты услышалъ мою молитву!», хотя справедливость требуетъ сказать, что ни о чемъ она не молилась.

Digitized by Google

XIII.

Хивря тотчасъ же принялась вытаскивать ящики и дѣлать постель для Манички. Это она считала уже для себя обязательнымъ, и такимъ образомъ блаженство Зинаиды Петровны было обезпечено.

— Ты что будешь дѣлать?—спросила у Манички Зинаида Петровна, видя, что та приставляетъ къ постели стулъ со свѣчей.

— Я почитаю немного!—отвѣтила Маничка.

— Что ты будешь читать?

— Да такъ... кое-что!

Маничка рѣшительно не хотѣла дѣлиться съ матерью своими впечатлѣніями, полученными отъ чтенія, а Зинаида Петровна не рѣшалась спросить ее о томъ, какого она мнѣнія о гостяхъ и въ самомъ ли дѣлѣ она пойдетъ къ матушкѣ. Разговоръ такимъ образомъ между ними не состоялся. Зинаида Петровна легла въ постель, повернулась лицомъ къ стѣнѣ и очень скоро заснула. Маничка тоже улеглась, раскрыла тетрадь и читала.

«Здравый смыслъ мнѣ говоритъ теперь и тогда говорилъ, что я никакимъ образомъ не могла быть причиной того, что произошло, и тѣмъ не менѣе я чувствовала себя виноватой, и у меня нестерпимо болѣло сердце. Я разрѣзала бальное платье Лиды, но бабуся очень ловко замаскировала разрѣзъ, и дѣло было поправлено. Лида была въ отчаяніи и плакала, но потомъ она утѣшилась, поѣхала на балъ и у нея былъ счастливый видъ. Если она, возвращаясь съ бала, простудилась и, бѣдненькая, слегла въ постель, то какимъ образомъ я могла быть виновата въ этомъ? Втеченіе всего бала я вела себя по отношенію къ ней вполнѣ корректно, какъ любитъ выражаться папа; я скорѣе походила на сознавшую свою вину, хотя тщательно скрывавшую это, чѣмъ на строившую козни. Нѣтъ, не до козней мнѣ было—сердце болѣло...

Digitized by Google

«Лида слегла въ постель не на шутку. Пріѣхалъ Семенъ Андревичъ и растерялся. Это страшно встревожило всѣхъ.

«— Что такое? Говорите-же! Боже мой!—приставали къ нему, а онъ ничего не могъ сказать.

«— Еще самъ не знаю. Подождать надо сутки. Но...

«— Но? Что-же «но»? Неужели опасность?

«— Надо быть готовыми къ серьезному... Можетъ оказаться воспаленіе легкаго и притомъ крупозное...

«Ужасъ охватилъ весь домъ. Крупозное воспаленіе легкаго — вѣдь это почти смерть. Лида—невѣста, Лида была наканунѣ блестящаго замужества и несомнѣннаго счастья, и вдругъ... Что же это за наказаніе неба? За какіе грѣхи?

«Я присмирѣла и забилась въ уголъ, боясь подумать о томъ, что можетъ случиться. И почему то мысль о томъ, что я въ этомъ виновата, мысль, несогласная съ фактами и противорѣчившая всякой логикѣ, неотступно преслѣдовала меня.

«Когда я думаю теперь, почему моему сердцу, до сихъ поръ черствому, себялюбивому, вдругъ стало доступно теплое чувство раскаянья, я отвѣчаю на этотъ вопросъ: потому, что оно уже испытало кой-какія горести, правда—ненастоящія, выдуманныя, несущественныя, но это все равно,—оно переживало ихъ съ болью, какъ самыя серьезныя горести. Онѣ размягчили его, мое сердце, окаменѣвшее отъ однѣхъ радостей.

«Семенъ Андреевичъ не ошибся. Лида лежала въ бреду; пригласили другихъ докторовъ и всѣ нашли, что у нея крупозное воспаленіе легкаго. Я видѣла, какъ папа, получивъ эту вѣсть, бросился въ кресло и зарыдалъ какъ ребенокъ. «Бѣдная моя дѣвочка! Такъ близко было твое счастье! О, проклятые балы, проклятые танцы!» Но нѣтъ, нѣтъ, я была глубоко убѣждена, что это не балъ и не танцы виноваты, а я, только одна я. Я доставила ей тогда великое огорченіе. Почемъ знать,—быть можетъ, если бы я не совершила своего постыднаго

Digitized by Google

подвига, все сложилось бы иначе. Мы могли уѣхать съ бала получасомъ раньше, Лида не была бы такъ взволнована и меньше танцовала бы; масса мелочей привязывалась къ этому случаю. Главное—все въ этотъ вечеръ распредѣлилось бы хоть каплю иначе и, можетъ быть, отъ этого Лида избѣжала бы простуды.

«Все въ домѣ было мрачно и печально. Бабуся не вязала кружковъ, а съ утра до вечера читала Евангеліе. Мама сидѣла на одномъ мѣстѣ — растерянная, убитая. Князь заходилъ каждый день и лицо его было печально, но эта печаль, какъ мнѣ казалось, была холодная и приличная; онъ приходилъ, входилъ въ кабинетъ, сидѣлъ полчаса и уходилъ, и все это дѣлалъ почти молча; это должно было означать, что онъ потрясенъ печалью. Всѣ такъ и думали, такъ и говорили, но я этому не вѣрила, почему—сама не знаю. Мнѣ казалось, что спокойное выраженіе его глазъ не соотвѣтствовало его вытянутому и постному лицу. Впрочемъ, это были въ моей головѣ отрывочныя, полусознанныя мысли: теперь я это ясно понимаю, а тогда почти только смутно чувствовала.

«Мнѣ нѣтъ надобности описывать подробно тяжелые дни. Скажу только, что былъ моментъ, когда у меня явился хорошій порывъ,—пойти въ комнату, гдѣ лежала Лида, и остаться тамъ ухаживать за нею. Но мама пришла въ ужасъ, когда я высказала ей мою мысль.

«— Боже тебя сохрани! Это такъ заразительно! Довольно одного несчастья!

«И меня не пустили къ Лидѣ. Она была изолирована. За нею ухаживала сестра милосердія, а наши только изрѣдка заходили къ ней, и то со всевозможными предосторожностями. Меня это возмущало до глубины души, а больше всѣхъ возмущалъ Семенъ Андреевичъ, который настойчиво предостерегалъ насъ быть осторожными.

«Бѣдненькая Лида не перенесла болѣзни и умерла на десятый день своихъ мученій. Когда я узнала объ этомъ, я буквально упала на полъ отъ отчаянія и рыдала, и меня никакъ не могли утѣшить. Да и кому было

Digitized by Google

утѣшить, когда всѣ были подавлены и убиты горемъ. Лида умерла, Лиду похоронили со всѣмъ комфортомъ, какой только въ этихъ случаяхъ можетъ быть предоставленъ большими средствами...

«Пропала моя веселость, сошелъ румянецъ со щекъ, я стала молчалива и малоподвижна. Я по цѣлымъ часамъ просиживала гдѣ-нибудь на диванѣ. Мысль о томъ, что я виновата въ этой смерти, не давала мнѣ спать. Всѣ искренно скорбѣли, но мой видъ былъ таковъ, что начали опасаться за меня и стали поговаривать о поѣздкѣ куда-нибудь за границу, о какомъ-нибудь спеціальномъ развлеченіи—исключительно для меня.

«Теперь я перехожу къ разсказу о самомъ главномъ и самомъ ужасномъ. Но послѣ того произошло такъ много, сердце мое такъ закалилось и умъ такъ окрѣпъ, что я чувствую себя способной разсказать все спокойно, какъ исторію, которая была не со мной, а съ какимъ-то постороннимъ для меня человѣкомъ. Близкіе мнѣ люди были дѣйствующими лицами въ этой исторіи и это обстоятельство могло-бы помѣшать мнѣ быть безпристрастной; но люди эти отошли уже отъ моего сердца далеко-далеко и другія существа стали моими близкими, существа, о которыхъ я тогда не имѣла представленія. Итакъ, ничто не помѣшаетъ мнѣ быть вполнѣ безпристрастной и я разскажу о величайшемъ оскорбленіи, нанесенномъ моему сердцу».

Церковный сторожъ прозвонилъ двѣнадцать. Маничка знала, что ей пора спать, — завтра надо подняться въ семь часовъ; въ восемь придутъ школьники. Какъ это ни скучно, но обязанности—прежде всего. Завтра у нея будетъ болѣть голова, если она поздно уснетъ; но это ничего. Каждая новая страница этой сердечной исповѣди была интереснѣе предыдущей. Хотя исторія, разсказанная Клавдіей Антоновной, нисколько не походила на исторію Манички, но ей казалось, что это и есть повѣсть ея сердца. Да, именно—ея сердца, не жизни, которая совсѣмъ иначе сложилась, а сердца, которое чуяло

Digitized by Google

здѣсь что-то сродное. Маничка не могла побороть желанія читать и рѣшила примириться съ завтрашней головной болью. Да и сонъ не шелъ къ ней. Впечатлѣнія прочитаннаго, образъ несчастной Лиды, простившейся съ жизнью почти наканунѣ полнаго счастья, блѣдная фигура опечаленной и подавленной покаяніемъ Клавы, величественная бабуся, съ большими круглыми очками на носу, читающая Евангеліе, холодно-скорбное лицо князя,— все это неотвязно толпилось въ ея воображеніи и мѣшало мысли успокоиться и глазамъ сомкнуться. И въ чемъ-же состояло это оскорбленіе, самое большое оскорбленіе, какое нанесли Клавѣ за всю ея жизнь? И кто изъ близкихъ людей нанесъ ей это оскорбленіе? Все это были для нея жгучіе вопросы, требовавшіе немедленнаго отвѣта.

«Мы всѣ, конечно, носили глубочайшій трауръ. Бабуся, несмотря на горе, была все-таки наблюдательна и говорила, что черный цвѣтъ и особенно креповый вуаль—удивительно мнѣ къ лицу. Но я этимъ вопросомъ не интересовалась.

«Прошло уже шесть недѣль со времени нашей тяжелой утраты. Мы были въ соборной церкви, гдѣ выслушали обѣдню и панихиду въ память Лиды. Въ этотъ день мнѣ было какъ-то особенно грустно, и когда мы вернулись изъ церкви, я поплакала съ полчасика въ своей комнатѣ. Князь завтракалъ у насъ, и мнѣ показалось, что онъ какъ-то многозначительно посматривалъ на меня. Я подумала, что онъ замѣтилъ мои слезы, и мнѣ сдѣлалось неловко. Я не люблю, чтобы видѣли мои слезы. Въ разговорѣ онъ сказалъ какъ-бы между прочимъ, что по всей вѣроятности получитъ новое назначеніе и опять будетъ жить въ Петербургѣ. Папа и мама почти одновременно вздохнули съ глубокимъ чувствомъ, а онъ опять бросилъ въ мою сторону продолжительный пристальный взглядъ.

«Послѣ завтрака князь пошелъ съ папой въ кабинетъ и довольно долго тамъ оставался. Папа вышелъ въ гостиную, гдѣ мы сидѣли; у него было взволнован-

Digitized by Google

ное лицо, но не тревога свѣтилась въ немъ, а скорѣе радость. Онъ поспѣшно пригласилъ въ кабинетъ маму и они оба ушли.

«— Ты знаешь, о чемъ они говорятъ?—спросила меня бабуся.

«— Откуда мнѣ знать?—сказала я. Да это меня и не интересовало.

«— И не догадываешься?

«— Нисколько!

«— Ахъ, ты глупенькая, глупенькая!

«И больше ничего бабуся не сказала,—должно быть потому, что я не допытывалась. Князь скоро вышелъ изъ кабинета и выразительно простился съ нами. Папа провожалъ его въ переднюю и все время улыбался. Я не понимала, какъ можно было улыбаться и говорить о какихъ-то дѣлахъ въ день, когда молились за Лиду и вспоминали о ней, и въ этотъ моментъ у меня шевельнулось въ груди непріязненное чувство противъ отца и противъ мамы.

«Когда князь ушелъ, папа подсѣлъ ко мнѣ, обнялъ меня правой рукой за талію и пригласилъ пройтись по залѣ.

«Милая моя Клавочка,—сказалъ папа, когда мы ходили по залѣ: — я долженъ сообщить тебѣ очень важную вещь... Конечно, тутъ рѣшающій голосъ принадлежитъ тебѣ. Ты знаешь наши съ мамой принципы и никогда не подумаешь, чтобы мы рѣшились что-нибудь тебѣ навязывать. Но я твердо вѣрю въ твое благоразуміе... Дѣло въ томъ, Клавочка, что князь... Онъ такъ привязался къ нашему семейству и всѣхъ насъ такъ любитъ... Ему было-бы тяжело разстаться съ нами. Богъ послалъ намъ и ему тяжелое испытаніе, но противъ Бога спорить нельзя... Князь ужъ мнѣ и твоей матери сообщилъ, а сегодня вечеромъ онъ поговоритъ съ тобой. Онъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе.

«Я не въ состояніи описать впечатлѣніе, какое произвели на меня эти слова. Удивленіе, ужасъ, презрѣніе, негодованіе, всѣ эти чувства разомъ со всѣхъ сторонъ

Digitized by Google

сдавили мое сердце и я не была въ состояніи вымолвить ни одного слова. Я остановилась и смотрѣла на отца должно-быть страннымъ взглядомъ, потому что онъ счелъ нужнымъ успокоительно положить мнѣ на плечо руку. Мое волненіе онъ объяснилъ естественнымъ смущеніемъ дѣвушки, которой сообщаютъ о замужествѣ. Папа продолжалъ:

«— Ты понимаешь, моя дѣвочка, что свадьба не можетъ состояться прежде, чѣмъ истечетъ годъ послѣ смерти Лидочки, и до тѣхъ поръ даже никто не долженъ знать объ этомъ. Мы должны сдѣлать это ради памяти нашей бѣдной Лиды. Князь — прекрасная партія для моей дочери. У него въ Петербургѣ большія связи и онъ пойдетъ блестящимъ образомъ. У него только нѣтъ состоянія. Но это ничего. Ты знаешь, что за Лидой мы давали около двухсотъ тысячъ, а за тобой есть наше рязанское имѣніе, стоющее около этого... Теперь эти два состоянія соединятся въ одно и вы такимъ образомъ будете достаточно обезпечены. Подумай, моя дѣвочка, обо всемъ этомъ...

«Папа поцѣловалъ меня въ лобъ и отпустилъ. Я молча прошла въ свою комнату. Я прошла такимъ образомъ, чтобы миновать гостиную, чтобъ меня не видѣли ни мама, ни бабуся. Я не плакала, не убивалась, не бросалась на кровать, не зарывалась въ подушку. Все это были способы слишкомъ ничтожные для выраженія моего чувства. Тысяча вопросовъ толпились въ моей головѣ, наступая другъ на друга, а въ сердцѣ появлялось какое-то жестокое чувство, грубое до того, что, мнѣ казалось, я могла-бы осязать его. Вѣдь они-же любили Лиду — мои отецъ и мать! Они такъ трогательно заботились о ея счастьѣ, такъ велико было ихъ горе, когда она заболѣла, и отчаянье, когда она умерла. И что-же? Я могу думать, что мысль о бракѣ моемъ съ княземъ закралась въ ихъ головы, можетъ быть, уже тогда, когда бѣдняжку Лиду везли на печальныхъ дрогахъ... И они не ужаснулись, не возмегодовали... Они только не высказали этой мысли, дожидаясь, пока пройдутъ шесть недѣль, положенныя обы-

Digitized by Google

чаемъ для того, чтобъ хранить память о дорогихъ покойникахъ. И вотъ прошли шесть недѣль, кончился срокъ, значитъ можно улыбнуться и высказать свою мысль. Да, это не подлежитъ сомнѣнію, что такая мысль давно была у нихъ, не даромъ они такъ глубоко вздыхали, когда за завтракомъ князь сообщилъ объ ожидаемомъ имъ возвращеніи въ Петербургъ.

«А князь, очевидно, тоже втихомолку раздѣлялъ ихъ мысли. Поэтому-то его глаза были такъ спокойны, когда умерла Лида, и такъ не соотвѣтствовали печальной минѣ на его липѣ. Эту комбинацію онъ тогда еще придумалъ! Еще-бы! На смерть Лиды онъ долженъ былъ посмотрѣть какъ на удачу, посылаемую ему судьбой. Большое состоя́ніе моего отца должно было раздѣлиться между мной и Лидой, а со смертью Лиды оно все переходило ко мнѣ. Развѣ это не удача? И я замѣтила, что уже недѣли двѣ князь посматривалъ на меня загадочными, долгими взглядами. Значитъ, онъ нашелъ, что пора подготовить почву и что это уже можно начать, такъ какъ близокъ шестинедѣльный срокъ... Но за кого-же, Боже мой, за кого они и онъ принимаютъ меня! Ахъ, нѣтъ, я не могла обо всемъ этомъ думать; мнѣ казалось, что объ этомъ думать страшно, что мысли приведутъ къ какому-то чудовищному выводу, отъ котораго волосы встанутъ на головѣ. Я боялась какого-нибудь ужаснаго рѣшенія, я сама себя боялась...

«Я вышла къ обѣду. Говорили о чемъ-то постороннемъ, — очевидно, умышленно не подымая вопроса объ извѣстномъ предметѣ. Это у нихъ называлось «не оказывать давленія»; а что я вся была проникнута этимъ вопросомъ, доказывали моя блѣдность и мое молчаніе. Но еслибы они знали, что я думаю и о дѣлѣ, ихъ интересовавшемъ, и о нихъ самихъ!

«А я ждала вечера, ждала князя. Я еще не знала, что скажу ему, т.-е. какія употреблю выраженія, но я очень хорошо знала, что я чувствую. Я рѣшила пристально смотрѣть ему въ лицо, чтобы увидѣть, съ ка-

Digitized by Google

кими глазами онъ будетъ говорить мнѣ свои рѣчи. Спускались сумерки, зажгли свѣчи; изъ залы до моего слуха донесся звукъ фортепіано, — то были строгіе и печальные аккорды прелюдіи Шопена; они конечно подходили къ настроенію мамы (это она играла), тому скорбному настроенію, которое должно быть у матери въ сороковой день смерти дочери... Но меня эти звуки заставили дрожать. Неужели, думала я, на свѣтѣ все до такой степени условно, что и скорбь о тяжелой утратѣ подчиняется выдуманнымъ самими людьми срокамъ? Люди скорбѣли, и такой былъ у нихъ видъ, что, казалось, они никогда не утѣшатся. Но вотъ прошли обычныя шесть недѣль, и скорбь, уже настолько смягчилась, что можно сѣсть за рояль. Но это только шесть недѣль, и потому надо выбрать печальную прелюдію Шопена; когда-же кончится годъ, тогда можно будетъ перейти и къ вальсамъ... И вѣдь я знала, что и папа, и мама, и бабуся сердечно любили Лиду и печаль ихъ была искренна. Да, все въ мірѣ условно, до того условно, что иногда, когда объ этомъ думаешь, страшно становится...

«Пришелъ князь. Мы всѣ сидѣли въ гостиной и говорили о предстоящемъ весеннемъ сезонѣ... Мама высказала намѣреніе провести лѣто въ рязанскомъ имѣніи.

«— Надѣюсь, что вы насъ навѣстите, князь?—спросила она.

«— Если позволите, съ наслажденіемъ. Я надѣюсь получить лѣтній отпускъ,—отвѣтилъ князь съ вѣжливымъ поклономъ.

«Бабуся зачѣмъ-то вышла въ столовую. Папа вспомнилъ о какомъ-то дѣлѣ въ кабинетѣ. Бабуся громко кликнула маму. Мы остались съ княземъ одни. Онъ, по всей вѣроятности, не хотѣлъ терять благопріятное время и при томъ-же былъ увѣренъ, что это только формальность, такъ какъ мой утвердительный отвѣтъ былъ ему гарантированъ папой, а также его наруж-

Digitized by Google

ностью и хорошими связями въ Петербургѣ. Поэтому онъ началъ прямо, безъ предисловій.

«— Клавдія Антоновна! Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать вамъ то, что уже давно лежитъ у меня на сердцѣ... Я буду говорить откровенно, въ полной увѣренности, что вы меня поймете какъ слѣдуетъ. Когда я впервые вошелъ въ вашъ домъ, на меня произвели извѣстное впечатлѣніе вы и Лидія Антоновна. Я долженъ сказать, что сильное и глубокое впечатлѣніе произвели на меня именно вы, но я видѣлъ, что и ваша сестра обладаетъ большими достоинствами. Я близко сошелся съ вашимъ семействомъ, сердечно полюбилъ его и ко мнѣ здѣсь отнеслись благосклонно. Тутъ у меня зародилась мысль, что для меня было-бы большой честью связать себя болѣе тѣсными узами съ вашимъ семействомъ, узами родства. Естественнымъ движеніемъ моего сердца было-бы дать волю своему чувству къ вамъ, но я не могъ не принять во вниманіе, что Лидія Антоновна—старшая дочь въ семьѣ и притомъ обладаетъ такими достоинствами, которыя внушаютъ глубочайшее уваженіе. И я, не задумываясь, взялъ себя въ руки, поборолъ и заглушилъ въ своемъ сердцѣ чувство къ вамъ и съ полной искренностью сдѣлалъ предложеніе Лидіи Антоновнѣ...

«— Вы ее значитъ не любили, а только уважали?— спросила я, глядя на него въ упоръ.

«Князь повидимому не ожидалъ ни этого и никакихъ другихъ вопросовъ. Онъ думалъ, что я, достаточно подготовленная отцомъ, дамъ ему возможность быть краткимъ и благополучно прійти къ одинаково и имъ, и мною ожидаемому концу. Онъ помолчалъ и потомъ покачалъ головой.

«— Нѣтъ, я искренно былъ привязанъ къ Лидіи Антоновнѣ,—возразилъ онъ.

«— Какъ къ старшей дочери?

«Онъ нахмурился и въ глазахъ его появилось выраженіе недовольства.

Digitized by Google

«— Не будемъ говорить объ этомъ!—сказалъ онъ:—чувства таятся въ глубинѣ души каждаго и никто посторонній не въ силахъ ихъ провѣрить. Я былъ сраженъ утратой Лидіи Антоновны, но жизнь примиряетъ насъ съ самыми тяжелыми утратами. Прошло время и я увидѣлъ себя въ возможности дать волю моему старому чувству, чувству—къ вамъ, Клавдія Антоновна... Повѣрьте, что это чувство искренне и горячо... Ваши папа и мама—на моей сторонѣ. Мнѣ только остается надѣяться, что и вы отнесетесь благосклонно къ моему предложенію... Будьте моей женой!...

«Хотя я раньше знала, что онъ скажетъ, тѣмъ не менѣе слова его, особенно послѣднія три, ужалили меня и я порывисто встала, полная негодованія.

«— Ваше предложеніе, князь, дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести...—сказала я почти задыхаясь:—такъ много, что я не могу принять его...

«— Но почему-же? Я умоляю васъ!..

«— Вамъ угодно знать, почему?—продолжала я все тѣмъ-же тономъ: — потому что Лидѣ вы никогда не говорили, что любите ее только за старшинство, а значитъ — лгали ей; потому что вы лжете мнѣ такъ-же, какъ и ей; потому что я больше, чѣмъ вы, дорожу памятью моей бѣдной сестры; потому что я васъ презираю, князь...

«Больше я не могла говорить: чувство возмущенія давило мнѣ горло... Я не могла допустить мысли, что разрыдаюсь при немъ, что онъ увидитъ мои слезы. И, несмотря на то, что я не сказала ему и сотой доли того, что могла-бы и должна была-бы сказать, я убѣжала въ свою комнату и тамъ дала волю слезамъ...

«Черезъ три минуты ко мнѣ вбѣжала мама...

XIV.

«— Что ты надѣлала? Что ты надѣлала? Ты оскорбила князя!.. Глупая дѣвченка, глупая!

Digitized by Google

«Лицо ея выражало полную растерянность. Ясно было, что въ эту минуту она чувствовала себя глубоко несчастной. Я смотрѣла на нее большими глазами и видъ ея меня нисколько не тронулъ. Словно глухая стѣна въ этотъ моментъ становилась между мною и ею, словно это была не мать моя, нѣжно любимая мною и горячо любившая меня, а чужая женщина. Да, въ этотъ мигъ въ душѣ моей зародилось то чувство холодной отчужденности, которое потомъ росло и росло, и привело меня къ рѣшительному шагу.

«— Не я его оскорбила, а онъ меня!.. Да, да, онъ меня оскорбилъ...

«— Онъ! Тебя? Что ты говоришь? Чѣмъ? Развѣ онъ сказалъ что-нибудь такое, что могло не согласоваться съ приличіемъ?

«— О, нѣтъ, нѣтъ! Онъ такъ хорошо согласовался съ приличіемъ. Онъ выждалъ шесть недѣль, ни больше, ни меньше... Развѣ этого не достаточно, чтобы забыть и вывѣтрить изъ сердца самую искреннюю любовь? Что вы, что вы! Да за такой срокъ и нѣжная родительская любовь охладѣваетъ.

«— Клава!

«— Охладѣваетъ, это правда!.. Еслибъ это не была правда, вы прежде меня почувствовали бы это оскорбленіе. А вы... вы этого сами желали и радовались...

«— Клавдія!..

«— Нѣтъ, нѣтъ! Я больше васъ не слушаю, я вамъ не покоряюсь! Вы оскорбили Лиду и меня оскорбили!... Вы не любили насъ, вы любили только свѣтъ, въ которомъ мы вращались и были красивы и составляли вашу гордость; ради гордости вы готовы были отдать насъ князю — ту или другую, берите, ваше сіятельство! И вамъ все равно, что онъ лгалъ и Лидѣ, и мнѣ; вы даже не подумали о томъ, что ужъ слишкомъ бѣлыми нитками сшито—любить страстно одну, а черезъ шесть недѣль воспылать страстью къ другой... А что ему нужны были не мы, — не Лида и не я, а наши деньги, это

Digitized by Google

вамъ даже не пришло въ голову!.. А знаете ли вы, что онъ радъ смерти Лиды, потому что это удваиваетъ мое приданое?.. Знаете ли вы это?

«— Ты ему сказала это въ лицо?—съ ужасомъ спросила мама.

«— Не помню, что я сказала ему... Уйдите отъ меня, иначе я начну сейчасъ всѣхъ васъ ненавидѣть. Уйдите!

«Мама закрыла лицо руками и шатаясь вышла изъ комнаты. Изъ кабинета до меня долеталъ глухой шумъ голосовъ. Папа кричалъ, бабуся стонала, мама плакала. Но въ эту минуту мнѣ было до нихъ рѣшительно все равно. Я очерствѣла къ нимъ. Ихъ горе казалось мнѣ смѣшнымъ, ихъ слезы—поддѣльными.

«Я не помню, какъ это вышло, что я очутилась въ кабинетѣ. Сама ли я пошла туда, или меня насильно вытащили, но помню, что впродолженіе многихъ минутъ меня всѣ оскорбляли. Папа стоялъ передо мною съ налитыми кровью глазами, съ поднятыми кулаками, и кричалъ мнѣ въ лицо, что я негодная дѣвчонка и что меня слѣдовало бы выпороть. Я никогда не видала его такимъ. Мама твердила мнѣ о неблагодарности, о томъ, что она всю жизнь посвятила нашему воспитанію. Бабуся только качала головой и беззвучно плакала.

«— Ты извинишься передъ нимъ... Не ты, а я конечно за тебя, но... но ты за это подчинишься моему рѣшенію, каково бы оно ни было!..—кричалъ папа.

«— Ни за что! Ни за что! Я никому не хочу подчиняться! Я его презираю, а васъ... васъ я не уважаю больше,—отвѣтила я, не помня себя отъ негодованія.

«— Молчать! Не-го-дяй-ка!..

«Я лишилась чувствъ и упала на полъ.

. . . . . .

«Когда я пришла въ себя, я была въ своей комнатѣ, въ постели и такъ слаба, что не могла повернуть головы; оказалось, что я уже шесть дней въ постели. Около меня стояли люди съ встревоженными лицами; я узнала

Digitized by Google

экономку Лизу, горничную, Семена Андреевича и маму. Мама была блѣдна и худа. Очевидно боялись, что и я пойду вслѣдъ за Лидой. Папѣ сказали, что я пришла въ себя, и онъ буквально прибѣжалъ въ мою комнату, сталъ передо мной на колѣни и началъ цѣловать мои исхудалыя руки. Все значитъ было прощено и забыто; а можетъ быть даже пришли къ заключенію, что я не въ такой ужъ степени была не права, какъ это имъ казалось.

«Я поправлялась очень медленно; всѣхъ поражала моя молчаливость. Когда меня о чемъ нибудь спрашивали, я односложно отвѣчала на вопросъ, но сама ни о чемъ не заводила рѣчи, какъ будто внѣшній міръ меня нисколько не интересовалъ. Бабуся, которая теперь почти переселилась въ мою компату, по цѣлымъ днямъ сидѣла въ креслѣ и здѣсь вязала свои неизмѣнные кружки, разсказала мнѣ, что моя болѣзнь всѣхъ повергла въ ужасъ, что папа казнился, считая себя во всемъ виноватымъ, а однажды за обѣдомъ со слезами на глазахъ сказалъ: «У дѣвочки правдивое сердце... Конечно, у насъ, у стариковъ, свои здравые разсчеты, но ей они чужды, и она возмутилась»... Князь уѣхалъ въ Петербургъ, не сдѣлавъ намъ даже прощальнаго визита, хотя бы для приличія. Сама бабуся была повидимому на моей сторонѣ. Можетъ быть это потому, что я лежала въ постели такая худенькая, слабая, безпомощная. Но все, что она мнѣ говорила, меня не занимало. Я дѣйствительно углубилась въ свой внутренній міръ, который вдругъ оказался обширнымъ, содержательнымъ и полнымъ глубокаго интереса.

«По мѣрѣ того какъ я выздоравливала, я все больше и больше начинала чувствовать, что мнѣ незачѣмъ вступать въ этотъ прежній мой міръ, въ нашу гостиную, залу, на улицу въ коляскѣ, на вечера знакомыхъ и т. д. Послѣ тѣхъ испытаній, какія я пережила въ послѣдній годъ, послѣ моего преступленія противъ Лиды, послѣ оскорбленія, которое я получила отъ отца, матери и человѣка, игравшаго въ моей жизни такую существенную

Digitized by Google

роль,—я уже не могла войти въ этотъ міръ съ прежней беззаботно-радостной улыбкой, которая мѣшала мнѣ видѣть пустоту и ненужность всего, составлявшаго эту жизнь. Я чувствовала, какъ даже легкое прикосновеніе всего того, что мнѣ предстояло, обдавало меня холодомъ скуки. Когда говорили: «Весну проведемъ за границей», «лѣто въ рязанскомъ имѣніи»; «зимой дадимъ два бала,—надо развлечь бѣдную Клаву»; «у насъ будетъ собираться многочисленное общество, чтобъ она, бѣдняжка, не скучала»,—я уже теперь начинала скучать. Какъ все это пусто, ненужно, безжизненно, пошло! И неужели жизнь всего міра такова? Неужели жизнь—пустая и безцѣльная—разнообразится только несчастьями, взаимными оскорбленіями? Неужели такъ-таки и нѣтъ ничего другого?

«Я уже оставила постель и просиживала долгіе вечера въ гостиной съ бабусей. Я какъ то инстинктивно чуждалась мамы и отца, а бабуся, смотрѣвшая на меня своими большими, кроткими глазами, привлекала меня.

«— Ахъ, Клава, Клава!—говорила бабуся, качая головой:—ты мнѣ не нравишься, ты мнѣ не нравишься!..

«— Я сама себѣ не нравлюсь, бабуся,—со вздохомъ отвѣчала я.

«— Ну, это то ничего, это даже хорошо... Когда человѣкъ начинаетъ не нравиться себѣ самому, это значитъ, что онъ дѣлается лучше.

«— Въ самомъ дѣлѣ? Я дѣлаюсь лучше?.. Да знаешь ли ты, бабуся, какая я дрянная?

«— Ты? О, Боже мой! Еслибъ весь міръ былъ такъ грѣшенъ, какъ ты, на землѣ былъ бы рай!..

«— Ты не знаешь, бабуся...

«— И знать мнѣ нечего...

«И мнѣ вдругъ захотѣлось разсказать ей все и я разсказала. Я не утаила ничего, отъ перваго злобнаго чувства, когда появился у насъ князь, и до порчи Лидинаго платья! Бабуся была серьезна, и когда я кончила разсказъ, долго молчала.

«— Это оттого, дѣвочка моя, что тебя не пріучили

Digitized by Google

ни къ какой работѣ. Ничѣмъ не были заняты ни голова твоя, ни руки... Я всегда говорила твоему отцу, что онъ неправильно васъ воспитываетъ. Да, да, я это говорила ему. Насъ все-таки не такъ воспитывали. Обучали шитью, хозяйству, тому, другому, а теперь это считается чуть ли не дурнымъ тономъ...

«— Бабуся, знаешь, что мнѣ тяжело? Что я никого не люблю... Послѣ этой исторіи съ княземъ, мама и отецъ... между ними и мной точно выросла стѣна. И всѣ люди кажутся мнѣ холодными и бездушными... И въ сердцѣ у меня холодъ..

«— Да, да да!... Это оттого что ты никогда ничего не сдѣлала для другихъ.. Хочешь полюбить человѣка, сдѣлай для него что-нибудь. Я это пробовала. Вотъ мой врагъ, у меня къ нему жестокое чувство, а я возьму да и сдѣлаю для него что-нибудь; смотришь,ужъ онъ и сталъ ко мнѣ немного ближе. Вотъ я кружки дѣлаю для бѣдныхъ людей... Сижу себѣ въ креслѣ и вяжу... И даже я ихъ не знаю, тѣхъ, на чью пользу это пойдетъ, а уже люблю ихъ немножко.. Право... Ну, что кружки? Пустяки! А все-же чувствуешь каждый мигъ, что не даромъ живешь, а кому то хоть маленькую пользу приносишь. И тепло на сердцѣ становится...

. . . . . .

«Помню я эти слова бабуси, какъ-будто сейчасъ ихъ слышу, и записала ихъ почти буквально. Въ тотъ моментъ, когда она мнѣ ихъ сказала, я не поняла ихъ, но почему то твердо запомнила.

«Ахъ, недугъ мой! Онъ мнѣ мѣшаетъ писать мою исторію подробно и въ порядкѣ. Пять минутъ подержала я перо въ рукахъ и ужъ оно вываливается, я устала, кашель душитъ меня, писать не могу. Удастся ли докончить, довести до того момента, когда я буду имѣть право написать: «И вотъ я легла въ постель съ яснымъ сознаніемъ, что я умираю..»? А что, если я умру раньше, чѣмъ дойду до этихъ словъ? Не хорошо. Буду писать покороче.

Digitized by Google

«Бабуся, которую я иначе не могла себѣ представить, какъ сидящей въ креслѣ и вяжущей гарусные кружки, дошла, какъ она говорила, до своего предѣла: бабуся въ постели, Семенъ Андреевичъ сказалъ, что не сегодня-завтра она отойдетъ... Ничѣмъ опредѣленнымъ она не больна,—просто старость, «предѣлъ». Бабуся уснула, а потомъ и умерла...

«Холодно мнѣ жить въ нашемъ помѣстительномъ домѣ, холодно потому, что ничего я не люблю. Бабуся немного понимала меня, а мама и отецъ... Развѣ я имъ скажу, что у меня на душѣ? Нѣтъ, между нами стѣна...

«Я сижу въ гостиной на диванѣ одна-одинешенька. Сумерки. Я смотрю въ пространство. Я слышу тихій говоръ въ кабинетѣ: «Что съ нашей дѣвочкой? Она неузнаваема! Худѣетъ, блѣднѣетъ, насъ чуждается... Семенъ Андреевичъ настаиваетъ, чтобъ ее увезти куда-нибудь въ Италію... Надо съ этимъ поспѣшить...»

«Я не хочу въ Италію. Въ моей памяти ясно и отчетливо повторяются слова покойной бабуси: «Хочешь полюбить человѣка,—сдѣлай для него что-нибудь... Чувствуешь, что не даромъ живешь, а кому-нибудь хоть маленькую пользу приносишь». Кого же полюбить? Что я могу сдѣлать для человѣка, когда не знаю, гдѣ онъ, и ничего не умѣю?

«Дѣла папы помѣшали ѣхать въ Италію. Мы проводимъ лѣто въ рязанскомъ имѣніи, я и мама. Папа изрѣдка пріѣзжаетъ. Я хожу по саду, гуляю по полямъ, забираюсь въ лѣсъ, дѣлаю все то, что въ былое время мы дѣлали здѣсь вмѣстѣ съ Лидой, но въ душѣ моей—прежній холодъ, мнѣ все кажется—меня что то ожидаетъ, я что то должна сдѣлать. Я стараюсь думать о мамѣ, объ отцѣ, думать почтительно, любовно, но сейчасъ мнѣ на умъ приходитъ Лида—и я ощущаю къ нимъ враждебное чувство... Князь—я и его вспоминаю... съ презрѣніемъ.

«Я начинаю чувствовать, что жизнь для меня—вовсе не радость. Какая же радость, когда никого не лю-

Digitized by Google

бишь? Иногда у меня являются мысли о томъ, что и жить то не зачѣмъ. Мама смотритъ на меня грустными глазами и видимо скорбитъ.—«Что съ тобой дѣлается, моя дѣвочка?»—любовно спрашиваетъ она меня, а я молчу и мнѣ все равно до ея чувствъ.

«Я думаю о томъ, что говорила бабуся. Вѣдь я до сихъ поръ еще ни для кого ничего не сдѣлала. Вѣдь я до сихъ поръ еще только злобствую...

«...Мама въ ужасѣ. Я ушла гулять послѣ обѣда и не вернулась къ вечеру. Прошелъ чай, прошелъ ужинъ, въ домѣ тревога: подняли весь дворъ, разослали людей по саду, по лѣсу, вдоль рѣки; было даже подозрѣніе, что, можетъ быть, найдутъ мой трупъ. Мама рыдала, убивалась, становилась на колѣни передъ образомъ...

«Я пришла домой въ четыре часа утра, когда начало свѣтать. А ночь я провела въ избѣ Августины. Никому это не могло придти въ голову. Августина жила у насъ въ деревнѣ лѣтъ уже двадцать. Прежде она жила у насъ въ домѣ въ качествѣ бонны. Однажды она получила съ своей родины письмо, которое до такой степени потрясло эту тучную тридцатилѣтнюю женщину, что съ нею сдѣлался ударъ. Она потеряла ноги и съ тѣхъ поръ жила безвыходно въ избѣ, которую отвелъ ей папа. Отъ насъ ей посылалась каждый день провизія и маленькая пенсія. Старуха прислуживала ей. Бѣдная Августина нестерпимо скучала, и радовалась, когда кто-нибудь посѣщалъ ее.

«Я зашла къ ней, и нужно было видѣть ея восторгъ! «Милая ты моя! Ангелъ ты мой! Ненаглядная! Красавица!»—повторяла она и начала говорить,—и говорила, говорила безъ конца. Она разсказала мнѣ о своемъ женихѣ, который двадцать лѣтъ тому назадъ обѣщалъ жениться на ней, если она скопитъ пятьсотъ рублей. Она уѣхала съ родины и усердно копила, складывая свое жалованье. У нея уже было двѣсти двадцать рублей. И вдругъ—извѣстіе: онъ нашелъ въ Ревелѣ другую, которая уже раньше, должно быть, скопила потребный ему

Digitized by Google

капиталъ, и женился. Каково положеніе очень зрѣлой дѣвицы, брошенной своимъ женихомъ!!.

«Казалось, она никогда не кончитъ своихъ исторій и мыслей. Я сто разъ порывалась уйти, когда было уже пора, но она, потерявшая въ своемъ невольномъ заточеніи счетъ времени, всякій разъ умоляла:

«— Красавица моя, посиди еще минуточку! Мнѣ такая отрада, что есть съ кѣмъ поговорить!

«И я, видя, что для нея это дѣйствительно отрада, сидѣла. Около четырехъ часовъ утра она вдругъ испугалась, что такъ поздно, и услала меня домой и благодарила, благодарила меня безъ конца.

«Я застала маму въ слезахъ, но сама пришла домой съ улыбкой. Въ груди у меня явилось отрадное чувство. Я что-то сдѣлала для другого, я была чѣмъ-то полезна, я не даромъ прожила шесть часовъ въ своей жизни. Сцены, упреки, слезы...

«Сцены, упреки, слезы... Я часто захожу къ Августинѣ; я просидѣла два дня у Дуни, нашей садовницы, когда она заболѣла лихорадкой... Я потребовала у мамы тридцать рублей, когда у Пахома пала лошадь и ему нечѣмъ было свозить съ поля хлѣбъ, и дала ему,—онъ купилъ лошадь...

«Сцены, упреки, слезы... «Что ты дѣлаешь? Ты копаешься въ грязи, ты рискуешь заразиться Богъ знаетъ какою гадостью... Ты насъ компрометируешь!» А я уже вошла во вкусъ. Всякій разъ, когда я сдѣлаю что-нибудь пріятное для другого, я чувствую себя примиренной со всѣми и со всѣмъ.

«Пріѣхалъ папа, былъ семейный совѣтъ. Было рѣшено, что мама увезетъ меня въ Италію. Другихъ средствъ поладить со мной не было. Назначили день отъѣзда. Но наканунѣ этого дня я собралась одна и уѣхала...

«Я согласна, что это былъ жестокій поступокъ по отношенію къ отцу и къ матери. Они меня любили, во мнѣ заключалось все ихъ счастье. Но я уже по опыту

Digitized by Google

знала, какъ легко они примиряются съ горемъ. «Можетъ быть, думала я, — довольно шести недѣль, чтобы они меня совсѣмъ забыли»... Я очутилась въ Одессѣ, какъ въ единственномъ городѣ, гдѣ я знала хоть распредѣленіе улицъ.

«А ужъ какъ я попала сюда, объ этомъ нечего разсказывать. Это былъ почти единственный логическій выходъ изъ сдѣланнаго мною шага. Пріѣзжалъ отецъ, манилъ, грозилъ; но взять меня отсюда — это все равно, что старое дерево вырвать изъ почвы съ корнями и пересадить въ другое мѣсто: не станетъ расти, завянетъ...

«Я дописала до конца. Мнѣ трудно держать въ рукѣ перо. Болѣзнь меня истощила. Я умру завтра, а можетъ быть сегодня. Но мысли роемъ толпятся въ моей головѣ. Вотъ одна изъ нихъ: я довольна своей жизнью. Мнѣ жаль, что она такъ коротка была, но все-же она была настолько продолжительна, чтобы я могла сказать, что жила не напрасно. Бабуся была права: я полюбила всѣхъ тѣхъ, для кого что-нибудь сдѣлала, и я люблю весь міръ, для котораго тоже хотѣла-бы что-нибудь сдѣлать. Я примирилась со всѣми. Я простила отцу, матери и даже князю. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ злобы...

«Вотъ еще мысль: я встрѣчала людей, отдающихъ свои силы на служеніе ближнему. Я ихъ спрашивала, какъ они дошли до этого? Немногіе дошли жизнью, больше—путемъ книжекъ: читали хорошія книги, усвоили хорошія идеи и по идеямъ устроили жизнь. Я — нѣтъ. Я читала книги потомъ и говорила: да, это такъ, это правда. Но привела меня къ этому жизнь...

«Тѣ, кого привели къ этому книги, говорятъ, что они посвящаютъ свою жизнь на служеніе народу, говорятъ, что они отдаютъ долгъ. Я искала, кого полюбить, чтобы утишить злобу въ сердцѣ. Я нашла и примирилась. Хорошо и то, и другое.

«Ко мнѣ сейчасъ приходилъ бѣлоголовый мальчуганъ и плакалъ. Онъ говорилъ, что некому будетъ любить его, и умолялъ меня не умирать. Я обѣщала ему, но—

Digitized by Google

увы!—не могу сдержать слова... Тотъ, кто займетъ мое мѣсто и кому попадется эта тетрадь, приласкай бѣлоголоваго мальчика»...

Тетрадь лежала у Марьи Владиміровны на груди. Дальше шли пустыя страницы. Значитъ, она, написавъ послѣднія слова, не могла уже больше держать перо въ рукѣ. Глаза Манички были закрыты, но она не спала. Она представляла себѣ эту бѣдную дѣвушку, умирающую вдали отъ родныхъ, въ этихъ тѣсно сдвинувшихся стѣнахъ, при тускло горящей свѣчѣ, и, какъ яркая полоса свѣта, промелькнула передъ нею другая картина, картина радостной жизни въ генеральскомъ домѣ... И долго думала она о Клавдіи Антоновнѣ и о себѣ самой.

— Ты до сихъ поръ не спишь?—съ изумленіемъ спросила Зинаида Петровна, проснувшись и поднявъ голову.

Маничка не отвѣтила. Зинаида Петровна встала съ постели, тихонько подошла къ дочери и, увидѣвъ въ рукѣ ея тетрадь, покачала головой. Въ полной увѣренности, что Маничка зачиталась и нечаянно заснула, она погасила свѣчу и вернулась на свою постель.

А Маничка продумала до утра...

XV.

— Ты какое одѣнешь платье, Маничка? Тамъ все-таки будетъ кой-кто... Надо немного принарядиться... Я все свою красную кофту таскаю... Уже, я думаю, всѣмъ она надоѣла... А ничего другого нѣтъ. Эта зеленая накидка совсѣмъ мнѣ не къ лицу... Зеленый цвѣтъ старитъ меня.

Говоря это, Зинаида Петровна стягивала на себѣ корсетъ и при этомъ дѣлала безполезныя попытки—въ стоявшемъ передъ нею маленькомъ зеркальцѣ увидѣть отраженіе всей своей объемистой фигуры полностью. Ей удавалось видѣть себя только по частямъ; цѣльнаго-же впечатлѣнія, столь желаннаго и почти необходимаго въ настоящую минуту, не получалось. «Экая досада,

Digitized by Google

что нельзя было прихватить съ собой хоть одно трюмо!» мелькало у нея въ головѣ, причемъ она совсѣмъ забывала, что надъ головой ея висѣлъ низкій потолокъ школьной квартиры.

— А вотъ погоди, мама, получимъ декабрьское жалованье, и ты себѣ сдѣлаешь новую кофточку,—безусловно серьезнымъ тономъ промолвила Марья Владиміровна.

— Ну, что ты! Какъ это можно! Развѣ я позволю себѣ это? У тебя у самой всего только два платья. Это коричневое уже никуда не годится, а черное... Нельзя же всюду черное таскать! Тебѣ непремѣнно надо что-нибудь пестрое, свѣтлое...

— О, нѣтъ, я этого не имѣю въ виду. Нѣтъ, нѣтъ, я настаиваю на этомъ: ты должна освѣжить свой туалетъ... Мнѣ зачѣмъ? Увлекать кого-нибудь здѣсь мнѣ едва-ли придется. А еслибъ захотѣла... Я вѣдь и такъ хороша!..

Зинаида Петровна на минуту пріостановила свой тяжкій трудъ стягиванія корсета и взглянула на дочь, словно хотѣла провѣрить, правду-ли она говоритъ.

— Да, ты хороша!—сказала она и, помолчавъ, прибавила:—Если ты это серьезно... то я бы не прочь сдѣлать себѣ въ малороссійскомъ вкусѣ... знаешь, на синемъ фонѣ пестрые цвѣты съ преобладаніемъ краснаго... Мнѣ безъ краснаго никакъ нельзя... Хотя я и очень сохранилась, но все-жъ безъ того не обойдешься, чтобы, знаешь, подчеркнуть... А вѣдь правда, Маничка, я еще кажусь довольно молодой? А? Представь, этотъ акцизный чиновникъ сказалъ мнѣ: никогда не повѣрю, что вамъ больше сорока; вамъ и тридцати-пяти нѣтъ... Ей-Богу, сказалъ это... Не вѣришь?

Маничка сидѣла въ креслѣ въ черномъ платьѣ, въ которомъ она занималась въ школѣ. До сихъ поръ она читала книгу, только на минуту отрывая отъ нея глаза, чтобы отвѣтить матери, или отвѣчала не отрываясь. Но теперь она положила книгу на колѣни и съ большимъ любопытствомъ, внимательно посмотрѣла на мать. Ни-

Digitized by Google

когда еще такъ сильно не бросались ей въ глаза недостатки Зинаиды Петровны, — эта чрезмѣрная толщина таліи, казавшейся оттого короткой, эта неровность кожи на лицѣ, эти мелкія морщинки вокругъ глазъ, этотъ отвислый второй подбородокъ... Все это неблагопріятно подчеркивалось ея рѣчами, свидѣтельствовавшими, что эта женщина пожалуй никогда не признаетъ надъ собой силу времени.

— Нѣтъ, я вѣрю,—съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой отвѣтила Маничка. Она подумала: «Моя мать— счастливая женщина. Еслибъ я прожила въ прежней обстановкѣ еще лѣтъ десять, то вѣроятно тоже была бы счастливой въ этомъ родѣ». Она совсѣмъ отложила книгу и спокойно-наблюдательными глазами смотрѣла, какъ Зинаида Петровна приготовляла себя къ успѣху на вечерѣ у батюшки. Корсетъ былъ стянутъ, двѣ пухлыя руки занялись волосами, расчесали ихъ, заплели въ косы, скрутили и пригвоздили черепаховой шпилькой на самой макушкѣ. На лбу и на вискахъ были выпущены какъ бы забытыя пряди; но тутъ же на свѣчномъ огнѣ была нагрѣта металлическая шпилька, пряди подвиты, подчесаны и приняли случайно-граціозный видъ. Наступила очередь пушка, который осторожно водружалъ пудру тамъ, гдѣ слѣдовало. Надо отдать справедливость Зинаидѣ Петровнѣ, — она не употребляла никакихъ притираній: твердо убѣжденная, что они только портятъ кожу, она стояла выше этого. На головѣ появилась красная наколка, темнокрасная кофточка тоже была уже на своемъ мѣстѣ, все было въ порядкѣ, и Зинаида Петровна была эффектна.

— Знаешь, чего только недостаетъ? Моего браслета-змѣйки... Онъ удивительно шелъ мнѣ... И хотѣла я какъ-нибудь припрятать его, да не удалось... такая досада!.. А тогда уже было бы совсѣмъ хорошо!.. Ну, такъ идемъ, Маничка. Ты надѣнешь ватерпруфъ, а? Сегодня довольно тепло... И тутъ вѣдь пять шаговъ...

Digitized by Google

Марья Владиміровна поднялась; Хивря почтительно вынесла ей ватерпруфъ.

— Какія вы красивыя да пышныя, барыня!—сказала Хивря, осматривая Зинаиду Петровну: — точь-въ-точь какъ папушникъ на первый день Пасхи...

Маничка улыбнулась; сравненіе было удачно. Зинаида Петровна не знала, обидѣться или считать это комплиментомъ. Онѣ одѣлись и вышли. Улица была покрыта тонкимъ слоемъ снѣга. Въ воздухѣ было тихо; отъ полной луны, высоко поднявшейся надъ камышевымъ лѣсомъ по берегу рѣчки, вѣяло спокойствіемъ и нѣжностью. На деревнѣ, въ маленькихъ окнахъ слабо мелькали огоньки. Въ двухстахъ шагахъ бѣлѣла церковная ограда, а изъза нея выросталъ крестообразный силуэтъ невысокой, приземистой церкви безъ колокольни. Туда онѣ направили свой путь. Церковный домъ, въ которомъ жилъ батюшка, примыкалъ къ оградѣ.

Тутъ уже собралось все общество. Софья Семеновна сидѣла за фортепіано и тихонько одной рукой брала аккорды. Лицо ея было обращено влѣво, гдѣ стоялъ и, широко жестикулируя, разсказывалъ какую-то исторію акцизный чиновникъ Сутугинъ, — рослый здоровякъ съ кудрями на головѣ, съ глазами цвѣта смолы, съ широкими скулами и сросшимися бровями. Матушка сидѣла за круглымъ столомъ; противъ нея—помѣщикъ Марковъ; они играли въ дурачки. Отца Семена здѣсь не было. Онъ вообще предоставлялъ своимъ дамамъ веселиться, но самъ, по преклонности своихъ лѣтъ, уклонялся. Обыкновенно во время подобныхъ вечеринокъ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ «Слова и рѣчи» мѣстнаго архипастыря, а къ чаю и закускѣ выходилъ въ столовую.

При появленіи гостей, всѣ встали, не исключая и матушки. Марковъ и Сутугинъ подошли прямо къ Зинаидѣ Петровнѣ и поочередно поцѣловали у нея руку. Маничка молча подала руку помѣщику и поклонилась акцизному чиновнику, котораго видѣла въ первый разъ.

— Ахъ, я такъ рада, такъ рада! Мы такъ рады,

Digitized by Google

что вы наконецъ пришли!—говорили одновременно матушка и Софья Семеновна, усаживая дамъ на диванѣ.—Отецъ Семенъ!—громко позвала матушка: — ты знаешь, кто у насъ? Марья Владиміровна! Отецъ Семенъ!

О. Семенъ, имѣвшій обыкновеніе выходить къ своимъ постояннымъ гостямъ въ кафтанѣ, на этотъ разъ счелъ необходимымъ облачиться въ рясу, благодаря чему выходъ его имѣлъ торжественный видъ. Онъ присѣлъ къ столу и, желая оказать Маничкѣ полное радушіе, началъ самолично занимать ее разговоромъ. Онъ спросилъ, какъ идутъ ея школьныя занятія, свыклась-ли она съ своими новыми обязанностями, удобна-ли квартира, не холодна-ли, хорошо-ли ей служитъ Февронія, какъ торжественно называлъ батюшка Хиврю, не нужно-ли какихъ-либо починокъ въ домѣ (тогда онъ скажетъ объ этомъ старшинѣ), однимъ словомъ—занималъ гостью на славу. Можно было замѣтить, что во время чая и помѣщикъ, и Сутугинъ часто посматривали на Маничку, очевидно, находя ее красивой. Поповна, съ своей нѣсколько тяжелой конструкціей, съ простымъ, привѣтливымъ, здоровымъ лицомъ, много теряла передъ этой стройной дѣвушкой съ блѣднымъ, смуглымъ лицомъ, на которомъ было написано что-то такое загадочное, чего никакъ не могли прочитать акцизный чиновникъ и помѣщикъ, каждый въ отдѣльности. Поэтому они не знали, съ какой стороны къ ней подступиться и съ чего начать разговоръ. Помѣщикъ подошелъ-было къ ней и, покручивая лѣвый усъ, сказалъ съ изысканной улыбкой, очевидно, разсматривая эту фразу какъ ловкій приступъ къ дальнѣйшему пріятному разговору:

— Вамъ можетъ быть неизвѣстно, Марья Владиміровна, что я имѣю честь состоять попечителемъ школы?

Маничка взглянула на этого самодовольнаго толстощекаго кавалера, повидимому нелишеннаго надежды смутить ея сердце, и ей захотѣлось во что бы то ни стало поставить его въ неловкое положеніе.

— До сихъ поръ я не имѣла случая убѣдиться въ

Digitized by Google

этомъ, — промолвила она, стараясь однако же придать своему голосу оттѣнокъ любезности. Но отвѣтъ этотъ не только не смутилъ кавалера, а напротивъ, какъ бы поощрилъ его, и онъ еще болѣе молодецкимъ образомъ сталъ крутить свой усъ.

— Но это оттого, что прекрасная учительница не подавала намъ никакихъ признаковъ благосклонности, — граціозно перегибаясь на-бокъ въ ея сторону, проговорилъ помѣщикъ.

Маничка нахмурилась и вспыхнула. Она хотѣла отвѣтить рѣзкостью, сказать, что попечительство надъ школой не даетъ ему права надѣяться, что онъ сдѣлается также и попечителемъ учительницы... Но въ это время она взглянула на его добродушно-слащавую, самодовольную физіономію и у нея отлегло отъ сердца. «Бѣдный, онъ такъ глупъ! — подумала она: — на него нельзя обижаться». И вмѣсто того, чтобы оборвать его рѣзкимъ отвѣтомъ, она разсмѣялась и сказала:

— Вы говорите глупости, господинъ попечитель школы!

Дивилась она тому, что, спустя нѣсколько минутъ, Зинаида Петровна очень оживленно бесѣдовала съ помѣщикомъ. Щеки ея зарумянились, глаза блестѣли и она въ самомъ дѣлѣ казалась теперь моложе своихъ лѣтъ. Помѣщикъ, повидимому убѣдившись, что отъ хорошенькой учительницы не дождется никакого толку, ухаживалъ за нею напропалую.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы станцуете сегодня молдаванскій танецъ! — настойчиво говорила Зинаида Петровна.

— Но повѣрьте совѣсти, что я сегодня не въ расположеніи!.. Никакого расположенія не чувствую!.. — кокетливо отнѣкивался помѣщикъ.

— Это все равно! Можете и безъ расположенія танцовать, когда васъ просятъ! — И при этомъ Зинаида Петровна какъ повела своими черными бровями и такъ затѣмъ прищурила глаза, что помѣщику-свиноводу сдѣлалось не по себѣ. Онъ подумалъ: «А вѣдь ей-Богу въ ней еще много этого... гм... жару... Гм!» и сказалъ: —

Digitized by Google

Безъ расположенія невозможно танцовать, но отъ васъ зависитъ расположить...

— Ну, такъ я вамъ приказываю!—почти шепотомъ промолвила Зинаида Петровна и сопроводила эти слова такимъ взглядомъ, противъ котораго помѣщикъ не могъ устоять. Притомъ же—было это или нѣтъ, неизвѣстно—ему показалось, будто подъ столомъ чья-то теплая нога прикоснулась къ его ногѣ. Онъ вскочилъ и прямо обратился къ Софьѣ Семеновнѣ:

— Прошу васъ, сыграйте молдаванскій танецъ!

Софья Семеновна, разумѣется, не заставила повторить просьбу. Придвинули къ стѣнамъ столы и стулья, и почтенный помѣщикъ-свиноводъ, затравившій притомъ же на своемъ вѣку не одинъ десятокъ свирѣпыхъ волковъ, при общихъ кликахъ одобренія, въ которыхъ участвовалъ даже о. Семенъ, съ большимъ искусствомъ исполнилъ молдаванскій танецъ. Онъ остановился только тогда, когда лицо его сдѣлалось совершенно красно и все покрылось потомъ.

— Какъ тебѣ нравится этотъ танецъ? — спросила Зинаида Петровна у Манички.

— Превосходенъ!—отвѣтила Маничка, чтобы ее утѣшить. Всѣ другіе также находили, что помѣщикъ танцуетъ удивительно ловко. Маничкѣ же казалось, что она еще никогда не видѣла такихъ неуклюжихъ движеній и такой глупой рожи. «Нѣтъ, право же, я должно быть не такъ смотрю, какъ они, и оттого вижу совсѣмъ другое,—думалось ей:—вѣдь вотъ всѣмъ имъ весело, они оживлены, смѣются, а мнѣ скучно и противно. Отчего это? Въ особенности мама: она совсѣмъ какъ въ тѣ недавнія времена,—ingenue comique да и только! Ахъ, какъ это она такъ можетъ!!..»

— Ну, теперь, матушка, ужъ васъ будемъ просить: сыграйте намъ вальсъ!—воскликнулъ Сутугинъ.

Матушка оказывается музыкантшей. Она садится за фортепіано и играетъ вальсъ. Помѣщикъ вертится съ Софьей Семеновной, Сутугинъ подходитъ къ ней, къ Ма-

Digitized by Google

ничкѣ:—«Позвольте просить»... Но прежде чѣмъ согласиться, Маничка переживаетъ одну секунду, которая стоитъ ей очень дорогого. «Я? Танцовать? Съ этимъ господиномъ? Здѣсь? Въ моемъ настроеніи? Въ моемъ положеніи? Но это невозможно!—мысленно торопится она сказать себѣ все это:—Но зачѣмъ же я пришла сюда? Смущать ихъ своимъ видомъ? Обнаружить передъ ними свою душу? Никогда! И развѣ это трудно — протанцовать вальсъ? Это такіе пустяки»... Это была одна секунда, что она такимъ образомъ размышляла; но вотъ уже рука ея на высокомъ плечѣ Сутугина, а его увѣсистая рука мужественно обнимаетъ ее за талію, и они вертятся.— «Довольно, прошу васъ, у меня голова кружится!» говоритъ она своему рыцарю, который, что называется, разошелся и кружитъ ее неистово. Онъ почтительно сажаетъ ее на диванъ. Передъ ней мелькаетъ новая пара: Зинаида Петровна съ помѣщикомъ. Они видимо увлечены, онъ привлекъ ее къ себѣ немного ближе, чѣмъ это требуется правилами вальса, а ея лицо, съ распустившимися розами на щекахъ, сіяетъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Маничка возмущена, негодуетъ, на сердцѣ у нея закипаетъ что-то нехорошее по отношенію къ этой парѣ. Помѣщикъ усадилъ свою даму и стрѣлой подбѣжалъ къ ней, къ Маничкѣ. У нея сперлось дыханіе. «Какъ онъ смѣетъ! Онъ только-что оскорбилъ меня вмѣстѣ съ... моей матерью!» Но прежнія мысли возражаютъ: «Смущать ихъ? Обнаружить свою душу? Никогда! Протанцовать три тура—такіе пустяки». И она танцуетъ съ помѣщикомъ. Она еще танцовала польку, а подъ конецъ составилась даже кадриль, но матушка не умѣла играть кадриль и за фортепіано сѣла Софья Семеновна. Сутугинъ—съ нею, помѣщикъ—съ Зинаидой Петровной. Это ей казалось невозможнымъ: она танцуетъ съ матерью, въ то время какъ мать съ этимъ помѣщикомъ ведетъ себя такъ недвусмысленно? Но она и этому покорилась, «чтобы не смущать ихъ и не обнажать передъ ними своей души». О, Боже сохрани, если

Digitized by Google

пошлый взглядъ помѣщика, такъ пристально всматривающагося въ бѣлую, полную шею Зинаиды Петровны, какъ-нибудь нечаянно хоть на мгновеніе проникнетъ въ ея душу!.. Рука Зинаиды Петровны горяча, отъ нея самой пышетъ жаромъ, она ходитъ, двигается и говоритъ словно наэлектризованная. Маничка ощутила именно что-то вродѣ электрическаго тока, когда по порядку танцевъ прикоснулась къ ея рукѣ. Откуда этотъ пылъ, эта поздняя молодость, послѣ всего пережитого, послѣ такой потери, такой страшной драмы, такого возмездія?! Какъ это противно, пошло, низменно!.. Ея мать—животное.

— Что съ вами, Марья Владиміровна? У васъ голова закружилась? Выпейте воды! — Это говоритъ матушка послѣ первой фигуры. Она замѣтила, что Маничка поблѣднѣла и машинально взялась за голову.

— Да... Я не могу танцовать... Отвыкла... Танцуйте вы, Софья Семеновна, а я буду играть...

Дѣло устроилось. Поповна танцовала, а Маничка играла кадриль. Она не хотѣла разстраивать наладившееся веселье. Она не хотѣла ничего разстраивать. Часовъ въ двѣнадцать собрались домой. Сутугинъ ночевалъ у батюшки, а помѣщикъ провожалъ ихъ. Передъ ихъ домомъ онъ выразительно потрясъ руку Зинаиды Петровны и церемонно поклонился Маничкѣ, снявъ шляпу.

— Надѣюсь когда-нибудь увидѣть васъ у себя! — сказалъ онъ, обращаясь больше къ Зинаидѣ Петровнѣ.

— Пригласите! — промолвила она и посмотрѣла на него своими пылающими глазами.

— Помилуйте, я и такъ приглашаю!

— Ну, такъ ждите гостей! — воскликнула Зинаида Петровна, уже на порогѣ.

— Съ нетерпѣніемъ!—послышался голосъ помѣщика.

Онѣ вошли. Ихъ встрѣтила Хивря съ заспаннымъ лицомъ. Маничка сейчасъ же начала разстегиваться, какъ-то необычайно быстро раздѣлась и уже прыгнула въ постель, въ то время какъ Зинаида Петровна еще только возилась съ своимъ туго затянутымъ корсетомъ.

Digitized by Google

— А правда, Маничка, у нихъ весело и вообще премило? Какъ ты нашла?—спросила Зинаида Петровна.

— Да, очень весело! — скороговоркой промолвила Марья Владиміровна и сейчасъ же завернулась съ головой въ одѣяло.

— И правда — этотъ Марковъ — помѣщикъ, такой забавный? А Сутугинъ страшно напоминаетъ Лясскаго? А? Глаза, глаза! Совершенно какъ у Лясскаго... Ты уже спишь? Такъ скоро? Вотъ что значитъ—повеселиться! Нервы спокойны, сейчасъ же и заснула! А къ Маркову непремѣнно пойдемъ... непремѣнно!.. Онъ такой премилый...

Маничка схватила зубами уголъ подушки и крѣпко стиснула его.

XVI.

«Съ нею опять что-то неладно, охъ—неладно!»—съ тревогой въ сердцѣ подумала Зинаида Петровна, пристально взглянувъ на Маничку за утреннимъ чаемъ. Молодая дѣвушка была блѣдна, подъ глазами рельефно обозначались глубокіе синіе круги, вѣки были воспалены, а въ самыхъ глазахъ замѣтно было какое-то ненормальное возбужденіе.

— Ты хорошо-ли спала, Маничка?—спросила Зинаида Петровна, наливая ей чай.

— Хорошо!—отрывисто отвѣтила Марья Владиміровна и, не глядя на мать, начала торопливо пить чай.

— Но ты какъ будто нездорова...

— Я? О, нѣтъ, я совсѣмъ здорова...

Она нервно передернула плечами, словно лихорадочный холодъ пробѣгалъ у нея по тѣлу.

— Ты сидишь у окна... Можетъ быть дуетъ... Ты пересѣла бы...

— Ты сегодня надоѣдаешь мнѣ...

Она наскоро допила свой чай, порывисто встала и вышла. Зинаида Петровна проводила ее грустно-изумленными глазами. «Не надолго же оттаялъ ледъ въ твоемъ

Digitized by Google

сердцѣ... Коротка была оттепель...» — подумала она, и мысль о томъ, что можетъ опять начаться старое, послѣ этого временнаго облегченія, показалась ей невыносимо тягостной.

«Опять начнетъ злобствовать, преслѣдовать меня своими упреками, острыми какъ иглы, опять, опять, опять... Такъ все хорошо наладилось, люди подобрались ничего-себѣ, веселые и любезные... Можно было бы жить сносно, а ей не по-себѣ, она за старое...»

И представилось ей время, прожитое въ Марловкѣ до просвѣтлѣнія Манички. Тогда она незамѣтно втянулась и принимала удары какъ старая кляча, которая уже не оглядывается на пихъ и не протестуетъ, хорошо зная, что этимъ не устранить ударовъ. Но вотъ она воспрянула, клячу выпустили на волю, познакомилась она съ зеленой равниной, съ отдыхомъ, съ свободой,— и вдругъ опять арканъ, узда, упряжка и удары, удары... Это ужасно, этого нельзя вынести...

Какъ бы это перемѣнить? Она еще не стара и можетъ быть ей суждено прожить много лѣтъ, такъ неужели всѣ эти оставшіеся годы должны уйти на казнь? За что? Развѣ одна только Маничка несчастна? Развѣ она, Зинаида Петровна, не такъ же—все потеряла? Да, положимъ, ея, Маничкины, деньги, пятьдесятъ тысячъ... Въ нихъ все дѣло. Будь онѣ въ цѣлости, Маничкина судьба иначе сложилась бы... Это правда... Но опять же не она ихъ извела, а *онъ*, все онъ, безпечный человѣкъ... Что она? Она—женщина, слабое созданіе, съ птичьимъ умомъ... Да, у нея птичій умъ, она это отлично знаетъ...

Помѣщикъ явно пристаетъ къ ней. Вчера онъ былъ весь точно на пружинахъ и все смотрѣлъ на нее. Значитъ, въ ней еще есть кое-что плѣнительное. Если бы только она захотѣла... Позволить ему или не позволить? Право же, смѣшно быть разборчивой въ ея положеніи. Что ей осталось? Какія радости? Это только Маничка, по неопытности, способна разбирать. Это съ ея стороны глупо, непрактично... Этотъ помѣщикъ такъ на нее смотрѣлъ въ началѣ вечера, что, кажется, помани она его пальцемъ,

Digitized by Google

онъ въ ту же минуту сдѣлалъ бы предложеніе и женился бы. А онъ не изъ плохихъ. У него порядочно земли и свиной заводъ. Одинъ этотъ заводъ даетъ ему что-то больше тысячи въ годъ. Онъ это самъ говорилъ ей. И онъ ужъ намекалъ, что ему нужна въ домѣ хозяйка... Глупая Маничка! Она сказала ему какую-то дерзость, ну, онъ, понятно, уклонился.

А что, если бы онъ вдругъ взялъ да и сдѣлалъ предложеніе ей, Зинаидѣ Петровнѣ? О, она была бы умнѣе своей дочери...

И чего ей нужно? Неужели она надѣется вернуть прежнее? Или можетъ быть разсчитываетъ на Попятьева, что онъ одумается?.. Какъ бы не такъ?! Не глупъ онъ, видно, этотъ Понятьевъ. Навѣрно, не терялъ времени и успѣлъ уже пристроиться къ другой. Большой это недостатокъ у Манички, что она не знаетъ свѣта, людей не знаетъ. Всѣ люди поступаютъ такъ, какъ имъ выгоднѣе, и это вполнѣ естественно...

Маничка сидѣла въ школѣ. На душѣ у нея было хмуро, нервы напряжены; каждый стукъ, каждое громкопроизнесенное слово — болѣзненно откликались въ ея мозгу. Ночь была проведена дурно, почти безъ сна, сердце ея было стиснуто какимъ-то глухимъ чувствомъ, не злобой и не тоской, а скорѣе тупымъ равнодушіемъ, холоднымъ, деревяннымъ. Школьники читали громко, всѣ разомъ, стараясь перекричать другъ друга; ихъ здоровые, крѣпкіе голоса сливались въ зычный гулъ, который преувеличивала ея впечатлительность, и онъ казался ей назойливымъ трезвономъ сотни колоколовъ. Она силилась разслышать то, что́ читали школьники, войти въ свою роль, но мысли ея отлетали въ сторону и направлялись къ другимъ предметамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ этимъ. Въ душѣ ея точно боролись двѣ силы: та, что родилась въ ней послѣ прочтенія дневника Клавдіи Антоновны, — здоровая, бодрящая, призывающая къ жизни, свѣтлая, примирительная, радостная; и эта, на время заглохнувшая и возродившаяся,

Digitized by Google

подновленная вчера при видѣ той пошлости, мерзости, въ которой такъ привольно вращалась ея мать, — сила мрачная, злобная, стремящаяся къ мести и карѣ...

А еще вчера ей казалось, что такъ прочно совершилось просвѣтлѣніе ея души! Подъ вліяніемъ сердечной исповѣди Клавдіи Антоновны, ей подумалось, что и она можетъ все и всѣхъ простить, что и у нея есть силы заполнить пустоту въ своемъ сердцѣ. Но какъ простить? Во вчерашнемъ поведеніи матери она увидѣла какъ бы краткое повтореніе всей своей жизни—безсмысленной, животной, оскорбительной, и прообразъ той жизни, къ которой ее готовили. Не случись катастрофы, она современемъ повторила бы свою мать. Чуть потоньше нервы, современнѣй воспитаніе, немного побольше ума, изящнѣй пріемы кокетства и требовательнѣй вкусъ, — вотъ и вся разница. Но цѣль одна и та же—побольше наслажденія, какого бы то ни было, эфемернаго, мимолетнаго, грубаго, животнаго...

Школьники ушли, она свободна, но все еще сидитъ въ школьной комнатѣ. Ей противно войти въ свою квартиру; какое-то непобѣдимое чувство отвращенія при мысли о томъ, что она должна лицомъ къ лицу встрѣтиться съ матерью и говорить съ нею, выслушивать отъ нея пошлости, которыя она произноситъ съ такой наивной искренностью,—застилало ей дорогу.

Она подошла къ окну и безучастно глядѣла на разстилавшуюся передъ нею широкую зимнюю картину. На бѣломъ фонѣ застланныхъ снѣжнымъ покрываломъ полей, кончавшихся только тамъ, гдѣ начинался горизонтъ, неглубокой впадиной вырѣзывается узкая, извилистая рѣчка, тоже бѣлая, но мѣстами, гдѣ порывомъ вѣтра развѣяло снѣгъ, блещущая ледянымъ зеркаломъ. По берегамъ ея, то густѣя и превращаясь въ сплошную стѣну, то рѣдѣя и совсѣмъ прерываясь, тоскливо торчитъ пожелтѣвшій камышъ. Кое-гдѣ въ срединѣ гущины открывается поляна, гдѣ въ видѣ приземистыхъ пеньковъ остались еще свѣжіе слѣды недавней работы серпа.

Digitized by Google

Мужикъ въ кожухѣ шагаетъ по льду рядомъ съ лошаденкой, которая тащитъ длинныя полозья, высоко нагруженныя снопами свѣже-срѣзаннаго камыша. И это единственное, что оживляетъ скудный пейзажъ. Однообразны бѣлыя крыши мужичьихъ хатъ, скучна почти безлюдная деревенская улица; короткая, широкая, неуклюжая баба переходитъ улицу, направляясь къ рѣкѣ; на плечѣ у нея коромысло, на концахъ котораго болтаются пустыя ведра; двѣ собаки, весело поднявъ хвосты, промчались одна за другой и затѣмъ начали кататься по снѣгу, безъ всякой причины. Бѣдная, некрасивая церковь; развѣ вотъ эти деревянные кресты на могилахъ обширнаго кладбища по-своему оживляютъ картину. Въ нихъ есть извѣстный смыслъ и притомъ глубокій...

И на этихъ крестахъ остановился взоръ Манички, до сихъ поръ разсѣянно скользившій по извилинамъ рѣчки. Остановился и замеръ неподвижно. Кладбище такъ же бѣло, какъ и поля, и улицы, и крыши хатъ. Голыя вѣтки немногочисленныхъ акацій свѣшиваются подъ тяжестью набившагося на нихъ снѣга. Кресты, кресты, кресты, высокіе, съ двумя перекладинами — прямой и наискось, низенькіе съ перекладиной, лежащей на самой землѣ, каменные и просто камни, водруженные на могилахъ. Но подъ этими грубыми памятниками похоронена жизнь, десятки, сотни жизней, можетъ быть—молодыхъ, горячихъ, трепетавшихъ надеждой. И что жъ? Надъ ними все гладко, тихо и невозмутимо; другіе заняли ихъ мѣста, они давно забыты и ничто не измѣнилось на землѣ оттого, что ихъ положили въ ямы, возвели надъ ними холмы и водрузили кресты. Тамъ, въ концѣ кладбища, возвышается холмъ — повыше и пошире другихъ, должно быть свѣжій. На немъ и крестъ поаккуратнѣй и повиднѣй, тесанный, съ тонкимъ шпицемъ. Почему-то Маничка думаетъ, что это могила Клавдіи Антоновны, а крестъ поставленъ стараніемъ Хиври. Это непремѣнно такъ. Ну, вотъ и ты кончила тѣмъ же, чѣмъ всѣ кончаютъ. Какая борьба

Digitized by Google

была въ твоей душѣ, какія сложныя тонкія чувства носила ты въ своемъ сердцѣ, и какое это было чистое, великодушное сердце!.. И что же отъ всего этого осталось послѣ того, какъ ты унесла свое сердце туда, въ сырую, холодную, темную яму? Ничего, ничего не осталось, ничто на землѣ не измѣнилось и все идетъ такъ же, какъ шло...

Но вдругъ Маничка встрепенулась, и взоръ ея загорѣлся какой-то новой мыслью. «Какъ ничто не измѣнилось? Какъ ничто? А я? Я — пріѣзжая изъ города, чужая и далекая ей, никогда не видавшая ея, я стою теперь здѣсь, у этого окна, а мои мысли прикованы къ ней, мое сердце съ нею, въ той холодной и темной ямѣ, куда она унесла свое сердце. Какъ ничто не измѣнилось? Я, бѣдная мыслями, не умѣвшая думать, жившая однимъ только чувствомъ злобы, я — подъ вліяніемъ ея сердечной исповѣди стала богачкой. Голова моя просвѣтлѣла, міръ показался мнѣ новымъ, сердце очистилось... О, нѣтъ, ты много сдѣлала, Клава, ты многое оставила послѣ себя!».

Она стала думать о Клавдіи Антоновнѣ, мысленно повторяя ея дневникъ. Она чувствовала, что отъ общенія съ прежней учительницей съ души ея спадаетъ мракъ и сердце наполняется примиреніемъ. И опять ее потянуло къ этой тетради, обладающей такой волшебной силой. Опять она сидитъ надъ страницами, исписанными крупнымъ, спокойнымъ почеркомъ, и перечитываетъ ихъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ она останавливается, вчитывается въ нихъ, вдумывается, выучиваетъ наизусть и какъ бы старается привить ихъ своему сердцу, сдѣлать ея мысли и чувства своими.

— Кушать пожалуйте! — говоритъ ей Хивря, полуотворивъ дверь: — подано!

Она пойдетъ, у нея есть аппетитъ. А мать? Ей такъ тяжело, такъ противно встрѣчаться съ нею послѣ вчерашняго. Тяжело? Но развѣ не съ такою же ею Маничка прожила двадцать три года и прожила безмятеж-

Digitized by Google

но? Такъ дружно онѣ тогда веселились, такъ просто и прямо смотрѣли другъ другу въ глаза, и ей не было ни тяжело, ни противно. Что-жъ, Зинаида Петровна осталась тою же, что была, она ни на іоту не измѣнилась, а измѣнилась Маничка и ея точка зрѣнія, вотъ и все. Надо быть справедливой и сдержать свой порывъ.

Когда Маничка вошла въ комнату, Зинаида Петровна опасливо взглянула на нее. Она помнила ея утренній порывистый уходъ и страшилась бури. Но взглядъ Манички былъ спокоенъ и не обѣщалъ ничего дурного.

— Что ты тамъ возишься? Отчего не обѣдаешь? — спросила она мать, которая, стоя у лежанки, перебирала вещицы въ шкатулкѣ.

— Представь себѣ, что я нашла! Помнишь мою эффектную брошку съ опаломъ? Вотъ она! Какъ она сохранилась,—не понимаю! Я ее буду носить.

Маничка подошла къ лежанкѣ и смотрѣла на множество пустяшныхъ вещицъ, вынутыхъ изъ шкатулки: булавки, шпильки, ленты. Но вдругъ на лицѣ ея выразился испугъ; она поблѣднѣла и какъ-то машинально отошла. Зинаида Петровна взглянула на нее и, будто спохватившись, начала поспѣшно убирать вещицы, укладывая ихъ въ шкатулку, какъ попало. Среди этихъ вещицъ былъ тотъ самый револьверъ, который имѣлъ такое роковое значеніе въ ихъ жизни... Она тщательно скрывала его отъ глазъ Манички,—и вдругъ такая неосторожность!..

XVII.

— Скажите, Хивря, чья это могила, вонъ та, съ высокимъ крестомъ? Свѣжая, кажется?..—спросила Маничка у Хиври, указавъ ей взглядомъ черезъ окно на могилу съ аккуратнымъ тесаннымъ крестомъ.

— Тебя это интересуетъ?—съ удивленіемъ спросила Зинаида Петровна, доѣдая жареную утку. Она всегда ѣла очень медленно, съ разстановкой, находя, что только при этомъ условіи ѣда доставляетъ удовольствіе.

Digitized by Google

Маничка ей не отвѣтила. Хивря подошла къ окну и сейчасъ же умилилась.

— Это ея... покойницы моей!

— Клавдіи Антоновны?

— А то кого же? Извѣстно, ея... Тамъ она лежитъ, бѣдняжечка...

— Это вы ей поставили крестъ?

— Охъ, нѣтъ! Куда мнѣ такой поставить! Онъ двадцать пять карбованцевъ заплаченъ... Гдѣ мнѣ взять такія деньги! Это обчество поставило... Съ мірскихъ денегъ... Всякій давалъ, всякаго тутъ есть копѣйка...

— Вотъ какъ!..

— Неужели это интересно, Маничка?—спросила Зинаида Петровна.

— А что интереснѣй? Скажи мнѣ и я займусь!— промолвила Маничка и посмотрѣла на нее холоднымъ взглядомъ. Зинаида Петровна предпочла не продолжать этого разговора. Она встала изъ-за стола, вытерла губы салфеткой и, сверхъ обыкновенія, начала прибирать посуду.

— Туда пройти можно черезъ церковную ограду?— спросила Маничка у Хиври.

— Можно и кругомъ... Есть ворота съ той стороны, съ поля...

— Мнѣ хочется побывать тамъ... Я пройду.

Хивря подала ей пальто и калоши. Зинаида Петровна смотрѣла на все это съ изумленіемъ и тревогой, но боялась сказать что-нибудь. «На кладбище идетъ. Что за фантазія! И что ей эта прежняя учительница? Что между ними общаго? Никогда не видала ея, та умерла давно... Не понимаю, не понимаю! Я замѣтила, что всѣ эти странности начались у нея съ тѣхъ поръ, какъ она прочитала дневникъ этой особы. Прежде она все злобствовала, но по крайней мѣрѣ ужъ прямо; я всегда знала, что кромѣ злобы отъ нея ничего не дождешься... А теперь — ни то, ни се, даже ничего разо-

Digitized by Google

брать нельзя... Хотѣла бы я знать, что за чудеса въ этомъ таинственномъ дневникѣ»...

— Послушай, Хивря,—сказала она, когда Маничка вышла:—Это ты дала барышнѣ тетрадь?

— Это Клавдіи Антоновны? А то кто же? Извѣстно, я!—съ достоинствомъ отвѣтила Хивря.

— А нельзя-ли мнѣ почитать ее?

— Ужъ не знаю, право!..—съ явнымъ неудовольствіемъ и недовѣріемъ отвѣтила Хивря.—Прочитать—оно не диво, да только.., Да я, пожалуй, принесу...

Хивря отправилась въ школьную комнату и скоро вернулась оттуда съ дневникомъ. Зинаида Петровна взглянула въ окно: Маничка еще не дошла до церкви. Пока она вернется, можно пробѣжать эту странную рукопись. Она принялась за чтеніе.

Маничка дошла до церкви, взяла направо, обогнула кладбище и вошла въ широкія ворота, чуть-чуть пріотворивъ ихъ. Около воротъ былъ небольшой палисадникъ, отгороженный отъ остальныхъ могилъ деревянной рѣшеткой; посрединѣ его лежала широкая, массивная плита, на которой золотыми буквами было начертано длинное повѣствованіе о томъ, что подъ этой плитой покоятся почтенные предки помѣщика Маркова. Маничка прошла мимо, она шла узенькой дорожкой, лавируя между холмовъ и впадинъ съ крестами, изрѣдка на минуту останавливаясь, чтобы взглянуть на какой-нибудь покосившійся памятникъ съ подгнившимъ основаніемъ, съ безграмотной надписью. Но надписи встрѣчались рѣдко. Марловцы и безъ нихъ хорошо различали мѣста упокоенія своихъ родственниковъ. Дорожка все изгибалась, увеличивая этимъ разстояніе; но вотъ она привела Маничку прямо къ высокой могилѣ съ новымъ тесанымъ крестомъ. Маничка остановилась. Къ кресту была прибита деревянная дощечка, на которой писарскимъ почеркомъ было изображено: «Здѣсь покоится прахъ дѣвицы Клавдіи Антоновны Порховской, дочери генерала,

Digitized by Google

скончавшейся на 24-мъ году своей жизни. Миръ праху твоему, добрая душа!»

Марья Владиміровна стояла неподвижно, вперивъ свой взоръ въ эту краткую надпись. Думала она о томъ, какъ непохожа жизнь на то представленіе, которое сложилось у нея въ головѣ въ тѣ минувшіе годы, когда она жила въ городѣ. Страшное несчастье потрясло, всколыхнуло это стоячее болото, и передъ ея глазами открылись новыя стороны жизни, какихъ она и вообразить не могла... Вся эта надпись вмѣстѣ съ могилой и крестомъ—цѣлый романъ, и Маничка знаетъ этотъ романъ. Она все стоитъ и смотритъ на могилу и не можетъ оторвать отъ нея глазъ. Быть можетъ тамъ уже ничего нѣтъ, подъ этимъ холмомъ, все истлѣло и превратилось въ прахъ; но здѣсь, на землѣ, остался слѣдъ отъ генеральской дочери, заѣхавшей сюда неизвѣстно откуда и по какимъ причинамъ. Она не напрасно жила и не напрасно умерла. Ее помнитъ село; въ этомъ деревянномъ крестѣ положены чистосердечныя лепты тѣхъ, кто цѣнилъ ея жизнь.

— Клава! научи меня жить! — устремивъ молящій взоръ на могилу, шепчетъ Марья Владиміровна,—научи меня жить такъ, чтобъ не стыдно было умереть!

И долго-долго не отводила она отъ могилы молящаго взора, и когда она тою же извилистой тропинкой возвращалась домой, она ощущала въ груди чувство бодрости и силы, и ей казалось, что Клавдія Антоновна отвѣтила на ея мольбу...

Уже смеркалось, когда она пришла домой. Въ комнатѣ горѣлъ огонь. Она подошла съ улицы къ окну, взглянула и поблѣднѣла. Порывистымъ движеніемъ растворивъ дверь, она вбѣжала въ комнату, подлетѣла къ столу и, не давъ опомниться Зинаидѣ Петровнѣ, выхватила у нея изъ-подъ самаго носа тетрадь.

— Что ты? Что ты?—испуганнымъ голосомъ воскликнула Зинаида Петровна. Ее даже въ потъ бросило отъ такой неожиданности. Въ головѣ ея промелькнула мысль, что Маничка помѣшалась.

Digitized by Google

Глаза Марьи Владиміровны блистали гнѣвомъ. На языкѣ у нея были готовы жестокія слова: «Ты не смѣешь читать, не имѣешь права. Ты оскорбляешь ее своей пошлостью!» Но она ничего этого не сказала. Вѣдь это былъ порывъ злобы, а она дала себѣ слово сдерживать свои порывы. Хорошо, что она во-время замѣтила это. Нуженъ опытъ, привычка. И еще съ неостывшимъ гнѣвомъ въ глазахъ, Маничка сказала сдержаннымъ голосомъ:

— Я не хотѣла, чтобъ ты читала это...

— Почему же? Что-жъ тутъ такого... особеннаго?..— все еще съ волненіемъ спросила Зинаида Петровна.

— Ничего такого, но я не хотѣла бы... Ты можешь для меня сдѣлать это?

— Да я уже почти кончила... Я не все... Многое пропускала. Сначала скучно... это описаніе, какъ они жили. Что-жъ, всѣ такъ живутъ, такъ неужели это описывать? А тутъ вотъ начинается интересное, когда князь сдѣлалъ предложеніе ея сестрѣ... Но потомъ глупо и непонятно. Она вдругъ отказала князю... Что-жъ такое, что онъ сперва хотѣлъ жениться на ея сестрѣ? Хотѣлъ и женился бы, но она умерла, это же не его вина. А что онъ потомъ ей сдѣлалъ предложеніе, такъ это съ его стороны даже благородно. Это — постоянство. Она говоритъ: деньги! Такъ вѣдь это-жъ такъ понятно. Всѣ ищутъ въ женитьбѣ приданаго... Тутъ ничего нѣтъ дурного... Право... Но я все-таки не понимаю, какимъ образомъ она очутилась здѣсь учительницей... Я этого не дочитала.

— Ну, и довольно съ тебя!—промолвила Маничка, и легла на кровать, протянувъ ноги во весь ростъ и положивъ ладони подъ голову.

— Нѣтъ, отчего же... Я понимаю, какъ мы. Мы— по необходимости: больше ничего не оставалось. А ей съ какой стати? Богатство, положеніе... съ какой стати? Я просто не понимаю. .

— А я понимаю! — какъ бы про себя проговорила Маничка.

Digitized by Google

Зинаида Петровна пожала плечами.

— И потомъ, что это за чепуха: она говоритъ, что надо не только радости, но и горе. Зачѣмъ же горе, скажи пожалуйста? Что тутъ пріятнаго? Нѣтъ, по моему, она просто немножко помѣшалась, оттого и вышло все это... Такъ я думаю!

Маничка промолчала. Ей хотѣлось, чтобы эти разсужденія скорѣй кончились. Они ее раздражали. Не дождавшись возраженія, Зинаида Петровна съ своей стороны рѣшила, что вопросъ о дневникѣ исчерпанъ: она произнесла надъ нимъ свой приговоръ.

Стемнѣло. Зажгли свѣчу. Зинаида Петровна какъ-то встрепенулась и оживилась.

— Ты знаешь... я забыла тебѣ сказать. Помѣщикъ присылалъ человѣка съ запиской... Очень проситъ, чтобы мы сегодня пришли къ нему. Онъ такой смѣшной... Пишетъ: «Надѣюсь, что глубокоуважаемая Зинаида Петровна и высокопочтенная Марія Владиміровна не откажутся посѣтить берлогу одинокаго сѣраго волка». Мнѣ это очень понравилось... Право! Ты конечно пойдешь? Онъ такъ просилъ... Почему же не сдѣлать человѣку удовольствіе? А?

— Я не пойду! — спокойнымъ, ровнымъ голосомъ отвѣтила Маничка.

— Ну, вотъ! Отчего же ты не пойдешь? Я не понимаю...

— Такъ... Мнѣ нездоровится... Я не расположена сегодня къ веселью...

— Право, Маничка, ты напрасно такъ нервничаешь! Это даже вредно! Надо немножко держать себя въ рукахъ. Пойдемъ!

— Нѣтъ!..

Зинаида Петровна вздохнула. «Неужели она пропуститъ случай пріятно провести время? Господи, сидѣть здѣсь въ глуши, среди этой дикости, быть лишенной всего, что есть хорошаго въ жизни, да еще отказываться отъ того, что посылаетъ Богъ! Это ужасно!

Digitized by Google

Маничка нервничаетъ, она кончитъ плохо... А идти одной къ холостому человѣку неловко... Да, неловко».

Впрочемъ, черезъ минуту взглядъ Зинаиды Петровны на этотъ предметъ перемѣнился. «Почему же неловко? Это въ городѣ существуютъ такіе предразсудки, а здѣсь во всемъ свобода. И я конечно пойду»...

— Придется мнѣ одной идти!—не совсѣмъ рѣшительно промолвила она вслухъ.

Маничка поднялась и оперлась на локоть.

— Ты рѣшаешься пойти одна къ этому господину?

— Но что же тутъ такого? Я не шестнадцатилѣтняя дѣвчонка. Мнѣ, слава Богу, за сорокъ лѣтъ. Чего мнѣ опасаться? Притомъ же онъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

Маничка посмотрѣла на мать съ горькой улыбкой и приняла прежнюю позу. «Ахъ, Боже мой, о чемъ я хлопочу!?» подумала она. «Не все ли равно, опозорится моя мать сегодня или завтра, или когда бы то ни было! Хотя бы даже это и не удалось ей никогда, все равно— она всегда на это готова. Нѣтъ мнѣ никакого дѣла до нея. Буду думать о себѣ».

Зинаида Петровна опять облачилась въ свой неизмѣнный нарядъ съ преобладаніемъ краснаго цвѣта, но сегодня онъ разнообразился новооткрытой брошкой съ опаломъ. Она уже больше не пыталась уговаривать Маничку. «Ничего изъ этого не выйдетъ, а только будетъ задержка. Въ сущности, это даже лучше, что она остается. Своимъ строгимъ видомъ она только портитъ всѣмъ настроеніе»... Съ этими мыслями она вышла, сказавъ только Хиврѣ, что, вѣроятно, вернется поздно.

Уже церковный сторожъ въ четвертый разъ прозвонилъ часы, что, по разсчету деревенскихъ астрономовъ, должно было означать за полночь; Маничка была въ постели, охваченная неспокойнымъ, тревожнымъ сномъ. Она вздрогнула и вся встрепенулась, когда постучались въ окно. Кто-то на улицѣ прощался и просилъ не забывать. Она поняла, что это Зинаида Пе-

Digitized by Google

тровна, которую проводилъ помѣщикъ. Въ комнатѣ было темно. Хивря отперла дверь.

— Тс... Я не хочу будить ее... Не надо огня...— прошептала Зинаида Петровна и тихонько прошла къ своей кровати. Она раздѣлась впотьмахъ и легла подъ одѣяло, стараясь не шумѣть и даже поменьше двигаться. Ей казалось, что если Маничка проснется и узнаетъ о ея приходѣ, то сейчасъ же пойметъ все. Пойметъ, что помѣщикъ былъ одинъ съ нею, что были веселые разговоры и портвейнъ, что голова у нея кружилась... и что помѣщикъ, провожая ее, чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ правѣ говорить ей: «Право же такъ, милѣйшая Зинаида Петровна! Я давно чувствую, что моему домашнему хозяйству недостаетъ женскаго глаза... Право!.. Я нахожу, что это вамъ вполнѣ подходитъ. Я съ своей стороны, разумѣется, вознагражу вашъ трудъ, и такъ какъ для васъ будетъ все готовое и тратить будетъ не на что, то вы еще соберете себѣ капиталецъ на старость. Право!»

Итакъ, она получила предложеніе... въ экономки къ холостяку! Конечно, въ другомъ положеніи она оскорбилась бы, но теперь,—теперь и за это спасибо. Однако же она не могла отвѣтить помѣщику согласіемъ. Она подумала: «А дочь? Она убьетъ меня, если узнаетъ объ этомъ!» Она сказала, что подумаетъ.

Маничка лежала съ открытыми глазами. Необыкновенная деликатность Зинаиды Петровны, осторожность, съ которой она раздѣлась и легла, не зажигая свѣчи, показались ей подозрительными. «Между ними произошло что-нибудь позорное!»—думала она, и въ глубинѣ ея души понемногу опять закипала смирившаяся, было, злоба. «Но все-таки она стыдится встрѣтить мой взглядъ; это—утѣшеніе... Эта женщина—мое прошлое вмѣстѣ съ будущимъ, отъ котораго я бѣжала; а я—ея совѣсть!..»

Digitized by Google

XVIII.

Слѣдующій день совершенно неожиданно сдѣлался торжественнымъ днемъ въ жизни школы. Часовъ въ 12 дня къ воротамъ подкатилъ экипажъ, запряженный тройкой почтовыхъ лошадей. Зинаида Петровна, увидавъ это, всплеснула руками.

— Кто бы это могъ быть? Рѣшительно не могу себѣ представить!

Маничка сидѣла въ школѣ. Мальчуганы, замѣтивъ экипажъ, переполошились. «Это начальство»,—шептали они другъ другу, а Маничка смотрѣла въ окно удивленными глазами. Но вотъ изъ экипажа вышли двое. Одинъ оказался помѣщикомъ Марковымъ, въ другомъ же Марья Владиміровна узнала Аркадія Николаевича Морозова, того самаго, который, занимая вліятельный постъ въ губерніи по учебной части, предоставилъ ей учительское мѣсто въ Марловкѣ.

Въ школьную комнату вбѣжала Зинаида Петровна, наскоро застегивая на себѣ кофту.

— Маничка, Маничка! Ты знаешь, кто пріѣхалъ? Аркадій Николаевичъ! Помнишь?

Лицо Манички сдѣлалось сосредоточеннымъ и серьезнымъ; въ глазахъ появился суровый, холодный блескъ. Она посмотрѣла на мать этимъ взглядомъ и не сказала ни слова. И вдругъ, словно подъ вліяніемъ этого пронизывающаго взгляда, Зинаида Петровна поблѣднѣла. Въ головѣ ея мелькнула мысль: «А что, если онъ скажетъ Маркову все? А что, если онъ уже сказалъ? И когда помѣщикъ и Морозовъ вошли въ школьную комнату, она вмѣсто приготовленной любезности и даже радости встрѣтила ихъ растереннымъ взглядомъ. Она смотрѣла то на Морозова, то на помѣщика, какъ бы по выраженію ихъ лицъ желая узнать истину.

Морозовъ привѣтливо пожалъ ей руку и дружескимъ тономъ обратился къ Марьѣ Владиміровнѣ:

— Ну, какъ у васъ идетъ дѣло? Обошлось? А?

Digitized by Google

Сначала, я думаю, вы были какъ въ лѣсу, съ непривычки, а потомъ—ничего, а? Вотъ господинъ попечитель говоритъ, что у васъ дѣло поставлено блестящимъ образомъ...

Маничка вопросительно посмотрѣла на господина попечителя школы, который ни разу не посѣтилъ этой школы и, очевидно, желая облагодѣтельствовать ее, далъ такой отзывъ. Но во взглядѣ ея Марковъ не прочиталъ благодарности.

— Не знаю, право... Вы можете провѣрить,—сухо отвѣтила Маничка.

Появленіе Морозова было ей непріятно. Это человѣкъ, знавшій ея прошлую жизнь и присутствовавшій при самой катастрофѣ, при позорѣ. Она такъ хотѣла забыть обо всемъ этомъ, а онъ пріѣхалъ напомнить ей. Мелькала у нея и та мысль, которая безпокоила Зинаиду Петровну: «Всѣ узнаютъ, начнутся двусмысленные взгляды, сожалѣнія, вздохи... Нѣтъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ!»

«А впрочемъ», думала она черезъ минуту: «вѣдь это его обязанность—объѣзжать школы. Онъ исполняетъ свою обязанность, и только. Мнѣ все кажется, что всѣ должны думать обо мнѣ. Пора это бросить. Онъ обо мнѣ вовсе не думаетъ, ему нѣтъ никакого дѣла до меня, и онъ правъ, и я напрасно обижаю его своимъ тономъ...»

Школьники стояли на-вытяжку. Морозовъ внимательно посмотрѣлъ на Маничку, добродушно улыбнулся и покачалъ головой, но пока ничего не сказалъ и провѣрять ученическіе успѣхи не сталъ.

— Знаете-ли, что я вамъ скажу, Марья Владиміровна?—сказалъ онъ Маничкѣ, когда они были вдвоемъ въ квартирѣ, а Зинаида Петровна хлопотала съ чаемъ, помѣщикъ же вышелъ зачѣмъ-то къ экипажу:—Никуда вы не годитесь! Посмотрѣть на васъ, такъ сейчасъ это и видно!

— Это что значитъ?—спросила Маничка.

— А то значитъ, что не ко двору вамъ эта дѣятельность. Не по характеру... Вы очевидно тяготитесь ею и умираете здѣсь отъ тоски... Посмотрите, что съ вами сдѣлалось, на что вы стали похожи: похудѣли, по-

Digitized by Google

блѣднѣли, глаза ввалились, а были такая цвѣтущая... Вотъ ваша maman ничего... Ей это въ пользу. Но вы... ахъ... нехорошо, ей-ей, нехорошо... Хотите, я переведу васъ въ городъ?

— Въ городъ?—съ ужасомъ спросила Маничка.—Въ городъ? Ни за что! Никогда!

— Но это странно! Тамъ вамъ лучше будетъ. Вы привыкли къ городской жизни...

— Той жизни, къ которой я привыкла, не будетъ, да я и не хочу ея...

— Ну, конечно, той не будетъ... Но и скромная жизнь въ городѣ интереснѣй деревенской...

— Я къ скромной жизни неспособна...

— Что значитъ—неспособна? Въ силу необходимости, поневолѣ сдѣлаешься способнымъ...

— Не хочу я этого... Благодарю васъ...

Тонъ, которымъ она произнесла эту благодарность, былъ твердъ и суровъ и далъ Морозову возможность догадаться, что это не простой капризъ взбалмошной дѣвушки, а что-то болѣе глубокое. Онъ посмотрѣлъ на нее серьезно и внимательно.

— Марья Владиміровна!—сказалъ онъ уже не прежнимъ пріятельски-полушутливымъ тономъ, а болѣе теплымъ, интимнымъ:—вы на меня производите совсѣмъ нежелательное впечатлѣніе. Не забывайте, что я искренно расположенъ къ вамъ и отъ души желаю вамъ добра. Я знаю, что во всей этой исторіи, о которой лучше не вспоминать...

— Да, лучше не вспоминать, Аркадій Николаевичъ!.. —подчеркивая слова, замѣтила Маничка.

— Простите... Я невольно... Такъ я говорю, что вы—совершенно безвинная жертва! И я хотѣлъ бы вамъ помочь. Я думалъ, что деревня вамъ поможетъ, отвлечетъ ваши мысли... Но вижу, что напротивъ... Ахъ, какая досада, что вы женщина, а не мужчина!..

— Вотъ какъ! Чѣмъ же это помогло бы, если бы я была мужчиной?—съ улыбкой спросила Марья Владиміровна.

Digitized by Google

— Какъ чѣмъ? Я тогда могъ-бы дать вамъ весьма приличное мѣсто въ городѣ... А теперь я могу предложить вамъ только жалкое мѣсто народной учительницы... Вотъ что: хотите, я буду хлопотать для васъ насчетъ мѣста въ женской прогимназіи? Вы можете быть учительницей въ младшихъ классахъ...

— Полноте, Аркадій Николаевичъ! Я вамъ очень, очень благодарна за готовность, но... Право же я никуда отсюда не поѣду... Къ чему?

— Какъ къ чему? Вѣдь вамъ здѣсь скучно?

— Нисколько! Я не скучаю вовсе...

— Допустимъ... Но здѣсь очень скудное содержаніе, тамъ будетъ больше...

— Намъ хватаетъ на все. Мы не знаемъ нужды.

— Ну, тогда я ничего не понимаю!

— Но развѣ я вамъ на что-нибудь жаловалась? Кажется, пѣтъ, Аркадій Николаевичъ!

— Да, но вашъ видъ...

— Мой видъ обманулъ васъ... Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна за желаніе помочь мнѣ...

Тутъ Маничка немного подумала и затѣмъ спросила:

— Скажите, Аркадій Николаевичъ, вы знали мою предшественницу?

— Порховскую? Клавдію Антоновну? Да, конечно... Я не могъ не знать ея. Это моя обязанность — знать всѣхъ учительницъ моего раіона.

— Только? А вы не знали ея немного ближе, чѣмъ по обязанности?

— Можетъ быть, немного... Она была странная личность. Собственно говоря, я даже не понимаю ея поступка. Представьте себѣ: отецъ—генералъ, очень богатъ, прекрасная семья, и она все это бросаетъ. Согласитесь, что это очень странно!

— Вѣроятно, были какія-нибудь причины?!—сказала Маничка такимъ тономъ, словно она не имѣетъ понятія объ этихъ причинахъ. Ей хотѣлось знать, какъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ себѣ все это Морозовъ, который былъ прямымъ начальникомъ Клавдіи Антоновны.

— Да, были, но странныя причины. Отецъ ея пріѣзжалъ сюда и былъ у меня. Онъ умолялъ меня всѣмъ, что есть на свѣтѣ святого, помочь ему возвратить дочь —послѣднюю, единственную... Онъ плакалъ даже. Но что я могъ сдѣлать? Она была хорошей учительницей, я не имѣлъ права отказать ей. Вотъ я его и спросилъ о причинахъ; но, признаюсь, даже не могъ хорошенько понять, въ чемъ дѣло. Одно изъ двухъ: или отецъ ея самъ не знаетъ этихъ причинъ, или скрылъ отъ меня что-нибудь.

— Что же онъ сказалъ?—съ горячимъ любопытствомъ спросила Марья Владиміровна.

— Какое-то сватовство... Какой-то князь, сватавшійся сперва къ ея сестрѣ, которая умерла, а потомъ къ ней... Это ей показалось оскорбительнымъ. . Вообще —какая-то очень запутанная романическая исторія. Я, признаюсь, даже заподозрилъ, что быть можетъ у нея съ этимъ княземъ зашло дальше, чѣмъ слѣдуетъ, а потомъ онъ уклонился отъ женитьбы...

— Этого никогда не было!—вся вспыхнувъ, воскликнула Маничка и сейчасъ же поправилась:—Этого не могло быть!.. Не говорите такъ, Аркадій Николаевичъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее съ пытливымъ любопытствомъ. Ему показалось страннымъ, что она такъ близко принимаетъ это къ сердцу.

— Развѣ вы были съ нею знакомы? Знали ее?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я ея не знала... но... но я головой ручаюсь, что этого не могло быть!—съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣтила Маничка.

— Да вѣдь я не утверждаю. Это только предположеніе. Во всякомъ случаѣ, она была несчастна. Отецъ потомъ ни разу объ ней не справлялся, словно забылъ о ней. Теперь, когда она умерла, я счелъ своей обязанностью увѣдомить его объ этомъ. Но мнѣ стоило

Digitized by Google

большого труда разузнать его адресъ. Онъ былъ въ Одессѣ, потомъ его перевели въ Кіевъ; я и написалъ въ Кіевъ, но оказалось, что онъ уже въ Варшавѣ. Я туда написалъ недавно...

— Вы говорите, что она была хорошей учительницей? Это ваше мнѣніе?

— Да... Конечно, я такъ думаю... Дѣти шли у нея хорошо... Были кой-какія увлеченія, это правда. Она, такъ сказать, выходила изъ полномочій учительницы, сходилась съ мужиками. Это... на это у насъ смотрятъ не особенно благопріятно. Но я наводилъ справки и убѣдился, что тутъ не было ничего такого... И вообще смотрѣлъ сквозь пальцы.

Разговоръ на этомъ прекратился. Принесли чай, явилась Зинаида Петровна, вошелъ помѣщикъ. Рѣчь пошла о томъ, что въ эту зиму выпало много снѣга и что поэтому можно надѣяться на обильный урожай. Помѣщикъ велъ себя съ достоинствомъ, какъ попечитель школы, въ которой оказалось все въ порядкѣ. Зинаида Петровна имѣла подавленный, смущенный видъ. Ей все хотѣлось уловить минуту, когда удобно будетъ сказать Морозову два слова. Это удалось сдѣлать только во дворѣ, когда гости уже простились. Зинаида Петровна задержала Морозова въ то время, какъ Марковъ сидѣлъ уже въ экипажѣ.

— Я у васъ хочу спросить,—смущеннымъ голосомъ промолвила она:—вы какъ-нибудь нечаянно не проговорились кому-нибудь здѣсь о томъ... ну, вы понимаете... о томъ, что было съ... съ моимъ мужемъ?..

— О, что вы, что вы! Какъ можно! Я же понимаю!.. Можете быть покойны!—успокоилъ ее Морозовъ и затѣмъ, обратившись къ Маничкѣ, которая стояла на порогѣ, прибавилъ:—Такъ подумайте объ этомъ, Марья Владиміровна! И какъ только надумаетесь, черкните мнѣ два слова... я буду хлопотать и, надѣюсь, не безъ успѣха.

Маничка не отвѣтила, не улыбнулась и даже не кивнула головой. Они уѣхали.

Digitized by Google

— Ахъ, какъ я боялась, какъ я боялась!—воскликнула въ комнатѣ Зинаида Петровна:—повѣришь-ли, все время, что они были здѣсь, у меня сердце такъ и замирало... Что, думаю, если онъ взялъ да и разболталъ все Маркову!.. Слава Богу, онъ успокоилъ меня: я, говоритъ, понимаю, что это нельзя!.. Совсѣмъ успокоилъ...

— Не все-ли равно? Неужели ты думаешь, что не узнаютъ—рано или поздно?...

Равнодушный тонъ, которымъ Маничка произнесла эти слова, былъ неискрененъ. Маничкѣ было далеко не все равно, узнаютъ или не узнаютъ, и ужъ если необходимо было, чтобъ узнали рано или поздно, то она предпочитала послѣднее.

— А о чемъ это онъ говорилъ съ тобой? «Если, говоритъ, надумаетесь, черкните,—я буду хлопотать». Что это такое?

— Мѣсто въ городѣ. Учительницей въ прогимназіи...

— Да неужели? Да вѣдь это же прелесть что такое! Ахъ, какой онъ милый, этотъ Аркадій Николаевичъ!.. Когда же это будетъ?—съ большой живостью спрашивала Зинаида Петровна.

— Никогда этого не будетъ!..—задумчиво произнесла Марья Владиміровна.

— Никогда? Ну, вотъ, вотъ, я такъ и знала... Ты отказалась! Это, Маничка, въ тебѣ даже поразительно! Я... я просто не нахожу словъ объяснить,—такъ это непонятно, непостижимо!.. Человѣкъ предлагаетъ тебѣ счастье, прямо счастье, а ты отказываешься! Нѣтъ, ужъ право, хотя бы... ну, хотя бы обо мнѣ подумала, ей-Богу!..

— Что?—спросила Маничка, посмотрѣвъ на нее широко раскрытыми удивленными глазами.—О тебѣ? Я должна думать о тебѣ?.. Ахъ, мама, я бы на твоемъ мѣстѣ не сказала этого.

— Да что-жъ мнѣ остается говорить? Я такъ поражена и огорчена этимъ!..—Зинаида Петровна немного

Digitized by Google

смутилась. Она поняла, что Маничкѣ послѣ того, что случилось, въ самомъ дѣлѣ не приходится о ней думать. Поэтому она понизила тонъ, который былъ очень горячъ въ первую минуту, когда она узнала объ отказѣ Манички.

— Ты, мама, лучше сдѣлаешь, если перестанешь говорить объ этомъ... Ты знаешь, что между нами не можетъ быть особенно пріятныхъ объясненій....

Это было сказано тономъ спокойнымъ, въ которомъ не слышалось ни вызова, ни упрека. Но Зинаида Петровна поняла, что ей никакими доводами не убѣдить дочь перемѣнить свое рѣшеніе. Но какое это было жестокое рѣшеніе! Представляется такой прекрасный случай,—можетъ быть, единственный случай—вернуться въ городъ. Что тамъ еще помнятъ ихъ исторію? Ну, такъ что-жъ изъ этого, что помнятъ! Вѣдь въ сущности виноватъ въ этомъ только *онъ*, а онѣ не болѣе какъ жертвы, и всякій это можетъ понять. Наконецъ, нѣтъ надобности возвращаться непремѣнно въ этотъ же городъ. Морозовъ можетъ выхлопотать мѣсто въ другомъ городѣ, гдѣ ихъ не знаютъ. Учительница въ прогимназіи получаетъ все-таки приличное жалованье—рублей 600—700; на эти деньги можно устроиться сносно и прилично. Но главное—въ городѣ! Въ городѣ совсѣмъ другая жизнь, тамъ другіе люди: чиновники, учителя, офицеры... Всегда подберется компанія и можно жить не скучно. Кончилось бы это унизительное существованіе въ лачугѣ, въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ съ низенькими потолками, въ деревнѣ, гдѣ самыми интересными людьми являются попадья, поповна, акцизный чиновникъ Сутугинъ и помѣщикъ Марковъ,—человѣкъ, правда, премилый, но все же... все же довольно-таки неотесанный. Рѣшительно Маничка губитъ и себя, и ее!..

И она тоже начинала ощущать враждебное чувство къ дочери, какъ къ существу, которое держитъ въ рукахъ ея судьбу и изъ-за какого-то непонятнаго каприза заставляетъ ее влачить жалкое существованіе, тогда какъ можно было-бы еще такъ или иначе насладиться жизнью.

Digitized by Google

XIX.

Показались первые признаки приближенія ранней южной весны. Снѣгъ, лежавшій на крышахъ хатъ, таялъ, ледъ на рѣчкѣ сдѣлался рыхлымъ, всюду было мокро, въ степи изъ-подъ тающаго снѣга показалась зеленая травка. Быть можетъ, еще разъ-другой ударитъ легкій морозъ, но не надолго; весна все-таки надвигается, и скоро проснется дремлющая природа.

Блѣдная учительница сидитъ за своимъ столикомъ въ школьной комнатѣ и смотритъ въ окно на сѣрый день переходной поры, на ручьи воды, каплющіе съ крышъ и льющіеся по неглубокимъ, извилистымъ канавкамъ съ поля по направленію къ рѣкѣ. Всюду еще преобладаетъ бѣлый цвѣтъ снѣга, но никто уже не вѣритъ въ холодъ. Ребятишки босикомъ и чуть не въ однѣхъ сорочкахъ бѣгаютъ по улицѣ; куры безпокойно кудахтаютъ, голуби заботливо воркуютъ другъ около друга, прыгая по крышамъ и слетая на землю. А деревья стоятъ оголенныя; внутри ихъ уже закипѣла жизненная работа, но еще не видно почекъ. Ни зима, ни весна. Переходная пора.

И кажется блѣдной дѣвушкѣ, что и она живетъ вмѣстѣ съ природой одною жизнью, и переживаетъ переходную пору. По цѣлымъ днямъ она сидитъ или ходитъ почти молча и безъ всякаго дѣла, формально только выполняя школьныя обязанности. Съ матерью она почти не говоритъ, да и та словно избѣгаетъ ея, очень часто незамѣтно уходя изъ дому и возвращаясь, когда она спитъ или дѣлаетъ видъ, что спитъ. Если же на дворѣ стоитъ непролазная грязь или разыгралась вьюга, и надо оставаться дома, она пораньше ложится спать. Эти тяжелыя отношенія установились между дочерью и матерью сами собой, незамѣтно, какъ уступка съ той и другой стороны. Иначе онѣ не могли бы жить вмѣстѣ.

Да, это переходная пора Много дней уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ Маничка побывала на могилѣ Клав-

Digitized by Google

діи Антоновны. Тогда она почувствовала бодрость, точно новыя силы наполнили ея грудь; тогда она многое передумала и рѣшила, что стоитъ жить на свѣтѣ, если можешь что-нибудь сдѣлать для другихъ. Въ головѣ ея постоянно повторялось: приласкай «бѣлоголоваго мальчика», и почему-то казалось, что это именно и нужно, какъ будто вся суть заключается въ томъ, чтобы приласкать бѣлоголоваго мальчика.

Думала Маничка надъ вопросомъ, почему это ей такъ кажется? Она рѣшила: «потому, что Клавдія Антоновна обѣщала ему не умереть и умерла. И еще потому, что я его обидѣла». И всякій разъ, когда она сидѣла въ школѣ въ учебные часы, она взглядывала на бѣлоголоваго мальчика и давала себѣ слово—заняться имъ. Прежде всего надо исполнить просьбу Клавдіи Антоновны. Но занятія кончались, школьники расходились и бѣлоголовый Мишка уходилъ съ ними. «Неужели же это такъ трудно? Неужели же и для этого нужны рѣшимость, характеръ?»

Но въ этотъ день, когда школьники расходились, она остановила Мишку.

— Погоди, не уходи!

Мишка посмотрѣлъ на нее испуганнымъ взглядомъ. Встрѣтивъ съ ея стороны въ первые дни вмѣсто ласки суровость, злобу и даже жестокость, онъ чувствовалъ къ ней страхъ, непобѣдимый страхъ, который не покидалъ его и послѣ, несмотря на то, что Маничка давно уже перестала злиться на школьниковъ и совсѣмъ не наказывала ихъ. Онъ былъ только тогда спокоенъ и счастливъ, когда учительница забывала о немъ и не обращала на него вниманія. Когда-же она взглядывала на него—онъ дрожалъ и блѣднѣлъ.

Мишка былъ очень некрасивъ. Несоразмѣрно большая голова на короткомъ и худомъ туловищѣ, маленькій, вродѣ пуговицы, носъ, широкій ротъ — на кругломъ лицѣ. Одежда его вся состояла изъ заплатъ; это былъ подарокъ Клавдіи Антоновны, тысячу разъ подновленный

Digitized by Google

его матерью. Бѣлоголовый Мишка и въ ученьи не проявлялъ ни малѣйшихъ способностей, усваивалъ все туго и шелъ позади всѣхъ. Однимъ словомъ, это было существо, обиженное Богомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Мальчикъ стоялъ передъ нею и глядѣлъ въ полъ.

— У тебя нѣтъ отца? Только мать?—спросила Маничка привѣтливымъ тономъ.

Онъ молчалъ.

— Почему же ты не отвѣчаешь? Тебѣ должно быть холодно въ этой одежѣ? Ты хочешь другую, новую?

Мальчуганъ упорно смотрѣлъ въ полъ и молчалъ. Лицо его блѣднѣло.

— Приходи ко мнѣ сегодня... Мы поговоримъ, я тебѣ дамъ другую одежу... Придешь? Что-жъ ты молчишь? Ты ходилъ къ Клавдіи Антоновнѣ? Ты любилъ ее?

Мальчуганъ скривилъ ротъ, громко нѣсколько разъ втянулъ въ себя воздухъ носомъ, и слезы полились изъ его глазъ. При этомъ онъ весь дрожалъ.

— Какой ты нервный!—Маничка протянула къ нему руку, чтобы погладить его по головкѣ и притянуть къ себѣ. Мальчуганъ шарахнулся въ сторону, словно ему грозила опасность. Дѣвушка поблѣднѣла, въ глазахъ ея блеснулъ огонекъ, очень похожій на тотъ, что появлялся въ минуты гнѣва и злости.

— Ступай себѣ!..—отрывисто сказала она.

Мальчуганъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и рысью побѣжалъ по улицѣ. Маничка сѣла за столъ, подперла голову ладонями и просидѣла такъ долго. Не напрасно появились у нея искры въ глазахъ: опять въ груди ея поднялась злоба. Вѣдь она искренно хотѣла принять участіе въ этомъ мальчикѣ, она хотѣла съ этого начать. Почему же онъ отворачивается отъ нея? Развѣ она такъ страшна, такъ несимпатична? Онъ не отвѣчаетъ на ея вопросы, упорно молчитъ, но это потому, что онъ глупъ. Это можно простить. Но нельзя простить того, что рука ея, протянутая съ тѣмъ, чтобы приласкать его, осталась

Digitized by Google

въ воздухѣ. Это уже обида. Глупый, грязный мальчишка дѣлаетъ это съ нею, съ Маничкой. Онъ, именно онъ, этотъ глупый, грязный мальчишка, становится ей поперекъ дороги, потому-что она теперь не можетъ идти дальше, не можетъ сдѣлать ни одного шага...

Она встала и, заложивъ руки на затылокъ, потянулась. «Я сегодня глупа!—успокоительно подумала она.—Изъ-за чего я взбудоражилась? Изъ-за того, что мальчуганъ дикъ? Но вѣдь это такъ естественно, я же сама запугала его; я на него крпчала, наказывала его, понятно—онъ меня боится. Что-же? Я должна извиниться передъ нимъ? Сказать ему: прости, я тебя обидѣла? Я теперь хочу любить тебя, приласкать? Ну, это вышлобы совсѣмъ глупо... Можно и безъ этого обойтись...»

Послѣ этой неудачной попытки опять пошли дни нерѣшительности. Весна все еще не наступала вполнѣ, какъ-бы колебалась, и у Манички тоже продолжалась переходная пора. Иногда она вспоминала о томъ, что въ ея образованіи—большой пробѣлъ и что поповна знаетъ больше ея. Тогда она брала книгу, первую попавшуюся изъ кучи книгъ, оставшихся отъ Клавдіи Антоновны, и читала первую попавшуюся статью. Но предметъ нисколько не интересовалъ ея: она читала единственно потому, что поповна знала больше ея. Глаза ея скоро, незамѣтно для нея самой, отводились отъ страницы, и она по цѣлымъ часамъ смотрѣла въ одну точку, довольная, когда могла сказать, что не думаетъ ни о чемъ.

Когда-же ей становилось очень тяжело, она прибѣгала для облегченія все къ тому-же единственному источнику — къ дневнику Клавдіи Антоновны. Но теперь ей не нужно было доставать тетрадь; она читала дневникъ наизусть почти весь отъ начала до конца; повторять его сдѣлалось для нея потребностью. Ей тогда казалось, что она бесѣдуетъ съ Клавдіей Антоновной. Вотъ она сидитъ передъ нею въ креслѣ, въ своемъ развалистомъ креслѣ, въ черномъ платьѣ (Маничкѣ казалось, что Кла-

Digitized by Google

ва должна была носить черное платье), и говоритъ такъ спокойно и задумчиво... Говоритъ то, что написано въ тетради. Какое у нея чудное лицо, какъ хорошо смотрятъ свѣтлые глаза съ какимъ-то миротворнымъ выраженіемъ! Маничка всей душой сблизилась съ этой дѣвушкой, онѣ — друзья, хотя не на равныхъ правахъ. Клава—старшая, она учитъ, ободряетъ, утѣшаетъ; Маничка только спрашиваетъ и слушаетъ. Клава качаетъ головой въ знакъ того, что это нехорошо быть такой нерѣшительной. Но она прибавляетъ, что это ничего, это пройдетъ. Минетъ «переходная пора», настанетъ весна, и Маничка воспрянетъ.

Зинаида Петровна наслаждается пріятнымъ воздухомъ. Она почти не бываетъ дома. Въ помѣщичьемъ саду есть аллея, вся усыпанная мелкими ракушками и пескомъ,— тамъ можно гулять, не боясь мокроты и грязи. Тамъ есть круглая площадка, обсаженная сиреневыми кустами. Среди площадки—деревянный столъ; тутъ часто шипитъ самоваръ, рядомъ съ нимъ красуется графинчикъ съ коньякомъ, посуда, закуска. Наѣзжаетъ нерѣдко Сутугинъ, случается, что зайдутъ матушка съ дочкой, и время здѣсь, за этимъ круглымъ столомъ, идетъ незамѣтно и пріятно. Но погода еще не установилась, бываютъ сырые дни; это мѣшаетъ цѣльности и стройности программы. Когда-же придетъ настоящая весна, тогда то-ли еще будетъ!

Маничка рада, что ее оставляютъ одну. Ужъ она теперь не спрашиваетъ мать, куда она идетъ, когда вернется и весело-ли было въ гостяхъ. Это ей безразлично. Она также не думаетъ теперь и о томъ, какъ проводитъ время ея мать, съ кѣмъ, не идетъ-ли она по дорогѣ позорной, — ей все равно. Она почти наслаждается своимъ одиночествомъ. Хивря — при ней. Эта тихая, спокойная старуха, избавленная, повидимому, отъ какихъ-бы то ни было личныхъ желаній и потребностей, перенесла на нее всю свою нѣжность, которую прежде питала къ Клавдіи Антоновнѣ. Память покойницы была

Digitized by Google

для нея святыней, но живое сердце искало живого предмета, на который могло-бы направить свое чувство. Хивря часто думала о своей новой барышнѣ и сравнивала ее со старой. Конечно, Клавдія Антоновна была внѣ всякаго сравненія, но Хивря не могла думать о Маничкѣ, не думая также и о ней. Въ ея глазахъ Маничка была какъ-бы продолженіемъ прежней учительницы, ея отголоскомъ. «Только эта бѣдненькая все чего-то мучается, никакъ не можетъ въ себя прійти...»—сочувственно думала она. Иногда она высказывала эту мысль и Маничкѣ.

— Смотрю я на васъ, моя барышня, и думаю: какъ будто вы и схожи съ покойницей Клавдіей Антоновной, а какъ будто и не схожи!..

— Чѣмъ же схожа, Хивря? Нѣтъ, не схожи мы!—грустнымъ голосомъ возражала Маничка.

— Нѣтъ, есть! Первое, что молоденькія вы обои и чуть-что не однолѣтки. Второе—красивенькія—и вы, и она, покойница... Ну, и еще есть! Сердцемъ добрыя—и она, и вы!..

— Я—добрая сердцемъ? Я? Что вы, Хивря! Изъ чего это вы увидѣли?

— Такъ, ужъ знаю... Увидѣла!..

— Нѣтъ, Хивря, я не добрая! Сердце у меня злое. Вы даже не знаете, какое у меня злое сердце! Отъ этого я такая... такая вотъ, какъ есть.

— И не отъ этого. А все оттого, барышня моя, что вы никакъ въ свое мѣсто попасть не можете... Вотъ отчего. Покойница Клавдія Антоновна такая же, какъ вы, блѣдненькая да худенькая была, и тоже вотъ, какъ пріѣхала, все худѣла, худѣла...

— Да? — съ живымъ любопытствомъ спросила Маничка:—значитъ, это ей не легко давалось?

— Гдѣ-жъ-таки легко? Какъ же это можно, чтобы такой нѣжной особѣ, послѣ такой роскошистой жизни, и вдругъ съ простымъ народомъ... И чтобы это было легко?.. Такъ я вотъ и говорю: тоже и она, покойница,

Digitized by Google

такъ-то вотъ блѣднѣла да худѣла, а только разница въ глазахъ.

— Въ глазахъ?

— Именно, въ глазахъ разница. У васъ все неспокойственность какая-то, словно вамъ все не по себѣ... Ну, вотъ словно—позвали человѣка въ гости, а ему не хочется: дома-то ему пріятнѣй. А не пойти нельзя, неловко. Онъ и пошелъ, и сидитъ, а все думаетъ,—какъ бы оно скорѣй кончилось, да чтобы домой... Словомъ сказать—не въ своемъ мѣстѣ. Вотъ такое у васъ въ глазахъ. А у ей, у покойницы моей, въ глазахъ такая ясность была, спокойственность, какъ дьячки въ церкви поютъ—«миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе»... Потому она, можно сказать, въ самое свое мѣсто попала. Примѣрно, курочка, ежели ей яичко снести надобно, а тутъ сѣсть негдѣ: ужъ она и кудахтаетъ, и топчется, и всячески безпокоится; и хотя-бы въ землѣ ямку выроетъ, да въ ту ямку и сядетъ и дѣлаетъ свое дѣло, и уже притихла, молчитъ... Такъ я себѣ это объясняю. А вы вотъ все никакъ къ этому самому своему мѣсту наладиться не можете, вотъ бѣда въ чемъ!..

Маничка задумалась надъ этими простыми словами, сказанными отъ простого сердца. Въ самомъ дѣлѣ, что она дѣлаетъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ не напрасныя попытки «наладиться», какъ говоритъ Хивря, къ своему мѣсту,—къ *своему* потому, что такъ или иначе она пріурочила себя къ нему и не можетъ представить себя у другого мѣста. Если бы это было не такъ, то почему-же она категорически отказалась отъ предложенія Морозова? Это была бы радикальная перемѣна, которая могла бы Богъ знаетъ какъ повліять на ея судьбу. Могли бы быть непредвидѣнныя встрѣчи, которыя, при помощи ея наружности и тѣхъ чисто женскихъ способностей, что такъ хорошо развивались втеченіе всей ея жизни, пожалуй вернули бы все, что потеряно. Но нѣтъ, она ни на минуту не почувствовала стремленія къ тому, что̀ потеряно, прошлое уже безпо-

Digitized by Google

воротно отдалилось отъ нея и кажется ей какой-то бездонной пропастью, въ которую даже глядѣть страшно... Итакъ, эта новая обстановка, новая жизнь, новое *мѣсто* дѣйствительно ей *свое*, и правда то, что она, несмотря на долгія старанія, никакъ въ него попасть не можетъ...

Но тутъ она ловитъ себя на мысли: «Долгія старанія? Какія же старанія? Въ чемъ же они выразились? Никакихъ стараній не было. Были только нерѣшительность, колебанія, нервозность, отклоняющаяся то въ сторону злобы, то въ сторону просвѣтлѣнія. «Мира въ душѣ моей все-таки нѣтъ, нѣтъ того примиренія, которое обѣщала мнѣ Клавдія Антоновна въ своемъ дневникѣ. Но вѣдь она нашла его, почему же я не могу найти? Она полюбила всѣхъ, почему же я никого не могу полюбить? Она простила всѣмъ, почему же я не могу никому простить—ни матери, ни отцу, ни людямъ, ихъ и меня окружавшимъ, ни *ему*... да, ни *ему*»....

При этой послѣдней мысли она нервно сжала губы: ей показалось, что это «ни *ему*» она не только подумала, но и произнесла вслухъ,—до такой степени была жива эта мысль. Да, она долго скрывала отъ себя самой, что не можетъ простить ему; ей хотѣлось думать, что она о немъ забыла, до такой степени забыла, что даже не презираетъ его. Ей казалось оскорбительнымъ не только вспоминать о немъ, но даже презирать этого человѣка. Не тѣмъ унизилъ онъ ее, что любилъ и разлюбилъ, а тѣмъ, что онъ, единственный, кому она вѣрила, съ кѣмъ была ласкова и нѣжна, въ сущности, любилъ не ее, а тѣ обстоятельства, которыми сопровождалась ея жизнь. Обстоятельства эти перемѣнились, и онъ сейчасъ же отшатнулся отъ нея. И сдѣлалъ это такъ откровенно, такъ цинично... Но она тогда еще не окончательно прозрѣла и допустила это униженіе—написала ему, чтобъ не получить отвѣта... Чувство глубочайшаго презрѣнія къ нему пряталось въ груди ея, а теперь, когда она случайно вздумала подводить итоги минувшей зимѣ, оно выплыло наружу и холоднымъ огнемъ засвѣтилось въ ея глазахъ...

Digitized by Google

Маничка энергично ходила по комнатѣ. Она думала: «Такъ нельзя, такъ нельзя! Что это? Томленіе, нерѣшительность, пассивность какая-то... Это обидно! Что я такое? Ни добро, ни зло! Хочу добра, чувствую злобу, а не дѣлаю ни того, ни другого. Я должна двинуться впередъ, должна по крайней мѣрѣ узнать, что я: добро или зло?..»

XX.

Былъ чудный весенній день. Теплые солнечные лучи смыли съ земли все, что только напоминало о зимѣ; зазеленѣли поля, деревья въ садахъ украсились листьями. Въ ясномъ, прозрачномъ воздухѣ носилось что-то радостное, молодое, опьяняющее.

Маничка стояла во дворѣ, опершись обѣими руками на низкія досчатыя ворота, и глядѣла на пеструю воскресную толпу, выходившую изъ церкви. Все пространство отъ школы до церкви, обыкновенно пустынное и однообразное, было оживлено движущимися группами. Старики, молодежь, ребятишки, повозки, въ которыхъ пріѣхали хуторяне,—все это пестрѣло, сходилось, расходилось. Уже церковная ограда опустѣла, прихожане разошлись по хатамъ, хуторяне разъѣхались, но церковная дверь еще раскрыта настежъ, и Маничкѣ поверхъ ограды видна возвышенная каменная паперть.

Но вотъ изъ церкви вышелъ сторожъ и, не надѣвая шапки, чего-то ждетъ на паперти. Черезъ минуту появились: батюшка въ свѣтленькой рясѣ, дьякъ, церковный староста и съ ними какой-то человѣкъ, котораго Маничка не знаетъ. Онъ высокаго роста, худощавъ и слегка согнутъ; у него длинная борода и усы,—кажется, сѣдые; солнце мѣшаетъ ей разглядѣть это. На немъ черный сюртукъ, въ костюмѣ мелькаетъ гдѣ-то красный цвѣтъ, въ рукѣ фуражка, которую онъ почему-то не надѣваетъ. Кто бы это могъ быть? Вотъ они сошли внизъ по ступенькамъ паперти и ужъ Маничкѣ не видны, но черезъ двѣ минуты тѣ же четыре фигуры появились

Digitized by Google

на кладбищѣ. Батюшка и неизвѣстный человѣкъ идутъ рядомъ впереди; батюшка говоритъ, а тотъ слушаетъ, слегка наклонивъ къ нему голову; церковный староста и дьякъ—позади, повидимому, молча. Всѣ покрыли головы, кромѣ неизвѣстнаго, который продолжаетъ нести фуражку въ рукахъ. А вотъ появилась еще одна фигура — женщина деревенскаго типа; она опоздала и спѣшной рысцой бѣжитъ позади, догоняя ихъ. Они прошли все кладбище и вдругъ остановились у высокой могилы съ новымъ, тесанымъ крестомъ. Неизвѣстный человѣкъ подошелъ поближе, а другіе остались позади и стояли неподвижно. Онъ нѣсколько разъ осѣнилъ себя большимъ, глубокопрочувствованнымъ крестомъ и долго стоялъ такъ, но вдругъ упалъ на колѣни и затѣмъ весь припалъ къ землѣ.

Кто бы это могъ быть? Что̀ ему нужно на могилѣ Клавдіи Антоновны? У Манички сильно билось сердце. Ей почему-то казалось, что тамъ, на кладбищѣ, совершается какая-то драма. Зачѣмъ этотъ человѣкъ вдругъ появился здѣсь? Что его потянуло къ высокому холму, почему онъ палъ ницъ и долго-долго не подымается?

Къ нему подошли батюшка и дьякъ, осторожно взяли его подъ-руки и подняли. Батюшка что-то говорилъ,—должно быть успокоительныя слова. Неизвѣстный человѣкъ еще нѣсколько разъ перекрестился и затѣмъ неровной походкой пошелъ вмѣстѣ съ другими. Теперь они шли къ другому выходу, той самой тропинкой, которой ходила Марья Владиміровна, и скоро опять исчезли изъ ея глазъ. Но Маничка мысленно слѣдила за ними, представляя себѣ, какъ они дошли до воротъ, вышли въ поле, повернули къ селу, и терялась въ догадкахъ, куда они пойдутъ и что предпримутъ дальше, Но вниманіе ея втругъ привлекла женщина, которая, перешагнувъ черезъ ровъ, окружавшій кладбище, появилась на площади и торопливой походкой, ежеминутно спотыкаясь, шла по направленію къ школѣ. Очень скоро стало яснымъ, что эта женщина—не кто иной, какъ Хивря.

Digitized by Google

Нетерпѣніе Манички дошло до того, что она пріотворила ворота и пошла ей на встрѣчу. А Хивря, очевидно, только этого и ждала. Уже издали она дѣлала выразительные знаки, которые, по ея мнѣнію, должны были объяснить все, но въ дѣйствительности ничего не объяснили. Наконецъ, уже на разстояніи двадцати шаговъ, она громко сообщила:

— Пріѣхалъ генералъ! Клавдіи Антоновны родитель!..

Маничка подумала: «Я такъ и знала. Ничего другого и быть не могло. Я это чувствовала».

Онѣ шли рядомъ. Хивря, запыхавшись и глотая слова, докладывала:

— Стою это я въ церкви, въ обѣдни, народу полно... Вдругъ смотрю—народъ разступается!.. Высокій такой старикъ съ сѣдой бородой, блѣдный-блѣдный, худой-прехудой, щеки ввалились, лобъ большой и голова съ лысиной. На штанахъ — красная полоса и на кафтанѣ красный кантъ... Вижу, что-то знакомое, словно видала его и словно не видала. А сердце такъ и екнуло у меня... И вдругъ вспомнила... Господи, какой же онъ сталъ!.. Тогда, какъ пріѣзжалъ онъ, при покойницѣ, такъ вѣдь это-жъ совсѣмъ другой человѣкъ былъ... Въ мундирѣ, съ аполетами, статный такой, съ важной осанкой, бороды не было, а только усы, и сѣдыхъ волосъ я не замѣчала... А теперь—совсѣмъ старикъ, согнулся, и смотритъ такъ жалобно, и никакого блеску на немъ нѣту, аполеты сняты и все прочее... То-то, должно быть, горе и его взяло!.. Стояла я какъ на горячихъ угольяхъ, все хотѣлось подойти къ нему, да голосъ его услышать; все на одномъ мѣстѣ стоялъ, да горячо такъ молился, поклоны билъ... А послѣ обѣдни, когда народъ разошелся, подошелъ къ батюшкѣ и пожелалъ видѣть могилу и поклониться праху... Его и повели, а я за ними слѣдкомъ, да все смотрю на него, все смотрю, потому онъ мнѣ словно бы не чужой, а родитель Клавдіи Антоновны. Пришелъ это онъ на могилку, смотрѣлъ-

Digitized by Google

смотрѣлъ, да какъ упадетъ на землю, какъ заплачетъ рыданіемъ!.. Ну, подняли его, а только батюшка никакъ не могъ успокоить его. Ужъ что только онъ ни говорилъ ему! И такъ—по мірскому, и изъ писанія, и всячески... Ничего не помогаетъ. Не знаю, какъ дальше будетъ: батюшка къ себѣ повелъ его, а я — домой побѣжала...

Хивря была очень взволнована. Пріѣздъ генерала былъ для нея жгучимъ событіемъ: она, какъ и Маничка, чувствовали во всемъ этомъ глубокую драму. Онѣ прошли домой. Зинаида Петровна, узнавъ о случившемся, засуетилась.

— Онъ сюда придетъ, а у насъ такой безпорядокъ! Ты, Хивря, вытерла бы пыль на стульяхъ! Ахъ, Маничка, неужели ты не переодѣнешься? Нельзя же въ такомъ костюмѣ принимать его. Вѣдь онъ изъ высшаго круга... Генералъ... Какъ же это можно!

Маничка съ горькой улыбкой смотрѣла на ея суетливую возню и думала о томъ, какъ странно устроена голова ея матери. Она знаетъ исторію Клавдіи Антоновны, знаетъ, что генералъ вмѣстѣ съ нею потерялъ все, и думаетъ о такихъ пустякахъ. Она воображаетъ, что у всѣхъ такое же легкое сердце, какъ у нея, и что этотъ старикъ, потерявшій дочь, послѣднее утѣшеніе въ жизни, прежде всего обратитъ вниманіе на ихъ туалетъ, будетъ шокированъ пылью на стульяхъ и грязнымъ одѣяніемъ Хиври. И вотъ уже она сама, въ ожиданіи важнаго гостя, прихорашивается, возится съ своей прической и подбираетъ наколку для головы—потемнѣе, чтобы вышелъ солидный видъ. Ей и въ голову не приходитъ, что передъ ними будетъ не генералъ, не важное лицо изъ высшаго круга, а несчастный старикъ — разбитый, обездоленный, лишенный какого бы то ни было утѣшенія въ жизни.

Маничка тоже была въ волненіи и въ какомъ-то ожиданіи, но это было ощущеніе другого рода. Она знала, что ей придется говорить со старикомъ и, быть можетъ,

Digitized by Google

посвятить его въ тайну Клавдіи Антоновны. Несомнѣнно, что для него ея поступокъ кажется неяснымъ и онъ склоненъ объяснить его однимъ только безумiемъ, тогда какъ для нея, для Манички, ясно, что Клавдія Антоновна поступила логично и иначе не могла поступить.

Онѣ обѣдали. Зинаида Петровна и тутъ волновалась. Вѣдь онъ можетъ придти сейчасъ, застать ихъ за столомъ, а у нихъ посуда такая простая и неизящная, да и скатерть съ дырой на самомъ видномъ мѣстѣ. Это — цѣлый скандалъ.

— Я не хотѣла бы, чтобы онъ сейчасъ пришелъ: все-таки это неловко,—твердила она.—Ахъ!—испуганно воскликнула она, случайно взглянувъ въ окно: — Они какъ разъ идутъ!.. Батюшка и онъ!.. Боже мой! Хивря, убирай же скорѣй со стола, тутъ такая грязь!..

Хивря почти раздѣляла ея опасенiе. Ей тоже казалось, что при генералѣ неловко этой простой посудѣ оставаться на столѣ. У нея даже мелькнулъ проектъ въ случаѣ, если она не успѣетъ прибрать, попросить гостей сперва въ школьную комнату. Но гости двигались медленно и комната была приведена въ порядокъ. Зинаида Петровна съ ужасомъ смотрѣла на Маничкинъ костюмъ—черную юбку и цвѣтную ситцевую кофточку.

Послышались шаги, вошли гости. Батюшка остановился на порогѣ и перекрестился на образъ; его примѣру послѣдовалъ старикъ.

— Позвольте васъ познакомить,—сказалъ батюшка.—Это, вотъ, генералъ Антонъ Николаевичъ Порховскiй, отецъ Клавдіи Антоновны; это наша учительница, Марья Владiмiровна; это ихъ мамаша...

Старикъ медленно поклонился дамамъ и молча сѣлъ на предложенный ему стулъ. Маничка внимательно всмотрѣлась въ его лицо. Въ чертахъ было сходство съ Клавдіей Антоновной. Лицо было блѣдное, съ выраженiемъ тупого страданія. Длинная сѣдая борода придавала ему видъ старца-монаха, ведущаго аскетическую жизнь.

— Я васъ побезпокоилъ, mesdames... Извините, по-

Digitized by Google

жалуйста!—простымъ и мужественнымъ голосомъ проговорилъ онъ, медленно произнося слова.

— Напротивъ... Намъ очень пріятно!..—промолвила Зинаида Петровна со всею свойственною ей изысканной вѣжливостью, и собиралась сказать еще нѣсколько любезныхъ словъ, но Маничка послала ей такой строго-внушительный взглядъ, что она умолкла. Маничка боялась, чтобы ея мать не сказала какой-нибудь не идущей къ обстановкѣ плоскости.

— Я пришелъ взглянуть на ея обиталище,—опять проговорилъ старикъ, обвелъ комнату взоромъ и тяжело вздохнулъ. — Когда потеряешь то, чѣмъ не умѣешь дорожить, то начинаешь дорожить всякой мелочью...

Онъ опять вздохнулъ и опять замолкъ. Всѣ тоже молчали и всѣмъ было тяжело.

— Такъ здѣсь она и умерла?—спросилъ старикъ послѣ долгаго молчанія.

— Вотъ на этой самой кроваткѣ!—съ сокрушеннымъ умиленіемъ въ голосѣ сказала Хивря. — На этой самой кроваткѣ и на моихъ глазахъ скончалась моя голубушка...

Старикъ перенесъ взглядъ на Хиврю.

— Вы были при ней въ послѣднія минуты?—спросилъ онъ ее.

— Не только въ послѣднія, а все время!.. На моихъ рукахъ и скончалась!.. Послѣднія слова ея помню: у всѣхъ, говоритъ, прошу прощенія и сама всѣхъ прощаю... Вотъ какія слова!

Старикъ громко вздохнулъ и, посидѣвъ еще съ минуту, поднялся.

— Прошу извинить...Побезпокоилъ васъ, mesdames!.. —промолвилъ онъ и повернулся къ двери.

— Я попрошу у васъ позволенія поговорить съ вами! — дрожащимъ, волнующимся голосомъ проговорила Марья Владиміровна. Она сильно волновалась, чувствуя, что это почти долгъ ея—поговорить съ нимъ. Онъ остановилъ на ней вопросительный взглядъ и потомъ сказалъ, кланяясь головой:

Digitized by Google

— Я къ вашимъ услугамъ, сударыня!

— Я хотѣла бы... только съ вами говорить...

Батюшка сейчасъ же понялъ:

— Я буду ждать васъ, ваше превосходительство, дома!.. А ты, Хивря, проводишь ихъ ко мнѣ!—сказалъ онъ и вышелъ. Зинаидѣ Петровнѣ оставалось сдѣлать то же самое, а Хивря какъ-то сама собой испарилась, понявъ, что предстоитъ нѣчто важное.

Старикъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ его застало неожиданное предложеніе Манички. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ бы изучая черты лица дѣвушки. До сихъ поръ погруженный въ свои грустныя мысли, онъ почти не видѣлъ ея, какъ, по всей вѣроятности, не видѣлъ ни церковнаго старосты, ни батюшки, ни всѣхъ, съ кѣмъ въ силу обстоятельствъ ему пришлось говорить.

— Садитесь, пожалуйста!—пригласила его Маничка.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто. Она съ полъ-минуты помолчала.

— Я хочу говорить съ вами о вашей покойной дочери,—сказала Марья Владиміровна:—вы мнѣ позволите это? Я знаю, что вамъ, можетъ быть, тяжело...

— Я не знаю, о чемъ другомъ можно со мной говорить теперь! — медленно, раздумчиво промолвилъ старикъ.—Я ничего другого и не понялъ бы...

— Васъ извѣстилъ о ея смерти Морозовъ?

— Вы знаете? Да, онъ былъ такъ обязателенъ... Я получилъ извѣстіе въ Варшавѣ... Я уже больше года въ отставкѣ; я былъ тамъ по дѣламъ... Жена моя умерла... отъ горя, конечно... Я ѣзжу изъ города въ городъ безъ всякой цѣли... Вы намѣревались сообщить мнѣ нѣчто, касающееся моей несчастной дочери?..

— Прежде всего то, что ваша дочь не была несчастной...

— Это ваше мнѣніе, сударыня? Я не стану спорить, —съ холодной вѣжливостью замѣтилъ генералъ.

— Это и мое мнѣніе, и ея, вашей дочери...

— Вы ее знали? Вы говорили съ ней? Вы можете

Digitized by Google

разсказать мнѣ, что она думала, какъ объясняла свой поступокъ?—съ живостью спросилъ старикъ.

Маничка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ; я пріѣхала сюда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти.

На лицѣ его появилось выраженіе разочарованія.

— Да... А вы такъ сказали... Я подумалъ... Я ошибся. Вотъ эти люди — священникъ и его семейство—знали ее, долгое время жили съ нею, но, какъ видно, она съ ними не была откровенна. Они только недоумѣваютъ. Они разсказали мнѣ про ея жизнь. Подвигъ самоотверженія!.. Но это одна сторона, а души ея они не знаютъ...

— Я знаю! И я считала своимъ долгомъ подѣлиться съ вами...

— Откуда же, откуда, если вы съ нею даже не видались?

— Да, и несмотря на это, я нахожусь подъ ея неотразимымъ вліяніемъ, я чувствую ее близъ себя, я только и живу мыслью о ней, если хотите даже — воспоминаніемъ, словно она всю жизнь была моимъ лучшимъ сердечнымъ другомъ и словно я только вотъ вчера по душѣ говорила съ нею... Она со мной всегда и вездѣ, она для меня не умерла, а живетъ...

Слушая эту горячую рѣчь, старый генералъ не сводилъ глазъ съ блѣднаго лица дѣвушки. Лицо ея въ эти минуты было воодушевлено, почти вдохновенно, въ глазахъ загорѣлось пламя. Онъ съ изумленіемъ и почти непроизвольно придвинулся къ ней и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Вы говорите такъ странно... Объясните мнѣ, что же это такое? Чѣмъ вызвано это ваше чувство? Тайна какая-нибудь?..

— О, нѣтъ, здѣсь нѣтъ никакой тайны!.. Случай доставилъ мнѣ возможность узнать ея душу, и я убѣдилась въ томъ, что это была прекрасная душа... Я вамъ скажу. Но прежде попрошу васъ дать мнѣ одно обѣщаніе...

Digitized by Google

— Говорите, я... Я готовъ все сдѣлать, что могу!..

— Послѣ нея осталась одна вещь... Вы, какъ отецъ ея, имѣете право на эту вещь. А я прошу васъ оставить ее мнѣ. Мнѣ она очень дорога... Видите... Я вамъ скажу... Это ея дневникъ...

— Дневникъ Клавы?

— Да, дневникъ Клавы... Она писала его въ послѣдніе дни. Вотъ эта тетрадь... Вы возьмите ее съ собой и прочитайте.

Старикъ взялъ изъ ея рукъ тетрадь, быстро перевернулъ обертку и впился глазами въ строки первой страницы. Онъ узналъ почеркъ Клавдіи Антоновны, и какая-то новая грусть, нѣжная, трогательная, охватила его сердце. Ощущеніе тупого, безнадежнаго страданія, отъ котораго, казалось, никогда ни въ чемъ нельзя будетъ найти облегченія и выхода, вдругъ на минуту смягчилось, словно онъ въ рукѣ своей почувствовалъ живую руку своей дочери. Ея почеркъ! Онъ, тотъ самый, которымъ писала она, когда была дома, правильный, ровный, только сталъ тверже, увѣреннѣй, законченнѣй. Да, есть что-то сильное, что-то внушительное въ этихъ прямыхъ буквахъ, опредѣленныхъ и выдержанныхъ; рука, писавшая ихъ, должна была принадлежать существу, точно опредѣлившему себя, свои силы, стремленія, цѣли, мужественной душѣ, успѣвшей сдѣлать въ своей жизни что-нибудь существенное... Да, это она писала, его маленькая Клава, такая милая, веселая, беззаботная, его Клава, своимъ непонятнымъ поступкомъ поразившая его въ самое сердце... Весь остатокъ своей жизни онъ посвятилъ тягостному недоумѣнію, безнадежному разрѣшенію вопроса: почему? Почему? И вотъ въ этой тетради заключается рѣшеніе этого вопроса.

— Вы позволите мнѣ читать здѣсь, у васъ?.. Вы оживили меня... Я не знаю, какъ, чѣмъ благодарить васъ, сударыня!.. — дрожащимъ голосомъ говорилъ старикъ и при этомъ крѣпко жалъ ея руку. Въ глазахъ у него блестѣли слезы.

Digitized by Google

Маничка поднялась. Она тоже была растрогана и этимъ искреннимъ порывистымъ рукопожатіемъ, и самымъ видомъ этого старика, такъ обрадовавшагося... Чему же? Нѣсколькимъ строчкамъ, написаннымъ рукою его дочери, которую онъ все-таки безвозвратно потерялъ.

— Вамъ здѣсь никто не помѣшаетъ, — промолвила Маничка:—вотъ въ этомъ креслѣ вамъ будетъ удобнѣе.

Она пододвинула къ столу единственное большое кресло, доставшееся ей отъ Клавдіи Антоновны, кивнула ему головой и вышла изъ комнаты.

Зинаида Петровна и Хивря сидѣли на улицѣ, на завалинкѣ. Обѣ онѣ находились подъ впечатлѣніемъ той мысли, что тамъ, въ комнатѣ, происходитъ какой-то таинственный и необычайно важный разговоръ. Не даромъ же въ самомъ дѣлѣ Маничка пожелала остаться наединѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла первый разъ въ жизни. Что-нибудь же да есть у нея на душѣ.

Когда Маничка вышла, обѣ женщины удивились, что она одна, и устремили на нее вопрошающіе взоры.

— Я обѣщала ему, что никто не побезпокоитъ его,— сказала Маничка:—такъ ужъ, пожалуйста, не входите туда.

— А что онъ дѣлаетъ? — спросила Зинаида Петровна.

— Читаетъ... Пожалуйста, не входите...

— Ахъ, это, должно быть, ту рукопись! — догадалась Зинаида Петровна. — Ну, это будетъ долго!.. Не сходить-ли мнѣ тѣмъ временемъ къ матушкѣ? А?

Она обратилась съ своимъ вопросомъ къ Маничкѣ, но отвѣта не получила.

— Такъ я пойду!—прибавила она, и не встрѣтивъ также и возраженія, поднялась и пошла прямо по направленію къ церковному дому.

Хивря сидѣла, сидѣла и придумала пойти къ сосѣдямъ. Женское сердце требовало излiянія. На ея взглядъ, событія этого дня были такъ важны, что ихъ необходимо было разсказать какой-нибудь бабѣ, первой попавшейся, это все равно. Стоитъ только какому-нибудь из-

Digitized by Google

вѣстію попасть въ бабью душу, какъ оно какимъ-то невѣдомымъ образомъ въ полчаса разлетится по всему селу, изъ маленькаго комочка выросши въ потрясающую глыбу. Трудно было предсказать, въ какомъ сказочномъ видѣ представится старый генералъ, когда предпослѣдняя баба будетъ сообщать извѣстіе послѣдней, сколько аршинъ будетъ въ его бородѣ и какое море слезъ вытечетъ изъ его глазъ на могилѣ прежней учительницы...

Хивря ушла. Маничка осталась на завалинкѣ одна. Она на минуту закрыла лицо ладонями и представила себѣ то ощущеніе, которое долженъ испытывать старый генералъ, читая исповѣдь своей дочери. «Хорошо-ли я сдѣлала, что сказала ему о дневникѣ и дала читать?» спрашивала она себя, и отвѣчала: «Да, хорошо, хорошо! Вопросъ о причинѣ поступка Клавы для него безконечно важенъ. Пусть же знаетъ истину. Можетъ быть эта истина убьетъ его? Пусть и такъ. Истина прекрасна даже тогда, когда она убиваетъ. Я это знаю по себѣ. Я стала въ милліонъ разъ несчастнѣй, когда узнала истину, но я счастлива тѣмъ, что знаю ее».

А воздухъ благоухалъ сиренью, ароматъ которой приносился сюда вѣтеркомъ изъ церковной ограды. Солнце, склонившееся къ западу и собиравшееся заходить, давало мягкіе, прозрачные, золотистые лучи, которые ощущались такъ явственно, что, казалось, ихъ можно было уловить рукой.

Маничка думала о томъ, какими контрастами полна жизнь: здѣсь молодая природа напрягаетъ всѣ свои жизненныя силы, дружно всѣми своими частями стремясь къ радости, къ наслажденію; тамъ, подъ высокимъ холмомъ, навсегда похоронена молодая жизнь и никогда уже для нея нѣтъ возврата къ этому золотому солнцу, къ благоухающему передвечернему воздуху, къ общему празднику природы. А въ комнатѣ сидитъ убитый горемъ старикъ и съ благоговѣйнымъ умиленіемъ проливаетъ слезы надъ сухими, бездушными листами бумаги, только потому, что ихъ когда-то исписала дорогая рука.

Digitized by Google

XXI.

Уже смеркалось, когда Марья Владиміровна, взглянувъ въ окно, замѣтила въ комнатѣ движущуюся взадъ и впередъ высокую фигуру. «Онъ кончилъ, можно войти», подумала она и съ замирающимъ сердцемъ, не зная, какое впечатлѣніе произвело на него чтеніе, направилась къ двери. Едва она переступила порогъ своей комнаты, какъ увидала передъ собой старика съ протянутыми впередъ дрожащими руками. Слезы катились изъ его глазъ. Онъ хотѣлъ что то сказать, но не былъ въ силахъ.

— Это... это вы?—запинаясь проговорилъ онъ.—Это вы, дорогая дѣвушка!?

Онъ схватилъ ея обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ, притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ.

— Вы правы, правы! Она не была несчастной. Она умерла съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, съ какимъ едва-ли кто-нибудь изъ насъ умретъ... Я хотѣлъ бы видѣть этого мальчика... бѣлоголоваго... и что-нибудь для него сдѣлать... Приласкать, какъ она велитъ... Что можно для него сдѣлать?... Онъ бѣденъ? Да? Ну, такъ прошу васъ, передайте вотъ это его отцу или матери... Вотъ это... Прошу васъ!..

Онъ вынулъ изъ бокового кармана толстый бумажникъ, торопливо порылся въ немъ и положилъ на столъ двѣ сторублевыя бумажки. Отъ волненія у него подкашивались ноги, и онъ тяжело опустился въ кресло. Онъ долго молчалъ, закрывъ глаза ладонью, какъ бы еще разъ мысленно переживая исповѣдь Клавдіи Антоновны. Потомъ онъ заговорилъ:

— Да, да, мы не умѣемъ воспитывать нашихъ дѣтей. Мы развиваемъ въ нихъ только одну способность—получать удовольствіе; не то высокое удовольствіе, которое доставляется добрымъ дѣломъ, великодушіемъ, подвигомъ, а только грубое удовольствіе пищи, питья, развлеченій, комфорта... Мы развиваемъ въ нашихъ дѣтяхъ

Digitized by Google

только половину человѣческаго существа, и притомъ худшую половину, а другую оставляемъ нетронутой... Отъ этого въ нашемъ обществѣ среди утонченнаго круга нерѣдко попадаются поступки поразительнаго бездушія, на какое неспособенъ простой, грубый человѣкъ... Да, да, она права, моя дѣвочка, она нрава!... Всѣ наши чувства условны, а настоящія человѣческія чувства мы какъ бы стыдимся показать людямъ. Позвольте васъ спросить, дорогая моя, неужели и вы такая же, какъ она, неужели такихъ много?..

Маничка покраснѣла и не сразу отвѣтила на этотъ вопросъ.

— Не знаю, есть-ли еще такія... Я не встрѣчала такихъ...

О себѣ она умышленно умолчала. Что она могла сказать о себѣ? Разсказывать ему всю исторію своей душевной борьбы, которая и до сихъ поръ поглощаетъ всѣ ея силы? Зачѣмъ? Какое ему дѣло до нея? Онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе. Онъ растроганъ исповѣдью Клавдіи Антоновны и въ головѣ его родились хорошія мысли. Онъ плачетъ, спѣшитъ исполнить ея завѣтъ, вынимаетъ кошелекъ и даетъ деньги мальчику, котораго любила его дочь; но все это потому, что она его дочь и что онъ потерялъ ее. А что ему она, Маничка? И что можетъ посовѣтовать ей онъ, человѣкъ того міра, отъ котораго бѣжала Клавдія Антоновна?

— Она была святая дѣвушка!—задумчиво промолвилъ онъ.—Да, а сколько для этого надо было страданій!.. Моя жена исчахла отъ грусти по ней, а со мной что сдѣлалось—вы видите!.. Я бросилъ все—и дѣла, и карьеру... Я уже ни на что не гожусь!... Однако, я слишкомъ долго злоупотребляю вашей любезностью... Простите!..

Онъ поднялся и протянулъ ей руку.

— Страстно желалъ бы я взять это себѣ на память... дорогія строки! Но не смѣю отнять у васъ... Вы очень дорожите этимъ?

Digitized by Google

— Да, я очень дорожу этой тетрадью!..—твердо сказала Маничка и съ какою-то для нея самой непонятной холодностью отвѣтила на его рукопожатіе.

Онъ взялъ фуражку и медленно вышелъ изъ комнаты. Маничка осталась. Она забыла даже о томъ, что его некому проводить, что на дворѣ уже сумерки и старикъ можетъ не найти дороги къ священнику. Но Хивря сидѣла уже на завалинкѣ и поджидала его.

Марья Владиміровна не зажгла свѣчи. Въ темнотѣ ей было легче предаваться тѣмъ грустнымъ мыслямъ, которыя вызвалъ въ ея головѣ разговоръ со старикомъ. Чего она ждала отъ него? У нея не было никакихъ опредѣленныхъ ожиданій, но когда онъ высказалъ свои мысли по поводу дневника, она увидѣла, что ждала иного впечатлѣнія. Что онъ нашелъ взгляды Клавдіи Антоновны правдивыми, въ этомъ нѣтъ никакой заслуги; они правдивы сами по себѣ, и не признать ихъ такими могла развѣ только ея мать. Но онъ не ограничился словами, а поспѣшилъ перейти къ дѣлу. Вотъ эти двѣ бумажки, которыя онъ просилъ передать матери бѣлоголоваго мальчика... Но почему же она вся проникнута какимъ-то тягостнымъ чувствомъ разочарованія, недовольства? Почему ей больше не хотѣлось бы встрѣтиться и говорить съ этимъ старикомъ?

Этого Маничка пока еще не могла опредѣлить. Но чувство это зашевелилось въ ея груди уже въ тотъ моментъ, когда онъ вынулъ свой бумажникъ и положилъ на столъ двѣ сторублевыхъ. Еще съ большей силой охватило оно ее, когда онъ заговорилъ о своихъ страданіяхъ, о томъ, чего ему стоила святость Клавдіи Антоновны: онъ бросилъ дѣла и карьеру. А карьера его должно быть была блестяща, и вотъ онъ съ горечью говоритъ теперь о ней, теперь, когда дневникъ умершей дочери вызвалъ у него потоки слезъ и заставилъ признать свою ошибку. Онъ одинъ, старъ, смотритъ въ гробъ, его состояніе считается сотнями тысячъ... Завѣтъ дочери вызываетъ въ немъ порывъ великодушія, и этотъ

Digitized by Google

порывъ, повидимому, силенъ—у него текутъ слезы изъ глазъ, руки дрожатъ, ноги подкашиваются. И на что хватило этого порыва? Онъ далъ двѣсти рублей на дѣло, которому его дочь отдала всю свою жизнь. Онъ сказалъ: «Всѣ наши чувства условны», и доказалъ это.

Отъ Хиври она узнала, что генералъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Онъ еще разъ побывалъ на могилѣ Клавдіи Антоновны, помолился и поплакалъ тамъ при серебристомъ свѣтѣ луны. Уѣзжая, онъ оставилъ батюшкѣ сто рублей и просилъ поминать рабу Божію Клавдію въ церковной службѣ въ теченіе года. Припомнились Маничкѣ слова Клавдіи Антоновны изъ тетради: «Неужели на свѣтѣ до такой степени все условно, что и скорбь о тяжелой утратѣ подчиняется выдуманнымъ самими людьми срокамъ?» Да, все въ мірѣ условно, до того условно, что иногда, когда объ этомъ думаешь, страшно становится!

Но, какъ это всегда съ нею бывало въ послѣднее время, волненіе, вызванное визитомъ генерала, утихло, или, лучше сказать, переродилось. Она перенесла свои мысли на себя. Она возмущается тѣмъ, что чувства, вызванныя въ душѣ генерала исповѣдью его дочери, такъ не глубоки, такъ слабы; но что же она? Чѣмъ же она лучше? Она уже давно признала, что нѣтъ выше жизни, какъ жизнь, посвященная подвигу, жизнь, которую вела Клавдія Антоновна. Здѣсь нѣтъ мѣста ничтожной, мелочной, личной злобѣ, обидной борьбѣ изъ-за благъ земныхъ, изъ-за наслажденій, непрочность которыхъ она слишкомъ хорошо испытала на себѣ самой. Какая пустота все то, что составляетъ ея прошлое, въ сравненіи съ короткой жизнью Клавдіи Антоновны здѣсь, въ Марловкѣ! Все это сознала Маничка, сознала умомъ и перечувствовала сердцемъ. И что же? Она до сихъ поръ не сдѣлала ни одного сколько-нибудь значительнаго шага впередъ въ томъ направленіи, которое считаетъ единственно хорошимъ... Такъ неужели же она, способная возмутиться условнымъ чувствомъ генерала, не най-

Digitized by Google

детъ въ себѣ силы стать выше его, выше всѣхъ этихъ людей, такъ искренно удивляющихся подвижничеству умершей учительницы и спокойно продолжающихъ свою пустяшную жизнь? Нѣтъ, она выше этого и должна доказать это самой себѣ. Вѣдь душѣ ея такъ нуженъ миръ, такъ необходимъ ей отдыхъ отъ безплодной и непрерывной борьбы. И она найдетъ этотъ миръ тамъ, гдѣ нашла его Клавдія Антоновна.

Зинаида Петровна поздно засидѣлась въ гостяхъ. Должно быть, ей тамъ очень весело. Темы, которую далъ пріѣздъ стараго генерала, хватитъ имъ не на одинъ вечеръ. Хивря давно заглядываетъ въ окно, ей очень хочется вступить въ разговоръ. Вотъ она вошла и зажгла свѣчу. Взоръ ея съ недоумѣніемъ остановился на двухъ кредитныхъ бумажкахъ, лежавшихъ на столѣ.

— Это вы, Хивря, отдайте матери этого мальчугана... Мишки... Скажите, что отецъ Клавдіи Антоновны подарилъ,—сказала ей Маничка.

— Какіе они добрые!.. Вотъ будетъ рада Степанида! Она-жъ такая бѣдная, прямо нищая... А много тутъ?

— Тутъ двѣсти рублей!..

— Двѣсти рублей? Господи, какіе щедрые! Это цѣлая пропасть! Да ей, Степанидѣ, это на цѣлый вѣкъ хватитъ!.. А у нея какъ разъ горе!

— Какое у нея горе?—живо спросила Маничка.

— Охъ, большое горе!.. Большое горе! Такое горе, что не дай Богъ врагу моему!.. Ейный мужъ, Михайло... въ прежнее время онъ пилъ здорово, у-у какъ пилъ!.. Отъ этого самаго у нихъ и бѣдность пошла. Были они хозяева какъ слѣдуетъ, а какъ сталъ онъ горькую дуть, такъ пошло все прахомъ. И коровку продалъ, и волы сгинули, все, все... Одно слово сказать—нищими стали! А такъ съ годъ тому онъ отчего-то бросилъ это... Господь его знаетъ, какой ему святой явился, только вотъ какъ топоромъ отрѣзалъ: не пить да и только, — шабашъ, значитъ, сказалъ. И что вы думаете? Такъ и вы-

Digitized by Google

шло: не пилъ и до сего времени не пьетъ. Оно и хозяйству улучшеніе, и даже малость поправляться они стали... Да только вотъ бѣда: съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ бросилъ онъ ее, проклятую, пить, сталъ онъ прямо на глазахъ у всѣхъ чахнуть. Чахнетъ человѣкъ, высыхаетъ да и только. Сначала принялся было за работу и здорово работалъ. Надо, говоритъ, поправляться, надо сосѣдей догнать. Ишь, говоритъ, какъ я отсталъ! И работалъ же прямо какъ волъ, какъ пара воловъ!.. Но между прочимъ все чахнетъ да чахнетъ, и неизвѣстно отъ какой причины!.. Совѣтовался съ фершаломъ, такъ тотъ говоритъ: это, говоритъ, тѣло его къ водкѣ очень привыкло, ну, ему и недостаетъ ея, т. е. водки... Выходитъ, что надо опять пить. А только онъ, Михайло, сказалъ: нѣтъ, не согласенъ! Пущай, говоритъ, на палку изсохну, а только пить ее, проклятую, не стану!.. Послѣ этого его къ знахаркѣ возили,—тутъ, сорокъ верстъ отъ насъ, есть такая... Она его обсмотрѣла и такъ и сякъ и объяснила: это, говоритъ, водка ему отмещаетъ. Потому ей, водкѣ, досадно, что онъ ее больше не любитъ, обидно ей, вотъ она и думаетъ: дай, я его на зло высушу... И сушитъ. И посовѣтовала: ты, говоритъ, встань въ пятницу страшную до солнца, обойди трижды вокругъ кабака съ молитвою «Отче нашъ», а потомъ остановись на всѣхъ четырехъ углахъ кабака и по трижды плюнь на каждомъ углѣ... И повѣрь, говоритъ, какъ рукой сниметъ. Михайло такъ и сдѣлалъ, все выполнилъ. Да только не помогло,—сохъ по прежнему. А теперь вотъ уже съ недѣлю какъ его въ постелю уложило: ноги и руки отнялись, грудь ему всю разламываетъ, и плачетъ онъ и стонетъ... Вотъ оно какое горе!.. Время какъ разъ полевое, орать надо, сѣять, а хозяина нѣтъ, хозяинъ какъ бревно лежитъ... Степанида, положимъ, баба обходительная, могла бы и сама съ работой, хотя черезъ силу, управиться; да вѣдь смотрѣть за нимъ некому, вотъ бѣда... А онъ, словно дитя малое, вередуетъ, раздражается: и то не такъ, и это не такъ, и кожухъ

Digitized by Google

ему высоко подложили, и кожухъ ему низко подложили—одно слово—вередуетъ... Вотъ горе какое!.. Теперь бы съ этими деньгами она вотъ какую сѣянку устроила! Воловъ бы купила, всю бы полосу изорала, да еще бы у пана за скощину взяла... Да гдѣ же тутъ, когда такая обуза на плечахъ!..

Впродолженіе этого всего разсказа съ Маничкой творилось что-то, ей самой еще непонятное. Въ груди ея назрѣвало какое-то новое чувство, которое такъ осязательно выростало, и ей казалось, что и она выростаетъ вмѣстѣ съ нимъ. «Это мнѣ послано испытаніе. Да, я не имѣю права пройти мимо него! Это уже будетъ малодушіе, послѣ котораго я перестала бы уважать сама себя. Клава, будь со мною! Клава, помоги мнѣ!»

— Я замѣню ее, Хивря, — твердымъ и въ то же время взволнованнымъ голосомъ промолвила она.

— Кого, барышня?—съ недоумѣніемъ спросила Хивря.

— Эту женщину... Степаниду!.. Я буду сидѣть около ея мужа...

— Какъ можно, барышня! Что вы, что вы! Вы къ этому непривычны!.. Вы и минуты не высидите! Онъ такой неаккуратный, Господи, прости ему это!..

— Хивря, я говорю вамъ, что хочу этого и сдѣлаю!.. Пойдемте къ нимъ!.. Сведите меня!..

— Значитъ, по Клавдіи Антоновнѣ идтить пожелали?..

— Да, по Клавдіи Антоновнѣ... Ведите меня, Хивря!..

Хивря набожно перекрестилась.

— Господи, Господи! Вотъ истинно ангелъ была Клавдія Антоновна! Жила—добро творила, скончалась—и послѣ смерти людей какъ преображаетъ! Истинно ангелъ!.. Пойдемте, барышня моя, пойдемте!..

Онѣ вышли, позабывъ даже запереть дверь. Было часовъ девять вечера. Звѣзды горѣли, мѣсяцъ высоко поднялся и серебрилъ своимъ мягкимъ свѣтомъ крыши домовъ, деревья и землю. Тепло, почти какъ лѣтомъ.

Digitized by Google

Маничка не надѣла на голову ни шляпы, ни платка. Хивря по дорогѣ что-то очень много еще разсказывала ей про Степаниду и Михайла, но дѣвушка была вся охвачена своимъ новымъ чувствомъ и почти не слушала старуху. Ее влекла впередъ какая-то непонятная сила, съ которой она и не пробовала бороться, владѣла ею, приказывала ей поднять на себя какое-то бремя, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ души ея таилось тревожное сознаніе, что если она этого не исполнитъ, если у нея опустятся руки, то всему конецъ наступитъ. Та могущественная логика вещей, которая незамѣтно приводитъ людей къ фатальнымъ безповоротнымъ рѣшеніямъ, дѣлала свою работу.

— Вотъ это ихъ хата!—сказала Хивря.

Хата ничѣмъ не отличалась отъ другихъ, только была, пожалуй, бѣлѣе сосѣдскихъ, потому что Степанида недавно выбѣлила ее. Но дворъ былъ пустъ; за нимъ виднѣлся токъ, на которомъ не видно было ни стога сѣна. Сквозь зеленоватыя стекла небольшого окошка мелькалъ тусклый огонекъ. Большая мохнатая собака, съ прилипшимъ къ хвосту огромнымъ комомъ высохшей грязи, враждебно зарычала, но убѣдившись, что это — Хивря, которую хорошо знали всѣ деревенскія собаки, успокоилась и даже сдѣлала попытку повилять хвостомъ, но это, по причинѣ висѣвшей на немъ большой тяжести, ей не удалось.

— Сюда, сюда, барышня! Онъ лежитъ въ большой хатѣ, въ горницѣ,—сказала Хивря.

Онѣ вошли въ темныя сѣни, повернули направо и очутились въ небольшой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ и съ большой печью. Маничка непроизвольно остановилась на порогѣ, пораженная воздухомъ, какого ей еще не приходилось встрѣчать въ человѣческомъ жилищѣ. У нея даже слегка закружилась голова, но она сейчасъ же взяла себя въ руки, сдѣлала надъ собой усиліе и оправилась. Въ первую минуту она ничего не могла разглядѣть; на столѣ горѣла сальная свѣчка; кто-то тихо стоналъ.

Digitized by Google

— Степанида, а Степанида!—вполголоса кликнула Хивря.

— Кто тамъ такой?—раздался изъ-за печки женскій голосъ.

— О-охъ!—болѣзненно-раздраженнымъ голосомъ простоналъ, очевидно, больной и какъ-то тяжело повернулся на постели.

— Иди сюда, Степанида! Это я, Хивря, школьная!..

Изъ-за печки вышла невысокая худощавая женщина, немолодая, въ цвѣтной юбкѣ и въ бѣлой рубашкѣ, съ ситцевымъ платкомъ на головѣ.

— Что тебѣ, Хивря?—промолвила она, но сейчасъ же не то съ изумленіемъ, не то съ испугомъ отступила и обѣими руками взялась за голову.—Что это? Барышня? Учительница?

— А ну да, барышня! Развѣ не видишь? Барышня пришла къ тебѣ!..

— Да какъ же? У насъ такъ неаккуратно!.. Когда-бъ я знала...

— Ну, что тамъ! У тебя такое горе, а ты объ аккуратности хлопочешь!.. А мы тебѣ, Степанида, радость принесли!

— Радость? Охъ, гдѣ ужъ мнѣ радоваться! Господь прогнѣвался!..

— Охъ-о-охъ!—опять простоналъ больной.

— И вотъ такъ всю ночь, весь день!..—пожаловалась Степанида:—повѣрите-ли, уже пятую ночь не сплю! Какъ только на ногахъ держусь, не знаю!.. Да присядьте-жъ, пожалуйста, барышня, что-жъ вы такъ-то у порога стали!.. Господи, какъ мнѣ совѣстно!..

— Слышишь, Степанида, радость тебѣ принесли!..— внушительно продолжала свою перебитую рѣчь Хивря:— денегъ, небось, тебѣ надобно, а?

— Ахъ, какъ надобно!.. И не говори! Сама знаешь, больной человѣкъ: ему и того хочется, и другого... А тутъ — ни гроша. Вчера вдругъ придумалъ — коржа съ макомъ... Что тутъ подѣлаешь? Повѣрите-ли, пла-

Digitized by Google

четъ: коржа съ макомъ, коржа съ макомъ! Словно младенецъ, прямо ревмя-реветъ: коржа съ макомъ! И такъ мнѣ жалко стало его, а ничего не могла, потому ни одного гроша, и маку нѣтъ. Мука есть, слава Богу, а маку ни крупинки...

— А мы тебѣ цѣлую кучу денегъ принесли, Степанида!.. — Хивря все-таки не могла отказать себѣ въ удовольствіи сладостно помучить бѣдную женщину.

— Отъ кого?

— Отъ Клавдіи Антоновны.

— Съ нами крестная сила!—воскликнула Степанида:—воскресла она изъ мертвыхъ, или какъ?

— Изъ мертвыхъ не воскресла, а прислала съ того свѣта. Вотъ тебѣ! Тутъ, барышня говоритъ, цѣлыхъ двѣ сотни карбованцевъ!

Степанида приняла изъ ея рукъ двѣ сторублевыхъ бумажки и не знала, какъ съ ними быть: вѣрить-ли, что это ей, или это шутка Хиври, которая, какъ ей было извѣстно, иногда любила пошутить.

— Не вѣрю я, не мнѣ это!..—сказала она, но по голосу ея можно было заключить, что она только на половину не вѣрила и очень хотѣла, чтобы ее въ этомъ увѣрили. Она смотрѣла на Маничку.

— Это правда, это вамъ,—сказала Маничка.

— Правда? Мнѣ? Да какъ же это? Да что же это? Я ужъ не знаю, какъ ихъ и взять!..

— Нѣтъ, я пошутила!—серьезно сказала Хивря:—а только это тебѣ, Степанида. Пріѣзжалъ сегодня самъ генералъ, самой Клавдіи Антоновны покойницы родитель, понимаешь?

— Оо-охъ, охъ-о-хъ! Ради Христа! Ради Господа Бога!—скрипѣлъ больной за печкой.

— Мучается какъ бѣдный Михайло! — промолвила Хивря и продолжала, сильно понизивъ голосъ: — Понимаешь, Степанида, пріѣхалъ онъ, на могилѣ поплакалъ и, какъ покойница очень любила твоего Мишку, вотъ онъ и велѣлъ тебѣ передать... Понимаешь?

Digitized by Google

— Да какъ не понимать! — радостно воскликнула Степанида:—значитъ,—мнѣ! Мои, значитъ, и можно ихъ повернуть куда угодно! Такъ, что-ли?

— А извѣстно такъ! А то какъ же?

— Воловъ куплю! Царица небесная! Воловъ куплю! Царство ей небесное, добрая душенька! При жизни добро творила и послѣ смерти милостивитъ. Ей Богу, воловъ куплю!..

Лицо Степаниды сіяло восторгомъ. Между тѣмъ Михайло безпокойно задвигался и сталъ издавать неопредѣленные стоны. Маничка стояла блѣдная, опершись о дверную раму. Она смутно слышала разговоръ двухъ пріятельницъ, все прислушиваясь къ стонамъ больного. Много злобы было въ этихъ стонахъ, злобы вполнѣ законной со стороны человѣка, который искренно покаялся, бросилъ пить, хотѣлъ поправить хозяйство,—и вотъ какъ разъ въ ту пору, когда надо усиленно работать, его уложило въ постель.

— Степанида! Иди, иди-и!..—какимъ-то шипящимъ голосомъ звалъ онъ.

Степанида заволновалась:

— Извините, барышня!.. Что подѣлаешь? Больной человѣкъ!.. Ужъ больному человѣку все прощается, барышня!.. Вы бы, можетъ, вышли на минутку въ ту комнату!.. Охъ, горе мое, горе!..

Маничка не понимала, въ чемъ она извиняется. Нерѣшительнымъ шагомъ она послѣдовала за Степанидой, которая подошла къ кровати. Михайло лежалъ на спинѣ, прикрытый до подбородка кожухомъ, шерстью внизъ; его косматая голова какъ-то ушла вся въ подушку, лицо было желто и до послѣдней возможности худощаво; большіе, темные глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ; ротъ, окруженный жиденькими скомканными волосами неопредѣленнаго цвѣта, искривленъ отъ боли и озлобленія. Воздухъ близъ его постели былъ невыносимо тяжелъ. Степанида осторожно сняла съ него кожухъ, подложила одну руку ему подъ спину, а другой бережно стала вытаскивать изъ-подъ него бѣлье.

Digitized by Google

— Не такъ... не такъ шибко!.. Больно!.. О-о-й!— крикнулъ Михайло и съ усиліемъ сжалъ руки въ кулакъ, какъ бы желая замахнуться на жену. Степанида осторожно и терпѣливо продолжала свое дѣло.

Маничка смотрѣла на все это большими глазами; лицо ея съ каждымъ мгновеніемъ становилось блѣднѣе; недоумѣніе смѣнялось на немъ суровостью, которая переходила почти въ негодованіе, въ жестокость. Никогда еще складки на ея лбу не были такъ глубоки, никогда еще не дрожали такъ ея губы и такъ тяжело не дышала грудь. Какая-то непонятная ей борьба, происходившая въ ея душѣ, давила ей грудь, щемила сердце. Желаніе, которое привело ее сюда, желаніе, подогрѣтое твердой рѣшимостью, логически вытекавшее изъ цѣлаго ряда мучительныхъ размышленій, казавшееся ей единственнымъ возможнымъ выводомъ изъ всего, что было съ нею, что встрѣтила она въ жизни своей и другихъ людей, боролось съ отвращеніемъ, съ чувствомъ оскорбленія, даже съ ненавистью противъ этихъ людей... Что это? Она здѣсь, она, съ ея маленькими, бѣлыми ручками, съ ея изящнымъ вкусомъ, тонкими нервами, она собирается проводить время у постели этого больного,— некрасиваго, злого, нечистоплотнаго, невыносимо грубаго и грязнаго? Это немыслимо, нелѣпо, это насиліе надъ ея душой, надъ ея человѣческой личностью, надъ всей ея жизнью, какова бы она ни была, надъ нею самой, какова она есть...

Маничка отвернулась и, ни на кого не глядя, вышла изъ комнаты.

Все село уже снало. Даже собаки, увѣренныя въ томъ, что въ этотъ часъ ни одному вору не придетъ въ голову залѣзать въ чужіе дворы, попрятались въ укромныя мѣста и своимъ непрерывнымъ безпокойнымъ лаемъ не нарушали глубокой тишины весенней ночи. Эта безпредѣльная тишина, этотъ невозмутимый покой природы, которая, совершивъ свое обычное дневное дѣло, тихо уснула для того, чтобъ завтра проснуться со свѣ-

Digitized by Google

жими силами и опять неторопливо приняться за свою работу—неизмѣнную, вѣчную, разумную, этотъ кроткій свѣтъ мѣсяца, величественно плывущаго въ темной синевѣ неба, спокойно-радостное мерцаніе звѣздъ, которыхъ такъ много и которыя съ такимъ непоколебимымъ постоянствомъ въ теченіе вѣковъ всегда являются на своихъ прежнихъ мѣстахъ,—все это не влило въ душу Манички мира, а только къ ея мукамъ прибавило новыя муки. Она шла быстро, но не прямо домой, а Богъ знаетъ куда, потому что ей было все равно, куда ни идти. Вотъ поле, какая-то широкая дорога, вотъ опять село, конецъ его, вотъ балка, рядъ хатъ по-надъ-рѣкой. Но рѣка здѣсь высохла и чернѣется только русло ея. Опять хаты прерываются, опять степная поляна, что-то бѣлѣетъ впереди и виденъ крестъ, множество крестовъ: это—кладбище... Маничка обогнула его и пошла площадью. Издали виднѣется школа, въ окнахъ не видно свѣта,—должно быть, Зинаида Петровна еще не пришла. Вонъ тамъ, направо, церковный домъ и въ окнахъ батюшки яркій свѣтъ и мелькаютъ живыя, подвижныя тѣни. Значитъ, веселятся. Отлично, по крайней мѣрѣ никто не будетъ мѣшать ей быть одной. А ей хочется быть одной—всегда, вѣчно одной, чтобъ никого не видѣть, не слышать человѣческаго голоса и думать, что уже никого и нѣтъ на свѣтѣ. Кажется, тогда она могла бы жить, только тогда. А теперь... Едва-ли она теперь можетъ жить...

Мѣсяцъ освѣщаетъ зданіе школы. Вокругъ—все неподвижно. Нѣтъ, на завалинкѣ какъ будто задвигалась какая-то сѣрая тѣнь. Кто это? Неужели мать? Она любуется природой? Наслаждается тишиной ночи? О, нѣтъ, она этого не любитъ, она давно уже спала бы. При приближеніи Манички сѣрая фигура поднялась и стояла въ ожиданіи. Дѣвушка подошла къ дому. У дверей стоялъ парень въ сѣрой свиткѣ; онъ почтительно снялъ передъ нею шапку. Маничка въ первый разъ въ жизни видѣла этого парня и никакъ не могла понять, что можетъ быть ему нужно здѣсь въ такой поздній часъ.

Digitized by Google

XXII.

— Что вамъ?—отрывисто спросила Маничка.

— Вы будете учительница?—спросилъ въ свою очередь парень.

— Да; что вамъ нужно?

— Да я тутъ сижу уже съ самаго вечера... Все дожидаюсь, а никого нѣтъ,—ни Хиври, никого... Я изъ волости. Старшина прислалъ. Тутъ вамъ письмо пришло.

— Письмо?

Парень вынулъ изъ-за пазухи пакетецъ обыкновеннаго средняго размѣра и подалъ учительницѣ.

— Старшина сказалъ: можетъ что важное, Господь ихъ знаетъ, такъ ты отнеси... Я и ждалъ, — какъ бы извиняясь за то, что онъ долго ждалъ, добавилъ парень.

— Благодарю васъ,—сказала Маничка и тотчасъ же прошла въ квартиру.

Она зажгла свѣчу и распечатала конвертъ. Письмо было отъ Морозова; онъ сообщалъ: «Спѣшу извѣстить васъ, уважаемая Марья Владиміровна, что для васъ есть прекрасное мѣсто. Въ нашемъ городѣ открывается коммиссіонерская контора на довольно широкихъ началахъ. Нуженъ интеллигентный человѣкъ, который могъ бы грамотно и прилично вести переписку съ кліентами, а также принимать ихъ. Совершенно случайно ко мнѣ обратились съ просьбой указать лицо, способное занять это мѣсто; я, разумѣется, поспѣшилъ рекомендовать васъ, и мѣсто, если вы согласны, за вами. Вознагражденіе — пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, но есть еще какіе-то проценты, которыхъ наберется рублей на двадцать-пять, а съ развитіемъ дѣла и больше. Вы съ вашей maman можете недурно устроиться. Торопитесь съ отвѣтомъ; отъ души совѣтую вамъ не пропустить этого удобнаго случая улучшить свое положеніе».

«Это какъ разъ во-время», подумала Маничка: —

Digitized by Google

«Кстати ужъ разомъ надо отвѣтить и на этотъ вопросъ. Всѣ вопросы надо выяснить, чтобы не оставалось уже никакого сомнѣнія. Какъ хорошо выяснила ихъ Клавдія Антоновна! Ей для этого потребовался цѣлый дневникъ, но это потому, что ея жизнь была полна, потому что у нея были причина и слѣдствіе, стремленіе и цѣль. А я живу какъ-то безъ причины и безъ цѣли, и мнѣ этого не надо. Но она мнѣ дала хорошій примѣръ и оставила нѣсколько чистыхъ страницъ для меня».

Маничка вынула тетрадь и положила передъ собой на столѣ. Она сказала вполголоса: «Поговоримъ съ тобой, Клава; сведемъ счеты и подведемъ итоги».

Она присѣла къ столу и стала писать:

«Поговоримъ съ тобой, Клава; сведемъ счеты и подведемъ итоги.

«Я наслаждалась жизнью, судьба нанесла мнѣ страшный ударъ и я озлобилась и возненавидѣла весь міръ. Я узнала тебя; ты увѣрила меня, что я найду примиреніе въ томъ, въ чемъ нашла и ты: въ подвигѣ для ближняго. Я искала, но не нашла.

«Да, я хотѣла служить ближнему, но не смогла. Онъ слишкомъ некрасивъ, грубъ, грязенъ, нечистоплотенъ, этотъ ближній. Противъ этого возмутилось все мое прошлое, которое я презираю и проклинаю, и все-таки я—раба его.

«Ты возражаешь мнѣ, я слышу, я чувствую. Ты говоришь: Какъ! Одинъ только шагъ, одна неудача, и ты уже разочаровалась въ своихъ силахъ, опустила руки? Но ты заставь себя, испытай еще сто разъ свои силы; пусть это будетъ—сто неудачъ, сто-первая будетъ — удача. Добродѣтель можно пріобрѣсти опытомъ, упражненіемъ...

«Ты говоришь это, а я не хочу такой добродѣтели, я ея не признаю; она была бы для меня насиліемъ. Нѣтъ ея во мнѣ, нѣтъ! Ты опять возражаешь: ты говоришь о себѣ; но въ твоемъ сердцѣ любовь еще въ дѣтствѣ горѣла хоть слабымъ огонькомъ. У тебя была бабуся,

Digitized by Google

которая по-своему учила тебя любить. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ любви,—я это почувствовала у постели больного, потому что я не могла простить ему его недостатковъ. Я не могла, я не могла, не могла!.. Я видѣла передъ собой чужого человѣка, который оскорблялъ меня всѣмъ своимъ видомъ. И я чувствовала, что въ груди моей вмѣсто состраданія поднимаются злоба и ненависть къ нему. Нѣтъ, любви у меня нѣтъ. Сердце у меня пусто.

«И вотъ, когда я всѣми силами моей души, всей моей злобой, которой у меня такъ много, ненавижу тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было мое дѣтство! О, какъ я ненавижу ихъ! Я простила имъ все — и бѣдность мою, и позоръ, но этого не могу простить. Не могу я простить имъ того, что они не научили меня любить, воспитали мое сердце холоднымъ, ледянымъ. Я смотрю на тебя, Клава, на твою жизнь, и понимаю, что въ этомъ можно найти примиреніе: въ любви! Да, я понимаю это умомъ, я вижу, что ты нашла его и что это хорошо, что такъ слѣдуетъ, что это выше всего, потому что въ этомъ,— въ любви, въ служеніи ближнему, въ подвигѣ, нѣтъ ничего личнаго, мелкаго, пошлаго, и еще потому, что никогда не страшно умереть тому, кто жилъ не даромъ... Но не всѣмъ это дается и мнѣ не далось. Я говорю тебѣ всю правду, я раскрываю передъ тобой мое сердце: смотри, оно пусто!

«Итакъ, подвига не будетъ. Что же будетъ? Я ждала его, я долго была въ нерѣшительности, но вотъ на меня нашло настроеніе мужественное, дѣятельное, я пошла смѣло и — поняла, что его не будетъ и не можетъ быть. И не только подвига, а просто добраго дѣла; нѣтъ, и это не такъ; дѣла, которое не было бы злымъ. Но что же будетъ впереди? Я буду учить дѣтей. Но вѣдь я ихъ не люблю, они мнѣ чужіе и они это чувствуютъ. Бѣлоголовый мальчикъ чувствовалъ это, когда инстинктивно отказался отъ моей ласки. Я ничему ихъ не научу, потому что они мнѣ не повѣрятъ. Вѣдь если я ихъ не люблю, то и они меня не любятъ, а дѣти вѣрятъ только тому, кто ихъ любитъ.

Digitized by Google

«Я возьму мѣсто, предложенное Морозовымъ. Я буду жить въ городѣ. Положимъ, счастливый случай сдѣлаетъ меня богатой. Я буду жить въ свѣтѣ, пользоваться развлеченіями, комфортомъ, всѣми благами земли. Но сердце мое будетъ голодать, потому что оно все-таки никого не полюбитъ. А сердце безъ любви — мертвое сердце, ты это знаешь, Клава...

«Не говори, что твоя исповѣдь не принесла мнѣ пользы: это неправда. Если бы я не знала тебя, я никогда не узнала бы правды. Если бы я не видѣла твоей души, чистой, правдивой, любящей, я способна была бы опять съ новой силой окунуться въ омутъ пустой и безсердечной жизни. А теперь я не могу, потому что я знаю цѣну этой жизни, потому что я видѣла другую жизнь. Нѣтъ, Клава, ты свое дѣло сдѣлала надо мной, ты сдѣлала, что могла...

«Значитъ, и тамъ нѣтъ ничего, кромѣ пустоты. Что же это? Жить на свѣтѣ въ качествѣ жалкаго существа, добывающаго средства работой, въ которую само не вѣритъ, и единственно для того, чтобы ѣсть, пить, одѣваться и имѣть теплый кровъ, жить для того, чтобы не умереть, — стоитъ-ли? Вертѣться въ комфортабельной пустотѣ и гоняться за счастьемъ, которое такъ же блестяще и такъ же эфемерно, какъ играющее на стѣнѣ отраженіе солнца въ зеркалѣ! Оно раздражаетъ зрѣніе, дѣти гоняются за нимъ, но унесли зеркало — и его нѣтъ. Нѣтъ, и это не стоитъ. Что же стоитъ? Отвѣтъ ясенъ, и ты, Клава, не возражай мнѣ, это будетъ напрасно.

«Постой, еще не все. А ты? А тебѣ развѣ легко было совершать свой подвигъ? Твоя душа, рвавшаяся къ подвигу, не боролась съ привычками дѣтства, комфорта, богатства, воспитанности, вкуса? Ты не страдала молчаливо, когда принуждена была копаться въ грязи, видѣть грубость? Не говори, что нѣтъ! Ты очень страдала, и это сократило твою жизнь... Откуда пришла къ тебѣ эта болѣзнь — чахотка, которая свела тебя въ

Digitized by Google

могшу еще такой молодой? Откуда? Нѣтъ, подвигъ даромъ не дается даже тому, у кого есть въ сердцѣ любовь. И ты заплатила за него своей жизнью...

«Теперь все. Ты заплатила жизнью за подвигъ, я плачу за то, что не гожусь для него. Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала тебя, твою жизнь, твою душу, внѣ этого для меня нѣтъ жизни. И ты видишь, — я спокойна, сердце мое бьется ровно. Это оттого, что я уже мертвая, въ душѣ моей нѣтъ ничего живого, остается только соблюсти одну формальность. Никого я не проклинаю, никого не виню,—живите себѣ, кто можетъ, вашею низменною, безцѣльною, безсмысленною жизнью!...»

Она положила перо и закрыла тетрадь. Блѣдная, съ неподвижнымъ, безстрастнымъ лицомъ, она въ самомъ дѣлѣ походила на мертвеца, котораго какая-то невѣдомая сила заставила механически двигаться. Она подошла къ небольшому сундуку, отперла его, затѣмъ отыскала шкатулку, и ее отперла маленькимъ ключикомъ, порылась въ ней и достала револьверъ. Твердой рукой она вложила на мѣсто патроны, положила револьверъ въ карманъ платья, а шкатулку и сундукъ заперла. Церковный сторожъ прозвонилъ одиннадцать. «Скоро вернется мать. Надо бы поторопиться. Мнѣ не хотѣлось бы въ ея присутствіи...» Но новая мысль остановила ее:

«Хорошо, я такъ рѣшила. Мнѣ кажется, что иного рѣшенья не можетъ быть. Но если оно возможно,—зачѣмъ торопиться? Я еще подъ впечатлѣніемъ той ужасной картины, которую видѣла у Степаниды. Въ комнатѣ жарко, душно, воздухъ спертъ. Я пройдусь, подышу прохладнымъ воздухомъ, погляжу на рѣчку, на звѣзды, на деревья, освѣщенныя мѣсяцемъ... Можетъ быть это освѣжитъ меня и я найду другое рѣшеніе. Вѣдь жизнь не возвращается, она дается только одинъ разъ. Можетъ быть все это, всѣ мои мысли, которыя я записала, были бредъ».

Она загасила свѣчу и вышла. Площадь по прежнему была безмолвна. Церковный домъ все еще былъ ярко

Digitized by Google

освѣщенъ. Сегодня, значитъ, тамъ очень весело. Маничка шла по направленію къ церкви. Такъ сложилась дорога, что нужно было пройти мимо церкви, чтобъ попасть къ рѣкѣ. Она шла бодро, стараясь вдохнуть какъ можно больше воздуха, словно по обязанности, кѣмъ-то ей навязанной.

Маничка дошла до церкви и мелькомъ взглянула на церковный домъ. Тѣни, двигавшіяся въ освѣщенныхъ окнахъ, превратились въ опредѣленныя фигуры, въ которыхъ можно было признать и помѣщика, и Зинаиду Петровну, и Сутугина, и поповну; фигуры быстро мелькали мимо оконъ, смѣняясь одна другой; глухо доносились звуки фортепіано. Танцы въ разгарѣ. Только въ кабинетѣ самого о. Семена темно; старикъ должно быть уже спитъ, а можетъ быть—погасилъ свѣтъ изъ экономіи, а самъ соблазнился мірскимъ весельемъ, полуприлегъ на диванѣ и задумчиво смотритъ на танцы. Вотъ счастливые люди, которые могутъ довольствоваться столь малымъ! По всей вѣроятности, о. Семенъ и матушка и поповна сегодня даже особенно торжественно настроены. Вѣдь сегодня въ церковной кружкѣ сразу прибавилась неожиданная сотня...

Маничка прошла мимо церкви, повернула налѣво, и вотъ передъ нею узенькая рѣчка. Тихо и незамѣтно для глазъ текутъ ея скудныя воды, источникомъ для которыхъ служитъ недавній дождь. И въ прохладномъ воздухѣ тихо, недвижно стоятъ деревья въ помѣщичьемъ саду, видныя отсюда, не колышется камышъ по ту сторону рѣчки, молчаливо спитъ все село и не слышно сюда даже звуковъ веселаго танца. Хорошо было бы замереть въ этой грандіозной тишинѣ ночи, незамѣтно, безъ муки, безъ потрясенія, превратиться въ камень, который никогда уже не заговоритъ, не почувствуетъ. Но вотъ молчаніе нарушилось; на селѣ прокричалъ пѣтухъ, за нимъ другой, третій; разбуженныя этимъ крикомъ, безцѣльно залаяли собаки. Это — напоминаніе о томъ, что природа не умерла, а только спитъ; это только сонная тишина, а въ сердцѣ у Манички—мертвая.

Digitized by Google

Ей не сидится. Ни свѣжій воздухъ, ни видъ рѣчки, ни звѣды, горящія надъ ея головой, ничто не приковываетъ ея къ мѣсту, не манитъ къ себѣ. Въ душѣ ея все осталось по прежнему. Если что и притягиваетъ ее къ себѣ, такъ это большой тесаный крестъ на высокой могилѣ; его она не видитъ, потому что церковь заслоняетъ собой кладбище, но она думаетъ о немъ. Тамъ ей непремѣнно надо побывать; она еще разъ прочитаетъ надпись на прибитой къ нему деревянной дощечкѣ и почувствуетъ близость къ Клавдіи Антоновнѣ.

Опять показались окна церковнаго дома. Они все еще освѣщены, но движеніе фигуръ прекратилось и музыка утихла. Маничка прошла съ задней стороны церкви, обогнула ровъ, которымъ было окопано кладбище, и вотъ она уже у высокой могилы. Она присматривается къ надписи на дощечкѣ и читаетъ, хотя знаетъ ее наизусть; потомъ она садится на мягкую, влажную землю могилы, протягиваетъ ноги и прислушивается къ своимъ мыслямъ. И ее опять поражаетъ глубокая тишина, безконечное спокойствіе, невозмутимое, мертвое, какое она чувствуетъ въ своей душѣ. Ни вѣры, ни любви, ни злобы, ни ненависти, ни сожалѣнія. Въ самомъ дѣлѣ—она уже мертвая и ей остается только соблюсти формальность. И какъ подумаешь, она была мертва уже тогда, когда пріѣхала въ Марковку и прочитала исповѣдь Клавдіи Антоновны! Тогда уже оказалось, что она—выше своего прошлаго и не могла бы къ нему вернуться, но оно сдѣлало надъ ней свое дѣло и лишило ее способности на что-нибудь лучшее. Ей приходилось слышать разсужденія о самоубійцахъ. Одни говорили, что это — малодушіе, безхарактерность, страхъ передъ жизнью, трусость; другіе утверждали, что напротивъ—нуженъ сильный характеръ, чтобы покончить съ собой. Она теперь видитъ, что не надо ни характера, ни трусости. Человѣкъ чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что онъ уже мертвъ, ему неловко среди живыхъ, и онъ выполняетъ только одну маленькую формальность.

Digitized by Google

Въ церковномъ домѣ дверь растворилась и оттуда вышло веселое, говорливое общество.

— Эхъ, ночка славная!—восклицаетъ Сутугинъ своимъ зычнымъ, молодецкимъ голосомъ. — А не хочется ѣхать домой! Усталъ, наплясался!..

— Да чего тебѣ тащиться? Ты у меня ночуй! — предлагаетъ помѣщикъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю! Просплю, на службу опоздаю!..

— Вотъ и не проспишь! Я завтра чуть свѣтъ въ городъ ѣду... Мнѣ прислали пару свиней отъ графа Штипена...

— А я бы совсѣмъ не ложилась спать,—такъ чудно хорошо!—съ чувствомъ произнесла Зинаида Петровна.

— А что вы думаете?—вступаетъ въ разговоръ поповна: — пойдемте къ рѣчкѣ и будемъ сидѣть. Пѣсни пѣть станемъ: Сутугинъ басомъ, а я дискантомъ.

— Идетъ!..

— Нѣтъ, знаете что?—говоритъ Сутугинъ.—Теперь въ степи хорошо. Воздухъ — прелесть! Давайте, я заложу лошадь въ свою пролетку и буду васъ катать!.. А?

— Да, вѣдь, на ней только вдвоемъ можно!

— Ну, что-жъ такое! Поочереди! Сперва матушку покатаю, потомъ Зинаиду Петровну, потомъ Софью Семеновну...

— Идетъ!..

Сутугинъ скрылся, — должно быть закладывать лошадь въ пролетку.

— Хотѣла бы я знать, найдется-ли такой мужчина, чтобы взялъ да и прошелся сейчасъ одинъ на кладбище!—немного сентиментально говоритъ поповна.

— Можетъ быть и найдется, только это — не я!— рѣшительнымъ тономъ отвѣчаетъ помѣщикъ. — И чего меня нелегкая понесетъ ночью на кладбище?

— Ахъ, какой вы трусъ! Вотъ не ожидала! — восклицаетъ Зинаида Петровна. — Вотъ у меня былъ зна-

Digitized by Google

комый, Лясскій, такъ тотъ, бывало, куда угодно пойдетъ...

— Трусъ! Скажите, пожалуйста! Какая храбрая!— обиженнымъ голосомъ возражаетъ помѣщикъ: — А вы, Зинаида Петровна, пойдете?

— Я? Я—женщина, это—другое дѣло!

— Ну, а я мужчина и тоже не пойду. И не считаю это трусостью. Я не вѣрю въ то, что покойники встаютъ изъ гробовъ, а просто непріятное ощущеніе, вотъ и все.

Компанія замолчала, очевидно, подъ вліяніемъ разговора о покойникахъ. Появился Сутугинъ.

— Ну, я готовъ! Ваша очередь, матушка! Ѣдемъ!— крикнулъ онъ.

— Нѣтъ, я уступлю Зинаидѣ Петровнѣ. Поѣзжайте, Зинаида Петровна!

— Да я не прочь! Я съ удовольствіемъ... Только чтобы быстро ѣхать, Сутугинъ! Чтобы, знаете, духъ захватывало! Слышите? стрѣлой!

Въ тотъ моментъ, когда Зинаида Петровна взяла предложенную ей Сутугинымъ руку и хотѣла идти къ пролеткѣ, раздался выстрѣлъ. Всѣ вздрогнули.

— Какой это охотникъ вздумалъ ночью стрѣлять?!— сердито произнесъ помѣщикъ.

Зинаида Петровна схватилась обѣими руками за грудь. Со времени рокового выстрѣла, такъ повліявшаго на ея судьбу, она терпѣть не могла этого звука.

— А это близко!—замѣтила Софья Семеновна упавшимъ голосомъ.

— Это мертвецы дерутся на дуэли!—съострилъ Сутугинъ, но никто не засмѣялся. Перепуганные голуби вылетѣли изъ своихъ гнѣздъ подъ церковной крышей и безпокойно завертѣлись въ воздухѣ. Изъ двора выбѣжалъ мохнатый сторожъ батюшкина добра—Сѣрко, во всю прыть пробѣжалъ мимо церкви и направился вдоль кладбища.

— Смотрите, смотрите! Сѣрко не даромъ туда побѣжалъ! Пойдемте за нимъ! Собака всегда чуетъ!..

Digitized by Google

Вся компанія, увлекаемая какимъ-то жгучимъ любопытствомъ, являющимся всегда, когда можно хоть смутно подозрѣвать убійство или смерть, двинулась къ кладбищу. Дамы дрожали и держались поближе къ мужчинамъ. Сѣрко стрѣлой пересѣкъ кладбище, прыгая черезъ могилы и кресты, вдругъ гдѣ-то залаялъ и сразу замолкъ и остановился какъ вкопанный.

— Я говорила, что близко!—прошептала Софья Семеновна.

— Охъ, Господи, что же это такое! — дрожащимъ, прерывающимся голосомъ промолвила Зинаида Петровна. Ее охватилъ какой-то смутный страхъ, предчувствіе чего-то ужаснаго, рокового. Она даже оставила мужчинъ и почти безсознательно побѣжала впередъ къ могилѣ съ большимъ тесанымъ крестомъ.

— Ахъ! Ахъ!..—дико крикнула она.—Маничка! Маничка!..

Всѣ обступили высокую могилу. Дѣвушка лежала на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ, голова ея была окровавлена, лицо мертвенно-блѣдно и спокойно. Зинаида Петровна рыдала.

Всѣ стояли надъ трупомъ Манички, опустивъ головы и искренно сожалѣя о погибшей молодой жизни, хотя рѣшительно никто не понималъ, почему это такъ случилось и зачѣмъ нужна была эта гибель. Никто не мѣшалъ Зинаидѣ Петровнѣ лить слезы и убиваться, потому что всѣ находили это естественнымъ со стороны матери, которая потеряла дочь.

Digitized by Google

КРЫЛАТОЕ СЛОВО.

(Очеркъ).

I.

— Охъ, ты, горе мое, горе! Ничего ты съ толкомъ не умѣешь сдѣлать! И живетъ же человѣкъ на свѣтѣ, пятьдесятъ восемь годковъ живетъ, и никакому понятію не научился... Горе да и только! А еще тытарь, староста церковный. Не пойму я, за какую благость тебя только выбираютъ. О, Господи, прости мои прегрѣшенія!

— Хе, хе, хе, хе! за какую благость! А за такую вотъ благость, что взяли да и выбрали. И не то, что бы какъ, а на четвертое трехлѣтіе... И тоже похвальный листъ имѣю. А похвальный листъ даромъ не дадутъ. А тебя вотъ не выбрали, потому ты есть баба; бабъ не выбираютъ, и похвальнаго листа тебѣ, сколько ты тутъ ни хорохорься, ни во вѣкъ не дадутъ, потому ты опять же таки баба... Хе, хе, хе!

— Да ты мнѣ не разводи, сама знаю, что я баба... А ты скажи, хорошо ли ты батюшку просилъ?

— А извѣстное дѣло—хорошо. Какъ слѣдуетъ. Говорю: батюшка, мы для васъ всей душой, ужъ такъ бы обрадовали, что и объяснить не могу, вотъ какъ обрадовали бы. Всю бы, говорю, жизнь помнили!

— Ну, а онъ?

— А онъ мнѣ въ отвѣтъ: и радъ бы, говоритъ, Омельянъ Григорьевичъ, да не могу по своей старостп. У тебя, говоритъ, народъ будетъ все пьющій, а я, самъ

Digitized by Google

знаешь, по своей старости не употребляю... Что жъ, я только, говоритъ, другихъ-прочихъ конфузить буду... по своей старости...

— Гм... А у Скорохода, небойсь, былъ! Скороходъ, можно сказать, простой мужикъ, а у него онъ былъ, а ты—тытарь... Какъ же это такъ? Скороходиха теперь по всему селу трубитъ: «а у насъ батюшка былъ, а у насъ батюшка былъ!» А теперь еще прибавитъ: «а у тытаря не былъ, къ тытарю не пошелъ!» Вотъ ты какая мямля, Господи прости мои прегрѣшенія!

— Э, пускай ее горланитъ! Ей же хуже,—глотка заболитъ. А зато у насъ будетъ старшина и писарь сказалъ—всенепремѣнно буду. Учитель такъ даже съ превеликой радостью! Ну, о дьякѣ, Андронѣ Андроновичѣ, и говорить нечего... Нѣтъ, а знаешь, кто еще обѣщалъ прибыть? Самый то главный...

— Ужъ не церковный ли сторожъ Сидорка на закуску?

— И нисколько не сторожъ. А обѣщалъ прибыть самъ господинъ урядникъ...

— Ну?

— Чтобъ я съ этого мѣста не всталъ! Я его, можно сказать, поймалъ за конскій хвостъ прямо среди дороги. Онъ катилъ верхомъ въ Буцыловку, — тамъ на первый день праздника мужики кабакъ разнесли и шинкаря-Абрамку на воротахъ за ноги внизъ головой повѣсили... Этакій народъ—разбишака эти буцыловцы. Такъ вотъ онъ и скакалъ туда — Абрамку спасать. А я ему дорогу перерѣзалъ, да коня за хвостъ: постойте, говорю, господинъ урядникъ, такъ и такъ, вечеркомъ на третій день праздника пожалуйте въ мою хату, ужъ не обезчестьте, говорю... Съ удовольствіемъ, говоритъ, только вотъ Абрамку выручу, тамъ, говоритъ, въ Буцыловкѣ мужики нахваляются его внизъ головой повѣсить, а можетъ уже и повѣсили, такъ онъ, бѣдняга, внизъ головой висѣвши, еще чего добраго зальется... И супругу, говоритъ, приведу... Вотъ какъ!

Digitized by Google

— Гм... Оно такъ, а все же жалко, что батюшки не будетъ... Хоть бы часокъ одинъ, минуточку одну посидѣлъ, все бы сердцу моему легче было!.. А то вѣдь Скороходиха теперь... Ахъ, ты...

И тутъ Горпина, не докончивъ своего восклицанія, и вмѣсто этого махнувъ только рукой, схватила рогачъ и порывисто сунула его въ печь. Печь была широкая, помѣстительная, и въ ней въ это время совершались интересныя явленія, которыя можно было познавать одновременно тремя органами чувствъ: зрѣніемъ, слухомъ и обоняніемъ. Тамъ красовались и издавали свойственный имъ ароматъ такія вкусныя вещи, что даже самъ батюшка, несмотря на свою старость, на которую онъ такъ любилъ ссылаться, не устоялъ бы передъ такимъ соблазномъ. Въ самомъ центрѣ печки, посреди пылающихъ кирпичей, на длинномъ желѣзномъ листѣ лежалъ молоденькій поросенокъ съ тоненькимъ хвостикомъ, свернувшимся колечкомъ, и съ наивно-удивленной мордой. Его нѣжная, молочная шкурка уже начала подрумяниваться, а самъ онъ слегка подпрыгивалъ на своемъ желѣзномъ ложѣ. Бока его были раздуты, изъ чего надлежитъ заключить, что внутри у него была превкусная начинка изъ гречневой крупы, ибо всякій мало-мальски понимающій дѣло человѣкъ знаетъ, что никакой другой начинки поросенокъ переносить не можетъ. Направо, на круглой сковородѣ жарилась индюшка, почтенная, мясистая индюшка; но сейчасъ же было видно, что она безъ начинки. Слѣва же скромно кипѣли въ сметанѣ пять небольшихъ карасиковъ, которымъ, какъ пищѣ по преимуществу постной, собственно здѣсь было и не мѣсто, но въ томъ то и дѣло, что дьякъ Андронъ Андроновичъ никакой другой закуски послѣ водки, кромѣ карасей, не признавалъ и даже на первый день Пасхи, разговѣясь, все-таки карасемъ закусывалъ. Что же касается того снадобья, что клокоталo въ огромномъ горшкѣ въ самой глубинѣ печки, то составъ его былъ извѣстенъ только одной Горпинѣ, но должно быть—тамъ заключалось что

Digitized by Google

то очень важное, потому что Горпина именно туда торопливо направила рогачъ и переставила горшокъ на легкій огонь. При этомъ снадобье, появляясь отъ времени до времени на верхушкѣ горшка въ видѣ мельчайшихъ пузырьковъ, какъ-то загадочно мурлыкало, поросенокъ издавалъ энергическое шипѣніе, иногда даже переходившее въ свистъ, индюшка, плавающая въ кипящемъ маслѣ, разсыпалась перепеломъ, а караси, несмотря на то, что испытывали горькую участь, спокойно и разсудительно балагурили между собой, медленно и основательно пропитываясь сметаной, и изъ всего этого получалась своеобразная аппетитная симфонія, какой не сочинить ни одному музыканту въ мірѣ.

Переставивъ горшокъ, Горпина придвинула къ себѣ поближе поросенка и, придавъ ему болѣе удобную позу, отодвинула его обратно; потомъ то же самое сдѣлала съ индюшкой, затѣмъ перевернула карасей на другой бокъ, поправила еще кирпичъ въ печи и тогда только отошла прочь. Омельянъ Григорьевичъ, въ виду столь серьезнаго занятія, какому предавалась Горпина, разговора не продолжалъ и сидѣлъ молча на лавкѣ. Онъ положилъ обѣ руки на колѣни и опустилъ свою сѣдую голову съ такимъ безнадежнымъ видомъ, словно на душѣ у него было великое горе; такъ поняла это и Горнина. Она остановилась передъ нимъ съ раскраснѣвшимся отъ печного жару лицомъ, съ высоко подтыканной юбкой, опираясь правой рукой на рогачъ.

— Чего ты голову повѣсилъ?—спросила она не безъ нѣкотораго оттѣнка участія въ голосѣ.

— Да я себѣ думаю: и для какой надобности время дарма пропадаетъ?—серьезно отвѣтилъ Омельянъ Григорьевичъ:—уже и солнце зашло и въ хатѣ сумрачно. Собирались бы люди и дѣлали дѣло. Ей-Богу!..

— Ахъ, ты-п! Дѣло дѣлать! Слава тебѣ Господи, еще два раза сегодня успѣешь нализаться! Ишь зачѣмъ человѣкъ убивается! Ну, такъ ступай, зови гостей! А я къ тому времени управлюсь! Да не забудь фершала съ жинкой покликать!

Digitized by Google

— Вотъ это дѣло! Ей Богу! Вотъ это я люблю! Эхъ, да и старуха же у меня! Сама любитъ выпить и мнѣ не мѣшаетъ!—Эти слова Омельянъ Григорьевичъ сказалъ весело и радостно, и совершенно сбросивъ съ себя всякую тѣнь уныніи, схватилъ свитку и шапку и вышелъ изъ хаты.

Омельянъ Григорьевичъ Конопленко, а по уличному Щербатый, любилъ выпить, но только по праздникамъ. Въ будніе дни его ничѣмъ нельзя было заставить пропустить лишнюю рюмку, т. е. седьмую, потому что шесть рюмокъ не производили на него никакого дѣйствія. Зато въ праздникъ онъ уже считалъ своимъ долгомъ быть пьянымъ и, кажется, думалъ, что это долгъ всякаго порядочнаго человѣка. Когда же наступали святки или Рождество, онъ хватался за нихъ, какъ школьникъ хватается за каникулы, и старался не пропустить даромъ ни одного дня.

Деревенская улица, куда вышелъ Омельянъ Григорьевичъ, была вся засыпана свѣжимъ снѣгомъ. Крыши хатъ, верхушки деревьевъ, стоговъ сѣна и соломы, поверхность рѣки, а за рѣкой степь, которой конца не было видно,—все это было покрыто бѣлоснѣжной пеленой, отъ всего вѣяло пріятной радостной свѣжестью. Омельянъ Григорьевичъ, полусогнувъ по привычкѣ свою высокую фигуру и надвинувъ шапку на уши, пересѣкалъ поперекъ широкую улицу, роясь своими высокими сапогами въ снѣжныхъ сугробахъ. Онъ обошелъ всѣ хаты, гдѣ жили его званные гости. Трудно опредѣлить, какъ долго ему пришлось путешествовать по снѣгу, но когда онъ возвращался домой съ самаго дальняго конца села, гдѣ обиталъ урядникъ, то было уже совсѣмъ темно, небо все было закрыто тучами и на немъ не свѣтили ни звѣзды, ни мѣсяцъ. Когда же Омельянъ Григорьевичъ пришелъ домой и зашелъ въ хату, но не въ ту хату, гдѣ происходилъ у него разговоръ съ Горпиной и гдѣ жарился поросенокъ съ компаніей, а въ другую, которая была черезъ сѣни и называлась горницей,—то онъ

Digitized by Google

засталъ тутъ уже почти всѣхъ своихъ гостей, сидѣвшихъ за длиннымъ дубовымъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью съ узорчатыми краями. Въ комнатѣ было свѣтло и пахло по преимуществу жаренымъ поросенкомъ, который и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ преобладалъ надъ прочими предметами, стоявшими на столѣ.

II.

— А, Омельянъ Григорьевичъ!—радостно воскликнули разомъ дьякъ Андронъ Андроновичъ и фельдшеръ.— Вотъ такъ хозяинъ, позже гостей приходитъ!

Старшина, его супруга, а также супруга фельдшера выразили то же самое чувство радости на лицахъ.

— Одначе это... не порядокъ... ге!.. промолвилъ старшина, въ сильной степени не отличавшійся краснорѣчіемъ и почему-то оканчивавшій каждую свою фразу неопредѣленнымъ звукомъ «ге».—Не порядокъ, Омельянъ Григорьевичъ! Мы уже по четвертой прошлись, а ты.. ге!.. Догоняй-ка, догоняй!..

— Это справедливо! подтвердилъ фельдшеръ:— Должонъ догонять!

— Гдѣ ужъ мнѣ угнаться за вами?!—сказалъ Омельянъ Григорьевичъ такимъ смиреннымъ тономъ, будто и въ самомъ дѣлѣ четыре рюмки для него что-нибудь составляли. И при этомъ онъ ни слова не сказалъ о томъ, что, зайдя на минутку къ уряднику, онъ просидѣлъ у него добрыхъ полчаса, причемъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ, они благополучно дошли до шестой. Онъ только прибавилъ:—господинъ урядникъ съ супругой скоро прибудутъ!

Дьякъ Андронъ Андроновичъ молча взялъ полштофъ, выстроилъ рядышкомъ четыре рюмки, наполнилъ ихъ и выразительно подмигнулъ на нихъ лѣвымъ глазомъ Омельяну Григорьевичу. Дьякъ Андронъ всѣ свои чувства выражалъ преимущественно лѣвой частью лица, которая у него была очень подвижна. Особенно глазъ умѣлъ изображать самые тонкіе оттѣнки чувствъ, то за-

Digitized by Google

крываясь совсѣмъ или на-половину, то вздрагивая, то широко раскрываясь, то Богъ знаетъ еще что выдѣлывая. Остальныя-же части лица въ это время спокойно бездѣйствовали, въ полной увѣренности, что лѣвый глазъ выразитъ все, что нужно. Дьякъ Андронъ представлялъ изъ себя субъекта жиденькаго во всѣхъ отношеніяхъ. Самъ онъ былъ щуплый и худосочный, лицо у него было круглое и маленькое и онъ самъ называлъ его «мордочкой», рыжая бородка давала возможность пересчитать всѣ составлявшіе ее волосы, а ужъ косичка, которая торчала на затылкѣ, имѣла до того жалкій видъ, что о ней лучше и не говорить.

— Ну, Омельянъ, наляцы и успѣвай!—проговорилъ Андронъ сильно охрипшимъ отъ праздничнаго пѣснопѣнія и отъ другихъ причинъ голосомъ. А доколѣ не выпьешь, мы съ тобой и разговаривать не станемъ!

— Справедливо!—подтвердилъ фельдшеръ:—Омельянъ Григорьевичъ имѣетъ выпить всѣ четыре разомъ, въ противномъ случаѣ и мы отъ дальнѣйшаго отказуемся!

— Ге!..—сказалъ старшина въ знакъ того, что онъ присоединяется къ этому заявленію.

Омельянъ Григорьевичъ сталъ надъ рюмками и задумался, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ему предстояло совершить трудный подвигъ.

— Попробую!—промолвилъ онъ,—а доберусь-ли до четвертой, не знаю.—Онъ взялъ рюмку и, обращаясь къ старшинѣ, прибавилъ:—за ваше, панъ старшина!—и выпилъ.—Попробую еще!—проговорилъ онъ и взялъ другую рюмку:—за ваше, панъ фершалъ!—и тоже выпилъ.—А уже третью какъ Богъ дастъ. Боюсь, какъ бы не поперхнуться! —взялъ третью и, не поперхнувшись, выпилъ.—Охъ, одна осталась, сиротка! Да иди уже, иди, Богъ съ тобой!

И тутъ Омельянъ Григорьевичъ выпилъ четвертую, стремительно бросился къ поросенку, схватилъ цѣлую ногу и сталъ закусывать.—Не дай Богъ,—говорилъ онъ,—напихивая въ ротъ хлѣба,—этакъ-то запоздать на цѣлыхъ четыре рюмки!

Digitized by Google

Гости поощрили его одобрительными восклицаніями. Въ это время дверь растворилась и на порогѣ показались двѣ фигуры. Одна принадлежала Горпинѣ, которая, любовно обхвативъ обѣими руками блюдо съ только что поспѣвшими пирогами, жеманно пятилась назадъ и въ бокъ, уступая кому-то дорогу.

— Проходите, милости просимъ, пожалуйте!—говорила она тономъ любезной и радушной хозяйки.

— Нѣтъ, сперва вы, у васъ поша... Прошу васъ!—промолвилъ гость, съ своей стороны пятясь назадъ и въ бокъ.

— Э, господинъ прохвесоръ наукъ!—воскликнулъ фельдшеръ, старшина произнесъ свое «ге», а Андронъ сдѣлалъ соотвѣтствующее движеніе лѣвымъ глазомъ. Послѣ такого дружнаго привѣтствія, учитель Сиромахинъ рѣшился войти, забывъ долгъ вѣжливости по отношенію къ Горпинѣ, обремененной пирогами. Вслѣдъ за нимъ вошла и Горпина.

Сиромахинъ снялъ длинное коричневое пальто и положилъ его на табуретъ поверхъ старшиноваго кожуха. Онъ подошелъ ко всѣмъ поочереди и съ солидной вѣжливостью пожалъ всѣмъ руки, а потомъ занялъ предложенное ему мѣсто на стулѣ. Андронъ сейчасъ же началъ настаивать на томъ, чтобы учитель догналъ компанію, и уже готовъ былъ выстроить въ рядъ четыре рюмки, на что фельдшеръ замѣтилъ, что это справедливо, но Сиромахинъ сказалъ вѣжливо, но въ то же время и непоколебимо:

— Нѣтъ, я не могу. Я не привыкъ. Со второй рюмки пьянѣю. И при этихъ словахъ онъ почему-то покраснѣлъ. Сиромахинъ краснѣлъ чуть-ли не послѣ всякой сказанной имъ фразы. Онъ недавно только былъ выпущенъ изъ учительской семинаріи, учительствовалъ всего только годъ, былъ молодъ и необыкновенно застѣнчивъ. Его обычнымъ занятіемъ въ обществѣ было—теребить свою русую бородку и кусать зубами концы ея. Какъ бы ни было общество весело и оживлено, онъ почти

Digitized by Google

все время молчалъ и имѣлъ видъ человѣка, который собирается съ мыслями и вотъ-вотъ скажетъ что-нибудь значительное. Происходило это оттого, что Сиромахинъ, получившій извѣстное образованіе, справедливо считалъ себя стоящимъ выше всѣхъ деревенскихъ обывателей, за исключеніемъ развѣ батюшки, и полагалъ, что на его обязанности лежитъ всегда говорить умно и такъ, чтобы всякій видѣлъ, что это умно сказано. Между тѣмъ мысли у него все были какія-то неповоротливыя, приходили слишкомъ поздно, такъ что иногда случалось, что только на другой день онъ придумывалъ какой-нибудь необыкновенно удачный отвѣтъ на вчерашнее замѣчаніе. Простыхъ же мыслей онъ совсѣмъ не хотѣлъ выпускать въ свѣтъ и поэтому всегда изображалъ молчаливую фигуру. Андронъ говорилъ по этому поводу: «Ну, когда-нибудь Сиромахинъ-таки огорошитъ насъ! Не даромъ онъ все сидитъ да думаетъ». А фельдшеръ такъ выражался: «прохвесоръ наукъ завсегда должонъ мышленіемъ заниматься».

По случаю прихода учителя, выпили по пятой, которая для Сиромахина была первой, а для Омельяна Григорьевича—одиннадцатой. На этотъ разъ закусывали горячими пирогами съ рисомъ, яйцами и вязигой. Пироги оказались до того вкусными, что Андронъ рѣшился измѣнить карасямъ и великодушно сдѣлалъ честь пирогу, промолвивъ при этомъ: «Ну, и пироги же! Прямо можно сказать—пряники!»

Не успѣли гости крякнуть хорошенько послѣ пятой, какъ въ горницу ввалились новыя лица, а именно урядникъ и писарь съ своими супругами. Такъ какъ никто больше не былъ приглашенъ, то пиршество можно было считать формально установившимся. Урядникъ, послѣ того какъ онъ снялъ съ своихъ плечъ волчью шубу, оказался въ полной формѣ, съ погонами на плечахъ, въ высокихъ сапогахъ и съ шашкой. Это былъ высокій, стройный мужчина, краснощекій, далеко еще не старый, съ самоувѣреннымъ, вызывающимъ взглядомъ и дерзко

Digitized by Google

торчавшимъ комомъ на головѣ. Жена его — худенькая, сильно помятая женщина, въ шерстяномъ платьѣ и дамской шляпкѣ съ бѣлыми кружевами, совершенно терялась передъ нимъ. Совсѣмъ обратное отношеніе представляла другая пара. Писарь Антіоховъ былъ на видъ полнымъ ничтожествомъ передъ своей супругой, которая въ длину была подъ-стать самому урядннку, а въ ширину—не имѣла себѣ никого равнаго среди присутствовавшихъ. Съ лицомъ краснымъ, здоровымъ и энергичнымъ, она наводила Андрона на мысль, что ее правильнѣе было бы повѣнчать съ урядникомъ, а судьбу Антіохова соединить съ судьбой урядничихи, каковую мысль онъ не разъ и высказывалъ. Антіоховъ во всѣхъ отношеніяхъ напоминалъ блоху, и притомъ мелкую и голодную. Маленькій, худенькій, съ черными головой, усами, бородкой, глазами и даже зубами, онъ не ходилъ, а прыгалъ и казался прыгающимъ даже тогда, когда сидѣлъ на мѣстѣ. Языкъ у него былъ — жало; онъ то и дѣло норовилъ кого-нибудь уязвить, обидѣть, обезчестить словомъ, и даже самый голосъ его не былъ способенъ ни къ какому другому выраженію, кромѣ ѣдкаго и обиднаго. Таковъ былъ писарь Никодимъ Петровичъ Антіоховъ; но къ этому всѣ привыкли и на его обидныя слова никто не обращалъ никакого вниманія.

III.

Урядникъ сразу и не поморщившись «догналъ» компанію, а писарь согласился только на половину. — Не могу, печенкой страдаю!—пояснилъ онъ. Что же касается дамъ, то онѣ пользовались льготнымъ положеніемъ и пили вино и вишневку; это не мѣшало глазкамъ смазливой и бойкой фельдшеровой супруги щуриться и блестѣть по соловьиному, а Андрону, жена котораго уже три года, по причинѣ болѣзни ногъ, не вставала съ постели, двусмысленно посматривать на нее.

Присутствіе урядника естественно повернуло разго-

Digitized by Google

воръ на событія въ Буцыловкѣ, причемъ публика больше всего интересовалась тѣмъ, какъ висѣлъ на воротахъ Абрамка.

— Да неужто же внизъ головой?—спрашивалъ Омельянъ Григорьевичъ, который никакъ не могъ себѣ представить почтеннаго Абрамку въ такомъ странномъ положеніи.

— Въ полномъ смыслѣ!—отвѣчалъ урядникъ звонкимъ, яснымъ голосомъ, напоминавшимъ звукъ трубы, раздающійся въ открытомъ полѣ при крѣпкомъ морозѣ: — Можете себѣ представить: прискакалъ это я въ Буцыловку, торопился, все одно — какъ бы на крыльяхъ летѣлъ, коня въ пѣну вогналъ, вообразите себѣ, — и что же я вижу! Вокругъ кабака — толпа. Я, само собою подразумѣвается, нагайкой направо и налѣво, «дорогу»— кричу,—дали дорогу... Подъѣзжаю къ кабаку, вижу— можете себѣ вообразить—бѣдный Абрамка виситъ пятками вверхъ, а головой внизъ, полы кафтана отвернулись и закрыли ему лицо; виситъ бѣдный Абрамка и даже не кричитъ, а только стонетъ хриплымъ голосомъ, а жена его, Рузька, сидитъ на землѣ, то-есть прямо на снѣгу и воетъ, прямо по-волчьи воетъ. Вотъ народъ! А мужики стоятъ и смѣются. И замѣтьте, этакимъ манеромъ онъ уже больше часу виситъ!—За что?—спрашиваю. А за то, говорятъ, что у него въ кабакѣ на первый день праздника уже водки не хватило! А? какъ вамъ покажется? За то, что водки не хватило! А? Такъ это-жъ, говорю, оттого, что вы, такіе-сякіе, еще съ сочельника пьянствовать начали, да и водки жрете столько много, что на васъ и трехъ кабаковъ не хватитъ... А они мнѣ: что-жъ, это намъ было очень обидно. Праздникъ — и вдругъ водки нѣтъ. Коли взялся кабакъ держать, такъ и исполняй свою обязанность! Каково? Вотъ мы, говорятъ, его и повѣсили для острастки! Я, разумѣется, Абрамку сейчасъ же снялъ съ воротъ и отдалъ Рузькѣ. Вотъ какія дѣла дѣлаются!

— Н-да!—сказалъ Антіоховъ, и уже по одному это-

Digitized by Google

му звуку можно было понять, что онъ собирается сказать какую-то ѣдкость:—Н-да!—Абрамка вамъ за это не привезъ два ведра водки?

— Привезъ, только не два, а одно! Что жъ такое, что привезъ? Я не вижу ничего! Сегодня привезъ и мы съ Омельяномъ Григорьевичемъ попробовали...

— Хороши урядники!—язвительно продолжалъ писарь.

— А что-жъ такое? Это не взятка! Я такъ смотрю: съ моей стороны лицепріятства никакого не было. А ежели человѣкъ благодарность чувствуетъ, я не препятствую... Такъ, Марко Ивановичъ?—обратился урядникъ къ старшинѣ.

— Оно... Такъ оно и есть... гс!..—подтвердилъ старшина, у котораго передъ глазами уже началъ разстилаться первый туманъ.

— Старшина ничего не понимаетъ! Что онъ можетъ понимать супротивъ меня?—настаивалъ Антіоховъ, желчно блистая своими маленькими черными глазками.

— И охота вамъ!—съ добродушной усмѣшкой промолвилъ Андронъ:—вѣдь у него, у Антіохова, печенка страдаетъ! Вотъ онъ и злобитъ!

— Нѣтъ, что-жъ, я хочу правильно разсудить,—говорилъ урядникъ:—ежели я человѣку жизнь спасъ, такъ неужели запретить ему благодарность чувствовать?..

Тутъ и старшина, и фельдшеръ, и всѣ дамы жестами и восклицаніями засвидѣтельствовали, что урядникъ совершенно правъ, а Омельянъ Григорьевичъ налилъ по восьмой, придерживаясь, разумѣется, домашняго счета.

Учитель Сиромахинъ все время по обыкновенію сидѣлъ молча, но мысленно онъ принималъ дѣятельное участіе въ разговорѣ. Онъ чрезвычайно серьезно обсуждалъ вопросъ: можно-ли запретить человѣку чувствовать благодарность, ежели ему спасли жизнь? Вопросъ этотъ онъ разрѣшалъ въ утвердительномъ смыслѣ, но только не зналъ, какъ быть съ ведромъ водки, присутствіе котораго рядомъ съ чувствомъ благодарности казалось ему

Digitized by Google

какъ-бы неумѣстнымъ. И это обстоятельство помѣшало ему выразить вслухъ свое мнѣніе.

Послѣ того, какъ прошлись по восьмой, фельдшеръ откашлялся и сказалъ:

— Нѣтъ, отчего-же благодарность не взять! Да это что? Вотъ я вамъ разскажу случай, который имѣлъ мѣсто въ бытность мою въ томъ-же фершальскомъ званіи въ мѣстечкѣ Станиславѣ, знаете? Это было, какъ-бы не впасть въ ошибку, въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ первомъ году... Да, да, семьдесятъ первомъ...

Надо замѣтить, что фельдшеръ считалъ себя неотразимо занимательнымъ разсказчикомъ и никакъ не могъ допустить, чтобы въ какомъ-нибудь обществѣ другой разсказчикъ взялъ надъ нимъ верхъ. Не разскажи уряднику про Абрамку и не заинтересуй онъ этимъ слушателей, быть можетъ, фельдшеръ промолчалъ-бы, и гости Омельяна Григорьевича Щербатаго никогда не узнали-бы о томъ, что было въ 1871 году. Но разъ это случилось, фельдшеръ почувствовалъ себя призваннымъ разсказать. Здѣсь будетъ кстати пояснить, что разсказчикъ происходилъ изъ военныхъ и сообразно съ этимъ носилъ усы и бакенбарды, пробривая подбородокъ. Волосы на головѣ онъ стригъ очень низко, вслѣдствіе чего его большія уши еще болѣе рѣзко выдавались. Наконецъ, остается прибавить, что фамилія его была Отрыганенко, и что Андронъ называлъ его въ глаза—Авдѣемъ Савичемъ, а за глаза—«рудой собакой», потому что онъ, по выраженію того-же Андрона, былъ «весь рыжій».

— Въ томъ году въ нашей мѣстности проявилась сильная—инедемія, то есть, по просторѣчію сказать—болѣзнь, продолжалъ Отрыганенко:—болѣзнь, надо сказать, непонятная и даже самъ земскій докторъ, когда онъ пріѣхалъ, и я его, какъ по моей должности, спросилъ, что за болѣзнь и какое ей то есть латынское будетъ названіе, такъ онъ мнѣ сказалъ: «а чортъ ее знаетъ; и самъ не разберу! Давайте на всякій случай олеумъ рицини

Digitized by Google

съ эмульсіей амигдаліи и притомъ оттяжной горчишникъ ставьте. А тамъ посмотримъ».

Андронъ перебилъ его:

— Нѣтъ, ужъ вы, Авдѣй Савичъ, по-латынски съ нами не разговаривайте. Я, хотя и дошелъ до третьяго класса уѣзднаго училища, но ей Богу даже латынской азбуки не помню!..

— Ахъ, прошу извиненія! Я упустилъ изъ виду, что вы не спеціэнты этого дѣла!—съ улыбкой превосходства промолвилъ Отрыганенко:—олеумъ рицини, это просто касторка или рецынка, которой мажутъ юхтовые чоботы для мягкости, а эмульсія амигдаліи, это—миндальное молоко. Такъ-съ. Сказалъ это докторъ и уѣхалъ. А болѣзнь, имѣйте въ виду, большею частью на желудокъ падала, животы то есть подводила, но между прочимъ и въ жаръ, и въ холодъ бросала. Вотъ я и началъ приспособлять. Первой попалась мнѣ одна баба; закатилъ я ей этого самаго состава и оттяжной горчишникъ, то есть, на поясницу, поставилъ. И извольте видѣть, на другой день она Богу душеньку свою грѣшную отдала Что-жъ, я тутъ виновенъ? Докторъ приказалъ, а я должонъ выполнять...

— Постойте, постойте!—опять перебилъ его рѣчь Андронъ:—А какъ звали бабу?—при этихъ словахъ онъ налилъ водки во всѣ рюмки.

— А на что вамъ? Право, не помню доподлинно. Кажись, Федосья...

— Ну, такъ за упокой души Федосьи надлежитъ выпить!—замѣтилъ Андронъ.

Это предложеніе вызвало общій восторгъ и всѣ выпили за упокой Федосьиной души. А фельдшеръ продолжалъ:

— Впослѣдствіи того я приступился, по своей должности, къ одному парню и сталъ его лечить...

— За упокой, что-ли?—спросилъ Андронъ и опять взялся за штофъ.

— Успѣешь. Сталъ я его лечить и лечилъ цѣлыхъ четыре дня. Крѣпкій парень былъ, устойчивый. Я ему восемь горчишниковъ предоставилъ, а этой самой микстуры влилъ въ него три чайныхъ стакана. Но на пя-

Digitized by Google

тый день парень, какъ ни былъ крѣпокъ, не выдержалъ, и пошелъ на свиданіе съ бабой...

— Я-жъ говорилъ! Вы, Авдѣй Савичъ, скажите, сколькихъ вы еще лечили, такъ мы уже разомъ, сообща, за упокой выпьемъ, а то ежели за каждаго, такъ и водки не хватитъ!—замѣтилъ Андронъ.

— Да вы погодите, имѣйте терпѣніе! Самое-то главное впереди!—остановилъ его фельдшеръ.—Послѣ этого приключенія вышло такое дѣло, что всѣ моментально выздоровѣли. Хожу это я по мѣстечку, прихожу въ одинъ домъ: нѣтъ-ли кого больного? Нѣтъ. Въ другой—нѣтъ! Въ третій, пятый, десятый,—нѣтъ больныхъ, всѣ выздоровѣли. Что за казусъ такой? Невозможное событіе! Нѣтъ, думаю я себѣ, тутъ дѣло неладное, тутъ скрывается какой-то туманъ! И порѣшилъ я заходить въ хаты безъ опросу, прямо сказать—на-проломъ. Захожу въ одну, въ другую, въ третью... Батюшки мои! Вездѣ больные валяются. Что такое? Что это означаетъ? «Ты чего, говорю я одному, бабу свою больную скрываешь?» А онъ беретъ меня за руку, отводитъ въ уголъ и, что вы думаете—говоритъ: «господинъ фершалъ! уже будьте такъ милостивы, не лечите ее, я вамъ за это два мѣшка жита принесу, ей Богу, принесу!» Посмотрѣлъ я на него и подумалъ: что мнѣ? Два мѣшка жита—хорошо, а леченье мое и въ самомъ дѣлѣ никуда не годится. Согласился. Въ другую хату пошелъ: тамъ дѣвка за животъ держится. И тутъ Христомъ Богомъ просятъ не лечить, мѣшокъ проса и миску яицъ предлагаютъ. Эге, думаю я, такъ вотъ въ чемъ секретъ! Ну, ладно-же, я теперь знаю, что дѣлать! И сталъ я дѣлать такую дипломатію: чуть прослышу, что въ которой-нибудь хатѣ больной завелся, сейчасъ беру свою стклянку съ микстурой и пакетъ съ горчишниками и иду. Смотришь, мѣшокъ какого-нибудь добра и заработалъ. И я вамъ скажу по совѣсти, что за время этой самой инедеміи я свезъ въ городъ на продажу, чтобы не соврать вамъ, воза четыре зерна, да такъ еще деньгами карбованцевъ съ

Digitized by Google

тридцать заработалъ. Вотъ какое приключеніе. Вы вотъ насчетъ благодарности сомнѣваетесь! А что такое благодарность? Нѣтъ, вы вотъ такую штуку придумайте, понимаете? Доктора, скажемъ такъ, берутъ за леченье, а я за нелеченье брать умудрился! Вотъ какое приключеніе!

Разсказъ фельдшера произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что въ первую минуту всѣ молчали и только моргали глазами. Первымъ опомнился старшина и сказалъ:

— Н-да!... Это ловко... ге!.. Это даже черезчуръ ловко... ге!..

— Вотъ такъ премудрый Соломонъ—Авдѣй Савичъ! Истинно—Соломонъ премудрый!—воскликнулъ въ свою очередь Андронъ, у котораго въ сущности отъ водки уже рябило въ глазахъ, но онъ на этотъ счетъ не подавалъ никакого виду. Самое глубокое впечатлѣніе произвелъ разсказъ на учителя Сиромахина. Онъ выпилъ всего лишь двѣ рюмки водки и уже перешелъ на вино; но голова его совсѣмъ не привыкла къ хмѣлю и въ этотъ моментъ онъ ощущалъ то пріятное волненіе, какое бываетъ при началѣ опьяненія.

Въ груди у Сиромахина боролись теперь два чувства. Какъ очень еще юный человѣкъ, хотя простой и недалекій, но почти не тронутый жизнью, онъ чувствовалъ, что разсказъ фельдшера есть въ сущности повѣствованіе о нѣкоей подлости, и въ немъ поднимался протестъ, о которомъ хотѣлось заявить публично. Но въ тоже время онъ видѣлъ, что Отрыганенко послѣ своего разсказа сдѣлался героемъ, всѣ на него смотрѣли, всѣ признавали его ловкость, умъ. И тутъ у него выплывало наружу чувство тщеславія; хотѣлось и самому сдѣлаться хоть на минуту героемъ. Разсказать что-нибудь, какую-нибудь пакость, по поводу которой сказали-бы: вотъ такъ ловко! Умно! Но увы! Онъ въ своемъ прошломъ не находилъ ничего подходящаго. Оно было блѣдно, безцвѣтно и пока—честно. И въ то время, какъ эти

Digitized by Google

два чувства боролись въ немъ, причиняя ему страданіе, онъ краснѣлъ и молчалъ, изрѣдка потягивая изъ стакана глотокъ плохого вина.

— Удивительно!—нетвердымъ голосомъ, прищуривая посоловѣлые глазки, промолвилъ Омельянъ Григорьевичъ:—Вотъ если бы этакъ-то намъ съ тобой, Горпина! А? Славно бы?

— Дурень!—отвѣтила ему Горпина.—Туда же лѣзетъ!

— Дурень, такъ дурень! Выпьемъ, честные гости!

Выпили. У честныхъ гостей явилась необходимость почаще протирать глаза, потому что они никакъ не могли разглядѣть, гдѣ сидитъ Андронъ, гдѣ урядникъ, а гдѣ Антіоховъ. Самъ Антіоховъ, несмотря на «страданіе печенки», превысилъ мѣру до того, что, имѣя намѣреніе протянуть руку къ пирогу, попалъ пальцами въ самую глубину поросячьей начинки.

VI.

Тѣмъ не менѣе Антіохово «страданіе печенки» взяло свое, и онъ съ чрезмѣрной ядовитостью промолвилъ, не обращаясь ни къ кому:

— Не знаю, какъ кто думаетъ, а по моему мнѣнію, этто... поступокъ не того... не... благородный...

— Пф... Тоже сказалъ!..—презрительно заявилъ фельдшеръ:—неблагородный!.. Пф!..

— А что-жъ? И говорю, что неблагородный! И по-вто-ряю: неблагородный поступокъ! Что же вы имѣете возразить?—высокимъ голосомъ вызывающе промолвилъ Антіоховъ.

— Оставьте его... Это у него страждущая печенка вопіетъ!—сказалъ Андронъ; но ни Антіоховъ, ни Отрыганенко не слышали его замѣчанія. У обоихъ гнѣвно блистали глаза и они смотрѣли другъ на друга, какъ пѣтухи передъ боемъ.

— Что?—спросилъ фельдшеръ, гордо приподнявъ свою

Digitized by Google

рыжую голову:—а то, что не вамъ бы, панъ писарь, говорить это! Вотъ что!

— Какъ такъ?—воскликнулъ писарь уже совсѣмъ какимъ-то взбудораженнымъ голосомъ и даже подскочилъ на мѣстѣ.

— А такъ!—отвѣтилъ Отрыганенко, все продолжая смотрѣть на него по-пѣтушиному.

— Да нѣтъ, *ты* говори какъ! *Ты* не виляй! Пущай всѣ слышатъ!

— А такъ, что за *тобой* тоже грѣшки водятся! —крикнулъ фельдшеръ, отвѣчая ему «ты» за «ты».

— Какіе?

— Какіе? Ого-го! Можетъ быть сказать, какіе? а? Ты хочешь, чтобы я сказалъ? а?

Какъ ни рябило въ глазахъ у Омельяна Григорьевича, тѣмъ не менѣе онъ разомъ почувствовалъ двѣ вещи: что дѣло принимаетъ дурной оборотъ и что онъ, какъ хозяинъ, долженъ какъ нибудь успокоить разсвирѣпѣвшихъ гостей. Та же самая мысль пришла и Горпинѣ и они, не сговариваясь, приступили къ выполненію хозяйскаго долга. Омельянъ Григорьевичъ обратился къ писарю:

— И охота вамъ, Никодимъ Петровичъ, раздражаться... Ей-Богу! Мало-ли какое слово говорится въ компаніи!? Эхъ, ей-Богу...

Горпина же сказала фельдшеру:

— Да оны-жъ больные! Ну, какъ можно на больного человѣка обижаться, когда у нихъ въ печенкахъ поврежденіе?..

Но ни писарь, ни фельдшеръ не поддались увѣщаніямъ.

— Говори, говори!—кричалъ Антіоховъ,—а я послушаю. Говори, рыжая собака!

— А-а! Такъ ты такъ! Изволь, сдѣлай такое одолженіе! Я скажу, сейчасъ, даже сею минуту! А помнишь Явдоху? а? Помнишь? Или забылъ?

— Явдоху? Какую такую Яв...доху?—спросилъ пи-

Digitized by Google

сарь и голосъ его точно вдругъ перервался, словно крошка хлѣба или собственная слюна попала ему въ дыхательное горло.

— Какую? А ту самую, что сына ея, Антона, ты въ солдаты отдалъ на мѣсто Степана Швеця... А? Теперь помнишь? А сказать тебѣ еще, сколько ты взялъ за это съ Швеця? сказать? Полтораста карбованцевъ! Ну, что жъ ты молчишь? Ну?

— Ты... ты... ты... — Антіоховъ буквально задыхался и никакъ не могъ сказать того, что хотѣлъ. Лицо его сдѣлалось зеленымъ, а глаза окружились почти черными пятнами.—Ты... врешь, руд...ая с-со-бака! Ты... ты... я тебѣ въ м...м...орду...

И онъ уже простеръ свои щупленькія ручки по направленію къ «мордѣ» фельдшера, но былъ удержанъ урядникомъ.

Наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить, что во время этого зловѣщаго діалога глаза старшины вели себя очень странно. До сихъ поръ они съ пьяной разсѣянностью смотрѣли то на фельдшера, когда онъ разсказывалъ свою исторію, то на Андрона, когда тотъ пускалъ свои юмористическія замѣчанія, то на полштофъ, когда изъ него наливали въ рюмки, то на рюмки, когда въ нихъ наливали изъ полштофа. Однимъ словомъ, видно было, что глаза его ничѣмъ не были стѣснены и свободно, хотя и безъ всякаго смысла, переходили отъ предмета къ предмету. Теперь же, какъ только было произнесено слово «Явдоха», глаза старшины въ одно мгновеніе перестали интересоваться всѣмъ на свѣтѣ и начали глубокомысленно изучать стоявшую передъ старшиной тарелку съ недоѣдками отъ поросенка, индюшки, пироговъ и прочаго.

— А, въ морду?—продолжалъ между тѣмъ фельдшеръ:—ты хотѣлъ дать мнѣ въ морду? Такъ я-жъ тебѣ еще прибавлю: а недоимку съ Голоновскихъ крестьянъ кто два раза получилъ? а?..

Тутъ старшина не выдержалъ и вмѣшался въ разговоръ.

Digitized by Google

— Да ну же, господинъ фершалъ... Ге... Охота вамъ!.. Видите, онъ будто бѣшеная собака взбѣленился... Дайте ему спокой!..

Слова эти были сказаны вполнѣ добродушно, съ искреннимъ желаніемъ водворить миръ. Но могъ-ли простоватый старшина предвидѣть, къ чему поведетъ его замѣчаніе? А вышло Богъ знаетъ что такое. Писарь Антіоховъ моментально, какъ мячъ, выскочилъ изъ-за стола и очутился среди горницы.

— Я бѣшеная собака? я бѣшеная собака?—хрипѣлъ онъ такимъ голосомъ, словно его давили за горло: — А-а! Такъ и ты на меня идешь, панъ старшина! Такъ вотъ-же тебѣ! Пущай и объ тебѣ знаютъ: Явдохинаго-то сына мы съ тобой вмѣстѣ спровадили въ солдаты, и деньги, полтораста рублей, отъ Швеця — пополамъ раздѣлили, тебѣ семьдесятъ пять и мнѣ семьдесятъ пять... Да-а! Нѣтъ, нѣтъ, не качай головой! Еще ты на эти деньги пару воловъ купилъ на ярмаркѣ, и до сихъ поръ они у тебя есть, эти волы, да, да-а! Пущай знаютъ! Чего глазами заморгалъ?

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, честная компанія, что онъ такое говоритъ!—промолвилъ старшина дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ. — Это все онъ выдумалъ!

— Выдумалъ? А недоимку тоже выдумалъ?—продолжалъ писарь, уже не помня себя отъ злости:—недоимку-то, я думаю, мы тоже пополамъ подѣлили! И еще ты мнѣ тогда, прохвостъ ты этакій, шесть рублей и восемь гривенъ не додалъ, зажилилъ! Обѣщалъ на Покрову отдать, а съ тѣхъ поръ уже четыре Покрова прошло... Ха!... Да что-о? Я еще скажу! Кто водкой подпаивалъ мужиковъ, когда выбирали старшину? а? Нѣтъ, ты меня задѣлъ, такъ я уже не замолчу... Нѣтъ! я ничего не прощу!...

Фельдшеръ вытиралъ платкомъ лобъ, очень довольный, что писарь оставилъ его въ покоѣ и напалъ на старшину. При этомъ онъ взглянулъ на Андрона и

Digitized by Google

выразительно подмигнулъ ему, какъ-бы говоря: «каковы молодцы! А вѣдь это я ихъ вывелъ на свѣжую воду!» Андронъ отвѣтилъ ему лѣвымъ глазомъ. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ слушалъ споръ между старшиной и писаремъ. Ничего въ свѣтѣ такъ не любилъ Андронъ, какъ подобныя сильныя столкновенія и одного только онъ отъ души желалъ, — чтобы спорщики, наконецъ, подрались. Это было-бы для Андрона настоящимъ блаженствомъ. Онъ боялся, чтобы пожаръ какъ-нибудь не потухъ, и находилъ, что старшина слишкомъ слабъ и мало кипятится. Онъ обдумывалъ, какъ-бы его разжечь, и въ этихъ видахъ замѣтилъ, подмигивая со всѣмъ свойственнымъ ему лукавствомъ:

— Ого-го, панъ старшина, какъ онъ васъ не хвалитъ... Что-жъ вы ему спускаете?

— А ты, дяче, лучше уже молчи... Ге!.. Лучше, говорю, молчи! . Не мѣшайся!—отрывисто и глядя на него исподлобья отвѣтилъ старшина.

— А мнѣ чего молчать?—немножко обидѣлся Андронъ, потому что старшина обратился къ нему на «ты» и вмѣсто «Андрона Андроновича» сказалъ «дяче».—Мнѣ чего молчать? Мнѣ-же изъ недоимки ничего не досталось...

— А можетъ изъ другого чего досталось... ге!.. Такъ ты уже помалчивай!..

Андронъ вышелъ изъ себя и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, ты, свинячье рыло! Ты смѣешь мнѣ такъ говорить, необразованность ты толстокожая, скимень рыкающій!.. Изъ чего мнѣ досталось?

— А вотъ пущай тебѣ это Омельянъ Григорьевичъ скажетъ, ему лучше знать, ге!.. Онъ тытарь...

— Омельянъ Григорьевичъ! Изъ чего мнѣ досталось? Ну-ка, скажи, изъ чего мнѣ досталось!

— Нѣтъ, ты постой!—кричалъ между тѣмъ писарь, наступая на старшину:—я еще вотъ что скажу: третьяго года предписаніе было...

— Изъ чего мнѣ досталось? Говори-же Омельянъ,

Digitized by Google

изъ чего мнѣ досталось?—не отставалъ въ свою очередь Андронъ отъ тытаря, который склонилъ было уже голову на столъ.

Омельянъ Григорьевичъ махнулъ рукой: — Э, что тамъ! Охота вспоминать старое!.. Ну, тамъ были грѣхи, такъ у кого-жъ ихъ нѣтъ? Извѣстно, одинъ Богъ безъ грѣха...

— Какіе такіе грѣхи? Я желаю знать, какіе грѣхи?— настаивалъ Андронъ. Ему приходилось сильно напрягать свой охрипшій голосъ, потому что между нимъ и Омельяномъ Григорьевичемъ сидѣлъ старшина, на котораго летѣли бѣшеныя стрѣлы Антіохова. Этотъ перекрестный огонь буквально потрясалъ низкіе своды горницы.

— Да оставьте, Андронъ Андроновичъ, охота-же вамъ,—лѣниво отнѣкивался тытарь, которому хотѣлось спать:—за грѣхи передъ Богомъ отвѣчать будемъ...

— Да ты не юли, ты говори прямо!—Андронъ уже чувствовалъ, что его какая-то сила подмываетъ на бой. Должно быть это была сила дюжины рюмокъ. — Ты меня уже оконфузилъ! какіе-такіе грѣхи? Я, братъ, свѣчами церковными не торгую и вино церковное не покупаю и муку для просвиръ не доставляю, такъ мнѣ не изъ чего наживаться... Вотъ что! А? скушалъ?

Послѣ этихъ словъ Андрона, съ Омельяномъ Григорьевичемъ сдѣлалось нѣчто страшное. Онъ выскочилъ изъ-за стола съ лицомъ багровымъ, съ налившимися кровью глазами. Онъ даже не кричалъ, а ревѣлъ и билъ себя кулакомъ въ грудь и при этомъ почему-то глаза его наполнились влагой.

— Ты... ты мнѣ говоришь? Ты меня безчестишь? Вино? М...муку? с...свѣчи? Я—хозяинъ... Я—всему селу звѣстенъ... у меня по... похвальный листъ!.. А ты, ты что? Я—тытарь... я—четвертое трехлѣтіе... выбранъ міромъ... а? А ты что? Ты—метла церковная, ты... нѣтъ, ты докажи, докажи!.. Вино? какое вино? гдѣ оно?

— Ха, ха, ха, ха! похвальный листъ! Ха, ха, ха, ха! четырехъ индюковъ отвезъ благочинному, вотъ тебѣ

Digitized by Google

и похвальный листъ! Самъ я тебѣ и посовѣтовалъ, ха, ха, ха, ха! А вино? Да вотъ оно самое и есть! развѣ это не церковное вино? сладенькое, всѣ-жъ пробовали!..

Андронъ схватилъ со стола бутылку съ краснымъ виномъ и потрясъ ею въ воздухѣ. Омельянъ Григорьевичъ поднялъ кулаки и замахалъ ими надъ своей головой. Его всего трясло и передергивало.

— Честна́я компанія?—торжественно обратился онъ ко всѣмъ гостямъ:—я молчалъ, потому какъ самъ я хозяинъ и обязанъ... А теперь не могу. Силъ моихъ нѣту... Онъ говоритъ—вино... можетъ и было когда, что бутылку какую взялъ... грѣшный человѣкъ... А онъ, Андронъ, это мнѣ вотъ какъ извѣстно,—съ часточки воруетъ... Онъ, то есть, просвиры пишетъ, и ежели, къ примѣру, баба даетъ заупокой душъ сродниковъ четыре копѣйки, такъ онъ двѣ на часточку, а двѣ въ карманъ... это я по чистой совѣсти говорю! А когда они съ батюшкой съ крестомъ по хатамъ ходили, такъ онъ самую лучшую колбасу, которую Скороходъ пожертвовалъ, въ своемъ собственномъ карманѣ отъ батюшки утаилъ и меня еще тою колбасою угощалъ... Вотъ вамъ!

Въ одно мгновеніе Андронъ сдѣлалъ кошачій прыжокъ и вцѣпился пальцами обѣихъ рукъ въ бороду тытаря, который, ради обороны, тузилъ его кулаками по спинѣ. Въ это-же самое время старшина возсталъ во весь свой могучій ростъ и своей огромной лапищей теребилъ густыя черныя кудри Антіохова. Антіоховъ пищалъ и царапался, какъ обозленный котенокъ. Бабы повскакивали съ своихъ мѣстъ и принялись уговаривать и разнимать враговъ. Все смѣшалось въ какую-то безобразную кучу. Гдѣ-то раздавался сиплый голосъ Андрона, повѣствовавшій о какой-то кадильницѣ съ серебряными бубенчиками, которые будто-бы оказались мѣдными, а покупалъ-то кадильницу Омельянъ Григорьевичъ. Антіоховъ, точно откудова-то изъ глубокой ямы, пищалъ о шести рубляхъ и восьми гривнахъ, недоданныхъ ему старшиной при дѣлежкѣ таинственной недоимки. Бабы плакали.

Digitized by Google

V.

Урядникъ окинулъ собраніе строгимъ, начальническимъ взглядомъ и властно подошелъ къ полю битвы.

— Постойте!—сказалъ онъ своимъ звонкимъ благороднымъ тенoромъ:—драться я не могу дозволить!

И при этихъ словахъ онъ сталъ обѣими руками раздвигать кучу.

— Что-о?—послышался чей-то голосъ, ужъ нельзя было и разобрать—чей:—а ты кто такой?

— Я кто такой? я урядникъ... я—власть! Драться не могу дозволить! Этто безпорядокъ... этто нарушеніе тишины и спокойствія...

— Да ты не очень-то здѣсь хорохорься... Ге!.. я самъ тоже власть! и про тебя кой-что... Ге... кой-что знаемъ!.. съ Абрамки четыреста рублей взялъ за открытіе кабака... Въ незаконномъ сожитіи съ дѣвкой Аришкой находился и по сіе время состоишь... При живой женѣ... ге!.. Тоже!.. Власть!..

— А? какъ ты смѣешь? А? мнѣ? уряднику? Ахъ, ты... м-мужичье!.. М-мазепа ты неумытая!..

Совершенно естественно, что руки урядника, простершіяся было въ толпу, чтобы водворить тишину и спокойствіе, оказались въ бородѣ старшины. Бабы, потерявъ всякую надежду унять расходившіяся страсти, принялись отчаянно выть.

Учитель Сиромахинъ въ сильномъ волненіи шагалъ взадъ и впередъ по земляному полу горницы, между дверью и печкой. Въ головѣ его, разгоряченной хмѣлемъ, мысли перепрыгивали одна черезъ другую, а въ груди клокотало новое чувство, котораго онъ и самъ еще не понималъ хорошенько. Всего двадцать одинъ годъ жилъ онъ на свѣтѣ и видалъ немного. Случалось ему видѣть пьяныхъ людей, изрѣдка приходилось и самому выпивать,—люди веселились, смѣялись, подчасъ и плакали; бывало, что и ссорились и дрались, но никогда еще онъ не слышалъ, чтобы люди съ такой откровен-

Digitized by Google

ностью разсказывали про себя и про другихъ—имъ въ лицо такія исторіи. И вѣдь это ясно, какъ день, что всѣ эти исторіи достовѣрны, и тѣ, кому онѣ приписывались, даже не отрицали ихъ. Такъ что-же это выходитъ? Выходитъ, что вся эта «честная компанія»—воры и взяточники; тотъ воруетъ церковное добро, другой—общественное, третій лицепріятствуетъ, взятку беретъ, четвертый злоупотребляетъ своей профессіей... И со всѣми этими людьми онъ, Сиромахинъ, считающій себя честнымъ человѣкомъ, живетъ, компанію водитъ, руки имъ жметъ, хлѣбъ-соль съ ними ѣстъ и считаетъ ихъ лучшимъ обществомъ въ селѣ...

Пока еще шли одни только разговоры, онъ вслушивался и недоумѣвалъ, никакъ не будучи въ состояніи признать, что это говорится не въ шутку и что все это правда. Но когда слова перешли въ дѣло, онъ возмутился, вскочилъ съ своего мѣста и, движимый клокотавшимъ въ немъ чувствомъ, бѣшено зашагалъ по комнатѣ. Онъ не зналъ, какъ ему быть. Разнимать ихъ, усовѣщевать—не стоитъ. Взять пальто и шапку и уйти—недостаточно. Вѣдь они тогда подумаютъ, что онъ просто струсилъ и убѣжалъ отъ драки. Нѣтъ, онъ уйдетъ изъ этой компаніи, но прежде покажетъ имъ свое глубокое возмущеніе. Они должны знать его мнѣніе о нихъ. Онъ долженъ имъ высказать его и тогда уйдетъ.

И Сиромахинъ, дѣйствительно, подбѣжалъ къ столу и крикнулъ такимъ гнѣвнымъ и зычнымъ голосомъ, какого и самъ въ себѣ не подозрѣвалъ:

— Послушайте! Всѣ вы мерзавцы и подлецы! Всѣхъ я васъ пре-зи-ра-ю!

— Ишь ты нашелся святой...—попытался было ему кто-то отвѣтить среди продолжавшейся всеобщей драки. Но онъ не остановился:

— Подъ судъ васъ всѣхъ отдать слѣдуетъ... Подъ су-удъ!

И подкрѣпивъ свое возмущеніе громкимъ и презрительнымъ плевкомъ, онъ схватилъ пальто и шапку и

Digitized by Google

стремглавъ вылетѣлъ изъ горницы въ сѣни, а потомъ на улицу.

Словно ударъ молніи съ громомъ ворвался въ хату Омельяна Григорьевича и попалъ въ самый центръ свалки и коснулся каждаго изъ принимавшихъ въ ней участіе. Всѣ отшатнулись въ разныя стороны и какъ бы опѣшили.

«Подъ судъ!» еще носилось въ воздухѣ полное горячаго возмущенія и гнѣва восклицаніе учителя Сиромахина и каждому ударяло въ ухо и сверлило гдѣ-то въ мозгу. «Подъ судъ!? А что, ежели и въ самомъ дѣлѣ подъ судъ»?.. мелькнуло у каждаго въ головѣ, и мигомъ прошелъ хмѣль и всѣ стояли неподвижно, смущенные, боясь поднять глаза и посмотрѣть другъ другу въ лицо.

Первымъ пришелъ въ себя Андронъ. Онъ поправилъ рукой косичку, сбившуюся съ затылка на самое темя, и промолвилъ какимъ-то особеннымъ благолѣпнымъ голосомъ:

— Навожденіе!.. Воистину навожденіе бѣсовское!

Старшина развелъ руками и сказалъ:—Ге!..

— А нуте-жъ-бо выпьемъ по тринадцатой!—любезно проговорилъ Омельянъ Григорьевичъ, усердно почесывая лѣвой рукой затылокъ:—да забудемъ это... Ей-Богу!..

— Забудемъ!..—промолвилъ кто-то ему въ отвѣтъ. Андронъ налилъ въ рюмки водки и всѣ молча выпили по тринадцатой.

Было уже за полночь. Въ маленькое окошко видно было, какъ хлопьями падалъ снѣгъ и вѣтеръ разносилъ его по воздуху и въ разныхъ мѣстахъ нагромождалъ цѣлыя горы. Рослая писарша благочестивымъ голосомъ завела разговоръ о томъ, что надо ждать урожайнаго года, по причинѣ обилія снѣга. Писарь Антіоховъ тяжело дышалъ и сопѣлъ, изнывая отъ расходившагося «страданія печенки». Разговоръ тянулся вяло. Объ учителѣ Сиромахинѣ никто не заикнулся ни единымъ словомъ, какъ будто его и не существовало на свѣтѣ...

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ.

Разсказъ изъ давно минувшихъ лѣтъ.

I.

Иванъ Петровичъ Черешковъ — сидѣлъ, а Сидоръ Карповичъ Выжмотскій — стоялъ передъ нимъ. Иванъ Петровичъ сидѣлъ въ позѣ непринужденной, какъ человѣкъ, забѣжавшій куда-нибудь совсѣмъ безъ дѣла, нечаянно, а его попросили присѣсть на минутку и подмахнуть двѣ-три бумажки. Его тонкій и прямой станъ, круглая голова съ замѣчательной шевелюрой, для многихъ служившей предметомъ подражанія, и которая между тѣмъ ему ничего не стоила, такъ какъ дана была отъ природы; его полныя щеки, гладко выбритыя; изящная, короткая визитка, синяя съ малиновой крапинкой, бѣлый съ синими цвѣтами жилетъ съ массивной золотой цѣпью, свѣжій воротничекъ, пестренькій галстухъ,—все это придавало его особѣ видъ привѣтливой свѣжести и добродушнаго довольства,—видъ человѣка, всегда неукоснительно выполняющаго свое призваніе и потому не ощущающаго никакихъ мученій совѣсти,—и располагало въ его пользу.

Сидоръ Карповичъ, напротивъ, глядѣлъ угрюмо и даже злостно, какъ человѣкъ, котораго только что смертельно обидѣли, а онъ не сумѣлъ во-время отплатить тѣмъ же; высокій, массивный, широкій въ плечахъ, съ крупными членами, онъ и лицомъ обладалъ непривѣтли-

Digitized by Google

вымъ, широкимъ, съ сѣдыми бакенами и выбритымъ подбородкомъ, съ густыми усами, толстыми губами и толстымъ носомъ, который былъ красенъ, но не отъ пива, а отъ табаку. И сюртукъ на этомъ человѣкѣ былъ длинный, ниже колѣнъ, и тоже какъ-то угрюмо висѣлъ на его сутуловатой спинѣ.

Сидоръ Карповичъ подсовывалъ бумаги, и на каждой изъ этихъ бумагъ, до половины исписанной крупнымъ, красивымъ почеркомъ, въ самомъ низу стояла скромная подпись: «дѣлопроизводитель Выжмотскій», причемъ послѣднее слово было изображено стариннымъ кудреватымъ почеркомъ, очень ясно и безъ расчеркиванья; Иванъ Петровичъ подписывалъ эти бумаги, проставляя свою фамилію гораздо выше, подъ самымъ текстомъ послѣ словъ: «Старшій членъ управы». Насколько мало мѣста занимала скромная подпись Выжмотскаго, лишенная даже хотя бы самаго маленькаго крючка, настолько обширное поле требовалось Черешкову для изображенія его во многихъ отношеніяхъ знаменитаго имени. Онъ писалъ огромными, причудливыми буквами, изъ которыхъ ни одна не походила на другую, причемъ сначала выводилъ: «ерешковъ, а потомъ уже, продѣлавъ нѣсколько замысловатыхъ выкрутасовъ, возвращался назадъ и изображалъ великолѣпное *Ч.*

— Сидоръ Карповичъ! Ахъ, Боже мой! Когда же конецъ? Вы меня уморили!.. Ахъ, ты, Господи!..

Иванъ Петровичъ произносилъ эти слова съ добродушно-комическимъ ужасомъ, преувеличенно разводя руками и пожимая плечами. При этомъ онъ очень мило картавилъ, склонялъ голову немножко набокъ, на секунду закрывалъ глаза и глубоко вздыхалъ при помощи носа. Сидоръ Карповичъ не обращалъ на это никакого вниманія. Лицо его,—имѣвшее привычку никогда ничего не выражать, а если ужъ, въ силу служебныхъ обязанностей, и выражало что-нибудь, такъ совсѣмъ не то, что онъ чувствовалъ,—и на этотъ разъ напоминало одинъ изъ тѣхъ дешевыхъ бюстовъ, которые изобража-

Digitized by Google

ютъ похожими другъ на друга всѣхъ знаменитыхъ королей, ученыхъ и поэтовъ.

— Не могу, ваше превосходительство! Ордера̀ остались! Люди ждутъ! — кратко, но выразительно и притомъ очень убѣдительнымъ басомъ говорилъ Сидоръ Карповичъ, и подставлялъ книжку для подписи. Черешковъ, который былъ увѣренъ, что спѣшитъ, такъ какъ ему надо было до двухъ часовъ поѣхать въ три мѣста, а теперь было уже около часу — подчинился. Замѣчено, что когда человѣкъ говоритъ басомъ, оно выходитъ какъ-то убѣдительно, и Сидоръ Карповичъ, который никогда не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ доводовъ, прекрасно справлялся съ людьми разныхъ ранговъ при помощи одного своего баса.

— Наконецъ-то! Фу! Надѣюсь, все!?.. Больше вы не будете меня терзать, мучитель мой, Сидоръ Карповичъ!? — Иванъ Петровичъ отодвинулъ чернильницу и поднялся съ явнымъ намѣреніемъ удрать отъ Сидора Карповича, и Сидоръ Карповичъ, какъ казалось, ничего не имѣлъ противъ этого, потому что всѣ бумаги были подписаны. Но Черешковъ по его позѣ видѣлъ, что онъ еще намѣренъ приставать къ нему.

— Что вамъ еще отъ меня угодно?—спросилъ онъ, заложивъ руки въ карманы штановъ.

— Гдѣ васъ искать прикажете, въ случаѣ надобности?

— А я почемъ знаю? Сейчасъ иду въ кирпичную комиссію, я — предсѣдатель; потомъ... потомъ, кажется, у меня экзаменъ въ «школѣ прикладныхъ знаній», и, наконецъ, какъ вамъ извѣстно, въ два часа назначена закладка новой мусульманской мечети, гдѣ я обѣщалъ быть. Я не хочу обижать и господъ мусульманъ, ибо и они также избиратели... Ну-съ, такъ не угодно-ли вамъ самому додуматься, гдѣ слѣдуетъ искать меня!..

Иванъ Петровичъ улыбнулся, потому что всѣмъ было извѣстно, что его нигдѣ никогда нельзя было найти, ибо при сотнѣ обязанностей, которыя онъ ис-

Digitized by Google

полнялъ, онъ старался быть вездѣ понемножку. Поэтому постороннему наблюдателю казалось, что вся его дѣятельность заключалась въ постоянныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Извозчики отъ него зарабатывали массу денегъ. Это подавало поводъ одному гласному, мѣстному остряку, когда въ думѣ разсматривали вопросъ о жалованьи членамъ управы, сострить: — Ивану Петровичу жалованья не надо, ему только разъѣздныя дайте!

Схвативъ шляпу и палочку, Черешковъ уже готовъ былъ удрать, но въ это время вошелъ письмоводитель и торжественно объявилъ:

— Иванъ Петровичъ! Его превосходительство господинъ Марципановъ требуетъ васъ къ себѣ.

— Какъ требуетъ? Съ какой стати требуетъ?

— Пришелъ чиновникъ изъ его канцеляріи. Говоритъ, немедленно!..

Иванъ Петровичъ пожалъ плечами.

— Вотъ новости! Что я, подъ его начальствомъ, что-ли, состою? Вотъ невѣжество!.. Да еще немедленно! А мнѣ надо немедленно въ три мѣста!.. Скажите пожалуйста!.. Я, кажется, на общественной службѣ состою, а не у него служу.

Иванъ Петровичъ кипятился. Лицо его выражало негодованіе. Письмоводитель, молодой человѣкъ съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ и — въ противоположность Сидору Карповичу — съ либеральной манерой въ обращеніи съ начальствомъ, явно показалъ, что эти соображенія до него не касаются. Онъ перебилъ Ивана Петровича на полусловѣ:

— Что-жъ сказать чиновнику?—И при этомъ слово „чиновникъ“ онъ произнесъ съ явнымъ презрѣніемъ.

— Попросите его сюда!

Письмоводитель вышелъ, и въ кабинетъ сейчасъ же вошелъ толстенькій господинъ съ темнымъ, обросшимъ лицомъ, въ мундирѣ съ золотыми пуговицами.

— А! прошу васъ!

Иванъ Петровичъ подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть.

Digitized by Google

— У васъ новые порядки?.. До сихъ поръ было принято «имѣть честь покорнѣйше просить», и притомъ письменно и заранѣе, а теперь—требуютъ, да еще немедленно!..

Иванъ Петровичъ произнесъ это съ извѣстной дозой сарказма, но уже значительно смягченнымъ тономъ. Чиновникъ развелъ руками.

— Что до меня, то я не болѣе какъ исполнительный органъ! — сказалъ онъ и очень пріятно улыбнулся.

— Но согласитесь, что это странный пріемъ! Если-бы я служилъ подъ начальствомъ его превосходительства,—другое дѣло; но вѣдь я на общественной службѣ, сами согласитесь!..

И это было произнесено уже съ явной мягкостью.

— Конечно, конечно!—подтвердилъ чиновникъ. — Да развѣ у насъ это въ разсчетъ принимается? У насъ... у насъ это въ разсчетъ не принимается... сами изволите знать... Но вѣдь я... я—только исполнительный органъ!

Подтвердивъ это вторично, чиновникъ поднялся и объявилъ, что онъ спѣшитъ.

— Что же вамъ угодно будетъ передать его превосходительству?

— Вы знаете, что передаютъ въ такихъ случаяхъ?.. Ничего съ, оставляютъ безъ вниманія!.. Только на вѣжливость отвѣчаютъ вѣжливостью.

— Слѣдовательно, я долженъ сказать...

— Скажите... Ну... Скажите, что я сейчасъ буду... Да-съ, вотъ это скажите!..

«Исполнительный органъ его превосходительства» сперва удивился нѣкоторой непослѣдовательности этого отвѣта, но потомъ какъ-бы нѣчто понялъ и сказалъ:— Хорошо-съ, я такъ и передамъ!..

— Мое почтеніе!

— Имѣю честь кланяться!...

«Исполнительный органъ» ушелъ. Къ Ивану Петровичу вдругъ возвратилась вся пылкость его харак-

Digitized by Google

тера.—Это чортъ знаетъ что такое! Немедленно, понимаете! Немедленно! Точно я у него служу. Однако, какъ вы думаете, Сидоръ Карповичъ, зачѣмъ бы это?

— Не понимаю!—кратко отвѣтилъ Выжмотскій, но въ голосѣ его было что-то зловѣщее. Уже одно то, что онъ не понималъ, не обѣщало ничего хорошаго. Конечно, въ природѣ попадались вещи, которыхъ Сидоръ Карповичъ дѣйствительно не понималъ. Напримѣръ, когда онъ заказывалъ столяру цѣлую партію шкафовъ для «школы прикладныхъ знаній», и городская касса платила за эти шкафы вдвое дороже, чѣмъ они стоили, онъ не понималъ, кто отъ этого страдаетъ. Городская касса? Но вѣдь она не чувствуетъ. Не плачетъ. Зато все, что касалось служебныхъ отношеній, Сидоръ Карповичъ видѣлъ насквозь и понималъ каждую тонкость. На этомъ онъ собаку съѣлъ, и не только съѣлъ, но и не поперхнулся ею. Двадцать лѣтъ онъ состоялъ на службѣ и получалъ чины. Сначала, начавъ съ очень маленькаго, ибо и грамотность его была невелика, онъ повиновался, а потомъ говорилъ одному: «уйди»—и тотъ уходилъ, а другому: «приходи»— и тотъ приходилъ. Достигнувъ чина статскаго совѣтника, онъ снискалъ такое большое довѣріе, что ему было поручено водворять порядокъ среди инородцевъ нѣкоего вновь присоединеннаго края. Какимъ образомъ оправдывалъ онъ довѣріе начальства на этомъ послѣднемъ поприщѣ, никто въ Прирѣченскѣ не зналъ; извѣстно только, что онъ вдругъ остался внѣ всякаго поприща, съ чиномъ статскаго совѣтника и безъ всякой надежды вновь получить потерянное довѣріе. Тогда-то онъ и пріѣхалъ въ Прирѣченскъ и, имѣя на плечахъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ, принялъ скромное званіе дѣлопроизводителя въ городской управѣ, по отдѣленію, которое носило слѣдующее нѣсколько странное названіе: «отдѣленіе по завѣдыванію учебной частью, а также выдѣлкой кирпича». Такое соединеніе столь разнородныхъ функцій, тѣмъ не менѣе, объяснялось очень просто. Собственно говоря, Черешковъ, какъ членъ упра-

Digitized by Google

вы, завѣдывалъ учебной частью, но такъ какъ онъ былъ невѣроятно дѣятельный и подвижной человѣкъ и притомъ не зналъ ни одного предмета, въ которомъ не считалъ бы себя хоть чуточку компетентнымъ, то всякое новое дѣло сваливалось въ его отдѣленіе. Выдѣлка кирпича на городской землѣ была открыта всего два года назадъ, и такъ какъ никто изъ членовъ управы не считалъ себя спеціалистомъ въ этой области, то и ее препроводили въ отдѣленіе Черешкова.

— Вы не понимаете, Сидоръ Карповичъ?—спросилъ Черешковъ съ замѣтной тревогой въ голосѣ.

— Нѣтъ, не понимаю... Только во всякомъ случаѣ...

— Ну?

— Хорошаго ничего не вижу!..

Иванъ Петровичъ разсмѣялся.

— Эхъ, вы! Статскій вы совѣтникъ! Вамъ все кажется, что вы среди инородцевъ порядокъ водворяете!.. Поймите-же вы, что я его не боюсь, потому что я на общественной службѣ, по выборамъ, понимаете вы, статскій совѣтникъ? а?

— Понимаю-съ! Ну, а все-таки... примѣры бывали разные. Вотъ хоть бы я. Казалось мнѣ, что я царемъ былъ въ землѣ инородческой, а между тѣмъ... Милости просимъ, безъ разговоровъ, и дѣлу конецъ.

— Ну, со мной-то этого никто не посмѣетъ продѣлать!

— Я не къ тому... Я такъ только вспомнилъ!..

— Да, да, конечно!.. Такъ я пойду къ нему, а оттуда уже прямо въ кирпичную,—сказалъ это Иванъ Петровичъ и вторично взялъ шляпу и палочку; казалось, все это онъ дѣлалъ совсѣмъ просто и спокойно, но глубоко проницающее око Сидора Карповича видѣло, что въ глубинѣ души Черешкова зудилъ червякъ.

«Нечего, братецъ, неустрашимаго изображать. Струсилъ, вижу, что струсилъ!»—разсуждалъ про себя Выжмотскій.—Иванъ Петровичъ вышелъ. Проходя черезъ канцелярію, гдѣ сидѣли за столиками помощникъ Си-

Digitized by Google

дора Карповича и два писца, онъ крикнулъ двумъ подрядчикамъ по ремонту учебныхъ зданій, чтобы они проваливали, что никакихъ переговоровъ онъ сегодня вести не можетъ.

Онъ вышелъ на улицу. День былъ чертовски жаркій. Солнце не довольствовалось тѣмъ, что само палило изо всѣхъ силъ, оно накаляло желѣзныя крыши и кирпичныя стѣны домовъ (въ Прирѣченскѣ дома строились изъ кирпича) и ихъ заставляло поддерживать нестерпимую температуру воздуха. Трехъ-этажное зданіе управы стояло почти надъ самой рѣкой, раздѣлявшей городъ на двѣ части, но это ничего не помогало, потому что и вода въ рѣкѣ была почти такъ же горяча, какъ и воздухъ. Иванъ Петровичъ шелъ по набережной. Желтая соломенная шляпа съ широкими полями вздрагивала на его головѣ, потому что его походка, какъ и состояніе духа, была тревожна.

Рѣшительно не могъ онъ понять, что́ могло вызвать такой, очевидно, сильный гнѣвъ, въ самомъ большомъ, хотя и штатскомъ, „генералѣ“ города Прирѣченска.

Вѣдь только недѣлю тому назадъ, когда Иванъ Петровичъ блестящимъ образомъ былъ выбранъ думой на новое четырехлѣтіе, Марципановъ поздравлялъ его, крѣпко жалъ руку и говорилъ даже, что такіе дѣятели, какъ Иванъ Петровичъ, могутъ служить украшеніемъ любого города и даже столицы. Да и вообще было замѣчено, что его превосходительство „генералъ“ Марципановъ явно благоволилъ къ Ивану Петровичу. Сообразно съ этимъ, и Иванъ Петровичъ въ лѣтнее время каждое утро посылалъ свѣжій букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ супругѣ Марципанова. Букетъ этотъ былъ городской, такъ какъ Иванъ Петровичъ ко всему прочему завѣдывалъ также и городскимъ садомъ, въ которомъ былъ цвѣтникъ. Рѣшительно не могъ понять Черешковъ, что́ могло послужить поводомъ къ немилости со стороны Марципанова. Онъ припоминалъ все, что случилось за послѣднія недѣли... Ну, тогда Марципановъ поздравлялъ

Digitized by Google

его,—прекрасно. Потомъ, проходя бульваромъ, раскланялся очень любезно; затѣмъ они встрѣтились въ клубѣ, онъ тамъ долго бесѣдовалъ съ нимъ, а прощаясь—жаловался на то, что передъ его квартирой мостовая совершенно испортилась, такъ что кататься въ экипажѣ нельзя, просилъ исправить, и въ заключеніе сообщилъ, что черезъ пять дней семейство его ѣдетъ въ Москву. Наконецъ, вчера они встрѣтились на улицѣ. Черешковъ ѣхалъ на извозчикѣ и снялъ шляпу, Марципановъ—въ коляскѣ, и послалъ ему воздушный поцѣлуй. Вѣдь это было вчера; что же могло случиться за 24 часа, такъ радикально измѣнившее отношеніе къ нему Марципанова?

Проникнутый пасквозь недоумѣніемъ, Иванъ Петровичъ прошелъ часть набережной; когда же онъ сталъ приближаться къ квартирѣ Марципанова, слухъ его былъ нѣсколько потревоженъ дружнымъ стукомъ дюжины добрыхъ молотковъ, разбивавшихъ скверный дикарь, которымъ были вымощены лучшія улицы города Прирѣченска, причемъ мостовщики съ особеннымъ усердіемъ старались, чтобы куски были поаккуратнѣе. «Это хорошо»,—подумалъ Иванъ Петровичъ:—«Марципановъ объ этомъ просилъ». Тутъ онъ паткнулся въ пару городовыхъ, стоявшихъ у входа. Городовые почтительно пропустили его и впопыхахъ сдѣлали ему даже подъ-козырекъ. Онъ поднялся наверхъ по длинной деревянной лѣстницѣ, застланной темно-малиновымъ ковромъ, и очутился въ передней. Обширная передняя, съ пустынными стѣнами, съ твердыми диванчиками у стѣнъ, съ шкафомъ, наполненнымъ старыми «дѣлами», и съ столикомъ для писца, была очевидно предназначена исключительно для пріема простой «просящей» публики. Теперь въ ней не было ни души, но едва только Иванъ Петровичъ успѣлъ оглядѣться по сторонамъ, какъ изъ внутренней двери (дверь эта, какъ хорошо было извѣстно Ивану Петровичу, вела въ кабинетъ самого Марципанова) вышелъ «исполнительный органъ его превосходительства» и сказалъ оффиціальнымъ тономъ:

Digitized by Google

— Его превосходительство сейчасъ выйдутъ!

— Вотъ какъ! Выйдутъ?—воскликнулъ Черешковъ; но «исполнительный органъ» даже усомъ не повелъ, какъ будто находилъ, что это въ порядкѣ вещей, и съ суровою скромностью сѣлъ за столикъ. Это было новое оскорбленіе для Ивана Петровича и, конечно, еще болѣе горькое, чѣмъ первое. Обыкновенно Марципановъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ посѣтителей принималъ въ своемъ кабинетѣ, а его, Черешкова, который могъ служить «украшеніемъ любого города и даже столицы», не разъ принималъ въ гостиной. И вдругъ теперь его заставляютъ дожидаться въ какой-то передней съ диванчиками для «просящей» публики. И даже этотъ самый «исполнительный органъ», который такъ почтительно говорилъ съ нимъ утромъ, повидимому проникся настроеніемъ своего начальства и, смѣясь, смотрѣлъ на него исподлобья. Но что всего хуже, такъ это то, что для всего этого не было никакой причины, а слѣдовательно были невидимыя, что гораздо хуже.

Послышались твердые и въ то же время ускоренные шаги, сопровождаемые легкимъ скрипомъ. «Исполнительный органъ» быстро поднялся и вытянулся. Дверь распахнулась,—вошелъ, ступилъ три шага и точно по командѣ остановился Марципановъ. Онъ былъ въ парадной формѣ, несмотря на жару, и застегнутъ на всѣ пуговицы. Его тяжеловѣсная, невысокая, но плотная и плечистая фигура пріобрѣтала видъ торжественности отъ массивной золотой расшивки, составлявшей принадлежность его формы. Это обстоятельство въ жаркіе лѣтніе дни дѣлало Марципанова жертвой его мундира. Лицо у него было совсѣмъ мирнаго характера, хотя онъ и старался придать ему обще-генеральскій типъ, выбривая подбородокъ и оставляя маленькія бакенчики,—большія не росли,—тѣмъ не менѣе, ему никакъ не удавалось прогнать съ этого лица выраженіе какого-то комическаго добродушія, свойственнаго людямъ, одареннымъ гораздо больше мягкимъ сердцемъ, чѣмъ проницательнымъ умомъ.

Digitized by Google

Безчисленныя тончайшія морщинки, окружающія его маленькіе глазки, казались потѣшными въ то время, когда онъ гнѣвался. И гнѣвался-то онъ какъ-то не по-настоящему, а словно по должности самаго большого человѣка въ городѣ Прирѣченскѣ.

Бывали случаи, что онъ кричалъ и размахивалъ руками и вообще старался изобразить разъяреннаго льва, но лицо его никакъ не могло разстаться со своимъ обычнымъ выраженіемъ самаго добродушнаго существа.

Иванъ Петровичъ, еще недостаточно увѣренный въ томъ, что это—настоящій гнѣвъ, началъ съ того, что улыбнулся съ необычайной для всѣхъ другихъ и обычной для него пріятностью.

— Чѣмъ могу служить вамъ, ваше превосходительство?—сказалъ онъ на всякій случай.

— Рѣшительно ничѣмъ, милостивый государь!—громко отрѣзалъ ему Марцинановъ и при этомъ свирѣпо поигралъ глазами.

«Ну, теперь ужъ безповоротно; ужъ ежели пошло на милостиваго государя, такъ, значитъ, дѣло серьезное!»—подумалъ Черешковъ. Марцинановъ обыкновенно называлъ его Иваномъ Петровичемъ, а когда Черешковъ, мѣсяца четыре тому назадъ, получилъ дѣйствительнаго статскаго, то онъ цѣлый мѣсяцъ называлъ его—«ваше превосходительство».

— Въ такомъ случаѣ...

Тутъ на Ивана Петровича вдругъ напалъ бѣсъ, и ему захотѣлось сказать одну изъ тѣхъ невинныхъ колкостей, какія онъ вообще былъ мастеръ говорить.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—меня, вѣроятно, по ошибкѣ оторвали отъ дѣла, и мнѣ остается только откланяться вашему превосходительству.

И онъ дѣйствительно поклонился и сдѣлалъ уже полъ-оборота къ дверямъ.

— Постойте!—громоносно крикнулъ Марцинановъ:—смѣяться надо мной я не позволю! Приглашаю васъ, милостивый государь, выслушать меня!..

Digitized by Google

— Всегда готовъ съ особеннымъ удовольствіемъ!..

— Это мнѣ все равно! Вамъ извѣстно, съ какою благосклонностью я всегда относился къ городскому управленію. Вамъ извѣстно это лучше, чѣмъ кому-бы-то ни было, милостивый государь! Я споспѣшествовалъ ему во всѣхъ его добрыхъ начинаніяхъ, и даже—хотя сознаюсь, что это было очень дурно—сквозь пальцы смотрѣлъ на нѣкоторые его грѣшки... Да-съ! я держался принципа, что намъ слѣдуетъ жить въ мирѣ и поддерживать другъ друга. Но, милостивый государь, ни для какого принципа я не желаю, не могу, не имѣю права жертвовать престижемъ... понимаете?... который для меня выше и важнѣе всего-съ! Да-съ! И заявляю вамъ прямо, что не потерплю никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ подкапываній. Понимаете?.. Заявляю вамъ прямо объ этомъ, милостивый государь, и прошу на будущее время принять къ свѣдѣнію! Да-съ!..

Иванъ Петровичъ слушалъ съ величайшимъ напряженіемъ, стараясь постигнуть причину такого жестокаго гнѣва, но ничего не могъ постигнуть. Когда же Марципановъ въ концѣ рѣчи дошелъ до «подкапыванія», Иванъ Петровичъ чуть-было не ахнулъ. У него такъ и рвалось наружу сказать: «мы-то, мы подкапываемся! Господи Боже мой! Да какой же вамъ еще покорности надобно? Ужъ, кажется, кирпичины безъ вашего «не встрѣчаю препятствій» не сдѣлаемъ! Господи Боже мой!» Но онъ воздержался и вмѣсто этого сказалъ, насколько могъ, почтительно:

— Не будете-ли, ваше превосходительство, такъ добры, объяснить мнѣ, въ чемъ заключается наша вина?

— Объяснить вамъ? Вамъ неясно! Удивляюсь!.. Удивляюсь, милостивый государь, до чего доходитъ безпечность или злонамѣренность, я не знаю, что это!.. Я не понимаю!.. Я затрудняюсь! Господинъ Волхонскій! откройте окно!

«Исполнительный органъ» подбѣжалъ къ окну и распахнулъ его. Иванъ Петровичъ думалъ, что сдѣлано

Digitized by Google

это для освѣженія его превосходительства, которому, какъ это часто бываетъ, дѣлалось жарко прежде, чѣмъ тому, кого онъ распекалъ. Но оказалось, что тутъ имѣлась въ виду другая цѣль.

— Не угодно ли вамъ, милостивый государь, послушать и взглянуть!—сказалъ Марципановъ, не двигаясь съ мѣста и указывая Ивану Петровичу глазами на раскрытое окно. Едва только раскрылось окно, какъ комната наполнилась оглушительнымъ стукомъ молотовъ, разбивавшихъ камень. Двѣнадцать дюжихъ молодцовъ производили эту работу подъ самыми окнами Марципанова.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ окну и внимательно посмотрѣлъ внизъ.

— Я вижу только одно, что здѣсь дѣятельно исполняется желаніе вашего превосходительства!—сказалъ онъ:—вы изволили просить исправить мостовую.

— Милостивый государь! Я не просилъ васъ лишать мое семейство возможности спать по утрамъ и открывать окна для того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ.

— Но нельзя безъ стука, ваше превосходительство.

— Но вамъ извѣстно, что мое семейство черезъ три дня уѣзжаетъ въ Москву.

Тутъ Иванъ Петровичъ понялъ, что дѣйствительно сдѣлалъ ошибку. Отъѣзжающему въ Москву семейству исправная мостовая, во всякомъ случаѣ, не къ спѣху. Слѣдовало подождать, непремѣнно слѣдовало. Но развѣ все взвѣсишь и сообразишь, когда въ головѣ винигретъ изъ школьныхъ наукъ, кирпичей, цвѣтовъ, мусульманскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній и еще очень многаго другого! Вѣдь вотъ судьба: онъ думалъ, что дѣлаетъ высокое удовольствіе его превосходительству, а вышло чортъ знаетъ что такое!

— Однако жъ, ваше превосходительство, вы не можете думать, что это сдѣлано съ злымъ намѣреніемъ.

— Конечно, съ добрымъ!—сказалъ рѣзко Марципановъ и саркастически разсмѣялся. — Я очень хорошо освѣдомленъ обо всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ вашихъ и

Digitized by Google

всего этого такъ называемаго муниципальнаго управленія, милостивый государь. Я смотрѣлъ снисходительно, да-съ! Но когда дѣло дошло до явныхъ подкапываній, я болѣе не потерплю!.. Прошу васъ принять это къ свѣдѣнію!..

Сказавъ это, Марципановъ круто повернулся и ушелъ въ ту дверь, черезъ которую пришелъ.

Иванъ Петровичъ постоялъ съ полъ-минуты, развелъ руками и вышелъ. Очутившись на набережной, онъ распорядился моментально пріостановить работу. Затѣмъ онъ пошелъ въ управу и сталъ въ сильной ажитаціи ходить по своему кабинету. Вошелъ Сидоръ Карповичъ и, робко остановившись у порога, молча ждалъ, что Черешковъ самъ дастъ ему объясненія. Но Черешковъ молчалъ, а пройдясь разъ десять, вдругъ остановился передъ нимъ и сказалъ:

— Отстаньте вы отъ меня, пожалуйста!

— Ваше превосходительство, значитъ, въ кирпичную комиссію не поѣдете?

Иванъ Петровичъ промолчалъ. Сидоръ Карповичъ хотѣлъ непремѣнно вызвать его на объясненіе.

— А какъ же мусульманская мечеть, ваше превосходительство?

— Уб-ир-айтесь вы къ чорту съ вашими кирпичами и съ мечетью, со всѣми этими вашими городскими дѣлами!—вдругъ крикнулъ на него Иванъ Петровичъ и даже показалъ кулакъ.

Сидоръ Карповичъ подумалъ: «дѣло дрянь!» — и благоразумно вышелъ изъ кабинета.

II.

Въ тотъ день, когда произошло вышеописанное событіе, въ жизни города Прирѣченска имѣли мѣсто три упущенія: кирпичная комиссія засѣдала безъ Черешкова, въ «школѣ прикладныхъ знаній» экзаменъ прошелъ безъ него, и, наконецъ, безъ Ивана Петровича прирѣчинскіе поклонники Магомета заложили фундаментъ сво-

Digitized by Google

его новаго храма. Впрочемъ, существеннаго вліянія на послѣдующія событія это не имѣло.

Но въ тотъ же день, не успѣло еще зайти солнце, какъ обыватели Прирѣченска знали въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ всю исторію, происшедшую въ пріемной Марципанова. Первоначальнымъ источникомъ этого свѣдѣнія былъ «исполнительный органъ его превосходительства»; въ этотъ день онъ встрѣтилъ на улицѣ и въ разныхъ мѣстахъ душъ съ сотню знакомыхъ, каждаго останавливалъ и обязательно говорилъ:

— Вы не слыхали?

— А что?—спрашивалъ обыватель.

— Сегодня была исторія; его превосходительство отдѣлалъ Черешкова, да какъ отдѣлалъ!.. «Я, говоритъ, до васъ доберусь! Это, говоритъ, ваше самоуправленіе, его давно слѣдуетъ похѣрить; да-съ, милостивый государь, говоритъ». То-есть такъ отдѣлалъ, что лучше не надо. И знаете, такъ имъ и слѣдуетъ!.. Ей-Богу!..

Такимъ образомъ сотня знакомыхъ «исполнительнаго органа» и нѣсколько сотенъ знакомыхъ этой сотни смотрѣли на дѣло такъ, что Марципановъ почти что выгналъ въ шею Черешкова и обѣщалъ похѣрить самоуправленіе всѣхъ россійскихъ городовъ. Часовъ въ десять вечера на бульварѣ говорили, что онъ уже продѣлалъ эту операцію, и что самоуправленія больше не существуетъ. При этомъ каждый считалъ своею обязанностью прибавить: «Такъ имъ и надо!» Впрочемъ, обыватели Прирѣченска вообще и по всѣмъ статьямъ были того мнѣнія, что молъ такъ и надо. Другимъ непосредственнымъ источникомъ былъ самъ Черешковъ. Придя отъ Марципанова въ управу и прогнавъ любопытствовавшаго Сидора Карповича, онъ съ четверть часа ходилъ по кабинету въ страшной ажитаціи. Первой мыслью его было немедленно созвать управу, составить постановленіе протестующаго характера, затѣмъ собрать думу и предложить ей подать жалобу въ узаконенномъ порядкѣ. «Какъ онъ смѣлъ, чортъ возьми, такъ со мной разговаривать?! Во-первыхъ,

Digitized by Google

я—столбовой дворянинъ; во-вторыхъ—я выборное лицо; въ-третьихъ—я дѣйствительный статскій совѣтникъ; наконецъ, въ-четвертыхъ—я былъ предводителемъ»...

Но тутъ онъ внезапно прекратилъ теченіе своихъ мыслей. Онъ что-то вспомнилъ, нахмурилъ брови и даже слегка порычалъ, вродѣ того, какъ рычитъ собака, когда собирается лаять. Онъ подошелъ къ стоявшему на окнѣ графину, налилъ въ стаканъ воды и выпилъ нѣсколько глотковъ. «Это хорошо, подумалъ онъ, что Сидоръ Карповичъ кладетъ въ графинъ ледъ. Вотъ меня охладило, и я свое благоразуміе обратно получилъ!» Получивъ обратно свое благоразуміе, Иванъ Петровичъ сію же минуту припомнилъ, что въ тотъ моментъ вся-то управа состояла изъ Марьюшкина, который ничего знать не хотѣлъ, кромѣ своихъ базаровъ и сигары, вѣчно торчавшей у него во рту,—и самого Черешкова, который завѣдывалъ всѣми остальными частями. Въ самомъ дѣлѣ, голова, настоящій прирѣченскій голова, Ѳедоръ Ивановичъ Азорьянцевъ, по случаю жаркаго времени, уѣхалъ въ свое имѣніе, въ сорока верстахъ отъ Прирѣченска. Уѣзжая, онъ сдалъ свою должность Ивану Петровичу. Членъ, завѣдывавшій городскими постройками и войсковыми дѣлами, уѣхалъ въ сосѣдній губернскій городъ, гдѣ были скачки, а на этихъ скачкахъ выступалъ его собственный жеребецъ «Огонь», которымъ онъ гордился. Впрочемъ, Антонъ Лукичъ Дудыченко—такъ звали этого господина—былъ такъ старъ и болтливъ, что отъ него мало было толку. Наконецъ, Эдуардъ Клише, родомъ французъ, имѣвшій французскій желудокъ, но до страсти любившій русскій борщъ, просто объявилъ, что отъ соединенія такихъ противоположныхъ данныхъ у него желудокъ пересталъ варить. Онъ пилъ воды и предавался моціону. Такимъ образомъ, въ виду равнодушія ко всему на свѣтѣ Марьюшкина, управу составлялъ одинъ Иванъ Петровичъ. Созвать же думу въ лѣтнее время можно было развѣ затрезвонивъ разомъ на всѣхъ городскихъ колокольняхъ и выпаливъ

Digitized by Google

изъ тысячи пушекъ... Да и на что жаловаться? Оскорбленіе, нанесенное ему, а слѣдовательно, какъ онъ полагалъ, и всему городскому управленію, было тонкаго свойства и, такъ сказать, оффиціально неопредѣлимо. Его нельзя формулировать. «Обидѣвшись, по причинѣ стука, естественно происходившаго при ударахъ молотовъ о дикарь, генералъ Марципановъ позволилъ себѣ, въ противность обычаямъ вѣжливости»... Но нѣтъ, не то... Можно-ли безпокоить высшія власти по поводу неисполненія правилъ вѣжливости? Для этого существуютъ мировые судьи... «При этомъ позволилъ себѣ нѣкоторые оскорбительные отзывы о самоуправленіи, милостиво дарованномъ городамъ Россійской имперіи»... А это даже на доносъ похоже. И по здравомъ размышленіи, Иванъ Петровичъ разсудилъ, что для жалобы нѣтъ объекта, сколько-нибудь увѣсистаго. Но главное... Господи ты Боже мой! Какъ все это случилось? Какъ онъ, Черешковъ, могъ выпустить изъ виду такое важное обстоятельство, какъ проникновеніе назойливаго стука сквозь окна въ спальню ея превосходительства, да еще въ утренніе часы, когда всѣмъ снятся самые сладкіе сны? Онъ, Черешковъ, который... Э, да что?!.. Надо говорить по чистой совѣсти. Вѣдь въ сущности всѣ его сладкія надежды покоились на Марципановѣ. Общественная служба по выборамъ — это хорошая штука, когда нѣтъ ничего лучшаго (четыре тысячи вмѣстѣ съ разъѣздными); но дѣло это такое: сегодня ты излюбленный человѣкъ, а завтра — пошелъ вонъ! Посредствомъ же Марципанова Черешковъ могъ со временемъ недурно устроиться по администраціи. Ахъ, хорошо получить губернаторскій постъ, хотя бы въ самой худой губерніи! И вѣдь вотъ судьба: этотъ постъ улыбался ему дважды, тогда и теперь. Тогда онъ увлекся, а теперь пустяковъ не сообразилъ...

Тогда,—это было лѣтъ пятнадцать назадъ, — Иванъ Петровичъ Черешковъ дѣйствительно былъ предводителемъ, правда уѣзднымъ, но и изъ этого скромнаго уголка ему, или по крайней мѣрѣ его воображенію, былъ ви-

Digitized by Google

день широкій горизонтъ. Въ одной обширной губерніи, вольготно размѣстившейся на сѣверѣ Россіи, у него было громадное болото, не приносившее ему никакого дохода; но такъ какъ онъ твердо рѣшилъ въ очень недалекомъ будущемъ, а именно когда получитъ наслѣдство отъ имѣющей умереть тетки, осушить это болото, то его называли «человѣкомъ будущаго». Человѣкъ будущаго, однако, жилъ красиво, усадьба его была чѣмъ-то вродѣ заѣзжаго двора для сосѣдей, которыхъ онъ и кормилъ, и поилъ. Никому и въ голову не приходило спросить, откуда у Черешкова брались средства на эту безпрерывную закуску. Дѣло же было очень просто. Черешковъ проживалъ свой московскій домъ, доставшійся ему отъ другой тетки. Хорошій былъ домъ, но и Черешковъ жилъ недурно. За это его выбрали предводителемъ, а онъ уже самъ отъ себя мѣтилъ въ губернаторы. И мѣтилъ онъ не зря, а съ основаніемъ. Въ Петербургѣ у него была рука, и эта рука отъ времени до времени указывала на него кому слѣдуетъ пальцемъ — его и памятовали. Былъ онъ уже статскій совѣтникъ, но это пустяки, потому что вѣдь и Сидоръ Карповичъ дошелъ до статскаго совѣтника, да толку отъ этого было мало. Главное-то не въ этомъ, а въ томъ, что ему *обѣщали* и, можно сказать, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ. И въ это самое время съ нимъ произошла тогда катастрофа, да такая удивительная, что тѣ, кто потомъ слышалъ о ней, глядя на Черешкова, не хотѣли вѣрить. А между тѣмъ она дѣйствительно произошла, это Иванъ Петровичъ живо чувствовалъ на своей особѣ.

Въ той губерніи зародился, развился и потомъ сталъ всей Россіи извѣстенъ нѣкій самородокъ — Антонъ Бутузовъ. Вышелъ онъ изъ крестьянскаго званія, народную школу прошелъ и, имѣя любознательную страсть къ чтенію, множество всякаго рода книжекъ проглотилъ. Неизвѣстно, въ книжкахъ-ли онъ такое искусство почерпнулъ, или въ головѣ у него была врожденная идея, только въ скорости онъ выступилъ въ губерніи по вин-

Digitized by Google

ной части, а лѣтъ черезъ пятнадцать, т. е. къ тому времени, о которомъ рѣчь идетъ, ужъ онъ имѣлъ кабаки по всей губерніи и считался по количеству земли первымъ помѣщикомъ. Купилъ онъ собственно небольшой кусокъ плохенькой земли, а тамъ ужъ земля со всѣхъ сторонъ стала сама собой прирастать къ этому куску. Растетъ себѣ да растетъ; помѣщичья-ли, мужичья-ли полоска, Антону Бутузову все равно,—лишь бы приращеніе было. Про него говорили: «онъ умѣетъ! знаетъ дѣло человѣкъ! талантъ имѣетъ!» И дѣйствительно, это былъ какой-то особенный талантъ пріумноженія. Добро всякаго рода такъ и плыло въ его руки. Въ мѣстномъ обществѣ онъ игралъ выдающуюся роль. Умный, проницательный, начитавшійся умныхъ книжекъ и сумѣвшій изъ нихъ вытянуть то, что наиболѣе ему было пригодно, а главное обладавшій даромъ какого-то своеобразнаго краснорѣчія, грубаго, но мощнаго и сильнаго, онъ съ своей гигантской фигурой, въ длинномъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ, въ пушистой бобровой шапкѣ,—настоящій русскій богатырь,—очаровывалъ каждаго и потомъ уже не выпускалъ изъ цѣпей своего обаянія. При этомъ, какъ человѣкъ, который «знаетъ дѣло», онъ умѣлъ у каждаго взять то, что ему было надо.

Есть такіе люди, для которыхъ каждый, кто съ ними сталкивается, чѣмъ-нибудь жертвуетъ, и притомъ охотно и незамѣтно, а они, въ качествѣ урожденныхъ счастливцевъ, берутъ эти жертвы, какъ должное. Всѣ жертвовали маленькими услугами Антону Бутузову, и Иванъ Петровичъ съ своей стороны былъ также вполнѣ готовъ принести эту жертву, и даже не маленькую; если же получилось при этомъ нѣчто неожиданное, то виноватъ въ этомъ не онъ, а судьба, которая сыграла съ нимъ штуку. Впрочемъ, это вышло какъ-то нечаянно. Бутузовскіе сосѣди-крестьяне задолжали ему, а Бутузовъ—ничего, терпѣлъ; крестьяне, видя его снисходительность, еще задолжали. Бутузовъ и это попустилъ; тогда сосѣди такъ разлакомились, что и въ третій разъ пришли; Бутузовъ и

Digitized by Google

въ третій далъ. И давалъ онъ суммы немалыя, потому что сосѣдей этихъ было цѣлое село, человѣкъ триста. Наконецъ, онъ нашелъ, что довольно, и вдругъ потребовалъ все разомъ. А мужики только что собирались просить у него въ четвертый. Разлакомились. Бутузовъ сталъ на почву закона и простеръ руку на мужицкую землю, но должники на этотъ разъ оказались смѣлые и подняли чуть не бунтъ; прогнали бутузовскихъ приказчиковъ, а когда самъ Бутузовъ пріѣхалъ—чуть не помяли его. Гвалтъ стоялъ надъ селомъ, мужики разсвирѣпѣли, ничего не хотѣли слушать. Тогда Бутузовъ написалъ предводителю, онъ же былъ главное начальство по крестьянскимъ дѣламъ; длинное посланіе Бутузова было малограмотно, но это не мѣшало ему быть убѣдительнымъ и какъ будто исполненнымъ государственной мудрости; по его словамъ выходило, что если не принять рѣшительныхъ мѣръ—завтра подымется весь городъ, послѣ-завтра—губернія, а тамъ... тамъ и вся Россія. Такимъ образомъ, необходимо было пресѣчь зло въ корнѣ, и главное—наказать зачинщиковъ и агитаторовъ, которыхъ Бутузовъ изображалъ настоящими разбойниками. Тутъ у Ивана Петровича волосы стали дыбомъ, и онъ почувствовалъ въ груди своей призваніе спасти отечество. Маленькимъ людямъ кажутся необычайно великими всякаго рода событія, происходящія у нихъ подъ носомъ. Иванъ Петровичъ, само собой, имѣлъ при этомъ въ виду, что «рука» на сей разъ особенно явственно укажетъ на него кому слѣдуетъ, а «кто слѣдуетъ» обратитъ вниманіе на его предусмотрительность и энергію и, наконецъ, ему дадутъ то, что обѣщали. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что домъ въ Москвѣ все больше и больше дѣлался сомнительнымъ источникомъ дохода, и всѣ рессурсы подходили къ концу. Впрочемъ, приступая къ дѣлу, т. е. требуя по телеграфу изъ губерніи помощи и мчась въ нарочно присланной Бутузовымъ коляскѣ на мѣсто дѣйствія, Иванъ Петровичъ не вѣдалъ еще, что собственно онъ предприметъ; Бутузова онъ никогда и въ глаза не видалъ, но

Digitized by Google

слухами о его подвигахъ и вліяніи была полна губернія; когда же онъ пріѣхалъ на мѣсто и бутузовскіе должники, узнавъ, что онъ тоже «бутузовскій», встрѣтили его не особенно вѣжливо; онъ ощутилъ въ груди свирѣпость,— и тутъ-то произошла катастрофа. Въ галдѣвшей толпѣ расхаживалъ, размахивая руками, какой-то дѣтина, свирѣпо поводившій глазами и показывавшій всѣмъ кулаки. Иванъ Петровичъ рѣшилъ, что это и есть агитаторъ и зачинщикъ, и скомандовалъ: «драть, безъ снисхожденія». До того онъ былъ взволнованъ, что и не замѣтилъ весьма страннаго обстоятельства, а именно: мужики, безъ малѣйшаго протеста, схватили дѣтину, сняли съ него все, что требовалось для дѣла, и приняпись драть. Напрасно жертва протестовала всѣми бывшими въ ея распоряженіи способами, напрасно она кричала, что это недоразумѣніе, умоляла, потомъ показывала кулаки, проклинала, грозила. Иванъ Петровичъ, рѣшившійся пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, былъ глухъ и нѣмъ. Но вотъ экзекуція кончилась, дѣтина всталъ, привелъ себя въ порядокъ и, подойдя къ Ивану Петровичу, сказалъ какимъ-то лаявшимъ отъ бѣшенства голосомъ:

— А вотъ я тебѣ, такой-сякой, покажу, какъ сѣчь Бутузова!

— Бутузова?!..

Иванъ Петровичъ обомлѣлъ и остолбенѣлъ. Такъ это Бутузовъ! Онъ высѣкъ Бутузова?! Онъ, который жаждалъ оказать услугу ему и вмѣстѣ отечеству, нанесъ ему такое страшное оскорбленіе, принявъ его за агитатора? Господи ты, Боже мой! Да что же это такое? Что дѣлаетъ съ нимъ судьба? и что теперь будетъ?

Это былъ моментъ, можетъ быть единственный моментъ въ жизни Ивана Петровича, когда разсудокъ его помрачился и сердце ожесточилось. Ясное дѣло, что мужики подвели его. Вѣдь онъ ѣхалъ сюда съ цѣлью показать, кому слѣдуетъ, свою распорядительность и непоколебимость,—качества, уже сами по себѣ способныя

Digitized by Google

выдвинуть его впередъ! И вдругъ высѣкъ Бутузова, человѣка, который можетъ сдѣлать все...

Не прошло и недѣли, какъ послѣдовало распоряженіе: отъ должности предводителя его удалить. Пересолилъ. Но это бы еще куда ни шло. Жизнь велика и будущее въ его власти. Такіе-ли еще грѣхи забывались и прощались? Не нужно отчаяваться. Между тѣмъ домъ въ Москвѣ къ этому времени совсѣмъ прикончился, и Иванъ Петровичъ сѣлъ на своемъ болотѣ съ выпученными отъ изумленія и отчаянія глазами, безъ всякой надежды въ будущемъ. «Рука», однако, и тутъ позаботилась о немъ. Въ далекомъ, но тѣмъ не менѣе славномъ городѣ Прирѣченскѣ, въ то время блисталъ своими подвигами нѣкій Астровъ, получившій въ тѣхъ мѣстахъ прозваніе «веселаго генерала». Онъ дѣйствительно былъ человѣкъ веселый, любилъ попѣть, поплясать, штуку выкинуть, стихи даже писалъ, но въ то же время и своей канцеляріей правилъ. Ему Иванъ Петровичъ былъ рекомендованъ, и онъ сейчасъ же выписалъ къ себѣ Черешкова, назначилъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій и сказалъ ему, при этомъ лукаво подмигивая: «только про Бутузова никому не разсказывайте». Иванъ Петровичъ охотно взялъ этотъ постъ, черезъ мѣсяцъ сошелся съ Астровымъ и сдѣлался въ его домѣ своимъ человѣкомъ; черезъ годъ же онъ былъ принятъ во всѣхъ мѣстныхъ большихъ «домахъ», какіе, разумѣется, оказались въ наличности, и тоже всѣмъ пришелся по вкусу. А тутъ какъ разъ случилось, что въ мѣстномъ еще очень юномъ муниципалитетѣ, про который веселый генералъ острилъ, что «у него еще на губахъ молоко не обсохло», освободилось мѣсто старшаго члена управы. Астровъ подмигнулъ кому слѣдуетъ; Иванъ Петровичъ нанесъ всему составу думы спеціальные визиты; гласные не хотѣли огорчать ни «веселаго генерала», ни Ивана Петровича и выбрали тутъ же единогласно. Вскорѣ послѣ этого «веселый генералъ» покинулъ свой постъ для болѣе

Digitized by Google

широкаго поприща, а на его мѣсто прибылъ Марципановъ. Какъ это ни странно, а съ этого момента въ сердцѣ Ивана Петровича возродилась надежда получить то, что ему обѣщали и что такъ предательски уплыло изъ-подъ самаго его носа. Членъ управы въ такомъ городѣ, какъ Прирѣченскъ — лицо важное. За время, что онъ находился въ бездѣйствіи (сюда онъ включалъ и горестное состояніе въ званіи чиновника особыхъ порученій), грѣхъ его мало-по-малу стерся въ книгѣ живота, и теперь можно было заполнить чистую страницу новыми подвигами. Оставаться вѣчно на общественной службѣ нѣтъ разсчета. Какое тутъ движеніе? Развѣ въ головы изберутъ? Но, во-первыхъ, его тщеславіе такимъ положеніемъ не удовольствовалось бы. А во-вторыхъ, не изберутъ, ни за что не изберутъ. Поэтому Иванъ Петровичъ билъ въ двѣ точки: первое— обнаруживалъ необычайную дѣятельность, куска не доѣдалъ, ночей не досыпалъ, и все для пользы общественной; а второе — старался угодить Марципанову, справедливо полагая, что судьба его — въ Марципановскихъ рукахъ. Это не стоило ему большихъ хлопотъ. Букеты были городскіе, а съ другой стороны Иванъ Петровичъ былъ обворожительно милъ въ обращеніи и хорошо владѣлъ иностранными языками. Послѣднее обстоятельство ставило его высоко въ глазахъ госпожи Марципановой. Но главное, супругъ ея, самъ Марципановъ, питалъ къ нему какое-то инстинктивное влеченіе. Онъ и самъ не понималъ, почему это. Было-ли это таинственное вліяніе «руки», или такъ пришлась ему по вкусу рѣшительность, какую Иванъ Петровичъ проявилъ въ бутузовской исторіи, — неизвѣстно. Но въ какія-нибудь пять лѣтъ онъ успѣлъ представить Черешкова и къ ордену, и къ чину дѣйствительнаго статскаго, тогда какъ остальные члены управы сидѣли безъ движенія на своихъ коллежскихъ, полученныхъ на прежнихъ должностяхъ, когда они состояли на коронной службѣ. Иванъ

Digitized by Google

Петровичъ видѣлъ это и со дня на день ждалъ, что вотъ-вотъ его призовутъ...

И вдругъ...

Да, чортъ возьми! Его «призвали», только иначе, чѣмъ онъ ожидалъ. Неужели же опять уплыло изъ-подъ самаго его носа? И какъ это онъ, въ самомъ дѣлѣ, не сообразилъ, что гораздо лучше было подождать три дня, когда супруга Марципанова уѣдетъ въ Москву! Но, однако, изъ-за такого пустяка... Чортъ знаетъ!.. Какая масса энергіи и самоотверженія погибла!..

Несмотря на дурное настроеніе духа, вечеромъ онъ пошелъ все-таки въ клубъ. Клубъ этотъ назывался «Англійскимъ», хотя въ немъ преобладало русское развлеченіе — винтъ. Иванъ Петровичъ, однако, въ карты не игралъ, а заходилъ сюда изрѣдка для того, чтобы встрѣтиться съ какимъ-нибудь человѣкомъ, понадобившимся ему для общественнаго дѣла. На этотъ разъ его интересовалъ вопросъ, что говорятъ въ городѣ. Едва онъ вошелъ въ клубъ, какъ игроки, между которыми немало было гласныхъ думы, побросали карты и обступили его. Всѣ были болѣе или менѣе освѣдомлены со стороны «исполнительнаго органа»; поэтому первые вопросы, которыми забросали Ивана Петровича, касались уничтоженія муниципальныхъ вольностей и привилегій.

— Правда-ли? Да неужели? Можетъ-ли это быть?

Иванъ Петровичъ принялъ видъ человѣка, несказанно удивленнаго этими вопросами.

— Что вы, что вы, господа? Съ чего это вы? Ничего подобнаго не было! Просто... Ну... разумѣется, ему было непріятно... Онъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, по... само собою, въ чрезвычайно деликатной формѣ.

— А этого... насчетъ того, чтобы похѣрить?.. А?..

— Помилуйте! Да неужели я позволилъ бы такъ со мной разговаривать? Да никогда!

Тутъ Иванъ Петровичъ подумалъ и прибавилъ:— Сначала онъ дѣйствительно имѣлъ этакій тонъ, понимаете, начальственный. То да то, знаете... Но я его этакъ

Digitized by Google

деликатно и тонко... я, знаете, умѣю это... Деликатно и тонко оборвалъ:—Я, говорю, ваше превосходительство, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, съ удовольствіемъ выслушиваю дѣлаемое вами внушеніе, но какъ лицо, выбранное думой, могу выслушивать только предложенія и совѣты... И что вы думаете? Сейчасъ смягчился!..

— Браво! Вотъ это браво! Ай да Иванъ Петровичъ! Очень ловко сказалъ! Оборотъ, оборотъ какой! Я, говоритъ, какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ... ха, ха, ха... Отлично! Но какъ лицо, выбранное думой... Прекрасно... Прекрасно... Превосходно!..

Ивану Петровичу пожимали руки и поздравляли его. Въ особенности были довольны гласные. Что же касается Ивана Петровича, то, начиная сообщать это свѣдѣніе, онъ не зналъ, что закончитъ его именно такъ, какъ закончилъ; но развѣ можно требовать отъ человѣка, чтобы онъ предвидѣлъ каждый свой шагъ? Такой оборотъ подвернулся,—вотъ и все. Когда же онъ увидѣлъ, что это произвело хорошее впечатлѣніе, онъ похвалилъ себя за удачную редакцію и уже считалъ своимъ долгомъ поддерживать свою легенду. Впрочемъ, онъ сидѣлъ въ клубѣ не больше часу. По обыкновенію, его ждали неотложныя, спѣшныя, экстренно-срочныя дѣла.

Когда Иванъ Петровичъ вышелъ изъ клуба и направился къ своей квартирѣ, дѣйствительность опять встала передъ нимъ во всей своей наготѣ, и въ воображеніи его, при тусклomъ свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, ясно нарисовалась картина, какъ «нѣчто» обѣщанное и желанное вторично уплывало изъ-подъ самаго его носа. «Нѣтъ, это надо поправить во что бы то ни стало!» — сказалъ онъ себѣ съ необычайною твердостью и рѣшилъ завтра же отправиться къ Марципанову и принести повинную.

III.

На другой день Иванъ Петровичъ проснулся, по обыкновенію, рано, въ семь часовъ. Онъ обладалъ драгоцѣн-

Digitized by Google

ной способностью всегда хорошо спать. Что бы ни случилось, въ какую бы передѣлку ни попалъ онъ, благодѣтельный сонъ приходилъ къ нему въ обычное время, развѣ съ маленькимъ запозданіемъ,—возвращалъ ему силы, освѣжалъ голову. Даже въ ту знаменитую ночь, которая слѣдовала за роковымъ днемъ, когда, вмѣсто желаннаго назначенія, онъ получилъ головомойку, даже и въ ту ночь онъ спалъ такъ же хорошо, какъ всегда.

За чайнымъ столикомъ, въ одиночествѣ, онъ прочитывалъ мѣстныя газеты, въ которыхъ обыкновенно укоряли, стыдили и бранили городское управленіе, изрѣдка касаясь личностей намеками, а еще рѣже называя дѣятелей поименно. На этотъ разъ его вниманіе на минуту остановилось на замѣткѣ, озаглавленной: «Нестерпимое состояніе Карнакской долины». Въ замѣткѣ писалось, что въ этой долинѣ, по которой проходитъ дорога съ хуторовъ въ городъ, послѣ дождя стоитъ невылазная грязь, а въ обычное время—рытвины, и что городской управѣ по этому поводу должно быть стыдно.

— Дурень!—добродушно сказалъ Иванъ Петровичъ по адресу репортера:—по этой дорогѣ ѣздитъ всего дюжина бабъ съ молокомъ для продажи! Да и какая тамъ долина между двухъ холмовъ въ два аршина вышины?!..

И сказавъ это, Иванъ Петровичъ сейчасъ же позабылъ и о Карнакской долинѣ, и о репортерѣ, и, наконецъ, о дюжинѣ бабъ съ молокомъ для продажи. Вообще въ груди его не осталось и слѣда вчерашней тревоги. Инцидентъ съ Марципановымъ казался ему пустяшнымъ недоумѣніемъ, которое очень легко разъяснится. Стоитъ только ему надѣть фракъ и отправиться къ его превосходительству въ непріемный часъ. Но такъ какъ до девяти часовъ заходить было неприлично, Марципановъ же принималъ отъ девяти до одиннадцати, то Иванъ Петровичъ рѣшилъ побывать у него около двѣнадцати. Тѣмъ временемъ можно было забѣжать въ двадцать мѣстъ и исполнить сорокъ общественныхъ дѣлъ, и Иванъ

Digitized by Google

Петровичъ отправился въ городской садъ, осмотрѣлъ оранжерею, понюхалъ цвѣтовъ и сказалъ, что они прекрасно пахнутъ; освѣдомился, готовится-ли обычный букетъ для Марципановой; и узнавъ, что уже готовится, приказалъ на этотъ разъ постараться — и сдѣлать его пороскошнѣе.

— Должно быть она нынче именинница!—предположилъ садовникъ.

— Да, да, именинница!—нисколько не затруднился отвѣтить Иванъ Петровичъ, и подумалъ: — «хороши, чортъ возьми, именины!» Затѣмъ онъ забѣжалъ на «кирпичное поле», т. е. мѣсто, гдѣ дѣлали городской кирпичъ, и пощупалъ нѣсколько кирпичинъ съ такою же любовью, съ какою только что смотрѣлъ и нюхалъ цвѣты; потомъ онъ заѣхалъ въ школу прикладныхъ знаній, вбѣжалъ въ комнату, гдѣ происходилъ экзаменъ, произвелъ нѣкоторый переполохъ, попросилъ «не обращать на него вниманія и продолжать», и черезъ три минуты исчезъ. Отсюда онъ отправился въ управу и отдалъ себя въ распоряженіе Сидора Карповича.

Сидоръ Карповичъ былъ мраченъ. Здороваясь съ Черешковымъ, онъ посмотрѣлъ на него въ высшей степени неодобрительно.

— Что это вы на меня такъ смотрите? — спросилъ его шутливымъ тономъ Иванъ Петровичъ:—точно я васъ стукомъ молотовъ огорошилъ!

— Иванъ Петровичъ!—серьезно и внушительно сказалъ Сидоръ Карповичъ:—не шутите этимъ!

— Чѣмъ собственно, любезный статскій совѣтникъ?

— А собственно этимъ стукомъ... Въ пеклѣ, говорятъ, тоже стукъ вѣчный раздается. Позвольте спросить, Иванъ Петровичъ...

— Ну?!..

— Вчера въ клубѣ вы разсказывали вотъ это, будто вы Марципанову отвѣтили, что, молъ, какъ дѣйствительный статскій, готовы слушать его, а какъ выбран-

Digitized by Google

ное лицо — напротивъ... Правда, что это вы говорили въ клубѣ?

— Вы что же это меня экзаменуете? Ну, а если правда?

— Нехорошо! Чрез-вы-чай-но нехорошо, Иванъ Петровичъ!

— Почему же?

— Дойдетъ до него! Ужъ непремѣнно дойдетъ! Вы думаете, у него нѣтъ этихъ... лазутчиковъ? А я вамъ говорю, что они вездѣ есть. И этотъ самый чиновникъ Волохонскій все разузнаетъ и ему разскажетъ... Помяните мое слово!

— Допустимъ. Что же изъ этого?

— Какъ что? Обыкновенно, что!.. Милости просимъ, да и только!.. Эти дѣла очень просто дѣлаются. Я, вѣдь, испыталъ, на собственной шкурѣ испыталъ!.. Да-съ!

— Да, вѣдь, это же разница, почтеннѣйшій мой статскій совѣтникъ. Ваша собственная шкура воровата была, ну, а здѣсь просто стукъ молотовъ, — какое же сравненіе?

— Ахъ-ахъ-а-ахъ! Я вамъ скажу примѣрно: ежели солдатъ на каланчѣ стоитъ и окрестность обозрѣваетъ и видитъ онъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ дымъ, такъ что онъ дѣлаетъ, по вашему? По вашему, онъ махнетъ рукой и скажетъ: это пустяки? Нѣтъ, онъ сейчасъ тревогу дѣлаетъ, потому что дымомъ пожаръ начинается.

— Ну, ладно, ладно, подите вы съ вашими аллегоріями!

— Да, вѣдь, я такъ. Я, разумѣется, даже и совѣтовать не смѣю, я только въ предупрежденіе.

Во время этихъ здравыхъ разсужденій Сидоръ Карповичъ подсовывалъ Ивану Петровичу для подписи ордеръ за ордеромъ. Иванъ Петровичъ едва успѣвалъ спросить:—А это что?

— Это за ремонтъ шкафовъ въ школѣ прикладныхъ знаній... Помяните мое слово, ваше превосходительство,

Digitized by Google

осторожность надобно въ рѣчахъ соблюдать. Вотъ хотя бы я...

— А это что за шестьдесятъ два рубля?

— Это за вставку стеколъ въ школѣ. Бывшей третьяго дня бурей разбило... Я, напримѣръ, слетѣлъ,— отчего бы вы думали? Вы думаете, за дѣло?

— Какой бурей? Бури никакой не было! Что вы городите?

— Третьяго дня ночью была буря, мимолетная, этакъ рвануло разъ, два и затихло... Единственно по доносу, да-съ... Конечно, были грѣхи, не отрицаю... Кто безъ грѣха! Однако, ежели-бъ лазутчикъ, которому я поперекъ дороги сталъ, не донесъ бы, служилъ бы я по сей день и дошелъ бы съ своими грѣхами за спиной до степени...

Иванъ Петровичъ рѣшительно не имѣлъ возможности сосредоточиться на ордерахъ, тѣмъ больше, что Сидоръ Карповичъ, какъ нарочно, въ такіе дни, когда онъ спѣшилъ, заготовлялъ ихъ неимовѣрное количество.

Въ половинѣ двѣнадцатаго вдругъ внезапно собрались тучи, загремѣлъ громъ и пошелъ дождь, да такой крупный и частый, что въ какія-нибудь десять минутъ образовались цѣлые ручьи, благополучно разливавшіеся по городскимъ улицамъ, образуя въ соединеніи съ глинистой почвой порядочную грязь. Тѣмъ не менѣе Иванъ Петровичъ своего намѣренія не отклонилъ. Воспользовавшись временемъ, когда дождь уменьшился, онъ зашелъ домой, облачился во фрачную пару, взялъ цилиндръ, привелъ въ порядокъ свою природную шевелюру, вышелъ изъ дому, сѣлъ на извозчика, заѣхалъ въ парикмахерскую, велѣлъ тщательно очистить себѣ щеки и, наконецъ, прибылъ къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Марципановъ. Улица была пустынна. Въ двухъ мѣстахъ лежали кучки разбитаго дикаря, оставшагося отъ вчерашней катастрофы. Городовые опять сдѣлали Ивану Петровичу подъ козырекъ; онъ поднялся наверхъ и позвонилъ. Вышелъ лакей, отставной гвардеецъ старой службы,

Digitized by Google

статный, сѣдой, почтительный, но любившій поразсуждать.

— Доложи-ка, братецъ, обо мнѣ его превосходительству!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Его превосходительство изволили уѣхать! — почтительно отвѣтилъ лакей.

— Куда?—Иванъ Петровичъ былъ удивленъ, потому что въ это время Марципановъ всегда собирался завтракать.

— Въ Карнакскую долину-съ!

— Въ этакой-то дождь?

— Именно-съ... Какъ только дождь пошелъ, сію минуту изволили приказать карету и укатили. Съ ними два чиновника и... и... вотъ ужъ не могу сказать, сколько городовыхъ.

Иванъ Петровичъ сдѣлалъ плечами жестъ крайняго недоумѣнія и спустился внизъ. — «Чудеса какія-то!» — подумалъ онъ:—«кажется, его превосходительство начинаетъ со скуки чудить!» Дождь въ это время опять усилился; Иванъ Петровичъ по необходимости завернулъ въ подворотню и выжидалъ тамъ. Въ это время ему пришло на мысль нанести визитъ самой Марципановой; во-первыхъ, это облегчитъ ему доступъ къ сердцу Марципанова, а во-вторыхъ, это будетъ напутственнымъ визитомъ, такъ какъ она завтра уѣзжаетъ.

Марципанова занимала отдѣльную половину, въ которую велъ особый ходъ, изъ подворотни. Ивану Петровичу стоило только обернуться, чтобы очутиться передъ звонкомъ. Онъ позвонилъ; вышелъ лакей, но уже совсѣмъ другого типа, молодой, съ тщательно-расчесанными шелковистыми баками, обходительный, сдержанный и благовоспитанно-строгій...

— Ея превосходительство дома?

— Дома-съ! Сейчасъ доложу!

Иванъ Петровичъ ждалъ, поставивъ одну ногу на ступеньку, готовый всякую минуту подняться и войти. Въ это время изъ канцеляріи, въ которую ходъ былъ со двора, вышелъ «исполнительный органъ его превосхо-

Digitized by Google

дительства» и, проходя мимо Ивана Петровича, остановился и сказалъ:—Къ ея превосходительству?

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него презрительно и отвѣтилъ сквозь зубы:—Да!..

Дверь отворилась и выглянулъ лакей:—Ея превосходительство не могутъ принять, уставши! —сказалъ онъ и какъ-то поспѣшно скрылся и затворилъ дверь передъ самымъ его носомъ.

— Имѣю честь! —сказалъ «исполнительный органъ», какъ-то нахально приподнялъ фуражку и пошелъ со двора. Иванъ Петровичъ даже не взглянулъ на него. «Это уже похоже на отказъ! —подумалъ онъ:—такъ, значитъ, и она... гм... значитъ, серьезно... Н-да!» На лбу у него вдругъ выступило нѣсколько крупныхъ капель пота. Онъ снялъ шляпу и вытеръ лобъ платкомъ. Голова его отяжелѣла отъ множества мыслей и предположеній, разомъ наполнившихъ ее. Почему? За что? И какія отъ сего произойдутъ послѣдствія? Что надобно предпринять, дабы защитить себя и свое положеніе? Опасно ли это вообще или безопасно? Съ одной стороны, ему казалось, что его, какъ человѣка, выбраннаго гражданами и притомъ не совершившаго никакого проступка, никто не смѣетъ тронуть. А съ другой, всякіе примѣры бывали, и можетъ быть Сидора Карповича не обманываетъ его печальная опытность.

Идя по набережной подъ проливнымъ дождемъ, съ опущенной внизъ головой, причемъ съ его пальто и шляпы ручьями стекала вода, Иванъ Петровичъ во-истину походилъ на мокрую курицу. Но онъ не замѣчалъ ни ливня, ни того, что попадалось ему подъ ноги. Онъ буквально чуть не ударился лбомъ о зданіе управы, которое встрѣтилось ему на пути. Но онъ очнулся, услышавъ сильный стукъ въ окно. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что членъ управы Марьюшкинъ съ неизмѣнной сигарой во рту стучалъ ему и манилъ его изъ своего кабинета, и, наконецъ, пріотворивъ форточку, сказалъ ему хриплой октавой:

Digitized by Google

— Коллега, идите-ка, устроимъ засѣданіе управы!

— Засѣданіе!—съ глубоко трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ повторилъ Черешковъ. И дѣйствительно, что за интересъ для него представляло теперь управское засѣданіе съ его вопросами городского хозяйства, когда у него исчезала почва подъ ногами? Вѣдь этотъ кирпичъ, каждая кирпичина городского кирпичнаго поля, каждый ученикъ городской школы для него были ступеньками къ «желанному и обѣщанному». И вотъ въ то самое время, какъ ему оставалось рукой подать къ сокровищу, которое лежитъ на самой верхушкѣ, подъ ногами его все шатается, и онъ летитъ стремглавъ внизъ, едва спасая голову. Однако онъ зашелъ въ управу, но не для того, чтобы «засѣдать», а для того, чтобы облегчить душу. Если онъ могъ относиться болѣе или менѣе беззаботно къ вчерашнему инциденту, то этотъ ударъ, который онъ получилъ сейчасъ, эти ужасныя четыре слова: «не могутъ принять, уставши»—сразили его. Онъ чувствовалъ потребность высказаться предъ Марьюшкинымъ.

Когда Иванъ Петровичъ, отдавъ на высушку пальто и шляпу слугѣ, вошелъ въ кабинетъ, Марьюшкинъ, сидѣвшій на стулѣ, въ полъ-оборота къ окну, повернулъ къ нему лицо и сказалъ своей октавой:

— Вы должно быть у Марципанова были, что во фракѣ?

— Ахъ, Викторъ Алексѣевичъ! Если бы вы только знали, если бы только знали!..

— Это вы насчетъ стука молотовъ, должно быть?— пробасилъ Марьюшкинъ и пососалъ сигару.

— Да что стукъ?! Нѣтъ, вы сами посудите: чѣмъ я виноватъ, чѣмъ виноватъ? Пять дней тому назадъ встрѣтились мы съ нимъ...

И Иванъ Петровичъ разсказалъ Виктору Алексѣевичу все, какъ было, стараясь быть точнымъ и ничего не соврать. Марьюшкинъ все время смотрѣлъ на него своими большими, спокойными и добрыми глазами, не

Digitized by Google

выпуская изо рта сигары. На немъ была пиджачная пара свѣтло-сѣраго, веселенькаго цвѣта, свѣжіе, туго накрахмаленные, блестящіе воротничекъ и манжеты, пестрый галстухъ, повязанный широкимъ бантомъ, мелкія лѣтнія ботинки съ лакированными носками и съ какими-то замысловатыми застежками; выше ботинокъ выглядывали щегольскіе полосатые носки. Однимъ словомъ, Марьюшкинъ былъ одѣтъ почти франтовски и имѣлъ видъ человѣка, еще далеко не потерявшаго надежды на романъ. На видъ ему было лѣтъ подъ-шестьдесятъ, но во всей его крѣпкой, слегка подавшейся въ ширь фигурѣ была масса бодрости и энергіи. Почти совершенно сѣдые волосы, остриженные ежомъ, были очень густы. Длинные усы, за которыми онъ ухаживалъ, придавали его крупному и оригинальному лицу молодецкій видъ. Даже мѣшки подъ глазами, крупные и очень замѣтные, не только не портили его лица, а придавали ему своеобразный интересъ. Сидѣлъ онъ всегда въ сторонкѣ отъ другихъ, положивъ ногу на ногу, облокотившись лѣвой рукой на спинку кресла и слегка перегнувъ туловище на сторону. Выходило и красиво, и величественно. Ко всему этому надо прибавить, что Викторъ Алексѣевичъ имѣлъ привычку на засѣданіяхъ управы, думы и разныхъ комиссій больше слушать, нежели говорить, и вообще очень рѣдко высказывалъ свое мнѣніе о предметахъ, не касающихся его отдѣленія. зато въ распоряженіи базарами и всѣмъ, касающимся торговли, онъ съумѣлъ выговорить себѣ полную самостоятельность.

Марьюшкинъ принадлежалъ къ числу коренныхъ старожиловъ города Прирѣченска. Въ городѣ его всякая торговка и всякій уличный мальчишка знали. И было время, когда онъ занималъ видный служебный постъ. Но какъ-то вышло, что занималъ онъ его, занималъ,—и вдругъ точно ни съ того, ни съ сего пересталъ занимать. Это было лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Одни говорили, что онъ слетѣлъ; другіе утверждали, что Викторъ Але-

Digitized by Google

ксѣевичъ кому-то носъ показалъ. Оффиціально было извѣстно, что онъ былъ «уволенъ по прошенію», а самъ онъ никогда никому подробностей не разсказывалъ. Въ городѣ у него была репутація справедливаго и добраго человѣка. Виктора Алексѣевича буквально всѣ любили. Какъ только стало извѣстно, что онъ вышелъ въ отставку, думцы сейчасъ же пригласили его на городскую службу, выбрали членомъ управы и дали въ его руки торговое дѣло. И сидѣлъ на своемъ мѣстѣ Марьюшкинъ, можно сказать, молча, безъ всякихъ разговоровъ, дѣловито и разумно управляя ввѣренною ему частью, избѣгая какого бы то ни было соприкосновенія съ начальствомъ. Боязнь этого соприкосновенія доходила у него до того, что онъ подъ благовидными предлогами отказывался участвовать даже въ такихъ депутаціяхъ, которыя имѣли въ виду доставить начальству удовольствіе, какъ-то: поднести адресъ, почетный подарокъ, и т. п.; «боюсь данайцевъ и дары принимающихъ», говорилъ онъ, примѣняя извѣстный стихъ къ своему положенію; „самымъ лучшимъ мнѣніемъ начальства пользуется тотъ, кто никогда не показывается къ нему на глаза", поясняетъ онъ, „ибо о немъ начальство никогда не думаетъ, а посему и повредить ему не можетъ". И въ самомъ дѣлѣ, начальство никогда не пыталось вредить ему...

— Вотъ все, что было, Викторъ Алексѣевичъ!— воскликнулъ Черешковъ, разсказавъ ему свою исторію въ послѣдовательномъ порядкѣ.—Что вы на это скажете? Что посовѣтуете?

— Мой совѣтъ вамъ: наплюйте! То есть, такимъ образомъ: дѣлайте свое дѣло, вотъ и все!

Надо замѣтить, что Иванъ Петровичъ разсказалъ только то, что было со вчерашняго дня, но, разумѣется, ни однимъ словомъ не коснулся прошлаго съ Бутузовской исторіей и тѣмъ болѣе не упомянулъ о своихъ надеждахъ.

— Вы думаете?—спросилъ онъ и сталъ мысленно

Digitized by Google

примѣнять этотъ совѣтъ къ своему дѣйствительному положенію. Выходило нѣчто малонадежное.

— Ну, а какъ вы полагаете, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Карнакскую долину?

— А чортъ его знаетъ! Надо полагать, такъ, для прогулки.

— Постойте, постойте!.. Для прогулки? Нѣтъ, не для прогулки! Ну, да, да! я вспомнилъ! Дѣйствительно, сегодня въ газетѣ была замѣтка насчетъ Карнакской долины. Вотъ оно что!.. Такъ онъ поѣхалъ туда провѣрить замѣтку. Каковъ?

— Ну, и пусть себѣ провѣряетъ. Ему больше и дѣлать-то нечего!..

— Да почему? Откуда такая любознательность? Вотъ въ чемъ вопросъ! Прежде вѣдь этого не было. Ахъ, знаете, нѣтъ ничего хуже загадки.

— Да наплюйте, батюшка, наплюйте, вотъ и все...

Викторъ Алексѣевичъ никакъ не могъ понять крайняго волненія Черешкова изъ-за пустяковъ, а Черешкова бѣсило равнодушіе и спокойствіе Марьюшкина. Такимъ образомъ, во взаимномъ непониманіи другъ друга, они провели часа два, пока дождь совсѣмъ прошелъ и даже сквозь тучи показалось солнце. Тутъ они собрались уходить.

— Такъ, по вашему, Викторъ Алексѣевичъ, наплевать?—спросилъ еще разъ Черешковъ.

— Наплевать! — убѣжденной октавой отвѣтилъ Марьюшкинъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ регистраторъ, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ и съ чрезвычайно встревоженнымъ видомъ.

— Это еще что?—спросилъ Черешковъ.

— Пакетъ отъ господина Марципанова. Особый посланецъ принесъ. Сію минуту, говоритъ, пріѣхалъ изъ Карнакской долины и сейчасъ же написали и послали.

Черешковъ выразительно взглянулъ на Марьюшкина, а Марьюшкинъ махнулъ рукой, какъ бы не желая тра-

Digitized by Google

тить голоса на произнесеніе своего любимаго слова: «наплевать».

«Экстренно-срочное. Просятъ немедленно распечатать». Вотъ что стояло на самой верхушкѣ конверта. А по распечатаніи оказалось слѣдующее: обративъ вниманіе на помѣщенную въ нумерѣ такомъ-то газеты такую-то замѣтку о вопіющемъ состояніи Карнакской долины, его превосходительство немедленно отправился на мѣсто, гдѣ и оказалось, что дѣйствительно глиняный грунтъ дороги, подымающейся на гору, до того размыло, что нѣтъ возможности проѣхать, и пр., и пр. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что прямая и единственная обязанность городского управленія заботиться о внѣшнемъ благоустройствѣ города и его предмѣстій, дабы обыватели не встрѣчали затрудненій, его превосходительство покорнѣйше проситъ немедленно ассигновать сумму, составить смѣту и замостить камнемъ Карнакскую долину.

— Ассигновать и замостить! Немедленно! А!?. Каково? Ассигновать сто тысячъ! И это ради дюжины бабъ, которымъ лѣнь объѣхать двѣ версты, гдѣ прекрасная дорога!..

— Да наплюйте, говорю вамъ! — спокойно сказалъ Марьюшкинъ.—Отвѣтьте, что городское управленіе находитъ, молъ, излишнимъ, да и дѣлу конецъ!..

Черешковъ посмотрѣлъ на Марьюшкина съ невыразимымъ укоромъ.

— Вамъ все наплевать, Викторъ Алексѣевичъ! Вамъ хорошо, вы... вы саламандра какая-то, которая въ огнѣ не горитъ. А мнѣ отдуваться надо!.. Господи! Хоть бы ужъ голова пріѣзжалъ!

— Да за что отдуваться-то?

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! съ вами не столкуешься!..

Иванъ Петровичъ потребовалъ пальто и шляпу, которыя немножко просохли, и, попрощавшись съ Марьюшкинымъ, пошелъ домой, сказавъ мимоходомъ Сидору

Digitized by Google

Карповичу, что, въ случаѣ чего-нибудь экстреннаго, прислать къ нему на домъ. У него теперь явился какой-то безсознательный страхъ передъ экстренной бумагой, которая могла придти каждую минуту. Онъ шелъ домой и размышлялъ въ душѣ своей: «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, что ей мѣшаетъ придти? Ничего! развѣ трудно, развѣ долго написать ее? Сѣли и написали. Одни написали, другіе подписали, а третьи въ пакетецъ положили и печать сверху приложили. И бумага идетъ себѣ и приходитъ. Вотъ все, что надо для того, чтобы погубить человѣка. «Въ виду... и принимая во вниманіе... Проявивъ въ дѣлѣ Бутузова отсутствіе такта и дальновидности, а также во исполненіе... и на основаніи... въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ сложить съ себя званіе»... Господи, Господи! За что такая страшная кара? развѣ онъ не раскаялся? развѣ въ теченіе всей своей общественной службы онъ не держался умѣренно-либеральнаго образа мыслей, не старался умножить городскія школы, не былъ простъ, ласковъ, и милъ въ обращеніи со всѣми?

Да нѣтъ, это бредъ встревоженной души. Бутузовская исторія давно забыта; Марципановъ разсердился, но ничего не сможетъ ему сдѣлать дурного! Ну, не представитъ къ дальнѣйшему повышенію, не дастъ лестнаго отзыва, ежели спросятъ,—вотъ и все. Но съ выборной должности ему не столкнуть Ивана Петровича никоимъ образомъ. Да вѣдь и Марципановъ не вѣченъ, и его убрать могутъ и даже поговариваютъ уже объ этомъ. (Впрочемъ, надо замѣтить, что ни о чемъ такъ не любятъ поговаривать въ губернскихъ городахъ, какъ о томъ, что кого-нибудь хотятъ убрать).

Послѣдній оборотъ мыслей значительно успокоилъ Ивана Петровича. Когда же онъ пришелъ домой и увидѣлъ въ передней на столѣ огромный, прекрасно сдѣланный букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, то въ мысляхъ его произошла нѣкоторая путаница.

— Кто прислалъ?—спросилъ онъ горничную.

Digitized by Google

— Принесли отъ Марципановой!—былъ отвѣтъ.

— Ага!—какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ произнесъ Иванъ Петровичъ и почувствовалъ, что ноги его дрожатъ, а въ глазахъ какой-то туманъ. Разбитой походкой дошелъ онъ до кабинета и сѣлъ въ кресло. Онъ смотрѣлъ въ одну точку на противоположной стѣнкѣ и, казалось, ни о чемъ не думалъ. Губы его сложились въ саркастическую улыбку и тихо произносили: «Изволили не принять! Изволили не принять»!..

Но вдругъ онъ оживился, провелъ ладонью около глазъ, точно разгоняя туманъ, поднялся и сказалъ: «Однако, это мы еще посмотримъ... Н-да-съ! Мы еще посмотримъ!»

И послѣ этихъ словъ отчаянье какъ-то само собой оставило его. Иванъ Петровичъ принадлежалъ къ людямъ, у которыхъ въ душѣ долго не задерживаются гнетущія состоянія. Ихъ какъ-то тянетъ къ веселому жанру. Онъ до того «отошелъ», что даже пропѣлъ, стараясь басить какъ можно толще:

«Будетъ бу-ря! Мы поспо-римъ!
И побо-ремся мы съ ней!
Будетъ буря!»

— Олимпіада! приготовьте-ка столъ къ обѣду!—скомандовалъ онъ. Самъ же сѣлъ за письменный столъ и началъ составлять на-черно письмо о послѣднихъ событіяхъ къ петербургскому родственнику, большому «его превосходительству», которое энергично дѣйствовало въ его пользу, въ качествѣ «сильной руки».

IV.

Письмо въ Петербургъ къ большому «его превосходительству» было отправлено въ тотъ же вечеръ.

Тогда же въ головѣ Ивана Петровича возникъ трудный вопросъ: какъ быть съ букетомъ? Завтра Марципанова уѣзжаетъ въ Москву. Было бы какъ-то неестественно отправить ее безъ букета. Первая дама города

Digitized by Google

Прирѣченска уѣзжаетъ въ Москву и вдругъ — безъ букета! Оно конечно «мы поспоримъ!» Это вѣрно, и въ сущности Иванъ Петровичъ ничего не боялся, такъ какъ онъ не совершилъ никакого проступка. Но раздражать окончательно Марципанова тоже нѣтъ надобности. Вѣдь онъ—генералъ, а генералъ, хотя бы и штатскій, по глубокому убѣжденію Ивана Петровича, ежели захочетъ, всегда можетъ повредить человѣку.

«Ба! Вотъ вамъ и рѣшеніе! Марьюшкинъ поднесетъ... Отъ него примутъ, хотя бы и съ зубовнымъ скрежетомъ, а примутъ!..»

И онъ тотчасъ же полетѣлъ къ Марьюшкину.

— Голубчикъ!.. Возьмите на себя!—умолялъ онъ Виктора Алексѣевича, повѣдавъ ему о своихъ колебаніяхъ.

— Не хотите-ли? Присядьте-ка! Эй, Михайло! приготовь стаканъ...

Марьюшкинъ сидѣлъ на балконѣ собственнаго дома, во второмъ этажѣ, конечно съ сигарой въ зубахъ, мѣшалъ ложечкой стоявшій передъ нимъ стаканъ съ шербетъ и собирался тянуть этотъ прохладительный напитокъ черезъ соломенку.

— Благодарю васъ! Значитъ, вы согласны?

— Что такое? О чемъ?

— Ахъ, Боже мой! Букетъ поднести Марципановой... Понимаете, она завтра уѣзжаетъ въ Москву...

— Я—букетъ?—лаконически спросилъ Марьюшкинъ.

— Разумѣется, вы!..

Марьюшкинъ на минуту вынулъ изо рта сигару.

— Кажется, вы меня за дурня принимаете!..

— Почему же?

— Сорокъ лѣтъ назадъ, когда я былъ кадетомъ, я дѣйствительно подносилъ букеты барышнямъ, а теперь—храни меня Богъ отъ этого занятія!..

— Но вѣдь это, такъ сказать, оффиціальный букетъ!..

— Не слыхалъ, чтобы когда-нибудь былъ изданъ

Digitized by Google

законъ о поднесеніи букетовъ знатнымъ дамамъ при отъѣздѣ въ Москву.

Лакей принесъ стаканъ шери-гобleръ, и Марьюшкинъ прибавилъ:—Пососите-ка, Иванъ Петровичъ, холоднень-каго. Вамъ это полезно. Вы въ послѣднее время какой-то лихорадочный сдѣлались...

— Такъ вы не возьметесь?

— Да Боже меня сохрани! Всю жизнь считали меня серьезнымъ человѣкомъ, и вы хотите въ шестьдесятъ лѣтъ сдѣлать меня смѣшнымъ...

Иванъ Петровичъ нервно прошелся по балкону, потомъ какъ-то вытянулся и сдѣлалъ оффиціальный видъ. Онъ сказалъ:

— Однако-жъ, Викторъ Алексѣевичъ, я прошу васъ, а вы не хотите! Въ такомъ случаѣ, я, какъ старшій членъ управы, замѣщающій городского голову, могъ бы и предложить вамъ!

Марьюшкинъ поднялъ на него глаза и отвѣтилъ съ предобродушнѣйшей улыбкой:

— Подите вы къ чорту, Иванъ Петровичъ! Ей Богу! Пососите-ка прохладительнаго!

Иванъ Петровичъ покраснѣлъ, ибо понялъ, что, въ качествѣ замѣщающаго городского голову, онъ сказалъ большую глупость. Отъ прохладительнаго онъ отказался и ушелъ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ. Дорогой онъ рѣшилъ мучительный вопросъ о букетѣ слѣдующимъ образомъ: «Я исполню свой долгъ. Я отправлю букетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Во-первыхъ, это можетъ понравиться; а во-вторыхъ, это имѣетъ такой видъ, будто я не понялъ сегодняшняго маневра Марципановой; не приметъ—это ея дѣло. Засимъ я отправлюсь на вокзалъ и оффиціальнѣйшимъ образомъ буду присутствовать при отправленіи въ Москву ея превосходительства. Однимъ словомъ, я сдѣлаю такъ, чтобы рѣшительно не къ чему было придраться».

Дальнѣйшій ходъ событій былъ слѣдующій.

Иванъ Петровичъ заѣхалъ въ городской садъ и при-

Digitized by Google

казалъ садовнику приготовить букетъ еще болѣе роскошный, чѣмъ тотъ, который вернули, и отнести его Марципановой въ девять часовъ утра. Затѣмъ онъ отправился домой и занялся неотложными дѣлами, какъ-то: просмотрѣлъ протоколъ вчерашняго засѣданія кирпичной комиссіи, состоявшагося безъ него; прибавилъ двѣ страницы къ своему длиннѣйшему докладу думѣ о необходимости замѣны въ народныхъ школахъ обыкновенныхъ форточекъ вертящимися жестяными звѣздами; познакомился съ результатами экзаменовъ въ школѣ прикладныхъ знаній за два дня, когда онъ отсутствовалъ, и т. д., однимъ словомъ, посвятилъ вечеръ на служеніе общественному дѣлу. Въ двѣнадцать часовъ онъ легъ спать, спалъ всю ночь прекрасно и сновъ никакихъ не видѣлъ. Всталъ въ семь часовъ, совершилъ обычное питаніе, пошелъ въ управу, удовлетворивъ Сидора Карповича по части подписанія ордеровъ и другихъ бумагъ, зашелъ домой, позавтракалъ, одѣлъ фракъ, повѣсилъ на шею орденъ, который получилъ по представленію Марципанова, и поѣхалъ на вокзалъ. Курьерскій поѣздъ отходилъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Иванъ Петровичъ прибылъ за четверть часа до отхода и нашелъ на платформѣ *всѣхъ*, т. е. старшихъ чиновъ канцеляріи Марципанова, представителей разныхъ вѣдомствъ и самого Марципанова съ семействомъ. Къ своему полному удовольствію, онъ прежде всего увидѣлъ, что Марципанова держала въ рукахъ городской букетъ. Впрочемъ, онъ понималъ, что изъ этого факта не слѣдовало выводить ничего собственно въ его пользу. Просто Марципанова сообразила, что ей, первой дамѣ въ городѣ (она, по крайней мѣрѣ, была увѣрена въ этомъ), неловко будетъ уѣзжать безъ букета, и рѣшила принять. Тѣмъ не менѣе, Иванъ Петровичъ былъ доволенъ. Онъ подошелъ прямо къ ней; она подала любезно ему руку и поблагодарила за присылку букета, но ни слова не упомянула ни о вчерашнемъ днѣ, ни о вчерашнемъ букетѣ. Послѣ этого она сейчасъ же заговорила съ кѣмъ-то другимъ,

Digitized by Google

продѣлавъ это, впрочемъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ. Марципановъ довольно ловко избѣжалъ подачи руки Ивану Петровичу. Онъ очень любезно, съ улыбкой обратился къ Черешкову, какъ бы продолжая прерванный разговоръ:

— Чудныя розы растутъ въ городскомъ саду! Чудесныя розы!

Этимъ онъ достигъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, говорилъ съ Черешковымъ и, повидимому, любезно, не подавъ, однако, ему руки, а во-вторыхъ, далъ понять, что букетъ считаетъ городскимъ и, слѣдовательно, въ подношеніи его особой заслуги со стороны Ивана Петровича не видитъ. Когда же г-жа Марципанова скрылась въ вагонѣ и поѣздъ двинулся, Марципановъ сказалъ Черешкову уже тономъ вполнѣ оффиціальнымъ:

— Я вчера отправилъ въ управу экстренную и важную бумагу; прошу обратить на нее вниманіе!

— Бумагѣ вашего превосходительства данъ надлежащій ходъ!

Марципановъ уѣхалъ, сдѣлавъ всѣмъ общій поклонъ, а Иванъ Петровичъ взялъ извозчика и направился въ управу. Онъ вспомнилъ, что бумагѣ Марципанова никакого надлежащаго хода не дано, а что лежитъ она безъ движенія на столѣ въ кабинетѣ Марьюшкина, и ужъ, конечно, Викторъ Алексѣевичъ и не подумалъ прикоснуться къ ней. Такъ и оказалось. Сидоръ Карповичъ, отправившійся въ кабинетъ Марьюшкина, нашелъ ее на столѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вчера ее оставилъ Иванъ Петровичъ. При этомъ почтенный дѣлопроизводитель по учебной части, а также по части выдѣлки кирпича, изрекъ, обращаясь, впрочемъ, къ самому себѣ:

— Этакую бумагу, подписанную такимъ лицомъ, допускаютъ лежать гдѣ попало, безъ всякаго вниманія! Вотъ ужъ именно — люди не дорожатъ своимъ положеніемъ! Вѣдь Марципанову стоитъ только захотѣть. Милости просимъ и укладывай чемоданъ!

Сидоръ Карповичъ взялъ бумагу съ благоговѣніемъ и

Digitized by Google

понесъ ее въ отдѣленіе городскихъ кирпичей съ такой бережностью и съ такимъ почтеніемъ, точно въ рукахъ его была не бумага, а самъ его превосходительство, господинъ Марципановъ, самый большой «генералъ» города Прирѣченска. Иванъ Петровичъ взялъ бумагу и написалъ на ней: «передать въ отдѣленіе городскихъ построекъ для заключенія». Бѣдный Сидоръ Карповичъ даже пошатнулся, прочитавъ такую резолюцію, но сказать ничего не рѣшился, а только подумалъ: «задастъ онъ вамъ заключеніе». По его мнѣнію, слѣдовало завтра же созвать думу, ассигновать потребную сумму, а послѣ-завтра приступить къ замощенію. Тѣмъ не менѣе онъ передалъ бумагу въ регистратуру, а оттуда ее послали въ отдѣленіе городскихъ построекъ, куда она попала только на другой день. Попавъ въ отдѣленіе построекъ, бумага опять была доложена Ивану Петровичу, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ Дудыченка, и этой частью завѣдывалъ. На этотъ разъ Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на нее уже съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія отдѣленія городскихъ построекъ, поэтому и надпись сдѣлалъ другую: «передается городскому инженеру для осмотра на мѣстѣ и дачи заключенія». Съ этой надписью бумагу опять отнесли въ регистратуру, которая уже въ третій разъ вписала ее въ книгу, поставивъ на ней третій нумеръ, и на слѣдующій день отослала ее инженеру. Слѣдующіе три дня у инженера были заняты ранѣе назначенными осмотрами; поэтому онъ собрался въ Карнакскую долину только на четвертый день, на пятый— написалъ на бумагѣ свое заключеніе, а на шестой представилъ его Черешкову. Этотъ шестой день былъ десятымъ со времени поступленія бумаги отъ Марципанова, и именно въ этотъ день Иванъ Петровичъ получилъ отъ его превосходительства бумагу, которую можно было назвать образцомъ оффиціальнаго раздраженія. Марципановъ требовалъ немедленнаго отвѣта на свое «предложеніе» и прибавилъ: «въ противномъ случаѣ, я буду поставленъ въ необходимость принять свои мѣры».

Digitized by Google

— «Свои мѣры!»—воскликнулъ Иванъ Петровичъ:— это что же такое, и какой вредъ подъ симъ выраженіемъ разумѣть слѣдуетъ? Какъ вы думаете, Викторъ Алексѣевичъ?

— А это надо полагать, что Марципановъ на свой счетъ хочетъ замостить Карнакскую долину, — замѣтилъ Марьюшкинъ.

Иванъ Петровичъ потребовалъ бумагу съ заключеніемъ инженера. Оказалось, что инженеръ не видитъ особенной надобности въ замощеніи Карнакской долины, но не считаетъ это и излишнимъ, полагая, что всякое улучшеніе путей сообщенія полезно. Стоитъ же это будетъ, примѣрно, тысячъ семьдесятъ. Сейчасъ же составили бумагу, въ которой объяснили Марципанову, что управа вполнѣ раздѣляетъ его предложеніе, но рѣшить его можетъ только дума, которой и будетъ доложено дѣло.

Когда эта бумага была уже запечатана и сдана разсыльному, въ управѣ появился Антонъ Лукичъ Дудыченко. Онъ только что вернулся изъ отпуска и явился прямо въ управу. На его въ обыкновенное время мертвенно-блѣдномъ лицѣ, теперь игралъ замѣтный румянецъ и во всей его фигурѣ замѣчалось оживленіе. Щеки и подбородокъ были насвѣжо выбриты, усы накрашены свѣжей краской и густо нафабрены; паричекъ, покрывавшій его совершенно обнаженную голову, былъ слегка подстриженъ (по-лѣтнему). Даже его обыкновенно сгорбленная спина замѣтно выпрямилась.

— О! «Огонь», «Огонь!» Клянусь честью!—восторженно воскликнулъ онъ, вмѣсто привѣтствія, пожимая руки Ивана Петровича и Марьюшкина.

— А! Антонъ Лукичъ! Давы, ей Богу, помолодѣли!..

— Ге! Еще имѣя такого жеребца, какъ «Огонь»!..

— Вы очень, очень кстати! Расхлебайте-ка кашу, которая тутъ заварилась. Она какъ разъ по вашему отдѣленію!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— И вы знаете, онъ могъ бы взять призъ, еже-

Digitized by Google

ли-бъ (онъ произносилъ это слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) не проклятая ворона! Клянусь честью! Понимаете? Ворона! Въ самую ту минуту, когда онъ опережалъ всѣхъ... Двадцать шаговъ, чтобъ я провалился, и столбъ... Вдругъ ворона надъ самой его головой... Ну, запинка, и призъ пропалъ. Клянусь честью! Но какая онъ лошадь! Что за жеребецъ! Вы знаете, всѣ такъ и сказали: — Антонъ Лукичъ! По правиламъ, конечно, взялъ призъ «Роландъ» господина Струйкина, но нравственно его заслужилъ «Огонь». Какая онъ лошадь, клянусь честью! Ежели-бъ не ворона! Ахъ, какая онъ лошадь! Какой онъ жеребецъ! Чтобъ я провалился!

— Антонъ Лукичъ!—воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Чтобъ я провалился! — повторилъ Дудыченко, ударяя себя въ грудь:—двѣнадцать тысячъ давали—не взялъ!

— Позвольте, однако, это чортъ знаетъ, что такое!—крикнулъ Иванъ Петровичъ, выведенный изъ терпѣнія болтовней Дудыченка: — тутъ дѣло первой важности, а онъ о жеребцѣ своемъ распространяется! Да плевать мнѣ на вашего жеребца!

— Гм... Вотъ вы и разсердились, — промолвилъ нѣсколько опѣшившій Дудыченко:—а въ чемъ же дѣло?

Ему разсказали весь ходъ дѣла.

— Э, это вы неправильно поступили!.. Надо было взять, ну, тамъ какую-нибудь кубическую сажень дикаря, и—дѣло сдѣлано!

— Вы съума сошли?

— Нимало! Клянусь честью!.. Я это сдѣлаю... Я это сейчасъ же сдѣлаю.. Я вступаю въ должность...

— Да что вы, собственно, сдѣлаете?.

— Собственно вотъ что: у насъ найдется съ кубъ дикаря, мы его возьмемъ и свеземъ въ Карнакскую долину и тамъ распланируемъ,. а Марципанову скажемъ: вотъ, ваше превосходительство, не успѣли вы намекнуть, какъ мы уже приступили къ заготовкѣ матеріаловъ... Ну, а этотъ кубъ можетъ себѣ хоть цѣлый годъ простоять...

Digitized by Google

Дудыченко разсмѣялся по поводу своего остроумнаго оборота и показалъ свои большіе, ровные, бѣлые и здоровые зубы, въ которыхъ былъ только одинъ недостатокъ, а именно тотъ, что они были вставные, за исключеніемъ двухъ самыхъ дальнихъ, которые были гнилы.

— Не вижу въ этомъ надобности!—сказалъ Марьюшкинъ.

— А я вижу! Прошу извиненія, но я вижу! Клянусь честью! Иванъ Петровичъ, я вступаю въ должность!

Дудыченко сейчасъ же пошелъ въ свое отдѣленіе и распорядился сегодня-же, сію же минуту, начать свозку камня въ Карнакскую долину. Засимъ онъ отправился къ Марципанову. Онъ пріѣхалъ (Дудыченко никогда не ходилъ пѣшкомъ, а всегда ѣздилъ въ коляскѣ) какъ разъ въ ту минуту, когда Марципанову доложили отвѣтъ управы на его предложеніе. Именно въ тотъ моментъ, когда Дудыченко вошелъ въ кабинетъ его превосходительства, Марципановъ кончилъ чтеніе знаменитой бумаги и прямо обратился къ нему:

— Что такое? Десять дней держали мое предложеніе и потомъ—думѣ? Зачѣмъ думѣ? Какая дума? Что такое дума?

— Ваше превосходительство...

— Никакихъ думъ я знать не желаю! Слышите? Тутъ дѣло идетъ объ общественной безопасности... Понимаете? Въ подобныхъ случаяхъ принимаются экстренныя мѣры... Да-съ! .

— Ваше превосходительство!.. Не извольте сердиться... Извольте выслушать...

— Ну-съ?..

— Это недоразумѣніе. Но едва лишь я пріѣхалъ изъ отпуска, какъ оно разсѣялось; чтобы я провалился, ваше превосходительство!... Дѣйствительно, дума должна ассигновать тамъ сумму, но что-жъ изъ этого? Дума сама собой, а ваше превосходительство сами собой. Я и приказалъ сегодня же свозить камень въ Карнакскую долину.

Digitized by Google

— Садитесь, пожалуйста! Я радъ, что вы вернулись, радъ! Я всегда цѣню, когда вижу готовность споспѣшествовать... Но согласитесь сами, господинъ Дудыченко, когда вамъ оказываютъ систематическую оппозицію...

— О!—воскликнулъ Антонъ Лукичъ, предоставляя Марципанову понимать это восклицаніе какъ ему угодно. Въ душѣ же его при словѣ «оппозиція» раздался смѣхъ: «Иванъ Петровичъ въ оппозиціи! Охъ, потѣха!» подумалъ онъ.

— А я, ваше превосходительство, прошу позволенія похвастаться передъ вашимъ превосходительствомъ, —сластивымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ промолвилъ Дудыченко.

— Ну-те, ну-те!..

— Мой «Огонь», ваше превосходительство, мой жеребецъ, котораго вы изволили осматривать тогда... какая онъ лошадь, ваше превосходительство! клянусь честью!

— Взялъ призъ?

— Не взялъ, но для меня все равно, что взялъ. Ежели-бъ не ворона, взялъ бы... Мнѣ такъ всѣ и сказали. Хотя по правиламъ взялъ «Роландъ» Струйкина, но нравственно его «Огонь» заслужилъ... Чтобы я провалился! Какая онъ лошадь! Что за жеребецъ, ваше превосходительство!

— Очень радъ, очень радъ!..

— Двѣнадцать тысячъ даютъ—не беру... Клянусь честью!..

— Вотъ какъ!..

Дудыченко поднялся. — Ваше превосходительство! Вотъ у васъ есть балкончикъ. Черезъ два часа вы извольте выйти на него и взглянуть туда, вдаль, по направленію къ Карнакской долинѣ, и вы увидите, какъ идетъ камень, ваше превосходительство.

Марципановъ, при прощаніи, дружески пожалъ руку Дудыченку, а Дудыченко поѣхалъ въ управу съ ликующимъ видомъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, онъ уже и не сердится! Видите? И не сердится уже. Жалъ мнѣ руку, говорилъ: «очень, очень радъ»!.. А стоитъ это всего сорокъ-пять рублей съ перевозкой!.. И будетъ себѣ онъ тамъ стоять, этотъ камень, до скончанія вѣка—аминь!.. А все кто? Дудыченко! чтобъ я провалился!

V.

Люди, стоявшіе близко къ Марципанову, свидѣтельствовали, что послѣ посѣщенія Дудыченко онъ какъ бы смягчился и пришелъ опять въ благодушное настроеніе. Было замѣчено, что въ тотъ день, часовъ въ пять пополудни, онъ вышелъ на балконъ и, приложивъ руку къ переносицѣ, въ видѣ козырька, нѣкоторое время пристально смотрѣлъ вдаль и потомъ сказалъ:

— Ага! Дѣйствительно возятъ!

Затѣмъ онъ позвалъ чиновника Волохонскаго и ему также предложилъ смотрѣть вдаль.

— Взгляните, пожалуйста, не ошибаюсь-ли я? Камень-ли тамъ везутъ!?

Чиновникъ Волохонскій, подражая Марципанову, тѣмъ же способомъ приложилъ ладонь ко лбу у самой переносицы и глядѣлъ вдаль.

— Это дѣйствительно камень, ваше превосходительство!—отвѣтилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

Марципановъ поглядѣлъ на рѣку, на набережную, на зданіе думы и на прочія зданія, и ему сдѣлалось ужасно скучно. «Чортъ возьми!—подумалъ онъ:—облеченъ я, можно сказать, весьма значительной властью въ здѣшнихъ мѣстахъ, а между тѣмъ скука смертная! Не странно-ли это?» Онъ прошелся по балкону, вошелъ въ комнату и тамъ прошелся. Наконецъ онъ нѣчто придумалъ и опять обратился къ чиновнику Волохонскому:

— Велите-ка лодку снарядить! Рыбку ловить поѣдемъ!

Черезъ четверть часа Марципановъ ѣхалъ на лодкѣ

Digitized by Google

внизъ по рѣкѣ. Четыре дюжихъ молодца ловко владѣли веслами; чиновникъ Волохонскій управлялъ рулемъ; кромѣ того, въ лодкѣ сидѣли два чиновника особыхъ порученій, приставъ и городовой. Лодка проплыла мимо массы суденъ и пристаней. Всюду, завидѣвъ лодку, снимали шапки и кланялись. Вотъ городъ кончился; рѣчка, какъ-бы почувствовавъ свободу, разлилась вширь и заросла по краямъ камышемъ и вербами. Тутъ-то лодка и остановилась. Чиновникъ Волохонскій зналъ разныя мѣстечки, въ особенности такія, гдѣ ловились окуни. Приставъ размоталъ волосяную удочку, городовой надѣлъ червяка, чиновники особыхъ порученій приспособили поплавокъ, а Волохонскій сказалъ:

— Вонъ туда, ваше превосходительство, около камышеваго куста; тамъ окунь водится!

Марципановъ туда и забросилъ удочку и черезъ какія-нибудь двѣ минуты вытащилъ порядочнаго окуня. Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій снялъ рыбу съ крючка, другой впустилъ ее въ стоявшую на днѣ лодки, спеціально для этого приспособленную, посудину, городовой надѣлъ новаго червяка, приставъ почтительно поплевалъ на него, а Волохонскій сказалъ:—Въ то же мѣсто, ваше превосходительство!

Ловля была замѣчательно удачна. Марципановъ то-и-дѣло таскалъ окуней, чиновники особыхъ порученій усиленно работали, приставъ поплевывалъ, а городовой все боялся, что червяковъ не хватитъ. Но, несмотря на удачу, легко было замѣтить, что съ лица Марципанова все время не сходила мрачная тѣнь. Окуней таскалъ онъ какъ-то машинально, и, повидимому, это почти не забавляло его. И въ то самое время, когда окуни стали ловиться одинъ за другимъ, онъ вдругъ положилъ удочку въ лодку и сказалъ:

— Домой!

Чиновники особыхъ порученій переглянулись между собою, а потомъ съ чиновникомъ Волохонскимъ: «что съ нимъ дѣлается? какой бѣсъ его тревожитъ?» всѣ ра-

Digitized by Google

зомъ подумали они. Но отвѣтить на этотъ вопросъ было невозможно, ибо и самъ Марципановъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Чувствовалъ онъ, что недоволенъ, крайне недоволенъ собой и окружающими предметами; хотѣлось ему, до страсти хотѣлось, вотъ этихъ самыхъ чиновниковъ особыхъ порученій и просто чиновника Волохонскаго и пристава и даже городового взять да и уволить отъ должности безъ всякаго повода. Мало-по-малу, неизвѣстно почему, въ его воображеніи всталъ образъ Дудыченка. Зачѣмъ? Марципановъ считалъ этого господина ничтожной личностью и относился къ нему безразлично. Но въ эту минуту онъ ненавидѣлъ его отъ всего сердца. За что? Казалось бы наоборотъ, слѣдовало чувствовать къ нему расположеніе, такъ какъ онъ, по возвращеніи изъ отпуска, первымъ долгомъ счелъ угодить ему, Марципанову.

Такимъ образомъ Марципановъ томился въ полномъ невѣдѣніи причинъ своего томленія, и даже чиновникъ Волохонскій, который зналъ досконально всѣ мѣста, гдѣ водятся окуни, не могъ объяснить этого. Такъ дѣло стояло до самаго того момента, когда лодка подкатила къ мостику недалеко отъ квартиры Марципанова. Марципановъ сошелъ на берегъ и на мгновеніе остановился, какъ-бы пораженный чѣмъ-то внезапнымъ. Онъ поднялъ слегка голову и сталъ къ чему-то прислушиваться. Въ груди его зашевелилось знакомое острое ощущеніе. Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ и увидалъ группу рабочихъ, ремонтировавшихъ мостовую у его квартиры. Большая часть ихъ уже собралась домой, но нѣкоторые еще стучали молотами, спѣша раздробить начатый кусокъ дикаря. Этотъ стукъ, вся эта картина разомъ осѣнили голову Марципанова. Онъ понялъ все.

Онъ понялъ, что ненавидитъ Дудыченка за то, что тотъ смирилъ его, отвлекъ его отъ праведнаго возмездія. И уже теперь образъ Дудыченка поблѣднѣлъ въ его памяти, а на мѣсто его всталъ образъ Ивана Петровича, подкапывающагося подъ «престижъ» Марципанова.

Digitized by Google

Марципановъ вновь и съ новой силой ощутилъ въ груди своей жажду мести и, подозвавъ къ себѣ чиновника Волохонскаго, сказалъ ему, сдвинувъ брови:—Прошу васъ завтра тщательно проштудировать газеты и доложить мнѣ все, касающееся муниципалитета!

Это распоряженіе вытекало изъ хорошаго изученія мѣстныхъ газетныхъ обычаевъ. Половина столбцовъ въ прирѣченскихъ газетахъ обязательно наполнялась муниципальнымъ матеріаломъ. Разныя замѣтки подъ заманчивыми заглавіями: «Вниманію кого слѣдуетъ», «Подвиги муниципальныхъ дѣятелей», «Непростительная небрежность», «Къ порядкамъ на городской бойнѣ» и т. п., и цѣлыя передовыя статьи, трактующія о разныхъ муниципальныхъ несовершенствахъ,—все это было любимымъ матеріаломъ прирѣченскихъ газетъ, такъ какъ это была единственная область, въ которой онѣ пользовались правомъ полнаго обсужденія. И ужъ ежели прирѣченскому газетному писателю попадалась подъ перо какая-нибудь состоящая въ вѣдѣніи городского управленія лужа, то онъ выливалъ въ нее всю злобу, накопившуюся въ его сердцѣ противъ всего, чего онъ не смѣлъ трогать.

И Марципановъ, дѣлая свое распоряженіе, зналъ, что найдетъ въ завтрашнихъ газетахъ много пищи для своего оскорбленнаго сердца; такъ же хорошо зналъ онъ это, какъ чиновникъ Волохонскій зналъ, что у камышеваго куста водятся окуни.

Вечеръ Марципановъ провелъ въ самомъ дурномъ и мрачномъ настроеніи. Въ прежнее время онъ иногда ѣздилъ въ англійскій клубъ, оставался тамъ часа два, даже въ безикъ игралъ. Теперь это было невозможно. Въ клубѣ была масса муниципальныхъ дѣятелей, встрѣча съ которыми дѣйствовала на Марципанова какъ стукъ двѣнадцати молотовъ о глыбу дикаря. Попробовалъ-было онъ сѣсть на балконъ съ цѣлью созерцать мирное и тихое теченіе рѣки. Но едва онъ сѣлъ и облокотился на перила, какъ на углу набережной и ближайшей улицы собралась кучка обывателей, которая съ каждой мину-

Digitized by Google

той увеличивалась. Черезъ пять минутъ въ ней можно уже было насчитать съ полсотни; обыватели устремили взоры прямо на Марципанова и повидимому ждали только удобной минуты, чтобы закричать «ура» и замахать шапками. Очень любили подобнаго рода демонстраціи обыватели города Прирѣченска. Впрочемъ, надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ они никогда «ура» не кричали и шапками не махали, а только имѣли такой видъ, будто хотятъ это сдѣлать. А такъ какъ Марципановъ былъ первый человѣкъ въ городѣ, хотя и штатскій, то естественно ему нерѣдко приходилось быть жертвой этого пристрастія. Пришлось съ балкона уйти. Тогда Марципановъ сдѣлалъ послѣднюю попытку найти себѣ развлеченіе. Онъ подошелъ къ книжному шкафу и вытащилъ оттуда увѣсистую брошюру, которую онъ не такъ давно получилъ, но до сихъ поръ еще не собрался разрѣзать и прочитать. Брошюра принадлежала одному петербургскому пріятелю Марципанова, не добившемуся еще желаннаго поста, и трактовала «о задачахъ и наилучшихъ способахъ мѣстнаго управленія». Но съ первыхъ же строкъ Марципановъ убѣдился, что забрался въ совершенно чуждую ему область, ибо, управляя много лѣтъ ввѣренной ему частью, онъ никогда не думалъ ни о задачахъ, ни о способахъ управленія и тѣмъ не менѣе до послѣдняго инцидента управлялъ вполнѣ благополучно и плодотворно. Пришла-было ему еще одна мысль, и онъ уже протянулъ руку къ звонку, чтобы позвонить чиновника Волохонскаго, который былъ при немъ во всякое время и для всякихъ надобностей, но прежде чѣмъ рука его успѣла взять звонокъ, мысль какъ-то сама собой обнаружила всю свою несообразность. Мысль эта была слѣдующая: «не поѣхать ли въ кафе-шантанъ?» Кафе-шантанъ существовалъ въ лѣтніе мѣсяцы при городскомъ садѣ. Пѣли тамъ пѣвицы нѣмецкія по преимуществу, и скука тамъ была нестерпимая. Но такъ какъ на дому прирѣченская публика еще больше скучала, то кафе-шантанъ былъ посѣщаемъ.

Digitized by Google

Марципановъ вспомнилъ, что тамъ нѣтъ такого мѣста, которое было бы со всѣхъ сторонъ загорожено непроницаемымъ заборомъ и къ которому велъ бы подземный ходъ. Появленіе же Марципанова въ публикѣ при обыкновенныхъ условіяхъ произвело бы сенсацію и неблагопріятно отразилось бы на его престижѣ. Однимъ словомъ, Марципанову оставалось лечь спать съ горькимъ сознаніемъ, что первый человѣкъ въ городѣ—самое несчастное существо, въ особенности когда онъ отпустилъ семейство въ Москву и поссорился съ муниципалитетомъ. И Марципановъ легъ въ постель, но легъ въ самомъ злостномъ настроеніи, и при этомъ всю вину за дурно проведенный вечеръ почему-то взвалилъ на Ивана Петровича Черешкова. Всю ночь ему снился стукъ молотовъ, разбивающихъ глыбы дикаря; стукъ этотъ сначала раздавался въ его пріемной, потомъ въ кабинетѣ, залѣ, спальнѣ, во всей квартирѣ, затѣмъ молоты стали ударять о гранитъ на протяженіи цѣлаго околотка, участка, во всемъ городѣ, въ цѣлой губерніи и наконецъ по всей Россіи раздавался неистовый стукъ молотовъ; среди этого ада на каждомъ шагу высовывались и подкапывались подъ него, Марципанова, какія-то морды, и всѣ эти морды удивительно походили на почтенное лицо Ивана Петровича Черешкова.

Ровно въ семь часовъ утра чиновникъ Волохонскій явился въ канцелярію и спросилъ у сторожа, принесли ли газеты.

— Точно такъ!—отвѣчалъ сторожъ и подалъ Волохонскому мѣстныя газеты (ихъ было двѣ), каждую въ двухъ экземплярахъ. Волохонскій прежде всего взялъ по одному экземпляру и подклеилъ ихъ къ огромнымъ тетрадямъ, которыя предназначались для поступленія въ архивъ. Затѣмъ онъ усѣлся за столъ и началъ внимательно изучать газеты по очереди. Впрочемъ, онъ не тратилъ времени на прочтеніе всего, что было въ нихъ напечатано. Прирѣченскія газеты имѣли обыкновеніе каждой замѣткѣ давать ясное и выразительное заглавіе.

Digitized by Google

Когда, напримѣръ, Волохонскій встрѣчалъ передовую статью подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о русскомъ каботажѣ», онъ говорилъ: «Ну, это къ чорту! Не понимаю, кого это можетъ интересовать!» Когда ему попадалась замѣтка съ заглавіемъ: «Еще одна жертва желѣзнодорожной распущенности», онъ говорилъ: «Ну, это кому-нибудь обѣ ноги отрѣзало! Это неинтересно!» Но вотъ замѣтка: «О томъ, какъ плакали городскія денежки», гдѣ разсказывается о мостовой, которая прослужила одно лѣто и уже требуетъ ремонта... Чиновникъ Волохонскій трепетной рукой схватываетъ синій карандашъ, обводитъ замѣтку жирной полосой, потомъ хватаетъ ножницы и съ видомъ какой-то кровожадности вырѣзываетъ замѣтку. Такихъ замѣтокъ въ этотъ день онъ наловилъ съ десятокъ. Каждую онъ вырѣзывалъ и наклеивалъ на чистенькомъ и аккуратненькомъ листѣ бумажки, заранѣе приготовленномъ, а сверху надписывалъ, изъ какой газеты и за какимъ нумеромъ. Судьба этихъ вырѣзокъ была довольно почтенна. Ихъ докладывали его превосходительству, а потомъ составляли по каждой изъ нихъ бумагу, адресованную кому слѣдуетъ, съ порученіемъ препроводить въ управу для объясненій, а въ случаѣ, ежели замѣтка окажется справедливой,—чему даже самъ Марципановъ не вѣрилъ,—для принятія надлежащихъ мѣръ. Въ экстренныхъ же случаяхъ дѣйствовали кратчайшимъ путемъ. Къ бумагѣ пришивалась наклейка съ газетной замѣткой и приписывалась покорнѣйшая просьба, по миновании надобности, приложеніе возвратить. Всѣ подобныя бумаги Марципановъ внимательно просматривалъ, передѣлывалъ, заставлялъ вновь переписывать и подписывалъ.

— Надо давать мѣсто голосу общественнаго мнѣнія!—говорилъ Марципановъ.

Но вотъ замѣтка, въ которую чиновникъ Волохонскій такъ и впился глазами. Она была невелика и заглавіе ея было кратко: «Вопіющіе порядки въ городской лечебницѣ». Волохонскій какимъ-то чиновничьимъ

Digitized by Google

инстинктомъ почуялъ, что эта замѣтка для его превосходительства будетъ настоящимъ кладомъ. Онъ дважды, сильно надавливая, обвелъ ее карандашемъ, но не синимъ, а краснымъ, что уже само по себѣ указывало на экстраординарность замѣтки, и вырѣзалъ ее съ какими-то вычурными краями. Потомъ онъ наклеилъ ее на бумагу, большаго сравнительно съ другими формата, положилъ поверхъ другихъ, словомъ, сдѣлалъ все, чтобы его превосходительство замѣтилъ ее и обратилъ на нее вниманіе. Нарѣзавъ и наклеивъ такимъ образомъ порядочную кучку предательскихъ замѣтокъ о несовершенствахъ прирѣченскаго муниципальнаго управленія, чиновникъ Волохонскій положилъ ихъ въ особый легкій кожаный портфельчикъ, на которомъ было золотомъ оттиснено «memento», а портфельчикъ отнесъ въ кабинетъ Марципанова и почтительно положилъ его на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

Марципановъ всталъ въ восемь часовъ. Одѣвшись, умывшись и Богу помолившись, онъ быстро отмахалъ два стакана чаю со сливками и прошелъ въ кабинетъ къ столу. Нечего и говорить, что онъ сейчасъ же принялся потрошить «memento», а занявшись этимъ дѣломъ, сію-же минуту натолкнулся на замѣтку, окаймленную кровавой линіей и трактовавшую «о вопіющихъ порядкахъ въ городской лечебницѣ». Въ замѣткѣ этой съ тонкимъ юморомъ описывалось, какъ одинъ больной, котораго только что привезли въ лечебницу, пролежалъ три дня безъ всякаго леченья, потому что болѣзнь его вызвала споръ между старшимъ врачемъ и ординаторомъ. Старшій врачъ утверждалъ, что у него тифъ, а ординаторъ—что воспаленіе легкаго. Въ виду такого разногласія, больного не лечили ни отъ того, ни отъ другого, «и только благодаря этому,—ѣдко прибавлялъ репортеръ,—больной выздоровѣлъ». Прочитавъ эту замѣтку, Марципановъ встрепенулся и глаза его загорѣлись, какъ у охотника предъ облавой.

— Ага! Вотъ мы посмотримъ! Мы посмотримъ!—ска-

Digitized by Google

залъ онъ самъ себѣ, но громко и внушительно, и позвонилъ чиновника Волохонскаго. Тотъ вошелъ.

— Прикажите экипажъ и все прочее.

«Все прочее» означало двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, безъ которыхъ не обходилось ни одно путешествіе Марципанова. Черезъ полчаса генералъ Марципановъ вышелъ въ полной формѣ. «Все прочее» было уже готово и стояло въ передней, недоумѣвая, куда и зачѣмъ. Марципановъ никогда не предупреждалъ. Внезапные наѣзды были его страстью. Онъ никому не открывалъ своего намѣренія до послѣдней минуты, боясь, чтобы не предупредили намѣченную жертву. Только когда всѣ были на своихъ мѣстахъ и самъ Марципановъ сидѣлъ уже въ коляскѣ, онъ сказалъ:

— Въ городскую лечебницу!

И торжественный, но въ то же время и зловѣщій поѣздъ покатилъ. Глядя на него, обыватели останавливались и говорили: «Дѣло дрянь!»—ибо не ждали ничего хорошаго отъ такого поѣзда. Того и гляди, кого-нибудь накроютъ.

Пріѣздъ Марципанова произвелъ въ городской лечебницѣ необычайный, потрясающій эффектъ. Привратникъ, сидѣвшій спокойно на скамейкѣ, при видѣ подкатившей коляски, сопровождаемой блестящей свитой, подскочилъ на мѣстѣ, какъ резиновый мячъ, и вытянулся въ струнку съ такимъ усердіемъ, что у него хрустнуло разомъ во всѣхъ суставахъ. Прислужники, сбивая съ ногъ другъ друга, помчались искать начальство. Сестры милосердія, фельдшера, сидѣлки, надзиратели—все это мчалось черезъ палаты, сбивая съ ногъ другъ друга, все спѣшило привести себя и свою часть въ порядокъ. О больныхъ совсѣмъ забыли, ибо каждый смотрѣлъ на этотъ моментъ въ томъ смыслѣ, что онъ ближе всего касается его собственной шкуры.

Но самый страшный переполохъ произошелъ среди больныхъ. Видя всю эту суматоху и не зная, въ чемъ дѣло, они вообразили, что случилось несчастье. Мно-

Digitized by Google

гимъ даже послышалось слово: «пожаръ». Произведя такимъ образомъ прежде всего крайній безпорядокъ въ лечебницѣ, Марципановъ пришелъ въ ужасъ отъ царящихъ въ ней порядковъ. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ быть справедливымъ и для достиженія этого останавливался передъ кроватями и спрашивалъ больныхъ, стараясь придать своему голосу оттѣнокъ состраданія:

— А что, мой милый, какъ у васъ тутъ? Хорошо лечатъ? А?..

Больные старались встать, но это имъ не удавалось. Они ограничивались тѣмъ, что издавали безпомощные стоны.

— Они совершенно запуганы здѣсь! Ихъ вѣроятно бьютъ!? Послушай, милѣйшій, бываютъ такіе случаи, что бьютъ? а?

«Милѣйшій», изнывавшій отъ какой-нибудь «pneumonia chronica», отвѣчалъ ему жесточайшимъ кашлемъ.

Марципановъ ничего не добился.

Но передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ коляску, онъ сказалъ, обращаясь къ чиновникамъ особыхъ порученій:

— Можете себѣ представить, что за порядки!

Когда старшій врачъ лечебницы, ординаторы, смотритель и другія лица собрались въ пріемной комнатѣ, для того, чтобы предстaвиться столь именитому посѣтителю, Марципановъ уже исчезъ, и имъ оставалось только развести руками.

VI.

Все это сдѣлалось какъ-то необыкновенно быстро. Въ половинѣ десятаго Марципановъ былъ уже дома и сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе чиновнику Волохонскому:

— Прошу васъ немедленно пригласить ко мнѣ заступающаго городского голову, господина Черешкова.

— Прикажете написать, ваше превосходительство?

— Нѣтъ надобности писать! Просто сходите и пригласите немедленно!..

Digitized by Google

Чиновникъ Волохонскій отправился въ управу. Случилось такъ, что въ кабинетѣ Ивана Петровича въ это время были Марьюшкинъ и Дудыченко. Марьюшкинъ сидѣлъ въ своей обычной царственной позѣ и курилъ сигару. Иванъ Петровичъ подписывалъ бумаги, которыя подсовывалъ ему Сидоръ Карповичъ, а Дудыченко разсказывалъ о томъ, какъ Марципановъ заключилъ его въ объятія и сказалъ: «вотъ именно такіе люди нужны Россіи» и при этомъ давалъ за жеребца сейчасъ, сію минуту, наличными деньгами тринадцать тысячъ.

— Но я сказалъ: ваше превосходительство! Все, что угодно вашему превосходительству: руку, ногу... клянусь честью!.. Вотъ прикажите мнѣ ногу отрѣзать—ничего не скажу; но жеребца, ваше превосходительство, жеребца, чтобы я провалился, не могу!..

Въ это самое время вошелъ смущенный письмоводитель и заявилъ:

— Чиновникъ отъ Марципанова!

При этомъ слово «чиновникъ» было произнесено съ нескрываемой гадливостью.

Иванъ Петровичъ поднялъ голову, Дудыченко вскочилъ и встрепенулся, а Марьюшкинъ плюнулъ въ стоявшую неподалеку плевальницу.

— А что ему надо?—спокойно и съ достоинствомъ спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Желаетъ видѣть васъ лично!

— Что-жъ, я за входъ не беру; пусть смотритъ!— Письмоводитель вышелъ. Сидоръ Карповичъ пристально посмотрѣлъ на Ивана Петровича. «Странное дѣло!—подумалъ онъ:—чиновникъ отъ Марципанова пришелъ, а онъ такъ спокойно говоритъ! Тутъ что-то не такъ!»

— Что бы это такое могло быть? а? Какъ вы думаете, Иванъ Петровичъ?—въ волненіи спрашивалъ Дудыченко.

— А право я даже объ этомъ не думаю! Какая-нибудь новая претензія!—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

Digitized by Google

«Даю голову на отсѣченіе, что онъ это не спроста такъ говоритъ!» подумалъ Сидоръ Карповичъ.

Вошелъ Волохонскій и сейчасъ же сталъ расшаркиваться и улыбаться по направленію къ Ивану Петровичу.

— Почтеннѣйшему Ивану Петровичу...—началъ-было онъ, но Иванъ Петровичъ поднялъ голову и смѣрилъ его взглядомъ.

— Что вамъ угодно, господинъ Волохонскій?—спросилъ онъ не то чтобы грубо, а съ какой-то преобиднѣйшей улыбкой. Чиновникъ Волохонскій понялъ, что его хотятъ «сократить», какъ онъ это называлъ, и сейчасъ же оставилъ рискованные манеры и тонъ. Онъ принялъ строго оффиціальный видъ и сказалъ:

— Его превосходительство требуетъ къ себѣ господина заступающаго городского голову!

— Что-съ?

— Его превосходительство требуетъ къ себѣ господина...

— Скажите его превосходительству, что, во-первыхъ, онъ не имѣетъ права требовать господина заступающаго городского голову, а можетъ только пригласить его и притомъ въ вѣжливой формѣ; во-вторыхъ, что господинъ заступающій городского голову къ такому требованію его превосходительства остается равнодушенъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, если его превосходительство имѣетъ къ заступающему городского голову серьезное, а не пустяшное дѣло, то пусть благоволитъ прислать ему оффиціальное приглашеніе!

— Такъ и сказать?—спросилъ изумленный чиновникъ Волохонскій.

— Именно такъ и, если можно, даже буквально!

— Очень хорошо-съ!—промолвилъ Волохонскій и такъ при этомъ посмотрѣлъ, точно хотѣлъ сказать: «Ну, послѣ такого отвѣта не сдобровать, голубчикъ!» Онъ вышелъ. Дудыченко заметался по кабинету, какъ будто его ошпарили кипяткомъ.

— Но это же, это... клянусь честью! Это до край-

Digitized by Google

ней степени... невозможно... Марципановъ, онъ такая личность... огромная личность. Нельзя же такъ прямо! Ежели-бъ какъ-нибудь дипломатично, это—другое дѣло!..

Сидоръ Карповичъ съ своей стороны смотрѣлъ на Ивана Петровича выразительнымъ, полнымъ ужаса и отчаянія, взглядомъ. Въ головѣ его рисовалась картина внезапнаго удаленія отъ должности не только Ивана Петровича, но и его, Сидора Карповича, какъ ближайшаго его помощника. Однако отъ времени до времени у него мелькала мысль: «но не можетъ быть, чтобы онъ это такъ, безъ всякой заручки! Нѣтъ, у него есть заручка!»

Въ это время Марьюшкинъ поднялся съ своего мѣста, вынулъ изо рта сигару, подошелъ къ Ивану Петровичу и протянулъ-ему руку:

— Это по-моему! по-моему, коллега!

Иванъ Петровичъ пожалъ его руку съ большой горячностью. Правду сказать, Марьюшкинъ не очень былъ щедръ на подобныя трогательныя изліянія,—поэтому ихъ надо было цѣнить. «Боже мой, Боже мой!» думалъ Сидоръ Карповичъ, стоя у стола: «какъ люди не дорожатъ своимъ положеніемъ. Ну, вотъ они живутъ себѣ, занимаютъ почетныя мѣста, пользуются уваженіемъ въ городѣ, получаютъ по три тысячи,—хорошее вѣдь это жалованье (Сидоръ Карповичъ получалъ всего лишь полторы). Ну, что имъ стоитъ угодить Марципанову? Ноги, что-ли, отвалились бы у Ивана Петровича, если бы онъ взялъ да и сходилъ къ нему по его требованію! Вѣдь шепнетъ Марципановъ кому слѣдуетъ, и сейчасъ его и этихъ, и всѣхъ, кого захотятъ: милости, молъ, просимъ—и безъ объясненія причинъ!»

— Однако же, однако же! Зачѣмъ же бы это?—волновался Дудыченко: — вѣдь это же въ дѣйствительности было, что онъ совсѣмъ успокоился и жалъ руку,и благодарилъ, и прочее!.. Зачѣмъ же теперь? Клянусь честью!..

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ. Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ?—сказалъ ему Марьюшкинъ:—это онъ догадался, что вы его надули!..

Digitized by Google

— Какъ? что такое значитъ?

— А такъ! Стоялъ онъ себѣ на балконѣ и считалъ: много-ли камня повезли въ Карнакскую долину. Смотритъ—маловато. Эге, думаетъ, такъ это Дудыченко меня надулъ!

Дудыченко взбѣленился. Его маленькіе глазки сдѣлались большими, налились кровью и безпокойно забѣгали. Губы позеленѣли, плотно сомкнулись и вздрагивали.

— Н-ну, ужъ... ужъ... ужъ...—Въ гнѣвѣ Дудыченко заикался, а въ углахъ рта у него появлялась слюна.— Ужъ этотъ Викторъ Алек-сѣичъ... Всегда что-нибудь в...выдумаетъ!..

— Что жъ тутъ невѣроятнаго?—продолжалъ невозмутимо спокойнымъ тономъ Марьюшкинъ.

— И кромѣ того, онъ вспомнилъ про жеребца.

— И что же такое жеребецъ?!..

— А какъ-же?!.. Марципановъ хотѣлъ купить его у васъ, тринадцать тысячъ давалъ, а вы не захотѣли.

— И не захотѣлъ... И не возьму... Клянусь честью, не возьму... Мнѣ восемнадцать тысячъ дадутъ... Вотъ!.. Я иду въ свое отдѣленіе!..

Онъ схватилъ шляпу и вышелъ, хлопнувъ дверью.

— Зачѣмъ вы его злите?!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Меня это потѣшаетъ,—отвѣтилъ Марьюшкинъ и спокойно продолжалъ курить свою сигару. Сидоръ Карповичъ покончилъ съ бумагами и вышелъ. Но, выходя, онъ столкнулся въ дверяхъ съ двумя господами, которые чуть не сбили его съ ногъ. Господа эти влетѣли въ кабинетъ взволнованные и блѣдные. У одного изъ нихъ, господина невысокаго роста, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, была небольшая остренькая сѣдоватая бородка и синіе очки; другой былъ мужчина высокій и плотный, съ бритымъ по-нѣмецки лицомъ и съ длинными, бѣлокурыми волосами. Первый былъ старшій врачъ лечебницы, докторъ Авдѣевъ, второй—смотритель ея, Егоръ Макаровичъ Овечкинъ. Они до того были разстроены, что забыли даже поздороваться, а прямо начали повѣство-

Digitized by Google

ваніе о томъ, какъ Марципановъ посѣтилъ больницу. Иванъ Петровичъ и Марьюшкинъ едва успѣвали уловить, въ чемъ дѣло...

— Помилуйте, это невозможно! я прошу на будущее время избавить лечебницу отъ этихъ почетныхъ посѣщеній!—дрожащимъ голосомъ говорилъ старшій врачъ:— вы поймите, что это пагубно, просто пагубно! Поймите! Вообразите, у меня въ палатѣ легочныхъ, понимаете ли, сегодня у всѣхъ температура поднялась на цѣлый градусъ! Одинъ умеръ и вовсе не въ свое время! Сумасшедшіе рвутъ на себѣ одежды... Вѣдь это же ужасно!.. Нѣтъ, я покорнѣйше прошу... и если мнѣ не гарантируютъ, что подобная штука больше не повторится, я подаю въ отставку...

Смотритель лечебницы держался за виски и увѣрялъ, что онъ совершенно потрясенъ всѣмъ совершившимся. Иванъ Петровичъ и Марьюшкинъ старались успокоить ихъ. Въ то время, какъ они этимъ занимались, вдругъ въ кабинетъ вбѣжалъ Дудыченко и съ торжествующимъ видомъ обратился къ Марьюшкину:

— Ну, вотъ видите, видите! и совсѣмъ же неправда, что за камень и за жеребца! Я узналъ... Это въ лечебницѣ его разсердили... Тамъ такой большой безпорядокъ нашелся и цѣлый скандалъ вышелъ, а не жеребецъ!

— Извините!—сказалъ старшій врачъ:—безпорядка у насъ никакого не было!

Дудыченко ужасно смутился, увидавъ старшаго врача и смотрителя.

— А, это вы? Ну, я же съ чужихъ словъ говорю... Можетъ быть и не было! Мнѣ даже и дѣла нѣтъ до этого! Лечебницей завѣдую не я, а Клише, такъ это его дѣло. А я не виноватъ, что у него желудокъ больной, клянусь честью!

Было уже около двѣнадцати часовъ, когда Ивану Петровичу подали пакетъ, запечатанный сургучемъ. Сверху была надпись: «Экстренно-срочное», а почеркъ былъ Марципановской канцеляріи.

Digitized by Google

— Ага! Вотъ оно!—сказалъ Иванъ Петровичъ:—Посмотримъ!

Всѣ ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ. Дудыченко какъ-то болѣзненно скорчилъ лицо, точно у него желудокъ разстроенъ или вообще что-нибудь внутри было не въ порядкѣ. Даже Марьюшкинъ интересовался узнать, какой оборотъ приняло дѣло. Иванъ Петровичъ открылъ конвертъ и прочиталъ вслухъ: «Г. Заступающему прирѣченскаго городского голову. Имѣю честь обратиться къ вашему превосходительству съ почтительнѣйшей просьбой не отказать безотложно пожаловать ко мнѣ для переговоровъ по общественному дѣлу, весьма важному и не терпящему отлагательствъ». Внизу стояла собственноручная подпись Марципанова.

— Ну, вотъ это я понимаю. Это по крайней мѣрѣ вѣжливо!—сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Мягко онъ стелетъ, а можетъ случиться, что жестко будетъ спать!—замѣтилъ Дудыченко.

— Ну, это уже мое дѣло!—сказалъ Иванъ Петровичъ и послалъ гонца къ себѣ за фракомъ.

Черезъ десять минутъ онъ уже былъ въ пріемной Марципанова. Такъ какъ это былъ пріемный часъ, то тутъ оказались уже просители: отставной военный на костыляхъ и барыня въ траурѣ, съ явно подведенными бровями. Марципановъ не заставилъ долго ждать себя, сейчасъ же вышелъ и прежде всего извинился передъ дамой, сославшись на очень важное дѣло. Затѣмъ онъ нахмурилъ брови и обратился къ Ивану Петровичу.

— Я удовлетворилъ ваше желаніе и послалъ вамъ оффиціальное приглашеніе.

— Мнѣ кажется, что такимъ образомъ ваше превосходительство удовлетворили свое желаніе, ибо это именно ваше превосходительство желали видѣть меня, а не наоборотъ.

«Ого-го!» мысленно сказалъ стоявшій за своимъ столикомъ чиновникъ Волохонскій. А если бы здѣсь былъ Сидоръ Карповичъ, то онъ непремѣнно подумалъ бы:

Digitized by Google

«ну, вотъ, я же говорю, что у него есть заручка!..» Марципановъ нервно закусилъ нижнюю губу и сказалъ:

— Впрочемъ, это не относится къ дѣлу. Я говорю съ вами какъ съ представителемъ городского управленія. Сегодня я посѣтилъ городскую лечебницу и нашелъ тамъ вопіющіе безпорядки.

— Я могу засвидѣтельствовать,—мягко перебилъ Иванъ Петровичъ,—что въ нашей городской лечебницѣ царствуетъ образцовый порядокъ. Городское управленіе затрачиваетъ массу денегъ; старшій врачъ—знающій и добросовѣстный человѣкъ; всѣ другіе врачи серьезно относятся къ своимъ обязанностямъ; смотритель лечебницы—человѣкъ опытный и усердный.

— Превосходная аттестація!—иронически замѣтилъ Марципановъ.—Я вѣрю, что всѣ они прекрасные люди, и тѣмъ не менѣе самъ былъ свидѣтелемъ вопіющихъ безпорядковъ.

— Причиной этихъ безпорядковъ были вы, ваше превосходительство!—сказалъ съ улыбкою заступающій мѣсто городского головы.

— Что-съ?

— Вы, ваше превосходительство, были причиной этихъ безпорядковъ!..

Марципановъ отступилъ на одинъ шагъ, потомъ приподнялъ плечи и откинулъ голову съ выраженіемъ необычайнаго величія.

— Если вы пришли сюда для шутокъ, то это напрасно. Я не расположенъ шутить.

— Такъ же, какъ и я, ваше превосходительство. Но я повторяю, что у насъ въ лечебницѣ всегда былъ образцовый порядокъ, вы же своимъ внезапнымъ посѣщеніемъ произвели страшный переполохъ. Больные вообразили, что случился пожаръ. Наконецъ, я не могу скрыть, что одинъ больной отъ внезапнаго и сильнаго потрясенія преждевременно умеръ.

Чиновникъ Волохонскій выпустилъ изъ рукъ толстую книгу въ переплетѣ, которая упала съ шумомъ. Лицо

Digitized by Google

Марципанова сдѣлалось багровымъ. Слѣдующія слова онъ вмѣсто того, чтобы произнести обыкновеннымъ своимъ громкимъ голосомъ, прохрипѣлъ:

— Такъ вы еще обвиняете меня въ убійствѣ? Да знаете-ли вы, что я могу съ вами сдѣлать, милостивый государь? Да я васъ...

— Не болѣе того, что позволитъ вамъ законъ, ваше превосходительство!—спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

Этотъ отвѣтъ подѣйствовалъ на Марципанова, какъ раскаленное желѣзо, приложенное къ больному мѣсту. При словѣ: «законъ», его всего какъ-то передернуло и глаза заискрились.

— Законъ? А Бутузовская исторія? Забыли, милостивый государь? А? з-забыли? А-а-а!.. Такъ я напомню, я напомню!..

Сперва Иванъ Петровичъ былъ какъ бы огорошенъ этими словами. Въ глазахъ его зарябили какіе-то зеленые кружки, и ему показалось, что изъ-подъ его ногъ исчезаетъ почва. Но это было одно мгновеніе. Нельзя требовать отъ человѣка, чтобы напоминаніе о такомъ роковомъ событіи въ его жизни не произвело на него сильнаго впечатлѣнія.

Онъ сейчасъ же оправился и совершенно просто отвѣтилъ:

— Во-первыхъ, ваше превосходительство, это ни къ чему не поведетъ, а во-вторыхъ—это и къ дѣлу не относится!

Трудно сказать, что подумалъ бы въ это время Сидоръ Карповичъ, если бы находился здѣсь. Но, по всей вѣроятности, убѣжденіе его насчетъ «заручки» окончательно окрѣпло бы. Не можетъ человѣкъ говорить такимъ образомъ съ столь большимъ человѣкомъ, не имѣя вѣрной и твердой опоры въ другомъ, еще большемъ.

Спокойный отвѣтъ Иванъ Петровича охладилъ и Марципанова.

— Хорошо-съ! Я знаю языкъ, какимъ слѣдуетъ разговаривать съ вами! Больше я ничего не имѣю.

Digitized by Google

Иванъ Петровичъ, который, что называется, «разошелся», хотѣлъ еще что-то сказать, но Марципановъ уже стоялъ къ нему спиной и очень громко спрашивалъ даму въ траурѣ, чѣмъ можетъ онъ служить ей. Иванъ Петровичъ вернулся въ управу чрезвычайно довольный собой. Онъ глядѣлъ такъ весело и такъ мило улыбался, что Марьюшкинъ сказалъ:

— Похоже, будто Марципановъ угостилъ васъ стаканомъ пунша!

— Не знаю, какъ онъ меня, но я его угостилъ хорошо!—не безъ нѣкотораго даже хвастовства промолвилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну-те, ну-те!..

Иванъ Петровичъ разсказалъ все по порядку, причемъ, разумѣется, умолчалъ о напоминаніи Марципанова про Бутузовскую исторію. Никто не замѣтилъ, какъ передъ началомъ разсказа въ кабинетъ вошелъ Сидоръ Карповичъ, прослушалъ весь разсказъ и столь же незамѣтно вышелъ. Марьюшкинъ былъ въ восторгѣ. Представители лечебницы понурили головы, какъ бы въ ожиданіи какой-нибудь казни. Дудыченко же былъ блѣденъ и видимо струсилъ.

— Непріятное дѣло будетъ, чтобы я провалился!—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Вотъ увидите, что тутъ отнятіемъ правъ пахнетъ!..

— Да,—сказалъ Марьюшкинъ, которому бѣшенство Дудыченка доставляло истинное наслажденіе:—ужъ теперь онъ за жеребца вашего и десяти тысячъ не дастъ!

— Пр-рошу васъ не касаться до моего жеребца, ежели не хотите слышать дерзость!

Цѣль была достигнута: Дудыченко былъ взбѣшенъ, заикался и пускалъ слюни. Марьюшкинъ былъ доволенъ.

Когда Иванъ Петровичъ пришелъ домой обѣдать, то первымъ его движеніемъ было подойти къ письменному столу, открыть ящикъ, вынуть оттуда письмо и развернуть его. Письмо это онъ получилъ заказнымъ изъ

Digitized by Google

Петербурга вчера вечеромъ, прочиталъ его уже разъ двадцать и зналъ наизусть. Тѣмъ не менѣе ему еще разъ хотѣлось прочитать то мѣсто, которое давало ему храбрость въ сегодняшнемъ сраженіи съ Марципановымъ. Онъ пробѣжалъ глазами двѣ первыя страницы и сосредоточенно прочиталъ въ концѣ второй: «Такимъ образомъ, что бы тамъ ни случилось, мѣсто для тебя обезпечено. Ты получишь его во всякое время, когда тебѣ вздумается разстаться съ твоимъ строгимъ Марципановымъ».

Мѣсто, о которомъ говорилось въ письмѣ, было конечно не губернаторское, но отъ него уже туда рукой подать. Въ концѣ же письма стояло post-scriptum: «что же касается Бутузовской исторіи, то нынче взглядъ на подобныя вещи перемѣнился и на нее смотрятъ какъ на комическій эпизодъ, не болѣе».

Такимъ образомъ ясно, что проницательность Сидора Карповича и на сей разъ не измѣнила ему. У Ивана Петровича дѣйствительно оказалась «заручка».

VII.

На другой день состоялось экстренное засѣданіе управы, въ которое былъ приглашенъ и Клише. Этотъ благодушный красавецъ, съ бѣлокурыми кудрями и свѣтло-голубыми открытыми глазами, стройный, высокаго роста, по внѣшнему виду походилъ на артиста. Между тѣмъ въ головѣ его таились замѣчательныя способности финансиста. Завѣдывая финансами города Прирѣченска, онъ въ теченіе восьми лѣтъ поправилъ бюджетъ города, совершенно запущенный его предшественникомъ. Кромѣ того, ему еще навязали надзоръ за лечебницей и всякаго рода благотворительными учрежденіями. Онъ и тутъ всему завелъ образцовый порядокъ. Происходя отъ швейцарскаго гражданина, попавшаго въ Россію въ качествѣ часовыхъ дѣлъ мастера, Эдуардъ Клише обладалъ въ

Digitized by Google

Прирѣченскѣ двумя большими домами и хлѣбной конторой, принялъ русское подданство, прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и не могъ пріобрѣсти только двухъ вещей: русскаго желудка и умѣнья обращаться съ начальствомъ. Первый недостатокъ создалъ ему катарръ, отъ котораго онъ безпрерывно лечился, а второй заставлялъ его нерѣдко ударяться въ бѣгство. Чуть только онъ замѣчалъ, что надвигалось какое-нибудь недоразумѣніе съ начальствомъ, куда, по всѣмъ признакамъ, могутъ пріобщить и его, онъ подъ благовиднымъ предлогомъ заблаговременно улепетывалъ. Въ свое оправданіе Клише приводилъ такой доводъ: «я человѣкъ дѣловой и въ своихъ дѣйствіяхъ привыкъ руководствоваться своими соображеніями, основанными на здравой логикѣ. Начальство-же руководствуется «высшими соображеніями» (основанными, безъ сомнѣнія, на высшей логикѣ), которыя совершенно внезапно налетаютъ на мои обыкновенныя соображенія и разбиваютъ ихъ въ пухъ и прахъ. Послѣ каждаго сношенія, хотя бы даже и дружелюбнаго, съ начальствомъ я чувствую себя такъ, какъ должно быть чувствовали себя французы послѣ Седана».

На этотъ разъ Иванъ Петровичъ поѣхалъ къ Клише на квартиру и силой привезъ его въ управу.

— Позвольте,—отбивался Клише:—вѣдь я въ отпуску!.. Мнѣ еще недѣля сроку!

Но Иванъ Петровичъ и слушать не хотѣлъ. Онъ усадилъ бѣднаго Клише на извозчика и доставилъ на мѣсто.

— Ну, что?—спросилъ его Марьюшкинъ:—исправили вашъ желудокъ?

— Ровно на недѣлю меньше, чѣмъ слѣдуетъ!—отвѣчалъ Клише.

— А вотъ мы его вамъ этой бумагой еще на мѣсяцъ испортимъ.

— Ахъ, Викторъ Алексѣевичъ! Боже мой!—стоналъ Дудыченко, который успѣлъ уже струсить и потерять голову:—какъ это можно такъ говорить, какъ это можно!?..

Digitized by Google

— А вы знаете, чего онъ такъ убивается?—донималъ Марьюшкинъ Дудыченко, обращаясь къ Клише:—Марципановъ давалъ ему тринадцать тысячъ за его жеребца—онъ не взялъ; теперь и десять готовъ взять, да Марципановъ не даетъ.

Дудыченко поблѣднѣлъ, окрысился и заклюнявилъ.

— А ч... ч... А чтобъ я треснулъ; когда я за него хотя бы с-семнадцать съ половиной возьму!—высокимъ фальцетомъ пропищалъ онъ, ударивъ ладонью по столу:—этому Марьюшкину ничего не стоитъ сказать такую пакость!..

Марьюшкинъ дѣлалъ пресерьезное лицо, а Клише хохоталъ.

Иванъ Петровичъ пригласилъ выслушать бумагу Марципанова, которую впрочемъ всѣ давно уже прочитали. Марципановъ подробно описывалъ, какъ онъ въ присутствіи чиновниковъ особыхъ порученій, коллежскаго секретаря Аздоева и коллежскаго совѣтника Чибикина, посѣтилъ городскую лечебницу и нашелъ въ ней вопіющіе, изъ ряда вонъ выходящіе безпорядки. Въ заключеніе Марципановъ требовалъ созыва экстреннаго засѣданія думы, «для обсужденія мѣръ», а также,—прибавлялъ Марципановъ,—«въ интересахъ общественной безопасности всю администрацію лечебницы уволить въ трехдневный срокъ и замѣнить ее другою».

Окончивъ чтеніе этой бумаги, Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Прошу васъ, господа, высказаться по поводу этого предложенія!

— Къ сожалѣнію, я боленъ, господа!—сказалъ Клише и взялся за шапку.

Иванъ Петровичъ поднялся, чтобы удержать его, но Клише, который по мѣрѣ чтенія бумаги Марципанова начиналъ чувствовать себя «какъ французы послѣ Седана», махнулъ обѣими руками, ринулся къ двери, и, промолвивъ скороговоркой: — я въ отпуску еще! — скрылся.

Digitized by Google

— Это лучшее, что можно было придумать!—сказалъ Марьюшкинъ.

— Однако же! Надо же постановить что-нибудь!

— Да вотъ что напишите: читали съ удовольствіемъ, но, по причинѣ неисправности желудка члена управы Клише, ни къ какому рѣшенію придти не могли!—продолжалъ Марьюшкинъ своей октавой, не выпуская изо рта сигары.

Иванъ Петровичъ разсмѣялся, а Дудыченко былъ серьезенъ.

— Но можно-ли такъ говорить? Вѣдь это же такая личность, которая можетъ всякаго ногой растереть... Боже мой, Боже мой! Какъ можно такъ говорить! Вѣдь онъ же хочетъ въ думу—ну, и пускай въ думу. Такъ и напишемъ: постановили доложить думѣ. А ежели дума ему непріятность сдѣлаетъ—наша хата съ краю, и больше ничего! Клянусь честью!

— Вы настоящій дипломатъ, Антонъ Лукичъ!—замѣтилъ Марьюшкинъ.

— А что вы думаете? Въ самомъ же дѣлѣ у меня это есть эта, какъ бы сказать, дипломатичная жилка! Есть, есть, клянусь честью!—хвастливо подхватилъ Дудыченко.

Управа постановила: «предложеніе Марципанова доложить думѣ, для чего созвать экстренное засѣданіе».

— Однако, коллеги, какъ ни оригинально предложеніе Марципанова, все-таки оно важное! — сказалъ Марьюшкинъ.—А важное оно потому, что самъ Марципановъ человѣкъ крупный. А крупный, коллеги, всегда можетъ не-крупному вредъ сдѣлать!.. Мнѣ, положимъ, наплевать. Но все-таки съ какой же стати мы втроемъ должны выдерживать этотъ натискъ? Ну, Клише... Богъ съ нимъ, у него желудокъ не въ порядкѣ; но нашъ почтенный голова Ѳедоръ Ивановичъ Азарьянцевъ... Не выписать-ли намъ его?..

Предложеніе понравилось. Азарьянцевъ былъ сильный человѣкъ въ городѣ Прирѣченскѣ. У него былъ и

Digitized by Google

капиталъ большой, и чинъ немалый. А главное, онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ среди гласныхъ. Повѣстка, подписанная Азарьянцевымъ, навѣрно соберетъ хоть одну треть думскаго состава, тогда какъ безъ него въ лѣтнее время никакія марципановскія угрозы и требованія не въ состояніи заманить гласныхъ въ думу. Иванъ Петровичъ сейчасъ же отправилъ Азарьянцеву телеграмму, въ которой тонко намекнулъ на инцидентъ съ Марципановымъ. Часа черезъ три отъ Азарьянцева былъ полученъ отвѣтъ: «Покорно благодарю. Мнѣ и здѣсь хорошо. Заварили—расхлебывайте!» Послѣ такого отвѣта, прирѣченской управѣ оставалось одно: разослать гласнымъ повѣстки, что и было сдѣлано.

Въ назначенный день, въ два часа, въ залъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія думы, пришли Иванъ Петровичъ и Дудыченко. Антонъ Лукичъ выразительно понюхалъ воздухъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана золотые часы, взглянулъ на нихъ и сказалъ, обращаясь къ Ивану Петровичу:—Страшная жара! А вѣдь не состоится?

— И я такъ думаю!—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, а что-жъ тогда? Какъ Марципановъ?

Иванъ Петровичъ развелъ руками:—Какъ ему будетъ угодно!

Дудыченко посмотрѣлъ на него какъ-то искоса, прищурилъ лѣвый глазъ и сказалъ:—Гм... клянусь честью!..

Это восклицаніе относилось къ мысли, которая только-что мелькнула въ головѣ Дудыченко. Онъ припомнилъ, какъ Марципановъ говорилъ про оппозицію Ивана Петровича и какъ онъ, Дудыченко, тогда въ душѣ смѣялся. «А вѣдь дѣйствительно, чортъ побери, онъ все какъ-то брыкается, этотъ Черешковъ! Храбрый такой сталъ, просто удивленіе! Прежде безпрестанно старался угодить Марципанову, а теперь: — какъ, говоритъ, ему будетъ угодно!»

Въ четверть третьяго было всего только семь гласныхъ, въ половинѣ третьяго пришелъ еще одинъ, а въ

Digitized by Google

заключеніе появился Марьюшкинъ, который всегда приходилъ послѣднимъ и какъ разъ тогда, когда надо было начинать. Увидавъ Марьюшкина, секретарь, который началъ-было раскладывать на столикѣ свои журналы и протоколы, сейчасъ же сложилъ ихъ обратно въ портфель, а Иванъ Петровичъ объявилъ, что засѣданіе не состоялось. На улицахъ города Прирѣченска въ это время стояла такая страшная духота, что ничего другого отъ гласныхъ нельзя было и ожидать.

Когда Марципанову донесли о томъ, что засѣданіе думы не состоялось, онъ сказалъ:

— Гм... ладно... Подождемъ второго...

И сказалъ онъ это не только безъ всякаго гнѣва, но даже, какъ показалось докладчику, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, а въ глазахъ у него въ это время игралъ огонекъ. По всему видно было, что имъ уже принято рѣшеніе, но онъ отчасти по своему великодушію, отчасти же какъ истый русскій человѣкъ, несмотря на фамилію, хотѣлъ испытать до конца.

Иванъ Петровичъ между тѣмъ назначилъ засѣданіе во второй разъ и, прождавъ около часу, повидался только съ Дудыченко. Изъ гласныхъ же на этотъ разъ не нашлось ни одного праведника. Дудыченко изображалъ изъ себя олицетворенный испугъ, былъ блѣденъ, сгорбленъ больше обыкновеннаго, смотрѣлъ пугливо и говорилъ тихо и съ какимъ-то шипѣніемъ, точно боялся, что его можетъ услышать самъ Марципановъ.

— Сами себѣ яму роютъ! клянусь честью!—повторялъ онъ десятокъ разъ и при этомъ клятву свою сопровождалъ какимъ-то слабенькимъ ударѣніемъ въ грудь маленькаго старческаго кулачка.—Вѣдь онъ, ежели захочетъ, можетъ...—Дудыченко на мгновеніе остановился и подумалъ о томъ, что собственно можетъ сдѣлать Марципановъ, если захочетъ; затѣмъ очевидно рѣшилъ этотъ вопросъ и продолжалъ:—можетъ плюнуть и растереть!

— Ничего онъ не можетъ болѣе того, что позво-

Digitized by Google

ляетъ законъ! — твердо и спокойно сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Законъ!?—переспросилъ Дудыченко, какъ-то сомнительно покачалъ головой и не прибавилъ ни слова. Онъ подошелъ къ городскому секретарю и сказалъ:— пожалуйста, прошу васъ, хорошенько отмѣтьте, что я всѣ разы былъ... прошу васъ, хорошенько отмѣтьте!

Иванъ Петровичъ смотрѣлъ на струсившаго Дудыченка и думалъ: «Какъ онъ струсилъ, бѣдняга... А интересно, какъ бы я велъ себя, если-бъ не получилъ письма?!» И ему подумалось, что онъ велъ бы себя прескверно, — пожалуй, хуже Дудыченко. Тогда у него мелькнула другая мысль: «Какъ хорошо, что я получилъ письмо!»

По поводу этихъ двухъ засѣданій, хотя и несостоявшихся, но сдѣлавшихся потомъ знаменитыми, по городу ходили разговоры самаго разнообразнаго свойства. Люди консервативнаго образа мыслей полагали, что дума поступила дурно, люди же либеральнаго образа мыслей утверждали, что дума поступила хорошо. Газеты готовили на завтра передовыя статьи. При этомъ онѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ сходились на томъ, что со стороны думы это непростительное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, и вообще изрядно-таки напустились на городское управленіе, потому что никакъ не могли напуститься на Марципанова.

На другой день утро было ясно. Солнце взошло такъ же пышно и красиво, какъ всегда, и вообще въ природѣ не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Между тѣмъ въ жизни города Прирѣченска произошла такая странная штука, что обыватели сначала протирали глаза и ничего не понимали, потомъ поняли, но не хотѣли вѣрить, и наконецъ повѣрили и развели руками.

Въ особенности недоумѣніе постигло господъ гласныхъ прирѣченской думы. То, чего не могли сдѣлать двѣ повѣстки Ивана Петровича, сдѣлалъ листъ «Прирѣченскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»,—газеты конечно

Digitized by Google

оффиціальной,—и даже не листъ, а всего лишь полъ-столбца. Гласные торопливо выходили изъ своихъ квартиръ и стремительно посѣщали другъ друга, съ нумеромъ «Вѣдомостей» въ рукахъ. При этомъ разговоры сводились къ слѣдующему діалогу:

— Видали?—спрашивалъ прибывшій гласный гласнаго-хозяина, ударяя ногтями пальцевъ правой руки въ то мѣсто «Вѣдомостей», гдѣ были напечатаны знаменитые полъ-столбца.

— Видѣлъ и не могу придти въ себя! Что жъ это такое означаетъ?

— Чортъ знаетъ! Ничего не понимаю!

— Вѣдь онъ не имѣетъ права!

— Не имѣетъ!

— Значитъ, ему не дозволятъ?!

— Кто?

— Найдутся такіе!

— Гм... А мы какъ?

— А мы жаловаться будемъ!

— Ого! какъ бы не осѣчься!..

Однимъ словомъ, люди были огорошены, сбиты съ толку и не могли хорошенько понять, что это: шутка-ли, превышеніе-ли власти, или праведное возмездіе?

Дѣло же заключалось въ томъ, что въ «Вѣдомостяхъ» кратко и общепонятно объявлялось, что Марципановъ, въ видахъ общественной безопасности, нашелъ необходимымъ поручить высшій надзоръ за городской лечебницей состоящему при немъ чиновнику особыхъ порученій, коллежскому секретарю Аздоеву, съ правомъ увольнять, въ случаѣ надобности, весь персоналъ больницы и замѣнять его другимъ.

Коллежскій секретарь Аздоевъ въ восемь часовъ утра былъ уже на мѣстѣ своихъ новыхъ обязанностей. Онъ съ важностью, являющейся у всѣхъ на свѣтѣ чиновниковъ особыхъ порученій въ тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, когда имъ дѣйствительно даютъ особое порученіе, сейчасъ же потребовалъ представленія ему все-

Digitized by Google

го персонала. Но ему пришлось ограничиться пріемомъ фельдшеровъ, сестеръ милосердія, сидѣлокъ и служителей. Весь высшій персоналъ, т. е. смотритель, старшій врачъ, а за нимъ и всѣ другіе врачи, помчались въ управу и сію же минуту подали въ отставку.

Такимъ образомъ лечебница осталась безъ врачей и вообще въ ней произошелъ невообразимый кавардакъ. Это было только началомъ: дальнѣйшія же событія слѣдовали за событіями съ невѣроятной быстротой. Въ то время, какъ гласные таращили глаза на нумеръ «Вѣдомостей», разводили руками, пожимали плечами и вообще изображали всевозможные знаки удивленія, Марципановъ позвонилъ чиновника Волохонскаго и приказалъ приготовить «экипажъ и все прочее», а черезъ полчаса, въ сопровожденіи обычной свиты,—причемъ только на мѣстѣ коллежскаго секретаря Аздоева, который находился при исполненіи «особаго порученія», сидѣлъ другой коллежскій секретарь Ваксинъ,—Марципановъ мчался на городскія скотобойни. Нечего и говорить, что внезапный пріѣздъ Марципанова съ блестящей свитой привелъ въ совершенное замѣшательство не только персоналъ, но и животныхъ, предназначенныхъ для убоя, такъ что Марципановъ, садясь въ карету, имѣлъ полное право воскликнуть, обращаясь къ полиціймейстеру:—«Можете себѣ вообразить, что это за порядки»?..

На другой день въ «Прирѣченскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «Принимая во вниманіе... и въ интересахъ общественной безопасности, поручить надзоръ за городскими скотобойнями чиновнику особыхъ порученій коллежскому ассесору Чибикову, съ правомъ увольнять, и проч.»

Завѣдующій скотобойнями и ветеринарные врачи въ тотъ же день подали въ отставку.

Въ то время, какъ гласные обсуждали положеніе, вызванное этимъ послѣднимъ событіемъ, Марципановъ успѣлъ побывать на городской сельско-хозяйственной фермѣ, составлявшей отдѣленіе школы прикладныхъ знаній.

Digitized by Google

Посѣщеніе его сопровождалось обычными послѣдствіями внезапности и повело за собой новую статью въ «Прирѣченскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ было сказано, что въ интересахъ общественной безопасности Марципановъ нашелъ необходимымъ поручить надзоръ за фермой состоящему при чемъ чиновнику особыхъ порученій коллежскому секретарю Ваксину, съ правомъ увольнять, и проч., и проч.

Директоръ фермы мгновенно подалъ въ отставку. Не мало было еще въ вѣдѣніи прирѣченскаго управленія учрежденій, въ которыхъ можно было открыть вопіющіе безпорядки, и въ видахъ общественной безопасности поставить во главѣ ихъ чиновниковъ особыхъ порученій. И тѣмъ не менѣе Марципановъ остановился. Впрочемъ, остановился онъ не потому, чтобы призналъ общественную безопасность вполнѣ возстановленной, а единственно потому, что у него не хватило чиновниковъ особыхъ порученій. Но остановиться просто на № 3 Марципановъ тоже не могъ. Это походило бы на то, какъ если бы виртуозъ, дающій концертъ, взялъ да и остановился на полуфразѣ, раскланялся и ушелъ, не сдѣлавъ никакого пассажа, ни ферматы. Марципанову тоже нужна была фермата. И вотъ собственно поэтому въ тотъ же день всѣ оказавшіеся въ наличности дѣятели прирѣченскаго муниципалитета получили изъ канцеляріи Марципанова приглашеніе пожаловать завтра въ 12 часовъ дня къ самому Марципанову, причемъ ни слова не было сказано о томъ, ожидаетъ-ли господъ муниципаловъ любезно предложенная чашка чаю или нѣчто совсѣмъ изъ другого порядка.

VIII.

«Я, конечно, пойду. Мнѣ неловко не пойти, какъ заступающему мѣсто головы. Пожалуй, Дудыченко прибѣжитъ, Марьюшкинъ зайдетъ, а изъ гласныхъ навѣрно

Digitized by Google

никто не будетъ. Ужъ это вѣрно... Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ?! Вѣдь въ сущности онъ это безъ всякаго права, и даже можно сказать, что это небывалый случай. А впрочемъ, это ничего... Тѣмъ бо́льшій эффектъ произведетъ мое присутствіе».

Такъ думалъ Иванъ Петровичъ, получивъ приглашеніе Марципанова. Да, онъ рѣшилъ идти. Конечно онъ давно понялъ, что ему придется покинуть прирѣченское служеніе, такъ какъ отъ Марципанова уже ждать было нечего, но онъ хотѣлъ до конца держаться лойальнаго образа дѣйствій.

Однако ему пришла фантазія зайти въ англійскій клубъ и разузнать, что говорятъ и какъ чувствуютъ себя гласные. Но къ своему крайнему удивленію Иванъ Петровичъ не нашелъ тамъ ни одного гласнаго.

«Понимаю!—подумалъ онъ. — Они всѣ хотятъ сказаться больными».

Иванъ Петровичъ былъ спокоенъ, но въ виду такого необычайнаго приглашенія ожидалъ всего. Поэтому онъ завернулъ на телеграфную станцію и на всякій случай запросилъ Петербургъ: «Могу-ли питать увѣренность и дѣйствовать рѣшительно?»

Часовъ въ одиннадцать ночи у Ивана Петровича въ кабинетѣ появился Сидоръ Карповичъ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ примазанной и прилизанной шевелюрой, съ лицомъ, выражавшимъ тихую задумчивость,—словомъ, какъ будто онъ говѣлъ и пришелъ къ Ивану Петровичу исповѣдоваться.

— Сидоръ Карповичъ?—что такъ поздно?—удивился Иванъ Петровичъ.

— Ужъ вы извините, Иванъ Петровичъ. А мнѣ необходимо съ вами поговорить.

— Очень радъ! Очень радъ! Садитесь!

Сидоръ Карповичъ сѣлъ, но молчалъ. Заложивъ большой палецъ правой руки за сюртукъ между двухъ пуговицъ, онъ какъ-то методически игралъ остальными пальцами по сукну.

Digitized by Google

— Ну-съ! такъ въ чемъ же дѣло, Сидоръ Карповичъ?—спросилъ Иванъ Петровичъ, развалившись въ помѣстительномъ креслѣ и приспособляясь чистить ногти.

Сидоръ Карповичъ издалъ тихій и медленный вздохъ.

— Что-жъ дальше будетъ, Иванъ Петровичъ?—спросилъ онъ сиплымъ голосомъ и откашлялся, потому что у него отъ волненія что-то засѣло въ горлѣ.

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся и подумалъ: «за шкуру свою боишься, бѣдный ты человѣкъ!»

— Дальше?—сказалъ онъ:—а что Богъ дастъ.

Сидоръ Карповичъ опять поигралъ пальцами по суконку сюртука.

— Богъ-то зря не дастъ, Иванъ Петровичъ: надобно заработать!—вкрадчиво сказалъ онъ.

— Какъ сію аллегорію понимать прикажете, Сидоръ Карповичъ?—а?

— Я, Иванъ Петровичъ, въ томъ смыслѣ, что ежели у человѣка никакой увѣренности за будущее нѣтъ, такъ не можетъ быть и смѣлости въ его поступкахъ.

Иванъ Петровичъ подозрительно и не безъ удивленія взглянулъ на своего гостя.

— Однако, статскій совѣтникъ, ваше статское совѣтничество не даромъ вамъ досталось. Вы научились-таки читать въ сердцахъ человѣческихъ.

— Да, я могъ бы таки, въ случаѣ надобности!—очень серьезно сказалъ Сидоръ Карповичъ, принявшій замѣчаніе Ивана Петровича за комплиментъ, и продолжалъ,—а значитъ-таки есть заручка, Иванъ Петровичъ?

— Есть, Сидоръ Карповичъ!

— Ну, и слава Богу!

— Да вамъ-то какая корысть отъ этого, Сидоръ Карповичъ?

— Мнѣ? А я такъ разсчитываю: ежели по случаю васъ и на меня падетъ, а вы между прочимъ будете при заручкѣ, такъ и я не пропаду.

— Ну, вы-то напрасно боитесь! Васъ не коснется,—успокоилъ его Иванъ Петровичъ.

Digitized by Google

— Оно положимъ... А на всякій случай не мѣшаетъ поговорить. Теперь я спокоенъ. Имѣю честь кланяться!

Сидоръ Карповичъ ушелъ, съ полною вѣрой въ то, что если общественные ордера прекратятся, то пойдутъ казенные; а для него было это безразлично.

Утромъ, едва только Иванъ Петровичъ проснулся, ему подали телеграмму. Онъ прочиталъ: «Дерзай». И этого было совершенно достаточно, чтобы въ головѣ его моментально родился блестящій планъ блестящаго дѣла, которое должно было поставить втупикъ Марципанова. Напившись чаю, онъ сѣлъ за письменный столъ и съ тщательностью писца написалъ на листѣ бумаги двѣнадцать строчекъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ. Затѣмъ, перечитавъ и присыпавъ песочкомъ, онъ сложилъ бумагу вчетверо и положилъ ее въ боковой карманъ фрака, который висѣлъ еще въ шкафу. Въ этотъ день ему не хотѣлось заходить ни въ управу, ни на кирпичное поле, ни въ городской садъ, ни въ другія управляемыя имъ мѣста: онъ даже почувствовалъ необходимость бриться дома и позвалъ для этого къ себѣ цирульника. Наконецъ, около двѣнадцати часовъ онъ одѣлъ фракъ и отправился къ Марципанову.

Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ, что пріемная комната, та самая, въ которой онъ выслушалъ первую грозную рѣчь Марципанова, была полна народа. Сначала онъ даже былъ склоненъ подумать, что это случайное совпаденіе и что у Марципанова сегодня большой наплывъ посѣтителей. Но приглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что все это были почтенные дѣятели прирѣченскаго муниципалитета. Они стояли очень близко другъ къ другу, скучившись, съ выраженіемъ тревоги, какъ овцы, заслышавшія первый отдаленный порывъ надвигающейся бури, и угрюмо молчали. Это было какое-то могильное молчаніе. Весь общій видъ этого необычайнаго собранія какъ бы говорилъ: «нѣтъ, что бы тамъ ни было, разра-

Digitized by Google

зись надъ нашими головами гроза, съ громомъ и молніей, а мы... мы будемъ молчать, подобно камнямъ безсловеснымъ».

Взглянувъ на нихъ, Иванъ Петровичъ подумалъ:

«Ага, голубчики, струсили! Вишь какъ всѣ валомъ привалили!» Онъ еще разъ и еще внимательнѣе присмотрѣлся, и взглядъ его не нашелъ Марьюшкина. «Да,— продолжалъ думать Иванъ Петровичъ, — этотъ вѣренъ своему принципу. Оттого онъ и саламандра!»

Дудыченко, имѣвшій обыкновеніе всюду захватывать передніе мѣста, оказался въ задней парѣ, такъ что виденъ былъ только паричекъ, по которому Иванъ Петровичъ и узналъ его.

— Что, господа, пришли-таки?—сказалъ Иванъ Петровичъ, пожимая кое-кому руки.

Ему никто не отвѣтилъ. Прирѣченскіе гласные не сговаривались. Какая-то невѣдомая сила подтолкнула каждаго изъ нихъ непремѣнно и во что бы то ни стало пойти на приглашеніе Марципанова. У каждаго была одна и та же мысль, только выраженная въ разныхъ варіаціяхъ. «Ежели онъ, въ интересахъ общественной безопасности, на мѣсто врачей—чиновниковъ особыхъ порученій посадить можетъ,—размышляли прирѣченскіе гласные,—то что же помѣшаетъ ему сказать: а посему я нашелъ нужнымъ, въ интересахъ общественной безопасности, думу упразднить, а на ея мѣсто посадить чиновника особыхъ порученій? Хе, самоуправленіе (такъ размышлялъ каждый въ отдѣльности гласный прирѣченской думы), дѣло оно хорошее и довѣріе это намъ лестно. Примѣрно—я. Готовъ служить вѣрой и правдой, какъ передъ Богомъ, и не кривя душой! Но ежели во всякое время можно это самое самоуправленіе чиновникомъ особыхъ порученій замѣстить, такъ зачѣмъ было и огородъ городить, ей-Богу!»

...«Да это что! Онъ можетъ, ежели захочетъ, разумѣется,—думали другіе,—и меня на приличное разстояніе отъ города Прирѣченска удалить, тоже въ интере-

Digitized by Google

сахъ общественной безопасности. И даже безъ посадки на мое мѣсто чиновника особыхъ порученій. А это ужъ какъ хотите... Оно и отечеству служить трудновато, ежели про собственную шкуру доподлинно не знаешь, твоя она собственность, или на пользованіе тебѣ Марципановымъ дана впредь до новаго распоряженія» и т. д., въ томъ же родѣ.

Изъ двери, ведшей въ кабинетъ, поспѣшно вышелъ Волохонскій и сталъ за своимъ столикомъ. Господа гласные слегка зашевелились, поправили галстухи, вытерли вспотѣвшіе лбы. Видъ у нихъ былъ въ это время безусловно покорный; они какъ бы говорили: «что бы тамъ ни было, а мы винимся, авансомъ винимся, только бы наши шкуры оставили въ покоѣ, да по домамъ безъ замедленія отпустили».

Вслѣдъ за Волохонскимъ наконецъ вышелъ Марципановъ. Онъ стучалъ каблуками и его сапоги какъ-то насмѣшливо поскрипывали. Войдя въ пріемную, онъ остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ гласныхъ и оффиціально, но очень вѣжливо поклонился.

— Мое почтеніе, господа! Я радъ васъ видѣть у себя! — промолвилъ онъ строгимъ, сановнымъ голосомъ, которому нисколько не соотвѣтствовалъ добродушный и простоватый пошибъ его лица.

Гости ничего не отвѣтили на привѣтствіе. А Иванъ Петровичъ, который стоялъ немножко особнякомъ, счелъ своимъ долгомъ отвѣтить за всѣхъ почтительнымъ поклономъ.

Марципановъ помолчалъ съ полъ-минуты и, забравши легкими большой запасъ воздуха, словно собирался разомъ излить все накипѣвшее у него въ груди негодованіе, продолжалъ:

— Да, милостивые государи, я очень, очень радъ видѣть васъ у себя! Очень радъ!..

Но тутъ произошла странная заминка, которой никакъ нельзя было ожидать. Марципановъ, еще за минуту передъ этимъ, когда онъ въ пріятномъ волненіи побѣдителя расхаживалъ по кабинету, былъ вполнѣ

Digitized by Google

убѣжденъ, что скажетъ громовую, внушительную и во всякомъ случаѣ длинную рѣчь. До того онъ былъ убѣжденъ въ этомъ, что даже и не подумалъ приготовиться, набросать планъ хоть мысленно. Онъ зналъ только одно, что скажетъ имъ все,—да, рѣшительно все—и не оставитъ ничего недосказаннымъ. И вдругъ онъ почувствовалъ, что ему нечего сказать, совсѣмъ-таки нечего. Въ самомъ дѣлѣ, что такое случилось? съ чего началось? Стукъ молотовъ, разбудившій его жену раньше, чѣмъ слѣдуетъ? Но можно-ли о подобныхъ вещахъ серьезно говорить передъ такимъ многолюднымъ и солиднымъ собраніемъ? Безпорядки въ лечебницѣ, на бойнѣ, на фермѣ? Но въ чемъ собственно они выразились, въ чемъ? Вѣдь это на столбцахъ оффиціальнаго органа легко было начертать: «въ виду оказавшихся безпорядковъ... а посему»... А тутъ приходится говорить съ живыми людьми и въ то же время смотрѣть имъ всѣмъ въ глаза. Да, говорить передъ пятью-шестью десятками паръ человѣческихъ глазъ, хотя-бы и покорныхъ — это не то же, что помѣстить приказъ въ оффиціальномъ губернскомъ органѣ.

Но такъ какъ нужно было, во что бы то ни стало, продолжать, ибо молчаніе въ столь торжественномъ случаѣ было бы противно и чину, и положенію Марципанова, то онъ и продолжалъ:

— Я радъ, милостивые государи, потому... потому я радъ, милостивые государи, что... что вашимъ присутствіемъ, вашей, такъ сказать, отзывчивостью на мое приглашеніе вы доказали... да, да, вы доказали, милостивые государи, готовность идти рука объ руку съ благими начинаніями...

Казалось бы, ничего особеннаго не заключалось въ этихъ словахъ или по крайней мѣрѣ ничего такого, что могло бы разжечь оратора и заставить его возвысить тонъ. Между тѣмъ Марципановъ послѣднія три слова, а именно: «съ благими начинаніями», произнесъ на цѣлую терцію выше всего предыдущаго, и при этомъ

Digitized by Google

въ глазахъ его загорѣлись гнѣвныя искры и брови нахмурились. И онъ дѣйствительно разсердился. Разсердился Марципановъ потому, что... да что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, такое и на что это похоже! Пригласилъ онъ гг. муниципальныхъ дѣятелей для того, чтобы сдѣлать имъ строжайшее внушеніе, показать имъ ихъ настоящее мѣсто, однимъ словомъ, сказать имъ «все, рѣшительно все» (разумѣя подъ этимъ все самое непріятное), и вдругъ вмѣсто этого онъ говоритъ имъ чуть-ли не комплименты, послѣ которыхъ въ самомъ дѣлѣ только и остается прибавить: «а за симъ, милостивые государи, приглашаю васъ въ столовую, на чашку чая!» Что же это такое? Что они подумаютъ? И въ какомъ видѣ онъ представляетъ себя передъ ними? Въ это время взглядъ Марципанова случайно скользнулъ по лицу Ивана Петровича, и ему показалось, что въ лѣвомъ углу рта почтеннаго старшаго члена прирѣченской городской управы видимо собиралась заиграть насмѣшливая улыбка, и этого было достаточно, чтобы изъ устъ его вырвалось громогласное, все сказанное раньше опровергающее «но».

— Н-но, милостивые государи,—заговорилъ Марципановъ уже высокимъ, нервнымъ и видимо раздраженнымъ голосомъ:—къ моему глубокому сожалѣнію, я долженъ вамъ сказать, милостивые государи, что событія, которыя имѣли мѣсто въ послѣдніе дни... имѣли мѣсто, милостивые государи... не должны были бы имѣть мѣста, если бы... если бы во главѣ муниципалитета стояло лицо... лицо, которое...

— Ваше превосходительство! — деликатно и почти нѣжно проговорилъ Черешковъ, ясно видѣвшій, что гнѣвное краснорѣчіе завело Марципанова въ такія дебри, изъ которыхъ трудно выбраться.

— Что-съ?—спросилъ Марципановъ тѣмъ же гнѣвнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на Черешкова уничтожающимъ взоромъ. Но въ глубинѣ души онъ былъ доволенъ, что ему помѣшали говорить. Никогда онъ не отличался краснорѣчіемъ, но, обладая твердыми принципами и яснымъ взглядомъ на свое призваніе, онъ, при

Digitized by Google

помощи этихъ двухъ орудій, всегда, когда это требовалось установленнымъ порядкомъ, весьма благополучно начиналъ и оканчивалъ рѣчь, ни разу въ своей жизни не ударилъ лицомъ въ грязь. Но тутъ съ нимъ случилось нѣчто небывалое. Съ каждымъ словомъ онъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что ему грозитъ опасность никогда не кончить начатаго предложенія и что тутъ-то именно наконецъ ему придется ударить лицомъ въ грязь. Впрочемъ въ деликатномъ обращеніи Ивана Петровича заключалась не малая опасность. Черешковъ умѣлъ говорить гладко и не прочь былъ пересыпать свою рѣчь едва уловимыми, тонкими колкостями, до которыхъ Марципановъ не былъ охотникъ. Поэтому Марципановъ уже хотѣлъ-было сказать, что не имѣетъ въ виду вести споры и выслушивать возраженія, но въ это время Иванъ Петровичъ повторилъ:

— Ваше превосходительство! — и сказалъ онъ это съ такою мягкостью въ голосѣ, съ такою почтительностью во взглядѣ, что опасенія Марципанова исчезли. Теперь уже онъ былъ почти увѣренъ, что Иванъ Петровичъ скажетъ: «Ваше превосходительство!—простите, больше не буду!» и допустилъ Черешкова говорить. Иванъ Петровичъ сказалъ:

— Ваше превосходительство! Вы изволили высказать, что рады видѣть насъ у себя. На это я позволилъ бы себѣ отъ лица моихъ товарищей отвѣтить, что мы, съ своей стороны, еще болѣе рады видѣть себя у васъ и слышать отъ васъ столь любезное привѣтствіе... («Шпилька это или нѣтъ?»—мысленно спросилъ себя Марципановъ). Вы изволили также высказать, что радуетесь готовности прирѣченскаго муниципалитета идти рука объ руку съ благими начинаніями вашего превосходительства. И здѣсь вы, ваше превосходительство, поставили «но», которое я покорно принимаю на свой счетъ. Любя сердечно городъ Прирѣченскъ и болѣя душой за его интересы, я не желаю, чтобы между благими начинаніями вашего превосходитель-

Digitized by Google

ства и дѣятельностью этого почтеннаго собранія сояло какое бы то ни было «но», и посему я считаю своимъ долгомъ просить ваше превосходительство принять отъ меня эту...

Тутъ Иванъ Петровичъ досталъ изъ бокового кармана бумагу и, подавая ее Марципанову, докончилъ:

— Эту просьбу—ходатайствовать для меня...

— Что такое?..

— Объ отставкѣ!—ясно и торжественно отчеканилъ Иванъ Петровичъ.

Гласные обратили на него вопросительные взоры. Марципановъ же, держа въ рукахъ неразвернутую бумагу, смотрѣлъ какъ-то растерянно. Это именно было то, чего онъ никакъ не могъ предвидѣть.

— Но... но я вовсе этого не... не добивался!.. Это... это противъ моего желанія!..—сказалъ онъ совсѣмъ не тѣмъ возвышеннымъ голосомъ, которымъ говорилъ рѣчь.

— Да, это по моему личному желанію, ваше превосходительство!—съ почтительной язвительностью отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

Марципановъ закусилъ нижнюю губу.

— Хорошо-съ!.. Я... я буду ходатайствовать!—сказалъ онъ отрывисто, поклонился гласнымъ и ушелъ въ кабинетъ, унося съ собой бумагу.

Муниципальные дѣятели стали молча расходиться, глядя на казенно-выкрашенный полъ пріемной и какъ-то излишне шевеля ногами. По лѣстницѣ тоже спускались молча, причемъ Дудыченко былъ впереди всѣхъ, а Иванъ Петровичъ шелъ послѣднимъ. Когда же вышли на улицу, всѣ какъ-то мгновенно куда-то разбрелись, кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ. Спускаясь по ступенькамъ подъѣзда, Иванъ Петровичъ видѣлъ только спины господъ прирѣченскихъ муниципаловъ, уходившихъ поспѣшно и съ самымъ жалкимъ видомъ. «Ай-ай-ай!—подумалъ Иванъ Петровичъ:—вотъ такъ заячье самоуправленіе!.. Однако жъ,—прибавилъ онъ:—надо и то принять во вниманіе, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ заручки, а безъ этой штуки въ наши времена даже и

Digitized by Google

волкъ хвостъ поджимаетъ. А эти почтенные люди и добрые отцы своихъ семействъ—какіе же они волки?!»

На другой день всѣ три чиновника особыхъ порученій были возвращены къ своему первобытному состоянію. Это было сдѣлано безъ особаго объявленія, просто Марципановъ призвалъ ихъ и сказалъ: «Довольно съ васъ, господа! можете идти по домамъ!» И сейчасъ же въ лечебницу вступили врачи, на бойню и на ферму—директора, и все пошло постарому. Марципановъ ѣздилъ рыбку ловить на лодочкѣ, но былъ грустенъ, да и рыба какъ-то плохо ловилась. Когда же онъ прочиталъ въ мѣстныхъ газетахъ, что такого-то августа назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ бывшаго члена управы Ивана Петровича Черешкова, то на него нашло чрезвычайно странное настроеніе. Съ одной стороны онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, потому что вѣдь это же не подлежало никакому сомнѣнію, что побѣда осталась за нимъ. Но съ другой стороны, онъ какъ будто ждалъ другихъ результатовъ. Иванъ Петровичъ удалился съ большимъ достоинствомъ. Того-ли искалъ Марципановъ? Нѣтъ, онъ дожидался, что Иванъ Петровичъ придетъ къ нему и скажетъ: «простите, ваше превосходительство! виноватъ, но больше не буду!» И онъ отечески простилъ бы и вновь сталъ бы возвышать его. Вѣдь въ сущности Марципановъ любилъ Ивана Петровича и любилъ главнымъ образомъ за тотъ рѣшительный характеръ, который онъ проявилъ въ бутузовскомъ дѣлѣ, лишь благодаря злому року оказавшемся неудачнымъ. И вотъ въ самый день отъѣзда Ивана Петровича Марципановъ сидѣлъ у себя на балконѣ и его томила тоска, словно уѣзжалъ не тотъ самый человѣкъ, котораго онъ съ такимъ жаромъ преслѣдовалъ, а лучшій его другъ. Раза три уже къ нему входилъ чиновникъ Волохонскій съ какими-то глупыми докладами, и всякій разъ Марципанову ужасно хотѣлось вдругъ уволить этого вѣрнаго и преданнаго чиновника безъ объясненія причинъ. Это кровожадное желаніе въ послѣднее время

Digitized by Google

стало нерѣдко посѣщать его. Вдругъ на балконѣ появился слуга и доложилъ:

— Иванъ Петровичъ Черешковъ!

Марципановъ сначала не понялъ, потомъ удивился и наконецъ разозлился. «Что это, онъ поразить меня желаетъ джентльменствомъ?»

— Проси въ кабинетъ!—сердито сказалъ онъ лакею.

Черезъ минуту онъ былъ въ кабинетѣ, и Иванъ Петровичъ былъ тамъ. Иванъ Петровичъ разумѣется привѣсилъ орденъ, полученный имъ «по милости Марципанова».

Марципановъ встрѣтилъ его сухо и сухо пригласилъ садиться. Иванъ Петровичъ глядѣлъ беззаботно, говорилъ мягкимъ голосомъ, даже съ оттѣнкомъ нѣжности, какъ человѣкъ, которому послѣ цѣлаго ряда удовольствій предстоитъ новое удовольствіе, самое большое.

— Не странно-ли, ваше превосходительство, сегодня только десятое августа, а въ воздухѣ уже чувствуется, такъ сказать, приближеніе осени?

— Да, да!..—отвѣчалъ Марципановъ, хмуря брови.

— Оно еще жарко разумѣется, но нѣтъ той интенсивности, той, такъ сказать, безнадежности жары, когда просто не знаешь, куда дѣваться...

— Именно - съ!—грубо подтвердилъ Марципановъ.

Иванъ Петровичъ помолчалъ только двѣ секунды и продолжалъ:

— Я думаю, ваше превосходительство, вы теперь съ нетерпѣніемъ ждете возвращенія вашего милаго семейства? Соскучились?

— О, да!

— А когда предполагаетъ пріѣхать ваше семейство?

Марципановъ заигралъ пальцами по столу «Скобелевскій маршъ».

— Двадцатаго!—сказалъ онъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Иванъ Петровичъ всталъ, и Марципановъ тоже.

— Я хотѣлъ спросить у васъ, ваше превосходи-

Digitized by Google

тельство...—началъ Иванъ Петровичъ, и при этихъ словахъ Марципановъ весь вытянулся и насторожился. Теперь конечно онъ коснется послѣднихъ событій и быть можетъ скажетъ какую-нибудь ѣдкость. Надо быть готовымъ къ отраженію.

— Я хотѣлъ спросить у васъ, ваше превосходительство, быть можетъ у васъ осталось въ памяти—въ Курскѣ долго-ли стоитъ курьерскій поѣздъ?

— Въ Курскѣ? Не помню!..—почти бѣшено сказалъ Марципановъ:—могу-ли я помнить?!..

— У меня тамъ родственникъ, такъ я думалъ, не успѣю-ли повидаться съ нимъ... Мое почтеніе, ваше превосходительство! Позвольте васъ просить передать мой нижайшій поклонъ ея превосходительству...

Марципановъ холодно подалъ ему руку и остался въ кабинетѣ. Послѣ ухода Ивана Петровича онъ цѣлый часъ просидѣлъ въ креслѣ, въ какомъ-то злобномъ оцѣпенѣніи. Беззаботность Ивана Петровича, его вѣжливость, почтительность и та тактичность, съ которой онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ объ «исторіи», потрясли его. Ему было бы гораздо пріятнѣе, если бы Иванъ Петровичъ сказалъ ему дерзость.

Когда Иванъ Петровичъ пришелъ домой, его ожидала цѣлая шеренга депутацій. Такъ какъ до отхода поѣзда оставалось еще цѣлыхъ шесть часовъ, то каждая изъ депутацій имѣла полную возможность высказать свои чувства. Первой привѣтствовала его депутація отъ управы, которая состояла изъ всего наличнаго числа ея членовъ, т.-е. изъ Дудыченка, Марьюшкина и Клише.

Дудыченко сказалъ привѣтствіе, которое начиналось слѣдующимъ образомъ: «Дорогой коллега! Когда мой рѣзвый «Огонь» увлекъ меня въ другой городъ и я покидалъ Прирѣченскъ для того, чтобы пожать лавры славы моего знаменитаго жеребца,—думалъ-ли я, клянусь честью, думалъ-ли, что вотъ теперь придется сказать вамъ: прости!» А кончалось такъ: «Клянусь честью,

Digitized by Google

Иванъ Петровичъ, вы были добрымъ товарищемъ!» При этомъ Дудыченко вручилъ Ивану Петровичу альбомъ, гдѣ были виды всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ города Прирѣченска. Вслѣдъ затѣмъ выступила депутація отъ служащихъ въ канцеляріи управы. Сказавъ небольшое привѣтствіе, ораторъ воскликнулъ: «Вы были намъ добрымъ начальникомъ,—спасибо вамъ за это, дорогой Иванъ Петровичъ!»—и поднесъ мраморную чернильницу. Депутація отъ народныхъ городскихъ учителей, въ которой ораторомъ была молоденькая дама, поднесла какую-то толстую книгу. Ораторша закончила свою рѣчь словами: «Вы были нашимъ добрымъ руководителемъ, глубокоуважаемый Иванъ Петровичъ!» Садовники поднесли корзину изъ цвѣтовъ и тоже воскликнули: «Добрый Иванъ Петровичъ!» Труженики городского кирпичнаго поля притащили цѣлую модель какой-то постройки изъ кирпича, съ надписью: «постройка будущаго», и тоже подтвердили, что Иванъ Петровичъ былъ добрымъ человѣкомъ. Наконецъ подошла послѣдняя депутація—Сидоръ Карповичъ самъ отъ себя. Онъ почтительно наклонилъ голову и сказалъ дрожащимъ и тихимъ басомъ:

— Иванъ Петровичъ! Вы уѣзжаете, а я остаюсь! Неизвѣстно, что будетъ завтра. Вы всегда были добры ко мнѣ,—не забывайте и впредь.

Иванъ Петровичъ жалъ руки, обнималъ, прослезился и говорилъ: — Господа! господа! Я сказалъ бы вамъ многое, многое! Но не могу, не могу!

Дѣйствительно, онъ не могъ, потому что былъ растроганъ.

Онъ думалъ: «Что это они всѣ зарядили: добрый да добрый? Неужели я и въ самомъ дѣлѣ такой добрый? Ну, а бутузовская»...

Но тутъ онъ прервалъ себя и сказалъ себѣ мысленно: «Нѣтъ, что-жъ, это такъ-себѣ! Бываетъ и на старуху—проруха, а въ сущности я-таки добрый... И Марципановъ вѣдь тоже добрый, и Дудыченко не злой, и

Digitized by Google

гласные предобрѣйшіе люди... А и пропасть же насъ. добрыхъ людей на Руси!»

Вечеромъ поѣздъ умчалъ Черешкова въ Петербургъ. На другой день пріѣхалъ самъ Азарьянцевъ и вступилъ въ должность.

Digitized by Google

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ.

(ОЧЕРКЪ).

Это было у Полѣновыхъ въ одинъ изъ журфиксовъ, когда у этихъ гостепріимныхъ хозяевъ собралась вся наша губернская интеллигенція.

Въ хозяйскомъ кабинетѣ насъ было человѣкъ восемь. Разговоръ былъ довольно оживленный. Въ нашей гимназіи убрали куда-то стараго директора, который на этой должности, какъ самъ онъ выражался, семь стульевъ просидѣлъ, все у него изъ рукъ валилось, и ничего у него не осталось, кромѣ сухого и мертваго формализма, которымъ онъ заѣдалъ и учащихся, и учащихъ. На его мѣсто прислали другого, который былъ сравнительно молодымъ человѣкомъ. Говорили, что это слава Богу, что давно уже требовалось освѣженіе въ этомъ дѣлѣ, которое, благодаря негодности стараго директора, превратилось въ какую-то мертвечину. Высказывалась увѣренность, что новый директоръ непремѣнно внесетъ въ гимназію духъ оживленія.

— А это еще бабушка на-двое сказала!—замѣтилъ Николай Петровичъ Муромцевъ, для выразительности прищуривъ на секунду лѣвый глазъ и потянувъ обѣими руками книзу свои густѣйшіе и длиннѣйшіе сѣдые усы (ни бороды, ни бакъ онъ не носилъ).

— Какъ! Вы развѣ знаете его лично?—спросили мы всѣ, очень заинтересованные этимъ вопросомъ, потому

Digitized by Google

что у каждаго въ гимназіи былъ сынъ или братъ, или какая-нибудь родня.

— И не думалъ и даже никогда въ жизни не видалъ его!

Николай Петровичъ былъ признанный юмористъ и любилъ иногда пошутить. Всѣ и думали, что это шутка.

— Однако-жъ, чтобы такъ утверждать, надо имѣть какіе-нибудь факты,—внушительно играя своими большими глазами, замѣтилъ прокуроръ мѣстнаго суда:— если онъ человѣкъ живой и съ хорошими намѣреніями, то естественно онъ внесетъ въ дѣло оживленіе.

— Господа, помните вы Степана Николаевича Баюкина?—спросилъ, обращаясь ко всѣмъ и какъ бы не замѣчая прокурорскаго возраженія, Муромцевъ.

— Степана Николаевича? Бывшаго предсѣдателя нашего суда?—воскликнули мы всѣ вмѣстѣ.—Да еще бы не знать! Онъ получилъ повышеніе и переведенъ отсюда четыре года назадъ...

— Ну, вотъ. Скажите, по-вашему это не былъ живой человѣкъ съ свѣтлымъ и здравымъ взглядомъ на вещи?

— Какъ можно?! Степанъ Николаевичъ? Да это былъ премилѣйшій человѣкъ! Кто же не восхищался его резюме? Залъ оживлялся, когда онъ говорилъ... Всюду онъ вносилъ жизнь, душу... Это былъ прелесть что за человѣкъ, Степанъ Николаевичъ. Да какъ же, Боже мой...

— Я не имѣлъ чести знать его, такъ какъ назначенъ сюда послѣ его отъѣзда,—солидно замѣтилъ прокуроръ,—тѣмъ не менѣе я сердечно уважаю этого человѣка!..

— Что касается меня, господа, то мы были съ нимъ даже друзьями и до сихъ поръ состоимъ въ дружеской перепискѣ!—сказалъ Муромцевъ.—Такъ вотъ въ бытность Степана Николаевича предсѣдателемъ нашего суда произошелъ такой случай...

Мы придвинули свои стулья поближе къ Муромцеву,

Digitized by Google

приготовляясь слушать. Муромцевъ умѣлъ отлично разсказывать. Слушая его, казалось, что читаешь повѣсть или романъ.

— Въ томъ году я былъ впервые избранъ въ почетные мировые судьи, — началъ Муромцевъ. — Я уже нѣсколько разъ былъ приглашаемъ въ качествѣ судьи, замѣняющаго члена суда, т. е. собственно для того, чтобы сидѣть ошую господина предсѣдателя. Сами знаете, господа, что это дѣло не трудное. Сиди себѣ и размышляй о чемъ тебѣ угодно. Ежели очень скучно и зѣвнуть хочешь, возьми со стола «дѣло» и закрой имъ лицо. Иногда ваша задумчивость нарушается наклоненіемъ въ вашу сторону предсѣдательской головы. Но тогда вамъ стоитъ только и съ своей стороны наклониться къ нему и съ секунду пошевелить губами, и вы сейчасъ же получаете свободу предаваться вашимъ мечтамъ. На все форма, господа, не правда-ли, Сергѣй Александровичъ?

Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ прокурору. Онъ молча наклонилъ голову, придавъ своему поклону чуть-чуть боковое направленіе, и сдѣлалъ правой рукою легкій жестъ, который какъ-бы говорилъ: «Прошу васъ продолжать. Я сперва послушаю,—а потомъ выскажусь!»

— Я хочу сказать, господа, что форма прелестная вещь, — продолжалъ Муромцевъ: — она нерѣдко замѣняетъ и изученіе, и умъ. А впрочемъ это я такъ, къ слову... Я продолжаю. На этотъ разъ было назначено, если мнѣ не измѣняетъ память, четырнадцать дѣлъ или, лучше сказать, дѣлишекъ. Вы удивлены, господа, что можно на одинъ день назначить четырнадцать дѣлъ? Признаюсь, мнѣ самому это показалось удивительнымъ, и я даже спросилъ Степана Николаевича:

— Неужели вы разсчитываете сегодня разсмотрѣть всѣ эти дѣла, Степанъ Николаевичъ? Вѣдь это мы засидимся за полночь...

— За полночь? ха, ха, ха! Ахъ, вы, неопытность святая! Да мы ихъ всѣ до трехъ часовъ отмахаемъ!..

Digitized by Google

Присутствовавшіе при этомъ Иванъ Семеновичъ—членъ суда, и Алексѣй Сергѣевичъ — товарищъ прокурора, улыбнулись въ мою сторону, какъ бы говоря: «и еще какъ отмахаемъ! вотъ увидите»!

— Четырнадцать-то дѣлъ? — все-таки продолжалъ я удивляться.

— Ахъ, голубчикъ Николай Петровичъ! Да вѣдь дѣла дѣламъ рознь. И какія это дѣла? Это орѣхи: трахъ, трахъ... Смотришь, дюжину и отщелкалъ, осталась только скорлупа...

И опять Иванъ Семеновичъ и Алексѣй Сергѣевичъ сказали мнѣ взглядами: «мы въ своей жизни уже безчисленное множество этихъ орѣшковъ пощелкали!» Но когда проходившій мимо насъ по корридору (мы бесѣдовали въ судебномъ корридорѣ) адвокатъ Мормоновъ, котораго вы, господа, всѣ знаете, тоже прекрасный человѣкъ,—посмотрѣлъ на меня снисходительно и сказалъ: —видно, что вы еще не искусились въ дѣлахъ, дорогой Николай Петровичъ!—то я окончательно убѣдился, что это не дѣла, а орѣхи и, при торжественномъ возгласѣ судебнаго пристава «судъ идетъ», я вслѣдъ за предсѣдателемъ вошелъ въ залъ засѣданій и, занявъ мѣсто ошую добрѣйшаго Степана Николаевича, приготовился щелкать орѣхи. Вы улыбаетесь, Сергѣй Александровичъ; по всей вѣроятности, вамъ угодно сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе...—прибавилъ разсказчикъ, взглянувъ на прокурора.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ прокуроръ, стараясь сдержать улыбку: — я только догадываюсь, какія это были дѣла. По всей вѣроятности — о нарушеніи акцизнаго устава...

— Представьте себѣ, что вы совершенно правы! И не правда-ли, вы также думаете, что это—орѣхи?!

— Да... какъ вамъ сказать? Эти дѣла у насъ на особомъ положеніи. Это, такъ сказать, безспорныя дѣла...

— Ага! Такъ я позволю себѣ продолжать. Первымъ стояло дѣло объ оберъ-офицерскомъ сынѣ Михаилѣ

Digitized by Google

Григорьевѣ Котиковѣ. Прочиталъ я это и думаю: Котиковъ, Котиковъ! Удивительно знакомая фамилія! Гдѣ я ее слышалъ? Оберъ-офицерскій сынъ? И кто бы это такой былъ? Не встрѣчался-ли я съ нимъ гдѣ-нибудь? Э, да вотъ онъ и самъ. Удивительно знакомое лицо! Человѣкъ среднихъ лѣтъ и, такъ сказать, средняго типа. Знаете, бываютъ такіе люди, которымъ судьба дала все среднее: ростъ, толщину, черты лица, голосъ, умъ, все, все. Ну, вотъ взяли тысячу разнокалиберныхъ людей и у каждаго изъ этой тысячи отбросили всѣ его характерныя особенности: одинъ выдавался ростомъ, его немножечко срѣзали, другой былъ слишкомъ толстъ — его прессомъ сжали со всѣхъ сторонъ, этотъ былъ очень тонокъ, ему наставили мяса, у того замѣтили выдающійся умъ—его слегка огорошили молоткомъ въ темя и онъ сталъ глупѣе, и вотъ вышелъ средній выводъ изъ тысячи, средній человѣкъ. У оберъ-офицерскаго сына была наружность вполнѣ приличная. Черный сюртукъ, свѣжіе воротнички, все какъ слѣдуетъ. Физіономія—самаго мирнаго и добродушнаго характера: мягкіе русые волосы, покорно зачесанные отъ проборчика слѣва направо, добрые голубые глаза, прилично содержимая круглая бородка. Вообще видно было, что это мирный гражданинъ, никоимъ образомъ неспособный на злоумышленіе и нарушеніе уставовъ. Но гдѣ я его видѣлъ, Боже мой? А видѣлъ, ну, вотъ, точно вчера видѣлъ. И фамилія знакомая: Котиковъ! Рѣшительно знакомая фамилія.

Начались разспросы.

«Васъ зовутъ Михаиломъ Григорьевичемъ Котиковымъ? Вы оберъ-офицерскій сынъ? Вамъ 34 года? Вы православный?» Ничего этого не отрицаетъ оберъ-офицерскій сынъ и все подтверждаетъ. Добрые глаза его смотрятъ на всѣхъ—на Степана Николаевича, на Ивана Семеновича, на Алексѣя Сергѣевича, на меня, на Мормонова и на немногочисленную публику—смотрятъ какъ-то недоумѣвающе.—«Господи!—какъ бы говорятъ они,—

Digitized by Google

неужели это залъ суда, а это я здѣсь въ качествѣ подсудимаго? Не сонъ-ли это, и какъ это могло случиться? И неужели въ самомъ дѣлѣ меня будутъ сейчасъ судить и присудятъ въ тюрьму, меня, оберъ-офицерскаго сына Котикова, никогда никому не сдѣлавшаго зла»?

— Чѣмъ вы занимаетесь? — спрашиваетъ его Степанъ Николаевичъ.

— Музыкантъ. Играю первую скрипку въ театральномъ оркестрѣ и даю уроки!..—скромно, но съ немалымъ достоинствомъ отвѣтилъ Котиковъ. Очевидно онъ гордился своей профессіей. «Ба, ба, ба! чуть не вскричалъ я: музыкантъ, первая скрипка. Теперь все ясно!» Дѣйствительно, я еще третьяго дня видѣлъ его въ оркестрѣ, конечно не первый разъ видѣлъ; а недавно еще, когда я разузнавалъ у знакомыхъ, кто бы могъ давать уроки на скрипкѣ моему племяннику, мнѣ сказали: «возьмите Котикова, онъ хорошо учитъ!» И какъ старательно игралъ въ оркестрѣ этотъ человѣкъ! Не разъ я наблюдалъ, какъ энергично онъ каждыя двѣ минуты вытиралъ платкомъ вспотѣвшее лицо и затылокъ. Такъ вотъ что такое былъ этотъ оберъ-офицерскій сынъ! А кстати, господа, что это у насъ за званіе такое—оберъ-офицерскій сынъ? Человѣку 34 года, у него ужъ своихъ сыновей трое, да дочери двѣ, а онъ все-таки не самъ по себѣ, а сынъ, хотя бы и оберъ-офицерскій. Вѣдь вотъ Котиковъ оказался музыкантомъ, а между тѣмъ не было сказано: «Дѣло о музыкантѣ», а «дѣло объ оберъ-офицерскомъ сынѣ». «Музыкантъ» — живое слово — сейчасъ тебѣ рисуетъ человѣка, типъ, картину. А «оберъ-офицерскій сынъ»—вѣдь это ровно ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу. И немало у насъ есть такихъ сыновей—купеческихъ, оберъ и штабъ-офицерскихъ, солдатскихъ и проч. Кто такіе? Сыновья да и только. А у сыновей-то ужъ бороды сѣдыя, иному почтенному человѣку даже неприлично именоваться «сыномъ»...

— Есть простой способъ!—замѣтилъ прокуроръ.

— Какой?

Digitized by Google

— Выслужить чинъ и въ чинѣ именоваться!

— Гм.... Легко это говорить господину прокурору, а извольте-ка выслужить чинъ, играя первую либо вторую скрипку въ оркестрѣ или сочиняя газетныя статьи. Напримѣръ,—писатель. Всю жизнь, положимъ, человѣкъ писалъ, ну, скажемъ, романы или тамъ фельетоны, этимъ только и занимался. Такъ всѣ и говорили про него: онъ писатель! Но вдругъ съ нимъ случилась диффамація и его судятъ. Кого же судятъ? Писателя? Ничуть не бывало! Штабъ-офицерскаго сына или въ самомъ лучшемъ случаѣ коллежскаго ассесора,—а онъ даже и забылъ, что онъ именно и есть коллежскій ассесоръ. Нѣтъ, что ни говорите, господинъ прокуроръ, а мы хоть и далеко ушли на пути гражданственности, а все же еще люди казенные и прозванія у насъ казенныя... Ахъ, я опять отвлекся въ сторону. Продолжаю. Начинается разбирательство. Ну, тамъ разныя неизбѣжныя формальности и прочее, а вотъ и обвинительный актъ. Читаетъ его намъ секретарь суда, Агафонъ Марковичъ, но читаетъ такъ, что ничего разобрать нельзя. Гудитъ и икаетъ, вотъ все, что можно было сказать про его чтеніе. Только послѣднимъ словамъ онъ сдѣлалъ особую честь и произнесъ ихъ довольно внятно. Изъ нихъ-то я и узналъ, что оберъ-офицерскій сынъ Котиковъ обвиняется въ употребленіи безбандерольнаго табака, пріобрѣтеннаго контрабаднымъ способомъ, и въ приготовленіи изъ этого табака папиросъ для продажи, тоже, разумѣется, безбандерольнымъ и контрабаднымъ способомъ, причемъ, къ увеличенію его несчастья, у него было найдено и орудіе злодѣянія, т. е. машинка для дѣланія папиросъ, пріобщенная къ дѣлу,—каковыя дѣянія подводятся подъ ст. 243 устава о табачномъ сборѣ. «А, подумалъ я,—такъ вотъ каковъ ты музыкантъ—оберъ-офицерскій сынъ Котиковъ! Въ оркестрѣ ты невиннымъ образомъ на скрипкѣ пиликаешь, а дома, въ укромномъ мѣстечкѣ, контрабандой занимаешься? Гм!... А еще я хотѣлъ, чтобы ты давалъ уроки на скрипкѣ моему племяннику! Хороши же были бы эти уроки!»

Digitized by Google

— Подсудимый Котиковъ!—торжественно вопрошаетъ Степанъ Николаевичъ, и при этомъ глаза его добродушно и лѣниво улыбаются:—вы обвиняетесь въ томъ... и т. д., какъ полагается.—Признаете-ли вы себя виновнымъ?

— Нѣтъ, не признаю!—былъ отвѣтъ. Но это опять-таки еще ничего не значитъ. Судъ приступаетъ къ судебному слѣдствію. Свидѣтели: дворникъ дома, въ которомъ живетъ Котиковъ уже десять лѣтъ, акцизный агентъ, составившій протоколъ о его злодѣйствѣ, околоточный, присутствовавшій при этомъ, и кухарка Котикова. Первый показываетъ акцизный агентъ. Это сухопарый и длинный человѣкъ, точь-въ-точь такой, какимъ изображаютъ заговорщиковъ въ мадамъ-Анго,—видно сейчасъ, что слабогрудый и обремененъ семействомъ. Объясняетъ, что служитъ, такъ сказать, поштучно. Откроетъ злодѣяніе, получаетъ вознагражденіе, а не откроетъ—голодаетъ. Говоритъ довольно смѣло и съ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ «въ этихъ дѣлахъ понатертый». И говоритъ онъ такъ:

— Зашелъ я однажды во дворъ дома № 17. Зашелъ я безъ всякой надобности, а просто по службѣ. Иной разъ зайдешь и что-нибудь откроешь... Спрашиваю дворника: а что, нѣтъ-ли чего у васъ подозрительнаго?—А вы не заглядывали въ квартиру 28-ю?—А что?—говорю.—Да такъ, ничего... Можетъ заглянули бы какъ-нибудь... Такъ, послѣ обѣда, часу въ пятомъ.—Ну, я себѣ подумалъ: ужъ коли дворникъ говоритъ, значитъ это не спроста; значитъ, есть что-нибудь подозрительное. На другой же день и пришелъ. Но сперва подошелъ къ окну квартиры № 28 и заглянулъ. Гляжу, сидитъ за столомъ и машинкой орудуетъ. Эге, думаю, дѣло знакомое!... Сейчасъ это я пригласилъ околоточнаго и звоню. «Имѣемъ честь рекомендоваться»... и прямо въ кабинетъ. Ну, извѣстно—табакъ въ газетной бумагѣ, само собою безъ всякихъ бандеролей, папиросы, машинка... протоколъ, и дѣлу конецъ. Больше ничего не имѣю.

За симъ говорилъ дворникъ.

Digitized by Google

— Что вы знаете по этому дѣлу?—спросилъ его Степанъ Николаевичъ.

— Я, ваше высокоблагородіе, ничего не знаю!—чистосердечно открылся дворникъ.

— Вы не совѣтывали акцизному агенту заглянуть въ квартиру № 28?

— Да можетъ и говорилъ такъ, какъ-нибудь между прочимъ... А такъ, чтобы настояще совѣтывать, этого не упомню...

— А не замѣчали ли вы чего-нибудь подозрительнаго въ квартирѣ № 28?

— Чего-нибудь такого, чтобы подозрительное, не примѣчалъ. Можетъ что-нибудь и сболтнулъ, Богъ его знаетъ... Наше дѣло дворницкое, сидишь у воротъ, скучно, ну, иной разъ и пошевелишь зря языкомъ...

Наконецъ пригласили кухарку. Эта толстая и должно быть очень сердечная особа вбѣжала въ залъ и начала съ того, что произвела Степана Николаевича въ генералы.

— Ваше высокопревосходительство!—буквально возопила она и съ такимъ искреннимъ чувствомъ произнесла это, что Степанъ Николаевичъ, я убѣжденъ въ этомъ, на минуту почувствовалъ себя дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, тогда какъ онъ былъ хотя и дѣйствительнымъ, но лишь статскимъ.

— Ваше высокопревосходительство! я у нихъ семь годовъ служу, вотъ побей меня Крестъ, семь годовъ служу и даже отъ нихъ, и отъ супруги ихней, и отъ дѣтей ихнихъ неблагороднаго слова не слыхала. Тихіе такіе, все молчатъ, все молчатъ. Поиграютъ на скрипкѣ, да помолчатъ, вотъ вся ихъ жизнь. А тутъ вдругъ околоточный надзиратель... Господи ты Боже мой! Да никогда въ жизни! Не вѣрьте, ваше высокопревосходительство!...

— Скажите, свидѣтельница,—строго обратился къ ней обвинитель Алексѣй Сергѣевичъ,—не случалось-ли вамъ видѣть, что къ господину Котикову приходили какія-нибудь личности?

Digitized by Google

— Личности? Да Боже сохрани! Что то за напасть за такая! Какія-такія личности?

— Свидѣтельница, не перебивайте меня!—удвоивъ строгость, замѣтилъ Алексѣй Сергѣевичъ,—личности, у которыхъ онъ покупалъ табакъ или которымъ продавалъ папиросы?

— Продавалъ? господинъ Котиковъ продавали? Да что это вы, ей-Богу, какія слова говорите?!

— Свидѣтельница, отвѣчайте только на вопросы!

— И даже отвѣчать не хочу на такіе вопросы! Вотъ выдумали: продавалъ! Да что они, кущы, что-ли? Музыканты они, а не кущы...

Спросили еще околоточнаго надзирателя и прочитали протоколъ. Въ протоколѣ все было такъ ясно и просто изложено: табакъ, папиросы, очевидно безъ бандероли и очевидно же для продажи. А главное машинка, машинка, орудіе злодѣйства—улика неустранимая. Всталъ обвинитель, т. е. Алексѣй Сергѣевичъ, и даже не то чтобы всталъ какъ слѣдуетъ, а такъ сказать привсталъ какъ бы только для того, чтобы сейчасъ же сѣсть. Ни разу не переводя духъ, онъ сказалъ что-то такое о достовѣрности протокола, о требованіяхъ общегосударственной пользы, о явныхъ убыткахъ казнѣ и о священной обязанности суда охранять ея интересы, а въ заключеніе подвелъ дѣяніе оберъ-офицерскаго сына Котикова подъ 243-ю статью устава о табачномъ сборѣ, по каковой и требовалъ возмездія. Онъ говорилъ не больше трехъ минутъ, а когда онъ сѣлъ, поднялся адвокатъ Мормоновъ и безъ дальнѣйшихъ околичностей сталъ просить для своего кліента снисхожденія: «Я прошу судъ—сказалъ онъ,—принять во вниманіе, что обвиняемый—человѣкъ бѣдный, живущій скромнымъ и плохооплачиваемымъ трудомъ оркестроваго музыканта, для котораго очень естественно стремиться къ увеличенію своего заработка, и если ужъ нельзя совсѣмъ освободить его отъ наказанія, то подвести его дѣяніе не подъ 243, а подъ 242 ст. устава о табачномъ сборѣ».

Digitized by Google

— Подсудимый, вамъ принадлежитъ слово! —сказалъ Степанъ Николаевичъ.

Оберъ-офицерскій сынъ всталъ и развелъ руками.

— Я ничего не понимаю!—произнесъ онъ:—одно только знаю, что всю жизнь считалъ себя честнымъ человѣкомъ и никогда не думалъ, что курить папиросы собственнаго издѣлія—преступленіе. А больше ничего...

Въ то время, какъ онъ говорилъ это, я взялъ со стола книгу, въ которой отыскалъ уставъ о табачномъ сборѣ. Я быстро нашелъ 243 и 242 статьи и прочиталъ ихъ. Но вотъ Степанъ Николаевичъ зашевелилъ какими-то лежавшими передъ нимъ бумагами, поводилъ по одной изъ нихъ перомъ, пошепталсяся съ членомъ суда и затѣмъ, наклонившись въ мою сторону, тоже что-то прошепталъ, но я ничего не могъ понять, кромѣ двухъ словъ: «тюремное заключеніе». При этомъ лицо Степана Николаевича выражало такую бездну добродушія, что, казалось, оберъ-офицерскаго сына Котикова ожидало не тюремное заключеніе, а приглашеніе сыграть элегію Эрнста подъ аккомпаниментъ супруги Степана Николаевича.

Я взглянулъ на него вопросительно, въ моихъ глазахъ безъ сомнѣнія было написано: «какъ—въ тюрьму? Что вы, съума сошли, Степанъ Николаевичъ!» Но милѣйшій предсѣдатель не понялъ моего взгляда и, уже отклонившись отъ меня въ свое нормальное положеніе, откашлялся, видимо собираясь начать: «по указу»... и пр. Тутъ я схватилъ его за рукавъ и энергично дернулъ книзу. Онъ взглянулъ на меня:

— Что вы желаете, Николай Петровичъ?—тихонько спросилъ онъ меня.

— Я прошу сдѣлать перерывъ... Я имѣю кое-что сказать!..—отвѣтилъ я.

— Вы? по этому дѣлу?—съ удивленіемъ прошепталъ Степанъ Николаевичъ.

— Да, да, да! Я хочу много сказать!—повторилъ я.

— Но не будетъ-ли это только потеря времени?

— Нѣтъ, прошу васъ, Степанъ Николаевичъ!

Digitized by Google

Степанъ Николаевичъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ сожалѣніемъ и пожалъ плечами.—Не понимаю! прошепталъ онъ, потомъ наклонился къ моему правому коллегѣ, глубоко вздохнулъ и наконецъ сказалъ громко, голосомъ, въ которомъ звучалъ горькій оттѣнокъ обиды:

— Судъ удалится для совѣщанія!

Я замѣтилъ, что прокуроръ и Мормоновъ оба посмотрѣли на него съ большимъ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая: «что это съ нимъ сдѣлалось?»

Всѣ мы, т. е. я, предсѣдатель, членъ суда, секретарь и даже прокуроръ, которому, какъ вамъ извѣстно, этого не полагается, удалились въ совѣщательную комнату. Одинъ только Мормоновъ остался въ залѣ. Въ комнатѣ оказалось еще человѣка четыре судейскихъ. Степанъ Николаевичъ сѣлъ въ кресло и обратился ко мнѣ прежнимъ укоризненнымъ тономъ, въ которомъ слышалось также и сожалѣніе по поводу моей неопытности.

— Что же именно вы хотите сказать, Николай Петровичъ?

Я замѣтилъ, что и всѣ остальные смотрѣли на меня также съ полуулыбкой сожалѣнія: «Ахъ, новичекъ, новичекъ!—явно думали они,—молчалъ бы, коли ничего не понимаешь; а то только даромъ дѣло затягиваешь!»— «Ладно,—подумалъ и я въ свою очередь,—вотъ я васъ всѣхъ подведу, друзья мои, и тогда мы посмотримъ, кто будетъ послѣднимъ смѣяться».

Я вынулъ изъ кармана портсигаръ, вотъ этотъ самый, господа, и любезно предложилъ всѣмъ по папироскѣ. Всѣ взяли, только прокуроръ на мгновеніе остановился, какъ бы предчувствуя западню, но все-таки взялъ и закурилъ.

— Ну-съ, такъ что же, Николай Петровичъ?— уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ спросилъ предсѣдатель.—Право же, мы дорожимъ временемъ...

— Позвольте прежде задать вопросъ, Степанъ Николаевичъ,—сказалъ я,—вы мнѣ сообщали на ухо,

Digitized by Google

но я, признаюсь, не разслышалъ тогда... Къ какому наказанію присуждается Котиковъ?

— Къ конфискаціи всего оказавшагося у него табака и табачныхъ издѣлій, т. е. папиросъ, къ уплатѣ акциза за нихъ вдесятеро и тройной цѣны того патента, какой на фабрикѣ имѣть слѣдовало, и сверхъ всего этого къ тюремному заключенію на два мѣсяца, согласно статьѣ 243 устава о табачномъ сборѣ, и съ принятіемъ во вниманіе смягчающихъ вину обстоятельствъ,—твердымъ и убѣжденнымъ голосомъ проговорилъ Степанъ Николаевичъ, но взглянулъ на меня съ прежнимъ сожалѣніемъ.

— Гм!.. Значитъ, вы убѣждены, что двѣсти папиросъ, найденныя у Котикова, назначались для продажи, и табакъ былъ безбандерольный? Такъ?

— Протоколъ... въ подобныхъ дѣлахъ мы должны руководствоваться протоколомъ...

— Протоколъ составляли смертные люди... А знаете-ли, господа, чье показаніе произвело на меня самое сильное впечатлѣніе? Кухарки...

— Чѣмъ же это?—съ презрительной улыбкой спросилъ обвинитель, съ которымъ кухарка Котикова обошлась невѣжливо.

— Своей искренностью, такъ сказать, непосредственностью...

— Ахъ, почтеннѣйшій Николай Петровичъ, — тономъ отеческаго выговора промолвилъ предсѣдатель,— вы, такъ сказать, диллетантъ, а мы спеціалисты. Я совершенно понимаю ваше желаніе разобрать по косточкамъ всякое, хотя бы ничтожное дѣло, но намъ этого нельзя дѣлать. Передъ нашими глазами подобныя дѣла проходятъ десятками. Представьте себѣ, что мы будемъ подробно останавливаться на каждомъ изъ нихъ. Да вѣдь мы тогда не успѣемъ разсмотрѣть и двухъ дѣлъ въ день. Притомъ всѣ эти подробности повторяются, и по мѣрѣ практики мы вырабатываемъ себѣ общій взглядъ... Да-съ, общій взглядъ, которымъ и руководствуемся.

Digitized by Google

— Я долженъ прибавить,—вставилъ обвинитель,— что въ подобныхъ дѣлахъ всякое послабленіе повело бы за собой массу злоупотребленій...

— А я долженъ замѣтить, — подчеркивая слова, произнесъ я,—что для суда праваго и милостиваго, суда по существу, а не формально, нѣтъ и не должно существовать выраженія «подобныя дѣла»; «подобныхъ дѣлъ» нѣтъ, а есть каждое дѣло въ отдѣльности, ибо въ каждомъ дѣлѣ участвуетъ живой человѣкъ, живая индивидуальность. «Подобныя дѣла» имѣютъ мѣсто только въ статистикѣ, а не въ залѣ суда, и судья, который руководствуется не обсужденіемъ по существу каждаго даннаго дѣла, а «общимъ взглядомъ», извините меня, господа, не выполняетъ своего назначенія...

Добрѣйшій предсѣдатель кажется немножко обидѣлся и нетерпѣливо застучалъ пальцами по столу. Остальные смотрѣли на меня съ улыбкой снисхожденія.

Но я продолжалъ:

— Хотите-ли, господа, я разскажу вамъ, какъ было дѣло? Дѣло было вотъ какъ: Котиковъ однажды очень поздно возвращался изъ театра и очень долго звонилъ у воротъ. У дворника въ этотъ день были кумовья, подвыпили и поздно разошлись, поэтому дворнику очень хотѣлось спать. Звонъ Котикова привелъ его въ бѣшенство, онъ вышелъ и, отпирая ворота, сердито ворчалъ: «вотъ, по ночамъ шляется, спокою не даетъ!» А Котиковъ вмѣсто того, чтобы умилостивить его двугривеннымъ, съ своей стороны обидѣлся, потому что онъ вѣдь не кто-нибудь, а оберъ-офицерскій сынъ. Обидѣлся и сказалъ: «молчи и исполняй свою обязанность», ну, можетъ быть прибавилъ еще: «болванъ ты этакой» или что-нибудь въ такомъ родѣ. Послѣ этого эпизода дворникъ сталъ злобствовать на Котикова и всячески искалъ случая нагадить ему. Однажды во дворъ зашелъ акцизный агентъ, котораго вы имѣли удовольствіе видѣть, человѣкъ почтенный, какъ вы убѣдились, но заинтересованный въ томъ, чтобы на земномъ шарѣ было

Digitized by Google

какъ можно больше преступленій противъ 242 и 243 статей устава о табачномъ сборѣ. Зашелъ онъ и прямо къ дворнику.

— А что? нѣтъ-ли чего?

Тутъ дворникъ и вспомнилъ о своей обидѣ: «ага, постой-же, оберъ-офицерскій сынъ, я тебя подведу!»

— А вы того... Гм... Въ квартиру № 28... Гм... Какъ-нибудь загляните...

Акцизный агентъ разумѣется поспѣшилъ заглянуть; а все остальное ужъ вы знаете, господа...

Опять всѣ улыбались на мой счетъ, а предсѣдатель пожалъ плечами.

— Видно, что вы, Николай Петровичъ, не дорожите ни вашимъ, ни нашимъ временемъ!—съ глубокой горечью проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, — поспѣшилъ я опровергнуть,—я очень дорожу своимъ временемъ, а въ особенности вашимъ, господа! Но вы изъ-за меня потеряете только одинъ часъ, а оберъ-офицерскій сынъ Котиковъ потеряетъ гораздо больше: цѣлыхъ два мѣсяца, которые онъ проведетъ очень плохо...

— Вы насъ не переубѣдите, Николай Петровичъ...

— Какъ? Вы въ этомъ увѣрены? Ваши сужденія настолько подчинены «общему взгляду»? Въ такомъ случаѣ я долженъ обратиться къ господину представителю обвиненія: Алексѣй Сергѣевичъ, прошу васъ распорядиться, чтобы меня арестовали! Я преступникъ, я нарушилъ 243 статью устава о табачномъ сборѣ...

— Это еще что такое?

— Да, да, да! Я прошу васъ объ этомъ. Кромѣ того, я предлагаю вамъ сейчасъ же отправиться ко мнѣ на квартиру, гдѣ въ правомъ ящикѣ моего стола вы найдете всѣ улики преступленія: два фунта табаку и притомъ безбандерольнаго, потому что я имѣю обыкновеніе смѣшивать два сорта и съ этой цѣлью пересыпаю табакъ въ деревянную шкатулку, которую мнѣ подарила жена въ прошломъ году въ день моего ангела, нѣсколько

Digitized by Google

десятковъ папиросъ и, наконецъ, самое орудіе преступленія, т. е. мѣдную машинку и деревянную палочку... Прошу васъ, г. прокуроръ, арестовать меня!

— Ха, ха, ха! — разсмѣялись разомъ членъ суда, секретарь и еще кое-кто изъ присутствовавшихъ, и я замѣтилъ, что въ этомъ смѣхѣ уже не было сожалѣнія по моему адресу, а напротивъ проглядывало въ немъ нѣкоторое сочувствіе: «А это въ самомъ дѣлѣ ловко подведено!» какъ бы говорили ихъ взгляды.

— Но позвольте,—возразилъ обвинитель,—все это было бы убѣдительно, если бы вы занимались дѣланіемъ папиросъ не для собственнаго употребленія, а для сбыта, какъ сказано въ законѣ... А этого нѣтъ...

— Почемъ вы знаете, что нѣтъ? А вы думаете, что если бы у меня побывалъ акцизный агентъ и составилъ протоколъ, то не написалъ бы онъ: «очевидно для сбыта»? Да, наконецъ, я дѣлаю папиросы не только для себя, но и для сбыта...

— Какъ такъ? —спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— А такъ, господа, что не только меня слѣдуетъ отдать подъ судъ, а и васъ, всѣхъ васъ, господа!

У всѣхъ на лицахъ, не исключая и предсѣдателя, я прочелъ сильное недоумѣніе и вопросъ —Да, да, господа! Васъ слѣдуетъ отдать подъ судъ за соучастіе въ моемъ преступленіи, потому что я только что имѣлъ удовольствіе угостить васъ папиросами, которыя собственноручно приготовилъ въ нарушеніе 243 ст. устава о табачномъ сборѣ, и васъ, господинъ обвинитель—вы до сихъ поръ еще курите...

Дружный хохотъ огласилъ совѣщательную комнату, предсѣдатель улыбнулся, а прокуроръ затянулся папиросным дымомъ и, поперхнувшись, сильно закашлялся.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ...—заговорили мои слушатели, — вообще конечно общій взглядъ необходимъ... но примѣнительно къ данному случаю...

— Оно положимъ... Я самъ склоняюсь къ этому!.. Примѣнительно къ данному случаю можно признать, что

Digitized by Google

Николай Петровичъ близокъ къ истинѣ!—немного смутившись, отвѣтилъ предсѣдатель. — Жаль только, что проволочка времени. Придется писать новый приговоръ.

— Какъ? Онъ у васъ уже написанъ? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— А какъ же! По этимъ дѣламъ мы всегда заранѣе заготовляемъ... Иначе и нельзя! Ну, что-жъ, придется разорвать!

Тутъ Степанъ Николаевичъ вынулъ изъ бокового кармана вчетверо сложенный листъ бумаги, развернулъ его и съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія медленно разорвалъ на четыре части.

— Агафонъ Марковичъ! — обратился онъ къ секретарю,—пишите новый приговоръ, дѣлать нечего!

Когда былъ объявленъ приговоръ о томъ, что оберъ-офицерскій сынъ Котиковъ признанъ невиновнымъ, то никто не былъ такъ пораженъ этимъ, какъ адвокатъ Мормоновъ, который просилъ только смягченія по 243 ст. Онъ даже былъ сконфуженъ, какъ мнѣ показалось. Такъ вотъ какъ-съ, господинъ прокуроръ!

— Я одного только не понимаю, — сказалъ прокуроръ,—какое отношеніе вашъ разсказъ имѣетъ къ новому директору гимназіи?

— А то, что боюсь я, какъ бы у него не оказалось «общаго взгляда». Не обратили ли вы, господа, вниманія на такое странное явленіе: у насъ всюду жалуются на бездушное, деревянное отношеніе педагоговъ къ своимъ воспитанникамъ, а между тѣмъ мы отлично знаемъ, что эти самые педагоги въ житейскомъ обращеніи обыкновенные, очень милые и сердечные люди. Отчего это происходитъ? Ахъ, господа, всему виной «общій взглядъ», который самъ собою вырабатывается у нихъ гораздо раньше, чѣмъ они выслужили пенсію, проклятый холодный и сухой взглядъ, избавляющій ихъ отъ размышленія и вниканія въ каждый отдѣльный случай, подводящій всѣхъ, носящихъ гимназическій мундиръ, подъ одну мѣрку и пріучающій ихъ видѣть только мѣ-

Digitized by Google

ста, занятыя въ классѣ учениками, и вовсе не видѣть этихъ учениковъ съ ихъ живыми душами, съ ихъ тонкими индивидуальными различіями и способностями. Отъ души желаю, чтобы у новаго директора еще не было «общаго взгляда». Вотъ къ чему я разсказалъ вамъ, господа, случай съ оберъ-офицерскимъ сыномъ Котиковымъ, который и нынѣ играетъ въ театральномъ оркестрѣ первую скрипку и конечно и не подозрѣваетъ, что я отвелъ отъ него чашу. А продолжаетъ-ли онъ курить папиросы собственнаго издѣлія, этого я не знаю.

Digitized by Google

АХМЕТКА САРАТОВСКІЙ.

(ОЧЕРКЪ).

— Удивительное дѣло, право! Какъ много значитъ приспособленіе, привычка! Вѣдь вотъ вы навѣрное ничего не слышите, кромѣ крика и шума, а мое приспособленное ухо явственно слышитъ мелодію и даже, если хотите, въ своемъ родѣ гармонію... Не правда-ли! Вслушайтесь-ка!

Мой спутникъ, ѣхавшій со мной отъ Рыбинска, былъ музыкантъ. Если къ этому еще прибавить, что у него было имѣніе въ Полтавской губерніи, а въ имѣніи жена и трое дѣтей, то это будетъ все, что я зналъ о немъ.

Нашъ пароходъ остановился у казанской пристани. Городъ—за семь верстъ; жара стояла страшная, не хотѣлось сдвинуться съ мѣста. Мы засѣли на палубѣ и предавались чаепитію единственно потому, что этому напитку приписываютъ охладительную способность.

Я внимательно вслушивался въ крикъ и шумъ, въ которыхъ мой спутникъ открылъ мелодію и въ которыхъ я до сихъ поръ не находилъ ничего, кромѣ крика и шума, и, къ моему удивленію, въ самомъ дѣлѣ мало-по-малу началъ различать, опредѣленный мотивъ, а главное—слова, слова, тогда какъ раньше все это мнѣ казалось какимъ-то безтолковымъ мычаніемъ.

— Слышите, слышите? Вѣдь это ясно!—тутъ онъ

Digitized by Google

тихонько запѣлъ, стараясь идти на ряду съ тѣмъ хоромъ, который раздавался на пристани:—по-ды-мемъ-ка-е-еще-ра-зокъ... Вѣдь это ясно? Фа-ми-ре-до-ре-ре-ре-ре! Въ тонѣ до-мажоръ, доминантъ-аккордъ... И гармонія есть. Слышите, одинъ голосъ идетъ выше на терцію и иногда выдѣляется басъ... Постойте-ка, я все это сейчасъ продѣлаю на піанино.

Онъ побѣжалъ въ каюту и дѣйствительно сыгралъ на піанино точь-въ-точь такъ, какъ пѣли на пристани. Чортъ возьми, что значитъ музыкантъ! Никогда не ожидалъ я, чтобы въ этомъ галдѣньи пароходныхъ посильщиковъ оказалась и мелодія, и гармонія, и терція, и басъ, и доминантъ-аккордъ, и до-мажоръ! И все это оказалось,—разумѣется, если допустить, что мой музыкантъ не совралъ.

Черезъ минуту онъ уже былъ на палубѣ и, перевѣсивъ свой корпусъ черезъ перила, сильно прищуренными глазами смотрѣлъ внизъ на пристань, гдѣ носильщики возились съ тюками. Вдругъ онъ обернулся ко мнѣ и его поэтически обросшее густыми темными волосами лицо выразило радость.

— Послушайте! А вѣдь Ахметка и здѣсь есть, ей Богу есть! Взгляните!

— Да неужели?—спросилъ я и поднялся.

— Есть, есть! Вонъ онъ двумя крючками, какъ коршунъ когтями, впился въ тюкъ съ хлопкомъ! Видите? Ну, развѣ это не Ахметка? Вишь, положилъ себѣ на спину тюкъ въ десять пудовъ, ноги у него шатаются, а онъ улыбается... А? Да вѣдь это Ахметкина улыбка! Зубы, зубы, смотрите! А рожа—круглая, скуластая, лоснящаяся, цвѣта нечищеннаго сапога! Нѣтъ, готовъ поклясться, что онъ ѣдетъ съ нами.

Я взглянулъ на пристань: дѣйствительно—Ахметка, какъ есть онъ, съ его широкими плечами, съ лохмотьями, изъ-за которыхъ выглядываетъ темное отъ солнца и грязи тѣло, съ разодранной отъ верху до низу штаниной, съ круглой шапочкой на головѣ, съ бритымъ

Digitized by Google

затылкомъ. Ахметка, онъ и есть. Въ первый разъ мы увидѣли его на пристани въ Рыбинскѣ. Онъ работалъ въ артели, которая вся состояла изъ русскихъ. Все это были здоровые, рослые молодцы съ громкими голосами, съ рѣзкими движеніями, съ рѣчью, уснащенной крѣпкими словами. Ахметка же былъ не великъ ростомъ, а только широкъ въ плечахъ, и лицо у него какое-то блѣдное, безкровное. Но зато на его открытыхъ рукахъ выдавались здоровые мускулы, крѣпкіе, какъ желѣзо, и его костистые пальцы такъ жадно впивались въ многопудовую ношу, что товарищи только ахали да дивились.

— Вишь ты какой, Ахметка!—шутили они громко, когда онъ шелъ черезъ мостки съ цѣлой горой на спинѣ:—онъ стальной, онъ никогда не лопнетъ!..

Ахметка краснѣлъ и даже синѣлъ отъ натуги, но это не мѣшало ему подмигивать и показывать свои бѣлые зубы.

Говорилъ онъ мало, отрывисто, какимъ-то горловымъ, вороньимъ голосомъ, говорилъ по-русски, но съ большими неправильностями, такъ что безъ привычки трудно было понять его.

И этотъ казанскій Ахметка былъ такой же. Замѣчательнѣе всего то, что и звали его Ахметкой, по крайней мѣрѣ товарищи такъ обращались къ нему. Они относились къ нему шутливо, но добродушно и очевидно уважали его богатырскую силу. Сами они не могли пожаловаться на слабость и обращались съ тюками, какъ съ игрушками, и тѣмъ не менѣе они съ почтительнымъ удивленіемъ разступались передъ Ахметкой, когда онъ, выбравъ самый большой тюкъ, который слѣдовало нести двоимъ, взваливалъ его на спину и тащилъ одинъ.

— Вишь, махина какая!—восклицали они,—совсѣмъ желѣзный человѣкъ, этотъ Ахметка!

Въ Казани стояли мы часовъ пять и все это время сидѣли на палубѣ, а мой музыкальный спутникъ прислушивался къ хору и открывалъ тамъ все новые и но-

Digitized by Google

вые перлы. Особенно его почему-то привели въ восторгъ какія-то параллельныя кварты, которыя ввелъ въ гармонизацію нѣкій рыжебородый мужчина съ веселыми, беззаботными глазками и должно быть богатырь. Этими параллельными квартами мой спутникъ угощалъ меня добрыхъ полтора часа. А я подсѣлъ къ периламъ и тоже смотрѣлъ внизъ на пристань, но такъ какъ я не музыкантъ, то понятно моя точка зрѣнія была совсѣмъ иная. Смотрѣлъ я на этихъ людей, большею частью босыхъ, а иные въ лаптяхъ,—на ихъ удивительно несложный костюмъ, состоявшій всего изъ двухъ вещей: рубахи и штановъ, да и тѣ съ дырьями и нараспашку, и дивился тому, что на лицахъ у нихъ не написано ни тупой забитости, ни угрюмаго озлобленія. Иные смотрятъ спокойно и серьезно, съ глубокимъ вниманіемъ къ своему дѣлу, другіе шутятъ, болтаютъ, смѣются, даютъ другъ другу шлепки, подпрыгиваютъ, совершенно какъ дѣти, и главное—поютъ, поютъ во всю глотку, съ задоромъ, съ выраженіемъ, даже съ чувствомъ, поютъ съ утра до вечера, а иногда съ вечера до утра, поютъ всю жизнь и что поютъ?

«Поды-мемъ-ка еще разокъ...»

А въ другой разъ, когда тяжесть невелика и работа несложна, они сокращаютъ эту пѣсню и поютъ только:

«О-о-о-о, еще ра-зокъ!»

И во всемъ этомъ, даже въ сокращенной пѣснѣ, какъ утверждаетъ мой музыкантъ, есть мелодія, гармонія, кварты и квинты и тому подобныя основы музыкальнаго искусства.

Я наблюдалъ это всюду, гдѣ ни останавливался нашъ пароходъ: среди артели рабочихъ, среди молодцовъ хоть куда, непремѣнно есть одинъ покрупнѣе и попредставительнѣе всѣхъ другихъ. Лицо у него бойкое, глаза живые, во всѣхъ движеніяхъ видны энергія, непосидчивость. У него и рубаха чище, и дыръ меньше на ней, а на ногахъ высокіе сапоги. Онъ всюду снуетъ, а за нимъ вол-

Digitized by Google

ной двигаются остальные. Онъ предводительствуетъ артелью, какъ козелъ овечьимъ стадомъ. Мнѣ даже показалось, что онъ собственно не работаетъ, а только начинаетъ, дѣлаетъ починъ. По крайней мѣрѣ я нигдѣ ни разу не видѣлъ, чтобъ онъ таскалъ кули. Я никакъ не могъ добиться, что онъ такое: подрядчикъ, староста, или просто такъ—всѣми молчаливо признанный глава.

Но очевидно въ него всѣ безпрекословно вѣруютъ и на него полагаются. Онъ-то первый и начинаетъ пѣсню, и такъ только видитъ, что энергія артели ослабѣваетъ, громко выкрикиваетъ рѣзкимъ, высокимъ голосомъ:

«О-о-о-о, еще ра-зокъ!»

И къ его голосу сейчасъ же присоединяется хоръ, всѣ, точно почувствовавъ приливъ новыхъ силъ, размахиваются желѣзными крючками съ подвѣшенной къ нимъ кистью изъ тонкихъ длинныхъ ремешковъ, и работа закипаетъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ я на одну подробность ихъ костюма. Тутъ не было ничего особеннаго,—обыкновенная пятигранная подушка тонкой стороной кверху и утолщающаяся книзу. Тюкъ, какъ бы онъ ни былъ громаденъ, ложится на нее съ необыкновеннымъ удобствомъ и сохраняетъ полное равновѣсіе.

Носильщики ходятъ съ этимъ придаткомъ постоянно—на работѣ и во время отдыха и чуть-ли даже не спятъ съ нимъ. Я видѣлъ, какъ они засѣдали въ трактирѣ, распивая чай, и подушки въ это время красовались у нихъ на спинахъ. Очевидно, они до того свыклись съ этимъ придаткомъ, что не ощущаютъ его, какъ посторонній предметъ, какъ лишнее бремя; онъ почти сдѣлался частью ихъ организмовъ. Да иначе и быть не можетъ: онъ имъ необходимъ, какъ руки, ноги, голова... а пожалуй, что голова не такъ нужна носильщику, какъ эта подушка.

Не знаю, почему, должно быть отъ скуки и бездѣлья, мнѣ пришла на мысль теорія постепеннаго превращенія видовъ. Я подумалъ: пожалуй немного уже

Digitized by Google

столѣтій надо, чтобы у волжскаго носильщика на спинѣ образовался дополнительный органъ въ видѣ пятигранной подушки, тонкой вверху и утолщающейся книзу.

Пристань наконецъ была очищена отъ тюковъ, пѣсня носильщиковъ смолкла, раздались угрюмые свистки, первый, второй, третій, и мы отчалили. По дорогѣ мы остановились у плавучей лавочки Нобеля и нашъ пароходъ проглотилъ семьсотъ-пятидесяти-пудовую порцію зеленобурой нефти, а затѣмъ плавно, неторопливо поплылъ внизъ.

Мы благополучно проспали Симбирскъ, Самару, Сызрань и множество мелкихъ пристаней и наконецъ пріѣхали въ Саратовъ. И мнѣ, и музыканту путь лежалъ дальше, до Астрахани; времени между тѣмъ было убійственно много, пароходъ долженъ былъ простоять часовъ семь.

— Знаете что?—обратился ко мнѣ музыкантъ, не осмотрѣть-ли намъ здѣшнія достопримѣчательности?

Я ничего не имѣлъ противъ этого, и мы тотчасъ же сошли на пристань. Но не успѣли мы ступить на барку, какъ около нашихъ ушей звучно и дружно раздалось:

«Поды-мемъ-ка еще ра-зокъ!»

И артель зашевелилась и зазвенѣла своими блестящими крюками около громадныхъ тюковъ, набитыхъ хлопкомъ. Все такъ же, какъ и въ Казани, въ Нижнемъ, въ Рыбинскѣ: тѣ же костюмы, тѣ же лица, тотъ же староста, та же пѣсня.

— Нѣтъ, знаете, это... это поразительно!—воскликнулъ вдругъ мой спутникъ, схвативъ меня за рукавъ пиджака.—Нѣтъ, вы посмотрите, посмотрите! Вѣдь это опять онъ, опять Ахметка! Тотъ самый, двѣ капли воды—тотъ самый! Это поразительно!

Я взглянулъ по его указанію: Ахметка! Такой же приземистый, широкоплечій, желтолицый, въ лохмотьяхъ, въ круглой шапочкѣ, съ выбритымъ затылкомъ. Но когда я поближе къ нему присмотрѣлся, то замѣтилъ и разницу: тѣ Ахметки были помоложе, лица у нихъ

Digitized by Google

были посвѣжѣе и волосы на бородѣ сплошь черные, съ концами, обожженными солнцемъ и оттого рыжеватыми. У этого лицо было въ морщинахъ, а въ жиденькой бородкѣ сѣдинъ навѣрно было больше половины. Это былъ старый Ахметка. Но изъ-подъ его лохмотьевъ выглядывали такіе же желѣзные мускулы, какъ и у тѣхъ, и онъ такъ же, какъ и они, могущественно таскалъ одинъ на своей спинѣ страшные по размѣрамъ тюки.

— Эй, Ахметка!—кричалъ ему товарищъ:—давай спину, вдвоемъ понесемъ!

— Зачѣмъ вдвоемъ? Я одинъ таскай!—отрывисто отвѣчалъ Ахметка и въ самомъ дѣлѣ подставлялъ спину подъ тюкъ и тащилъ его. А тутъ такіе же точно тюки носили другіе вдвоемъ, подставляя подъ нихъ по двѣ спины и взявшись за руки.

— У-у, Ахметка!—одобрительно кричали ему:—словно какъ машина! Вишь, тащитъ!

И живому товару, состоявшему изъ громаднаго тюка и Ахметки, который согнулся подъ нимъ въ дугу, такъ что его не было и видно, давали дорогу. Смотрѣвшимъ сверху, съ пароходной палубы, казалось, будто тюкъ самъ идетъ на двухъ ногахъ, а ноги-то были Ахметкины.

— Послушай, любезный!—со всею деликатностью пассажира перваго класса обратился мой спутникъ къ одному изъ носильщиковъ:—почему вы всѣ его Ахметкой зовете?

— Кого-такого?—спросилъ тотъ съ видомъ человѣка, который сердится, что ему помѣшали работать; въ сущности же онъ разумѣется былъ этимъ доволенъ.

— А вонъ того!—сказалъ мой спутникъ, указавъ глазами на переходившій черезъ сходню тюкъ на двухъ ногахъ.

— Извѣстно, Ахметкой, а то какъ же?—отвѣтилъ носильщикъ.

— Развѣ это его имя? Его такъ зовутъ?

Digitized by Google

— А я почемъ знаю, какое ему имя!... Онъ татаринъ... Богъ ихъ знаетъ, какъ ихъ тамъ зовутъ...

— Но почему же вы его называете Ахметкой?

— Да они всѣ Ахметки! Скажи ему: «Ахметка, Ахметка», онъ и откликается!

— Гм... Вотъ какъ!... Ну... А вы съ нимъ ладно живете? а?

— Ничего! Что-жъ такое! Они, эти Ахметки, хотя и татары, а люди себѣ хорошіе... Зла не мыслютъ!... Живемъ ладно!...

— Эй, ты, что тамъ заболтался!—крикнулъ нашему собесѣднику рыжій староста.

— Да нѣтъ, я съ господами... Господа спрашиваютъ... Нельзя же.

Но не успѣлъ онъ явственно выговорить это оправданіе, какъ зычно раздалось:

«О-о-о, еще... разокъ!»

И живая рабочая волна увлекла нашего собесѣдника къ какому-то грузу.

— Ну, что жъ, идемъ осматривать достопримѣчательности!—сказалъ музыкантъ, и мы двинулись на берегъ. Однако, прежде чѣмъ рѣшиться ѣхать въ городъ, который отстоитъ отъ пристани версты на четыре, надо было освѣдомиться, какія въ Саратовѣ водятся достопримѣчательности. Мы спросили объ этомъ попавшагося намъ навстрѣчу старенькаго субъекта, въ короткой накидкѣ, похожаго на бѣлку безъ хвоста и почему-то показавшагося намъ непремѣнно мѣстнымъ чиновникомъ.

— Достопримѣчательности?—переспросилъ насъ субъектъ и неизвѣстно почему сдѣлалъ радостное лицо.—А какъ же, у насъ есть... есть что посмотрѣть... Есть!

Такое троекратное утвержденіе подало намъ надежду, что пять часовъ не будутъ убиты на скуку.

— А что же именно?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— А именно-съ... Да вотъ напримѣръ... гм...

Субъектъ поднялъ глаза къ небу и долго старался

Digitized by Google

припомнить какую-нибудь достопримѣчательность. Наконецъ онъ вторично обрадовался.

— Напримѣръ, Липки!—быстро произнесъ онъ.

— А что же это такое Липки?

— Липки? Деревья, садъ... Ну, и музыка тамъ играетъ, публика гуляетъ...

— Ну-съ, а еще?

— Еще?

Онъ опять задумался, но на этотъ разъ не надолго:

— Садъ Очкиной, тутъ же рядомъ съ Липками.

— А тамъ что?

— Тамъ тоже ничего. Деревья... Ну, и буфетъ... И музыка тоже играетъ, и публика гуляетъ...

— Такъ, такъ!... А еще?

— Еще дворянское собраніе на вышкѣ!

— Ага! А тамъ что же?

— Тамъ дворяне дѣйствуютъ!...

— Дѣйствуютъ? Это любопытно! Въ какомъ же смыслѣ они дѣйствуютъ?

— А въ такомъ: въ карты играютъ! Въ какомъ же еще? Тутъ же ресторанъ подъ открытымъ воздухомъ и опять же музыка играетъ и публика гуляетъ...

— Экій у васъ музыкальный городъ! Всюду музыка играетъ!—сострилъ и засмѣялся мой спутникъ. Должно быть этотъ смѣхъ далъ понять нашему собесѣднику, что мы не совсѣмъ довольны его объясненіями.

— Ахъ, да! Вамъ собственно достопримѣчательности... Понимаю!—вдругъ спохватился онъ,—такъ это музей... Радищевскій музей!... А больше право ничего такого нѣтъ... Вотъ вы и сходите въ музей!

Мы поблагодарили его. Я рѣшилъ съѣздить въ музей, но мой музыкантъ сдѣлалъ кислую мину.

— Терпѣть не могу всякихъ этихъ рѣдкостей, этихъ орудій каменнаго вѣка и костей мамонта... Не понимаю, право, что въ этомъ интереснаго... Жара такая адская!...

Этимъ собственно и объяснялось его нерасположеніе къ костямъ мамонта. Мой музыкантъ былъ довольно

Digitized by Google

толстъ и понятно всячески избѣгалъ жары. Я поѣхалъ въ городъ и осмотрѣлъ музей. Вернулся я за часъ до отплытія парохода.

На пристани была страшная суета. Груза было еще достаточно, поэтому торопились. Капитанъ не хотѣлъ опаздывать.

Толпа носильщиковъ возилась вокругъ довольно тяжеловѣснаго колокола,—даръ какого-то благотворителя церкви одного изъ приволжскихъ селъ. Новенькій колоколъ блестѣлъ и сіялъ. Около него то и дѣло раздавалось: «Подымемъ-ка еще разъ!» Староста суетился, поощрялъ, ободрялъ. А колоколъ двигался медленно, какъ и свойственно предмету важному и величественному.

Я пробрался на верхнюю палубу. Мой музыкантъ опять сидѣлъ за столомъ и пилъ чай.

— Можете пожалѣть, что не поѣхали!—сказалъ я ему.

— А что?

— Въ музеѣ есть интересныя вещи. Напримѣръ кабинетъ Тургенева...

— Ну, что жъ тутъ такого?.. Я думаю, такой же кабинетъ, какъ и у всѣхъ смертныхъ...

Когда я подсѣлъ къ периламъ палубы и началъ глядѣть внизъ, важный колоколъ уже былъ передвинутъ на пароходъ. Оставалось перетащить еще дюжину тюковъ, самыхъ громоздкихъ. Капитанъ безпокойно ходилъ на вышкѣ и сердился.

Носильщики работали жарко и раздавалось только сокращенное «о-о-о-о, еще разокъ!» Тюки на двухъ ногахъ переходили съ пристани на пароходъ. Но вотъ остались только великаны, которые не могли грузиться иначе, какъ на четырехъ ногахъ, потому что для помѣщенія ихъ нужно было двѣ спины.

Вытащили гигантскій тюкъ. Двое молодцовъ стали рядомъ, нагнулись и подставили свои спины съ подушками. Носильщики зацѣпили тюкъ по угламъ крюками; староста зычно затянулъ свою пѣсню.

Digitized by Google

Ахметка не участвовалъ въ этой работѣ. Онъ стоялъ позади двухъ молодцовъ, подставившихъ спины, смотрѣлъ исподлобья и презрительно улыбался. Тюкъ подняли на воздухъ, дюжина могучихъ рукъ поддерживала его выше головы: вотъ его кладутъ на подушки. Но едва только рабочіе отняли свои крючки, какъ одна спина не выдержала и подалась назадъ и громоздкая ноша съ глухимъ шумомъ повалилась на земь.

— У-у, дохлятина!—выругался староста и тотъ же часъ, съ крикомъ: «о, еще», ринулся къ тюку. Рабочіе опять впились въ ношу крючками, двѣ спины опять нагнулись и покорно ждали. Капитанъ бѣсился и рычалъ гдѣ-то на вышкѣ.

Вдругъ Ахметка сдѣлалъ какой-то странный прыжокъ и, сбивъ съ ногъ обоихъ нагнувшихся товарищей, сталъ на ихъ мѣсто и подставилъ спину.

— Вали-ка, вали-ка!—произнесъ онъ горловымъ птичьимъ голосомъ и засмѣялся.

— Ахметка, не дури! Десять пудъ!..—сердито крикнулъ ему староста.

— Што десять пудъ? Больше бралъ! Вали-ка! повторилъ Ахметка.

Тюкъ уже былъ на воздухѣ, держать его было не легко.

— Вотъ дьяволъ Ахметка!.. Пущай, коли ему охота!..

И десятипудовой тюкъ легъ на Ахметкину спину. Ахметка чуть-было подался назадъ, ноша на спинѣ его зашевелилась. Но вотъ онъ приподнялъ руки, крѣпко ухватился крючками за углы тюка и плавно, твердыми ногами двинулся по сходнѣ. Носильщики молча слѣдили за нимъ глазами. По сходнѣ онъ шелъ осторожно, какъ бы ощупью отыскивая дорогу, но, взойдя на пароходъ, пошелъ смѣлѣй, а когда дошелъ до мѣста свалки, на секунду остановился и затѣмъ эффектно бросилъ тюкъ на палубу.

Дружный крикъ рабочихъ привѣтствовалъ этотъ

Digitized by Google

подвигъ Ахметки. А онъ, съ лицомъ багровымъ отъ натуги и съ несовсѣмъ еще разогнутой спиной, бѣгомъ вернулся на пристань, опять сталъ въ позицію и опять проговорилъ своимъ птичьимъ голосомъ:

— Вали-ка, вали-ка!..

— Вишь, разохотился Ахметка! Вали-ка, ва́ли-ка!— шумно смѣялись носильщики.

— Вали-ка!—невозмутимо повторилъ Ахметка.

Очевидно онъ былъ въ ударѣ.

— «О-о-о-о, еще разокъ!»

Тюкъ, который подхватили носильщики на этотъ разъ, былъ на видъ еще внушительнѣе прежняго.

— Слышь, Ахметка, прочь поди! Въ этомъ тринадцать пудъ! Одному не снести!—сказалъ староста.

— Вали-ка! сносимъ!—отвѣтилъ Ахметка.

— Надорвешься!

— Э, што! Вали-ка!

— «О-о-о-о, еще разокъ!» Держись, Ахметка! Ухъ!

Тюкъ грохнулся на спину. Ахметка разомъ, даже не стряхнувшись, двинулся впередъ. Шагъ, другой, третій... Но вдругъ онъ какъ-то глухо крякнулъ, точно внезапно сломавшаяся ось въ телѣгѣ, зашатался и вмѣстѣ съ придушившимъ его тюкомъ грохнулся на землю. Къ нему подбѣжали, высвободили его изъ-подъ тюка, но онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. Онъ лежалъ неподвижно и стоналъ.

— Видишь, чортъ... Говорилъ—надорвешься, вотъ и надорвался!—слышался громкій голосъ старосты.

— Спину ему растереть надобно!—кричалъ кто-то, проталкиваясь сквозь толпу.

— Нѣтъ ужъ, ничѣмъ не пособишь!..—ворчалъ какой-то пессимистическій басъ:—это у него въ путрѣ кишка треснула!.. Отъ натуги.

— Эй, вы, поворачивайся! живо, живо!—сердито кричалъ съ вышки капитанъ.

Староста засуетился, Ахметку куда-то унесли, но

Digitized by Google

видно недалеко, потому что изрѣдка—или это мнѣ такъ казалось—откуда-то слышались глухіе стоны.

Послѣдніе тюки были перенесены на пароходъ безъ пѣсни. Староста попробовалъ было одинъ разъ затянуть: «о-о-о»... но носильщики не поддержали его и молча, угрюмо взялись за работу.

Раздался свистокъ, приняли сходню и пароходъ нашъ отчалилъ.

— Чортъ знаетъ!—воскликнулъ мой спутникъ, когда мы съ нимъ сидѣли въ каютѣ:—эта ахметкина штука испортила мнѣ все настроеніе!.. И надо же было ему!..

На другой день утромъ онъ встрѣтилъ меня на палубѣ и первыя слова его были:

— А знаете, я до сихъ поръ не могу забыть про Ахметку!.. Вѣдь этакій чортъ! Ѣхали, ѣхали; сколько Ахметокъ видѣли, и ничего, все какъ слѣдуетъ... А этотъ возьми да и надорвись... кишка, говоритъ, у него въ нутрѣ треснула... Этакая скотина!..

— Кто это?

— Да Ахметка саратовскій!.. Кто же!

— За что же это вы его?

— Какъ за что? Онъ мнѣ испортилъ поѣздку. Я такъ хорошо былъ настроенъ. Только-что хотѣлъ засѣсть за нотную бумагу и, знаете, гармонировать эту мелодію: «Подымемъ-ка»... А онъ вдругъ—на тебѣ!..

Впрочемъ, когда мы пріѣхали въ Астрахань, мой музыкантъ уже не поминалъ про Ахметку. Ночью (мы ночевали на пароходѣ) гдѣ-то невдалекѣ отъ насъ на лодкѣ плылъ какой-то персіянинъ и тянулъ заунывную пѣсню своей родины. Музыкантъ пришелъ въ восторгъ, тутъ же записалъ ее и тутъ же подобралъ соотвѣтствующую гармонію. Это совсѣмъ возвратило ему доброе настроеніе.

Въ Астрахани мы пробыли сутки и на томъ же пароходѣ поплыли обратно.

Новыя, хотя не очень разнообразныя впечатлѣнія волжскихъ видовъ и встрѣчъ и изъ моей памяти вы-

Digitized by Google

тѣснили образъ Ахметки. За все время пути отъ Астрахани почти до Саратова я ни разу не вспомнилъ о немъ, и только когда показались вдали силуэты огромныхъ мукомоленъ и куполы саратовскихъ церквей, въ моемъ воображеніи вдругъ промелькнуло блѣдно-смуглое лицо Ахметки, его приземистая, широкоплечая фигура и въ ушахъ смутно раздавались далекіе глухіе стоны...

Что же сталось съ Ахметкой послѣ того, какъ пароходъ нашъ отчалилъ отъ берега?! Куда понесли его? Что въ самомъ дѣлѣ у него «треснуло» и этимъ заставило богатыря свалиться подъ ношей? Всѣ эти вопросы живо интересовали меня. Мнѣ казалось, что Ахметка непремѣнно долженъ былъ «выходиться» и уже навѣрно теперь работаетъ на пристани, какъ ни въ чемъ не бывало. И я зналъ, что если увижу его въ такомъ благополучномъ положеніи, то обрадуюсь этому самымъ искреннимъ образомъ, а если не увижу его на пристани и узнаю что-нибудь печальное, то это меня очень огорчитъ.

И когда пароходъ причалилъ къ пристани, я сейчасъ же вышелъ на палубу и началъ пристально глядѣть внизъ, гдѣ уже начали возиться носильщики. Я внимательно осматривалъ каждаго по-одиночкѣ, но Ахметка все не попадался мнѣ на глаза. Уже не разъ раздавалась неизмѣнная пѣсня: «по-ды-мемъ-ка еще разокъ», а Ахметки все не было. «Неужели-же это для него дурно кончилось?» подумалъ я и спустился внизъ, на пристань. Какъ разъ въ это время пароходъ ушелъ за нефтью, я остался на берегу, носильщики были свободны и я могъ поразспросить ихъ. Я выбралъ того самаго, который раньше уже давалъ намъ кой-какія свѣдѣнія насчетъ Ахметки.

— Что это Ахметки не видать?—спросилъ я его.

— Ге-ге! Ахметка! Ахметки уже больше и не увидите!..—отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой.

— Что такъ? Развѣ это кончилось дурно? Я видѣлъ, какъ онъ тогда свалился подъ тюкомъ въ тринадцать пудовъ...

Digitized by Google

— Видѣли? То-то и есть! Тринадцать пудъ, это — не шутка. Это не то, что на балалайкѣ сыграть... Да-а!.. Наше ремесло тяжелое, господинъ... Работаешь, работаешь этакъ-то умѣренно, съ роздышкой и съ разсчетомъ, а потомъ какъ надоѣстъ тебѣ, такъ и начнешь съ разгону десятипудовики таскать. Все одно какъ бы человѣкъ пьяный напился, разжигаетъ тебя, хочется схватить грузъ потяжельче... Вотъ такое самое, надо полагать, и съ Ахметкой вышло. Да, ужъ Ахметки не увидите больше...

— Но что же съ нимъ?

— Съ нимъ, господинъ? А извѣстно, въ прежнее время, какъ моложе былъ Ахметка, ну, и тяжесть великую ему было ни почемъ перетащить. Всѣ мы таскаемъ, что же!.. Ну, а нынче ему подъ шестьдесятъ, не та пора... А онъ, вишь, старину вспомнилъ да и хватилъ... Ну, и оборвался... Извѣстно. Это всегда оборвешься, ежели черезъ силу... А жаль человѣка, ей Богу жаль...

— Да что съ нимъ? — спросилъ я, теряя терпѣніе.

— Съ нимъ?—Да ничего, господинъ, такого... Извѣстно, какъ со всякимъ случается... Мы его тогда въ больницу снесли. А въ больницѣ тамъ доктора и всякая всячина. Кормили его хорошо... Это ужъ... На это пожаловаться не можемъ... Артель за него три съ полтиной туда заплатила. Лечили его какъ! То-есть—словно напримѣръ какого-нибудь барина, ей-Богу! Нѣтъ, хорошо, что и говорить...

— Что же онъ, поправился?..

— Кто? Ахметка? Никакъ! Гдѣ тамъ ему поправиться?.. Надорванный человѣкъ... Гдѣ ужъ тутъ... Померъ Ахметка!..

— Что? Померъ Ахметка?

— Померъ. На третій день померъ... Мы его, извѣстно, на артельныя деньги похоронили... Тамъ попу ихнему татарскому и прочее—все отъ артели и даже пироги...

— Бѣдный Ахметка, — воскликнулъ я со вздохомъ.

Digitized by Google

— Чего бѣдный? Человѣку когда-нибудь помирать же надо. Безъ этого никакъ не проживешь... А нашему брату особливо помирать требуется, потому, я вамъ скажу, господинъ,—какая наша жизнь?..

— Но у него навѣрно семья осталась?

— У Ахметки? Нѣтъ, гдѣ ему? Какая тамъ семья? Онъ бобыль себѣ, ни роду, ни племени своего не знаетъ... Такъ себѣ жилъ человѣкъ на свѣтѣ и больше ничего!. Ему, я вамъ скажу, господинъ,—продолжалъ разохотившійся на слова мой собесѣдникъ,—ему это было въ самый разъ помереть. Потому, знаете, топоръ—ужъ на что желѣзный, а и тотъ когда-нибудь зазубрится, а это не топоръ, а человѣкъ. Одно только жаль, что татаринъ, и «царство небесное» ему нельзя сказать...

— А что? Не попадетъ?

Мой собесѣдникъ подумалъ.

— А знаете, что я вамъ скажу?—раздумчиво промолвилъ онъ:—я полагаю, все же попадетъ... Возьмите это: одна спина его на своемъ вѣку тысячъ семьдесятъ пудъ протаскала... Это тоже надо принять...

Пароходъ вернулся къ пристани. Пошла опять возня, опять все та же пѣсня...

И много еще разъ я слышалъ эту пѣсню и чудилась мнѣ въ ней гармонія, но не та, которую подобралъ къ ней мой спутникъ музыкантъ, а другая — минорная, грустная... «О-о-о-о еще» раздавалось тысячу разъ на разныхъ пристаняхъ, къ которымъ причаливалъ нашъ пароходъ, и всякій разъ, когда до ушей моихъ долетала эта пѣсня, въ душѣ моей оживалъ образъ Ахметки, жалкаго, не помнящаго ни роду своего, ни племени, Ахметки, которому можно-ли еще сказать «царство небесное»— вопросъ, Ахметки, всю жизнь добывавшаго хлѣбъ съ этой пѣсней и умершаго подъ ту же пѣсню. И когда я на другихъ пристаняхъ видѣлъ другихъ Ахметокъ, мнѣ и на нихъ было жалко смотрѣть. Мнѣ все казалось, что и они рано или поздно кончатъ такъ, какъ кончилъ Ахметка саратовскій...

Digitized by Google

ИЦЕКЪ ШМУЛЬ, БРИЛЛІАНТЩИКЪ.

(ОЧЕРКЪ).

Ицекъ Шмуль! Ицекъ Шмуль! Что можно разсказать про человѣка, который носитъ такое имя и такую фамилію?

Да, это онъ и самъ сознавалъ, Ицекъ Шмуль сознавалъ это и много далъ бы онъ за то, чтобы его звали... ну, хоть бы Ротшильдомъ. И тѣмъ не менѣе его все-таки звали Ицекомъ Шмулемъ, звали такъ отъ рожденія и съ этимъ ничего нельзя подѣлать, это ужъ такъ и останется.

Но дѣло въ томъ, что у Ицека Шмуля была жизнь и онъ ее прожилъ, а разъ человѣкъ прожилъ жизнь, то будь онъ не болѣе, какъ Ицекъ Шмуль, про него всегда найдется что поразсказать.

Опять же и то обстоятельство, что Ицекъ Шмуль—брилліантщикъ. Оно, дѣйствительно, какъ-то не идетъ, не идетъ Ицеку Шмулю быть брилліантщикомъ, и многіе это находили, да и онъ самъ нерѣдко сомнѣвался въ томъ, что Ицеку Шмулю идетъ быть брилліантщикомъ. Но все-таки это фактъ: Ицекъ Шмуль дѣйствительно былъ брилліантщикомъ и въ томъ городѣ, гдѣ онъ родился, выросъ, прошелъ всю свою карьеру, проживетъ остальную жизнь и умретъ, не выйдя ни разу за предѣлы города дальше двухъ верстъ, — еще и понынѣ надъ дверью плохенькаго магазина красуется вывѣска

Digitized by Google

желтыми буквами на черномъ фонѣ: «Іосифъ Мозельштейнъ, брилліантщикъ», а ниже тоже желтыми буквами, но помельче: «бывшій Ицекъ Шмуль». Это—несомнѣнное доказательство того, что Ицекъ Шмуль дѣйствительно былъ брилліантщикомъ.

Въ томъ, что Ицекъ Шмуль сдѣлался брилліантщикомъ, виновата была судьба, только судьба, потому что ни въ обстановкѣ, въ которой онъ родился, ни въ преданіяхъ его очень древняго рода не было ничего такого, что хотя слегка намекало бы на подобную карьеру. Прадѣдъ его прадѣда былъ *мѣдникъ*, т. е. человѣкъ, не умѣвшій сдѣлать изъ мѣди ни одной вещицы. Но зато онъ очень искусно припаивалъ къ самовару оторвавшуюся отъ него ручку, чинилъ прогорѣвшее дно въ мѣдной кострюлѣ и вылуживалъ кострюли. И такъ какъ ему приходилось имѣть дѣло все больше съ мѣдными предметами, то онъ и назывался «мѣдникомъ», какъ и значилось у него на вывѣскѣ. Преемники его изъ рода Шмулей развивали и совершенствовали его искусство. Каждый вносилъ что-нибудь свое, не уклоняясь однако-жъ отъ основной идеи, и когда дѣло досталось Іозелю Шмулю, отцу Ицека Шмуля, то на вывѣскѣ уже значилось: «Мѣдно-жестяное мастерство а также дѣлаютъ цынкъ». Тутъ, кромѣ паяльной работы, завѣщанной основателемъ фирмы, имѣло мѣсто настоящее творчество. На полкахъ стояли жестяные чайники съ длинными носами, художественно вычурныя формы для киселя, ведра и кубышки для постнаго масла и керосина. Все это было собственноручное производство Іозеля Шмуля. Безъ сомнѣнія, Іозель заблуждался, думая, что онъ также дѣлаетъ и «цынкъ». Тутъ онъ намекалъ на единственную ванну, находившуюся въ его магазинѣ, очень странной формы, больше походившую на сани, въ которыхъ ѣздятъ на тройкахъ; она была сдѣлана изъ цинковыхъ листовъ и это дало Іозелю поводъ написать, будто онъ дѣлаетъ «цынкъ».

Изъ предыдущаго видно, что въ роду Шмулей ни-

Digitized by Google

кто брилліантовыми дѣлами не занимался, и это должно возбудить особенный интересъ къ вопросу: почему же и какимъ образомъ Ицекъ Шмуль сдѣлался брилліантщикомъ.

А вотъ почему и вотъ какимъ образомъ.

У Іозеля было очень многочисленное семейство. Хорошо, если самъ Іозель и жена его Сарра знали достовѣрно счетъ своему потомству, но иногда и въ этомъ можно было усомниться. Мастерская, въ которой, по мнѣнію Іозеля, «дѣлали цынкъ», и прилегавшія къ ней двѣ комнаты кишили какими-то странными существами, скорѣе походившими на поросятъ, чѣмъ на дѣтей человѣческой породы. Они различались только ростомъ, потому что всѣ походили другъ на друга, смахивая въ то же время на Іозеля и Сарру, и всѣ были одѣты въ длинныя рубахи грязнаго цвѣта. Они постоянно двигались, суетились и галдѣли, такъ что казалось, будто и вся мастерская вмѣстѣ съ побитыми кострюлями, раненными самоварами и совершенно здоровыми чайниками тоже двигалась и суетилась. Іозель сидѣлъ на продыравленномъ стулѣ и усердно творилъ свои произведенія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило вокругъ него; Сарра готовила обѣдъ, штопала бѣлье и раздавала куски ежеминутно просившимъ ихъ дѣтямъ. Иногда Іозель приподымался и, сдѣлавъ строгое лицо, кричалъ разомъ на всѣхъ; но отъ этого нисколько не измѣнялся обычный ходъ вещей, да и самъ Іозель дѣлалъ это лишь по убѣжденію, что отецъ долженъ быть строгъ. Только въ пятницу вечеромъ можно было подвести счетъ всему потомству Іозеля и Сарры, потому что въ этотъ день мастерская запиралась раньше захода солнца, все въ ней приводилось въ порядокъ, дѣтямъ надѣвались чистыя рубашки, а когда темнѣло, зажигались свѣчи, много свѣчей; Іозель читалъ молитвы, а всѣ остальные сидѣли смирно и слушали. Это было необходимо, потому что за этимъ слѣдовала вкусная ѣда,— что-нибудь горячее, фаршированная щука съ множе-

Digitized by Google

ствомъ лука и перца, сладкое тѣсто, напичканное пахучимъ анисомъ.

Когда старшій потомокъ достигалъ шестилѣтняго возраста, онъ ужъ какъ-то самъ, должно быть по наслѣдственному влеченію, присажпвался къ отцовскому дѣлу и начиналъ сперва «портить матеріалъ», затѣмъ помогать отцу, а впослѣдствіи изъ него выходилъ «мѣдникъ, жестяникъ и дѣлатель цынка», точь-въ-точь такой же искусный, какъ и самъ Іозель. Если же это была дочь, то она просто бѣгала хвостомъ за Саррой до тѣхъ поръ, пока ей не становилось стыдно.

Ицекъ былъ третьимъ по счету, и когда до него дошла очередь, онъ, къ удивленію Іозеля, не подсѣлъ къ нему и не началъ портить матеріалъ. Сначала на это не обратили вниманія, полагая, что Ицекъ просто не дорось еще до пониманія своей собственной пользы, но что онъ еще дорастетъ. Но вотъ прошелъ годъ и другой; уже къ Іозелю подсѣлъ Шлема, младшій братъ Ицека, и такимъ образомъ очередь этого послѣдняго была пропущена. А Ицекъ и не думалъ дорастать до пониманія собственной пользы. Любимымъ его занятіемъ было—забираться въ цинковую ванну, похожую на сани, и сидѣть тамъ, опершись спиной объ одну стѣнку и протянувъ ноги вплоть до другой. Сюда онъ забирался съ утра и просиживалъ до вечера, занимаясь какими-то никому неизвѣстными размышленіями. Онъ выходилъ отсюда только тогда, когда его звали для ѣды; но иногда о немъ забывали и онъ безпрепятственно засыпалъ въ своемъ философскомъ жилищѣ—до утра. И несмотря на то, что времени для размышленій у него было совершенно достаточно, онъ все-таки не додумался до пониманія собственной пользы.

Но однажды произошло событіе, которое, доставивъ большое удовольствіе Іозелю и всѣмъ Шмулямъ, понимавшимъ собственную пользу, въ то же время оказало глубокое вліяніе на судьбу Ицека.

Въ мастерскую зашелъ какой-то толстый господинъ

Digitized by Google

и купилъ ванну, которая походила на сани. Купилъ онъ ее за двѣнадцать рублей, и совершенно понятно, что весь этотъ день Іозель былъ въ пріятномъ настроеніи, улыбался и шутилъ. Если говорить правду, то онъ давно уже потерялъ надежду когда-нибудь продать эту странную посудину, и никто такъ не удивлялся господину, купившему ее, какъ самъ Іозель.

— Гм!... — сказалъ Іозель, шутливо улыбаясь, когда ванну увезли вслѣдъ за толстымъ господиномъ: — что же теперь, когда нѣтъ больше ванны, что теперь будетъ дѣлать нашъ Ицекъ?

Всѣ засмѣялись, всѣ, кромѣ Ицека. Іозель шутилъ, и хорошо ему было шутить, потому что у него былъ продырявленный стулъ, на которомъ онъ просидѣлъ половину своей такой счастливой жизни. Хорошо ему было смѣяться! А Ицеку, когда унесли ванну, показалось, что у него отняли все, что у него было. Еще бы? Въ этой ваннѣ было все его дѣтство, которое онъ просидѣлъ тамъ, на днѣ ея. И никогда Ицеку не было скучно, никогда. Голова его вѣчно полна была такими красивыми картинами, какихъ ни онъ самъ и никто другой должно быть и во снѣ не видѣлъ. Сидитъ онъ себѣ бывало на днѣ ванны, дѣти бѣгаютъ по мастерской и шумятъ, отецъ и братья постукиваютъ маленькими молоточками, въ сосѣдней комнатѣ шипитъ на плитѣ какое-то кушанье, а ему кажется, что это шумитъ море, по которому онъ плыветъ въ своей глубокой ладьѣ. Море шумитъ и пѣнится, волны подбрасываютъ его высоко-высоко, а вдали видны зеленые берега, высокій лѣсъ, крутыя горы, а по нимъ текутъ прозрачные ручьи, птички поютъ, бабочки летаютъ... Гдѣ-то слышалъ онъ про всѣ эти чудеса, а гдѣ—не помнитъ; кажется, это старый Хаимъ, его двоюродный дядя, разсказывалъ, когда приходилъ къ нимъ на часокъ, бралъ его, Ицека, на руки и подбрасывалъ къ потолку. Да, да, это старый Хаимъ разсказывалъ. Онъ служилъ привратникомъ въ синагогѣ и ничего не дѣлалъ, только сидѣлъ у воротъ по пятни-

Digitized by Google

цамъ и субботамъ. Вотъ онъ все это и выдумывалъ отъ скуки, а когда заходилъ къ нимъ, разсказывалъ дѣтямъ. Но конечно онъ не зналъ, въ какой яркій цвѣтъ окрашивались всѣ его выдумки, когда вмѣстѣ съ пылкой головой Ицека онѣ попадали въ ванну. Если бы онъ зналъ это, то не разсказывалъ бы ему такихъ вещей, которыя портятъ мальчика...

И въ то время, какъ всѣ засмѣялись, Ицекъ задумался и печально опустилъ голову. Но дѣло въ томъ, что теперь, когда ванны не стало, Ицека уже нельзя было не замѣчать. Ему некуда было спрятаться, онъ постоянно былъ на-виду и ежеминутно напоминалъ Іозелю и прочимъ, что онъ до сихъ поръ не дошелъ до пониманія своей собственной пользы. Такъ дѣло не могло оставаться, Іозель началъ тревожиться.

— Послушай, Ицекъ, развѣ ты глупъ? — спросилъ его Іозель.

Ицекъ отрицательно покачалъ головой въ знакъ того, что онъ вовсе не глупъ.

— Ну, хорошо; ты говоришь, что ты не глупъ,— продолжалъ Іозель, у котораго разумѣется сердце болѣло за Ицека: — но развѣ тебѣ не хочется кушать? Положимъ, у тебя теперь есть отецъ и мать, они тебя кормятъ, мы тебя кормимъ, Ицекъ; но вотъ они умрутъ, что ты будешь кушать, когда ты ничего не будешь умѣть работать? Кто не умѣетъ работать, тотъ и не кушаетъ, Ицекъ, развѣ ты этого не знаешь?

На это Ицекъ только улыбнулся. Богъ знаетъ, почему онъ улыбнулся. Можетъ быть онъ какъ-нибудь видѣлъ людей, которые хотя и не умѣли работать, а кушали. Богъ знаетъ, почему улыбнулся Ицекъ. Но только разговоръ этотъ ни къ чему не привелъ.

А такъ какъ у Іозеля очень болѣло сердце за Ицека, то онъ рѣшился принять сильныя мѣры.

— Вотъ что, Ицекъ, садись. Садись, Ицекъ, и работай!—строго сказалъ онъ однажды.

Ицекъ сѣлъ безъ малѣйшаго возраженія. Ему дали въ

Digitized by Google

руки какой-то кусокъ мѣди, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Онъ сидѣлъ недѣлю, другую, третью, мѣсяцъ, другой, третій и ни на іоту не подвинулся впередъ. Его училъ самъ Іозель, учили братья, но у Ицека ничего не выходило. Слушалъ онъ ихъ, а думалъ совсѣмъ о другомъ. Собственно говоря, онъ даже ни о чемъ и не думалъ, а только чувствовалъ, что все это, т. е. то, что дѣлали отецъ и братья, до него не касается, а ему нужно что-то другое.

— Нѣтъ,—сказалъ наконецъ Іозель, — изъ этого Ицека никогда никакого толка не будетъ. Что же мнѣ съ нимъ дѣлать? Что мнѣ съ тобою дѣлать, Ицекъ?

Ицекъ на этотъ вопросъ ничего не умѣлъ отвѣтить. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ надо дѣлать. Его отставили отъ «мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ» и стали всѣ сообща думать, что съ нимъ дѣлать, что дѣлать съ Ицекомъ?

Въ особенности много и крѣпко думалъ объ этомъ Іозель Шмуль. Другіе родственники, какъ дядьки, тетки съ разныхъ сторонъ, только дѣлали видъ, что думаютъ, и то лишь затѣмъ, чтобы не обидѣть Іозеля; но въ душѣ они давно признали, что Ицекъ просто-напросто глупъ. Разумѣется, никто изъ нихъ не рѣшался сказать этого Іозелю, Боже сохрани! И они даже никакъ понять не могли, какимъ образомъ это могло случиться, что у Іозеля, такого умнаго человѣка и такого хорошаго мастера мѣдныхъ, жестяныхъ и цинковыхъ дѣлъ, родился глупый сынъ? Тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ въ роду Шмулей не было ни одного глупаго человѣка и бездѣльника, а все были хорошіе мѣдники, жестянщики и дѣлатели «цынка». Но въ томъ, что Ицекъ глупъ и изъ него ничего не выйдетъ, кромѣ бездѣльника, были убѣждены всѣ поголовно, за исключеніемъ Іозеля.

Іозелю тоже приходила въ голову эта мысль: «можетъ быть Ицекъ глупъ?» И онъ тогда пристально всматривался въ блѣдное лицо маленькаго Ицека, въ его темные, блестящіе глаза, которые все смотрѣли куда-то

Digitized by Google

въ даль, чего-то искали, о чемъ-то грустно задумывались. И онъ говорилъ себѣ: «нѣтъ, нѣтъ, Ицекъ не глупъ! О, далеко не глупъ Ицекъ!» И все-таки онъ не могъ придумать, къ какому дѣлу приставить Ицека. Иногда онъ подзывалъ его къ себѣ и говорилъ:

— Ну, скажи мнѣ на милость, Ицекъ, къ чему бы ты хотѣлъ пріучиться, а? чѣмъ бы ты хотѣлъ быть?

Ицекъ мечтательно смотрѣлъ въ окно и молчалъ, потому что онъ не зналъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть. Да и какъ могъ знать это Ицекъ, когда онъ не зналъ даже и того, что же еще есть на свѣтѣ, кромѣ мѣдниковъ, жестянщиковъ и привратниковъ синагоги, а также еще тѣхъ несбыточныхъ чудесъ, о которыхъ разсказывалъ старый Хаимъ?

— Ты можетъ быть хотѣлъ бы сдѣлаться купцомъ, а?—спрашивалъ Іозель.

— Не знаю!—отвѣчалъ Ицекъ.

— Гм... Да, купцомъ быть хорошо, только для этого много надо денегъ, а у насъ ихъ никогда не было много... И я думаю, что ни у одного изъ Шмулей никогда не было разомъ больше двадцати рублей въ кошелькѣ. Ну, а можетъ быть ты хотѣлъ бы быть министромъ, а? Ицекъ, хотѣлъ бы ты быть министромъ? Э, я вижу, ты не знаешь, кто такой министръ! Министръ, это — самый важный человѣкъ въ государствѣ послѣ Царя... Ну, такъ хочешь быть министромъ, а?— спрашивалъ Іозель такимъ простымъ тономъ, какъ будто ему стоило только ударить краномъ отъ дыряваго самовара о дно сковороды, чтобы Ицекъ тотчасъ же сдѣлался министромъ. Но Ицекъ ничего не хотѣлъ и продолжалъ оставаться безъ дѣла. Ему уже было четырнадцать лѣтъ, когда къ старшей сестрѣ его Хайкѣ посватался «одинъ очень хорошій человѣкъ», — какъ говорили всѣ родственники. — Очень хорошаго человѣка звали Іоськой, а по фамиліи Мозельштейнъ. Хорошій человѣкъ онъ былъ потому, что у него было хорошее мѣсто и хорошее ремесло. Онъ служилъ въ мастерской

Digitized by Google

перваго въ городѣ брилліантовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, господина Бармаса, магазинъ котораго былъ украшеніемъ главной улицы. Съ виду же Мозельштейнъ не представлялъ ничего такого, чѣмъ обыкновенно прельщаются дѣвицы. Правда, онъ одѣвался по модѣ и разумѣется не носилъ пейсовъ, но у него была ужасно рыжая борода, чрезвычайно длинный носъ и очень большіе зубы. На Хайкѣ онъ женился единственно по влеченію сердца, потому что Хайка была красива и безъ приданаго. Послѣ того, какъ сыграли свадьбу, Іозель повѣдалъ зятю свое горе насчетъ Ицека и просилъ у него совѣта.

— Гм!.. — сказалъ Мозельштейнъ: —вы говорите, папаша (онъ такъ почтительно называлъ Іозеля, потому что былъ человѣкъ образованный), что у него нѣту ни къ чему охоты?.. Мнѣ даже странно и удивительно слышать, что вы это говорите, папаша. Зачѣмъ охота? И что такое охота? Вы отецъ ему и слѣдовательно можете приказать и заставить. Такъ я думаю. А если бы онъ не хотѣлъ, то вы можете очень просто побить его, папаша. Такъ я думаю. Напримѣръ, я знаю, что г. Бармасу нуженъ въ мастерскую мальчикъ... И отчего бы вамъ, папаша, не отдать Ицека въ мастерскую г. Бармаса? Тамъ онъ научится золотому и брилліантовому искусству, а это очень хорошо. И тамъ ему недурно будетъ жить, потому что я буду смотрѣть за этимъ. Такъ я думаю, папаша, а какъ вы сдѣлаете, я не знаю, потому что у васъ есть своя голова...

Іозель не новѣрилъ Мозельштейну, что такъ просто можно вселить въ Ицека охоту къ какому-нибудь дѣлу, но подумалъ, что случай это хорошій и отчего не отдать Ицека къ г. Бармасу. А можетъ быть Ицеку это понравится?

Онъ подозвалъ къ себѣ Ицека и спросилъ его:

— Ицекъ, хочешь видѣть много, много брилліантовъ и всякихъ камней, а?

— А что это такое?—спросилъ Ицекъ.

Digitized by Google

— О, бриллианты, это такія красивыя штуки! Они такъ блестятъ и играютъ! И всякіе другіе камни блестятъ, какъ солнце... Это красиво, очень красиво!..

У Ицека въ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть, какъ они горятъ!— сказалъ онъ съ живостью.

— Ну, такъ вотъ же: Мозельштейнъ поведетъ тебя въ такое мѣсто, гдѣ много, много бриллiантовъ, и ты тамъ будешь учиться, какъ дѣлать бриллiанты и разные камни. Хорошо, Ицекъ?

— Хорошо!

Іозель былъ несказанно радъ. Что-жъ, у всякаго человѣка есть свое призваніе. Можетъ быть, это и есть призваніе Ицека—быть бриллiантщикомъ?! Положимъ, у всѣхъ Шмулей до сихъ поръ было призваніе къ мѣдному и жестяному дѣлу, но это ничего не значитъ. Не даромъ у Ицека блеснулъ огонекъ въ глазахъ, когда Іозель сказалъ, что камни горятъ и блестятъ, какъ и солнце... На другой же день Ицеку купили длинный сюртукъ и повели его къ Бармасу.

Мозельштейнъ всю дорогу училъ его, какъ надо говорить съ г. Бармасомъ, потому что, по его мнѣнію, съ нимъ нельзя было говорить, какъ со всякимъ другимъ человѣкомъ.

— Г. Бармасъ—большой человѣкъ, очень большой человѣкъ,—говорилъ онъ, — у него однихъ камней на двѣсти тысячъ, и золота много, и серебра. О, онъ очень большой человѣкъ! Онъ можетъ купить и меня съ Хайкой, и папашу, и всѣхъ Шмулей!..

Сумма двѣсти тысячъ не произвела на Ицека никакого впечатлѣнія, но заявленіе, что г. Бармасъ можетъ купить всѣхъ Шмулей и даже его, Мозельштейна, удивило его. Въ особенности ему представлялось невозможнымъ, чтобы Бармасъ купилъ Мозельштейна, который казался ему такимъ богатымъ и важнымъ господиномъ. И его живое воображеніе нарисовало ему человѣка необыкновенно высокаго роста, одѣтаго въ золото, серебро

Digitized by Google

и утыканнаго драгоцѣнными камнями, которые всѣ горятъ, какъ солнце. Это былъ Бармасъ. Такимъ онъ представлялъ человѣка, который могъ купить Мозельштейна.

Они вошли въ роскошный магазинъ на главной улицѣ. За конторкой, на высокомъ стулѣ, сидѣлъ невзрачный, худощавый и сгорбленный господинъ, къ которому и подвелъ Ицека Мозельштейнъ.

— Вотъ это тотъ мальчикъ, о которомъ я просилъ васъ, г. Бармасъ... Онъ мой родственникъ, и я ручаюсь за его нравственность...

Такъ началъ говорить Мозельштейнъ, но что еще онъ дальше говорилъ, Ицекъ не слышалъ. Передъ нимъ былъ ящикъ, огромный ящикъ, гдѣ подъ стекломъ въ величайшемъ порядкѣ были разложены перстни, брошки, булавки, браслеты и разныя бездѣлки изъ золота и камней. И Боже, какъ чудно блестѣли и горѣли эти камни! Какъ очаровательно отражались они одинъ въ другомъ, какъ божественно играли въ нихъ лучи солнца, которое глядѣло въ широкое зеркальное окно съ улицы! Ицекъ стоялъ пораженный этимъ зрѣлищемъ. Но едва онъ передвинулся дальше на одинъ шагъ, какъ тѣ же самые камни заиграли новыми цвѣтами, потомъ еще новыми и еще, и еще, и онъ уже нарочно поворачивалъ голову, чтобы видѣть эти волшебныя измѣненія. Въ особенности плѣняли и изумляли его вотъ эти два крупные камня, въ которыхъ играли разомъ всѣ цвѣта другихъ камней, лежавшихъ вокругъ нихъ. Ицекъ не зналъ ни одного изъ этихъ камней, но какъ они всѣ были прекрасны!

Когда Мозельштейнъ кончилъ разговоръ о немъ съ господиномъ Бармасомъ и дернулъ его за рукавъ, Ицекъ словно очнулся послѣ чуднаго волшебнаго сна. Онъ чувствовалъ, что лицо его горитъ, а сердце усиленно бьется. Его отвели въ мастерскую.

Въ пятницу вечеромъ Ицекъ пришелъ домой. Всѣ на него смотрѣли и всѣ говорили, что Ицека нельзя узнать, что это совсѣмъ не тотъ Ицекъ. Онъ не пря-

Digitized by Google

тался въ уголъ, не уединялся, не молчалъ, не глядѣлъ мечтательно въ потолокъ, а говорилъ безъ умолку. Какіе камни онъ видѣлъ! Онъ уже зналъ ихъ названія. О, что брилліантъ? Брилліантъ только блеститъ — и больше ничего. Нѣтъ, ему больше нравится изумрудъ. Когда Ицекъ смотритъ на крупный изумрудъ, занимающій почетное мѣсто въ витринѣ Бармаса, то онъ видитъ въ немъ то, чего никто не видитъ и чего онъ самъ никогда не видѣлъ,—онъ видитъ то, о чемъ разсказывалъ ему старый Хаимъ: чудные лѣса съ зелеными верхушками, съ чирикающими птицами, съ журчащими ручейками... А яхонты? Развѣ въ нихъ не видится ночное небо со всѣми звѣздами, съ мѣсяцемъ? А бирюза? Она улыбается ему, когда онъ на нее смотритъ, и вѣетъ отъ нея такимъ чуднымъ, тихимъ, прохладнымъ весеннимъ утромъ... И никто этого не видитъ и не чувствуетъ. Онъ спрашивалъ другихъ мальчиковъ въ мастерской и они только смѣялись надъ нимъ. О, Ицекъ будетъ учиться этому искусству! Онъ даетъ слово Іозелю, что будетъ учиться прилежно, лучше всѣхъ и имъ будутъ довольны и господинъ Бармасъ, и господинъ Мозельштейнъ.

Іозель Шмуль торжествовалъ. Онъ всегда думалъ, что Ицекъ не глупъ, и онъ дѣйствительно не глупъ, очень даже не глупъ. Очевидно это его призваніе... Что-жъ такое, что до сихъ поръ среди Шмулей не было ни одного брилліантщика? Не было, а теперь вотъ будетъ. Что-жъ, и хорошо, что будетъ.

Тутъ намъ приходится сдѣлать большой скачекъ. Мы не станемъ объяснять, почему это такъ, а просто скажемъ, что прошло пять лѣтъ. Да, прошло пять лѣтъ, и если бы вамъ въ это время выпалъ случай зайти въ магазинъ господина Бармаса, что на главной улицѣ губернскаго города Т*, и вы увидѣли бы тамъ высокаго, молодого человѣка, весьма прилично одѣтаго, съ маленькими черными усиками и съ бритымъ подбородкомъ, то конечно вамъ и въ голову не пришло бы, что это и

Digitized by Google

есть Ицекъ Шмуль. А если бы вы спросили самого господина Бармаса: «Ну, а что, какъ вы, г. Бармасъ, находите Ицека?»—то господинъ Бармасъ непремѣнно отвѣтилъ бы: «О, Ицекъ? Онъ отличный брилліантщикъ, превосходный брилліантщикъ, но... но ему мѣшаетъ одно—онъ фантазеръ. Да, Ицекъ фантазеръ и это ему много мѣшаетъ!..»

И Іозель зналъ уже это, что Ицекъ фантазеръ, и что это много мѣшаетъ ему въ глазахъ господина Бармаса. По этой причинѣ Ицека, несмотря на то, что онъ былъ превосходный брилліантщикъ, лучше всѣхъ въ мастерской, Бармасъ не хотѣлъ сдѣлать главнымъ мастеромъ, и это очень обижало Іозеля. Да, Ицекъ дѣйствительно былъ фантазеръ. Онъ не выносилъ этихъ золотыхъ брошекъ и браслетовъ, на которыхъ ни съ того, ни съ сего торчалъ какой-нибудь аметистъ или изумрудъ, безъ всякаго основанія окруженный жемчужинами. Когда ему поручали сдѣлать какую-нибудь вещицу, онъ страстно искалъ красивыхъ сочетаній разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ и создавалъ для этого странныя фигуры, которыя господиномъ Бармасомъ признавались нелѣпыми и никуда негодными. А главное, онъ увлекался и ради своей фантазіи жертвовалъ экономіей и коммерческими соображеніями. Въ своей работѣ онъ ни на минуту не принималъ въ разсчетъ стоимости камней. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на краски, которыми и рисовалъ свои каменныя картины. Это было замѣчено, и съ тѣхъ поръ Ицеку не поручали самостоятельной работы и контролировали каждый его шагъ.

Ицекъ молча повиновался, но въ душѣ его кипѣла буря. Его оскорбляли, когда приказывали ему на какой-нибудь длинной булавкѣ насадить крупную жемчужину, которая, на его взглядъ, могла бы составить центръ такой красивой группы изъ разныхъ камешковъ. Руки его дрожали, когда ему приходилось изъ блестящихъ маленькихъ алмазиковъ, изъ которыхъ каждый представлялъ для него уголокъ воображаемой картины, вы-

Digitized by Google

кладывать какую-нибудь скучную букву по желанію глупой заказчицы, лишенной всякаго вкуса. И съ каждой такой работой въ сердцѣ у него все больше и больше закипало возмущеніе. Юзель, который очень много думалъ обо всемъ этомъ, придумалъ наконецъ способъ, который долженъ былъ окончательно отрезвить Ицека. Онъ нашелъ Ицеку невѣсту и женилъ его. Въ роду Шмулей это всегда дѣлалось очень просто. Жениться необходимо всякому человѣку, это ужъ такъ Богомъ устроено, а невѣсть сколько угодно, значитъ—нечего и задумываться. Ицекъ никогда объ этомъ не думалъ, но когда ему сказали это, онъ оказался такого же мнѣнія. Когда же ему показали Ривку, избранную ему въ невѣсты, то онъ нашелъ, что у нея хорошенькіе сѣрые глазки и круглое личико, съ вздернутымъ носикомъ, и тотчасъ же влюбился въ нее, а Ривка въ него.

Все это хорошо, но еще лучше то, что когда Ицекъ сдѣлался мужемъ Ривки, у него въ карманѣ оказалось чистыми деньгами три тысячи рублей. Въ этомъ онъ нисколько не былъ виноватъ, потому что деньги сами собой пошли вслѣдъ за Ривкой; но дѣло въ томъ, что ощущеніе въ карманѣ такой суммы, какъ три тысячи рублей, для человѣка изъ рода Шмулей, ни одинъ изъ представителей котораго, по свидѣтельству Іозеля, не имѣлъ никогда разомъ больше двадцати рублей, не могло пройти безслѣдно.

Такъ случилось и съ Ицекомъ.

Ривка уже видѣла, что первые же дни ихъ медоваго мѣсяца омрачились задумчивостью Ицека. Онъ все ходилъ и что-то думалъ. Ривка рѣшилась спросить его.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ривка, ты не думай ничего такого. Я не печаленъ, я веселъ!—сказалъ ей Ицекъ.—Но только я задумалъ одно дѣло, важное дѣло, я сказалъ бы тебѣ, Ривка, но ты все равно ничего не поймешь!

Ривка успокоилась. Однажды Ицекъ пришелъ къ Бармасу и сказалъ:

Digitized by Google

— Господинъ Бармасъ! Прошу васъ пріискать на мое мѣсто другого мастера, потому что я ухожу. Благодарю васъ за науку, но я ухожу!..

— Какъ?—воскликнулъ изумленный Бармасъ,—вы уходите? Но что же вы будете дѣлать, господинъ Шмуль?

— Я буду дѣлать то же самое дѣло, господинъ Бармасъ, но такъ, какъ я его понимаю...

— Гм... желаю вамъ успѣха. Но вотъ что скажу вамъ, господинъ Шмуль, на прощанье,—я вамъ скажу это, потому что былъ вами доволенъ. Вы отличный бриллiантщикъ, но у васъ есть одинъ недостатокъ: вы художникъ, да,—вы художникъ, г. Шмуль, и это—недостатокъ. Чтобы работать по-вашему, нужно имѣть большіе милліоны. Я понимаю вашу идею, но она дорогая и публика ея не понимаетъ. Публика любитъ, чтобы вещь была цѣнная и бросалась въ глаза. А на вашу работу нужно искать любителей, знатоковъ, а гдѣ они? Нѣтъ, вы не по своей дорогѣ пошли, г. Шмуль: вамъ надо бы кистью да красками рисовать, потому что вы — художникъ въ душѣ. Мнѣ жаль вашихъ трехъ тысячъ, г. Шмуль,—онѣ пропадутъ. Но знайте, что я всегда къ вашимъ услугамъ, и если раздумаете, приходите ко мнѣ,—я прошу васъ, потому что вы отличный бриллiантщикъ!..

Въ скоромъ времени послѣ этого на одной изъ неважныхъ улицъ губернскаго города появилась новая вывѣска, гласившая: «Ицекъ Шмуль, бриллiантщикъ». Мы не упоминаемъ объ ужасѣ, который объялъ Іозеля и всѣхъ Шмулей при извѣстіи объ этомъ безумномъ поступкѣ Ицека. Съ тремя тысячами въ карманѣ открыть собственную мастерскую! Надо быть сумасшедшимъ...

На Ицека напали со всѣхъ сторонъ, но онъ отмахивался отъ родичей, какъ отъ мухъ, и дѣлалъ свое дѣло. Прежде всего разумѣется надо было устроить магазинъ, и онъ истратилъ на это добрую часть денегъ. Потомъ онъ накупилъ камней и засѣлъ за работу.

Онъ сидѣлъ одинъ и блаженствовалъ. Онъ дѣлалъ,

Digitized by Google

что хотѣлъ. Изъ небольшей кучки маленькихъ камней, на золотомъ фонѣ разныхъ незначительныхъ вещицъ, подъ его руками мало-по-малу возникали чудныя художественныя произведенія; казалось, камешки начинали жить, ихъ естественный блескъ и игра цвѣтовъ пріобрѣтали новый смыслъ и значеніе. Ицекъ видѣлъ все это и понималъ, и блаженствовалъ. Съ пылающими глазами, съ замирающимъ отъ восторга сердцемъ, онъ подзывалъ къ себѣ Ривку и говорилъ:

— Смотри, Ривка, вотъ это искусство, это красота! Этого стоютъ они, эти камни!.. Видишь?

Ривка смотрѣла и дѣлала видъ, что ей нравится, потому что не хотѣла обидѣть его, но ей не нравилось; произведенія Ицека казались ей странными, потому что они совсѣмъ не походили на тѣ, что она видала въ окнахъ большихъ магазиновъ.

Ицекъ разложилъ свои вещицы на окнѣ и ждалъ. Однажды къ нему зашелъ г. Бармасъ. Онъ взглянулъ на работу Ицека и пришелъ въ восторгъ.—О, это дивно хорошо! Я вѣдь понимаю и говорю вамъ, что это прелестно, художественно! Но это не пойдетъ, нѣтъ, г. Шмуль, этого никто не купитъ!.. Этого никому не нужно!.. Помяните мое слово!..

Ицекъ не вѣрилъ и продолжалъ свою работу. Проходили недѣли, стали проходить мѣсяцы, никто не заходитъ въ магазинъ. Приходили съ кой-какими заказами — спаять кольцо, вставить выпавшій камень, но созданія Ицека никого не соблазняли. Ицекъ бодрился долго и наконецъ упалъ духомъ. Больше всего его огорчало то, что Ривка плакала. Самъ бы онъ могъ еще долго ждать, до она надрывала его сердце. Между тѣмъ всѣ деньги были истрачены и нужда стучалась въ дверь.

Въ одинъ изъ такихъ горькихъ дней къ Ицеку пришелъ Мозельштейнъ и сказалъ:

— Знаешь что, Ицекъ? Твое дѣло пропащее. Про-

Digitized by Google

дай мнѣ свой магазинъ со всѣмъ, что въ немъ есть... Я тебѣ дамъ за это тысячу рублей...

— Какъ? И это? Мою работу?—воскликнулъ Ицекъ.

— Твоя работа мнѣ не нужна... Она никуда не годится... Я воспользуюсь только матеріаломъ.

Ицекъ махнулъ рукой и продалъ свою мастерскую Мозельштейну за тысячу рублей. Онъ отдалъ эти деньги Ривкѣ и сказалъ:

— Возьми, Ривка, и никогда не давай мнѣ ни на какое дѣло! Слышишь, никогда! Потому что я должно быть въ самомъ дѣлѣ безумецъ!..

Онъ пошелъ къ г. Бармасу и сталъ по-прежнему служить у него. Бармасъ сказалъ:

— Я охотно беру васъ, г. Шмуль, потому что вы отличный брилліантщикъ. Но повторяю, у васъ большой недостатокъ: вы художникъ!

Мѣсяца черезъ два послѣ этого Ицекъ проходилъ мимо своей прежней мастерской. Онъ прочиталъ на вывѣскѣ фамилію Мозельштейна рядомъ съ своей. Но отъ этого его сердце не болѣло. Когда же онъ взглянулъ на окно и увидѣлъ множество булавокъ и перстней съ грубонасаженными камнями и ему представилось, какъ Мозельштейнъ вынималъ эти камни изъ его любимыхъ созданій, то у него заболѣло сердце такъ, какъ будто Мозельштейнъ вынималъ камни изъ глубины этого сердца.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Digitized by Google

Изданія Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ И ЗАКОНОВѢДѢНІЕ.

Сочиненія Эркмана-Шатріана. Въ 2-хъ больш. томахъ (1800 стран.). Ц. 3 р.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.

Соціальное развитіе. *Б. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.

Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекція *А. Собатье.* Перев. *В. Обремлова.* 2-е изд. Ц. 60 к.

Общественный прогрессъ регрессъ. *Грегефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.

Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *В. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.

Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* „Бѣлинскій передъ смертью". Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.

Популярно-юридическая библіотека. *Я. В. Абрамова.* Пять книжекъ: № 1. Духовныя завѣщанія. № 2. Наслѣдство и раздѣлъ.—№ 3. Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ.—№ 4. Аренда и наемъ имуществъ.—№ 5. Земъ, закладъ и залогъ. Цѣна каждой книжки 25 коп.

Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ (французская литература). *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.

Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Бунтищаго.* Съ портр. автора. Съ примѣч. ц. 2 р. и безъ нихъ—1 р. 50 к.

Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Ц. каждаго т.—1 р.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и три „Святочныхъ" разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Медфогскія записки. Рецепты д-ра Меригольда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.

Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише:* „Куда мы идемъ?" 3-е изд. Ц. 1 р.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.

Капитанская дочь. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія религіи. Проф. *Меньиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.

Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія семьи. *Липперта* (автора „Исторіи культуры"). Переводъ съ нѣм. Ц. 75 к.

Сочиненія Пушкина. Съ портретомъ, біографіей и 500 писькмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10—томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.

Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.

Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зуттеръ.* Ц. 80 к.

Голодъ. Романъ. *Гамсуна.* Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3 изд. Ц. 60 к.

Путь къ счастью. *Фрид. Киршнеръ.* Ц. 60 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старш. клас. гимназій и книга для домашн. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.

Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.

Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портр. И. С. Тургенева Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауэръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ Государственной жизни. Проф. *Голцендорфа.* Ц. 75 к.

Въ трущобахъ Англіи. *Бутса.* Ц. 1 р.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Обществ. Польза».
Б. Подъяч., 39.
1892

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Шестеро.	1
Деревенскій романъ.	59
Семейка	240
Домашній судъ	263
Ради хозяйства	291
Иллюзія и правда	319

Digitized by Google

Digitized by Google

ШЕСТЕРО.

(Разсказъ).

I.

— Охъ, мученица я, мученица-страстотерпица, да и только! И вотъ же къ другимъ Господь милосердъ! У перекопскаго дьяка прошлымъ лѣтомъ двоихъ въ одну недѣлю прибралъ... Да чего ты раздираешься? Ну, чего, скажи, Бога ради, чего-о?

— Натонька, Натонька, Христосъ съ тобою, что ты говоришь? Грѣхъ даже думать такими мыслями, а ты слова говоришь... Ахъ, ты, Боже мой!

Натонька лежала, свернувшись въ клубокъ, на коротенькомъ неуклюжемъ диванчинѣ, обитомъ зеленымъ трипомъ, съ желтыми пятнами въ различныхъ мѣстахъ. Въ крѣпко натопленной комнатѣ съ низкимъ и слегка покатымъ потолкомъ, съ маленькими окнами, зеленоватыя неровныя стекла которыхъ придавали пропускаемому ими свѣту печальный сѣроватый оттѣнокъ, было душно и пахло дымкомъ, но, несмотря на это, Натонька вздрагивала и плотнѣе прикрывалась старою касторовою рясой отца Антонія. Въ комнатѣ стоялъ невообразимый гвалтъ, производимый шестью рябятишками, изъ коихъ старшему было семь лѣтъ, а самый младшій еще только пы-

Digitized by Google

тался ползать по дырявому ряденцу, разостланному на полу. Вся эта компанія играла и шумѣла, причемъ старшій, Тимошка, изображалъ священника, подражая въ манерахъ и интонаціи мѣстному настоятелю, отцу Панкратію, а прочіе выполняли обязанности причетниковъ, «тытаря» и прихожанъ. Но именно «тытарь», роль котораго досталась четырехлѣтней Пашѣ, въ чемъ-то сбился, за что получилъ отъ пятилѣтняго разбойника Васьки тяжеловѣсную затрещину. За Пашу заступилась шестилѣтняя Маринка, блѣдная дѣвочка съ серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ глазъ, на Маринку наступалъ Тимошка, подымался общій ревъ и все это тянулось къ коротенькому дивану за утѣшеніемъ. Натонька, у которой трещала голова и разламывало кости, должна была каждую минуту вставать и чинить судъ и расправу. Понятно, что это ее раздражало и доводило до бѣшенства. А отецъ Антоній сидѣлъ за небольшимъ четыреугольнымъ столикомъ, спиной къ Натонькѣ и къ дѣтямъ, и широко разложивъ на столѣ свои локти въ обѣ стороны и наклонившись всѣмъ туловищемъ впередъ, усердно писалъ метрическую книгу. Со дня на день въ село ожидался благочинный, у котораго во всякое время можетъ явиться желаніе проревизовать книги, а отецъ Антоній, изъ-за болѣзни Натоньки, запустилъ это дѣло. Между тѣмъ для него очень важно, чтобы благочинный нашелъ все въ исправности.

И онъ ужасно торопился,—до такой степени торопился о. Антоній, что предоставилъ Натонькѣ жаться отъ лихорадочной дрожи подъ его касторовою рясой и не разспрашивалъ, что у нея болитъ и какъ она себя чувствуетъ.

Въ оконце видна была церковь, площадь около церкви и часть замерзшей рѣки. На площади и на церковной крышѣ, и на низкомъ берегу рѣчки, и на самомъ льду лежало ровное, гладкое и блещущее на солнцѣ бѣлое покрывало изъ свѣжаго, выпавшаго ночью снѣга. Мужикъ въ кожухѣ съ заплатами, въ сивой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, оставлявшихъ на мягкомъ снѣгу полуаршинные слѣды, везъ по льду свѣже сжатый камышъ. Ху-

Digitized by Google

дая лошаденка ступала по гладкой дорогѣ легко, а деревянные полозья съ загнутыми кверху передами, казалось, катились за нею сами собой.

— Ты бы пустила, Натонька, ребятъ на улицу. Пусть бы снѣжкомъ поиграли. Славно такъ на улицѣ! — сказалъ о. Антоній, не перемѣняя позы и продолжая писать метрическую книгу.

— Ахъ, да пускай бѣгутъ! Пускай хоть сквозь землю провалятся! Дай ты мнѣ минуту покоя! — надрывающимся голосомъ воскликнула Натонька и съ шумомъ повернулась на другой бокъ, лицомъ къ спинкѣ дивана.

Отецъ Антоній покачалъ головой, но ничего не сказалъ. «Охъ, ты, Господи, Господи! Какія слова! — думалъ онъ.—Это болѣзнь въ ней говоритъ, а сама-то она не чувствуетъ такъ, сама-то добрая Натонька... Ахъ, бѣдняжечка!»

И сталъ онъ думать о томъ, какъ бы выгнать изъ Натоньки эту болѣзнь, которая Богъ знаетъ съ чего привязалась къ ней. Фельдшеръ смотрѣлъ ее и сказалъ, что лихорадка. И два года уже тянется эта лихорадка. Походитъ Натонька, походитъ денька три, а тамъ и сляжетъ, да недѣлю и валяется. А то и на ногахъ ходя перемогается, жмется и охаетъ. И на грудь жалуется, и кости ей ломитъ; Богъ ее знаетъ, что за болѣзнь. Совѣтовался о. Антоній съ однимъ знакомымъ докторомъ въ городѣ. Доктору-то пріѣхать въ село нельзя, времени нѣтъ, а городъ далеко, сорокъ верстъ,—гдѣ тутъ зимой тащить больную? Да и сама Натонька не хочетъ, никакъ не уговоришь ее. Это, говоритъ, такъ, легкая простуда, — весна придетъ, солнышко пригрѣетъ и сама пройдетъ. Фельдшеръ порошки хинные давалъ, но отъ нихъ только пуще въ головѣ шумитъ, а помощи никакой. Одна тутъ баба есть, Метеличиха, коренья какіе-то давала, настой велѣла дѣлать и по понедѣльникамъ да по пятницамъ натощакъ пить,—тоже ничего не помогаетъ. Можетъ оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ весна придетъ, солнышко вылечитъ. Ребятишки вотъ очень раздражаютъ ее. Ей бы полежать, да соснуть хо-

Digitized by Google

рошенько, а они тормошатъ ее. Вотъ она и изъ себя выходитъ, и слова говоритъ такія, которыхъ въ сердцѣ у ней вовсе нѣтъ. А замѣнить ее некому. Сестра его, о. Антонія, изрѣдка наѣзжаетъ. Живетъ у братьевъ поочереди. Не выписать ли ее теперь изъ Тягинки? Что-то на этотъ разъ Натонька крѣпко залегла. А все отъ бѣдности. Приходъ небогатый, а у него еще дьячковская вакансія, потому что дьякона въ приходѣ совсѣмъ по штату не полагается. Получаетъ двадцать копѣетъ съ рубля. Вотъ и живи, какъ хочешь. Шутка ли, за восемь лѣтъ супружества шестерыхъ ребятъ наплодили! А ему-то всѣхъ 28, да Натонькѣ 26, сколько это еще у нихъ дѣтишекъ можетъ быть и чѣмъ ихъ кормить, да одѣвать, да обувать? Вотъ ежели бы архіерей смилостивился, да во священника рукоположилъ, другая бы жизнь пошла. Натонька себѣ въ помощь какую-нибудь женщину взяла бы и поправилась бы, дѣтей бы воспитать можно, въ люди вывести; а то вѣдь пожалуй придется безъ науки оставить, а ужь это, по нынѣшнимъ временамъ, такая бѣда, что хуже не надо. Да, если бы владыка смилостивился, хорошо было бы!

Передъ самыми оконцами прокатили городскія аккуратныя нарядныя сани, запряженныя парой, и проѣхали мимо. Отецъ Антоній сейчасъ узналъ ихъ и того, кто въ нихъ сидѣлъ.

— Гм... А вотъ и благочинный пріѣхалъ. Сейчасъ къ о. Панкратію прокатилъ,—вслухъ сказалъ онъ.—Эхъ, а метрическія-то книги не готовы. Но, авось не потребуетъ. Пойти спросить—не было ли чего по моей части...

И онъ всталъ изъ-за стола, аккуратно посыпалъ свое писанье песочкомъ, высыпалъ песокъ обратно въ стеклянную баночку и, бережно закрывъ книгу, отложилъ ее къ стѣнѣ.

— Ну, дѣтвора, одѣвайся! Сейчасъ на улицу выпущу. Ну, ну, Тимошка, одѣвай Пелагею, Васька — Аксютку, а Маринка Сашу въ саночкахъ повезетъ. Живѣй!

— Охъ, боюсь, какъ бы они Сашу не уронили? — больнымъ голосомъ промолвила Натонька.

Digitized by Google

«Ишь ты, ишь ты, — подумалъ о. Антоній,—слова-то какія страшныя говоритъ, а сама боится за дѣтей, самой жалко. То-то!»

— Нѣтъ, ничего, Маринка у меня умница! Ты, Натонька, не тово... не тревожься. Ужь я самъ все устрою Ты поспи, поспи... Оно къ вечеру и здоровехонька будешь.

Ребятишки между тѣмъ бросили игру и принялись одѣвать другъ друга. Жалобный писк смѣнился восторженнымъ крикомъ, потому что всѣ были рады яркому солнцу и бѣлому снѣгу. Черезъ три минуты гвалтъ уже перешелъ на церковную площадь. Комья снѣга полетѣли въ разныя стороны. Потомство о. Антонія рѣзвилось съ самымъ безпечнымъ весельемъ, не обращая вниманія на то, что на нихъ была надѣта невозможнѣйшая рвань съ дырьями и заплатами.

— Ишь ты, какъ кувыркаются! Радые какіе!— воскликнулъ о. Антоній, глядя въ окошко и въ то же время надѣвая поверхъ кафтана зимнюю рясу.

— Ты прикажи имъ на ледъ не бѣгать, а то тамъ ополонка есть, того и гляди влетятъ въ ополонку,—сказала Натонька.

— Да ужь ладно, ужь ты не безпокойся, ты спи себѣ, голубка, спи... Э, ничего, поправимся. Дастъ Богъ, владыка смилуется, ну, и тово... желаніе наше... тово... сбудется. Тогда и поправимся! Спи себѣ, Натонька, а я къ о. Панкратію сбѣгаю, можетъ благочинный что знаетъ...—Отецъ Антоній нагнулся и поцѣловалъ Натоньку въ лобъ.

— Марья пускай на ребятъ поглядываетъ,—промолвила Натонька, провожая его глазами.

Дьяконъ сдѣлалъ ей рукой успокоительный жестъ и вышелъ въ сѣни, осторожно притворивъ за собою дверь. Въ темныхъ сѣняхъ онъ нащупалъ другую дверь и заглянулъ въ миніатюрную кухоньку. Марья съ подтыканною «спидницей» толкла въ небольшомъ горшечкѣ сало для «засмажки» борща. Это была молодая, здоровая, красно-

Digitized by Google

щекая дѣвка съ необычайно живымъ и веселымъ лицомъ. Эта Марья, у которой отецъ былъ горькій пьяница, а мать вѣчно лежала съ имъ же переломаною ногой, благодаря чему въ хатѣ у нихъ было пусто и холодно,—всегда была весела и ни минуты не оставалась безъ пѣсни; и не было такого парня въ селѣ, который, проходя мимо нея, удержался бы, чтобъ не ущипнуть ее за мясистую руку или не смазать всею ладонью по спинѣ. А она въ отвѣтъ на это визжала и заливалась смѣхомъ. Марья и теперь, помѣшивая засмажку, мурлыкала какую-то пѣсню.

— Слушай, Марья, ты на дѣтей поглядывай, чтобы на рѣчку не ходили, — сказалъ ей дьяконъ и прибавилъ вполголоса: — а ежели какой заплачетъ, либо озябнетъ или что другое, возьми въ кухню, а въ горницу не пускай,—матушкѣ отдохнуть надо. Слышала?

— А вже-жь слышала, хиба-жь я глухая! — скаля зубы, отвѣтила Марья.

Дьяконъ опять очутился въ темныхъ сѣняхъ и, нащупавъ уже третью дверь, вышелъ на улицу. Глубокій снѣгъ закрылъ и дорогу къ церкви, и тропинку къ дому о. Панкратія. Только мелкіе слѣды дѣтскихъ ногъ, да двѣ параллельныя полосы отъ саней благочиннаго портили эту бѣлоснѣжную гладь, отражавшую своими безчисленными кристаллами яркіе лучи солнца. Морозъ стоялъ изрядный, но тѣмъ пріятнѣе было чувствовать на своемъ лицѣ и на рукахъ какъ бы чуть-чуть пробивающуюся, сквозь морозный воздухъ, солнечную теплоту.

Отецъ Антоній, глубоко ступая сапогами въ снѣгъ, повернулъ направо и пошелъ прямо къ дому настоятеля.

О. Панкратій Шептушенко жилъ въ церковномъ домѣ, который самъ для себя построилъ, и надо отдать ему справедливость, построилъ крѣпко и удобно. Съ внѣшней стороны этотъ домъ не блисталъ архитектурными красотами, но зато онъ былъ длиненъ и широкъ, вдвое выше любой мужицкой хаты, съ желѣзною крышей и главное каменный, тогда какъ все населеніе деревни ютилось большею частью въ землянкахъ и только «богачи» воз-

Digitized by Google

водили свои замки изъ желтой глины, смѣшанной съ низякомъ. Къ дому были и службы подходящія: конюшня, скотный загонъ, помѣстительный амбаръ, множество сараевъ и сарайчиковъ и, вдобавокъ ко всему, цѣлая десятина сада, попреимуществу вишневаго, но не безъ яблони и не безъ груши. Все это было построено на землѣ церковной, т. е. отведенной обществомъ въ вѣчное владѣніе причта, и на деньги церковныя, т. е. пожертвованныя опять-таки тѣми же самыми прихожанами, и нѣкогда, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, предназначалось для всего причта, но о. Панкратій нашелъ, что по его обширному хозяйству весь этотъ домъ, со всѣми принадлежностями, какъ разъ будетъ впору ему одному, и предоставилъ остальному причту жить въ наемныхъ хатахъ, не возбраняя впрочемъ строить и собственныя. Причтъ сначала подумывалъ было о томъ, чтобы жаловаться по начальству, но принявъ во вниманіе дюжину жирныхъ стоговъ хлѣба и четыре огромнѣйшихъ скирды сѣна, стоявшихъ на току у о. Панкратія, двѣ полныя засѣки еще прошлогодняго зерна, пятерку шустрыхъ и крѣпкихъ лошадей, чуть не цѣлое стадо коровъ, тысячу овецъ, «дилижанъ»*) крытый и «дилижанъ» простой, да еще одноколку, — принявъ все это во вниманіе, а также и то, что о. Панкратій находился въ добрыхъ отношеніяхъ со всею консисторіей, причтъ пришелъ къ заключенію, что о. Панкратію дѣйствительно какъ разъ подъ стать занимать весь церковный домъ.

О. Панкратій Шептушенко среди губернскаго духовенства былъ одинъ изъ очень немногихъ. Это былъ священникъ-помѣщикъ или, лучше сказать, арендаторъ, потому что церковной земли было у него немного, какихъ-нибудь полсотни десятинъ. Попавъ въ небогатый приходъ, о. Панкратій обратилъ свое вниманіе на землю и вотъ уже лѣтъ двадцать какъ онъ велъ обширнѣйшее хозяйство, засѣвая ежегодно не менѣе двухъ тысячъ десятинъ земли, а

*) Особаго рода повозка, перенятая зажиточными поселянами у нѣмцевъ-колонистовъ.

Digitized by Google

въ послѣдніе годы онъ даже держалъ въ долгосрочной арендѣ цѣлое имѣніе сосѣдняго помѣщика Антюхина, который сошелъ съ ума и оставилъ дѣла въ неопредѣленномъ положеніи.

Особенно дѣятельно о. Панкратій занялся землей послѣ того, какъ похоронилъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ жену, оставившую ему сына и дочку. Отъ скуки ли, или по врожденному влеченію, онъ весь погрузился въ хозяйство. Онъ велъ обширныя связи съ городскими торговцами; купцы изъ русскихъ и евреевъ бывали у него запросто, осматривая его засѣки, ощупывая овечью шерсть и пробуя творогъ да сметану. О. Панкратія можно было видѣть въ городѣ на ярмаркѣ торгующимъ или мѣняющимъ лошадей, договаривающимъ цѣлую партію косарей съ громадильницами, ссыпающимъ зерно изъ своихъ мѣшковъ въ хлѣбные склады.

Все онъ любилъ дѣлать самъ и на все у него хватало энергіи и здоровья. Теперь ему было уже подъ шестьдесятъ, но старческія болѣзни еще не пришли къ этому бодрому, цвѣтущему старику, у котораго и сѣдыхъ волосъ-то было немного. Скинувъ рясу и какимъ-то особеннымъ способомъ пришпиливъ кверху полы кафтана, о. Панкратій властно ходилъ по городскому базару въ своихъ высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ, переходя отъ торговца къ торговцу, разузнавая цѣны и заключая сдѣлки. Въ такомъ видѣ можно было застать его и въ самой задней комнатѣ трактира, куда онъ прошелъ черезъ хозяйское помѣщеніе («чтобы не было соблазна»), въ компаніи хлѣбнаго, молочнаго или шерстяного торговца, гдѣ уговаривались и писали условія. И никто не дивился его духовному кафтану въ столь неподходящей обстановкѣ, потому что къ этому всѣ привыкли давно.

О. Антоній вошелъ въ обширный дворъ о. Панкратія. Сани благочиннаго стояли посреди двора, лошадей не было видно,—ихъ отвели въ конюшню. По двору, съ середины котораго снѣгъ былъ сметенъ въ одну кучу, бродили куры, гуси, утки и вмѣстѣ съ ними свиньи; два огромныхъ пса,

Digitized by Google

при видѣ его, гнѣвно зарычали и съ лаемъ кинулись къ нему, но тотчасъ узнали въ немъ своего человѣка и принялись вилять хвостами и лизать ему руки. Домъ выходилъ во дворъ широкимъ и длиннымъ закрытымъ крыльцомъ. Сюда вошелъ о. Антоній. Здѣсь, на небольшомъ дубовомъ столикѣ, приготовляла закуску старая экономка о. Панкратія, какая-то дальняя его родственница. Рыбецъ—розовый, мясистый и жирный—лежалъ уже на тарелкѣ готовый; нарѣзывался балыкъ, чистился лукъ и тутъ же лежали крупныя маслины.

— Добраго здоровья, Аксинья Мелентьевна?—сказалъ о. Антоній, кивнувъ ей нѣсколько разъ головой, и началъ выдѣлывать трепака на постланной у входа рогожѣ, стараясь отряхнуть снѣгъ отъ сапогъ.

— Гу-у-ми...—кисло протянула Аксинья Мелентьевна и, бросивъ на столъ вилку и ножъ, обѣими руками ухватилась за лѣвую щеку. — Затворяйте двери, о. Антоній, а то холодомъ такъ и несетъ... У меня зубы!...

О. Антоній поспѣшилъ притворить дверь.

— Отца благочиннаго можно повидать? — спросилъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Вы не повѣрите, какъ я страдаю зубами! — сказала ему въ отвѣтъ Аксинья Мелентьевна.—И что ни дѣлала, ничего не помогаетъ! Такое страданіе! Иной разъ думаешь, еслибъ только не грѣхъ, руки на себя наложила бы! Ей-Богу!

— А вы бы ладону положили. Вы не пробовали ладону? Очень помогаетъ!—посовѣтовалъ о. Антоній.

— Отъ ладону зубъ крошится, я пробовала. А какъ здоровье вашей супруги, о. Антоній, Натальи Парѳентьевны? все хвораетъ, а?

— Хвораетъ бѣдняга, ужь не знаю, чѣмъ и облегчить ее...

— Ахъ, о. Антоній, это не приведи Богъ, когда хозяйка въ постели! Не приведи Богъ. У васъ вѣдь дѣтей куча... А какъ она, на грудь не жалуется?

— Бываетъ... Ломитъ у нея въ груди и тоже задышка бываетъ...

Digitized by Google

— Гм... Знаете, что я думаю, о. Антоній? Вы не обидьтесь, а только я думаю, что у нея чахотка... У меня мужъ отъ чахотки померъ и тоже вотъ такъ все маялся—года три.

О. Антоній посмотрѣлъ на нее большими, испуганными глазами.

— Что это вы, Господь съ вами, какое слово сказали? И какъ это у васъ языкъ повернулся... Господи ты Боже мой!...—и онъ даже перекрестился.—Можно, что ли, въ комнаты, къ о. благочинному?

— Идите, идите!... Они тамъ съ о. Панкратіемъ.

И Аксинья Мелентьевна вытерла рукавомъ слезы, которыя были вызваны ѣдкимъ запахомъ лука, но о. Антонія этотъ жестъ потрясъ еще больше,—ему показалось, что она уже оплакиваетъ его бѣдную Натоньку.

О. Антоній вошелъ въ залу, въ которой не оказалось ни души, и прошелъ въ гостиную. Здѣсь, въ мягкихъ креслахъ, за круглымъ столомъ, сидѣли двѣ характерныя духовныя фигуры, къ которымъ теперь прибавилась не менѣе характерная третья фигура о. Антонія.

Съ перваго же взгляда о. Панкратій производилъ впечатлѣніе человѣка крѣпкаго, энергичнаго, подвижного и самостоятельнаго. Средняго роста, коренастый, онъ далеко не былъ худъ,—у него было даже маленькое брюшко и слегка раздутыя щеки, но по всѣмъ признакамъ эти придатки, обозначавшіе хорошее питаніе, довольную и спокойную жизнь, нисколько не обременяли его. Большіе и въ то же время быстрые глаза съ острымъ, проницательнымъ взглядомъ смотрѣли увѣренно, безъ малѣйшей тѣни безпокойства и заискиванья передъ начальствомъ; движенія его были просты, спокойны, какъ у тароватаго хозяина, которому пріятно принять почтеннаго гостя въ теплѣ, въ хорошей обстановкѣ, съ приличною закуской и выпивкой. Своимъ видомъ, манерой говорить и держаться онъ какъ-бы ежеминутно повторялъ: я тебя принимаю съ уваженіемъ, это такъ, потому что ты благочинный и слѣдовательно нѣкоторая спица въ колесницѣ, но помни,

Digitized by Google

что я въ тебѣ не особенно нуждаюсь, и ежели чуть что, мнѣ наплевать, потому что у меня своихъ сто тысячъ въ банкѣ!

Лицо у о. Панкратія было волосатое, суровое и смуглое, да вдобавокъ еще отъ постояннаго нахожденія среди хозяйства сильно загорѣлое. На головѣ тоже было много волосъ, но волосы эти лежали смирно, не топорщились и спокойно ниспадали до плечъ, а когда о. Панкратію надо было хлопотать по дѣламъ, заплетались въ косу и прятались подъ шапку. О. Панкратій принималъ гостя въ кафтанѣ, не считая нужнымъ облачаться въ рясу.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производилъ благочинный. Состоя въ родствѣ съ самимъ архіереемъ, онъ получилъ это назначеніе, такъ сказать, не по лѣтамъ. Совсѣмъ еще молоденькій, съ маленькою бородкой и недлинными, но кудрявыми волосами, онъ былъ одѣтъ необыкновенно чистенько и складно; узкіе рукава его свѣтленькаго кафтана такъ аккуратно охватывали бѣлую, некрупную руку, точно созданную для того, чтобъ ее цѣловали, и пуговицы на этихъ рукавахъ и на шеѣ были такія миніатюрныя, голубенькія, и такъ умѣренно мягко скрипѣли его сапоги, и самъ онъ былъ такой мягкій, деликатный и, если можно такъ сказать, ко всему и ко всѣмъ любовный. Казалось, что этотъ человѣкъ съ добрыми голубыми глазами, съ яснымъ симпатичнымъ лицомъ, обрамленнымъ золотисто-русою, какъ бы еще молодою растительностью, не способенъ никого обидѣть, да можетъ быть это такъ и было. Говорилъ онъ хорошимъ литературнымъ языкомъ, который звучалъ очень странно наряду съ тою смѣсью литературнаго, славянскаго и малороссійскаго, посредствомъ которой выражалъ свои мысли о. Панкратій. Всѣ знали, что молодой благочинный, пріѣхавшій вмѣстѣ съ архіереемъ изъ какой-то сѣверной губерніи, имѣетъ непосредственный доступъ къ владыкѣ, и разумѣется цѣнили это.

— А, о. дьяконъ!—съ пріятельскою улыбкой встрѣтилъ онъ о. Антонія,—а я собирался было къ вамъ завернуть. Очень радъ съ вами повидаться!

Digitized by Google

Онъ подалъ о. Антонію руку и свѣтскимъ образомъ пожалъ его руку. Онъ вообще считалъ себя свѣтскимъ человѣкомъ и говорилъ, что только благодаря настойчивому требованію архіерея сдѣлался духовнымъ.

— Садись-ка, отче Антоніе!—сказалъ о. Панкратій, ногой подвигая ему стулъ.

Онъ всегда называлъ дьякона на «ты», за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда былъ недоволенъ имъ. На это ему давала право разность возрастовъ, да еще и то, что онъ очень доброжелательно относился къ о. Антонію и зналъ его еще мальчишкой.

Оба они смотрѣли на о. Антонія снизу вверхъ, потому что нашъ герой отличался необыкновенно большимъ ростомъ. Если принять во вниманіе, что онъ былъ при этомъ чрезвычайно тонокъ, держался всегда прямо и что на его тонкой и длинной шеѣ была посажана маленькая головка съ цѣлою кучей темныхъ, густыхъ кудрей, торчавшихъ какъ-то кверху, да взять еще безусое и безбородое лицо съ мелкими, почти дѣтскими чертами,—то станетъ ясно, что о. Антоній въ самомъ дѣлѣ представлялъ своеобразную фигуру.

Онъ сѣлъ, откашлялся и сказалъ своимъ нѣжнымъ теноркомъ:

— А я увидалъ, какъ вы мимо нашихъ оконъ проѣхали, ну, и тово... взялъ, да и пришелъ вотъ... Не усидѣлъ... Безпокоюсь очень!...

— Это вы по поводу вашей просьбы?

— Да, ужь конечно... Насчетъ чего больше, о. благочинный?

— Я видѣлся съ преосвященнымъ и говорилъ съ нимъ... Не могу сказать, чтобъ онъ былъ очень расположенъ...

— Не расположенъ? — какимъ-то беззвучнымъ голосомъ спросилъ о. Антоній. — Такъ значитъ не расположенъ...—повторилъ онъ уже для самого себя.

— У него, у преосвященнаго, странный характеръ,— продолжалъ благочинный, — вообразите, что онъ васъ любитъ!

Digitized by Google

— Любитъ?!—тономъ горькаго скептицизма промолвилъ о. Антоній.

— Да, представьте себѣ, какой странный характеръ! Когда я сказалъ ему о вашемъ желаніи и доложилъ ваше прошеніе, онъ промолвилъ: «А, этотъ длинный? Знаю, знаю, онъ славный малый и небезграмотный человѣкъ! Знаю».—«Какъ же, говорю, ваше преосвященство, онъ школой церковно-приходской занимается, самъ все устроилъ и отлично, говорю, дѣло ведетъ, за недосугомъ настоятеля!» Я долженъ былъ это сказать, — прибавилъ благочинный, обратившись къ о. Панкратію, на что тотъ кивнулъ головой въ знакъ того, что ничего не имѣетъ противъ.—Да-съ, такъ это я говорю. А онъ: «Вотъ видишь, видишь? Я всегда на него надѣялся... Этотъ длинный всегда мнѣ нравился... «Ну, я думаю, значитъ, дѣло въ шляпѣ! Анъ не тутъ-то было. «А все-таки, говоритъ, я его священникомъ не сдѣлаю...»

— Что же такъ?—спросилъ о. Антоній все съ тою же горечью въ голосѣ, такъ какъ отъ объясненія ему никакъ не могло сдѣлаться легче.

— Да представьте себѣ, въ чемъ причина. Онъ, говоритъ, въ тонъ попадать не умѣетъ. Когда, говоритъ, я служилъ въ Предтеченскомъ монастырѣ и онъ, т. е. вы, о. Антоній, былъ вторымъ діакономъ, такъ онъ,—говоритъ преосвященный,—никакъ въ тонъ не попадалъ. Пѣвчіе въ фа, а онъ въ соль-бемоль, и такая, говоритъ, рѣзня выходила, что хоть уши затыкай... Было это или нѣтъ, скажите, пожалуйста?

— Это было, о. благочинный! Но развѣ я виноватъ? Я никогда не служилъ съ архіереемъ, а меня поставили прямо вторымъ діакономъ, и хоть бы репетицію какую-нибудь сдѣлали, а то прямо—одѣвай стихарь и служи. Понятно, я оробѣлъ. Гдѣ-жь тутъ въ тонъ попадать! Такъ это-жь совсѣмъ особь статья. А такъ вообще уставъ я знаю какъ свои пять пальцевъ, и самъ владыка меня экзаменовалъ...

— Вотъ, вотъ, онъ и вспоминалъ. Онъ, говоритъ,

Digitized by Google

и уставъ хорошо знаетъ, и вообще владыко васъ любитъ, и священникомъ сдѣлаетъ, только надо повременить. Вотъ онъ и сказалъ: «Пускай, говоритъ, въ тонъ попадать научится. Онъ еще молодой человѣкъ»...

— Эхъ, эхъ, эхъ, эхъ! — вставилъ до сихъ поръ молчавшій о. Панкратій.—Хорошо ему разсуждать, коли у него дѣтей нѣтъ, а вотъ какъ у о. Антонія ихъ шестеро, такъ не то что въ тонъ не попадешь, а и рясу наизнанку иной разъ надѣнешь.

— Да, если бы не дѣти!—со вздохомъ промолвилъ о. Антоній,—если бы не дѣти!...

Разговоръ на этомъ оборвался. Принесли закуску и водку. О. Панкратій сейчасъ же вошелъ въ роль хозяина и началъ предлагать благочинному и дьякону выпить и закусить. Благочинный объявилъ, что голоденъ, и принялся за рыбца, а о. Антоній отказался и съ какою-то грустью слѣдилъ за челюстями благочиннаго,—тѣми самыми челюстями, которыя только что сообщили ему такую непріятную вѣсть, а теперь работаютъ надъ рыбцомъ.

— Знаете, что я вамъ скажу?—обратился о. Панкратій къ обоимъ.—По-моему, все это чепуха, ей-Богу—чепуха! Я такъ полагаю, что если бы секретарь консисторіи захотѣлъ, да шепнулъ бы архіерею то, другое, третье, такъ все это дымомъ разлетѣлось бы. Такъ я полагаю.

— Н-не думаю!—сказалъ благочинный, но такимъ неувѣреннымъ тономъ, что очевидно онъ именно такъ и думалъ.

— А я такъ даже увѣренъ. Вы меня извините, о. благочинный, вы человѣкъ еще молодой и этого знать не можете. А я-то знаю, и даже очень хорошо знаю! Необходимо надо къ секретарю съѣздить, но разумѣется съѣздить умѣючи..

— Чего не знаю, о томъ умолчу, — дипломатически замѣтилъ благочинный, и выпивъ третью рюмку, сдѣлалъ естественный переходъ отъ рыбца къ сардинамъ.

Digitized by Google

— А я вамъ прямо говорю и не скрываю, что вотъ такъ точно я маялся, когда просилъ для сына мѣсто въ Духовкѣ. Чего только ни говорилъ архіерей: и молодъ, и неопытенъ, и легкомысленъ — это сынокъ-то мой... А я взялъ да поѣхалъ къ секретарю. Такъ и такъ, молъ, разсказалъ дѣло, къ вашему вліянію прибѣгаю, а чтобы вы какъ-нибудь не позабыли, изложилъ въ письменной формѣ и вотъ въ семъ конвертѣ имѣю честь представить. Онъ не дуракъ и сейчасъ же понялъ, и конверта при мнѣ не распечаталъ. Хорошо, говоритъ, мы посмотримъ. Ну, ладно, думаю, мнѣ только и надо, чтобы ты посмотрѣлъ, а ужь тамъ, что дальше будетъ — извѣстно. И что же вы думаете? Послѣ-завтра прихожу: уже докладъ сдѣланъ и резолюція готова: назначить!

Благочинный считалъ своимъ долгомъ не поддерживать подобный разговоръ и до сихъ поръ дѣлалъ видъ, что даже не слушаетъ. Но какъ разъ въ это время выпилъ четвертую и языкъ его самъ, противъ его воли, завертѣлся и спросилъ:

— А много дали?

— Этого не скажу. Всякій по своимъ средствамъ даетъ. Одно могу сказать, что я переплатилъ. Онъ за дешевле это сдѣлалъ бы. Вѣдь ловкій человѣкъ этотъ секретарь! У, ловкій, я вамъ скажу! Вотъ я двадцать лѣтъ бьюсь, собственными руками, ногами и головой работаю, а въ результатѣ какихъ-нибудь шестьдесятъ тысченокъ (о. Панкратій никогда никому не объявлялъ дѣйствительной суммы), а онъ, секретарь, за двѣнадцать лѣтъ двѣститысячный домъ нажилъ! Развѣ не ловкій?

— Да, я вамъ доложу, о. Понкратій, я лучше знаю! — вдругъ заговорилъ благочинный, утратившій всякую волю надъ своимъ языкомъ. — Два студента семинаріи мѣтили на одно мѣсто — хорошее мѣсто. Пришелъ одинъ къ нему и оставилъ пакетъ, а черезъ часъ пришелъ другой и также оставилъ пакетъ. Онъ принялъ оба, а мѣсто-то далъ, разумѣется, одному. А штука-то въ томъ, что одинъ далъ двѣсти, а другой триста; ну, этому послѣднему и мѣсто досталось.

Digitized by Google

— А двѣсти возвратилъ?

— И не думалъ! Ха, ха, ха, ха! Даже и не подумалъ!

— Да чего же архіерей смотритъ?

— Архіерей? — продолжалъ благочинный уже веселымъ тономъ.—Архіерей много ли можетъ видѣть? Тоже вѣдь надо войти и въ его положеніе! Онъ наблюдаетъ нашъ міръ грѣховный или у себя въ пріемной, когда сей міръ является въ качествѣ просителя, и ужь конечно въ самомъ благочестивомъ видѣ, или изъ окна кареты, когда міръ мелькаетъ передъ нимъ, а онъ его благословляетъ, или на парадномъ обѣдѣ, когда міръ является во фракѣ и большею частью со звѣздою или наконецъ когда онъ по епархіи ѣздитъ и его встрѣчаютъ чистенькія, принарядившіяся духовныя лица... А жизнь-то настоящую, мірскую жизнь, архіереямъ трудно видѣть.

— Правда, о. благочинный, истинная правда! — съ убѣжденіемъ сказалъ о. Панкратій, а дьяконъ только глубоко вздохнулъ.

— Да, разумѣется правда! Да знаете ли, кто мнѣ это сказалъ? Самъ архіерей, ей-Богу, самъ сказалъ. Онъ такъ именно думаетъ. «И ничего, говоритъ, мы не можемъ противъ этого зла подѣлать, потому такое наше положеніе. Когда бы мы, говоритъ, были мірскіе люди, то и міръ могли бы знать»,—вотъ что онъ сказалъ, архіерей-то!...

Тутъ о. благочинный почувствовалъ, что онъ начинаетъ говорить лишнее, и мгновенно замолчалъ. Какъ ни упрашивалъ его о. Панкратій выпить пятую рюмку, онъ не согласился.

О. Антоній поднялся.

— Что же, о. благочинный, по вашему мнѣнію, мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ онъ, кротко смотря съ своей высоты въ веселые глаза благочиннаго. Тотъ ничего не отвѣтилъ, а только развелъ руками и сдѣлалъ мину недоумѣнія и невѣдѣнія.

— Да что же дѣлать?—отвѣтилъ за него о. Панкратій. — Одно — ѣхать въ городъ и побывать у секретаря. Такъ и сдѣлайте, о. Антоній!

Digitized by Google

О. Антоній не выразилъ своего мнѣнія по поводу этого совѣта, попрощался и вышелъ. «Вотъ она справедливость-то! — думалъ онъ дорогой. — Школу, говоритъ, устроилъ и уставъ знаетъ, и все такое, а только въ тонъ не попадаетъ... Шестеро дѣтей, вѣдь Господи ты, Боже мой! Ваше преосвященство, вонмите!

«Гм... Поѣзжай къ секретарю! Да съ чѣмъ же ѣхать? Развѣ онъ пойметъ, ежели я ему скажу, что у меня шестеро дѣтей и жена больная? Гдѣ тамъ? Вѣдь онъ навѣрное каменный, всѣ они тамъ каменные.

«А что я Натонькѣ скажу? Вѣдь она ждетъ, бѣдняжечка, не дождется, чтобы радостную вѣсть получить, а тутъ на тебѣ! Охъ, горе мое, горе, что я ей скажу, бѣдняжкѣ? Правду сказать невозможно—разстроится, заплачетъ, жизнь проклинать начнетъ...

«Грубая баба эта Аксинья, безъ всякой деликатности. Что ей въ голову пришло? У Натоньки чахотка!... Съ чего? Господи Боже мой, какъ людямъ ничего не стóитъ жестокое слово сказать! И какъ прямо! Грубая баба и только».

Онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ правды не говорить Натонькѣ.

Ребятишки вертѣлись около самой церковной ограды. Они возвели изъ снѣга огромнѣйшую бабу, и Василько, чтобы укрѣпить голову на плечахъ, взбирался на табуретъ, вынесенный изъ дому. Только Маринка отсутствовала; оказалось, что она въ кухнѣ укачиваетъ Сашу.

О. Антоній снялъ рясу въ кухнѣ и, стряхнувъ сапоги, подошелъ къ печкѣ, въ которой лѣниво горѣлъ кизяковый кирпичъ домашняго изготовленія. Здѣсь онъ хорошенько обогрѣлся и только тогда рѣшился войти въ комнату.

Натонька дремала, но сейчасъ же при его входѣ открыла глаза.

— Что же сказалъ благочинный? — спросила она. Очевидно, все это время она только объ этомъ и думала.

— Да ничего, Натонька, ничего такого... Архіерей, говоритъ, къ вамъ благосклоненъ.

Digitized by Google

— Значитъ, сдѣлаетъ?

— А разумѣется сдѣлаетъ... Только, говоритъ, чуточку повременить надобно... Ну... тово... чтобы, то-есть, самъ себя ему-лично показалъ... Повидать желаетъ...

— Архіерей-то?

— Ну, да, архіерей, а то кто же больше?

— Экія чудеса! Что онъ, не видалъ тебя, что ли, не наглядѣлся?

— Должно быть, что не наглядѣлся, Натонька... Да пускай смотритъ, коли ему хочется, не убудетъ меня отъ этого...

И о. Антоній, чтобы окончательно развеселить Натоньку, разсыпался мелкимъ смѣшкомъ доброй, дружеской шутки. А на душѣ у него въ это время была страшная горечь. Съ чѣмъ поѣдетъ онъ? Ни занять негдѣ, ни продать нечего. Развѣ клячу свою единственную, да корову? Что же за нихъ дадутъ! Въ концѣ зимы, когда кормъ у всѣхъ на исходѣ и вдвое вздорожалъ, дадутъ гроши. Да и какъ оставить семейство безъ молока и лошаденки? Нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ и онъ только напрасно обнадеживаетъ Натоньку.

Но Натонька торопилась.

— Коли надо показаться, то поѣзжай немедля. Надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Ладно, ладно, Натонька, я и поѣду! Вотъ только изъ Тягинки сестру Дуню вытребую.

И онъ, рѣшительно не зная, съ какими шансами поѣдетъ и что будетъ дѣлать въ городѣ, сѣлъ и написалъ Дунѣ, чтобы поскорѣе пріѣзжала. Больше всего на свѣтѣ онъ боялся теперь, чтобы Натонька не раздражалась, не начала бы проклинать жизнь и говорить жестокія слова.

II.

Село Бутищево было большое, но безтолковое село. Люди здѣсь размножались быстро и лѣпили хату къ хатѣ, а больше землянку къ землянкѣ, но почему они именно

Digitized by Google

здѣсь селились, а не на другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, этого они и сами не знали. Земли у бутищевцевъ было мало, раздробили ее на кусочки и никого уже не могла она прокормить. Въ прежнія времена рѣчка кормила, бутищевцы забрасывали сѣти и ловили окуней, судаковъ и карповъ, но лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда имѣніе отъ коренного владѣльца Бутищева перешло къ купившему его мѣщанину Скрыдлову, вдругъ оказалось, что рѣчка, со всею ея рыбой и съ окружающими ее камышами принадлежитъ ему, Скрыдлову, и сталъ онъ за право поймать окуня и срѣзать снопъ камыша брать страшныя деньги. Тогда мужики сжались на своихъ раздробленныхъ надѣлахъ, живя въ проголодь и расширяя предѣлы Бутищевки новыми землянками. Довольно сказать, что даже кабатчикъ Іесей нашелъ для себя невыгоднымъ пускать дальнѣйшіе корни въ Бутищевкѣ и, по здравымъ размышленіямъ, перенесъ свое «заведеніе» за десять верстъ, на хуторъ Чиркинъ, гдѣ было всего десятка три хатъ, но зато хатъ богатыхъ, гдѣ жили мужички хлѣбосольные, пьющіе водку большими порціями. Такимъ образомъ ко всѣмъ бѣдамъ бутищевцевъ прибавилась еще новая: надо было бѣгать за водкой десять верстъ, что разумѣется нисколько не отрезвило бутищевцевъ. Нѣкоторые даже находили, что такъ лучше. «Оно даже довольно пріятно—съ проходкой!»

Но большинство сожалѣло о перенесеніи «заведенія» на Чиркинъ хуторъ. Вѣдь это было единственное веселое мѣсто въ Бутищевкѣ и безъ него какъ-то сумрачно жить стало. Многіе даже вступали въ переговоры съ Іесеемъ, уговаривая его вернуться, но изъ этого никакой пользы не вышло, ибо Іесей дѣйствовалъ не зря, а на основаніи политико-экономическаго закона—спроса и предложенія. Въ Чиркинѣ хуторѣ былъ большой спросъ на водку, вотъ онъ и понесъ туда свое предложеніе. При такомъ положеніи дѣла, само собою разумѣется, въ Бутищевкѣ не было ни одного благодѣтеля, у котораго о. Антоній могъ бы перехватить что-нибудь для своего путешествія. О новомъ по-

Digitized by Google

мѣщикѣ, мѣщанинѣ Скрыдловѣ, нельзя было и думать. Онъ только и дѣлалъ, что ходилъ да придумывалъ, что бы еще превратить въ копѣйки, и очень скорбѣлъ, что все уже, до послѣдней камышинки, превращено и больше превращать нечего. Оставалось о. Антонію одно: пойти къ о. Панкратію и просить у него взаймы. Вѣдь все-таки о. Панкратій знаетъ его и долженъ имѣть къ нему довѣріе.

Это было дня черезъ четыре послѣ свиданія съ благочиннымъ. Снѣгъ стаялъ и по всему видно было, что больше ужь его не выпадетъ. Рѣка покрылась водой поверхъ льда и обыватели не рѣшались не только ѣздить, но и ходить по ней,—ледъ сталъ хрупокъ. Конецъ февраля принесъ съ собою теплые лучи почти весенняго солнца. Кое-гдѣ изъ-подъ земли вылѣзла ранняя травка, птицы защебетали бойчѣй. О. Антоній сказалъ Натонькѣ, что понесетъ метрическую книгу настоятелю, но въ дѣйствительности дѣло было не въ книгѣ, и онъ чувствовалъ, что совершаетъ рѣшительный шагъ. Ежели о. Панкратій откажетъ, то и все дѣло пропало: больше не у кого просить. Были однакожь нѣкоторыя предзнаменованія, которыя онъ считалъ для себя благопріятными.

Вчера только у о. Панкратія былъ хлѣбный скупщикъ Авдѣй Дракинъ и закупилъ у него всю прошлогоднюю пшеницу. О. Панкратій долженъ быть радъ и тому, что продалъ хлѣбъ, и тому, что стойко выдержалъ и дождался хорошей цѣны. А главное онъ получилъ задатокъ и слѣдовательно никакъ не можетъ сказать, что денегъ при себѣ нѣтъ.

Въ виду такихъ добрыхъ предзнаменованій, о. Антоній и отправился къ настоятелю. Это было въ воскресенье, послѣ обѣдни. О. Панкратій пилъ чай и принялъ его ласково.

— Чайку не хочешь ли, о. дьяконъ?

— Нѣтъ, пилъ уже, спасибо! Я къ вамъ по дѣлу, о. Панкратій.

— По дѣлу, такъ дѣло и говори, а я буду слушать.

— Да все объ томъ же, о. Панкратій, объ моей судьбѣ...

Digitized by Google

— Гм... что же я могу подѣлать въ твоей судьбѣ? Когда бы я былъ архіерей, такъ вѣрь, что я тебя соборнымъ протопопомъ сдѣлалъ бы.

— Нѣтъ, я насчетъ вотъ чего: вы тогда сказали: поѣзжай къ секретарю! А къ секретарю съ пустыми руками ѣхать нельзя...

— А это ужь само собою разумѣется. Что-жь ему визить твой нуженъ, что ли?

— Я-жь это самое и говорю. А у меня ничего нѣтъ...

— А коли ничего нѣтъ, тогда и таскаться нечего! — чрезвычайно резоннымъ тономъ заключилъ о. Панкратій.

«Не понимаетъ»,—подумалъ дьяконъ и въ эту минуту онъ уже, собственно говоря, почувствовалъ, что толку отъ о. Панкратія никакого не добьется. Но надо было идти до конца.

— А я думалъ...—началъ было о. Антоній, но ему показалось, что онъ не такъ началъ, и онъ остановился.

— Что же ты думалъ, о. Антоній,—спросилъ хозяинъ, но и въ этомъ вопросѣ, и въ лицѣ, и глазахъ его дьяконъ опять-таки не прочиталъ ничего, подающаго надежду. А о. Панкратій взялъ да еще прибавилъ:—ты думалъ должно быть, что деньги тебѣ съ неба свалятся? Такъ на небѣ, братъ, и денегъ-то вовсе нѣтъ...

— Нѣтъ, я хотѣлъ попросить васъ... Можетъ вы смилостивились бы и дали бы мнѣ заимообразно... А я бы постомъ великимъ поправился и отдалъ бы...

— Нѣту, братъ, у меня денегъ!—коротко сказалъ о. Панкратій и больше никакихъ объясненій этому обстоятельству не далъ.

— Нѣту?—печально переспросилъ о. Антоній и тоже замолкъ. Его всегда поражало и онъ никакъ понять не могъ, какъ это люди умѣютъ просто отказывать.

Деньги у него въ карманѣ лежатъ, вчера только получилъ, свѣженькія, и всѣ это знаютъ, и самъ онъ этого не скрываетъ, даже хвастался передъ церковнымъ старостой: вотъ молъ денежки получилъ; покрѣпился зиму

Digitized by Google

съ хлѣбомъ и цѣлую тысячу на томъ выигралъ, а онъ, ни мало не смущаясь, говоритъ: нѣту денегъ. Будь у него, у о. Антонія, въ карманѣ деньги и попроси у него кто-нибудь и, положимъ, онъ почему-либо не хотѣлъ бы дать, такъ онъ путался бы полчаса, деликатно извиняясь, объясняясь, а въ концѣ-концовъ, надо полагать, все-таки далъ бы. Но что скажешь на «нѣтъ»?—ничего. Надежда, значитъ, развѣялась, какъ дымъ. И теперь о. Антоній ясно видѣлъ, что надѣяться не имѣлъ никакого основанія. Развѣ онъ не зналъ, что у о. Панкратія правило—никому взаймы не давать? Бывали случаи, что мужикъ передъ нимъ въ ноги падалъ, плакалъ, прося дать ему тридцать рублей на лошадь,—ему пахать было нечѣмъ,—обѣщалъ отработать, но о. Панкратій отвѣчалъ одно: нѣту денегъ! Это у него былъ такой принципъ. Дѣло въ томъ, что о. Панкратій, при своемъ обширномъ дѣлѣ, которое во всякомъ случаѣ было нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ церковнослужительскихъ обычаевъ, избѣгалъ всего, что могло набросить на него дурную тѣнь. Его богатство доставило ему множество завистниковъ и враговъ. Малѣйшій поводъ раздули бы и сдѣлали бы изъ него ростовщика и кулака. Поэтому онъ поставилъ себѣ за правило разъ навсегда: никому денегъ ни подъ какимъ видомъ не давать, а отвозить ихъ въ банкъ, гдѣ имъ спокойнѣе лежать.

О. Антоній зналъ все это, но думалъ, что для него, какъ для сослуживца, о. Панкратій сдѣлаетъ исключеніе. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія о. Панкратій сказалъ:

— Ты вотъ что, дьяконъ, обратись ты къ моей дочкѣ, Марьянѣ Панкратьевнѣ, у нея подчасъ случаются деньги... можетъ и дастъ!...

— Марьяна Панкратьевна?—спросилъ о. Антоній,—крутыя онѣ очень, Марьяна Панкратьевна.

— Ну, ужь это, братъ; не мое дѣло... Это ужь тамъ какъ знаешь... можетъ она для тебя помягчѣе будетъ... Попробуй! Да вотъ, коли хочешь, и сейчасъ можно. Она какъ-разъ идетъ сюда.

Digitized by Google

Дѣйствительно, изъ залы вошла въ столовую Марьяна Панкратьевна. На ней былъ клѣтчатый длинный капотъ, сильно заношенный и засаленный, и сидѣлъ-то онъ на ней какъ чужой, или словно былъ сшитъ, когда она была потолще и поокругленнѣе. Можетъ быть это такъ и было, потому что Марьяна Панкратьевна, проводившая скучную одинокую жизнь при отцѣ, знала лучшіе дни, когда она и тѣломъ должно быть была поплотнѣй, и лицомъ веселѣй. На видъ ей можно было дать всѣ сорокъ, тогда какъ въ дѣйствительности ей было на цѣлыхъ пять лѣтъ меньше. Это была то, что называется—сухая женщина. Съ своими длинными руками, болтавшимися въ широкихъ рукавахъ, съ тонкими пальцами, со впалою грудью, со скуластымъ смугло-желтымъ лицемъ, съ жидкими подстриженными волосами, она дѣйствительно производила впечатлѣніе высохшей. Марьяна Панкратьевна была вдова; мужъ ея, священникъ, умеръ, проживъ съ нею всего три года и не оставивъ ей дѣтей. Со смертью его она стала быстро старѣть и сохнуть. Конечно она ничего не имѣла противъ того, чтобы еще разъ выйти замужъ, и ей разумѣется, ради богатства о. Панкратія, дѣлали не одно предложеніе. Но идеаломъ ея, прочно засѣвшимъ въ ея головѣ, былъ священникъ. «Нѣтъ ужь, говорила она искателямъ ея руки, чтобы я послѣ попадьи да стала чиновницей, либо купчихой? Это все одно, какъ ежели-бъ генерала въ солдаты разжаловать». Такого высокаго мнѣнія была она о своемъ званіи. Между тѣмъ кандидатамъ въ священники, какъ извѣстно, на вдовахъ жениться нельзя. И Марьяна Панкратьевна отказывала всѣмъ искателямъ. Очень можетъ быть, что теперь она была бы менѣе разборчива и рѣшилась бы измѣнить своему идеалу. Но къ ней уже не сватались и она привыкла считать себя вѣчною вдовицей. Жила она совсѣмъ особнякомъ, въ отдѣльномъ флигелѣ, и въ дѣла о. Панкратія вовсе не вмѣшивалась.

У нея было свое собственное дѣло, именно три тысячи рублей, оставшихся послѣ смерти мужа изъ приданаго:

Digitized by Google

она ихъ дѣятельно развивала и теперь владѣла уже капитальцемъ тысячъ въ пятнадцать. Дорогу къ ея флигелю хорошо знали бутищевскіе мужики, которые очень рѣдко уходили отъ нея обиженными.

— Вотъ, Марьяна, отецъ дьяконъ имѣетъ къ тебѣ какое-то дѣло! — сказалъ прямо о. Панкратій.—Я не успѣлъ разспросить его, да онъ тебѣ объяснитъ...

Сказавъ это, о. Панкратій вышелъ, прошелъ залу и затѣмъ шаги его замолкли въ кабинетѣ.

О. Антоній поклонился и такъ какъ ему не протянули руки, то этимъ и ограничился. Марьяна свысока смотрѣла на причетниковъ и не подавала руки состоящимъ въ санѣ ниже священническаго.

— Что вамъ?—сурово спросила она.

— Мнѣ? мнѣ... тово... денегъ бы достать надо бы... Случай такой, Марьяна Панкратьевна... очень трудный случай!

— Денегъ? у меня? А что-жь вы у отца не взяли?

— О. Панкратій говоритъ, что у нихъ нѣту!

— Ну, у меня, положимъ, есть...

— Есть? радостно спросилъ о. Антоній, какъ будто это было все равно, что ему дали.

— Есть, да только вамъ невыгодно будетъ.

— Мое такое положеніе, что всяко будетъ выгодно... очень трудное положеніе.

— А сколько бы вы хотѣли?

— Да я бы... тово... рубликовъ полтораста всего! — О. Антоній до сихъ поръ о цифрѣ еще не думалъ и сказалъ эту сумму нечаянно, но онъ тутъ же распредѣлилъ: «Сто рублей секретарю суну, а пятьдесятъ на расходы. Еще Натонькѣ шелковый платокъ куплю, а ребятамъ гостинцы».

— Невыгодно вамъ будетъ, о. Антоній! Даже жалко мнѣ васъ, такъ невыгодно!

— Да сколько же, Марьяна Панкратьевна?—Онъ уже весь проникся нетерпѣніемъ и въ душѣ рѣшилъ: «Сколько бы ни содрала—возьму! Ежели священникомъ сдѣлаютъ, легко будетъ отдать!»

Digitized by Google

— Нынче у насъ двадцать восьмой февраль? Такъ 28 марта отдадите. Возьмите полтораста, а принесете двѣсти. А кромѣ того запродажную на озимый хлѣбъ...

— Какъ на озимый хлѣбъ?—воскликнулъ о. Антоній.

— Да вы сѣяли озимую?

— Сѣялъ, семь десятинъ посѣялъ.

— Ну, вотъ вы мнѣ такую бумажку напишите, будто вы мнѣ запродали жатву, что значитъ выростетъ. Это на всякій случай... Мнѣ оно не нужно. Сами знаете, я хлѣбомъ не занимаюсь.

Смотрѣлъ на нее о. Антоній и дивился, что могутъ на свѣтѣ существовать такія женщины. «И это еще попадья и священническая дочь! думалъ онъ, въ епархіальномъ училищѣ образованіе получила. Господи ты, Боже мой!» Впрочемъ удивленіе о. Антонія происходило больше оттого, что это случилось съ нимъ. Онъ поневолѣ вникнулъ въ это явленіе. Но и раньше онъ зналъ, что Марьяна мужикамъ не даромъ раздавала деньги. Дастъ одному десять карбованцевъ весной, а на Покрову двадцать беретъ. Но мужикъ, какъ обладатель собственной земли, казался ей болѣе прочнымъ, поэтому она не требовала у него обезпеченія. А дьякона каждую минуту могутъ согнать съ мѣста, перевести въ другой приходъ, и поминай, какъ звали.

Недолго думалъ о. Антоній. Да что и думать, коли нужно до зарѣза? И онъ сказалъ:

— Такъ позвольте ужь сейчасъ получить, Марьяна Панкратьевна!

— Значитъ, вы согласны?

— Согласенъ!

— Тяжеленько вамъ будетъ! Жаль мнѣ васъ!

— Что дѣлать? случай трудный, очень трудный случай, Марьяна Панкратьевна.

Какъ ни безобразны были условія этого займа, все-таки о. Антоній боялся, чтобы она не раздумала и не отказала бы, поэтому страшно торопился. Вѣдь отъ этихъ денегъ зависѣла его судьба.

Но Марьяна не имѣла въ виду мучить его. Черезъ чет-

Digitized by Google

верть часа онъ былъ уже дома. Натонька встала съ постели. Въ этотъ день она чувствовала себя хорошо. О. Антоній старался говорить съ нею спокойно и резонно, но въ груди его клокотала радость, которой такъ и хотѣлось вырваться наружу. Полтораста рублей были у него въ карманѣ и онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его сдѣлали уже священникомъ и дали ему самостоятельный приходъ.

— Когда-бъ скорѣе Дуняша пріѣзжала! Надо въ городъ ѣхать! — повторялъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ часто выходилъ на дорогу и смотрѣлъ, не ѣдетъ ли Дуняша. Но вотъ по грязной дорогѣ, по которой ручьями лились весеннія воды, показалась мужицкая повозка, вся забрызганная жидкою грязью. Въ передкѣ, свѣсивъ ноги на воздухъ, такъ что онѣ поминутно касались заднихъ ногъ лошади, сидѣлъ мужикъ, а за его спиной, на сидѣньѣ изъ соломы, покрытой ряденцемъ, помѣщалась Дуняша. Это была рослая и стройная дѣвушка съ молодымъ, цвѣтущимъ лицомъ, съ звонкимъ голосомъ и живыми движеніями. Пріѣхавъ, она тотчасъ же начала приводить въ порядокъ хозяйство о. Антонія. Лишенная всякаго образованія, эта дѣвушка отлично постигла хозяйство и не могла ни минуты просидѣть безъ дѣла.

Братья, — ихъ было четверо и все неудачники, не выше дьякона, — считали счастьемъ, когда она къ нимъ пріѣзжала. Она и съ дѣтьми возилась, и на кухнѣ орудовала, и коровъ доила, и шила, — словомъ это была «золотая дѣвушка», — таковъ былъ единодушный отзывъ о ней всѣхъ четверыхъ братьевъ. Ей было всего 20 лѣтъ, случалось не мало жениховъ, но она не спѣшила замужъ, зная себѣ цѣну и цѣня также дѣвическую свободу. «Я себѣ вольная пташка, говорила она, отъ брата къ брату, словно мотылекъ, порхаю; а тамъ пойдутъ дѣти, придутъ болѣзни и прощай веселье. Насмотрѣлась я довольно на эту жизнь. Успѣется еще». Съ ея пріѣздомъ домъ о. Антонія оживился, повеселѣлъ и даже Натонька какъ будто снисходительнѣе стала смотрѣть на міръ Божій.

Digitized by Google

— Вотъ спасибо тебѣ, Дуняша, что пріѣхала,—говорилъ о. Антоній,—я сегодня же укачу въ городъ.

— Сдѣлай милость! Безъ тебя обойдемся!—шутила Дуняша.

О. Антоній дѣйствительно въ тотъ же день собрался и укатилъ въ городъ. Дорога была прескверная. Худая кляча то и дѣло спотыкалась и падала въ глубокія свѣжеразмытыя лужи. О. Антоній былъ весь сѣрый отъ грязи. Ѣхалось больше шагомъ и пришлось прошлепать всю ночь. Мѣста тѣ таковы, что на разстояніи сорока верстъ не встрѣтишь ни одной хаты. Только подъ городомъ, когда уже зарозовѣла заря, начались поселки и пошли все гуще и гуще, пока не слились съ самымъ городомъ. Городъ былъ великъ и буквально плавалъ въ грязи. Улицы, скверно вымощенныя какимъ-то каменнымъ сбродомъ, были сплошь покрыты жидкою грязью, которая блестѣла, какъ сталь, и маскировала щедро разсыпанные по мостовой рытвины и ухабы, благодаря которымъ на каждомъ шагу экипажи неожиданно принимали почти вертикальное положеніе, а лошади становились на дыбы. Пѣшеходы, когда собирались перейти улицу, примѣрялись съ такимъ видомъ и дѣлали такія ухищренія, будто хотѣли броситься въ-плавь. Все было мокро, сыро и грязно, и люди, дѣятельно копошившіеся въ этомъ болотѣ, казались терпѣливо несущими какое-то наказаніе.

О. Антоній заѣхалъ сперва на постоялый дворъ. Было еще рано по городскому счету,—семь часовъ. Притомъ надо было почиститься и привести себя въ порядокъ. Секретарь встаетъ вѣроятно часовъ въ 8, а въ 10 идетъ на службу. Вотъ между этими часами и можно посѣтить его. О. Антоній напился чаю, который послѣ ночной поѣздки показался ему необыкновенно вкуснымъ, и досталъ бумагу и конвертъ. На бумагѣ онъ написалъ прошеніе о производствѣ его въ священники и, бережно сложивъ ее, втиснулъ въ самую середину цѣльную сторублевку и все это вмѣстѣ положилъ въ конвертъ. Все это онъ дѣлалъ удивительно смѣло и увѣренно, вѣроятно потому, что былъ въ номерѣ

Digitized by Google

постоялаго двора и одинъ. При этомъ онъ еще вспомнилъ разсказъ о. Панкратія и благочиннаго и это ободрило его. Ему казалось теперь это простымъ дѣломъ и онъ ни на минуту не сомнѣвался, что сдѣлаетъ все, какъ слѣдуетъ, т. е. какъ разсказалъ о. Панкратій. Въ 9 часовъ онъ уже былъ въ передней секретаря.

— Какъ же сказать объ васъ, батюшка?—спрашивала его какая-то старуха, не то экономка, не то монашенка, не то сама секретарша.

— Да какъ-нибудь... Все одно... они меня не знаютъ! По своему дѣлу, скажите!

— Извѣстно, не по чужому!—сказала старуха и ушла куда-то въ мракъ длиннаго и узкаго корридора.

Но о. Антоній ее даже не слышалъ. Онъ слышалъ только собственный голосъ, который показался ему чужимъ,—до такой степени этотъ голосъ былъ робокъ и тонокъ. И ничего такого пугающаго онъ не встрѣтилъ здѣсь. Передняя была, какъ у всѣхъ: два стула, столъ, вѣшалка, зеркало. Въ полураскрытую дверь онъ видѣлъ въ залѣ мягкую мебель въ сѣрыхъ чехлахъ, уголъ какого-то инструмента въ родѣ фисгармоніи. Старуха тоже не представляла ничего необыкновеннаго, — словомъ, все было такъ, какъ у людей. Но о. Антонія охватила робость невѣроятная. Должно быть это происходило отъ того, что въ карманѣ у него лежалъ большой конвертъ съ прошеніемъ, въ которомъ была сторублевка. Какова-то еще будетъ судьба этой сторублевки? Можетъ вывезетъ, а можетъ и на вѣки погубитъ. Старуха опять появилась изъ мрака и пригласила его за собой. Ему тоже пришлось пройти мрачный корридоръ, затѣмъ повернуть налѣво, открыть дверь и вдругъ совершенно неожиданно очутиться въ кабинетѣ секретаря. Кабинетъ былъ очень малъ, съ низенькимъ потолкомъ, съ небольшими двумя окнами, выходившими на дворъ, съ неуклюжимъ письменнымъ столомъ, зеленое сукно котораго истерлось и было покрыто чернильными пятнами. Въ углу на низенькомъ столикѣ стояло множество образовъ и передъ самымъ большимъ изъ нихъ теплилась

Digitized by Google

лампада. Въ комнатѣ пахло гарью отъ лампады, которая мигала и трещала. Квартира была наемная и ничто не свидѣтельствовало, что у секретаря есть домъ въ двѣсти тысячъ. Да, это былъ онъ. О. Антоній видѣлъ его раза два въ консисторіи и сейчасъ же узналъ. Громадная фигура съ большою, сѣдою головой, лицо совсѣмъ бритое и все, не исключая лба и ушей, красное, какъ у человѣка, только что выдержавшаго хорошую баню; въ длинномъ черномъ сюртукѣ, широкоплечій, порядочно сутуловатый, онъ всегда обдавалъ просителей какимъ-то холодомъ, сухостью, непривѣтливостью. Казалось, что ему было все равно до всѣхъ людей на свѣтѣ, и онъ скорбѣлъ только объ одномъ, что его потревожили. Онъ стоялъ неподалеку отъ двери и какъ-то въ полъ-оборота, точно собираясь плюнуть куда-то въ сторону. Изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей смотрѣли большіе бычачьи, совершенно холодные глаза. О. Антоній поклонился помонашески, т. е. въ поясъ.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ хозяинъ какимъ-то мальчишескимъ голосомъ, совсѣмъ не соотвѣтствовавшимъ его внѣшности. Отъ такой крупной фигуры ожидалось нѣчто въ родѣ грома. А онъ еще гнусилъ, растягивая слова, произнося гласныя немного на э и въ носъ. Губы его сложились въ презрительную мину, словно онъ заранѣе уже презиралъ ту фамилію, которую ему скажутъ.

— Дьяконъ села Бутищевки, Антоній...

— Бубырко!—закончилъ за него хозяинъ и свободнымъ жестомъ указалъ ему на стулъ, а самъ тяжелыми шагами подошелъ къ креслу и сѣлъ. Сѣлъ и о. Антоній.

— Точно... Бубырко! Я... отецъ благочинный... то-есть... тово... Подавалъ уже одинъ разъ... тово...

— Знаю!—прогнусилъ хозяинъ.

— А владыко написалъ... рано молъ, написалъ владыко...

— Знаю!—повторилъ хозяинъ и все время смотрѣлъ на о. Антонія въ упоръ своими неподвижными глазами.

— А у меня шестеро дѣтишекъ... И школу я...тово... устроилъ школу... и уставъ...

Digitized by Google

— Знаю!—еще разъ подтвердилъ хозяинъ.

О. Антоній перевелъ духъ и издалъ глубокій вздохъ. Этотъ упорный взглядъ, какъ бы подстерегавшій его, слѣдившій за каждымъ его движеніемъ, просто потрясалъ его. О. Антонію казалось, что рука его не осмѣлится залѣзть въ карманъ и вынуть оттуда завѣтный конвертъ.

— Теперь я къ вашей помощи прибѣгаю... Одна надежда на васъ,—продолжалъ онъ и рука его вдругъ очутилась около кармана. Но поигравши тамъ пальцами, она вдругъ ушла обратно и легла на колѣнѣ.

— Что-жь, ежели владыко...—началъ было секретарь, но о. Антоній перебилъ его.

— Прошеніе вамъ я приготовилъ и осмѣлюсь подать...

— Прошеніе? Это пожалуй... Не мѣшаетъ!..

Рука, контролируемая упорнымъ взглядомъ хозяина, точно боявшагося, чтобы она не ошиблась, быстро всунулась въ карманъ и вытащила оттуда конвертъ, который своимъ измятымъ и скомканнымъ видомъ навелъ ужасъ на о. Антонія.

— Конвертъ... тово... измялся! — сказалъ онъ, судорожно сжимая конвертъ дрожащею рукой. Шагъ, который онъ долженъ былъ сейчасъ сдѣлать, былъ именно такого рода шагъ, что могъ и осчастливить, и погубить. А что, если о. Панкратій и благочинный разсказали ему сказки, подшутили надъ нимъ?

— Ничего, разгладимъ!—отвѣтилъ хозяинъ, сосредоточивая свой взглядъ на конвертѣ.

— Такъ вотъ... благоволите... тово... принять... прошеніе!..

Онъ положилъ конвертъ на письменный столъ и сейчасъ же быстро поднялся и началъ кланяться. Секретарь между тѣмъ взялъ конвертъ и какъ-то небрежно, точно ненужную вещь, отстранилъ его на середину стола. Но о. Антоній уже былъ въ передней. Никогда еще въ жизни онъ не торопился такъ, какъ теперь. Ему мерещилось, что тамъ, въ кабинетѣ, секретарь открылъ конвертъ, изъ котораго вывалилась сторублевка. Секретарь поблѣднѣлъ

Digitized by Google

и весь затрясся. Онъ ринулся въ переднюю и кричитъ ужаснымъ прерывающимся голосомъ: «Какъ ты смѣлъ? Мнѣ? Секретарю? Ты? Діаконъ? А? Оскорбленіе? Владыкѣ, въ синодъ! рясу долой! Въ монастырь, на эпитемію!»

«О, Господи, спаси и помилуй! — мысленно воскликнулъ о. Антоній, залѣзая правою ногой въ лѣвую калошу. — Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ! Погубилъ дѣтей, Натоньку погубилъ!»

Ему казалось это неизбѣжнымъ: секретарь долженъ обидѣться. Какъ это можно? Такое лицо, такой постъ, и вдругъ ему — взятку. Да это ужасно! Зачѣмъ ему? У него хорошее жалованье.

Вотъ онъ на лѣстницѣ, уже внизу, отворяетъ дверь, но никакой погони за нимъ нѣтъ. Вдохнувъ полною грудью свѣжій влажный воздухъ, онъ немного успокоился и даже рѣшилъ подождать минуты двѣ: ужъ ежели погибать, такъ сію минуту. Чего ждать? Пусть ужь разомъ. Онъ оглянулся на дверь секретарской квартиры; она была неподвижна и молчалива.

Наконецъ, совершенно придя въ себя, онъ понялъ, что никакой погони за нимъ не будетъ, что конвертъ съ его содержимымъ пришелся какъ нельзя болѣе по душѣ секретарю и что по всей вѣроятности надо такъ считать, что его дѣло въ шляпѣ. Придя къ такому пріятному убѣжденію, онъ рѣшилъ, что весь этотъ день ему слѣдуетъ какъ можно дальше держаться и отъ консисторіи, и отъ архіерейскаго дома. Неровенъ часъ, попадешься на глаза архіерею и все дѣло испортишь. Но цѣлый день надо было какъ-нибудь скоротать. Онъ побывалъ и на базарѣ, гдѣ нашелъ не мало бутищевскихъ мужиковъ, и на постояломъ дворѣ, гдѣ пробовалъ заснуть, но не могъ, потому что ему мѣшало волненіе. Въ губернскомъ городѣ у него не мало было знакомыхъ среди причта городскихъ церквей, но онъ боялся даже встрѣтиться съ ними. Сейчасъ пойдутъ разспросы, зачѣмъ да почему, а онъ не выдержитъ, разскажетъ, что пріѣхалъ проситься въ священники; ну, разумѣется, тотъ съ насмѣшкой, другой съ завистью,

Digitized by Google

третій съ предостереженіемъ. Богъ съ ними, лучше не нарушать мирное теченіе жизни! Ему не спалось оттого, что грудь его вся была наполнена ожиданіемъ. Но за счастливый исходъ своего дѣла онъ не боялся. Секретарь—сила; ежели онъ принялъ и ничего не сказалъ, то значитъ сдѣлаетъ. Все-таки о. Антоній нашелъ нужнымъ побывать у благочиннаго. Онъ не имѣлъ въ виду ни о чемъ просить его, а только засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Благочинный къ нему расположенъ, хлопоталъ за него у архіерея, надо же человѣку показать, что помнишь это и цѣнишь.

Благочинный о. Іоаннъ Велелѣповъ жилъ такимъ же веселенькимъ домкомъ, каковъ былъ и самъ. Все у него глядѣло привѣтливо,—и чистенькая лѣстница, и просторный стеклянный корридоръ съ массою растеній, и небольшія, уютныя, залитыя свѣтомъ, комнаты съ веселыми свѣтлыми обоями, и множество мягкой мебели, обитой розовымъ и голубымъ атласомъ, и хорошенькая горничная, и привѣтливая жена, и ласковыя дѣти,—словомъ пріятно было войти въ этотъ домъ и провести здѣсь часъ-другой. Повидимому здѣсь не дѣлали разницы между гостемъ важнымъ и простымъ.

— А! о. Антоній пріѣхалъ! Милости просимъ! Жена, Анюта, о. Антоній пріѣхалъ! Знаешь, изъ Бутищевки діаконъ! А ну-ка, чаю тамъ, что-ли! Хотите чаю, о. Антоній съ вареньицемъ? Ну, какъ здоровье вашей супруги? О. Панкратій какъ поживаетъ? Все дѣлами занимается, а? А вотъ это моя старшая дочь! Не бойся, Нюра, подойди, это о. Антоній изъ Бутищевки; онъ добрый, онъ не кусается...

И вышла матушка, вышли дѣти, дали чай, варенье, и о. Антоній чувствовалъ себя какъ въ своемъ кругу. О. Іоаннъ жилъ, какъ свѣтскій человѣкъ. Ничто въ его обстановкѣ не напоминало о томъ, что онъ духовное лицо, да притомъ еще стоящее на такой стезѣ, что недалеко и отъ каѳедральнаго протоіерея. Въ кабинетѣ на стѣнахъ не красовались виды аѳонской горы или доморощенныя гра-

Digitized by Google

вюры; висѣли только географическія карты и какой-то маленькій пейзажъ въ черной рамкѣ. Въ стекляномъ шкафу стояли солидные переплеты съ надписями: «Шлоссеръ», «Бокль», «Шиллеръ», «Пушкинъ», «Тургеневъ» и т. под. надписями, значенія которыхъ о. Антоній не понималъ. Въ залѣ стояло фортепіано, матушка играла вальсъ, дѣти вертѣлись.

О. Антонія оставили обѣдать. Стѣсняемый присутствіемъ матушки и дѣтей, онъ никакъ не могъ улучить минуту, чтобы разсказать благочинному о своемъ визитѣ секретарю. Между тѣмъ ему ужасно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею удачей. Но послѣ обѣда выпала такая минута. Они сидѣли въ кабинетѣ. Благочинный сладостно протянулъ ноги на мягкой кушеткѣ и потягивалъ сигару. О. Антонію тоже была предложена сигара, но онъ отказался. Онъ не умѣлъ курить сигары, а курилъ претолстыя папиросы, которыя крутилъ собственноручно и вставлялъ въ длинный мундштукъ изъ обыкновеннаго бутищевскаго камыша.

— А я, о. благочинный, былъ у секретаря!—сказалъ о. Антоній

— Ага, все по тому же дѣлу?

— Все по тому же... Просилъ о содѣйствіи и онъ обѣщалъ. Суровый человѣкъ онъ... Видно, очень строгъ въ своей должности.

— Не знаю; я консисторіи не касаюсь. Владыко хотѣлъ назначить меня членомъ, но я отклонилъ! Богъ съ ними! Тамъ интриги всякія...

— А я таки, о. благочинный, конвертъ ему оставилъ... съ прошеніемъ, хе, хе, хе!...—промолвилъ о. Антоній, понизивъ голосъ и даже оглянувшись на дверь.

— Представьте себѣ, что если я послѣ обѣда не выкурю сигары, такъ все равно, что и не обѣдалъ!...—сказалъ благочинный.

— Привычка!—замѣтилъ гость и въ то же время не безъ тревожнаго удивленія подумалъ:—«Я ему про конвертъ, а онъ про сигару!»

Digitized by Google

Въ это время въ залѣ раздались звуки фортепіано. О. Антоній продолжалъ:

— Далъ это я ему, а онъ этакъ рукой отстранилъ на средину стола и говоритъ: «Это, говоритъ, хорошо»...

— Ты бы, Анюта, что-нибудь изъ Мендельсона сыграла,—крикнулъ благочинный женѣ и сейчасъ же обратился къ гостю:—я очень люблю Мендельсона; это мой любимый композиторъ. Вотъ слушайте, слушайте... Романсъ безъ словъ...

О. Антоній долженъ былъ слушать и ужь конечно больше не возобновлялъ разговора ни о секретарѣ, ни о конвертѣ.

Онъ ушелъ на постоялый дворъ, когда уже стемнѣло и на улицахъ губернскаго города сиradно горѣли «фотоженные» фонари.

Онъ думалъ разумѣется о томъ, какъ пріятно будетъ завтра узнать въ консисторіи радостную вѣсть. Чего добраго, можетъ быть все совершится въ этотъ пріѣздъ и онъ, къ невыразимому восторгу Натоньки и Дуняши, пріѣдетъ въ Бутищево священникомъ.

Думалъ онъ также о томъ, какіе на свѣтѣ бываютъ странные люди. Секретарь напримѣръ, если правда, что о немъ говорятъ, владѣетъ домомъ въ двѣсти тысячъ, а беретъ съ бѣднаго человѣка сто рублей. А вотъ благочинный такъ даже слушать объ этомъ не хочетъ! Противно ему что ли, или изъ политичности вмѣшиваться не хочетъ? Кто ихъ разберетъ? А какъ они живутъ! Какая разница! У одного все мрачно, тяжело, непривѣтливо, а у другого все такъ пріятно, радостно, уютно. Хорошо однако быть секретаремъ, недурно также быть и благочиннымъ. И тотъ, и другой по-своему отлично живутъ. Скверно только быть дьякономъ въ плохомъ приходѣ, да еще на дьячковской вакансіи, съ шестью душами дѣтей и съ больною женой.

На другой день, въ двѣнадцать часовъ дня, о. Антоній прогуливался по аллеямъ архіерейскаго сада. Онѣ были посыпаны пескомъ и плотно утрамбованы, и ходить по

Digitized by Google

нимъ было хорошо. О. Антоній зналъ, что именно въ это время секретарь бываетъ съ докладомъ у архіерея и выжидалъ, когда докладъ кончится. Онъ мысленно переживалъ всѣ перипетіи этого доклада. Вотъ секретарь развернулъ его прошеніе и читаетъ: «А!—говоритъ архіерей,—это тотъ, что въ тонъ попадать не умѣетъ? Я же сказалъ, что ему еще рано!»—«Ваше преосвященство! отвѣчаетъ секретарь, если онъ тогда не попадалъ въ тонъ, то это единственно потому, что ему не было дано репетиціи, но вообще онъ человѣкъ достойный и способный! У него шестеро дѣтей, ваше преосвященство, и позволю себѣ поставить на видъ вашему преосвященству...» И долго, долго говоритъ секретарь, говоритъ онъ страсть какъ умно, какъ о. Антонію конечно и не вообразить, а архіерей все слушаетъ. И чувствуетъ онъ, архіерей, что секретарь его убѣдилъ и что дьякона Антонія Бубырко нельзя не сдѣлать священникомъ, его непремѣнно надо сдѣлась священникомъ. И говоритъ архіерей: «Ну, дѣлать нечего! не хотѣлъ, а вижу, что надо! Ты убѣдилъ меня, секретарь! Давай перо!»—и беретъ архіерей перо и пишетъ: «Благословляю діакона Антонія Бубырко рукоположить въ санъ священника». Секретарь складываетъ бумагу, кладетъ ее въ портфель и идетъ въ консисторію. На соборныхъ часахъ пробило часъ дня. Надо дать время секретарю передать бумаги столоначальнику. Столоначальника онъ знаетъ. Это древній человѣкъ, очень-очень древній, чуть ли не съ основанія консисторіи служитъ. Онъ такой же бритый, какъ и секретарь, только маленькій и лысый и не мрачный, а напротивъ любезный и льстивый. Когда много лѣтъ тому назадъ былъ другой секретарь, который носилъ бакенбарды, то и онъ носилъ бакенбарды. Пожалуй и ему придется что нибудь дать.

На тѣхъ же соборныхъ часахъ пробило половина второго. О. Антоній разсчиталъ, что теперь всѣ формальности кончены, и пошелъ въ консисторію. Столоначальникъ былъ углубленъ въ сличеніе какой-то копіи съ подлиннымъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ, повремените минутку, ба-

*

Digitized by Google

тюшка,—сказалъ онъ съ улыбкой. Улыбка у него была некрасивая, потому что не было зубовъ. О. Антоній ждалъ совершенно спокойно. Никакого дурного предчувствія у него не было.

— Дьяконъ Антоній Бубырко?—спросилъ столоначальникъ,—есть, есть. Вотъ ваше прошеніе-съ!

Онъ взялъ со стола развернутое прошеніе и поднесъ его къ самому носу о. Антонія. Дьяконъ Антоній Бубырко прочиталъ написанное синимъ карандашомъ рукою архіерея: «Въ тонъ попадать не научился, а посему несвоевременно». А ниже стояло уже написанное рукою секретаря, и чернилами: «Отказать».

— И больше ничего-съ!—прибавилъ все съ тою же улыбкой столоначальникъ и положилъ прошеніе обратно на столъ.

Какъ-то въ одно мгновеніе все спуталось въ головѣ о. Антонія. Глаза заволоклись туманомъ и онъ не видѣлъ ни столоначальника, ни писцовъ, ни стоявшаго тутъ же какого-то дьячка, униженно кланявшагося и о чемъ-то слезно просившаго. Что такое случилось? Натонька плачетъ. Дуняша ходитъ мрачная, какъ туча, чего даже никогда не бывало; Марьяна Панкратьевна требуетъ деньги и говоритъ: «Тяжеленько вамъ, о. Антоній, жаль мнѣ васъ, отецъ Антоній», а веселый благочинный стоитъ гдѣ-то наверху, какъ бы въ облакахъ, куритъ сигару и посмѣивается! Но это былъ одинъ только мигъ. О. Антоній сейчасъ же опомнился и подумалъ: «мало!» И у него явилась дерзкая мысль—зайти къ секретарю и при всѣхъ—при чиновникахъ, при членахъ консисторіи, при просителяхъ спросить его: «Сколько вамъ надо доплатить, господинъ секретарь?» Но опять же отъ смѣлыхъ мыслей, порой зарождающихся въ головѣ деревенскаго дьякона, состоящаго на дьячковской вакансіи, до смѣлыхъ поступковъ очень далеко. Къ секретарю онъ не пошелъ, а вышелъ вонъ и отправился на свой постоялый дворъ. И шелъ онъ, и выкатывалъ повозку, и запрягалъ въ нее лошадь, и расплачивался съ хозяиномъ какъ-то безчув-

Digitized by Google

ственно. Ему даже было досадно, что онъ какъ будто не скорбитъ, не убивается, не думаетъ о Натонькѣ, о дѣтяхъ. Это было отчаяніе выше мѣры. У него не было силы скорбѣть. Только позднимъ вечеромъ, когда уже до Бутищева оставалось верстъ десять, онъ вдругъ воспрянулъ и шибко погналъ лошаденку.

Неизвѣстно почему у него заболѣло сердце, забилось тревожно и что-то подгоняло его спѣшить.

Онъ пріѣхалъ домой около полуночи и прежде всего его поразило то, что въ такую позднюю пору въ домѣ свѣтились огни.

III.

Натонька лежала въ жару. У нея былъ бредъ.

Дуняша встрѣтила его съ заплаканными глазами. Дѣтишки спали въ другой комнатѣ, но блѣдная Маринка въ одной рубашеночкѣ сидѣла у ногъ больной на постели и не сводила съ нея испуганныхъ глазъ.

— Что съ нею?—спросилъ о. Антоній.

— Тс... Иди сюда.

Дуняша схватила его за рукавъ рясы и потащила за собой въ кухню. Здѣсь она положила руки и голову на столъ и зарыдала.

— Антоша, Антоша, какой ты несчастный!—воскликнула она сквозь слезы.

— Несчастный по всѣмъ статьямъ!...—прошепталъ отецъ Антоній.

Онъ предчувствовалъ то, что ему скажутъ, и это было до такой степени ужасно, что онъ не спрашивалъ.

— Сейчасъ, какъ ты уѣхалъ, она слегла,—говорила Дуняша, стараясь сдержать слезы.—Голову ей ломило, грудь камнемъ сдавливало, кашель, кашель, такой страшный кашель, и вдругъ кровь пошла горломъ... Мы испугались, Боже мой, какъ испугались!... Ну, хоть за фершаломъ послали... Пришелъ, посмотрѣлъ... Господи ты, Боже мой! Отвелъ это онъ меня и говоритъ: «А знаете...

Digitized by Google

а вѣдь у нея, у матушки, чахотка, и въ очень большомъ градусѣ... Такъ похоже на то, какъ бы въ послѣднемъ... И наврядъ, говоритъ, она больше нѣсколькихъ дней проживетъ...» Антоша, Антоша!..

У о. Антонія подкосились колѣни и онъ какъ-то непроизвольно опустился на лавку. Онъ былъ блѣденъ, какъ стѣна, но не плакалъ, а только нижняя губа его какъ-то безсильно вздрагивала, а глаза уставились на Дуняшу и пугали ее своимъ безсмысленнымъ видомъ.

— А знаешь,—говорилъ онъ слабенькимъ, дѣтскимъ голосомъ и, чего никогда съ нимъ не было, заикаясь,— и тамъ не удалось... Сто рублей далъ сѐкретарю... У Марьяны взялъ... И ничего... Въ тонъ не попадаетъ... въ то-о-онъ...

Тутъ пришли слезы и о. Антоній зарыдалъ страшно, громко и некрасиво, какъ баба. Дуняша подошла къ нему и старалась утѣшить его, говорила, что еще неизвѣстно, что фельдшеръ ничего не понимаетъ, но это не помогло. О. Антоній рыдалъ и безжалостно стучалъ головой объ столъ.

— Ты ее потревожишь,—сказала Дуняша. Тогда онъ всталъ и началъ ходить по земляному полу кухни, держась обѣими руками за голову.

— Дуняша, Дуняша, что же это такое? Какъ же это... тово... какъ же мы будемъ? Дѣтишки... шестеро... малъ-мала-меньше... Господи, помилуй!... — лепеталъ о. Антоній, бросая косые взгляды на темный, закоптѣлый образъ, висѣвшій въ углу, какъ бы именно оттуда ожидая рѣшенія своего вопроса. Дуняша прислонилась головой къ холодной стѣнѣ и тихонько плакала.

Скрипнула дверь и вошла Марья. Веселая и беззаботная, Марья теперь была блѣдна и глаза ея тоже были красны.

— Васъ, батюшка, просятъ, матушка просятъ васъ!...

— Меня?...

О. Антоній снялъ рясу, всю забрызганную грязью, вымылъ лицо, особенно тщательно промывая глаза, чтобы

Digitized by Google

скрыть слѣды слезъ, причесалъ волосы и тихонько, на цыпочкахъ, пошелъ въ комнату. Всю свою небольшую силу воли онъ употребилъ на то, чтобы сдѣлать свой голосъ ровнымъ, а лицо спокойнымъ и даже веселымъ.

— Натонька! И что это ты вздумала, Господи Боже мой? Взяла да и тово... слегла...—любовнымъ голосомъ промолвилъ онъ, цѣлуя ее въ горячій лобъ.

— Умирать вздумала, Антоша. Видно, Богъ за грѣхи...—она закашлялась и выплюнула кровь.

— Что ты, что ты, Натонька? Экъ выдумала что! Еще поживемъ! Вотъ солнышко пригрѣетъ, встанешь...

Но о. Антоній чувствовалъ, что голосъ его говорилъ совсѣмъ не то, что говорили слова. Всего ужаснѣе было то, что онъ заикался и никакъ не могъ избавиться отъ этого. Это его приводило въ отчаяніе, потому что выдавало его головой.

— Пригрѣетъ, да не меня,—медленно покачивая головой, сказала Натонька.—Хоть бы дѣтей-то моихъ оно ласково пригрѣло! Я уже это чувствую... И фершала видѣла, и Дуняшины слезы, и слышала, какъ ты сейчасъ голосилъ въ кухнѣ... Чувствую, Антоша, чувствую!... Хочу поговорить съ тобой. Какъ бы ты Маринку спать унесъ, не мѣсто ей тутъ, не идетъ слушать...

— Мариночка, пойдемъ спатки!—промолвилъ о. Антоній, обращаясь къ дѣвочкѣ.

Но Маринка крѣпко обѣими ручонками ухватилась за ноги матери.

— Нѣтъ, не пойду отъ мамы! Никуда не пойду... И въ могилку съ нею!—проговорила она какимъ-то необычайно убѣжденнымъ, вразумительнымъ голосомъ.

Изъ глазъ Натоньки выкатились двѣ слезы.

— Пускай останется!—прошептала она.—Присядь, Антоша, возьми стулъ и присядь.

О. Антоній покорно взялъ стулъ и присѣлъ у изголовья.

— Что въ городѣ? Архіерей какъ? — спросила Натонька.

— Архіерей... ничего!... Ничего, Натонька!...

Digitized by Google

— Антоша, ты не обманывай! Меня можетъ завтра на свѣтѣ не будетъ. Говори правду,—отказалъ?

— Отказалъ, Натонька!—совершенно убитымъ голосомъ проговорилъ о. Антоній и опустилъ голову.

— То-то! И какъ же онъ, совсѣмъ или такъ, на время?—продолжала допытывать она.

— На время, Натонька! Написалъ: несвоевременно, потому въ тонъ не попадаетъ. Въ тонъ-то, Господи помилуй!

— Правду говоришь, Антоша?

— Правду, Натонька, какъ на исповѣди!...

— А у насъ шестеро, Антоша! Подрастутъ, чѣмъ ты обучишь ихъ? Шестеро!...

— Шестеро, Натонька!... Шестеро!...

— Антонъ!—совсѣмъ тихо промолвила она, чтобъ не слышала Маринка, но дѣвочка была вся слухъ и не пропускала ни одного слова.—А ежели я умру, ты вдовцомъ будешь?

— Господи ты, Боже мой!—прошепталъ о. Антоній.

— Вдовцомъ будешь, Антоша... А вдовца священникомъ сейчасъ не сдѣлаютъ... Нельзя... Законъ такой... До сорока лѣтъ ждать, а тамъ еще захотятъ ли... Это вѣдь за особыя заслуги только... А какія у тебя, Антоша, заслуги?

О. Антоній всталъ, тяжело вздохнулъ, провелъ рукой по лбу и опять сѣлъ.

— Да что же это, Господи, Господи?—шептали его губы, а рука сама подымалась и дѣлала крестное знаменіе.

— Малодушествовать нельзя, Антоша, а обсудить надо!... Шестеро, вѣдь!... Коли ты на всю жизнь дьякономъ останешься, да въ такой бѣдности, какъ наша, дѣтишки нищими будутъ... А за что? Чѣмъ они, бѣдные, виноваты?

— Что же подѣлаешь, коли воля Господня?...

— А ежели я умру, ты на всю жизнь дьяконъ!

— Что же остается намъ? Не придумаю, Натонька, нѣтъ... не могу придумать!

Digitized by Google

Голова о. Антонія была дѣйствительно слишкомъ слаба для того, чтобы разобраться во всей этой громадной кучѣ горя. Онъ совсѣмъ потерялъ способность разсуждать и ему казалось, что выхода нѣтъ, и остается только примириться съ судьбой. Натонька кашляла и это еще больше потрясало его.

— Слушай, Антоша, не теряй времени... Пока я жива, ты еще не вдовецъ... Поѣзжай къ преосвященному... Поѣзжай сейчасъ, сію минуту поѣзжай... Пади ему въ ноги, облейся слезами и скажи все, какъ есть... скажи, что умираю, и тогда всему конецъ... Сердце-то есть у архіерея... Поѣзжай...

Опять кашель и еще разъ говоритъ она задыхающимся голосомъ:

— Поѣзжай... Пади къ ногамъ... А то завтра умру... На вѣки дьяконъ...

— Натонька, Натонька!... Что ты?... Господи Боже мой? Что ты говоришь?...

— Говорю—поѣзжай... Поѣзжай, Антоша!.. Шестеро ихъ... Поѣзжай!...

— Какъ же я поѣду, коли ты... Натонька, какъ же я поѣду?...

— Поѣзжай... Умереть-то я и безъ тебя умру, коли Богъ прикажетъ. Поѣзжай сейчасъ!

— Натонька, не могу я, не могу!...

— Антонъ! Иди сюда!... Ближе, ближе!... Дай мнѣ руку свою... Вотъ такъ! Жили мы съ тобой восемь лѣтъ согласно, любовно и ты меня слушался... А мнѣ теперь умереть надо, а ты... ты не слушаешься... Ну, я же Господомъ Богомъ молю тебя: послушайся, поѣзжай... Антоша, голубчикъ мой! Послѣдняя это моя просьба... Поѣзжай!... Сердце мое чувствуетъ, что сжалится архіерей... Непремѣнно сжалится... Смотри, Маринка наша славная дѣвочка, добрая. умная головка, такъ неужели ей безъ образованія расти и по людямъ шататься?... А всѣ другіе, всѣ шестеро... Ну, перекрести меня... Поцѣлуй меня хорошенько и поѣзжай... Можетъ, Богъ дастъ, я

Digitized by Google

дождусь тебя и какъ отрадно мнѣ будетъ умереть, коли все исполнится... Поѣзжай, Антонъ, голубчикъ...

О. Антоній съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, какого еще никогда въ жизни не ощущалъ въ груди своей, осѣнилъ ее три раза большимъ, медленнымъ, вдумчивымъ крестомъ и поцѣловалъ ее въ губы. Потомъ онъ взялъ на руки Маринку и тоже перекрестилъ ее и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ повернулся къ комнатѣ, гдѣ спали дѣти, и осѣнилъ ее все такимъ же большимъ крестомъ.

— Поѣду,—сказалъ онъ глухимъ, но твердымъ голосомъ,—коли ты требуешь и сердце твое чувствуетъ... Поѣду! Горько мнѣ будетъ... нестерпимо горько, а поѣду, коли ты велишь, Натонька!...

Шаги его сдѣлались твердыми и взглядъ увѣреннымъ. Онъ весь проникся сознаніемъ, что исполняетъ быть можетъ послѣднюю волю Натоньки.

Онъ вышелъ въ сѣни, потомъ во дворъ. Дуняша сидѣла на заваленкѣ съ поникшею головой. Марья возилась съ коровой. Звѣзды уже погасли и надъ селомъ разстилался блѣдный свѣтъ ранняго утра. О. Антоній прошелъ въ сарай, гдѣ стояла лошаденка. Она была худа и имѣла понурый видъ. «Не довезетъ, куда ей! Сейчасъ сорокъ верстъ сдѣлала!» — подумалъ о. Антоній. Притомъ онъ сознавалъ, что ѣхать надо быстро. Сегодня суббота. Если архіерей смилуется, то завтра и рукоположитъ, а ежели опоздать, такъ придется ждать недѣлю, до слѣдующей службы, а мало ли что можетъ случиться за недѣлю? Онъ вышелъ обратно во дворъ.

— Марья,—сказалъ онъ,—бѣги сейчасъ къ почтарю и чтобъ сію минуту пара лошадей мнѣ была и дилижанъ... Въ городъ! Да только скажи, чтобы не привязывалъ колокольчика...

— Ты въ городъ?—спросила Дуняша.

— Въ городъ, Дуняша; сама посылаетъ...

— За докторомъ?

— Эхъ, Дуняша, что докторъ? Докторъ ничего не поможетъ... Фершалъ правду сказалъ. За одинъ этотъ

Digitized by Google

день она такъ подалась, бѣдняга, что на смерть похожа. И сама говоритъ—умру!..

— А въ городъ зачѣмъ-же?

— Такое дѣло, Дуняша, что и самъ не знаю, какъ будетъ... Ужь лучше не спрашивай... Можетъ Натонька тебѣ скажетъ... Приказала ѣхать... Смотри, Дуняша, на тебя вся надежда... Береги ее... А въ случаѣ чего, не приведи Господи... Завтра я пріѣду... Эхъ горе мое, горе!..

Онъ ходилъ по двору, заглядывалъ въ сарай, прошелъ къ рѣкѣ. Почтарь медлилъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда къ хатѣ дьякона подъѣхалъ «дилижанъ», запряженный парой.

О. Антоній вошелъ въ комнату, ударилъ три земныхъ поклона къ образамъ, сталъ на колѣни и прошепталъ молитву, потомъ обернулся къ Натонькѣ и сказалъ:

— Ѣду, Натонька! Пусть будетъ по-твоему!

Она только одобрительно покачала головой. Онъ нагнулся, Натонька обвила его шею ослабѣвшими, холодными руками, прижала его голову къ щекѣ и прошептала:

— Прощай, Антоша! Ужь до твоего пріѣзда я проживу! Силы есть!.. Такъ и знай...

Онъ вышелъ, шатаясь, влѣзъ въ «дилижанъ» и быстро покатилъ по мягкой, влажной дорогѣ.

Сорокъ верстъ пути, когда у человѣка на душѣ столько горя, сомнѣній и недоумѣній,—это безконечно долгая дорога.

Если бы онъ былъ одинъ, онъ просто рыдалъ и ему было бы легче. Но впереди сидѣлъ ямщикъ, бутищевскій мужикъ Макаръ, хорошо знакомый о. Антонію. Макаръ былъ любопытенъ и въ началѣ путешествія допытывался:

— Что это вамъ такъ приспичило, о. дьяконъ? Видно, дѣло какое важное! Прежде все на своей ѣздили, а тутъ вдругъ на почтовыхъ...

— Значитъ надо!—отвѣчалъ о. Антоній.

— Мабуть по службѣ что-нибудь? Архіерей требуетъ?—приставалъ Макаръ.

— Замолчи ты ради Бога!.. Чего пристадъ? Не до тебя мнѣ...

Digitized by Google

Макаръ почесалъ затылокъ и замолчалъ. А дьякону дѣйствительно было не до него и не до его вопросовъ. Въ головѣ его копошился цѣлый рой мыслей, которыя то углублялись куда то въ далекое прошедшее, то забѣгали въ туманное и неизвѣстное будущее, то парили надъ диваномъ, на которомъ лежала больная Натонька. Припомнилъ онъ свою жизнь, припомнилъ и повторилъ ее всю съ чувствомъ и разумѣніемъ, словно собирался принять великую исповѣдь.

Давнее то было время и смутно помнится оно. Отецъ его былъ дьячкомъ въ селѣ, и множество у него было сыновей и дочерей. До десяти лѣтъ бѣгали они гурьбой въ однѣхъ рубашенкахъ, босикомъ по грязи и по солнцу, никто за ними не смотрѣлъ, дѣлали, что хотѣли, знали то, что подмѣчали пытливымъ дѣтскимъ окомъ, знали многое, чего дѣтямъ знать не слѣдуетъ и чего другія дѣти не знаютъ. Отецъ самъ училъ ихъ грамотѣ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, зѣло“; старикъ онъ былъ и училъ по-старинному: букварь, часословъ и, какъ высшая мудрость, псалтырь,—вотъ и вся наука. Сначала псалмы читались, потомъ псалмы учились наизустъ, — дальше этого не могла пойти изобрѣтательность стараго дьячка, который самъ ничего иного не зналъ, кромѣ книгъ церковнаго обихода. А въ десять лѣтъ вдругъ свезли въ городъ и забросили въ школу.

Школа эта была бурса, настоящая дореформенная бурса, которую Антоша засталъ при послѣднемъ издыханіи, но тѣмъ не менѣе могучею и сильною всѣми своими особенностями. Вдругъ ни съ того, ни съ сего засадили его за латынь и греческій, втиснули въ сложную махинацію авдиторовъ, сѣкуторовъ, розогъ, линеекъ и т. п. страшныхъ вещей, которыя сразу запугали воображеніе дикаго мальчика, привыкшаго къ свободѣ, къ солнцу и простору деревенской улицы. Онъ ничего не понималъ: ни требованій бурсацкой дисциплины, ни правилъ латинской грамматики, и его за это сѣкли, драли за уши, за чубъ, сажали въ карцеръ, лупили линейками и корешками

Digitized by Google

розогъ по ладонямъ, — одинъ словомъ «учили» всѣми способами, какіе были въ распоряженіи старой бурсы. Когда Антоша вспоминаетъ это время, онъ ничего не ощущаетъ, кромѣ какой-то дикой боли, тупой, совершенно дурацкой, ни на чемъ не основанной обиды. Почему? за что? за какую вину? Вѣдь всѣ били его, слабаго, всѣ—отъ инспектора до послѣдняго лѣнтяя, у котораго были здоровые кулаки. На битьѣ была основана вся наука и все воспитаніе. Но ему пришлось терпѣть это только два года. Вдругъ все отъ верху до низу перемѣнилось. Всѣ стали вѣжливы, деликатны, пріѣхали новые учителя, которые говорили даже „вы“, розги уничтожены, никого не бьютъ, никто не плачетъ. Но Антоша уже запуганъ, забитъ, огорошенъ, учится плохо и еле-еле перелѣзаетъ изъ класса въ классъ, засиживаясь въ каждомъ классѣ по два года и прочно присвоивъ себѣ кличку «осла». Кое-какъ дотянулъ онъ до семинаріи, побылъ въ ней годъ, но дальше уже совсѣмъ пойти не могъ и оставилъ это повидимому несвойственное ему занятіе.

Старый дьякъ былъ тогде еще живъ. Антошѣ пошелъ двадцатый годъ. Былъ онъ уже вполнѣ зрѣлый юноша, и нужно было думать, что съ нимъ дѣлать. Одна дорога — поступить въ пономари, а потомъ въ дьяки, да этимъ и закончить карьеру. Такъ многіе и дѣлали. Но тутъ помогло одно обстоятельство. Въ губерніи не такъ давно умеръ нѣкій протопресвитеръ, важное лицо, бывшій благочинный и членъ консисторіи. Протопресвитеръ оставилъ весьма изрядное состояніе и между прочимъ, по духовному завѣщанію, учредилъ пріютъ для сиротъ дѣвушекъ духовнаго званія. Въ пріютѣ этомъ обучали грамотѣ, рукодѣлію и хозяйству, — однимъ словомъ готовили женъ для младшаго причта, но такъ какъ основатель его былъ лицо почтенное, то пріютъ сейчасъ же получилъ привилегію. Было объявлено, что всякій причетникъ, взявшій себѣ въ жены «пріютку», тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на немедленное производство въ дьяконы. И Антошѣ

Digitized by Google

пришлось воспользоваться этою привилегіей. Вотъ какъ о. Антоній, когда его спрашивали объ этомъ и когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, разсказывалъ о своемъ сватовствѣ:

— Говоритъ мнѣ батько: «Ну, сыночекъ, доучился, кончилъ курсъ, видно, что не хотѣлъ умнѣе своего родителя быть. Ѣдемъ-ка въ пріютъ жениться, все же таки дьякономъ будешь, дьяконскій-то хлѣбъ не Богъ знаетъ какъ бѣлъ, а все же бѣлѣе дьячковскаго». А я... мнѣ что? Мнѣ все одно. Ничего не понималъ я тогда толкомъ. Жениться, такъ жениться... съ женой что дѣлать извѣстно я понималъ... Вотъ и повезли меня туда. Пріѣхали это мы: я, мои родные и еще сватъ — одинъ знакомый дьяконъ. Пріѣхали и прямо въ классъ. Ужь конечно онѣ, т.-е. дѣвицы-пріютки, знали, что это женихъ пріѣхалъ, вырядились въ чистенькія платья, бѣлые передники надѣли и сидятъ рядышкомъ, душъ ихъ восемь было, иная шьетъ, иная вышиваетъ... Входимъ мы; я разумѣется позади семеню, потому, какъ хотите, странно какъ-то... Пришелъ человѣкъ неизвѣстно откуда и долженъ себѣ подругу на всю жизнь выбрать. Я былъ тогда такой же высокій, какъ теперь. Прошлись мы по комнатѣ раза два, а я все смотрю имъ въ лица... Ну, какъ бы вамъ сказать, совершенно какъ товаръ въ лавкѣ, либо на базарѣ. Однако нельзя же даромъ такъ-то ходить, надо, чтобы какой-нибудь толкъ былъ. Вотъ мать моя и подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Мой совѣтъ тебѣ, Антоша, вонъ ту взять, которая съ русою косой за вышиваньемъ сидитъ». Но скажу я вамъ, что не нравилась мнѣ русая коса, вотъ не знаю почему, а не нравилась. А сидѣла этакъ въ уголку смугленькая такая, худенькая, да блѣдненькая; взглянулъ я на нее и такъ мнѣ жалко сдѣлалось, что она такая себѣ заморенная, и сердце такъ и застучало... Ну, думаю, должно быть это и есть судьба моя! И говорю матери: «Нѣтъ, говорю, не русая, а черная коса, вонъ та!»—и показалъ пальцемъ. А мать говоритъ: «Что-жь, это твое дѣло, не мнѣ съ ней жить, а тебѣ». Съ тѣмъ

Digitized by Google

мы и вышли. Сейчасъ пошли къ о. Исидору на закуску,— о. Исидоръ, тамошній священникъ и начальникъ пріюта,— гляжу, и моя черная коса здѣсь, чай разливаетъ: раскраснѣлась вся, вижу, въ волненіи. Насъ познакомили. Тутъ я узналъ, что зовутъ ее Натальей Парѳентьевной, и сію же минуту въ душѣ своей въ Натоньку ее перекрестилъ. Только пили это всѣ чай, вдругъ, смотрю, никого въ комнатѣ нѣтъ, всѣ куда-то исчезли, остался только я да Натонька, т.-е. тогда еще Наталья Парѳентьевна. Сидитъ она на диванѣ и въ окошко глядитъ, словно и не обо мнѣ думаетъ. Понялъ я, что насъ нарочно оставили, чтобы значитъ объясниться... Никогда въ жизни этого со мной еще не бывало, чтобы я оставался съ дѣвушкой глазъ на глазъ, а чтобы еще объясняться, такъ объ этомъ я даже понятія не имѣлъ. И трепетало мое сердце, струсилъ я, то-есть, какъ слѣдуетъ быть. Однако что же дѣлать-то? Все одно — надо. Пріѣхалъ жениться, такъ надо жениться. Подошелъ и говорю: «Наталья Парѳентьевна! вамъ вѣдь все хорошо извѣстно, и объясняться тутъ нечего. Желаю, говорю, имѣть васъ женою своей, и въ дьяконскій санъ, говорю, преосвященнѣйшій владыка меня рукоположить обѣщалъ, и даже мѣсто есть въ селѣ Бутищевомъ, хотя на дьячковской ваканціи». А она глаза опустила: «Мнѣ, говоритъ, извѣстно... я согласна!» Тутъ я даже ручку у ней поцѣловалъ. На другой день обвѣнчались, а тамъ и во дьякона производство получилъ.

Такъ разсказывалъ о. Антоній, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, но теперь разумѣется онъ вспоминалъ это иначе. Вспоминалъ онъ съ нѣжностью, но горечью полна была его душа. Пришлись они съ Натонькой другъ другу по душѣ, словно и въ самомъ дѣлѣ были другъ для друга созданы. Пошли у нихъ дѣти одинъ за другимъ, «безъ удержу», какъ говорила сама Натонька, и съ каждымъ новымъ ребенкомъ росла ихъ бѣдность. Натонька всегда была хилая, болѣзненная, но все была на ногахъ, а только въ послѣдніе два года стала сваливаться. О. Антоній былъ образцовымъ причетникомъ, и архіерей благо-

Digitized by Google

волилъ къ нему, и у него были всѣ шансы на то, чтобы быть произведеннымъ въ священники. Тутъ опять-таки должно было помочь то обстоятельство, что Натонька была «пріютка». Но вдругъ случилась эта исторія съ непопаданіемъ въ тонъ, и надежда его осѣклась. Вспоминалъ о. Антоній, какую хорошую жизнь прожилъ онъ съ Натонькой, какъ лелѣялъ мечту, что вотъ наконецъ придетъ время, когда онъ получитъ священническій приходъ, Натонька поправится и заживутъ они на славу. И вдругъ нежданно-негаданно такое горе.

Ѣдетъ онъ въ городъ, Натонька послала его. Можетъ быть выпадетъ счастье, архіерей сжалится, но какое же это счастье, когда Натонькѣ оно не достанется? Да и самъ онъ,—что онъ такое будетъ безъ Натоньки? Вѣдь жизнь-то еще долга: ему только 28 лѣтъ. И эта долгая предстоящая жизнь показалась ему какою-то темною, холодною могилой.

Когда онъ думалъ о томъ, что дѣлается теперь тамъ, дома, то сердце его обливалось кровью и холодъ сковывалъ все его тѣло. Что же это онъ дѣлаетъ? Натонька умираетъ тамъ, и въ самомъ дѣлѣ умираетъ, онъ въ этомъ убѣдился, а онъ ѣдетъ хлопотать о какомъ-то повышеніи. Да вѣдь это ужасно—думать о повышеніи въ такія минуты, когда любимый, самый дорогой человѣкъ умираетъ...

А шестеро? Вѣдь шестеро ихъ... Вѣдь стоитъ только пропустить моментъ, и вдругъ, по волѣ Божіей, сдѣлаешься вдовцомъ, и на всю жизнь бѣднякъ, и дѣти—нищіе.

Вотъ и городъ, опять этотъ грязный городъ, который вчера выгналъ его своею черствостью, своею несправедливостью. Опять онъ въѣзжаетъ въ него въ качествѣ смиреннаго просителя, но совсѣмъ съ другими чувствами. О. Антоній вынулъ часы и взглянулъ: около двѣнадцати. Какъ разъ въ это время у архіерея пріемъ просителей.

— Живо, живо поѣзжай къ архіерейскому дому!—крикнулъ онъ Макару.

Макаръ хлестнулъ по лошадямъ. Они въѣхали въ глу-

Digitized by Google

бокую грязь городской улицы, и жидкія брызги посыпались на нихъ отъ лошадиныхъ ногъ. Когда дилижансъ остановился у воротъ архіерейскаго дома и о. Антоній сошелъ на землю, Макаръ сказалъ ему:

— Э, о. дьяконъ, какъ же вы пойдете къ архіерею, коли вы весь сѣрый отъ грязи?.. И ряса, и лицо, и волосы, все въ грязи!..

Но о. Антоній не обратилъ вниманія на это замѣчаніе. Онъ только провелъ рукавомъ по лбу и размазалъ грязь на лицѣ, и почти бѣгомъ пустился къ завѣтной двери, которая вела въ архіерейскіе покои.

IV.

Въ обширной пріемной архіерея, съ нѣсколькими твердыми стульями у стѣнъ, съ портретами митрополитовъ и важныхъ чиновъ духовнаго вѣдомства на стѣнахъ, было душъ десять народу. Большею частью это были духовныя особы разныхъ ранговъ; всѣ они принарядились, каждый по мѣрѣ своихъ силъ, примазали волосы елеемъ, опять-таки различнаго достоинства — кто съ запахомъ розоваго масла, а кто прямо отъ лампадки,—причесались и стояли посреди пріемной полукругомъ. Архіерей еще не выходилъ, но ожидался съ минуты на минуту. Уже молодой, краснощекій келейникъ выглянулъ раза три и подсчиталъ просителей. У архіерея былъ съ докладомъ кто-то изъ болѣе почтенныхъ особъ, допускаемыхъ во внутренніе покои. Просители уже давно подтянулись и придали своимъ лицамъ смиренно-благочестивое выраженіе. Въ это время въ передней послышался странный разговоръ, никогда можетъ быть небывалый въ этихъ молчаливыхъ покояхъ, привыкшихъ къ хожденію на цыпочкахъ и къ бесѣдѣ въ полголоса.

— Позвольте, батюшка, такъ невозможно!.. Сперва надо келейнику сказать...—говорилъ швейцаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ прямо преосвященнаго надо, самого преосвященнаго...—отвѣчалъ съ дрожью и заиканіемъ взволнованный теноръ.

Digitized by Google

— Да притомъ, надобно сапоги вытереть, батюшка, и опять же пообчиститься... этакъ невозможно... всѣ полы загадите!—убѣдительно заявлялъ швейцаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего... Я такъ, мнѣ не до того... я такъ!..

Слышно было даже, какъ будто кто-то кому-то оказывалъ сопротивленіе.

— Нельзя же, батюшка!

— Отойди!

— Да вамъ же хуже будетъ!

— Мнѣ и такъ худо, хуже не будетъ... Пусти!..

— Какъ угодно.

И благочестивое выраженіе лицъ просителей вдругъ смѣнилось крайнимъ недоумѣніемъ. Въ пріемную, вырвавшись отъ швейцара, вбѣжалъ о. Антоній, таща на огромныхъ сапогахъ по фунту грязи, съ замазаннымъ лицомъ, съ растрепанными волосами.

— Преосвященнѣйшій владыко не выходилъ еще?— спросилъ о. Антоній, опять-таки громче, чѣмъ это полагается.

— Нѣтъ, не выходилъ!—отвѣтили присутствовавшіе съ изумленіемъ и вмѣстѣ со страхомъ осматривая просителя, осмѣлившагося войти въ такомъ небрежномъ видѣ.

На шумъ вышелъ келейникъ и, увидѣвъ о. Антонія, подбѣжалъ къ нему:

— Что вы, что вы, батюшка? Развѣ можно въ такомъ видѣ?

О. Антоній посмотрѣлъ на него съ своей высоты глубоко презрительнымъ взглядомъ.

— Отойди, Бога ради!—промолвилъ онъ такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, что келейникъ дѣйствительно отошелъ, даже отскочилъ отъ него и только пожалъ плечами. Въ это время изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ благочинный, о. Іоаннъ, съ бумагами въ рукахъ. Онъ-то и былъ на докладѣ. Увидѣвъ о. Антонія, онъ подошелъ къ нему.

Digitized by Google

— О. діаконъ? Какъ вы рѣшились?

— Рѣшился, о. благочинный!

— Вы на вѣки испортите свое дѣло.

— Ахъ, о. благочинный, хуже не будетъ, хуже не будетъ...—пролепеталъ о. Антоній.

Благочинный отвелъ его въ сторону и тихонько сказалъ:

— Надѣюсь, что вы никакихъ посторонних личностей не замѣшаете.

О. Антоній понялъ, въ чемъ дѣло. Благочинный вообразилъ, что онъ пришелъ жаловаться на секретаря за взятку.

— Ахъ, не объ томъ, о. благочинный, не объ томъ! Вотъ какое горе!—промолвилъ онъ, прижимая кулакъ къ груди.

— О чемъ же?

Но въ это время вышелъ самъ преосвященный. Высокій, плотный старикъ, въ темно-синей шелковой рясѣ, съ длинною круглою бородой, съ шелковистыми сѣдыми волосами, съ строгимъ выраженіемъ лица,—онъ производилъ внушительное впечатлѣніе. На докладѣ онъ почти не говорилъ, а только выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію. Онъ обладалъ удивительною памятью, все запоминалъ и потомъ рѣшалъ въ своемъ кабинетѣ.

— Кто здѣсь шумѣлъ?—спросилъ прежде всего архіерей. Но вмѣсто отвѣта послышался стукъ бѣгущихъ ногъ и кто-то со всего размаха бросился ему въ ноги и схватилъ его колѣни.

— Ваше преосвященство, ваше преосвященство! Это я... это горе, горе мое шумѣло!.. Великое горе, ваше преосвященство...

Первое движеніе архіерея было—отступить. Лицо его покраснѣло и сдѣлалось гнѣвнымъ. Но когда онъ увидѣлъ, что человѣкъ, испачканный грязью, есть ни кто иной, какъ дьяконъ Антоній Бубырко, когда онъ услышалъ его надорванный голосъ и заикающуюся, прерывистую рѣчь, онъ смягчился и промолвилъ:

*

Digitized by Google

— Въ чемъ же твое горе? Встань, діаконъ!

— Горе небывалое!.. Горе... ваше преосвященство... жена у меня... Господи, Боже ты мой!.. Умираетъ... Умираетъ, ваше преосвященство...

Но тутъ уже ничего нельзя было разобрать изъ того, что говорилъ о. Антоній, потому что онъ началъ горько рыдать.

Архіерей сначала подумалъ, что ему дѣлать съ этимъ человѣкомъ, а потомъ, видя, что онъ ничего отъ него не добьется, обратился къ благочинному:

— О. благочинный! допроси, пожалуйста! Чего онъ хочетъ отъ меня?

— Пойдемте, о. діаконъ! — сказалъ благочинный, взявъ его за рукавъ рясы.

О. Антоній поднялся съ пола и покорно пошелъ за благочиннымъ. Они вошли въ маленькую, низенькую дверь и остановились въ миніатюрной комнатѣ, гдѣ стояли мраморный умывальникъ и зеркало. Благочинный началъ съ того, что покачалъ головой:

— Какъ можно такъ, о. діаконъ? Трудно ли разгнѣвать преосвященнаго?

— Себя не помню, о. благочинный... Такое горе, такое горе!.. Натонька, жена моя, въ чахоткѣ умираетъ... Господи ты, Боже мой! Не сегодня—завтра я вдовецъ и тогда уже все пропало... Вѣчный діаконъ, о. благочинный!.. А у меня шестеро... Что я съ ними буду дѣлать? Сама послала, бѣдняжечка... умираетъ, а послала... Ради дѣтей, говоритъ... я, говоритъ, и безъ тебя умру... а, можетъ преосвященный сжалится... Подумайте, о. благочинный, какое мое положеніе!.. Жена умираетъ, а я здѣсь... Можетъ умерла уже, а я... я тутъ... о. благочинный!

И вдругъ, неожиданно для благочиннаго, онъ упалъ на колѣни и, рыдая, умоляюще протянулъ къ нему руки. Благочинный всячески успокаивалъ его и утѣшалъ.

— Погодите, вотъ владыко кончитъ пріемъ, мы ему доложимъ! Посидите здѣсь смирно, а я уже самъ ему объясню. Будете сидѣть смирно?

Digitized by Google

— Буду, о. благочинный!—твердо сказалъ о. Антоній и сѣлъ на стулъ съ высокою спинкой. Онъ сидѣлъ такъ минутъ двадцать и ни о чемъ въ это время не думалъ. Уже пріемъ у архіерея кончился, и благочинный доложилъ ему, что могъ, про о. Антонія. Архіерей велѣлъ позвать его къ себѣ.

Когда о. Антоній шелъ обратно въ пріемную, онъ чувствовалъ, что въ груди его какъ бы остыло что-то, еще недавно сжигавшее его пламенемъ. Ноги его какъ-то деревянно шагали, руки висѣли безпомощно, голова была пуста, и никакихъ словъ не находилъ онъ, чтобы сказать архіерею. «Перегорѣло, — думалъ онъ, — все горе во мнѣ перегорѣло!» И теперь онъ боялся архіерея, какъ всегда, какъ боялись его и тѣ десять душъ, что стояли раньше въ пріемной.

Въ пріемной были только архіерей, благочинный и келейникъ. О. Антоній стоялъ передъ лицомъ владыки и дрожалъ.

— А что, — сказалъ архіерей, — ежели жена твоя умерла, и ты уже вдовецъ?

— На все воля Божья,—покорно отвѣтилъ о. Антоній.

— Такъ-то такъ, но ты просишь священства, а священство, какъ самъ знаешь, вдовцамъ до сорокалѣтняго возраста не дается...

— Знаю, ваше преосвященство!

— Такъ какъ же съ этимъ быть? Вѣдь отвѣчать передъ Богомъ придется!

— Ваше преосвященство! Отвѣтимъ! Шестеро дѣтишекъ!... Они вымолятъ!...

Архіерей задумался и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ взадъ и впередъ.

— А можетъ жена твоя еще и проживетъ!... — говорилъ онъ, какъ бы разсуждая вслухъ. — Дѣйствительно жаль мнѣ тебя, жаль... Ты достоинъ. И шестеро, говоришь, шестеро? Все маленькіе, а? каша? а? Гм... И какъ это вы торопитесь дѣтей плодить... Ну, діаконъ,— промолвилъ онъ, остановившись,—ужь ради шестерыхъ-то твоихъ примемъ грѣхъ! Готовься на завтра.

Digitized by Google

— Ваше преосвященство! — вырвалось изъ груди о. Антонія; онъ хотѣлъ было протянуть руки, но въ этотъ моментъ у него закружилась голова и силы его оставили. Благочинный и келейникъ едва успѣли поддержать его.

— Ишь, какой бѣдненькій, — сочувственно сказалъ архіерей и покачалъ головой. — Надо его ободрить. Насчетъ жены-то его... Что-жь, можетъ Богъ и продлитъ ея дни, а не то... Ну, что-жь... На все Его воля! — прибавилъ онъ, обратившись къ благочинному и келейнику, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ очень разстроенный. «Вѣдь вотъ жизнь-то какова и какія даетъ коллизіи,— думалъ архіерей, съ волненіемъ прохаживаясь по кабинету и нервно шевеля четками, — а мы-то, власть надъ этою сѣрою массой имущіе, сидимъ въ своихъ покояхъ и ничего этого не знаемъ. О жизни судимъ по докладамъ, да по прошеніямъ, да по представленіямъ консисторіи. Я его промучить захотѣлъ за то, что въ тонъ попадать не умѣетъ, это былъ мой капризъ, а у него вонъ какое грандіозное горе и какая тягостная задача». И въ эту минуту архіерею, потрясенному только что происшедшею сценой и настроенному на добрыя чувства, захотѣлось во-очію увидѣть, какъ живетъ подчиненное ему духовенство, что чувствуетъ и какое горе переживаетъ каждый изъ этихъ смиренныхъ дьяконовъ, дьячковъ и пономарей, обремененныхъ семействами и всю жизнь мечтающихъ о повышеніи.

О. Антонія привели въ чувство и онъ медленно побрелъ съ архіерейскаго двора. Онъ не въ силахъ былъ теперь ни радоваться, ни скорбѣть. Его несильный умъ никакъ не могъ сколько-нибудь привести въ систему всѣ тѣ разнообразныя ощущенія, которыя пришлось испытать ему втеченіе послѣднихъ сутокъ. Страхъ передъ подачей пакета секретарю, свѣтлая надежда послѣ принятія этого пакета, ласковый пріемъ у благочиннаго, разочарованіе въ консисторіи, отчаяніе при видѣ умирающей Натоньки, борьба между любовью къ ней и необходимостью уѣхать ради дѣтей, сцена у архіерея и это счастье, которое долж-

Digitized by Google

но совершиться завтра,— все это слѣдовало одно за другимъ, нисколько одно изъ другого не вытекая, спутывало его мысли и чувства. Страшное горе — потеря жены — онъ долженъ былъ переживать вмѣстѣ съ величайшимъ счастьемъ — достиженіемъ священническаго сана. Въ самомъ дѣлѣ это было какое-то почти сверхъестественное совмѣщеніе двухъ противуположныхъ чувствъ. Нѣтъ большаго горя для лица, носящаго духовный санъ, какъ потеря жены, да еще любимой, какою была Натонька для о. Антонія. Вѣдь, это — вѣчное одиночество, вѣчный холодъ холостой жизни среди живущаго полною жизнью міра, среди житейскихъ соблазновъ и требованій строгой морали, сопряженныхъ съ званіемъ. Съ другой стороны, священничество это—высшій идеалъ, къ какому можетъ стремиться причетникъ, и слѣдовательно высшее счастье. И вотъ и то, и другое разомъ упало на голову о. Антонія. Одно только онъ ясно чувствовалъ, — что онъ въ этотъ моментъ преступникъ передъ Натонькой. Она умираетъ, и такъ еще самоотверженно, думая лишь о будущемъ его и дѣтей, она быть можетъ теперь переживаетъ страшныя мученія, а онъ здѣсь дѣлаетъ карьеру, готовится къ повышенію. И какъ ни старался о. Антоній, никакъ не могъ онъ примирить въ душѣ своей эти разнообразныя ощущенія. Поэтому во всю остальную часть этого дня, весь вечеръ, который онъ провелъ въ церкви, безуспѣшно стараясь слушать вечерню, такъ какъ нужно было готовиться къ завтрашнему событію, всю ночь, совершенно безсонную, утро слѣдующаго дня и даже во время обѣдни, когда совершалось его рукоположеніе, онъ находился въ какомъ-то тупомъ состояніи безразличія, безчувственности. Сердце у него нестерпимо болѣло, лицо было блѣдно и глаза, глубоко впавшіе въ орбиты, горѣли тусклымъ огнемъ. Даже архіерей обратилъ вниманіе на его недобрую внѣшность и, стоя въ алтарѣ, сказалъ ему тихо: «Ободрись, Антоній, не думай о земномъ! Помни, какой санъ принимаешь!»

Но о. Антоній не ободрился, а все также безчувственно

Digitized by Google

и угрюмо достоялъ всю обѣдню до конца. По окончаніи обѣдни онъ улучилъ минуту и подошелъ къ архіерею.

— Ваше преосвященство!— сказалъ онъ, скрестивъ ладони и этимъ самымъ прося благословенія, — благословите отправиться домой! А вамъ за ваше благодѣяніе отплатитъ Богъ!

Тонъ, которымъ онъ говорилъ, дышалъ глубокою печалью и какою-то безнадежною покорностью судьбѣ.

— Поѣзжай, о. Антоній, поѣзжай! Твое дѣло особенное!—сказалъ архіерей, благословляя его большимъ крестомъ.

О. Антоній поспѣшно снималъ облаченіе, это новое для него священническое облаченіе, одно ощущеніе котораго, при другихъ обстоятельствахъ, доставило бы ему массу счастья.

Теперь было не до того. Онъ торопился, его тянуло, толкало вонъ изъ церкви на почтовую станцію, гдѣ онъ неотступно требовалъ лошадей сейчасъ, сію минуту, да чтобы были быстрыя и сильныя, чтобы мчались безъ остановки и безъ отдыха. Ничего не видя передъ собой и не слыша того, что говорили ему почтарь и ямщикъ, онъ садился въ дилижанъ и умолялъ ямщика ѣхать скорѣе. Ямщикъ попался бравый, о. Антоній не пожалѣлъ ему двухъ рублей на водку, и онъ безжалостно хлесталъ лошадей, а лошади были горячи и мчались напропалую, не обращая вниманія на грязь и ямы по дорогѣ.

Вотъ уже вдали виднѣется узкая полоса бутищевской рѣчки, потомъ начинаетъ вырисовываться церковь, домъ новаго помѣщика Скрыдлова; выплываютъ одна за другой хаты и землянки. О. Антоній старается разглядѣть свою хату, но не видитъ ее, а между тѣмъ ему кажется, что если бы онъ увидѣлъ хоть одинъ уголъ своей хаты, то понялъ бы все. Мысли его начинаютъ быстро перегонять одна другую. То ему мерещится мрачная картина смерти: Натонька лежитъ на столѣ, худая, желтая и холодная; дѣтишки прячутся по угламъ и испуганно молчатъ, только одна Маринка, блѣдная умница, Натонькина любимица,

Digitized by Google

съ безконечно-грустною задумчивостью смотритъ на мать своими большими глазами... Дуняша плачетъ и поглядываетъ въ оконце, не ѣдетъ ли онъ... Сердце его разрывается на части. То вдругъ ему все это кажется невозможнымъ, неестественнымъ, дикимъ. Съ какой стати? Почему такъ скоро? Натонька еще можетъ поправиться и прожить многіе годы. И какова же будетъ ея радость, когда она узнаетъ, что онъ вернулся священникомъ! И онъ уже совершенно увѣренъ, что это именно такъ и есть, что иначе и быть не можетъ, и торопитъ ямщика единственно для того, чтобы поскорѣе обрадовать Натоньку. Да, если она жива, то одна эта радость можетъ вылечить ее отъ самой тяжкой болѣзни! Вѣдь священникъ онъ, приходъ дадутъ, достатокъ будетъ, дѣтей воспитаютъ они, Боже мой, Боже мой!...

Они поровнялись съ домомъ помѣщика Скрыдлова, минули садъ, рядъ земляноkъ. Уже онъ видитъ свой токъ; изъ-за стога соломы выглядываетъ камышевая крыша хаты. Дуняша бѣжитъ ему на встрѣчу... Съ чѣмъ она? Съ какою вѣстью? Не выдержитъ онъ, сердце разорвется.

— Стой!

Лошади съ разгону остановились; онъ выскочилъ изъ дилижана. Дуняша припала головой къ его груди и рыдаетъ...

— Натонька?—спрашиваетъ онъ дикимъ, плачущимъ голосомъ.

— Кончилась, Антоша!... Въ эту ночь!... Какъ ты уѣхалъ, лучше стало... Думала, полегчало... А вдругъ какъ хлынетъ кровь горломъ-то... ничѣмъ не удержать... задушило ее, бѣдняжечку... А передъ этимъ тебя вспоминала... Послѣднее ея слово было: помоги ему Богъ достигнуть священства!...

— И Богъ помогъ мнѣ... Помогъ... А ей-то, ей, голубушкѣ, нѣтъ, не помогъ... Его святая воля!—бормоталъ о. Антоній, ломая руки отъ отчаянія и глядя на Дуняшу совершенно потерянным взоромъ.

Онъ вошелъ въ домъ медленною, неровною походкой

Digitized by Google

человѣка, разбитаго вконецъ. Увидѣвъ Натоньку, лежащую на столѣ, прикрытую до половины парчей, съ вѣнкомъ изъ помертвѣвшихъ цвѣтовъ, съ четырьмя свѣчами у изголовья, желтую и высохшую отъ муки, онъ припалъ къ холоднымъ рукамъ, сложеннымъ на груди, и долго-долго безмолвно и безъ слезъ молилъ ее простить его за то, что онъ мало о ней думалъ, и за то, что онъ теперь безъ нея будетъ пользоваться преимуществомъ только сегодня полученнаго сана.

Въ комнатѣ было душъ двадцать народу, больше деревенскія бабы, но были тутъ и Марьяна Панкратьевна, и Аксинья Мелентьевна, и пономарша, а когда о. Антоній поднялъ голову, которая казалась ему свинцовой, въ хату вошелъ о. Панкратій и съ нимъ старый пономарь, неся въ рукахъ облаченіе и кадило.

— Совершимъ литію соборне! — какимъ-то торжественнымъ голосомъ промолвилъ о. Антоній.

— Совершимъ!—сказалъ о. Панкратій и началъ облачаться въ ризу.

Пономарь подалъ о. Антонію стихарь, но тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Ризу... Нынѣче рукоположенъ... Охъ, Натонька, только тебѣ и досталось, что литія моя! — проговорилъ онъ сквозь слезы глубоко-убитымъ голосомъ.

Дѣти пугливо выглядывали изъ другой комнаты, а Маринка въ самомъ дѣлѣ стояла около матери и съ безконечною, недѣтскою грустью смотрѣла на нее своими большими глазами.

Сторожъ сбѣгалъ въ церковь и принесъ о. Антонію ризу. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на то, какъ онъ надѣвалъ ее. Изъ кадила поднялся дымъ ладона. Началась литія...

Digitized by Google

ДЕРЕВЕНСКІЙ РОМАНЪ

(ИЗЪ ХРОНИКИ ЮЖНО-РУССКОЙ ДЕРЕВНИ)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Дьявольское навожденіе.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ среди гладкаго, обнаженнаго поля большимъ оазисомъ раскинулось село Панычево съ своей миніатюрной церковью, съ огромнымъ барскимъ домомъ, окруженнымъ великолѣпнымъ фруктовымъ садомъ, съ широкимъ полутораверстнымъ кладбищемъ, своими размѣрами свидѣтельствовавшимъ о гибели многихъ поколѣній, съ двумя—на разныхъ концахъ села—каменными зданіями, съ вывѣсками на фасадахъ: «распивочно и на вынось»,—Днѣпръ, приближаясь къ устью, разлился широкой полосой. Село Панычево высилось на крутомъ берегу, такъ что съ рѣки можно было разглядѣть только послѣдній—надъ самымъ берегомъ—рядъ мужичьихъ хатъ съ камышевыми крышами, да природную скалистую стѣну берега съ протоптанными тамъ и сямъ тропинками для спуска, а среди этихъ тропинокъ высѣченную лопатами и

Digitized by Google

топорами широкую, отлогую и удобную для ѣзды дорогу, по которой спускались къ Днѣпру и подымались наверхъ крестьянскія телѣги. Стоялъ морозный декабрскій день. Солнце щедро испускало свои яркіе, холодные лучи, превращая въ блестящій, играющій разноцвѣтными огнями кристаллъ—гладкую безснѣжную поверхность Днѣпра.

На рѣкѣ было сильное движеніе. Здѣсь собрались чуть не всѣ панычевцы, исключая самыхъ немощныхъ стариковъ и старухъ да грудныхъ младенцевъ. Желтые овчинные тулупы, засаленные отъ долголѣтняго употребленія, лоснились на солнцѣ, а которые были поновѣй, тѣ шуршали и издавали сильный, тяжелый запахъ. Въ воздухѣ стоялъ шумъ и гамъ отъ сотни здоровыхъ, звонкихъ голосовъ; парни налетали на дѣвокъ, съ крикомъ и свистомъ захватывали ихъ широчайшими полами своихъ кожуховъ и, разогнавшись, скользили по гладкому льду, пока не наталкивались на препятствіе въ видѣ другой такой же пары, мчавшейся съ другого конца. Дѣвки визжали для доказательства своей скромности и протеста противъ насилія, но въ то же время, тщательно кутаясь въ кожухи похитителей и дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимались поближе къ парнямъ. Вонъ тамъ какая-то безшабашная пара, неловко поскользнувшись, полетѣла на-взничь и продолжаетъ скользить по льду въ позѣ, которую публика находитъ романической, и потому неистово гогочетъ, выражая этимъ свое удовольствіе. Нѣкоторые изъ парней вооружились коньками мѣстнаго производства, а можетъ быть даже и изобрѣтенія. Это просто-на-просто—пара обломковъ отъ ребра издохшей лошади или коровы. Молодые панычевцы умудряются водрузить на нихъ широкія подошвы своихъ «чеботъ» и выдѣлываютъ на льду такія штуки, какимъ позавидовалъ бы любой мастеръ этого дѣла.

По средней линіи рѣки степенно двигались два ряда рыбалокъ, прикрѣпивши свои лямки къ канату, два конца котораго выходили изъ огромныхъ прорубей. Края этихъ прорубей, какъ края переполненной чаши, были окаймлены водой, которая разлилась по льду сажени на три кругомъ.

Digitized by Google

Костюмъ рыбалокъ состоялъ изъ кожаной куртки, неразрывно посредствомъ шва соединенной съ кожаными штанами, къ которымъ плотно прикрѣплены огромные сапоги изъ толстой кожи, вооруженные особаго рода острыми подковами. Въ этомъ костюмѣ рыбалка можетъ входить въ воду, не боясь промокнуть.

Сильно наклонившись впередъ, они двигались медленно и безшумно, а вмѣстѣ съ тѣмъ по дну рѣки подвигался неводъ, запутывая въ своемъ лабиринтѣ попадающуюся по пути добычу. Два ряда рыбалокъ двигались параллельно на протяженіи полуверсты; но по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ шагомъ тяга становилась чувствительнѣй, они стали сближаться, сводя концы каната къ одной огромной проруби, изъ которой долженъ былъ показаться неводъ. Иногда который нибудь изъ нихъ апатично замѣчалъ своему сосѣду:

— Эй, Охримъ! заснулъ, что ли? Гляди, лямка какъ у тебя болтается!—и замечтавшійся Охримъ налегалъ на лямку, которая опять натягивалась, какъ струна.

Бабы, въ ожиданіи добычи, степенно бродили по льду съ «лантухами» (мѣшками) въ рукахъ. Лантухи эти были такого размѣра, что не мало рыбы поубавилось бы въ Днѣпрѣ, еслибы всѣ ихъ наполнить доверху. Ребятишки въ странныхъ костюмахъ кружились около матерей, наталкивались другъ на друга, падали, ревѣли и гоготали. Тотъ волочилъ позади себя полы кожуха, который вчера еще носилъ батько и въ который можно было упрятать половину его сверстниковъ. Другой, своими дѣтскими ноженками, едва подымалъ огромные батьковскіе сапоги и старался высвободить глаза изъ-подъ слишкомъ помѣстительной сивой наслѣдственной шапки; третій закуталъ голову въ старый материнъ платокъ и походилъ на дѣвочку. Всѣмъ имъ повидимому доставляло самое веселое наслажденіе осторожно ходить вокругъ проруби и «хлюпаться» ногами въ разлившейся по льду водѣ.

По одной изъ тропинокъ скалистаго берега робко спускалась къ рѣкѣ маленькая темная фигурка, на которую

Digitized by Google

никто не обратилъ вниманія. Дойдя до рѣки, она остановилась и повидимому не рѣшалась двигаться дальше. Съ виду—это былъ мальчикъ, потому что на немъ были узкіе штанишки, обернутые внизу какими-то тряпками, которыя, вмѣсто башмачковъ, окутывали ступни ногъ. Голова его была повязана грязнымъ платкомъ, поверхъ котораго была надѣта фуражка военнаго покроя, а туловище защищалось отъ холода старой, изорванной женской кофтой; въ рукава этой кофты онъ тщательно пряталъ свои маленькія, сильно раскраснѣвшіяся руки.

Онъ сдѣлалъ два шага и очутился на льду. Повидимому онъ не былъ знакомъ ни съ мѣстностью, ни съ людьми, потому что смотрѣлъ робко и разсчитывалъ каждый шагъ. Онъ дрожалъ отъ холода, и его сильно подмывало присоединиться къ толпѣ ребятишекъ, чтобъ размять члены и погрѣться. Но онъ боялся. Онъ издали присматривался къ лицамъ сонно бродившихъ по льду бабъ, какъ бы отыскивая между ними знакомое. Вотъ къ нему подбѣжала куча ребятъ. Онъ робко посторонился; его толкнули, онъ поскользнулся и покатился по льду; черезъ него полетѣли другіе; все это кружилось и шумѣло и, увлеченный этимъ потокомъ, онъ уже кувыркался по льду въ общей кучѣ ребятъ, толкая другихъ, самъ падалъ, и съ наслажденіемъ «хлюпался» въ водѣ близъ большой проруби, довольный, что согрѣлся. На него никто не обращалъ вниманія, и дѣти играли съ нимъ, не спрашивая, откуда онъ пришелъ.

Со стороны помѣщичьяго дома къ рѣкѣ сошло небольшое общество, которое рѣзко отличалось отъ всей панычевской публики. Здѣсь было нѣсколько дамъ въ изящныхъ шубкахъ, въ бѣлыхъ мѣховыхъ шапочкахъ и два господина: одинъ — солидный, чернобородый, внушительнаго роста; другой—помоложе, подвижной, вертлявый и изящный, съ пучкомъ длинныхъ кудрей, выглядывавшихъ изъ-подъ черной барашковой шапки. Этотъ былъ одѣтъ въ короткое пальто нѣсколько фантастическаго покроя, съ шнурами на груди. На ногахъ красовались ботфорты.

Digitized by Google

Это «паны» вышли погулять, посмотрѣть на рыбную ловлю. Одна изъ дамъ поднесла къ глазамъ бинокль и начала осматривать публику. Она увѣряла прочихъ, что это чудесная картина, напоминающая ей народную сцену изъ какой-то оперы, и убѣждала молодого человѣка съ шнурами взять рыбную ловлю сюжетомъ для одной изъ своихъ картинъ. Молодой человѣкъ, который повидимому былъ художникъ, соглашался съ нею, что это—прекрасный сюжетъ для картины, и въ то-же время подвязывалъ себѣ коньки. Проходившіе мимо мужики издали снимали шапки, а которые были подальше—тихонько дѣлали на ихъ счетъ замѣчанія.

— Это она въ прозорную трубку смотритъ!—объяснилъ кто-то, указывая взглядомъ на даму, глядѣвшую въ бинокль.

— Въ ее, я чула, можно и звѣзды видѣть!—прибавила баба, взмахнувъ мѣшкомъ по направленію къ небу.

— Днемъ?—спросилъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ.

— Вотъ сказалъ? Днемъ! Какія же звѣзды бываютъ днемъ?!..

— Хе, хе, хе?—осмѣяли всѣ простака.—Днемъ, говоритъ, звѣзды!.. Хе, хе!.. Это развѣ ежели въ пьяномъ видѣ!.. Такъ тогда, бываетъ, и средь ночи солнце увидишь!.. Хе, хе!..

— Такъ это что-жь ночью? Ночью я и безъ трубы всякую звѣзду увижу? Чего мнѣ труба? — защищался осмѣянный...

— Увидишь, да не такъ... Въ другомъ видѣ!.. Въ эту ежели въ трубу, такъ ты ее наскрозь можешь!..

Парни конфузились и при господахъ не рѣшались налетать на дѣвокъ. Публика вообще какъ-то притихла и разговаривала робко. Только ребятишки, увидѣвъ пановъ, сперва было опѣшили, а потомъ продолжали свое занятіе.

Молодой человѣкъ съ шнурами принялся поражать присутствующихъ своимъ искуствомъ. Онъ держался молодцевато, очень искусно кувыркался и писалъ ногами разныя

Digitized by Google

слова; преимущественно имена сопровождавшихъ его дамъ. Грамотные ребятишки бѣгали за нимъ и по складамъ прочитывали: «А-нн-а Е-го-ров-на», «Марья Се-ме-нов-на», но передъ однимъ словомъ стали въ тупикъ, потому что оно было изображено по-французски. Мужики не могли надивиться сугубой грамотности молодого человѣка.

— Тутъ рукою еле-еле выведешь: «Мо-сей Я-год-ка», а онъ тебѣ ногами валяетъ!.. удивился Ягодка, очень почтенный мужикъ, въ сивой шапкѣ и новомъ кожухѣ.

— Да ужь ихъ столько учатъ, что... Господи прости!.. не токмо ногами, а... и всѣмъ прочимъ запишешь!..

— А вотъ я—такъ ни ногой, ни рукой! И ежели мнѣ расписку, либо тамъ что, такъ прямо крестъ ставлю!— откровенно сознался одинъ изъ рыбалокъ.

Въ это время вдали на рѣкѣ показались сани, запряженныя доброй тройкой. Кони красиво изгибали набокъ шеи, звеня бубенчиками и испуская густой паръ.

— Это откупщики ѣдутъ!—послышались голоса.

— Чтобъ имъ въ воду провалиться!—пожелали другіе, потому-что появленіе откупщиковъ лишало ихъ возможности поживиться крупной рыбой.

Откупщики заберутъ ее, а панычевцамъ останется мелкота, да и ту придется брать съ бою. Но зато какъ прояснѣли лица рыбалокъ, тянувшихъ лямку? Они увидѣли свой трудъ превращеннымъ въ кредитные рубли.

Сани съ разгону остановились, и изъ нихъ вышли два молодца въ волчьихъ шубахъ, въ высокихъ сапогахъ съ подковками. У нихъ были здоровыя, красныя лица и русыя бороды. Они очень походили другъ на друга и обладали настолько сходными голосами, что трудно было отличить— когда говорилъ одинъ и когда другой. Манеры у нихъ были развязныя и властныя. Братья-откупщики смотрѣли на толпу свысока и отвѣчали кивкомъ головы, когда рыбалки сняли передъ ними шапки.

— А что, Остапъ Егоровичъ? Тяжела?—спросилъ откупщикъ, обращаясь къ одному изъ рыбалокъ, шедшему впереди всѣхъ. Мужикъ этотъ былъ высокаго роста, съ

Digitized by Google

худымъ скуластымъ лицомъ, съ густыми и длинными, совершенно сѣдыми усами. Среди рыбалокъ онъ былъ «атаманомъ», поэтому со всякими сдѣлками обращались къ нему.

— Не легка! — отрывисто отвѣтилъ Остапъ Егоровичъ.—Попробуйте, коли хотите!..

— Вижу, вижу! Ишь, какъ нажимаетъ! судакъ больше?..

— Судакъ!.. Ну, и... не безъ коропа то-же! Коропъ—онъ-то и нажимаетъ!.. Онъ завсегда норовитъ книзу?

Рыбалки въ это время еще больше нагнулись впередъ. Нѣкоторые на лицахъ своихъ изобразили, что имъ почти ужь не вмоготу,—такъ тяжела добыча. Въ этомъ собственно они хотѣли убѣдить откупщиковъ. Повидимому они этого достигли.

— А сколько за-глаза?—спросилъ откупщикъ.

— За-глаза?.. Да намъ нѣту выгоды! съ видомъ полнѣйшаго равнодущія отвѣтилъ атаманъ.—Этакая тяга когда-ни-когда случится!..

Помолчали, а затѣмъ атаманъ продолжалъ тѣмъ-же равнодушнымъ тономъ:

— Сто пятьдесятъ карбованцевъ да ведерко... Этакъ еще куда ни шло, рискнуть можно!.. За судака, да за коропа... Ну, нехай и лещъ вашъ будетъ!.. А мелкота, извѣстно, бабамъ!..

Начался торгъ. Откупщики давали сотню, да притомъ хотѣли отбить себѣ и мелкоту, а бабамъ оставляли только раковъ. На это атаманъ никакъ не могъ согласиться. Бабы самого его съѣдятъ вмѣсто рыбы, если онъ это сдѣлаетъ. Это ужь такъ изстари ведется, что бабамъ идетъ мелкая рыба. Наконецъ сошлись на ста-двадцати рубляхъ съ ведеркомъ, а откупщикамъ въ придачу къ судаку съ карпомъ и лещемъ дана была щука. Ударили по рукамъ, и атаманъ получилъ половину условленной платы.

Вотъ уже изъ большой проруби стали показываться верхушки невода. Кругомъ все стихло. Всѣ съ нетерпѣніемъ

Digitized by Google

ожидали результата. Бабы молили Бога, чтобъ не было ни судака, ни карпа, ни леща, ни щуки, а все была-бы мелкота одна; откупщики лелѣяли какъ-разъ противоположныя желанія. Изрѣдка сталъ появляться случайно запутавшійся въ крыльяхъ невода окунь, потомъ къ окуню присоединилась щука, наконецъ показалась «матня» полная рыбы, между которой было довольно и судака, и леща, и карпа, и всякой всячины. Все это вываливалось на ледъ нѣсколько всторонѣ отъ проруби, и изъ огромной кучи стали отбирать долю откупщиковъ. Потомъ напустили бабъ на оставшуюся мелкоту. Произошла давка. Каждая старалась набрать побольше, но стоявшій тутъ-же атаманъ безстрастно посылалъ къ черту и отталкивалъ всякую бабу, набравшую по его мнѣнію достаточно.

— Держи! Спасай! Карау-улъ! — вдругъ раздалось среди этой свалки, и всѣ въ одно мгновеніе оглянулись въ ту сторону, гдѣ была прорубь. Рыбалки кинулись туда съ канатами и шестами. Толпа обступила прорубь.

— Запуска-ай! Тащи-и! Канатъ! Эй, кто тамъ!?— орали со всѣхъ сторонъ.— Хлопченя, а можетъ и дивчинка, кто его знаетъ! Ищь, барахтается!

Въ проруби дѣйствительно барахталось и боролось со смертью маленькое существо. Трудно было опредѣлить полъ его; да и не до того было. Оно изо всѣхъ силъ глупо и совсѣмъ не цѣлесообразно размахивало ручонками, опускалось и вновь подымалось, чтобъ опять погрузиться. Напрасно къ нему протягивали шесты и забрасывали канаты; оно не понимало въ чемъ дѣло и не знало за что ухватиться. Вся бѣда была въ томъ, что никто не рѣшался подойти къ самой проруби, изъ боязни попасть въ нее. Но вотъ маленькое существо видимо ослабѣваетъ. Оно уже не машетъ ручонками, только голова его дѣлаетъ страшное усиліе остаться на поверхности, но туловище тянетъ книзу—и вотъ уже кажется нѣтъ надежды. Въ это время молодой, безусый парень, съ веселымъ, счастливымъ лицомъ, порывисто сбрасываетъ съ себя кожухъ и, крѣпко ухвативши зубами конецъ каната съ разгону ки-

Digitized by Google

дается въ прорубь. Нѣсколько секундъ не видно ни его, ни маленькаго существа. Толпа замерла въ тяжкомъ, мучительномъ молчаніи; гдѣ-то вырвался вздохъ; многіе крестятся и шепчутъ молитву: «Господи! Двѣ души христіанскія!..» Всѣ ждутъ, а рыбалки тихонько подтягиваютъ кверху канатъ, конецъ котораго остался въ зубахъ у парня. Появляется голова, плечи, и парень выбрасываетъ на ледъ недвижное, полуокоченѣвшее существо. Его самого сейчасъ-же вытаскиваютъ. Вырывается общій крикъ неистоваго восторга: «Яковъ! Яковъ! Яшка! Ай, да Яшка!» Повсюду прославляется имя парня.

Маленькое существо пролежало съ минуту на льду безъ малѣйшаго движенія, пока вытаскивали парня. Потомъ кто-то поднялъ его на руки:

— Эй, бабы! у кого платокъ побольше?

Какая-то баба сняла съ головы платокъ. Маленькое существо положили на платокъ и принялись откачивать. Качали съ такой энергіей, что оно взлетало на воздухъ, но это не помогало.

— Три! что есть силы, три! — Тогда началась терка. Ему терли уши и виски, затылокъ и щеки и лобъ. Не помогало. Маленькое существо не обнаруживало никакихъ признаковъ жизни. Молодой человѣкъ съ шнурами на груди подлетѣлъ на конькахъ къ толпѣ и подалъ изящный пузырекъ съ жидкостью.

— Это спиртъ. Потрите имъ виски и дайте ему понюхать! — сказалъ онъ.

— Да чѣмъ нюхать-то будетъ, когда оно не дышетъ?! — возразили ему.

Тѣмъ не менѣе стали тереть виски и подносить флаконъ къ носу. Въ это время одна изъ дамъ, та самая, что смотрѣла «въ прозорную трубу», узнавъ, что изъ проруби вытащили утопленника, упала въ обморокъ. Ей понадобился спиртъ, и молодой человѣкъ съ шнурами отобралъ флаконъ съ такою-же изящной деликатностью, съ какой подалъ его. Такъ какъ маленькое существо отказывалось жить, а панычевцы хотѣли во что-бы то ни стало настоять

*

Digitized by Google

на своемъ, то было рѣшено употребить послѣднее и самое отчаянное усиліе. Постарались разнять его сильно стиснутыя челюсти и вновь стали качать. На этотъ разъ были приложены всѣ силы; качали съ какимъ-то остервенѣніемъ, всякій старался ухватиться за уголъ платка, какъ-бы разсчитывая общими усиліями—«міромъ»—побѣдить смерть. Кто-то замѣтилъ, что этакъ и мертваго откачать можно.

— Дышетъ! промолвило нѣсколько голосовъ разомъ и работа остановилась. Дѣйствительно смерть была побѣждена. Всѣхъ охватилъ восторгъ, какъ-будто это бѣдное, хилое, оборванное существо принадлежало всѣмъ панычевцамъ или было гордостью всего села. Оно дышало и даже взмахнуло рукой. Тогда стали присматриваться къ нему. До сихъ поръ всѣ видѣли передъ собой только погибающую человѣческую жизнь и необходимость спасти эту жизнь во что-бы то ни стало. А его никто не видѣлъ. Что за странное существо! Голова окутана изодраннымъ платкомъ (шапка военнаго покроя валялась въ сторонѣ); неуклюжая женская кофта съ изодранной подкладкой, изъ-подъ которой торчатъ клочья грязной ваты. На ногахъ, вмѣсто сапогъ, какія-то тряпки. Лицо худое, костлявое, почти безкровное. Губы посинѣли отъ холода и дрожатъ, и весь онъ вздрагиваетъ, словно его мучитъ бѣсъ. Всѣ присматривались и всѣ были поражены. Никто не зналъ его, въ Панычевѣ такого не было, и всѣ видѣли его въ первый разъ. Откуда-же взялось это существо? какъ попало сюда? и какъ очутилось въ проруби?...

— Чье оно? — спрашивали изумленные панычевцы другъ у друга, и никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Господи! Да ужь не навожденіе-ли это?

«Приблудное какое-то!» старались объяснить бабы,— «шло, шло себѣ куда-нибудь, можетъ изъ города, либо съ хутора какого, и заблудилось! И какое чудное на видъ! Должно быть сирота.

— Теперь его надобно на печку первымъ долгомъ!— сказалъ кто-то.

Digitized by Google

— Эге! Первымъ долгомъ на печку! — согласились всѣ:—чтобъ его хорошенько проняло жаромъ! Наскрозь чтобъ!—И всѣ стояли надъ нимъ, оставляя открытымъ вопросъ: кто-же возьметъ его въ свою хату и положитъ на печку? Никто изъ присутствовавшихъ еще не ощущалъ въ груди своей такого желанія. У того у самого семья была велика, другой боялся, что это дьявольское навожденіе, которое принесетъ дому несчастье.

— Я думаю, горчишникъ-бы ему поставить! Это тоже горячитъ!—продолжали совѣтовать.

— Горилки-бы влить ему столбуху! Вотъ это дѣйствительно горячитъ!...—Это я по себѣ знаю!

А «дьявольское навожденіе» все лежало на платкѣ, который растянули на воздухѣ четыре мужика. Оно уже раскрыло глаза, но ничего еще не понимало. Ему было страшно и хотѣлось плакать, но оно и этого не смѣло сдѣлать. А холодъ между тѣмъ пронизовалъ его и оно дрожало всѣмъ тѣломъ.

— Жинка! чи у насъ печка растоплена?—спросилъ у бабы сухощавый, приземистый мужикъ, въ старомъ полушубкѣ, съ множествомъ свѣжихъ заплатъ.

— Съ утра растоплена! — отвѣчала баба, утвердительно кивая головой, потому что угадывала мысль мужа.

— Такъ бери его въ охапку! — сказалъ мужикъ:— пускай грѣется!

Жинка взяла «дьявольское навожденіе», тщательно завернула его въ платокъ, на которомъ оно лежало, и понесла къ берегу.

— Эхъ! добрая душа у тебя, Ерема! За это тебѣ на томъ свѣтѣ хорошо будетъ!—чрезвычайно серьезно и съ большимъ чувствомъ говорили мужики и бабы. Ерема посмотрѣлъ на нихъ довольно холодно и не сказалъ ни слова, а только подумалъ: «каково-то вамъ будетъ на томъ свѣтѣ?»

— А у самого шесть душъ голышей! И куда только онъ его дѣнетъ?—сочувственно говорили бабы. — Вотъ душа-то.

Digitized by Google

— Одно къ одному! Бѣднота къ бѣднотѣ!—замѣчали другіе.—Такъ ужь видно Господь захотѣлъ!

Откупщики наградили Ерему двумя лещами. Великодушный парень Яшка за свой подвигъ получилъ судака. Онъ теперь грѣлся, плотно завернувшись въ кожухъ и дѣлая по льду отчаянные прыжки. Отъ него сильно доставалось дѣвкамъ. Паны ушли домой. Раздача рыбы кончилась. Рыбалки гурьбой отправились въ кабакъ распивать откупщицкое ведро, да своихъ два. Публика расходилась, повторяя съ недоумѣніемъ:

— И откуда оно взялось, Господи ты, Боже мой?!.. Точно изъ воды, изъ-подъ коры ледяной вынырнуло!.. Чудо, какъ есть—чудо!..

II.

Чудо разъясняется.

«Приблудный» между тѣмъ лежалъ уже на печи. Его положили туда вмѣстѣ съ платкомъ, въ который онъ былъ завернутъ. Сначала онъ ничего не ощущалъ и лежалъ безъ мысли и безъ движенія. Но вдругъ онъ подскочилъ на мѣстѣ; его сильно прижгло, печь была очень нагрѣта; онъ почувствовалъ боль и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то сладостное ощущеніе тепла.

Тогда у него явились мысли. Онъ оглядѣлся кругомъ. Полумракъ; слышится людской говоръ, смѣхъ и плачъ дѣтей. Гдѣ онъ и какъ попалъ сюда? Онъ начинаетъ припоминать. Вчера онъ вмѣстѣ съ другими ребятишками, такими-же оборванцами, какъ онъ, бѣгалъ за экипажами при въѣздѣ въ городъ. Они протягивали руки и жалобными голосами кричали: Дайте копѣецку! Позалѣйте! Ѣсть хоцется»! И когда имъ кидали что-нибудь, они дрались между собой, вырывая другъ у друга добычу. Потомъ они шли къ своимъ матерямъ. Его мамка жила въ какой-то темной, сырой и холодной трущобѣ. Она посылала его просить милостыню и когда онъ приносилъ что-нибудь, по-

Digitized by Google

купала немного хлѣба и доставала водки. Она почти всегда была пьяна и иногда колотила его. Къ ней приходили какіе-то солдаты, ласкали ее, а иногда били и она била ихъ, а его они тогда высылали вонъ. Спалъ онъ вмѣстѣ съ мамкой, она согрѣвала его своимъ тѣломъ и ему было тепло.

Въ этотъ день мамка встала рано утромъ и неизвѣстно куда исчезла. Онъ ждалъ ее, но не дождался и захотѣлъ отыскать. Онъ видѣлъ, что мамка иногда ходила куда-то, по направленію рѣки и самъ пошелъ этой дорогой; но ее не встрѣтилъ, а встрѣтилъ село. Онъ никогда не видѣлъ глиняныхъ хатъ съ камышевыми крышами, потому что жилъ всегда въ трущобѣ, близъ города. Тутъ онъ увидѣлъ, что на рѣкѣ много людей, и подумалъ: «можетъ-быть тамъ и мамка!» Тогда онъ спустился внизъ и смотрѣлъ въ лицо каждой бабѣ, но мамки между ними не было. Къ нему подбѣжали ребятишки и стали толкать его. Ему было холодно, хотѣлось погрѣться и онъ сталъ играть съ ребятишками и согрѣлся. Играть было весело. Онъ позабылъ и о мамкѣ, и о томъ, что съ утра ничего не ѣлъ. Ему очень понравилось болтаться ногами по водѣ; онъ не замѣтилъ, гдѣ кончается ледъ и начинается прорубь, и вдругъ оказался въ рѣкѣ. А больше онъ ничего не помнитъ. Теперь ему хорошо, только-бы поѣсть чего-нибудь, потому что его мучитъ голодъ.

— А оно должно-быть спитъ еще?—слышится ему женскій голосъ.

«Кто это—«оно», думаетъ онъ, это должно-быть я!»

— Ему надо оставить леща. Ты ему хвостикъ оставь, Горпина! Оно должно быть голодное. Пускай поѣстъ!

А это вѣрно!—думаетъ онъ:—я очень голоденъ! Должно-быть это добрые люди!

Какъ-бы имъ показать, что онъ не спитъ? Кашлянуть, сказать, вздохнуть—онъ боится, потому что-онъ всего боится. Но онъ все-таки вздыхаетъ...

Тамъ-же, на печкѣ, онъ съ наслажденіемъ съѣлъ хвостъ леща, съѣлъ съ костями и со всѣмъ, что у него было. Ему

Digitized by Google

принесла это Горпина (такъ онъ догадывается). У Горпины маленькое лицо и сама она небольшая, такъ лѣтъ десяти. Она принесла и тоненькимъ голоскомъ сказала: «ѣшь!»

Ну, теперь онъ кажется совсѣмъ оправился. Въ пору-бы и съ печи слѣзать. Печка такъ горяча, что онъ не только согрѣлся, а и высохъ и кажется у него есть уже пузыри на тѣлѣ. Но онъ не можетъ сойти, пока его не позовутъ. Страшно....

— Ну можетъ-быть ты уже слѣзешь? Эй ты, хлопче или дивчина, кто тебя знаетъ, что ты такое!—слышится тотъ же женскій голосъ.

— Эге! думаетъ онъ;—да они считаютъ меня дѣвочкой! Вотъ какъ!

Онъ слѣзаетъ съ печи и довольно смѣло произноситъ:

— Я—хлопецъ!

Онъ видитъ передъ собой пожилую женщину небольшого роста, сухощавую. Лицо у нея доброе, такъ что онъ не боится. Около нея выстроилось въ рядъ четверо ребятъ одинъ другого меньше, и всѣ съ любопытствомъ смотрятъ на него. Одинъ на рукахъ у женщины, совсѣмъ маленькій, плачетъ. Около печки стоитъ дѣвочка. У нея розовое личико и веселые, бѣгающіе глазки. Онъ узналъ Горпину. Ну, кажется ему нечего бояться. Смотрятъ ласково и не собираются бить его.

— У тебя есть батько?—спрашиваетъ его женщина.

— Не знаю!—отвѣчаетъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ онъ не знаетъ, есть-ли у него батько. Да онъ никогда и не думалъ объ этомъ.

— А мамка?

— Мамка есть.

— Гдѣ-жь она?

— Не знаю!

— А откуда ты пришелъ?

— Изъ-подъ города.

— Что-жь ты тамъ дѣлалъ?

— Жилъ!

— А какъ тебя зовутъ?

Digitized by Google

— Панасъ?

Женщина больше не спрашивала. «Погуляй съ ребятами!»—сказала она ему, но онъ не умѣлъ играть съ ними и они его боялись. Онъ сѣлъ на лавку и смотрѣлъ въ окно. Когда женщина вышла изъ хаты, къ нему подсѣла Горпина и стала разспрашивать. Неизвѣстно почему у него развязался языкъ, и Горпинѣ онъ разсказалъ все, что припомнилъ, когда лежалъ на печкѣ. Горпина сказала ему, что онъ—«бѣдный хлопецъ». Онъ просидѣлъ на лавкѣ до вечера. Въ это время передъ нимъ прошло много картинъ, какихъ онъ прежде не видѣлъ. Горпина укачивала въ люлькѣ грудного ребенка и напѣвала колыбельную пѣсенку. Вообще съ Горпиной они очень сошлись. Она предложила ему развязать свои тряпки и ходить босикомъ. Онъ это сдѣлалъ и нашелъ, что такъ лучше. Дѣти тоже бѣгали босикомъ! Мать ихъ часто входила въ хату, говорила о телятахъ, о какомъ-то квасѣ, который къ несчастью перекисъ, а одинъ разъ пришла очень взволнованная и разсказала о поросенкѣ, который по неопытности попалъ въ лохань съ водой и чуть было не утонулъ. «Точь-въ-точь, какъ я—въ ополонку!»—подумалъ Панасъ. Дѣти выбѣжали на дворъ смотрѣть на поросенка; ему тоже очень хотѣлось пойти съ ними, но онъ не рѣшился.

Когда стемнѣло и въ хатѣ зажгли «каганецъ», вошелъ Ерема.

— Э, уже ожилъ!—по-пріятельски обратился онъ къ мальчику.—Ну, а я думалъ, что тебѣ капутъ будетъ!

Горпина разсказала ему все, что знала про Панаса. Сѣли ужинать. Ерема ѣлъ «затирку» съ звѣрскимъ аппетитомъ. Панасъ съ величайшимъ любопытствомъ наблюдалъ, какъ онъ опрокидывалъ въ ротъ ложку за ложкой и при этомъ губы его издавали такой звукъ, будто онъ всякій разъ обжигался. И глаза Еремы въ это время какъ-то особенно блестѣли, такъ что повременамъ Панасу дѣлалось даже страшно. Ерема всегда такъ ѣлъ. Онъ работалъ, какъ волъ, буквально ни минуты не оставаясь въ покоѣ и нарабатывалъ гигантскій аппетитъ, такъ что во

Digitized by Google

время обѣда или вечери уже не разбиралъ, что было въ мискѣ, и истреблялъ все, что ни давали ему. Еслибъ ему положили вмѣсто галушекъ кусокъ старой подошвы, онъ и то съѣлъ-бы впопыхахъ, лишь-бы только присолили хорошенько. Онъ любилъ хорошо солить. Голова у этого человѣка была огромныхъ размѣровъ и казалась еще больше отъ того, что сидѣла на длинной шеѣ и украшала маленькое, сухощавое туловище. Но несмотря на свои большіе размѣры, эта голова кажется не много работала, предоставляя главенство мускуламъ. Ерема былъ неразговорчивъ, говорилъ отрывисто и нескладно и вообще слылъ за мужика недалекаго. Жинка его, Марина, играла очень видную роль въ хозяйствѣ: она заправляла, а Ерема только выполнялъ то, что она находила благовременнымъ. Марина свершала свою миссію спокойно, съ какой-то медленной разсудительностью, сама работала не меньше Еремы и никогда не жаловалась на бѣдность. И такъ эти люди прожили уже пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ, почти молча, изрѣдка разговаривая только о предметахъ необходимыхъ въ хозяйствѣ. Они очень подходили другъ къ другу.

— Ну, уже до завтра живи, хлопче!—сказалъ за ужиномъ Ерема, что́ сильно поразило Панаса.

«А что-же завтра онъ будетъ дѣлать? Развѣ его отвезутъ къ мамкѣ? Но тамъ ему было гораздо хуже, чѣмъ здѣсь».

— Мы тебя держали-бы, да у насъ у самихъ плохо!— прибавила Марина.

Это еще больше поразило Панаса.

«Какъ плохо? Когда у нихъ такая теплая хата, есть и обѣдъ, и ужинъ, и кожухъ? а вотъ посмотрѣли-бы они, каково у его мамки, тамъ гдѣ онъ жилъ съ нею!... Тогда-бы они знали, что такое—плохо... А это хорошо, очень даже хорошо.» И ему пришло въ голову, что мамка можетъ быть и не вернулась домой, что ее гдѣ-нибудь раздавили, убили... Куда-же онъ пойдетъ завтра? Да онъ замерзнетъ на дорогѣ. И ему стало очень страшно за завтрашній день, такъ страшно, что онъ никакъ не могъ

Digitized by Google

проглотить затирки, которая была у него во рту. Вдругъ слезы закапали на столъ.

Онъ испугался еще больше,—можетъ здѣсь нельзя плакать. Вообще онъ нѣсколько побаивался Еремы. Съ Мариной и съ дѣтьми онъ какъ-то свыкся за день, а большая голова Еремы пугала его. На его слезы повидимому не обратили вниманія. По крайней мѣрѣ никто не утѣшалъ его. Всѣ молчали.

— Чуешь, Ерема! Сходилъ-бы ты до попа, може онъ возьметъ!..—сказала Марина послѣ ужина.

— А правда! я схожу!—отвѣтилъ Ерема, вытирая ротъ рукавомъ сорочки. — Надо, чтобъ взялъ. Не пропадать же ему. Можетъ мамку его гдѣ-нибудь пришибли.., Вѣдь она—шкура!..

Послѣднее замѣчаніе не было новостью для Панаса. Солдаты, приходившіе къ его матери, часто обращались къ ней съ этимъ привѣтствіемъ, и такъ какъ она никогда не обижалась, то онъ подумалъ, что это слово хорошее. Должно-быть однако этотъ Ерема знаетъ его мамку! А это было-бы хорошо, если-бы попъ взялъ его къ себѣ. Что такое — попъ, онъ правда не зналъ хорошенько; онъ зналъ только, что попы служатъ въ церкви и хорошо живутъ. Это онъ слышалъ отъ мамки. Зналъ также, что они ходятъ въ длинныхъ платьяхъ, потому-что одинъ разъ попъ далъ ему копѣйку.

Послѣ ужина всѣ принялись креститься. Панасъ не зналъ, слѣдуетъ-ли и ему дѣлать это.

— А ты отчего не молишься?—спросила его Марина.

Онъ молчалъ.

— Ты развѣ не умѣешь?

Онъ умѣлъ молиться, но все-таки молчалъ. Онъ уже струсилъ; вообразивъ, что его будутъ бить за то, что онъ не молится.

— Развѣ мамка твоя не молится?

— Нѣтъ, я не видѣлъ!—робко отвѣчалъ Панасъ.

— Я-же говорю, что она шкура!—замѣтилъ Ерема. Онъ надѣлъ кожухъ и шапку и отправился къ попу.

Digitized by Google

Скоро послѣ его ухода въ хату вошли двѣ бабы.

Одна была старуха, съ отвислой кожей на щекахъ, съ большими, точно выкатившимися глазами, полусогнутая и постоянно опиравшаяся на палку. Другая—еще довольно молодая, вертлявая и плотная.

Обѣ онѣ удивились, что видятъ «дьявольское навожденіе» сидящимъ на лавкѣ, а не лежащимъ на печкѣ при послѣднемъ издыханіи. Молодая высказала свое удивленіе звонкимъ, крикливымъ голосомъ, старуха—шепотомъ: у нея совсѣмъ не было голоса, она ужь лѣтъ семь тому назадъ, по ея словамъ, «порвала кишку». Звали ее Литвинкой и считали колдуньей. Страшные глаза ея поддерживали эту репутацію и дѣлали ее пугаломъ.

Какъ только бабы вошли, Еремины дѣти сейчасъ-же спрятались за печку, потому-что ихъ часто, когда они плакали, пугали Литвинкой. Даже Горпина сдѣлала шагъ назадъ. Бабы подробно распрашивали Марину про Панаса и повидимому убѣдились, что Панасъ — настоящій человѣкъ, а не дьявольское навожденіе. Наслушавшись вдоволь, онѣ собрались уходить; тогда молодица какъ-бы мимоходомъ заговорила о событіи на льду.

— А я, какъ осталась тогда простоволосая, такъ и домой дошла! Просто стыдъ и срамъ! Баба идетъ по улицѣ и косы распатланы.

Тогда Марина поняла, зачѣмъ пришли бабы.

Молодица была та самая, которая отдала свой платокъ для откачиванья Панаса. Очевидно онѣ пришли за платкомъ; онѣ боялись, что платокъ пропадетъ. «Эхъ, народъ! — подумала Марина. — То-то жадность!» И она вспомнила, что молодица была женой зажиточнаго мужика, Семена Тонконога, у котораго была даже своя мельница. Когда Марина достала съ печи платокъ и подала ей, она сказала:

— Да нѣтъ, это я не къ тому!..

Но платокъ все-таки взяла и потомъ прибавила на прощанье:

— А попъ непремѣнно возьметъ его!.. У него ужь

Digitized by Google

есть одна сиротка... Сонькой прозывается! Вотъ они и будутъ вмѣстѣ! У попа хлѣба много!

Эти слова крѣпко засѣли въ маленькой головѣ Панаса. Первое — «у попа хлѣба много», второе — «сиротка-Сонька». Ерема вернулся съ доброй вѣстью. Попъ принимаетъ къ себѣ Панаса. Батюшка сказалъ, что онъ не можетъ отказать по долгу христіанина и притомъ пастыря, а матушка—что у нихъ всякому найдется работа и что мальчикъ безъ дѣла сидѣть не будетъ. Эти изреченія тоже нашли себѣ мѣсто въ головѣ Панаса.

Всѣ улеглись спать. Марина на досчатой кровати, рядомъ съ нею Горпина, а около нея—люлька съ грудным ребенкомъ. Ерема, по праву главы, полѣзъ на печку, и Панасъ ему не завидовалъ, потому-что у него до сихъ поръ еще болѣли бока отъ обжоговъ. Дѣтямъ разостлали среди хаты рядно, подъ головы положили Еременъ кожухъ и всѣ они улеглись рядомъ, «по́котомъ». Тутъ-же положили и Панаса.

Панасъ выспался на печкѣ и долго не могъ заснуть. Притомъ-же въ этотъ день онъ вынесъ такъ много новыхъ впечатлѣній. Прежде всего его мысль перенеслась въ трущобу подъ городомъ и дрожь пробѣжала по его маленькому костлявому тѣльцу. Господи, какъ тамъ холодно! И это онъ засыпалъ-бы тамъ голодный, бокъ-о-бокъ съ мамкой, которая ругается и отъ которой несетъ водкой; а можетъ быть еще, какъ разъ въ это время, пришли-бы солдаты, и его прогнали-бы на улицу, и онъ бѣгалъ-бы вокругъ трущобы, дрожа всѣмъ тѣломъ. А что теперь съ мамкой? Гдѣ она? Можетъ быть ее гдѣ-нибудь убили? Ну, что-жь, это можетъ быть, она такая задира, ко всякому лѣзетъ.

Онъ думаетъ это совершенно равнодушно, нисколько не содрогаясь отъ такого печальнаго предположенія. Еще-бы! При мысли о мамкѣ, онъ непремѣнно вспоминаетъ о холодѣ, голодѣ, ругательствахъ и побояхъ. А теперь ему тепло, онъ сытъ, никто не ругаетъ, не бьетъ. А завтра еще къ попу поведутъ его, у попа же много хлѣба. И

Digitized by Google

ему представляется широкій поповскій дворъ, весь заваленный хлѣбомъ. Тутъ и булки, и книши, и бублики, и калачи. Всего вдоволь. «А работа всякому найдется, и мальчикъ безъ дѣла сидѣть не будетъ!»—это сказала матушка. Какая-же работа ожидаетъ его? Онъ рѣшительно не можетъ представить себя за работой. Онъ ничего не умѣетъ. Милостыню просить матушка не пошлетъ его, а больше онъ ни къ чему не пріученъ. А батюшка должно быть святой,—вѣдь онъ постоянно Богу молится. Но что это за особа такая—сиротка-Сонька? Ее вѣроятно нашли гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо на дорогѣ, все равно какъ его въ ополонкѣ. Должно-быть такая-же оборванная, какъ и онъ. А все-же какъ-то страшно ему идти къ батюшкѣ, хотя у него и много хлѣба. Вдругъ заставятъ его Богу молиться, а онъ ни одной молитвы не знаетъ. Должно быть, про эту работу и говорила матушка. Заставятъ по цѣлымъ днямъ Богу молиться. Такъ и есть, онъ напалъ на вѣрную мысль. Они будутъ вмѣстѣ съ Сонькой съ утра до вечера стоять передъ иконами и бить поклоны. Ну, что-жь, это вовсе не трудно, въ особенности если принять во вниманіе, что у батюшки много хлѣба. А вдругъ, откуда ни возьмись, придетъ мамка—пьяная, съ окровавленной мордой, возьметъ его съ собой и пошлетъ клянчить «копѣецку»?! И ему опять сдѣлалось холодно. Какъ-же! Такъ вотъ онъ и пойдетъ. Нѣтъ, онъ къ мамкѣ ни подъ какимъ видомъ не вернется.

Онъ заснулъ съ твердой рѣшимостью приложить стараніе въ битьѣ поклоновъ и никогда не возвращаться къ мамкѣ.

III.

Панасъ представляется своимъ благодѣтелямъ.

— А ты не бойся, дурачекъ! Батюшка добрый! усовѣщевалъ Ерема своего протеже, который по мѣрѣ того, какъ они приближались къ батюшкиному дому, замедлялъ

Digitized by Google

шаги и повидимому норовилъ повернуть назадъ. — Старайся угодить матушкѣ, потому она... съ характеромъ... любитъ порядокъ. А батюшка ничего!

Видно Ерема принялъ большое участіе въ Панасѣ, если сказалъ ему такую длинную рѣчь. Было часовъ семь утра. Зимнее солнце только-что встало и уже обѣщало за день распустить и тотъ скудный снѣгъ, который лежалъ на землѣ и на крышахъ. Утро походило на весеннее и не имѣло въ себѣ ничего декабрьскаго хотя, это было въ декабрѣ, за три дня до Рождества. Они дошли до поповскаго дома. Изъ открытыхъ воротъ съ лаемъ выкатѣло полдюжины огромныхъ собакъ и набросились на фалды Еремина кожуха. Изъ двора выбѣжала дѣвочка лѣтъ десяти и закричала на собакъ. Панасъ подумалъ, что это должно быть Сонька. Какое-же у нея некрасивое лицо! Широкое, съ большимъ носомъ, смуглое. У Горпины лицо гораздо лучше. Они вошли во дворъ. Панасъ увидѣлъ, что дворъ былъ широкій, чистый и вовсе не былъ заваленъ хлѣбомъ, какъ онъ представлялъ вчера. Черезъ дворъ былъ протянутъ канатъ, а на канатѣ цѣпь, на которой бѣгалъ и заливался неистовымъ лаемъ мохнатый песъ. Все это сильно напугало Панаса. Какъ онъ будетъ жить здѣсь, среди этой стаи собакъ, изъ которыхъ каждая больше его? Какъ уйдетъ Ерема, онѣ его разорвутъ. Во дворѣ, у крыльца, стоялъ стулъ, а на стулѣ сидѣлъ батюшка. Было тепло и онъ наслаждался воздухомъ. Батюшка былъ худощавъ и довольно старъ. Длинная борода его была почти бѣлая. Лицо у него было блѣдное, постническое, но доброе и какъ-бы вникающее, вдумчивое. На немъ была черная ряса, на головѣ теплая мѣховая шапка, а въ правой рукѣ тяжелая, толстая палка изъ кипариса. Ерема сейчасъ-же снялъ шапку и подошелъ къ батюшкѣ подъ благословеніе. Панасъ же стоялъ неподвижно. Такъ какъ батюшка размахнулся, чтобъ и его благословить, то произошло маленькое недоразумѣніе.

— Онъ этого не знаетъ! — сказалъ Ерема.

— Подойди, мальчикъ, не бойся, — ласково сказалъ батюшка. Но Панасъ не двигался съ мѣста.

Digitized by Google

Тогда Ерема насильно притащилъ его къ батюшкѣ, и тотъ благословилъ его.

— Такъ тебя зовутъ Аѳанасіемъ? — спросилъ батюшка. Мальчикъ съ недоумѣніемъ раскрылъ глаза. Вовсе его не такъ зовутъ. Такого имени онъ никогда и не слышалъ.

— Панасомъ! — отвѣтилъ онъ.

— Ну, это все равно. Аѳанасій или Панасъ — это все равно. А кто твоя мать?

— Шкура! — отвѣтилъ Панасъ съ большой увѣренностью, полагая, что этимъ онъ даетъ самый точный отвѣтъ.

— Ты очень испорченный мальчикъ! — строго замѣтилъ батюшка. — Развѣ такъ можно говорить про свою мать?

Панасъ былъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ, — что же онъ такое сказалъ? Развѣ не вчера еще Ерема сказалъ то-же самое, да еще два раза: Онъ молчалъ, а на глазахъ у него навернулись слезы.

— Это ничего, ничего! — утѣшилъ его батюшка:— мы тебя исправимъ!... Конечно ты должно быть жилъ въ развратной средѣ, твоя мать, какъ видно, женщина порочная... Здѣсь ты будешь имѣть хорошіе примѣры. Нужно только, чтобы ты самъ захотѣлъ исправиться, потому что въ писаніи сказано: «Безъ меня, Богъ не можетъ спасти меня»...

Ерема сообразилъ, что проповѣдь вѣроятно затянется, а у него дома ждала работа.

— Такъ я уже пойду до дому! — сказалъ онъ, низко кланяясь.

Панасъ возвелъ на него умоляющій взглядъ. Хотя въ Еремѣ не было ничего такого, что особенно привлекало-бы его, но въ его хатѣ онъ провелъ лучшій день въ своей жизни. Ему сдѣлалось страшно съ глазу на глазъ съ батюшкой, который къ тому-же замышлялъ исправить его. Но Ерема не видѣлъ этого взгляда и довольный, что его отпустили, сейчасъ-же ушелъ, отбиваясь отъ поповскихъ собакъ. Батюшка продолжалъ:

Digitized by Google

— Ты сирота, Аѳанасій! Мать твоя покинула тебя, оставила на произволъ судьбы; заботиться о тебѣ некому, кромѣ Бога... Вотъ Онъ, какъ видно, о тебѣ и позаботился; ты не умрешь на улицѣ, а будешь жить у добрыхъ людей. Главное—слушайся старшихъ: никому не говори грубостей... Даже Степку слушайся... Это ничего, что онъ дурачекъ... А ты все-таки его слушайся, потому что въ простыхъ сердцахъ Богъ почиваетъ... «Буія Богъ избралъ, да посрамитъ премудрыя»... Ну чего-же ты плачешь? Кажется я тебя не обижаю!...

Панасъ дѣйствительно плакалъ навзрыдъ, а отчего—этого онъ и самъ не зналъ. Испугали-ль его невѣдомыя ему раньше батюшкины слова, въ которыхъ упоминался какой-то неизвѣстный ему Степка-дурачекъ, или такъ сильно повліялъ на него уходъ Еремы,—но онъ чувствовалъ себя ужасно несчастнымъ. Въ это время Сонька съ бичемъ въ рукѣ погнала черезъ дворъ три пары телятъ. Панасъ подивился, какая она толстомордая, здоровая, цвѣтущая. Должно-быть ей хорошо здѣсь. Это уменьшило его грусть. Послышалось трепетное шуршаніе женскаго платья, звукъ тяжелой поступи—и на порогѣ показалась высокая женщина, гигантскаго сложенія, съ блѣднымъ лицемъ, когда то красивымъ, а теперь морщинистымъ. На ней было простое платье изъ темной фланели, а на головѣ шерстяной платокъ, но Панасъ сейчасъ же догадался, что это не мужичка. Это должно быть матушка.

— Вотъ, душа моя, мальчикъ, котораго вчера вытащили изъ проруби?—обратился батюшка къ ней, и тогда Панасъ окончательно понялъ, что это была матушка.

Матушка пристально оглядѣла его съ ногъ до головы.

— Какой онъ несчастный! Кожа да кости... Сонька!—крикнула она.

Сонька въ одно мгновеніе уже стояла передъ нею, точно изъ земли выросла. Она преглупо смотрѣла прямо въ глаза матушкѣ.

— Тамъ, въ горницѣ, отыщи старые сапоги паныча, а въ маленькой хатѣ виситъ его куртка, знаешь—съ запла-

Digitized by Google

той на рукавѣ... Да еще поищи въ грязномъ бѣльѣ парусиновые штаны; ихъ прежде нужно заштопать. Они правда лѣтніе, да все-же хоть что-нибудь... А то у него вмѣсто штановъ какая-то бахрома... Вишь, отовсюду свѣтится... Да постой еще! Что ты вертишься, словно тебя на колъ посадили?... У него и шапки тоже нѣтъ... Ну, хороша же у тебя мамка! Должно быть таскается съ солдатами, а тебя посылаетъ милостыню канючить!... Вишь, у него и шапка солдатская, вдвое больше его головы!... Отыщи тамъ панычевъ картузъ прошлогодній!... Ну мамка—нечего сказать!... Да и онъ должно быть сокровище! Воровать умѣешь?—заключила матушка, обращаясь уже прямо къ Панасу.

У матушки былъ громкій голосъ, и она не щадила его. Она говорила всегда съ большимъ увлеченіемъ, съ разнообразными интонаціями и въ сильныхъ, мѣткихъ выраженіяхъ. Панасъ былъ совершенно уничтоженъ ея рѣчью. Главное — что она все угадала про мамку: и что она съ солдатами таскается и что посылаетъ его милостыню просить. Грозный образъ матушки, ея могучій голосъ, ея прозорливость—уничтожили его. Онъ не смѣлъ даже плакать. На вопросъ матушки онъ не отвѣтилъ, отвѣтила сама матушка.

— Еще-бы не умѣть! Я думаю—мамка только этимъ и живетъ!

Но это уже обидѣло Панаса. Онъ никогда не замѣчалъ, чтобъ мамка занималась воровствомъ. Съ солдатами таскалась—это такъ, а чтобъ воровать—этого еще не бывало.

— Нѣтъ, мамка не воруетъ!—рѣшился выговорить онъ.

— Ишь ты какой! Да онъ шустрый! Ему пальца въ ротъ не клади!... Только у меня ты посмирнѣешь! — предрекла матушка.

— Видишь, Аѳанасій! — мягко сказалъ батюшка: — ты уже теперь грубо отвѣчаешь матушкѣ! Это нехорошо!...

— Э-эхъ!—вдругъ набросилась матушка на батюшку.—Аѳа-насій... Отъ земли его не видно, а онъ А-ѳа-насій! Еще—чего добраго—Аѳанасій Ивановичъ, или какъ тамъ его станешь звать?... Тебя какъ по отцу-то?

Digitized by Google

— Я не знаю!...

— Ну, такъ и зовись Фанаськой, и все тутъ... Чего тамъ еще аѳанасничать!...

Панасъ готовъ былъ зваться, чѣмъ угодно, хоть барбосомъ, еслибъ того захотѣла матушка, — только-бы его перестали терзать. Въ сущности это было большое терзаніе—стоять передъ матушкой и выслушивать отъ нея презрительныя замѣчанія насчетъ мамки и насчетъ его самого. Положимъ, о мамкѣ онъ не особенно печалился, но надоже правду говорить, она никогда не воровала и его не учила воровать. Его занималъ вопросъ: что-же они съ нимъ въ концѣ концовъ сдѣлаютъ, и когда все это кончится?

А кончилось это такъ. Его отослали въ конюшню, куда Сонька принесла всѣ тѣ предметы, о которыхъ упоминала матушка, кромѣ впрочемъ сапогъ, которые еще не были отысканы. Здѣсь онъ сталъ переодѣваться. Въ конюшнѣ стояла тройка лошадей съ очень довольными мордами и полными боками. Очевидно ихъ кормили хорошо. Здѣсь-же на четырехъ подставкахъ были положены доски, на нихъ разостлана солома, прикрытая рядномъ, а на рядне лежалъ парень въ ситцевой сорочкѣ, босой, съ высоко подкатанными штанинами. У парня была кудрявая голова, повидимому очень мало знакомая съ гребнемъ; эта голова бросалась въ глаза своими малыми размѣрами, въ особенности по сравненію съ головой Еремы. Лицо у парня было сухое, неподвижное, на немъ не было ровно никакого выраженія; сѣрые глаза казались сонными. Парень, увидѣвъ Панаса, ухмыльнулся.

— Это тебя вчера вытащилъ Яшка?—хихикая спросилъ онъ.

— Меня!—отвѣчалъ Панасъ.

— Такъ ты будешь жить тутъ?—продолжалъ парень и опять захихикалъ.

— Буду!

— Ну, ладно! Зададутъ тебѣ перцу!...

Послѣ этой фразы парень залился хохотомъ, но ка-

*

Digitized by Google

кимъ-то тихимъ, прерывистымъ. Панасъ вздрогнулъ отъ этого смѣха. Онъ тутъ-же рѣшилъ, что это безъ сомнѣнія и есть Степка-дурачекъ, о которомъ говорилъ батюшка, и котораго нужно слушаться.

— Какой-же ты однако плохенькій! Ты должно-быть три дня ничего не ѣлъ! — прибавилъ парень уже безъ смѣха, разсмотрѣвъ маленькое, костлявое тѣльце Панаса, когда тотъ снялъ свои рубища, чтобъ надѣть другую одежду. Тутъ парень замѣтилъ еще, что у Панаса совсѣмъ нѣтъ бѣлья и что онъ надѣваетъ куртку на голое тѣло.

Изъ конюшни Панасъ вышелъ совершенно преображеннымъ. Куртка была длинновата, но по крайней мѣрѣ цѣла; штаны отличались весенней легкостью, но сквозь нихъ не «свѣтилось». Гимназическая фуражка была почти по головѣ Панаса. Послѣ переодѣванья его отправили въ кухню завтракать. Кухня помѣщалась отдѣльно отъ «горницъ» и представляла самостоятельную постройку. Здѣсь собралась чрезвычайно разнообразная и нѣсколько странная публика. Предсѣдательницей по старшинству была безъ сомнѣнія почтенная кухарка Маланья, особа лѣтъ пятидесяти, своими размѣрами напоминавшая матушку, но лишенная одного глаза, который сама себѣ выколола въ припадкѣ бѣсованья; она явилась сюда изъ сосѣдней губерніи, и батюшка изгналъ изъ нея лютого бѣса. Съ тѣхъ поръ она перестала бѣситься и только во время новолунія чувствовала какой-то необычайный приливъ энергіи, вслѣдствіе чего ей хотѣлось кого-нибудь побить. Но такъ какъ мужа ея здѣсь не было, то она отъ этого воздерживалась. Въ благодарность за леченіе, она осталась у батюшки кухаркой. Рядомъ съ нею помѣщался Степка, который теперь не хихикалъ, а велъ себя очень солидно, что̀ съ нимъ всегда бывало во время ѣды. Тутъ-же помѣщалась широколицая Сонька. Эта напротивъ въ отсутствіе матушки отличалась чрезвычайно веселымъ нравомъ и вѣчно показывала свои большіе зубы. Очень скромно сидѣли два блѣднолицыхъ субъекта—это больные, пріѣхав-

Digitized by Google

шіе къ батюшкѣ лечиться отъ нечистой болѣзни, которую батюшка съ успѣхомъ изгонялъ. Они привезли батюшкѣ по два мѣшка пшеницы каждый и за это пользовались у него столомъ, а также квартирой въ сараѣ, гдѣ стоялъ экипажъ. Они все время вздыхали и произносили какія-то молитвы. Была тутъ еще Дунька, матушкина горничная, единственная прислуга у батюшки, служившая за плату. Она очень цѣнилась, потому-что умѣла хорошо гладить бѣлье и это обстоятельство давало ей право относиться къ остальной прислугѣ немного свысока. У нея было молодое, цвѣтущее лицо, съ массой веснушекъ, и здоровая, вѣчно колыхавшаяся, грудь. Остальные были безплатны. Кухарка Маланья — изъ благодарности, Сонька—по сиротству, Степка—по глупости, и наконецъ только-что присоединившійся Панасъ—по случаю того, что его вчера вытащили изъ проруби.

Здѣсь Панасъ узналъ много новыхъ для него и отчасти неожиданныхъ вещей. Прежде всего подтвердилось его предположеніе, что батюшка — святой. Это единогласно утверждала вся кухня. Относительно матушки этого никто не рѣшался утверждать. Несмотря на ея высокій санъ, по общему мнѣнію, ей предназначалось угодить въ адъ, а Сонька высказала это даже въ видѣ пожеланія. Всѣ находили, что отъ матушки имъ житья нѣтъ, что она не доставляетъ никому изъ нихъ ни минуты отдыха, а Сонька при этомъ обнажила правое плечо и показала синякъ. А сколько самъ батюшка терпитъ отъ нея, такъ это и разсказать нельзя. Она его грызетъ, а онъ знай себѣ—Богу молится. Кромѣ того она скупа, какъ дьяволъ (почему-то всѣ присутствовавшіе были увѣрены, что дьяволъ скупъ). Вотъ и теперь: — вчера батюшка ходилъ съ молитвой и привезъ домой двѣ повозки всякаго хлѣба, а въ погребѣ стоитъ цѣлая бочка селедокъ. Между тѣмъ они ѣдятъ квашенную капусту съ житними сухарями. Эти отрывочныя свѣдѣнія, сообщенныя Панасу, какъ-бы для перваго знакомства, разумѣется не могли особенно поднять его духъ, но нельзя сказать, чтобы они слишкомъ опечалили его.

Digitized by Google

Право-же все это было гораздо лучше, чѣмъ голодная и холодная жизнь въ трущобѣ съ пьяной мамкой и бѣганье за милостыней.

Тѣмъ не менѣе Панасъ все-таки не узналъ хорошенько, какая предстоитъ ему роль на новомъ мѣстѣ. Впрочемъ это не заставило долго ждать себя.

IV.

Матушка принимается за воспитаніе Панаса.

Вечеромъ того-же дня выяснилось, что Панасъ будетъ спать въ конюшнѣ вмѣстѣ съ Степкой. Оказалось, что это было удобно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что у Степки былъ овчинный кожухъ, подъ которымъ спать было очень тепло; во-вторыхъ потому, что самъ Степка едва успѣвалъ опуститься на доски, какъ уже храпѣлъ богатырскимъ сномъ и всю ночь лежалъ, какъ дубина, не перемѣняя положенія. Панасъ проспалъ эту ночь съ удовольствіемъ, но безъ всякаго удовольствія онъ проснулся, когда услышалъ сильный стукъ въ дверь, запертую извнутри. Сперва ему почудилось, что онъ въ трущобѣ и что Степка—это его мамка, къ которой пришли солдаты. Въ конюшнѣ было такъ-же темно и холодно, какъ и въ трущобѣ, въ особенности явственно онъ почувствовалъ холодъ, когда выскочилъ изъ-подъ теплаго кожуха. Стукъ повторился, но на этотъ разъ сопровождался громкимъ восклицаніемъ:

— Эй, вы! лежебоки! Четвертый часъ! Вставайте!...

Панасъ узналъ голосъ матушки. Тонъ, которымъ были произнесены эти восклицанія, не заключалъ въ себѣ ничего грознаго.

— Я уже всталъ!—несмѣло отвѣтилъ Панасъ.

— Ну, такъ ты за это молодецъ!—похвалила матушка.—И всегда нужно рано вставать! Разбуди-же того дурня!...

Digitized by Google

Панасъ принялся будить дурня, но дурень только мычалъ, не подавая никакой надежды на пробужденіе.

— Ну, что?—спросила матушка за дверью.

— Спитъ!—отвѣтилъ Панасъ.

— А ты его за волосы! Тащи, сколько силы есть! Это ничего! А то онъ будетъ спать до вечера.

Панасъ сильно колебался Ему еще никогда не приходилось таскать за волосы такую почтенную особу, каковъ былъ Степка. Однако, во исполненіе приказанія матушки, онъ ухватилъ Степку за чубъ и началъ тащить къ себѣ съ такой осторожностью, какъ будто желалъ сдѣлать это по секрету отъ Степки. Это подѣйствовало.

— Караулъ! — закричалъ съ просонокъ обладатель кудрей и пустилъ такой потокъ отборныхъ ругательствъ, что Панасъ началъ опасаться за его и свою жизнь въ случаѣ, если услышитъ матушка.

— Тише! матушка здѣсь! — прошепталъ Панасъ, и Степка немедленно смирился и сейчасъ-же отперъ дверь конюшни. Тогда въ конюшню упалъ лучъ свѣта отъ фонаря, при свѣтѣ котораго матушка свершала свою ночную распорядительность; а вмѣстѣ со свѣтомъ въ конюшню ворвался потокъ свѣжаго холода. Кони вздрогнули и подняли уши. Внушительная фигура матушки, съ закутанной въ платокъ головой, съ фонаремъ и ключами въ рукахъ, произвела впечатлѣніе на Степку; онъ принялся почесывать затылокъ съ явнымъ смиреніемъ.

— Тебѣ бы все спать!—нравоучительно обратилась къ нему матушка—А небойсь, и не подумалъ о томъ, что у коней въ ясляхъ нѣтъ ни крохи сѣна!...

— Чего еще имъ! Успѣютъ еще нажраться! У меня у самого еще ни крохи во рту не было!—съ добродушной улыбкой отвѣтилъ Степка.

— Онъ у насъ дурачекъ! — обратилась матушка къ Панасу, указывая на Степку и нисколько не смущаясь его присутствіемъ.—У него не всѣ дома...

Степка нимало не обидѣлся по поводу такой рекомендаціи. Онъ самъ о себѣ былъ совершенно такого-же мнѣнія.

Digitized by Google

— А ты ступай на гороdъ. Тамъ Маланья уже подоила коровъ; такъ ты забери телятъ и отгони ихъ на водопой!—обратилась матушка къ Панасу.—Да смотри у меня—воронъ не считать! Слышишь?

Выраженіе «считать воронъ»—означало у матушки—зѣвать по сторонамъ. Панасъ этого не понялъ и, вообразивъ, что матушка разумѣетъ настоящихъ воронъ, очень удивился,—съ какой стати придетъ въ голову считать воронъ. Ему дали бичъ и поставили его въ аріергардѣ маленькаго стада телятъ. Тутъ оказалось, что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, куда гнать ихъ и гдѣ этотъ самый водопой.

— Ну, я вижу, что съ тебя мало будетъ толку, когда ты этого не знаешь!—рѣшила матушка.—Эй, Сонька! покажи ему, гдѣ водопой.

Изъ комнатъ вышла Сонька, распатланная и заспанная. Одинъ глазъ у нея еще былъ закрытъ и она дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы открыть его.

— Господи! И когда этотъ народъ выспится?... — съ негодованіемъ воскликнула матушка. — Я кажется хозяйка и къ тому еще матушка, а встаю раньше васъ всѣхъ!...

Тутъ матушка забыла про одно обстоятельство — именно, что она позволяла себѣ отдыхать часика два-три послѣ обѣда, чего «этотъ народъ» не могъ дѣлать.

— Покажи ему водопой! Да смотри — не разлягся тамъ гдѣ-нибудь подъ деревомъ.

Въ этомъ случаѣ матушка опять таки не приняла въ разсчетъ, что дѣло происходило въ декабрѣ, когда лежать подъ деревомъ было не такъ-то удобно. Панасъ вмѣстѣ съ Сонькой погналъ телятъ на водопой. Было еще совсѣмъ темно. Ночное небо закуталось въ темносинія облака, надулось и обѣщало быть сердитымъ впродолженіе дня. Сонька спала на ходу, спотыкаясь на каждомъ шагу и рискуя вывихнуть ногу. Панасъ шелъ по ея слѣдамъ, стараясь разглядѣть мѣста, чтобъ въ другой разъ обойтись безъ помощи Соньки. Они дошли до крутого берега. Внизъ

Digitized by Google

къ рѣкѣ вела широкая дорога. Мѣсто показалось Панасу знакомымъ. Телята смѣло бѣжали внизъ. Тогда и имъ пришлось бѣжать и, благодаря этому, Сонька совсѣмъ очнулась.

— Чтобъ ее чертъ подралъ съ ея телятами!—промолвила она.

— Чего ты ругаешься?—спросилъ Панасъ.

— Погоди, ты еще не такъ будешь!... Никогда не дастъ выспаться, вѣдьма долговязая...

— О-го! Какъ ты ее!—удивился Панасъ.

— А то какъ-же?—мрачно продолжала Сонька. — Съ того дня, какъ я живу у нея, я еще ни разу не выспалась!... Вотъ такъ и ходишь все, точно угорѣлая!... И на кой только чертъ она меня взяла!?

— А ты гдѣ была прежде? у мамки?

— Гм! у мамки!... Никакой у меня мамки не было!

— Какъ никакой?—Панасъ совершенно искренно удивился. Онъ понималъ, что можетъ у кого-нибудь не быть батьки, какъ у него напримѣръ, но чтобъ мамки не было,—это ужь какъ-то странно.

— Никакой!—повторила Сонька.—Я жила въ городѣ, въ пріютѣ... Тамъ много дѣтей живетъ. Меня туда подкинули, когда была я еще маленькой. Тамъ все такія. Тамъ я и выросла. А они взяли меня воспитать...

— А развѣ тамъ было лучше?

— Не знаю. Вездѣ скверно, когда нѣтъ ни батьки, ни матери.

— А вотъ у меня есть мамка!... Только она пьяница... Я думаю, что тутъ лучше будетъ!..

Въ это время они уже спустились къ рѣкѣ. Стало свѣтать. Панасъ увидѣлъ себя на томъ мѣстѣ берега, откуда вчера онъ сдѣлалъ первый шагъ на ледъ. Вонъ по срединѣ рѣки та самая прорубь, въ которой онъ болтался. Она стала уже примерзать. На берегу тихо пробивалось множество маленькихъ ключей. Всѣ они легкой кристальной зыбью несли свою прозрачную воду въ рѣку, вслѣдствіе чего нѣкоторая часть рѣки у самаго берега не замерзла.

Digitized by Google

Телята принялись тянуть воду своими мордами. Сонька вздумала «скользаться». Панасъ не могъ этого сдѣлать, потому что у него не было сапогъ, а босыми ногами ходить по льду не очень-то пріятно. Телята уже давно напились. Панасъ кричалъ, что пора домой, но Сонька увлеклась и не высказывала желанія спѣшить. Наконецъ они поднялись на гору.

— Задастъ-же она мнѣ, — совершенно равнодушно сказала Сонька.—Всѣ косы оборветъ!..

— Отчего у тебя такая широкая морда?—вдругъ спросилъ Панасъ.

— Такую Богъ далъ!.. А тебѣ завидно?

Этимъ окончился ихъ разговоръ для перваго знакомства. Сонькѣ дѣйствительно «задали», т. е. просто оттаскали ее за волосы, но она, какъ привычная, вынесла это хладнокровно. Панасу замѣтили, чтобъ онъ въ другой разъ не засиживался.

— Ты ихъ не слушай! Ни Соньки, ни Степки, никого—слышишь? Только меня слушай!

Панасъ сильно затруднялся, какъ съ этимъ приказаніемъ совмѣстить совѣтъ батюшки—слушаться всякаго, даже Степку-дурачка. Ему дали въ руки метлу, и онъ принялся выметать дворъ къ празднику. Тутъ онъ сдѣлалъ еще одно знакомство. Барбосъ, бѣгавшій на цѣпи и все утро ворчавшій на него, вдругъ почуствовалъ къ нему нѣжность и сталъ вилять хвостомъ, выражая тѣмъ свое расположеніе. Успѣлъ-ли онъ приглядѣться къ Панасу, или перемѣнилъ свое отношеніе изъ уваженія къ панычевой куртцѣ, которая была на Панасѣ, это осталось неизвѣстнымъ, но онъ уже больше не ворчалъ на Панаса и съ этихъ поръ у нихъ завязалась трогательная дружба. Матушка возилась на дворѣ съ птицей. Сонька бѣгала, какъ угорѣлая, выполняя ея приказанія, а Панасъ мелъ и мелъ до тѣхъ поръ, пока у него не заболѣла спина. Тогда онъ остановился отдохнуть.

— Эге, хлопче! Этакъ ты за три дня не выметешь! Чего присталъ?—замѣтила ему матушка, которая какимъ-

Digitized by Google

то чудомъ видѣла одновременно все, что дѣлалось въ кухнѣ, на огородѣ, въ конюшнѣ, во дворѣ и даже въ комнатахъ. Панасъ налегъ на метлу. Въ это время во дворъ зашла жена церковнаго старосты — особа низенькаго роста, пожилая, бойкая и имѣвшая видъ человѣка, который любитъ выпить; къ матушкѣ она всегда заходила съ единственною цѣлью — пожаловаться на своего супруга, церковнаго старосту, который не хотѣлъ уступить ей первенства въ дѣлѣ выпивки, и котораго она поэтому называла пьяницей.

— Это тотъ, вчерашній? указала она на Панаса.

— Да, это — Фанаська... Мы его взяли на воспитаніе... Онъ бѣдный сиротка! Надо-же кому-нибудь пригрѣть его! — съ чувствомъ отвѣчала матушка. Панасъ въ это время сильно налегалъ на метлу и дѣйствительно «пригрѣвался», потому-что съ него лилъ потъ. А матушка продолжала:

— Мамка у него развратная, съ солдатами таскается, воруетъ... Ахъ, этихъ женщинъ я бы всѣхъ перевѣшала... Онъ то-же, я думаю, не лучше... Морока съ ними! Только грѣхъ на душу берешь!.. Я бы не взяла, да такъ ужь — для спасенія души собственно... Вотъ и Сонька тоже. Была совсѣмъ почти голая, когда мы ее взяли... По недѣлямъ морды не мыла, вши прямо заѣдали ее, съ голоду опухла... А теперь посмотрите, какъ ее разнесло! Одѣта, обута и сыта, а что съ нея толку? Такъ и норовитъ отвильнуть отъ работы! Отъ этого народа не жди благодарности, нѣтъ!.. Вишь — который уже разъ онъ отдыхаетъ! Метнетъ разъ — и отдыхъ!.. А жрутъ, я вамъ скажу, каждый за троихъ!..

Старостиха, пособолѣзновавъ и пожаловавшись на «своего старика», удалилась, а на смѣну ей явилась супруга главнаго помѣщичьяго прикащика. Эта, по своей дородности, оставляла позади даже матушку. Она была правда не такъ толста — по причинѣ своей молодости (ей было съ небольшимъ тридцать), но у нея зато было много здоровья по той-же причинѣ. Она пришла позаимствовать полъ-десятка сельдей.

Digitized by Google

— Гдѣ это вы взяли такого франта?—спросила она, указывая на Панаса.

— А это сиротка, котораго вытащили вчера изъ проруби!—отвѣтила матушка —У него мамка—мошенница, занимается разбоемъ на большой дорогѣ и развратничаетъ съ цѣлымъ городомъ... А я его пригрѣла... Еслибъ вы видѣли, какимъ онъ пришелъ!.. Какъ есть голымъ... У меня за одну ночь поправился...

Панасъ слышалъ всѣ эти разговоры и мигалъ глазами отъ удивленія. Одна за другой потомъ являлись еще—головиха, супруга фельдшера, супруга младшаго прикащика—и всѣмъ имъ матушка представляла его, рекомендуя его мамку въ самыхъ сильныхъ и неожиданныхъ выраженіяхъ. Ему стало больно отъ этихъ рекомендацій. Съ какой стати всѣ смотрѣли на него, какъ на какого-то маленькаго воришку, когда онъ ничего еще не укралъ? Онъ кончилъ мести дворъ.

— Теперь возьми-ка вотъ эту мокрую тряпку и вытри хорошенько всѣ стекла въ окнахъ! Пріучайся ко всему!—ласково скомандовала матушка, и онъ не отдыхая принялся исполнять новое порученіе.

За вытираніемъ стеколъ послѣдовала чистка экипажа; потомъ мытье тарелокъ, затѣмъ нужно было напоить лошадей и принести имъ сѣна, потому что Степка въ это время былъ занятъ починкой возка. Въ концѣ концовъ Панасъ не замѣтилъ, какъ прошло время до обѣда, и обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, какой видѣлъ вчера у Еремы.

— Ну, что? понравилось?—спросили его на кухнѣ. Онъ промолчалъ. Послѣ обѣда опять закипѣла работа, и замѣчательно, что сама матушка ни на минуту не оставалась безъ дѣла. То возилась съ солеными огурцами, которымъ нужно было сдѣлать новый разсолъ; то лечила курицу отъ постигшаго ее типуна. Въ этотъ день (такъ какъ это было за два дня передъ праздниками) матушка даже не спала послѣ обѣда. Панасъ исполнялъ всѣ ея приказанія, и она одобряла его.

— Съ него будетъ толкъ! Будетъ толкъ!—повторяла

Digitized by Google

она.—Какъ бы только онъ не сталъ воровать по старой привычкѣ...

Послѣ обѣда Панасъ ходилъ уже въ сапогахъ.

На слѣдующій день пришла записка отъ помѣщика. Молодой человѣкъ, катавшійся на коньках (онъ приходился двоюроднымъ братомъ помѣщицѣ), просилъ батюшку прислать къ нему на два часа того оригинальнаго мальчика, котораго вчера вытащили изъ проруби. Матушкѣ это не понравилось. Мальчикъ такъ нуженъ, а они отрываютъ его отъ работы для какихъ-то тамъ глупыхъ затѣй. Однако отказать было нельзя. Батюшка еще на прошлой недѣлѣ выпросилъ у помѣщика стогъ сѣна. Это было-бы съ его стороны крайнею неблагодарностью. Панасъ отправился «въ дворъ».

Помѣщичій домъ находился менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ батюшкинаго.

Онъ состоялъ собственно изъ двухъ домовъ: большого каменнаго о двухъ этажахъ—въ немъ жилъ самъ помѣщикъ съ семействомъ—и маленькаго деревяннаго, стоявшаго особнякомъ. Въ этомъ обиталъ тотъ самый молодой человѣкъ, который носилъ пальто съ шнурами и котораго звали Ѳеденькой. Панаса повели прямо къ нему. Ѳеденька занималъ три небольшія комнатки, уставленныя безпорядочной, разнокалиберной мебелью. Невысокія стѣны были густо увѣшаны картинами безъ рамокъ. Сюжеты картинъ отличались безконечнымъ разнообразіемъ, начиная отъ Самсона, потрясающаго колонны храма, и кончая собирающейся купаться женщиной, въ самой откровенной позѣ. На окнѣ валялись кисти и краски; среди комнаты стоялъ мольбертъ, а на немъ полотно съ начатой работой. Панасъ съ изумленіемъ и крайнимъ любопытствомъ разсматривалъ жилище Ѳеденьки, а Ѳеденька въ свою очередь вытаращилъ на его глаза.

— Какъ? Это ты?—воскликнулъ онъ.

— Я!—отвѣтилъ Панасъ, не понимая, почему могло возникнуть сомнѣніе въ его личности. Художникъ Ѳеденька сидѣлъ въ мягкомъ, помѣстительномъ креслѣ, закинувъ

Digitized by Google

ногу на ногу и посасывая сигару. На немъ была коротенькая куртка съ зелеными отворотами и съ шнурами на груди; очевидно онъ былъ особенно пристрастенъ къ шнурамъ, потому что всѣ его сюртуки, кромѣ фрачной пары, были снабжены ими. Куртка была сильно измазана красками разныхъ цвѣтовъ.

— То есть кто-же это ты?—продолжалъ допытываться Ѳеденька.

— Я? Панасъ!..

— Гм!.. Что-жь я съ тобой стану дѣлать? Мнѣ съ тобой нечего дѣлать, мой милый!..

Панасъ ровно ничего не понималъ. Зачѣмъ это съ нимъ необходимо было что-нибудь дѣлать?

— Развѣ ты тотъ самый мальчикъ, котораго вытащили...

— Изъ ополонки!—докончилъ Панасъ.

Ѳеденька изумился.

— Но тогда ты былъ совсѣмъ другой!.. Ты былъ нищій, я именно хотѣлъ списать съ тебя маленькаго нищаго... Это тебя матушка переодѣла... Ахъ, досадная дама, эта матушка!.. Ты поди попроси ее, чтобъ тебя одѣли во вчерашнее платье, и тогда приходи!.. Слышишь?

Панасъ разумѣется слышалъ, но все-таки не могъ понять, что хочетъ сдѣлать съ нимъ этотъ красивый баринъ. Что такое «списать»? Вчера онъ видѣлъ, какъ этотъ баринъ писалъ по льду ногами какія-то слова, которыхъ онъ за неграмотностью не разобралъ. Но это совсѣмъ не то. Притомъ же у него не было ни малѣйшаго желанія опять наряжаться въ рубища. Но дѣлать было нечего; онъ пошелъ домой и изъяснилъ матушкѣ суть дѣла. Изъясненіе это было таково, что матушка ровно ничего не поняла. Во всякомъ случаѣ она еще больше утвердилась въ мысли, что Панаса отрываютъ отъ дѣла для какихъ-то пустяковъ. Когда же Панасъ упомянулъ слово «списать», то матушка догадалась въ чемъ дѣло и, скрѣпя сердце, принялась собственноручно наряжать Панаса. Ей очень хотѣлось угодить помѣщику, поэтому она не ограничилась

Digitized by Google

простымъ переодѣваньемъ, а пустила въ ходъ свою собственную фантазію. Она повыдернула изъ куртки старую вату, которая вслѣдствіе этого живописно торчала въ разныя стороны; старые штаны Панаса она привела въ такое состояніе, что на нихъ трудно было найти такое мѣсто, гдѣ бы не «свѣтилось» (по выраженію матушки); ноги Панаса она обернула тряпками, предварительно испачкавъ ихъ грязью, густые, жесткіе волосы его она привела въ крайній безпорядокъ и надѣла ему солдатскую шапку совсѣмъ на затылокъ.

— Ну, теперь, я думаю, останутся довольны!—сказала она, любуясь своимъ искуствомъ.—И вотъ люди, съ жиру да съ гульбы не знаютъ, за что ухватиться!.. Малюютъ!.. Эхъ!..

Панасъ опять отправился на барскій дворъ. На этотъ разъ онъ сильно вздрагивалъ и зубы его стучали, потому что просвѣчиванье штановъ и всего прочаго было доведено до крайней степени искуства и ему было такъ холодно, какъ будто онъ выбѣжалъ на улицу совсѣмъ голый.

— А! это другое дѣло!—весело встрѣтилъ его Ѳеденька.—Ну, теперь ты настоящій... Хе, хе! Да это—прелесть, что такое! Это—настоящій типъ! Прелесть, прелесть! Молодецъ ты, братъ! Mesdames, mesdames! Зайдите на минутку! Полюбуйтесь! Вотъ такъ типъ!..

Онъ постучалъ въ окно и въ комнату вошли тѣ самыя дамы, что были на льду. Панасъ при видѣ дамъ сконфузился и неловко осматривалъ свой прозрачный туалетъ.

— Ахъ, какая прелесть! Какъ онъ типиченъ! Роскошь, роскошь! — воскликнули дамы. Панасъ недоумѣвалъ,—за что онѣ хвалятъ его? Что за чудной народъ! Да онѣ кажется всѣ сумашедшіе. Хвалятъ его за то, что у него штаны просвѣчиваютъ!.. И еще барыни!

Когда дамы ушли, Ѳеденька усадилъ Панаса на полъ, по-турецки, и заставилъ его протянуть руку такъ, какъ будто онъ проситъ милостыню; кромѣ того ему было приказано скорчить самую жалкую мину. Панасъ все это сдѣлалъ по мѣрѣ силъ своихъ и въ это время думалъ: «а

Digitized by Google

ей Богу, этотъ баринъ сумасшедшій!» Затѣмъ Ѳеденька принялся осматривать его съ различныхъ точекъ зрѣнія и подъ различными углами. Онъ часто подходилъ къ Панасу, то подымалъ его руку, то опускалъ голову, то самъ корчилъ рожу, приглашая и Панаса сдѣлать такую же, причемъ Панасъ, по неопытности, дѣлалъ какъ разъ наоборотъ. Наконецъ Ѳеденька пригласилъ его сидѣть смирно и принялся за карандашъ. Что онъ тамъ рисовалъ—этого Панасъ не видѣлъ, а только ему ужасно надоѣло сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ и въ одной, притомъ самой ненавистной для него позѣ. Протянутая рука обомлѣла и упала на полъ. Ѳеденька наконецъ самъ усталъ и послѣ трехъ-часовой мазни отпустилъ Панаса домой.

— Скажи матушкѣ, что я очень ей благодаренъ и что я еще пришлю за тобой!—сказалъ на прощанье Ѳеденька.

Панасъ бѣгомъ пустился домой. Увы! Несмотря на честь, которую ему сдѣлали, избравъ его натурщикомъ, онъ вовсе не считалъ себя счастливымъ. Во-первыхъ ему было очень холодно; даже въ мамкиной трущобѣ онъ не испытывалъ такого холода, потому что тогда онъ не вкусилъ еще кухоннаго тепла и теплой панычевой куртки, а также Степкина кожуха; а во-вторыхъ, благодаря этой чести, ему предстояло частенько наряжаться въ старыя рубища.

Въ этотъ день Панасъ былъ героемъ на кухнѣ. Его десять разъ заставляли разсказывать, какъ его рисовалъ молодой баринъ. Нѣкоторые рѣшительно завидовали ему и выражали съ своей стороны желаніе быть срисованными. Степка же напротивъ заявилъ, что еслибъ ему отрѣзали даже руку, онъ все-таки ни за что не позволилъ бы рисовать себя, потому что—это грѣхъ.

V.

Панасъ оказывается совершенной бездарностью.

Положеніе Панаса въ батюшкиномъ домѣ постепенно опредѣлялось. Сначала его хотѣли прикомандировать

Digitized by Google

спеціально къ кухнѣ, причемъ на обязанности его лежало приносить съ горóда и подкладывать въ печь солому, ловить куръ и гусей, предназначенныхъ къ жаркому, мести кухню, выносить золу и помои, но у Панаса не оказалось таланта для этой спеціальности. Такъ по крайней мѣрѣ объясняла матушка на томъ основаніи, что Панасъ однажды выронилъ золу и разсыпалъ ее среди кухни. Въ сущности же матушка просто сообразила, что имѣя такого шустраго помощника, какъ Панасъ, Маланья избалуется и перестанетъ выполнять свои обязанности. Тогда его прикомандировали къ Степкѣ, но и тутъ Панасъ оказался бездарностью, потому что Степка взвалилъ на него свою работу, а самъ заваливался спать и ночью, и днемъ. Тогда было рѣшено, что у Панаса не будетъ никакой спеціальности. Но зато уже трудно было назвать такое дѣло въ хозяйствѣ матушки, въ которомъ не участвовалъ бы Панасъ. Спѣшная ли работа въ кухнѣ —Панасъ тамъ вертится и какъ угорѣлый мчится изъ кухни въ погребъ, изъ погреба въ ледникъ, на горóдъ, въ комнаты и тащитъ солому, муку, ледъ, все, что въ данный моментъ нужно въ кухнѣ. Случится ли такъ, что Степку куда нибудь ушлютъ, а тутъ вдругъ у батюшки треба,—Панасъ, кряхтя и потѣя, выкатываетъ бричку и закладываетъ коня. Онъ еле подымаетъ дугу и не можетъ достать рукой до лошадиной морды, чтобы зануздать ее,—это ничего: онъ подставляетъ скамейку и при помощи ея выполняетъ всѣ функціи кучера, и ѣдетъ съ батюшкой на требу. Была у него одна своеобразная спеціальность. Уже никто въ батюшкиномъ домѣ не осмѣливался рѣзать куръ и всякую птицу. У Панаса была хорошая рука; подъ его ножемъ птица немедленно издыхала, тогда какъ у другихъ она еще долго мучилась послѣ смертоносной операціи. Онъ не извѣдалъ еще одной только работы. Никогда не удавалось ему состоять при Дунькѣ и убирать горницы, а ему очень хотѣлось. Особенно интересовался онъ батюшкинымъ кабинетомъ, какъ мѣстомъ, гдѣ онъ молится. Но это было еще впереди.

Digitized by Google

Мало-по-малу Панасъ сталъ забывать о мамкиной трущобѣ, и мысль, что онъ можетъ опять туда вернуться, казалась ему дикой, неосуществимой. Онъ поправился и раздобрѣлъ и, хотя не пріобрѣлъ такой широкой морды, какъ у Соньки, тѣмъ не менѣе смотрѣлъ здоровымъ малымъ. Помѣщикъ остался очень недоволенъ наружностью Панаса, когда пригласилъ его на второй сеансъ. Хотя матушка опять нарядила своего питомца самымъ «художественнымъ» образомъ, но «типъ» тѣмъ не менѣе много терялъ, вслѣдствіе отсутствія прежней худобы. Матушка была повидимому очень довольна Панасомъ. Она почти не подвергала его наказаніямъ, если не считать двухъ-трехъ случаевъ, когда у него ухо оказалось въ крови. Принимая во вниманіе тѣ способы, которыми матушка наставляла на путь истины Соньку, Панасъ ставилъ ни во что эти два-три случая. Сонька вѣчно ходила съ заплаканными глазами, и это происходило отъ того, что она, по своимъ обязанностямъ, постоянно вертѣлась «въ горницахъ» и такимъ образомъ слишкомъ часто попадалась на глаза матушкѣ.

Матушка принадлежала къ почтенному роду людей, у которыхъ при видѣ человѣка босого, или несущаго метлу въ рукахъ, или вообще выполняющаго черную работу—начинаютъ чесаться руки. Въ село Панычево она переселилась съ батюшкой въ дни своей молодости, когда панычевцы были еще крѣпостными людьми помѣщика Гуляева. Покойный Гуляевъ былъ человѣкъ набожный и оказывалъ почетъ духовнымъ особамъ. Онъ не могъ придумать большаго одолженія для батюшки, какъ отдать въ его пожизненное распоряженіе четыре души—двѣ мужскихъ и столько-же женскихъ. Эти четыре души несли на плечахъ своихъ все матушкино хозяйство. Матушка, несмотря на то, что не была столбовой дворянкой, а лишь дочерью деревенскаго дьякона, умѣла обращаться съ злополучными «душами» такъ, какъ-будто она была кровная помѣщица. Съ утра до вечера грозныя приказанія перемѣшивались съ тумаками и пощечинами; «души» работали

Digitized by Google

и выли, ругались и молились. Напрасно батюшка, знавшій наизустъ половину писанія, всякій разъ увѣщевалъ ее, приводя разные, подходящіе къ случаю, тексты,—матушка не могла уняться, потому что у нея расходилась рука. И такъ мучились злосчастныя «души», какъ-будто онѣ обрѣтались въ чистилищѣ для искупленія своихъ великихъ грѣховъ. Но вдругъ объявили волю, и матушка осталась въ самомъ безвыходномъ положеніи. «Души» первымъ дѣломъ разбѣжались. Напрасно матушка сейчасъ-же предложила имъ жалованье, стала называть ихъ «вы», и, вмѣсто презрительныхъ «Сашка», «Машка», величественно произносила «Александръ», «Марія». Тогда матушка претерпѣла много мукъ. Пришлось нанимать городскую прислугу и обращаться съ нею мягко, почтительно. А у нея между тѣмъ руки неистово чесались, и подчасъ она чувствовала такую-же потребность дать кому-нибудь пощечину, какъ потребность—каждый день обѣдать. Тогда она ловила на мѣстѣ какого-нибудь сомнительнаго преступленія дворовую собаку и отпускала ей ударъ,—послѣ чего чувствовала облегченіе. Но такъ не могло тянуться долго. Матушка болѣла и разстраивала свои нервы, благодаря невозможности удовлетворять своимъ старымъ привычкамъ, да и кромѣ того ее просто тошнило при видѣ этой нѣженки—городской прислуги, за которою нужно ухаживать больше, чѣмъ она ухаживаетъ за матушкой. Жажда неограниченной власти искала выхода и наконецъ къ величайшему благополучію матушки нашла его. Матушка вдругъ возгорѣлась человѣколюбивыми чувствами. Она вспомнила о долгѣ истинной христіанки и придумала взять къ себѣ сиротку для воспитанія. Батюшка искренно обрадовался возможности совершить доброе дѣло и безпрекословно согласился. Результатомъ этого было появленіе въ батюшкиномъ домѣ маленькой Соньки, воспитаніемъ которой матушка энергично занялась по-своему. То-же сознаніе христіанскаго долга заставило матушку взять къ себѣ Степку, котораго вся деревня, въ томъ числѣ и матушка, считала дурачкомъ. Наконецъ къ

*

Digitized by Google

этимъ «сироткамъ» присоединился Панасъ, что для матушки представлялось новымъ шансомъ заслужить райское блаженство.

Изъ всѣхъ этихъ счастливцевъ Панасъ болѣе всѣхъ прочихъ радовалъ матушку. Онъ оказался вполнѣ воспріимчивымъ къ тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя матушка внушала своимъ питомцамъ. Шустрый и подвижной по природѣ, онъ плохо чувствовалъ себя, когда ему приходилось сидѣть безъ дѣла. Впрочемъ это случалось очень рѣдко, потому что дѣла всегда было довольно. Послѣ того какъ его признали неспособнымъ къ какой-нибудь опредѣленной спеціальности, онъ оказался совершенно пригоднымъ для всѣхъ спеціальностей одновременно.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Панасъ обрѣтался на воспитаніи у матушки,—а онъ уже сдѣлался необходимымъ. Въ особенности это обнаружилось съ того времени, какъ началась весна и домашняя птица занялась продолженіемъ своего рода. Матушка никогда еще не собирала такъ много яицъ, какъ въ этомъ году,—и причиной тому былъ Панасъ. У него была какая-то особенная способность сыщика по птичьимъ дѣламъ, и онъ доставалъ яйца изъ такихъ потайныхъ мѣстъ, куда даже зоркій глазъ матушки ни разу не проникалъ. Хитрыя куры, не желая рисковать своимъ потомствомъ (въ томъ смыслѣ, что оно прежде появленія на свѣтъ пойдетъ на яичницу), вырывали ямки среди густого колючаго бурьяна, прятались въ глубь скирды сѣна, забирались на чердакъ—и тамъ вели уединенную семейную жизнь, несли яйца и собирались тайкомъ высиживать цыплятъ, увѣренныя, что перехитрили матушку. Но Панасъ проникалъ во всѣ эти потайныя мѣста, накрывалъ злонамѣренную курицу на мѣстѣ преступленія, отбиралъ у нея яйца и торжественно несъ ихъ къ матушкѣ въ погребъ; виновную-же наказывалъ, обливая ее холодной водой, что для нея представлялось не только адской мукой, но и оскорбленіемъ. Вообще по птичьему дѣлу у него былъ особенный талантъ,

Digitized by Google

поэтому ему почти безконтрольно былъ порученъ надзоръ за птицей. Но такое пустое занятіе не могло конечно считаться спеціальностью, поэтому оно не лишало Панаса удовольствія помогать на кухнѣ, возиться съ лошадьми, телятами, коровами и пр., и пр.

Матушка очень боялась, чтобъ Панасъ не зазнался, и поэтому не только никогда не хвалила его, а напротивъ отъ времени до времени находила поводы обличить его въ какой-нибудь неисправности и оттянуть ему ухо или чубъ — въ видахъ благодѣтельнаго поощренія къ дальнѣйшему усовершенствованію, думая въ то-же время про-себя: «изъ него выйдетъ золотой работникъ, ежели не изворуется». А что онъ долженъ извороваться—это матушкѣ казалось неизбѣжнымъ.

Къ началу весны Панасъ отлично познакомился какъ съ мѣстностью, такъ и съ обывателями села Панычева. Его часто посылали на деревню—въ кабакъ-ли за водкой, или въ лавку за гвоздями. Тогда онъ не пропускалъ случая завернуть къ Еремѣ. Что-то тянуло его туда. Вѣроятно это было воспоминаніе о единственномъ днѣ его жизни, который онъ провелъ вполнѣ спокойно, въ теплѣ, среди добрыхъ людей, ни о чемъ не заботясь. Онъ рѣдко заставалъ дома Ерему и Марину. Зато Горпина всегда была дома и возилась съ дѣтьми. Она сильно подросла за эти мѣсяцы, лицо ея вытянулось и изъ круглаго превратилось въ продолговатое. Панасу она бывала рада и принимала его какъ настоящая хозяйка. Жаль только, что ему нельзя было засиживаться, потому-что это противорѣчило-бы тѣмъ нравственнымъ правиламъ, которыя внушала ему матушка. А то они затѣяли-бы игры «въ бабки», либо строили-бы хаты изъ песку и грязи, и Панасъ съ удовольствіемъ просиживалъ-бы тамъ цѣлые дни. Хата Еремы представляла для него нѣчто въ родѣ дома родственниковъ, куда изрѣдка отпускаютъ благонравныхъ школьниковъ.

Разъ какъ-то, когда Панасъ шелъ по селу съ пустою бутылью подъ мышкой, направляясь къ кабаку, по до-

Digitized by Google

рогѣ ему встрѣтился парень, лицо котораго было ему совсѣмъ незнакомо, а между тѣмъ парень пристально смотрѣлъ на него.

— Ишь, собачья дытына!—промолвилъ парень.—И не признается! Какъ попалъ на поповскіе хлѣба, да разжирѣлъ, такъ и смотритъ въ сторону. Кабы я это зналъ...

— Да я васъ и не знаю!

— Ты развѣ забылъ, какъ барахтался въ ополонкѣ? А?

— Не забылъ!

— Ну, а знаешь ты, что не будь тамъ Яшки Моргуна, то можетъ ты и по сей день барахтался бы?

Панасъ согласился съ этимъ, но все-таки не понималъ, чего собственно добивается отъ него парень.

— Да я-жь и есть тотъ самый Яшка Моргунъ!...

— Ну!?

Панасъ сконфузился. Въ самомъ дѣлѣ—какая это съ его стороны неблагодарность! Но вѣдь онъ тогда ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— И то правда!—сообразилъ наконецъ Моргунъ.—Я и позабылъ, что ты тогда былъ все равно какъ мертвый!... Ну, такъ знай-же, что я тебя спасъ!

Панасъ обѣщалъ, что отнынѣ онъ будетъ знать это.

— А вотъ гляди—это хата моего батьки, тутъ и я живу... Ты заходи когда-нибудь—прибавилъ парень.

Въ это время къ нимъ присоединилось нѣсколько парней.

— Эге! Да это тотъ самый поросенокъ, который тогда чуть было не нырнулъ на тотъ свѣтъ! — восклицали парни.

Мало-по-малу вокругъ Панаса собралась изрядная кучка народа. Тутъ были и парни, и бабы, и старики, и дѣвки. Всѣ съ любопытствомъ осматривали его костюмъ. Въ особенности была почтена вниманіемъ гимназическая фуражка. Всѣ находили, что Панасъ поправился и немножко выросъ. Многіе старались опредѣлить, сколько ему лѣтъ. По росту ему давали около девяти, но проницатель-

Digitized by Google

ныя бабы читали на лицѣ его много опыта житейскаго и увѣряли, что ему не меньше двѣнадцати. Панасъ, окруженный толпой, нисколько не смутился. Онъ уже давно пересталъ робѣть и былъ напротивъ очень развязанъ. Его спрашивали, какъ ему живется у матушки, Онъ совершенно просто отвѣчалъ, что матушка больно прижимаетъ, а батюшка—святой.

— Ишь какъ разсуждаетъ! точно большой! а?!— говорили бабы.—А какое было тогда несчастное! Кажется ногтемъ раздавила бы, а теперь—поди-ка, поговори съ нимъ?...

Однажды, когда батюшка съ матушкой пили вечерній чай, поставивъ столъ среди двора, Панасу случайно удалось подслушать ихъ разговоръ. Надо сказать правду, что Панасъ, несмотря на строгіе принципы, постоянно внушаемые ему матушкой, услышавъ двѣ-три фразы, даже не подумалъ уклониться отъ столь предосудительнаго поступка, какъ подслушиваніе. Напротивъ онъ приставилъ руку къ лѣвому уху, чтобъ не проронить ни одного слова. Въ извиненіе ему можно сказать, что разговоръ отчасти касался его.

— А знаешь, душа моя! — говорилъ батюшка матушкѣ.—Это хорошо, что мы взяли Панаса... Вотъ скоро пріѣдетъ на каникулы Алеша... Все-же ему будетъ веселѣй съ этимъ мальчикомъ!

— Ну, ужь это ты извини, отецъ Макарій—отвѣтила матушка.—Фанаську отрывать отъ дѣла я не очень-то охоча! Слава Тебѣ, Господи, работы полонъ ротъ! А безъ него—знаешь—я какъ безъ рукъ.

Это выраженіе очень понравилось Панасу. Его живое воображеніе сейчасъ-же нарисовало матушку, у которой съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто рукъ, виситъ по Панасу. Онъ даже тихонько разсмѣялся.

— Ну, все-же иногда... отчего мальчику и не побаловаться!—Батюшка очевидно смягчилъ свои требованія.

— То-то побаловаться! А ты не боишься, что этотъ мальчуганъ дурно повліяетъ на Алешу? Развѣ ты не зна-

Digitized by Google

ешь, гдѣ онъ выросъ и какіе примѣры онъ видѣлъ! Вѣдь это здѣсь ему негдѣ развернуться... А то бы онъ показалъ себя!... Нѣтъ, отецъ Макарій, тутъ нужно смотрѣть въ оба!... А когда ты посылаешь за Алешей?

— Да думаю—на той недѣлѣ...

Тутъ Панаса окликнулъ Степка, и онъ долженъ былъ отказать себѣ въ наслажденіи дослушать разговоръ. Но онъ узналъ самое существенное—скоро пріѣдетъ поповичъ, и можетъ быть позволятъ иногда гулять съ поповичемъ. Остальное не было для него новостью, такъ какъ матушка частенько напоминала ему о развратной средѣ, въ которой онъ выросъ.

VI.

Новый кругъ обязанностей.

Поповичъ пріѣхалъ. Это былъ бойкій, подвижной мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати, по имени Алеша, въ изящно скроенномъ мундирѣ, въ новой кепи, которую надѣвалъ нѣсколько на-бокъ, какъ истый франтъ, знающій, чѣмъ можно прельстить женское сердце. У него была недурная наружность. Умные, быстрые глазенки темнаго цвѣта выдавали зародыши сообразительности и дѣтскаго лукавства. Значительно подрѣзанные волосы (о чемъ онъ много скорбѣлъ) онъ ухитрялся зачесывать вверхъ («противъ шерсти»—говорила матушка), что придавало ему воинственный видъ. Вообще всѣмъ своимъ видомъ онъ выдавалъ сокровенное желаніе—казаться по крайней мѣрѣ на три года старше самого себя.

Ему устроили довольно торжественную встрѣчу. Не говоря уже о томъ, что его очень любили, какъ надежду семьи, тутъ немаловажную роль играло еще то обстоятельство, что онъ первый разъ въ жизни умудрился перейти въ слѣдующій классъ, просидѣвъ въ предыдущемъ не два года, какъ это всегда дѣлалъ, а только одинъ. Такое небывалое усердіе въ наукахъ глубоко тро-

Digitized by Google

нуло родительскія сердца—отца Макарія и матушки. Батюшка встрѣтилъ его въ атласной рясѣ, а матушка въ свѣтломъ платьѣ (что было ей даже не по лѣтамъ), точь-въ-точь какъ встрѣчаютъ архіерея. Когда бричка, привезшая поповича, вкатилась во дворъ, всѣ наличные обыватели батюшкина дома выбѣжали изъ своихъ мѣстъ и занялись разсматриваньемъ поповича. Нѣкоторые видѣли его только въ первый разъ, какъ напримѣръ Маланья, и имъ другіе объясняли, что когда-то поповичъ былъ «вотъ такимъ» (показывали нѣсколько вершковъ отъ земли) и они его тогда знали, а теперь онъ сдѣлался «вонъ какимъ». Тѣ удивлялись, какъ-будто у нихъ существовало убѣжденіе, что поповичи рождаются на свѣтъ въ аршинъ ростомъ, въ гимназическихъ мундирахъ и кепи.

Прежде всего разумѣется его угостили жареной поросятиной, которая была собственно для него заготовлена. Потомъ батюшка принялся извлекать изъ него городскія новости, преимущественно распрашивая о томъ, какъ служитъ въ церкви новый архіерей и что о немъ говорятъ, строгъ онъ или мягокъ. Алеша однако отвѣчалъ разсѣянно. Его тянуло во дворъ, гдѣ въ это время ярко свѣтило лѣтнее солнце; хотѣлось бѣжать въ помѣщичій садъ, гдѣ пахнетъ зеленью и поспѣвающей грушей. Ему также очень хотѣлось познакомиться съ Панасомъ, о которомъ ему разсказалъ Степка дорогой. Поэтому онъ то-и-дѣло заглядывалъ въ окно. Наконецъ онъ вырвался и сейчасъ же побѣжалъ въ конюшню. Лошади были его страстью,—онъ хотѣлъ поздороваться съ ними. Въ конюшнѣ возился Панасъ. Поповичъ слегка разсмотрѣлъ его.

— Ты Фанаська?—спросилъ онъ прямо.

Панасъ не отрицалъ этого. Поповичъ въ это время гладилъ рукой лошадиныя морды.

— Побѣжимъ въ садъ!—предложилъ онъ.

— А матушка!...—несмѣло возразилъ Панасъ, которому давно хотѣлось побывать въ саду.

— О, это ничего! Положись на меня!—авторитетно сказалъ поповичъ.

Digitized by Google

Панасъ больше не пытался возражать. Они стрѣлой вылетѣли изъ конюшни, пробѣжали черезъ дворъ и помчались по направленію къ помѣщичьему саду.

— Фанаська! Фанаська! Ты куда? Вернись! Надо коней напоить!—кричала черезъ окно матушка, видѣвшая ихъ бѣгство. Панасъ невольно остановился. Но это было одно только мгновеніе.

— Не оборачивайся, будто не слышишь!—тихо сказалъ ему поповичъ, и Панасъ уже больше не останавливался.

Когда прибѣжали въ садъ,—поповичъ убѣдился, что нашелъ въ Панасѣ превеселаго товарища. Панасъ за все пребываніе у матушки впервые почувствовалъ себя свободнымъ. У него на рукахъ не было никакого дѣла. Имъ овладѣлъ такой неистовый восторгъ, что онъ просто не находилъ себѣ мѣста. Онъ прыгалъ какъ дикая коза, кричалъ, свисталъ; говорилъ какія-то ничего не означающія слова, которыя казались ему смѣшными, въ родѣ «барлыбалды», и по поводу этихъ словъ хохоталъ доупаду. Съ ловкостью обезьяны онъ карабкался на деревья, срывалъ плоды, пряталъ въ карманы и за пазуху, что не успѣвалъ съѣсть. Плоды были далеко не зрѣлы, тѣмъ не менѣе онъ ѣлъ ихъ не только съ апетитомъ, но даже съ жадностью. Поповичъ, обрадовавшійся и деревнѣ, и дому, и садовой зелени, нисколько не отставалъ отъ него и съ такимъ-же рвеніемъ наполнялъ свой желудокъ всякой дрянью. Словомъ первый день знакомства поповича съ Панасомъ былъ чуть-ли не самымъ веселымъ днемъ въ жизни ихъ обоихъ. Панасъ разсказалъ поповичу, какъ его вытащили изъ проруби, отрекомендовалъ свою мамку и приходившихъ къ ней солдатъ. Поповичъ съ своей стороны растолковалъ Панасу, что такое гимназія. На основаніи этого толкованія Панасъ рѣшилъ, что поповичъ—самый несчастный человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ. Дальше поповичъ изобразилъ, какую рожу корчитъ учитель латинскаго азыка, когда входитъ въ классъ; какъ заикается учитель ариѳметики, когда начнетъ сердиться, и. т. д. Все это было изображено съ несо-

Digitized by Google

мнѣннымъ талантомъ, и Панасъ хохоталъ отъ души, позабывъ и о матушкѣ, и о лошадяхъ и курахъ. Онъ скорчилъ очень печальное лицо, когда поповичъ объявилъ, что ему хочется ѣсть и что потому пора вернуться домой. Панасу вовсе не хотѣлось ѣсть. То-есть можетъ быть и хотѣлось, но онъ былъ въ такомъ восторгѣ, что не замѣчалъ этого. Очевидно онъ былъ крайній идеалистъ. Когда они вернулись домой, матушка, къ большому изумленію Панаса, очень мало сердилась на него и даже не прикоснулась къ его ушамъ и чубу. Она только сказала, что не слѣдовало такъ засиживаться. Это было сдѣлано во вниманіе къ тому, что поповичъ перешелъ въ высшій классъ, а можетъ быть причина заключалась въ томъ, что по случаю пріѣзда Алеши родительское сердце матушки размягчилось. Въ самомъ дѣлѣ даже Сонька, которая, какъ всѣ были увѣрены, создана для того, чтобъ матушка могла чесать объ нее свои руки,—даже она въ этотъ день получила только одно поощреніе въ затылокъ и совсѣмъ не плакала. Однако Панасъ убѣдился, что вся работа, которая въ этотъ день выпадала на его долю, такъ и осталась за нимъ: кони не были напоены; телята торчали въ загонѣ и ждали, пока жестокосердый Панасъ отгонитъ ихъ «въ череду»; амбары не заперты; словомъ—у него еще было довольно работы. Въ этотъ день онъ копался до полуночи и только тогда, совершивъ все, что отъ него требовалось, легъ спать и въ ту-же минуту захрапѣлъ, какъ самый отъявленный счастливецъ.

На другой день произошло очень странное совпаданіе обстоятельствъ. Поповичъ объявилъ, что онъ не можетъ встать съ постели. Когда-же стали будить Панаса, то онъ началъ стонать и объявилъ то-же самое. Тщательное изслѣдованіе показало, что оба они страдаютъ сильнымъ разстройствомъ желудковъ, что произошло вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія незрѣлыхъ плодовъ. Имъ дали по пріему слабительнаго, и это общее несчастіе, какъ всегда бываетъ, уже совсѣмъ сблизило ихъ, несмотря на неравенство ихъ общественнаго положенія. Къ вечеру они уже

Digitized by Google

взлѣзли на скирду сѣна и тамъ старались привести все въ крайній безпорядокъ. Въ этотъ день Панасъ, по случаю лестнаго для него сходства болѣзни съ болѣзнью поповича, былъ даже освобожденъ отъ работы.

Какъ ни радостенъ для Панаса былъ пріѣздъ поповича, тѣмъ не менѣе тягота, которую онъ несъ на своихъ плечахъ, нисколько не уменьшалась. Матушка никакъ не могла допустить нарушенія разъ установленныхъ правилъ. Отъ этого пострадалъ-бы порядокъ въ хозяйствѣ. Поэтому Панасъ подымался теперь гораздо раньше солнца, несмотря на то, что лѣтнее солнце на югѣ отличается крайней дѣловитостью и подымается не позже четырехъ часовъ. Поповичъ просыпался часовъ въ десять, когда Панасъ уже удовлетворилъ и телятъ, и коней, и кухарку-Маланью, словомъ—исполнилъ все, что всегда исполнялъ утромъ,—и ожидалъ поповича во дворѣ. Поповичъ былъ очень изобрѣтателенъ по части игръ, но самымъ капитальнымъ его изобрѣтеніемъ была игра «въ лошадки», послѣ которой Панасъ всегда оставался въ проигрышѣ. «Лошадки» предполагались верховыя; одинъ изъ играющихъ долженъ былъ изображать лошадь, другой—сѣдока. Послѣдній взлѣзалъ первому на плечи и примѣрно хлесталъ его кнутомъ. Нечего и говорить, что для перваго раза роль лошади выпала на долю Панаса. Поповичъ, который былъ половиной головы выше Панаса и значительно плотнѣе его, взобрался къ нему на плечи и пришпорилъ своего коня твердыми каблуками сапогъ. Онъ залихватски накренилъ свою кепи набокъ, подставилъ полукругомъ лѣвую руку къ боку и, принявъ молодецкую осанку истаго наѣздника, хлестнулъ кнутомъ по икрамъ своего ретиваго коня. Панасъ подпрыгнулъ и выразилъ нетерпѣніе. Поповичъ далъ ему въ ротъ довольно толстый шнуръ, концы котораго онъ держалъ въ рукахъ и который изображалъ уздечку.

— Но-о! крикнулъ поповичъ, и конь-Панасъ помчалъ его по двору.

У него было осанка самаго лучшаго породистаго рысака, онъ фыркалъ, пыхтѣлъ, топалъ ногами; когда-же

Digitized by Google

поповичъ пускалъ въ дѣло кнутъ, продистый рысакъ начиналъ ржать и при этомъ очень ловко поддѣлывался подъ настоящее лошадиное ржанье. Эта выдумка произвела фуроръ. Всѣ выбѣжали во дворъ смотрѣть, какъ поповичъ катается на Панасѣ. Вышелъ даже самъ батюшка. Онъ впрочемъ не одобрялъ.

— Это не хорошо, душа моя, что ты позволяешь Алешѣ такія шалости! сказалъ онъ матушкѣ.—Не слѣдуетъ унижать человѣка, хоть-бы и Фанаську?... Каковъ онъ ни есть,—все-таки человѣкъ, отъ Адама... Какъ-же можно уподоблять его лошади!?...

— Ты говоришь пустое, отецъ Макарій,—возразила матушка.—Алеша легонекъ, какъ перышко... Посмотри—Фанаська даже и не гнется!... Фанаськѣ должно быть даже пріятно, что можетъ побѣгать!... Пусть себѣ дѣти играютъ!...

Батюшка только возвелъ очи къ небу и, тихо бормоча какую-то молитву, удалился въ свой кабинетъ, чтобъ не видѣть, какъ одинъ изъ потомковъ Адама, именуемый Фанаськой, уподобляется лошади.

— Будешь ты отвѣчать за все на страшномъ судѣ,— проговорилъ онъ уже у себя въ кабинетѣ, когда матушка не могла его слышать.

Увы! онъ не имѣлъ никакого вліянія на матушку, и его угрозы страшнымъ судомъ на нее очень мало дѣйствовали.

— Тпру!—раздалось надъ самымъ ухомъ матушки, и ретивый конь, какъ вкопанный, остановился у самаго крыльца Поповичъ сошелъ на землю.

— Ну, теперь я буду конемъ, а ты садись!—сказалъ онъ желая поступить по-рыцарски.—Твоя очередь!...

Матушка содрогнулась при такомъ предложеніи. Панасъ невольно взглянулъ на нее и прочиталъ въ ея лицѣ нѣчто очень знакомое.

— Я не хочу!—сказалъ онъ.

— Почему же ты не хочешь? Садись—убѣждалъ Алеша.

Digitized by Google

— Зачѣмъ-же ты его насилуешь, Алеша,—сказала матушка.—Если онъ не хочетъ, такъ и не надо... Притомъ—пора уже прекратить эту игру. У Фанаськи есть работа!...

Но Алеша вовсе не былъ расположенъ прекратить игру. Онъ рѣшилъ, что такъ какъ Панасъ отказался отъ наѣздника, то значитъ ему больше нравится роль лошади, и согласился пропустить его очередь. Онъ съ прежней легкостью возсѣлъ на плечи, и «игра» продолжалась.

— Ну, тоже игра хорошая, нечего сказать! — говорила Маланья, обращаясь къ Сонькѣ.

— А меня уже должно-быть скоро въ коровы произведутъ! — отвѣтила на это Сонька.

Поповичу очень понравилась игра «въ лошадки», поэтому онъ предпринималъ ее чуть не каждый день. Панасъ при этомъ обнаружилъ непоколебимую стойкость убѣжденій и роль лошади продолжалъ предпочитать роли наѣздника. Они значительно расширили предѣлы своего ипподрома и перешли за городъ. Здѣсь растилалась необъятая гладкая степь, по которой ретивый Панасъ мчалъ своего сѣдока съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, что иногда они оказывались въ двухъ верстахъ отъ села. Тутъ они отдыхали, бесѣдовали, кувыркались и потомъ тѣмъ же способомъ «пріѣзжали» домой.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней въ домѣ батюшки можно было замѣтить нѣкоторую торжественность настроенія. Батюшка, несмотря на то, что это былъ будній день, служилъ обѣдню съ молебствіемъ, сама матушка, не взирая на чадъ и дымъ, возилась на кухнѣ около какого-то удивительнаго тѣста. Объяснялось это тѣмъ, что въ этотъ день были именины поповича. Впрочемъ особенно важнаго ничего не произошло, кромѣ одного обстоятельства, доставившаго несказанную радость поповичу. Въ числѣ именинныхъ подарковъ батюшка поднесъ ему небольшое, изящное и доброкачественное ружье, со всѣми охотничьими принадлежностями, исключая соколовъ и собакъ. Настроеніе было настолько радостное, что матушка позволила

Digitized by Google

Алешѣ брать съ собой на охоту Панаса. Въ сущности иначе и быть не могло, потому-что на охотѣ случаются такія затрудненія, изъ которыхъ Алеша едва-ли вышелъ-бы безъ помощи Панаса. Иначе говоря, въ лицѣ Панаса матушка дарила Алешѣ охотничью собаку. И вотъ они стали охотиться. Поблизости отъ Панычева находились обширныя пространства, занятыя камышемъ, который въ изобиліи произрасталъ на болотистой почвѣ. Тамъ неслись и водили дѣтенышей дикія утки и курочки. Иногда среди камыша попадалось мелководное озеро, покрытое тиной. Здѣсь можно было выслѣживать куликовъ и бекасовъ. Наши охотники обыкновенно сюда и направлялись. Поповичъ несъ ружье, потому-что не могъ довѣрить Панасу такую драгоцѣнность. Панасъ тащилъ сумку съ порохомъ и дробью Кромѣ того онъ изображалъ обозъ и былъ нагруженъ разными съѣстными припасами, которыхъ они всегда забирали вдоволь. Когда они достигали подходящаго мѣста, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, близко была дичь, Панасъ дѣлалъ стойку и оставался позади, а поповичъ подкрадывался и стрѣлялъ изъ-за камыша. Если выстрѣлъ былъ удаченъ, то роль поповича на этомъ и кончалась, Панасъ-же разставался на время съ ролью оруженосца, снималъ съ себя доспѣхи, раздѣвался до-нага и превращался въ охотничью собаку. Барахтаясь въ грязи и натыкаясь на острые пни, оставшіеся отъ прошлогодняго камыша, онъ на четверенькахъ достигалъ того мѣста, гдѣ лежалъ побѣжденный врагъ, и съ крикомъ радости тащилъ его къ панычу. Тутъ онъ смывалъ съ себя грязь, насколько это было возможно, облачался въ свои доспѣхи и снова вступалъ въ прежнюю роль.

Нужно замѣтить, что Панасъ нисколько не тяготился этой не слишкомъ почетной ролью. Напротивъ, въ эти моменты онъ чувствовалъ себя очень хорошо и готовъ былъ-бы съ такой-же охотой исполнять роль сокола, еслибъ-бъ у него были крылья. Въ дни охоты они уходили изъ дому до восхода солнца, а возвращались только къ вечеру. Тутъ ужь матушка никакъ не могла заставить

Digitized by Google

Панаса выполнить за вечеръ тѣ работы, которыя онъ могъ-бы выполнить за день. Это было невозможно, и Панасъ старался задержать Алешу подольше на охотѣ, чтобъ это сдѣлалось еще невозможнѣе. Напрасно матушка наказывала имъ возвращаться пораньше. Они съ каждымъ разомъ больше и больше опаздывали. Кромѣ этой льготы, Панасъ находилъ еще одно удобство. Матушка, влюбленная въ своего Алешу, напихивала его «торбочку» самыми лучшими продуктами своей кухни. Тутъ были и жареные цыплята, и пирожки съ рисомъ, и яблоки, и сдобные коржики. Панасъ никогда подобнаго не ѣлъ на кухнѣ, а поповичъ, который вообще велъ себя по-рыцарски, дѣлалъ его равноправнымъ участникомъ своей трапезы. Черезъ каждые полчаса они садились отдыхать на какомъ-нибудь стволѣ стараго, повалившагося дерева и, такъ какъ оба отличались хорошимъ аппетитомъ, непремѣнно открывали благодѣтельную «торбочку» и уплетали ея вкусное содержимое, поминая матушку добрыми словами. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Панасъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ, постоянно звалъ Алешу на охоту и предпочиталъ ее даже такому пріятному занятію, какъ игра «въ лошади».

VII

Панасъ дурно вліяетъ на поповича.

Мальчики провели вмѣстѣ уже больше мѣсяца и не могли представить себѣ того момента, когда ихъ разлучатъ.

Панычъ часто разсказывалъ Панасу о городской жизни, которая, несмотря на его скромный возрастъ, была ему повидимому довольно хорошо знакома. Онъ въ точности описывалъ, что дѣлается на бульварѣ, и обнаружилъ большія свѣдѣнія по части гимназистокъ младшихъ классовъ. Панаса особенно удивляли тѣ мѣста Алешиныхъ повѣствованій, когда онъ употреблялъ выраженія приблизительно такого рода: «Эта была влюблена въ меня

Digitized by Google

и даже однажды прислала мнѣ записочку съ конфеткой... Я сказалъ ей, что она дура». Или: «Когда я прохожу мимо женской гимназіи, на меня весь третій классъ смотритъ... Одна сказала мнѣ, что я душка... Ха, ха! А я отвѣтилъ, что она дура!» Или наконецъ въ такомъ родѣ: «За этой я уже цѣлый годъ ухаживаю!» Такого рода похожденій у Алеши было такъ много, что Панасъ совершенно серьезно спросилъ:

— А вы еще ни разу не женились?

На это Алеша залился бѣшенымъ хохотомъ и отечески объяснилъ Панасу, что жениться можно только одинъ разъ и что для этого нужно быть большимъ и имѣть усы.

Часто также Алеша распространялся о томъ, чему его учатъ въ гимназіи, и нерѣдко излагалъ ему цѣлыя научныя теоріи, которыя самъ усвоилъ. Онъ очень ясно доказалъ ему, что земля кругла, а также и то, что Панасъ ужасно ошибается, полагая, что солнце вертится, а земля стоитъ, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло происходитъ наоборотъ. Иногда Алеша поражалъ Панаса цѣлыми латинскими изреченіями и такъ какъ самъ онъ остановился на четвертомъ склоненіи, и заставилъ Панаса вызубрить по-латыни знаменитое изреченіе, полное глубокаго философскаго смысла: «tolle me, mu, mi, mis, si declinare domus vis». Панасъ-же съ своей стороны поражалъ своею мудростью всю кухню.

Однажды, подъ вліяніемъ латинскихъ изрѣченій, Алешѣ пришла въ голову странная идея.

— Хочешь, Панасъ, я научу тебя читать полатыни?—предложилъ поповичъ.

— Да я еще порусски не умѣю! — резонно возразилъ Панасъ.

Поповичъ былъ пораженъ его невѣжествомъ и рѣшилъ, что сначала онъ научитъ Панаса читать порусски. Уроки происходили въ конюшнѣ, гдѣ Панасъ позналъ первую сладость складовъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ очень быстро воспринималъ науку, тѣмъ не менѣе онъ уже готовился отъ складовъ перейти къ гладкому чтенію; какъ

Digitized by Google

вдругъ однажды, во время урока, въ аудиторію вошла матушка.

— Это что такое? — удивилась она.

Алеша объяснилъ, что Панасъ поучается грамотѣ, и не безъ гордости прибавилъ, что дѣло это идетъ какъ нельзя лучше.

— Вотъ еще выдумки! — сказала матушка. — Очень нужна ему эта грамота! Что онъ съ телятами, что-ли, по книжному разговаривать станетъ?... Чтобы этого впредь не было! Слышишь?... Да тогда онъ совсѣмъ отъ рукъ отобьется! Очень нужны мнѣ ученые работники!...

И желая искоренить зло въ самомъ корнѣ, матушка отобрала книжку и торжественно предала ее огню. Такимъ образомъ это злонамѣренное предпріятіе было своевременно пресѣчено, и ученость Панаса не пошла дальше складовъ.

Однажды, когда молодые друзья только-что покончили игру «въ лошадки» и Панасъ занялся вытираніемъ пота, обильно выступившаго у него на лицѣ, поповичъ скорчилъ очень кислую гримасу.

— Знаешь что, Фанаська!—сказалъ онъ въ высшей степени таинственно: — мнѣ ужасно хочется курить!

— Какъ курить?—спросилъ Панасъ, совершенно пораженный этимъ сообщеніемъ.

— Курить!... Папироску!... Я уже два года курю! У насъ въ гимназіи почти всѣ курятъ!... Когда пріѣзжаю домой, бросаю, потому-что папа считаетъ это грѣхомъ, а мама не любитъ табачнаго запаха!... Но теперь мнѣ ужасно захотѣлось!... Такъ, знаешь, что даже... тошнитъ!

— А развѣ вамъ въ городѣ позволяютъ?—спросилъ Панасъ.

— Мало-ли что! Мы куримъ въ . . . — тутъ Алеша назвалъ то мѣсто, гдѣ гимназисты курятъ.

— Что-жь вы курите? Махорку?—продолжалъ удивленно спрашивать Панасъ, не знавшій ни одного сорта табаку, кромѣ махорки.

Digitized by Google

— Ну, вотъ еще! Я курю первый сортъ! — обидчивымъ тономъ отвѣтилъ Алеша.

Онъ объяснилъ дальше, что у него нѣтъ ни одной папироски, и сейчасъ-же придумалъ выпросить у матери на орѣхи, что и было приведено въ исполненіе. Обязанность Панаса состояло въ томъ, чтобъ незамѣтно пройти въ лавку и купить табаку и бумажки, всего на пятнадцать копѣекъ. Когда Панасъ исполнилъ порученіе, Алеша предложилъ ему раздѣлить удовольствіе. Но Панасъ былъ настолько невѣжественъ, что не умѣлъ даже скрутить папироски; поповичъ долженъ былъ показать ему всѣ пріемы. Затѣмъ оказалось, что табачный дымъ не доставляетъ Панасу никакого удовольствія. Профанація съ его стороны дошла до того, что онъ выпускалъ дымъ изо рта, не затягиваясь. Алеша научилъ его затягиваться. Это происходило въ конюшнѣ, въ тѣ часы, когда Степка отсутствовалъ. Курильщики наслаждались уже съ недѣлю, и Панасъ начиналъ входить во вкусъ. Случилось однако-жь, что самъ о. Макарій пожелалъ лично освѣдомиться — въ должномъ-ли порядкѣ содержится конюшня. И это случилось какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда надъ лошадиными мордами носились облака табачнаго дыма, вслѣдствіе чего коренные обитатели конюшни принялись чихать, а молодые преступники только что заплевали свои папиросы. Батюшка, который считалъ куреніе однимъ изъ наиболѣе смертныхъ грѣховъ, поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Кто курилъ? —спросилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ. Преступники молча дрожали передъ нимъ.

— Это.... должно быть.... Степка! — насилу выговорилъ Алеша.

— Степки дома нѣтъ! Ты лжешь! Подойди сюда! — и онъ привлекъ къ себѣ Алешу. — Дыши!

Алеша долженъ былъ дышать, чуть не касаясь своимъ ртомъ усовъ о. Макарія. Алеша попытался схитрить, и вмѣсто того, чтобы выпускать воздухъ, онъ напротивъ потянулъ его къ себѣ. Но батюшка повидимому былъ знакомъ съ этой уловкой и заставилъ его дышать какъ слѣдуетъ.

*

Digitized by Google

— Мерзавецъ!—сказалъ батюшка, отталкивая его отъ себя.

Потомъ пришлось дышать Панасу. Этотъ сразу обнаружилъ ужасную истину.

— Негодяй! сказалъ ему батюшка и, крѣпко ухвативъ обоихъ за уши, повлекъ черезъ дворъ къ себѣ въ кабинетъ. Алеша оглашалъ дворъ зычнымъ крикомъ, продолжая увѣрять, что курилъ Степка. Панасъ покорно слѣдовалъ за батюшкой, глубоко сознавая всю свою вину. Ихъ встрѣтила матушка, и ей объяснили въ чемъ дѣло. Матушка, увидавъ гнѣвное лицо о. Макарія, ужаснулась при мысли, что Алешу ожидаетъ порка.

— Да ты постой, о. Макарій. Нужно прежде разобрать дѣло!—остановила она супруга.—Не можетъ-же быть, чтобъ онъ (матушка указала на Алешу) самъ, ни съ того, ни съ сего, выдумалъ это! Вѣдь кажется онъ у насъ не видитъ дурныхъ примѣровъ!...

— Ахъ, мать моя (это выраженіе о. Макарій употреблялъ вмѣсто „душа моя“, когда онъ былъ въ гнѣвѣ)! Ты всегда балуешь его... Я не могу прощать такихъ мерзостей!...

— А я говорю тебѣ, что это дѣло надо разслѣдовать!—настаивала матушка.—Я и прежде говорила, что Фанаська дурно повліяетъ на Алешу! Вотъ оно и выходитъ! Ему-то это не впервые! Я думаю, вмѣстѣ съ мамкой еще затягивался!...

Это соображеніе заставило батюшку отсрочить наказаніе. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что въ лавку за табакомъ ходилъ Панасъ (это разъяснилъ лавочникъ), а отсюда послѣдовалъ выводъ, что иниціаторомъ былъ также никто иной, какъ Панасъ. Результатомъ разслѣдованія было то, что иниціатора собственноручно выпоролъ самъ батюшка, и замѣчательно то, что Панасъ ни однимъ словомъ не выдалъ своего молодого господина. Впрочемъ батюшка былъ справедливъ и не оставилъ безъ наказанія и Алешу. Алеша былъ умнѣйшій и потому долженъ былъ вразумить глупѣйшаго—Фанаську. И

Digitized by Google

такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, то былъ оставленъ на два дня безъ обѣда. Нечего и говорить, что въ эти дни онъ, будучи лишенъ обѣда, завтракалъ по три раза въ день.

Но все это пустяки въ сравненіи съ главнымъ результатомъ, который вытекъ изъ этого обстоятельства. Панасъ, какъ оказавшійся опаснымъ развратителемъ, былъ отлученъ отъ Алеши. Имъ уже было окончательно воспрещено ходить вмѣстѣ на охоту, играть въ «лошадки» и бесѣдовать о міровыхъ явленіяхъ и городскихъ гимназисткахъ. Неизвѣстно, которая изъ двухъ сторонъ теряла отъ этого больше, но ясно было, что съ этого дня поповичъ испытывалъ отчаянную скуку и рѣшительно не зналъ, куда дѣвать свое время. Панасъ же не скучалъ нисколько, потому-что онъ попрежнему всецѣло предавался телятамъ, птицѣ, лошадямъ, кухаркѣ и прочимъ отраслямъ домашняго хозяйства. Съ поповичемъ онъ встрѣчался очень рѣдко, и такъ какъ это случалось чаще всего въ присутствіи матушки, то встрѣчи отличались холодностью. Алеша хотѣлъ показать, что онъ совершенно раскаялся и исправился, въ виду чего относился къ Панасу свысока и даже проявлялъ относительно его нѣкоторую брезгливость, какая вполнѣ приличествовала Панасову званію. Но это была одна только внѣшность, душа же Алеши рвалась въ конюшню, къ Панасу. Случился одинъ денекъ, когда молодымъ друзьямъ удалось таки соединиться.

Дѣло въ томъ, что въ началѣ августа супругѣ панычевскаго старшины Богъ послалъ дочку. Такъ какъ старшина былъ человѣкъ почтенный и притомъ ежегодно засѣвалъ около двухъ сотенъ десятинъ земли, то батюшка съ матушкой, будучи приглашены къ нему на крестины, не имѣли никакихъ резоновъ отказываться. Но извѣстно, что хорошій тонъ ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ дѣтямъ присутствовать на крестинахъ, и поэтому Алеша долженъ былъ остаться дома. Да онъ и не выражалъ желанія ѣхать, какъ потому, что ему были небезъизвѣстны требованія хорошаго тона, такъ и потому, что онъ разсчитывалъ на свиданіе

Digitized by Google

съ Панасомъ. Матушка нисколько не боялась этой послѣдней случайности, потому что вѣрила въ искренность Алешина раскаянья. И вотъ Алеша остался одинъ. Присутствіе горничной Дуньки не могло смутить его, такъ какъ вся оставшаяся прислуга, въ томъ числѣ Маланья и Сонька, сейчасъ-же послѣ отъѣзда матушки завалилась спать. Всѣ они давно ожидали этого праздника. Алеша заглянулъ въ конюшню.

— Фанаська!—позвалъ онъ.

Тотъ отозвался.

— Пойдемъ въ комнаты!

Отъ этого предложенія Панасъ не имѣлъ силъ отказаться, потому что увидѣть внутренность батюшкиныхъ покоевъ было его давнишней мечтой. Онъ, робко оглядываясь, послѣдовалъ за поповичемъ. Они вошли въ большую комнату.

— Это зала!—отрекомендовалъ Алеша.

Зала эта далеко не отличалась роскошной обстановкой: пара неуклюжихъ креселъ, обитыхъ шерстяной матеріей зеленаго цвѣта, дюжина стульевъ съ твердыми, клеенчатыми сидѣньями, широкій диванъ подъ-орѣхъ, два стола и старое висячее зеркало. Но Панасъ никогда въ жизни не видѣлъ такой роскоши. Главное, что его поразило, это зеркало, въ которомъ онъ увидѣлъ свой образъ. Онъ минуты двѣ стоялъ передъ нимъ, раскрывъ ротъ и не рѣшаясь нарушить тишину. Потомъ вдругъ онъ ухватился за бока и принялся неудержимо хохотать, не спуская глазъ съ своего изображенія.

— Чего это ты?—удивился Алеша.

— Это я такой смѣшной!... Ха, ха, ха! Панасъ! Эй, ты, Панасъ!... Ха, ха, ха, ха! ..—И онъ началъ дѣлать невозможныя гримасы, которыя, отражаясь въ зеркалѣ, приводили его въ неописанный восторгъ. Больше всего занимало и смѣшило его то обстоятельство, что онъ ясно видѣлъ собственныя уши. Но пытливость его дошла до того, что онъ пожелалъ увидѣть и затылокъ, и долго приспособлялся, пока наконецъ въ извѣстной степени не достигъ этого.

Digitized by Google

— А это кабинетъ! — продолжалъ знакомить его Алеша. Войдя въ кабинетъ, Панасъ прежде всего отступилъ на два шага назадъ. Это была небольшая комната, стѣны которой почти сплошь были увѣшаны иконами въ кіотахъ, съ серебряными и даже золоченными ризами. На столикѣ лежало большое Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ, двѣ просфоры, нѣсколько большихъ металическихъ крестовъ, связка восковыхъ свѣчей, а посрединѣ ярко горѣла лампада. Въ комнатѣ слышался смѣшанный запахъ ладана и деревяннаго масла. Панасъ немедленно ударилъ поклонъ и сталъ креститься.

— А батюшка совсѣмъ должно быть святой!—съ благоговѣйнымъ вздохомъ произнесъ Панасъ.

Алеша улыбнулся.

— Пойдемъ въ лошадки играть!—пригласилъ онъ.

Панасъ согласился, но, проходя черезъ залъ, еще разъ заглянулъ въ зеркало и показалъ себѣ языкъ.

Послѣ игры въ лошадки, которая производилась по прежнему способу, Алеша нашелъ, что теперь удобно было-бы и покурить. У него въ жилетномъ карманѣ остался мелкій табакъ, и онъ, скрутивъ себѣ папироску, предложилъ Панасу сдѣлать тоже.

— Нѣтъ, ужь я не стану! Чертъ съ ней!—сказалъ Панасъ, вспомнивъ, какъ тогда батюшка выпоролъ его.

Когда матушка съ батюшкой вернулись, они нашли всю прислугу за работой, причемъ работа производилась съ какой-то особенной энергіей. Панасъ въ это время отгонялъ телятъ «въ череду», а Алеша самымъ скромнымъ образомъ сидѣлъ въ кабинетѣ и дочитывалъ послѣднюю страницу Евангелія отъ Іоанна. Это очень понравилось батюшкѣ. Онъ похвалилъ Алешу, погладилъ его по головкѣ и далъ ему яблоко, которое захватилъ на крестинахъ собственно для него.

Этотъ день былъ послѣднимъ праздникомъ для Панаса. Наступило роковое пятнадцатое августа—Леша уѣхалъ въ гимназію.

Digitized by Google

VIII.

Панасъ получаетъ сюрпризъ.

Осень была дождливая и вѣтреная, благодаря чему главная отрасль хозяйства, подлежавшая вѣдѣнію Панаса, именно птичья часть—требовала особенныхъ усилій. Чрезвычайно старательнаго ухода требовало семейство индѣекъ. Эта порода, какъ извѣстно, отличается крайней чувствительностью и нервностью. Малѣйшее измѣненіе погоды отражается на настроеніи духа этой столь-же величественной, сколь и глупой птицы. Панасъ изощрялъ всѣ свои умственныя способности, изобрѣтая способы предохраненія индюшекъ отъ дождливой погоды. Но его старанія не всегда увѣнчивались успѣхомъ, и нерѣдко онъ долженъ былъ докладывать матушкѣ о внезапной кончинѣ одной изъ своихъ воспитанницъ. Тогда ему приходилось нести такую-же кару, какъ если-бы онъ былъ невольнымъ виновникомъ гибели человѣческаго существа, съ тою разницей, что въ послѣднемъ случаѣ наказаніе ограничивается церковнымъ покаяніемъ, у Панаса же страдали уши, чубъ и затылокъ.

Вообще этотъ годъ былъ тяжелѣе для Панаса, чѣмъ предыдущій. Тогда онъ перешелъ къ матушкѣ прямо изъ трущобы, гдѣ ему жилось слишкомъ уже плохо, и новое житье, которое такъ хулила Сонька и прочая дворня, показалось ему раемъ. Теперь у него для сравненія было лѣтнее житье. Благодаря пріѣзду поповича, онъ вкусилъ настоящей райской сладости. Онъ познакомился съ прелестью помѣщичьяго сада, съ просторомъ полей, съ увлекательностію дѣтскихъ игръ, съ томительными, пріятно-раздражающими превратностями охоты. У него уже не было прежней энергіи въ исполненіи домашнихъ работъ; онъ ясно ощущалъ скуку и усталость. А когда на кухонномъ столѣ появлялся не очень сложный «людской» борщъ въ сопровожденіи ячменной каши и ржаныхъ сухарей, ему вспоминались вкусные пирожки, сдобные коржики и раз-

Digitized by Google

ныя пряности, которыми они съ Алешей такъ обильно угощались на охотѣ. И онъ ѣлъ «людскую» пищу безъ прежняго удовольствія, а только для того, чтобъ брюхо не было пусто. Словомъ онъ находился въ положеніи человѣка, который вкусилъ сладкаго и котораго поэтому при видѣ горькаго—тошнитъ.

Зоркое око матушки разумѣется все это видѣло. Матушка то-и-дѣло повторяла, что «Фанаська начинаетъ портиться... это все охота да грамота! Я и тогда еще говорила!»—и сильно налегала она на Панасовы уши, стараясь привести его къ тому совершенству, которое было свойственно ему до грѣхопаденія.

Пришла зима—холодная, безснѣжная, обильная вьюгами. Панасъ, по роду своей дѣятельности, продолжалъ вертѣться цѣлые дни подъ открытомъ небомъ. Для него не существовало ни холода, ни вьюгъ. Только когда наступала ночь — онъ находилъ убѣжище въ конюшнѣ, подъ теплымъ кожухомъ Степки. Въ эту зиму на селѣ появлялось какъ-то особенно много нищихъ. Оборванные, дрожащіе, полуокоченѣлые и голодные,—они терпѣливо стояли у воротъ съ протянутыми впередъ полуобнаженными, костлявыми руками, пока имъ не выносили краюху хлѣба. Эту обязанность часто исполнялъ Панасъ, и когда онъ видѣлъ этихъ несчастныхъ, ему вспоминалась мамкина трущоба, съ ея холодомъ и голодомъ. Тогда онъ мысленно благодарилъ Бога за то, что у него есть и хлѣбъ, и тепло,—и въ эти дни работалъ съ большей энергіей.

Однажды, когда, послѣ снѣжной вьюги, вся дворня, съ лопатами въ рукахъ, занялась расчисткой снѣга, а матушка тутъ-же давала необходимыя указанія,—калитка медленно открылась и во дворъ вошла нищая. Ея полусогнутое туловище было облечено въ такія прозрачныя рубища, какихъ обитатели матушкина двора въ жизнь свою еще не видѣли. Она протянула руки и слабымъ голосомъ просила хлѣба. Панасъ сбѣгалъ въ кухню и принесъ ей краюху. Но въ тотъ самый моментъ, когда онъ подавалъ ей хлѣбъ, женщина взглянула на него. Панасъ чуть не уронилъ свою ношу.

Digitized by Google

— Мамка! — крикнулъ онъ на весь дворъ, и вдругъ залился неудержимымъ плачемъ.

Онъ страшно испугался. Ему почудилось, что мамка встала изъ гроба и пришла, чтобъ взять его съ собой — въ могилу, которая еще тѣснѣе и холоднѣе ея прежней трущобы. Всѣ обступили его и нищую.

— Это твоя мамка?—спросила матушка.

— Мамка! — отвѣчалъ Панасъ, напрасно стараясь удержать слезы.

— Господи Ты, Боже мой!—заговорила нищая.—Вотъ привелось таки... А я уже думала, что его и на свѣтѣ нѣтъ!... Добрые люди, добрые люди!... У кого-жь это тебя Господь пристроилъ?...

— У матушки, вотъ! — промолвилъ Панасъ, указавъ глазами на матушку. Тогда нищая бросилась къ ногамъ матушки, обняла ея колѣни и цѣловала ея башмаки.

— Благодѣтельница!... Спасительница!... Благодѣтельница!—шептала она, и руки ея дрожали отъ холода.

Этотъ неожиданный маневръ сначала испугалъ матушку, а потомъ растрогалъ. Матушка была очень падка на благодарность. Едва-ли что-нибудь другое могло такъ размягчить ея сердце, какъ униженное признаніе ея благодѣяній.

— Поди на кухню, милая, отогрѣйся! — сказала матушка, дѣлая видъ, что старается приподнять Панасову мамку.

Ее отвели въ кухню и посадили на лавку. Пока она согрѣвалась, всѣ принялись разсматривать ее. Она была почти высокаго роста. Худоба ея тѣла превосходила всякое вѣроятіе. Синія, тонкія губы сохраняли постоянное выраженіе муки, какъ-будто какое-то огромное страданіе, внезапно поразивъ эту женщину, оставило на лицѣ ея глубокій, вѣчный слѣдъ. Зрачки ея подвижныхъ глазъ расширились и блестѣли. Одежда состояла изъ такихъ предметовъ, которымъ нельзя было подыскать названія. Это былъ просто сборъ поднятыхъ на улицѣ тряпокъ и лоскутьевъ всевозможныхъ цвѣтовъ. Панасъ никакъ не

Digitized by Google

могъ прекратить рыданій. Теперь онъ уже не боялся, что мамка возьметъ его въ могилу, онъ ясно представлялъ, въ чемъ дѣло: мамка не умерла, она просто нищенствуетъ и случайно забралась въ Панычево. Но онъ никогда прежде не видѣлъ мамку въ такомъ ужасномъ положеніи. Когда онъ съ нею разстался, она была страшно худа, и ему казалось, что человѣкъ не можетъ уже болѣе похудѣть, а теперь онъ видитъ ее вдвое похудѣвшей. Онъ никогда не былъ къ ней привязанъ, а между тѣмъ теперь не можетъ смотрѣть на нее безъ слезъ: у него до боли сжимается сердце и слезы текутъ неудержимо.

— Она должно быть голодна, какъ собака! — сообразила Маланья.

Передъ ней поставили миску съ борщемъ. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли, какъ жадно она поглощала ложку за ложкой, какъ горѣли при этомъ ея глаза и дрожали руки. Еще бы! Сегодня третій день, какъ у нея не было во рту ни крохи хлѣба. Вьюга сбила ее съ пути и задержала гдѣ-то въ камышахъ. Какъ она не окоченѣла тамъ совсѣмъ! Видно, Богъ хотѣлъ, чтобъ она еще разъ увидѣла своего Панаса. Поѣвши, она перестала дрожать и начала несвязно и отрывочно разсказывать о своихъ путевыхъ невзгодахъ. Надъ непроходимой чащей камыша вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ, а она была одна-одинешенька безъ хлѣба и въ этой ужасной одеждѣ. Она слышала вой волковъ и молилась о своей грѣшной душѣ, увѣренная, что больше уже не увидитъ людей. Какъ она выбралась оттуда и какъ доплелась до села—не знаетъ; должно-быть Богъ пожалѣлъ ее и оставилъ жить для покаянія.

Матушка прислала ей свое старое платье, платокъ и башмаки. Она переодѣлась. «Пусть она выспится!» приказала матушка, и ее отвели въ маленькую комнату, рядомъ съ кухней. Въ этой комнаткѣ зимой помѣщались гуси и индѣйки, а иногда телята и поросята, если имъ приходилось въ это время появляться на свѣтъ Божій. Здѣсь, около печки, разостлали рядно, и Панасова мать улеглась на покой. Она заснула въ ту-же минуту, несмотря на

Digitized by Google

свирѣпый крикъ гусей и поросятъ. Ее оставили одну. Панасъ мало-по-малу успокоился и пересталъ плакать.

Въ этотъ день обращеніе матушки съ Панасомъ странно измѣнилось. Она сдѣлалась мягче, снисходительнѣй; отдавала ему приказанія голосомъ умѣреннымъ, въ которомъ не слышалось прежняго раздраженія, прежней обиды. Что повліяло такъ на матушку? Растрогалъ-ли ее видъ этой несчастной женщины или неудержимыя рыданія Панаса?.. У матушки въ сущности было не злое сердце, и ее не трудно было растрогать. Она облекалась суровостью только въ отношеніи прислуги, потому-что у нея на этотъ счетъ были крутые принципы. Можетъ быть перемѣна съ ней произошла и оттого, что Панасу, на котораго всѣ смотрѣли какъ на беззащитнаго, какъ на такого, за котораго въ цѣломъ мірѣ некому вступиться, — судьба вдругъ послала защитницу... Хоть и нищая, а все-таки мать! Кто можетъ помѣшать ей подставить свою грудь, когда въ сторону Панаса направится ударъ; сказать горькое слово упрека, когда на его долю выпадетъ обида? Развѣ она не имѣетъ власти взять его за руку и увести съ собой въ безконечныя странствованія?.. Въ глубинѣ же души матушка сознавала, что Панасъ сдѣлался для нея почти необходимымъ, что уйди онъ — хозяйство ея потерпитъ явный ущербъ.

Къ вечеру навели справки, и оказалось, что нежданная гостья еще спитъ. Ее оставили спать до слѣдующаго утра. Но настало и утро, а она не просыпалась. Тогда къ ней стали прислушиваться — дышетъ-ли она. Оказалось, что она дышетъ преисправно. Тѣмъ не менѣе, когда она не проснулась и къ вечеру другого дня, матушка начала тревожиться. Самъ батюшка пришелъ въ маленькую комнату съ крестомъ и совершилъ краткое молебствіе. При этомъ ему понадобилось упомянуть ея имя, и Панасъ объявилъ, что зовутъ ее Параской. Но и послѣ молебствія Параска продолжала видѣть сладкіе сны.

— Должно быть она съ недѣлю не спала! — говорила матушка: — либо уже очень намерзлась...

Digitized by Google

Ближайшіе сосѣди, какъ-то: старшій и младшій прикащики съ супругами, старостиха, церковный сторожъ, помѣщичья ключница— поочередно посѣтили маленькую комнату, и о появленіи Панасовой матери, а также о ея удивительной спячкѣ скоро узнало все село. Бабы приходили съ дальняго конца села и высказывали разныя соображенія. Большинство раздѣляло то мнѣніе, что Параска «замираетъ», т. е. претерпѣваетъ временную смерть. Душа ея на время оставила тѣло и носится по разнымъ мытарствамъ, чтобы видѣть разныя муки и потомъ, возвратившись къ тѣлу, раскаяться. Слухи о необычайномъ состояніи Параски дошли даже до помѣщичьяго двора, и самъ Ѳеденька, нѣкогда срисовывавшій Панаса, явился и сказалъ, что это летаргія, чѣмъ понятно нисколько не уяснилъ дѣла и нимало не поколебалъ мнѣнія о «замираніи». Онъ выразилъ желаніе срисовать Параску, но батюшка не дозволилъ.

Параска проснулась на третій день къ вечеру. Она ужасно удивилась, увидѣвъ себя окруженною толпою бабъ. Особенно поразило ее присутствіе батюшки, котораго она видѣла въ первый разъ въ жизни и который осѣнялъ ее крестомъ? На разспросы—что она видѣла на томъ свѣтѣ?—она не могла дать очень опредѣленныхъ отвѣтовъ. Видѣла она вьюгу, снѣжные сугробы, слышала волчій вой и все въ такомъ родѣ. Тѣмъ не менѣе убѣжденіе въ томъ, что она путешествовала на тотъ свѣтъ, нимало не поколебалось. Рѣшено было, что она современемъ припомнитъ вещи, болѣе соотвѣтствующія такому далекому путешествію, а пока это сбудется—ей дали хорошенько поѣсть.

Какъ-то уже само собой вышло, что Параска осталась жить у матушки. Ей никто не напоминалъ о томъ, что надо собираться въ дорогу, она же сама не находила никакихъ поводовъ спѣшить.

— Пускай отъѣдается!—говорила матушка.

— Богъ припомнитъ это въ день страшнаго суда!—повторялъ въ свою очередь батюшка.

Digitized by Google

И Параска дѣйствительно отъѣдалась. Въ двѣ недѣли—она уже перестала походить на то страшное чудовище, которое Панасъ принялъ за мертвеца, вставшаго изъ могилы. Она какъ-то очень быстро ознакомилась съ порядками, господствовавшими въ домѣ матушки, и умѣла сдѣлаться полезной. Всюду для нея находилась работа. То въ погребѣ что-нибудь переставитъ, и глядишь—такъ именно и слѣдуетъ; то въ кухнѣ устроитъ какое-нибудь нововведеніе — и опять-же какъ нельзя болѣе кстати. Главное-же — ее видѣли постоянно занятой; хоть надъ пустякомъ какимъ-нибудь, хоть гвоздь въ стѣну вколачиваетъ—а все-таки занята. Очевидно такая ужь натура дѣльная.

— Эге! Да она бой-баба! У нея такой-же характеръ, какъ и у Фанаськи,—говорила матушка смѣясь.

Но самымъ главнымъ было то, что смѣтливая и прошедшая за многотрудную жизнь огонь и воду—Параска инстинктивно угадала одну матушкину слабость, составляющую общую слабость всѣхъ бдительныхъ хозяекъ...

— А ваша Сонька, матушка, у-ухъ какая!—конфиденціально говорила она матушкѣ. — Такъ и норовитъ, чтобъ присѣсть гдѣ-нибудь... Отвиливаетъ, отвиливаетъ...

— Да ужь и не говори, голубушка моя, и не говори! Развѣ я не вижу? Я все вижу, моя милая; да развѣ съ ними что-нибудь подѣлаешь?.. О-охъ-охъ! Нынче, скажу я тебѣ, не прислуга намъ служитъ, а мы ей!—И матушка изливала всю свою душу, совершенно довольная, что у нея нашлась сторонница.

— Эхъ, матушка! Какъ погляжу я на ваше житье!.. Да у васъ словно у Бога за пазухой!—заводила въ другой разъ Параска.—Чего имъ, этимъ лодарямъ, недостаетъ?.. Ѣды—по горло; работа совсѣмъ, можно сказать, дѣтская! Хоть-бы и эта, какъ ее... Маланья!.. Развѣ такую вамъ кухарку надобно?.. Вялая какая-то, истинно вялая!

— Терплю, голубушка, терплю! Уже, я думаю, мнѣ за одно это терпѣніе можно-бы въ райскую обитель!.. А

Digitized by Google

посмотрѣла-бы ты, какъ они ѣдятъ...—И матушка долго описывала Параскѣ, «какъ они ѣдятъ».

Этимъ способомъ Параска овладѣла сердцемъ матушки. Она сдѣлалась повѣренной ея тайнъ, относящихся до несовершенствъ прислуги. «Вялая» Маланья однако-жь тоже не была лишена наблюдательности и ясно видѣла, что подъ нее подкапываются. Она была «баба съ гоноромъ» и не хотѣла ждать, пока ей откажутъ, тѣмъ болѣе, что и жалѣть-то особенно было нечего. Она нашла, что уже достаточно отблагодарила батюшку за изгнаніе бѣса, и объявила, что соскучилась «за чоловикомъ». Ее отпустили съ миромъ, а на ея мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, водворилась Параска. Съ этихъ поръ положеніе Панаса нѣсколько измѣнилось. Начать съ того, что онъ ѣлъ нисколько не хуже, чѣмъ батюшка съ матушкой. Во время возни своей съ курами и телятами онъ находилъ достаточно поводовъ часто забѣгать на кухню. А тутъ уже были наготовѣ—либо жирный кусочекъ мяса, либо свѣжеиспеченный пирожокъ, либо лакомство съ господскаго стола. Всѣ кухонные обѣдальщики удивлялись, что Панасъ, который прежде такъ образцово ѣлъ, потерялъ всякій аппетитъ и за обѣдомъ едва прикасался къ пищѣ. Другая перемѣна состояла въ томъ, что Параска иногда брала его на ночь къ себѣ, и тогда онъ спалъ на печкѣ, гдѣ ужь не могъ жаловаться на холодъ. Въ такія ночи она разсказывала ему о своихъ скитаньяхъ по Божьему свѣту, о своихъ мукахъ и обидахъ, которыя она претерпѣла отъ людей. Эти разсказы были чувствительны и правдивы; они не разъ заставляли Панаса проливать слезы. Эти-то ночи незамѣтно сблизили его съ Параской, и онъ кажется впервые почувствовалъ, что мамка для него кое-что значитъ и, какова она ни на есть, а ближе, роднѣе, чѣмъ она, нѣтъ у него существа на свѣтѣ. И онъ подумалъ, что теперь онъ ужь ни за что не разстался-бы съ нею.

Перемѣна произошла и въ томъ отношеніи, что матушка стала какъ-будто скупиться на тумаки и дранье за

Digitized by Google

чубъ и за уши и прибѣгала къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ. Можетъ-быть кромѣ присутствія Параски, причиной этой перемѣны было одно открытіе, которое всѣхъ очень удивило.

Дѣло въ томъ, что Панасъ остался почти такимъ-же маленькимъ, какимъ былъ вытащенъ изъ проруби. Когда возникалъ вопросъ о его лѣтахъ, самое большее, что давали ему,—лѣтъ 12-ть. Но Параска заявила, что, насколько ей не измѣняетъ память, Панасъ ужь по крайней мѣрѣ четырнадцатый, а то и пятнадцатый годъ вкушаетъ сладости жизни.

— Эге! Да онъ уже скоро будетъ парнемъ!—сказали всѣ.

На вопросъ-же—отчего онъ не растетъ, сами-же себѣ отвѣтили:

— Онъ должно-быть сразу вырастетъ, въ одну недѣлю. Это бываетъ! Сначала отъѣстся, какъ слѣдуетъ, а тамъ и расти начнетъ! А то ему и расти то было не изъ чего!..

Параска совершенно раскаялась и увѣряла батюшку, что ея прежняя грѣховная жизнь представляется ей смутнымъ и отвратительнымъ сномъ.

Она отговѣлась и открыла бытюшкѣ всѣ свои грѣхи. Эти грѣхи составляютъ батюшкину тайну, поэтому къ сожалѣнію намъ нѣтъ никакой возможности познакомиться съ ними. Очень вѣроятно однако, что въ нихъ главную роль играли солдаты, которые остались памятными и Панасу. Но не было не только грѣхомъ, но и секретомъ, что Панасъ—плодъ совершенно законнаго сожительства Параски съ ея мужемъ, котораго взяли въ солдаты, да такъ и не возвратили Параскѣ. Батюшка узналъ даже, что обрядъ крещенія надъ Панасомъ былъ совершенъ въ церкви Воздвиженія, что на кладбищѣ губернскаго города. А это было очень важное свѣдѣніе, потому-что оно открывало слѣдъ къ Панасовымъ документамъ.

Digitized by Google

IX.

Повышеніе.

Въ тотъ годъ была хорошая весна. Къ концу зимы выпало много снѣга, а теперь онъ разстаялъ и увлажилъ землю, и поля покрылись зеленымъ ковромъ. Панычевцы съ веселыми лицами выѣзжали въ поле и звонко посвистывали, шествуя позади своихъ первобытныхъ плуговъ. Повсюду высказывалась надежда на урожай.

Въ это время Панасу показалось, что его мамка какъ-будто облѣнилась. Она уже не проявляла прежней энергіи въ работѣ и даже замѣтно худѣла съ каждымъ днемъ. Это не ускользнуло отъ вниманія матушки.

— Что-то затѣвается недоброе!—говорила сама себѣ матушка.—Не я буду, если ей опять не захотѣлось на волю!

И она стала зорко слѣдить за поведеніемъ Параски. Она не услѣдила только за однимъ, что въ эти дни Параска проявляла особенную нѣжность къ своему Панасу. Чуть выпадетъ свободная минута, глядишь—она зазоветъ его въ кухню и расчешетъ ему голову, либо просто прижметъ къ себѣ и поцѣлуетъ. Потроха (когда къ обѣду готовилась птица) совсѣмъ исчезли на господскомъ столѣ, несмотря на то, что батюшка былъ большой охотникъ до куринаго пупа. Ихъ заблаговременно истреблялъ Панасъ, а Параска докладывала матушкѣ, что «ихъ слопала проклятая кошка».

— Затѣвается, затѣвается!—повторяла матушка.

Въ одно раннее весеннее утро оказалось, что матушка была права. Параска исчезла, и никто не могъ сказать—въ какое время и куда. Во дворѣ поднялась страшная возня, и при этомъ обнаружились ужасныя вещи. Изъ погреба исчезъ большой кусокъ окорока; не досчитывали трехъ серебряныхъ ложекъ; безслѣдно пропалъ матушкинъ шерстяной платокъ. Матушка была внѣ себя отъ бѣшенства.

— Га! развѣ я не говорила! развѣ я не предсказывала!—кричала она на весь дворъ, такъ-что слышно было

Digitized by Google

въ церковной оградѣ.—Да это уже такая воровская семья! Она должно быть давно уже таскала по мѣркѣ жита да передавала своимъ солдатамъ! Жди отъ нихъ благодарности! Я ее отогрѣла, откормила, разъѣлась она на моихъ хлѣбахъ, какъ свинья,—и вотъ благодарность! А вы думаете, Панасъ этого не зналъ? О, да онъ-то, я думаю, и помогалъ ей! Куда ушла мамка? Говори, куда ушла мамка?...

Эти вопросы сопровождались внушительными тумаками. Панасъ не зналъ, куда ушла мамка. О, еслибъ онъ зналъ это, развѣ онъ не ушелъ-бы вмѣстѣ съ нею? Пускай ему пришлось-бы голодать, нищенствовать,—по крайней мѣрѣ онъ зналъ-бы, что дѣлаетъ это для мамки. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, покинутымъ, и никогда еще матушкинъ домъ не казался ему до такой степени чужимъ, какъ въ эти минуты. Зачѣмъ мамка покинула его? Она хотѣла, чтобъ ему было лучше, она не рѣшилась заставить его голодать съ собою. А самой ей захотѣлось воли, разгула, той самой грѣховной жизни, въ которой она раскаялась передъ батюшкой. Панасъ почти не чувствовалъ ударовъ, сыпавшихся на него отъ матушкиной руки. Въ глубинѣ души своей онъ ощущалъ гораздо болѣе глубокое горе.

Положеніе его вдругъ перемѣнилось. У него даже отняли прежнее имя, и презрительное «Фанаська» должно было показаться ему очень почетнымъ, потому что его стали называть просто «воришкой». И главное—его презирали всѣ, не исключая дурака-Степки и даже Улиты, новой кухарки, которая только по разсказамъ знала его исторію. Изъ всей матушкиной дворни только одна Сонька оказывала ему расположеніе. Она значительно подросла и похудѣла. Матушкины побои уже не заставляли ее плакать, зато они всякій разъ вызывали въ ея глазахъ зловѣщій блескъ. Матушка замѣтила это и стала побаиваться бѣды.

— Ей ничего не стоитъ поджечь домъ,—разсуждала она.

Сонька между тѣмъ частенько заглядывала въ конюшню. Здѣсь она садилась рядомъ съ Панасомъ и изливала ему всю желчь, которая накопилась у нея на сердцѣ.

Digitized by Google

— Знаешь, Панасъ, шепотомъ сообщала она ему:— не выживу я тутъ долго... Иной разъ такая тоска заберетъ, что кажется ушла-бы, куда глаза глядятъ... А то бы хоть и въ колодезь, внизъ головой... Вотъ бы взбѣсилась вѣдьма-то моя! Нѣтъ, я хотѣла-бъ повѣситься у нея въ спальнѣ передъ самымъ ея носомъ!...

Панасъ между тѣмъ оправдывалъ предсказанія на счетъ его роста и началъ быстро подростать. Къ началу лѣта онъ уже почти догналъ Степку.

— Ишь какъ его выгнало!—говорила матушка.—Небось, на мамкиныхъ хлѣбахъ на всю жизнь остался-бы карликомъ!

Это обстоятельство сдѣлало возможнымъ взвалить на Панаса всѣ обязанности работника, тѣмъ болѣе, что Степка подалъ къ этому основательный поводъ.

Этотъ покорный и робкій исполнитель матушкиной воли, дѣлавшій все, правда—неохотно, лѣниво и неумѣло, но тѣмъ не менѣе ни разу не посмѣвшій ослушаться, однажды вдругъ неожиданно отказался отъ работы.

— Что-жь ты сидишь, сложа руки?—ужаснулась матушка.

— Такъ. Не хочу!—просто объяснилъ Степка.

Матушка всплеснула руками.

— Какъ такъ—не хочешь?!

— Надоѣло!—еще опредѣленнѣе пояснилъ лѣнивый рабъ.

— Господи Іисусе! Ему надоѣло работать! А жрать не надоѣло.

— Жрать не надоѣло! Это никогда не можетъ надоѣсть!—совершенно резонно разсудилъ Степка и даже ухмыльнулся по поводу своего глубокомыслія.

— Такъ что-же, мнѣ прикажешь любоваться на тебя? А? красавецъ ты мой ненаглядный! А?

Но Степка упорно продолжалъ отказываться отъ работы. Онъ спалъ до девяти часовъ утра, потомъ шелъ завтракать, затѣмъ ложился спать, послѣ чего отправлялся обѣдать, опять спалъ, полудневалъ и завершалъ свой многотрудный

*

Digitized by Google

день безмятежнымъ сномъ. Матушка просто не знала, что предпринять. На минуту она допустила предположеніе, что Степка съ ума сошелъ, но тутъ-же возразила себѣ, что ему «сходить не съ чего». Наконецъ Степка рѣшился открыть тайну своего сердца. Для этого онъ намазалъ волосы коровьимъ масломъ, причесался, хорошенько умылся, вымазалъ саломъ сапоги и проникъ въ батюшкинъ кабинетъ. Тутъ были батюшка съ матушкой.

— Батюшка и вы, матушка! — торжественно началъ онъ свою рѣчь.—Я пришелъ просить, чтобы вы обвѣнчали меня!...

Можно представить себѣ ужасъ, который изобразился на лицахъ батюшки и матушки. Съ кѣмъ? Кто за него пойдетъ, за дурака?—посыпались разспросы.

— А уже есть такая!—лукаво ухмыльнулся Степка:—Гапка, что на хуторахъ, Гарбузина племянница!..

Гапку, Гарбузину племянницу, всѣ очень хорошо знали. Она была такая-же дурочка, какъ и Степка, только немножко поглупѣе. Про нее тоже говорили, что у нея «не всѣ дома».

— Вѣдь вотъ таки снюхались!—сказала матушка:—не даромъ говорится: «дуракъ дурака видитъ издалека»!

— Я не имѣю права вѣнчать тебя... Ты вѣдь знаешь, что и ты, и Гапка—оба слабоумны...

— Я знаю, батюшка... Такъ развѣ-жь мы виноваты?..

— Ну, вотъ видишь! А законъ воспрещаетъ вѣнчать завѣдомо-слабоумныхъ!..

— Такъ значитъ придется такъ... безъ вѣнчанья... грѣшнымъ дѣломъ!—откровенно заявилъ Степка.

Но батюшка не могъ допустить такого грѣха. Онъ скорѣе рѣшался поступить противозаконно и понести кару, чѣмъ допустить незаконное сожительство. Было рѣшено, что Степку обвѣнчаютъ.

Много было смѣху въ Панычевѣ, когда молодые съ беззаботнѣйшимъ видомъ шли изъ церкви на хуторъ. Степка получилъ отъ батюшки телушку—въ вознагражде-

Digitized by Google

ніе за долголѣтнюю службу. Эта телушка немедленно была продана жиду за пять рублей, и на эти деньги молодые питались въ продолженіе медоваго мѣсяца. А чѣмъ они будутъ жить всю остальную жизнь?—этотъ вопросъ совсѣмъ не интересовалъ ихъ.

Панасъ-же съ этого времени сдѣлался настоящимъ работникомъ, и тутъ матушка увидѣла, какая разница между нимъ и Степкой. Въ конюшнѣ у него была отмѣнная чистота; лошади всегда сыты и во-время напоены; дворъ выметенъ еще тогда, когда матушка лежала въ постели; экипажъ вымытъ; ворота починены; словомъ—на всемъ появилась печать энергичной и умѣлой Панасовой руки. Панасъ носилъ въ душѣ своей стремленіе къ дѣятельности. Какъ-только онъ почувствовалъ себя главнымъ работникомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не внести всюду своей поправки. Онъ скорѣе былъ польщенъ этимъ повышеніемъ, чѣмъ огорченъ прибавкой работы. Да и очень нравилось ему это полновластное распоряженіе конюшней и амбарами.

Въ ночную пору онъ разляжется себѣ среди городда на высокой перинѣ изъ свѣжаго сѣна, а вокругъ него цѣлая стая огромныхъ дворовыхъ собакъ, подъ предводительствомъ его лучшаго друга Барбоса, котораго на ночь спускали съ цѣпи. Они своими горячими языками лижутъ руки и лицо Панаса и готовы по одному слову кинуться на перваго встрѣчнаго и разорвать его на части. Въ эту минуту Панасъ чувствовалъ себя царемъ. На него теперь смотрѣли уже какъ на взрослаго, какъ на парня. Онъ не могъ не поддаться тому тщеславному увлеченію, которое всегда свойственно дѣтямъ, поставленнымъ въ положеніе взрослыхъ людей, и захотѣлъ доказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ парень—сильный, умѣлый, который ни передъ чѣмъ не спасуетъ. Въ это лѣто онъ выучился косить и не уступалъ въ этомъ искуствѣ любому хозяину. Когда пріѣхалъ Алеша, все такой-же маленькій и низенькій, какъ прежде,—Панасъ отнесся къ нему покровительственно. У нихъ теперь не было ничего общаго.

Digitized by Google

Матушка не могла нарадоваться на своего новаго работника. Она уже давно перестала называть его воришкой, а, совершенно напротивъ, всѣмъ говорила, что Панасъ (теперь уже его нельзя было называть Фанаськой)—„золотой человѣкъ“. Она только одному дивилась: что у Панаса, съ возрастомъ, какъ-будто и нравъ перемѣнился. Прежде разбитной и веселый—онъ теперь сдѣлался сосредоточеннымъ и молчаливымъ, не любилъ людского общества. Что съ нимъ сталось?

А сталось съ Панасомъ то, что онъ никакъ не могъ забыть мамку. Голова его постоянно была занята вопросомъ: гдѣ она теперь? Что-то она переживаетъ? Какія еще новыя муки выпали ей на долю? Часто представлялась она ему въ томъ ужасномъ видѣ, въ какомъ явилась къ матушкѣ. Въ эти минуты онъ готовъ былъ кинуть все: и любимыхъ собакъ, и готовый обѣдъ, и матушку съ батюшкой,—готовъ былъ идти на край свѣта искать ее. Но гдѣ искать. Кто ее знаетъ? Да и жива-ли она? Однако ему всегда почему-то казалось, что онъ непремѣнно опять встрѣтится съ мамкой. Ну, на этотъ разъ онъ ее отъ себя не отпуститъ. Тогда онъ будетъ уже настоящимъ парнемъ, станетъ работать какъ волъ и прокормитъ и себя, и ее. Придетъ же когда-нибудь время, когда и онъ будетъ жить какъ люди!..

Въ ожиданіи этого золотого времени прошла новая зима, новое лѣто—и все оставалось по-старому. О Параскѣ не было никакихъ слуховъ.

X.

Степанида-кузнечиха.

Былъ въ Панычевѣ кузнецъ—Евстафій Коваль, и не было человѣка въ селѣ или окружныхъ хуторахъ, которому онъ не сковалъ-бы какой-нибудь желѣзной штуки для хозяйства. Онъ и прозывался Ковалемъ потому, что былъ имъ отъ рожденія. И дѣдъ его, и батько занимались кузнечествомъ, да и его научили этому ремеслу. И былъ Евстафій здоровый парень, съ крѣпкими мускулами, съ

Digitized by Google

высокими плечами и здоровою, широкою грудью. Стоило посмотрѣть на него въ праздничный день, когда онъ, выкупавшись въ Днѣпрѣ, смоетъ съ лица и рукъ сажу и копоть,—что это былъ за красавецъ! что за ловкій кавалеръ! какіе свѣтлые, ясные глаза смотрѣли изъ-подъ его густыхъ и ровныхъ бровей! Зато ему и жинка досталась такая, какой ни у кого не было во всемъ Панычевѣ. Степанидой звали ее, а самъ Коваль называлъ ее Стешей. Румяная, круглолицая да чернобровая; глаза—какъ двѣ звѣзды, да еще самыя яркія, что горятъ на темномъ небѣ въ лѣтнюю ночь, когда не бываетъ мѣсяца. Когда бывало идетъ она по улицѣ съ коромысломъ на плечѣ, либо гонитъ свою коровенку въ череду,—ни одинъ парень не пройдетъ мимо нея, не сказавши:

— Ахъ, да и молодица! Не ходитъ, а горитъ и тебя сжигаетъ!..

Нехорошо завидовать счастливому человѣку, а парни завидовали Ковалю. Оттого должно быть съ нимъ и приключилось такое, отъ чего давно уже не видать его на селѣ. Да и Степанида рѣдко въ немъ показывается; а если и выйдетъ... эхъ, не та ужь походка! нѣтъ того взмаху!... Смирилась...

Взяли Евстафія въ солдаты, да такъ съ тѣхъ поръ его и не видно. И куда-только они дѣваютъ людей, Господи ты Боже мой?! Уже и пора-бы ему кажется вернуться къ своей Степанидѣ, семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Панычево осталось безъ Ковыля,—нѣтъ, не идетъ.

— Что-то тамъ куетъ онъ теперь на чужой сторонѣ?—думаетъ горькую думу Степанида.—Можетъ уже выковалъ себѣ гробъ? А можетъ и другую жинку!?..

Развалилась Евстафьева кузница, засорились мѣхи, которыми раздувалъ онъ огонь, устало ждать сердце Степаниды, утомилось оно въ одиночествѣ, въ опустѣвшей хатѣ, въ бѣдности, въ поденной работѣ... Не выйди ни на улицу въ праздникъ, когда парни и дѣвки весело перебрасываются шутками, ни на вечерницу, гдѣ поютъ они пѣсни и переглядываются долгими, многозначительными

Digitized by Google

взглядами!... Покажись только тамъ Степанида, — сейчасъ по всему селу пойдетъ худая слава... И чего только тогда не наскажутъ объ ней, Боже!... А придетъ Евстафій, все ему передадутъ... все, чего и не бывало. Что тогда будетъ?...

Ну, что, Степанидушка? Не идетъ Евстафій?—спроситъ иной разъ батюшка, о. Макарій, у котораго она часто стирала бѣлье.

Степанида только рукой махнетъ. Да ужь она была почти увѣрена, что Евстафій не придетъ. Завелъ онъ себѣ тамъ другую, о ней же и думки у него нѣтъ.

Хата Степаниды стояла на пригоркѣ особнякомъ, потому что при ней была кузница. Мимо нея шла дорога, по которой панычевцы ѣздили, когда большая улица превращалась въ озеро грязи. Это бывало весной. По ней-же хаживали тѣ, кому хотѣлось идти подольше, потому-что она была круговая. Пошлетъ-ли приказчикъ или батюшка свою работницу въ лавку, либо въ кабакъ,—она ужъ непремѣнно пойдетъ этой дорогой, еле передвигая ноги, чтобъ подольше быть на свободѣ. Этой дорогой ходилъ и Панасъ и часто взглядывалъ на окна Степанидиной хаты, и тогда казалось ему, что у окна торчитъ голова и чьи-то блестящіе глаза провожаютъ его. Часто ему приходило въ голову глупое желаніе заглянуть, что она тамъ дѣлаетъ въ своей хатѣ—одна одинешенька. Скучаетъ баба, должно быть! Такая здоровая, кровь съ молокомъ — и молодая... А глаза у нея, точно огонь, такъ и пылаютъ... Правда онъ не много словъ сказалъ съ нею за все время своего знакомства. Когда-никогда встрѣтится съ нею у батюшки на кухнѣ за общимъ обѣденнымъ столомъ, либо на городѣ, когда она забираетъ солому для топки, а онъ сгребаетъ сѣно для лошадей. Ну, тутъ не до долгихъ разговоровъ, развѣ только и успѣешь что перекинуться двумя-тремя словами. Да и о чемъ онъ станетъ говорить съ съ нею? Что онъ противъ нея? Ему всего какихъ-нибудь лѣтъ семнадцать, а ей пожалуй ужь до тридцати добирается. Онъ и называлъ ее не иначе, какъ «теткой».

Digitized by Google

Иной разъ она попроситъ его принести воды для стирки и скажетъ:

— Спасибо, хлопче!

А въ другой разъ еще прибавитъ:

— Ишь какой чернобровый!

Въ сущности Панасъ вовсе даже и не чернобровый, потому-что брови у него такого цвѣта, какъ шерсть у гнѣдого батюшкина коня. Но это ужь такъ, ради похвалы, говорится.

Въ послѣднее время онъ замѣтилъ, что она стала довольно часто просить его принести воды, а еще чаще приходить на горбдъ за соломой и уже не пропуститъ случая, чтобъ назвать его чернобровымъ. А главное—глаза у нея въ это время... Охъ, что за глаза! Такъ и прожигаютъ тебя насквозь. Нѣтъ, она не то, что всякая другая баба, до которой Панасу нѣтъ никакого дѣла. Въ ней есть что-то такое, отъ чего у него въ глазахъ темнѣетъ.

Вотъ тебѣ и тетка! Ну, сравнить ее хоть-бы съ Сонькой. Вѣдь эта Сонька (чертова дѣвка, эта Сонька! еще и не выросла, какъ слѣдуетъ, а уже, поди, какія штуки выдѣлываетъ и какія слова говоритъ!) придетъ къ нему въ конюшню (да еще не когда-нибудь, а именно позднимъ вечеромъ, когда всѣ уже улягутся спать!), присядетъ рядомъ съ нимъ и обниметъ, да еще прижмется. Говоритъ, говоритъ (ну что она тамъ говоритъ? — все больше про матушку, что она—вѣдьма), а тамъ и умолкнетъ и спать не хочетъ, проклятая, даромъ что набѣгается за день. А ему—ничего; какъ будто ея и нѣтъ тутъ. Степанида не то. Степанида только слово скажетъ да глазами вскинетъ, а у него ужь дрожь по тѣлу пробѣжала. Не даромъ про нее говорятъ, что когда она въ дѣвкахъ была, то другой такой дѣвки въ цѣлой губерніи не было. Ну, то должно быть и дѣвка же была.

И всякій разъ, когда Панасъ проходилъ мимо хаты Степаниды, у него билось сердце и дрожали колѣни. А одинъ разъ онъ ее увидѣлъ. Это было зимой. Только-что зашло солнце и пріударилъ морозъ. Панасъ несъ подъ

Digitized by Google

мышкой бутыль съ водкой и спѣшилъ, потому что у батюшки были гости. Да и морозъ здорово пронималъ его. У Степаниды въ хатѣ свѣтился тусклый огонекъ. Только что онъ поровнялся съ ея хатой, какъ скрипнула дверь и она появилась на порогѣ.

— Небось, холодно, парень?—окликнула она.

У нея былъ мягкій, пѣвучій голосъ. Панасу нравился этотъ голосъ. Понравилось ему также, что эта красивая молодица называетъ его парнемъ. Положимъ, онъ уже выросъ изъ хлопцевъ, но у него было еще совсѣмъ безусое лицо, и многіе еще кричали ему: «Ей, хлопче?»

— Да вѣдь у тебя не погрѣешься, тетка Степанида!— отвѣтилъ онъ, какъ отвѣтилъ-бы всякій настоящій парень.

— А отчего-бы и не погрѣться? Хата у меня теплая, а печка широкая!—Отвѣтила Степанида.

Неизвѣстно почему у Панаса слегка закружилась голова и передъ глазами точно пронесся легкій туманъ.

Онъ не сказалъ больше ни слова и ускорилъ шаги. А вслѣдъ ему послышалась и какъ-бы догоняла его пѣсня:

„Батька дома немае,
Батько въ шинку гуляе!
А ты, сердце, ходы,
Мене вирно любы!...“

— Чортова молодица!—вслухъ выругался Панасъ и почувствовалъ, что еще если разъ съ нимъ случится такая исторія, то ужь онъ непремѣнно заглянетъ въ хату Степаниды.

Скоро онъ опять увидѣлъ ее. На этотъ разъ Степанида ни слова не сказала. Она стояла на порогѣ и тихонько что-то напѣвала.

— Холодно, тетка Степанида! — сказалъ Панасъ, и голосъ его дрожалъ. А Степанида стояла передъ нимъ и молча глядѣла на него. Ему показалось, что у нея было печальное лицо и въ глазахъ какъ-будто стояли слезы.

— Должно быть ей дуже плохо живется!—подумалъ Панасъ, и ему стало такъ жалко Степаниду, какъ жалѣлъ онъ развѣ одну мамку когда вспоминалъ о ея скитаньяхъ.

Digitized by Google

— Ты сирота?—спросила она.

— Сирота,—отвѣчалъ Панасъ.

И она опять долго глядѣла на него молча.

— А ты знаешь, парень, что я мужняя жена?—опять проговорила она.

«Зачѣмъ она говоритъ это?» подумалъ Панасъ.

— А что, какъ увидитъ тебя тутъ, у моей хаты, которая-нибудь баба, да въ позднюю пору?!...

А глаза ея въ это время впились въ него. Страсть, которая въ нихъ искрилась, передавалась Панасу, и ему показалось, точно какая-то горячая струя пробѣжала у него по тѣлу.

— Уйду лучше!—подумалъ онъ, потому-что руки его дрожали и, казалось, противъ его воли готовы были протянуться къ ней.

— Ну, такъ прощай!—промолвилъ онъ и почти бѣгомъ пустился по широкой дорогѣ.

Онъ слышалъ, какъ съ шумомъ захлопнулась дверь.

Послѣ этого онъ долго не видѣлъ Степаниды. Какъ-будто нарочно она и къ батюшкѣ не приходила, а между тѣмъ его тянуло къ ней. Часто среди ночной темноты, когда онъ открывалъ полусонные глаза, она чудилась ему, какъ живая. Пара блестящихъ глазъ впивалась въ него, какъ тогда, когда онъ стоялъ у порога ея хаты; раскраснѣвшіяся щеки почти касались его щекъ, и ему чудилось, что онъ ощущаетъ ея горячее дыханіе. Тогда всего его охватывалъ огонь, и онъ готовъ былъ бѣжать къ ней. Но какая-то робость удерживала его на мѣстѣ... «Что она подумала тогда?—размышлялъ онъ иногда.—И зачѣмъ я убѣжалъ, словно глупый мальчишка?» И ему казалось, что этимъ бѣгствомъ онъ унизилъ себя и она пожалуй теперь смѣется надъ нимъ.

Но она не смѣялась, а сгорала съ каждымъ днемъ. Къ концу зимы она пришла къ батюшкѣ стирать. Панасу показалось, что она измѣнилась за это время. Щеки ея были блѣдны, взглядъ блестящихъ глазъ тревожно искалъ чего-то. Когда, передъ вечеромъ, она собралась уходить, Панасъ

Digitized by Google

вышелъ за горбдъ. Тутъ они встрѣтились, но онъ глядѣлъ на нее молча и не могъ проговорить ни слова.

— Эхъ, парень!—промолвила Степанида, и въ этихъ словахъ Панасу послышалась насмѣшка.

— А что?—спросилъ онъ.

— Что-же ты не утекаешь?... Я думала, что ты всегда такъ!... Ха, ха!

«О, да она взаправду смѣется!»—подумалъ Панасъ.

— А можетъ и не всегда!—не безъ лукавства сказалъ онъ и при этомъ молодецки поправилъ свою шапку. Къ сожалѣнію это была не сивая овечья шапка, какъ приличествуетъ настоящему парню, а все та-же поповичева кэпи.

— Побачимъ!—донеслось до него издали, такъ какъ Степанида ускорила шаги и была уже далеко.

— Побачимъ!—повторилъ Панасъ и долгимъ взглядомъ измѣрилъ разстояніе отъ батюшкина тока до ея хаты.

Съ этой минуты онъ уже принялъ твердое рѣшеніе.

Что сказала бы матушка, еслибъ узнала, что въ эту ночь конюшня была заперта извнѣ, а въ ней не было никого, кромѣ тройки лошадей, которыя впрочемъ жевали сѣно такъ же сосредоточенно, какъ и въ прежнія ночи!..

Она конечно перевернула бы весь домъ, собрала бы всѣхъ сосѣдей и объявила бы имъ, что Панасъ увезъ у нея пять мѣшковъ пшеницы и многое другое. Но матушка этого не знала, и потому все обошлось благополучно, тѣмъ болѣе, что Панасъ вернулся домой раньше, чѣмъ на небѣ начали блѣднѣть звѣзды. Вернувшись, онъ уже совсѣмъ не ложился спать, а сейчасъ же принялся за чистку коней, такъ что, когда матушка, въ обычное время, т. е. въ началѣ четвертаго часа, пришла будить его, то очень удивилась и похвалила его. Еслибъ она не была такъ недальновидна, то дальше могла бы наблюдать, что это была не единственная ночь, когда конюшня запиралась извнѣ и когда Панасъ оказывался слишкомъ старательнымъ кучеромъ, вставая раньше самой матушки.

Digitized by Google

XI.

Подарки.

Матушка всегда держалась того мнѣнія, что за вѣрную и старательную службу слѣдуетъ награждать. Она была настолько безпристрастна, что не могла не видѣть ту заботливость, съ которой Панасъ относился къ ея хозяйству. Въ особенности она была тронута тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ повидимому не довольствовался дневной работой, а часто вставалъ въ два часа ночи и принимался чистить коней. Это-то послѣднее обстоятельство и натолкнуло ее на мысль о поощреніи. Укрѣпившись въ этой мысли, она начала обдумывать практическій вопросъ — какой изъ предметовъ въ ея хозяйствѣ обладаетъ достоинствами, которыя можно было бы противопоставить услугамъ, оказываемымъ ей Панасомъ. По тщательномъ размышленіи, она наконецъ нашла такой предметъ и сочла своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія батюшки, который, хотя и не принималъ участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе былъ—глава.

— Я хочу поговорить съ тобой, о. Макарій,—обратилась матушка къ своему главѣ, когда однажды они пили вмѣстѣ вечерній чай.

— А что такое, душа моя?—вопросилъ о. Макарій.

— Я хочу поговорить съ тобой о Панасѣ,—отвѣчала матушка, и о. Макарій разумѣется готовъ былъ слушать ее.

— Парень онъ (еслибъ это слышалъ Панасъ, онъ конечно, остался бы очень доволенъ тѣмъ, что сама матушка признавала его парнемъ), какъ я вижу, старательный и кажется... вполнѣ исправился!..

— Если ты это находишь, душа моя, то конечно... Тебѣ лучше знать!—сказалъ на это глава.

— Я полагаю,—продолжала матушка,—что его надо наградить! Какъ ты думаешь, о. Макарій?

Digitized by Google

— Я именно думаю, что его надо наградить!—отвѣчалъ о. Макарій.

— Такъ вотъ я и назначила ему бычка, котораго будущей весной приведетъ наша бурая корова!

— Какъ же ты, мать моя, назначаешь ему то, что еще, можно сказать, мы не получили?.. А если вдругъ что нибудь случится?..

— Что же такое можетъ случиться съ бурой коровой, о. Макарій? Слава тебѣ Господи, она каждый годъ исправно приводитъ по бычку!..

— Ты легкомысленно разсуждаешь, мать моя!—очень серьезно возразилъ о. Макарій.—Очень легко можетъ случиться, что бурая корова въ этомъ году не приведетъ бычка...

— Странный ты человѣкъ, о. Макарій! Съ чего ей именно въ этомъ году не привести бычка, когда она каждый годъ приводила? Я никакъ не могу понять, отчего именно тебѣ кажется, что въ этомъ году бурая корова не приведетъ бычка!.. Такъ я, говорю, назначила этого бычка Панасу...

— Какъ хочешь, мать моя!—не безъ раздраженія произнесъ о. Макарій.—Дѣлай, какъ знаешь, а я умываю руки!..

Но матушка привыкла къ этимъ предупрежденіямъ и не обращала на нихъ вниманія.

— Еще я хотѣла сказать тебѣ вотъ что. Такъ какъ Панасъ хорошо служитъ, то ему слѣдуетъ купить кожухъ, да кромѣ того шапку, потому что онъ до сихъ поръ ходитъ въ Алешиной фуражкѣ и я сама слышала, какъ парни смѣялись надъ нимъ. Ты, какъ поѣдешь въ городъ, возьми его съ собой и купи все это.

Въ этомъ предложеніи батюшка не нашелъ ничего такого, чего не могъ бы одобрить, поэтому и принялъ его безпрекословно. Сонькѣ было приказано позвать Панаса. Во время разговора она приготовляла матушкѣ постель въ сосѣдней комнатѣ и конечно не преминула принять безмолвное участіе въ разговорѣ. Когда ей дали приказаніе,

Digitized by Google

она едва не прыснула со смѣху. А когда пришла въ конюшню, то Панасъ не могъ понять, въ чемъ дѣло,—такъ силенъ былъ у нея припадокъ смѣха.

— Иди, Панасъ... Получай награду!.. То-то!.. Разбогатѣешь!.. Да смотри—не зазнайся, насъ, бѣдныхъ, не забывай!..

— Вотъ, съ ума сошла дѣвка! Куда идти? Что ты говоришь?—спрашивалъ Панасъ.

— Иди въ горницы!—Тамъ батюшка съ матушкой будутъ награждать тебя!—пояснила Сонька, не переставая заливаться смѣхомъ.

Панасъ все таки не понималъ.

— Матушка кличетъ!—ясно выразилась наконецъ Сонька.

Тогда Панасъ отправился въ горницу. Онъ остановился у самаго порога. Взоръ упалъ на столъ, накрытый бѣлой скатертью, на которой красовался шипящій самоваръ, посуда, хлѣбъ, половина жаренаго гуся, графинчикъ съ водкой и рюмка.

«Можетъ водкой захотѣли попочтовать!»—подумалъ Панасъ, который сроду еще не пробовалъ водки, а помнилъ очень хорошо, что его предшественнику Степкѣ иногда допускалось это баловство. Но вмѣсто водки его ожидала цѣлая рѣчь.

— Вотъ, Аѳанасій... Ты уже теперь приходишь въ возрастъ! — такъ началъ рѣчь свою батюшка. — Ты вспомни, какимъ ты пришелъ къ намъ, и посмотри, какой ты теперь!.. Ты пришелъ въ рубищахъ, голодный и хилый...

— Господи, что за несчастное созданіе это было!—пояснила отъ себя матушка:—кажется, подуй только вѣтеръ, такъ тебя бы и не стало...

— Погоди, душа моя, ты не перебивай меня,—остановилъ ее о. Макарій, который имѣлъ въ виду сказать настоящее «слово» и опять обратился къ Панасу:—До этого ты жилъ въ средѣ развращенной, но видно самъ твой ангелъ-хранитель о тебѣ позаботился, когда напра-

Digitized by Google

вилъ твои стопы въ нашъ домъ. Теперь ты сталъ вполнѣ человѣкомъ...

Быть можетъ рѣчь батюшки вышла бы очень длинной, и очень вѣроятно также, что въ ней заключались бы весьма поучительныя вещи, но матушка рѣшительно не въ силахъ была выдержать. Она подумала, что о. Макарій напрасно только тратитъ слова, изъ которыхъ никакого толку не будетъ. Высокій слогъ, по ея мнѣнію, былъ умѣстенъ только въ церкви, въ проповѣди, поэтому она буквально ворвалась въ середину батюшкиной рѣчи и заговорила по-своему.

— Однимъ словомъ,—громко заговорила она, такъ что батюшкѣ оставалось только возвести очи къ потолку,—мы тебя, можно сказать, подобрали на улицѣ—голаго, голоднаго и холоднаго, выкормили тебя, выпоили, одѣли и выростили... Теперь ты—парень хоть куда! Ишь какой выросъ, хоть сейчасъ женить тебя. Правда!

Матушка повидимому очень гордилась тѣмъ, что Панасъ у нея выросъ, и всю честь возращенія его приписывала исключительно себѣ, упуская изъ виду, что тутъ немного помогала ей и природа.

— Ты у насъ былъ все равно какъ родной!—продолжала матушка.—Мало этого: пришла твоя мамка, мы и ее приняли, одѣли, обласкали, а она, дрянная, насъ обманула... Да, она, собачья дочь, обманула и обокрала насъ! Но Богъ съ нею, мы этого зла не помнимъ! Она отъ этого должно быть не разжилась!..

«Вотъ такъ награждаютъ, нечего сказать!»—подумалъ Панасъ и рѣшилъ, что его, должно быть, позвали не для награды, а для того, чтобъ помучить.

— Ты, Панасъ, лучше твоей мамки!—утѣшила наконецъ его матушка... И такъ какъ въ это время она остановилась, то батюшка воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобъ продолжать свою рѣчь.

— Ты, Аѳанасій,—подобно той потерянной овцѣ, которой пастырь радуется больше, чѣмъ девяносто девяти оставшимся,—радуешь насъ своимъ исправленіемъ!—за-

Digitized by Google

говорилъ батюшка, стараясь не останавливаться, чтобъ не дать возможности матушкѣ перебить его.—Вѣрной своей службой и рачительностью ты заслужилъ награжденіе, потому что мы не можемъ оставлять безъ награжденія видимое усердіе. Ты не зарылъ талантъ свой въ землю... И вотъ за такое усердіе...

Тутъ батюшка долженъ былъ остановиться, такъ какъ онъ не находилъ возможнымъ судить бычка, притомъ еще не явившагося на свѣтъ. А потому рѣчь продолжала матушка.

— Бычекъ, котораго приведетъ весной бурая корова, пускай будетъ твой!—торжественно заявила матушка.—Да къ этому еще батюшка купить тебѣ кожухъ и шапку... Я думаю также, что и чоботы ему слѣдуетъ купить. Какъ думаешь, о. Макарій?

— И чоботы я куплю!—отвѣтилъ о. Макарій.—Въ понедѣльникъ поѣдешь со мною въ городъ!

— Покорно благодарю! — сказалъ Панасъ и, какъ всегда водится въ подобныхъ трогательныхъ случаяхъ, поцѣловалъ руку сначала у батюшки, а потомъ у матушки.

Онъ уже хотѣлъ уйти, но матушка взялась за графинчикъ и налила изъ него въ рюмку.

— Вотъ выпей за то, чтобъ бурая корова была здорова, а бычекъ бы былъ крупный да породистый!—сказала она и протянула къ нему рюмку.

— За ваше здоровье!—сказалъ Панасъ, обращаясь къ матушкѣ и, проглотивъ водку, скорчилъ невѣроятную гримасу. Это была первая рюмка, выпитая имъ, и надо сказать, что онъ ожидалъ отъ нея бо́льшаго удовольствія.

— Ну, а теперь иди ужинать!—сказала ему матушка.

— Покорно благодарю!—еще разъ поклонился Панасъ и вышелъ.

Во дворѣ онъ сталъ размышлять—что собственно подарили ему. Зиму онъ проходилъ безъ кожуха и безъ теплой шапки, а на весну ему дарятъ то и другое, затѣмъ

Digitized by Google

рюмка водки, а ко всему этому—бычекъ, котораго еще на свѣтѣ нѣтъ! «Вотъ такъ подарки! Не даромъ Сонька заливалась!..»

Въ этотъ вечеръ на кухнѣ былъ превеселый ужинъ. Панасъ разсказывалъ о своихъ подаркахъ, и всѣ старались разрѣшить вопросъ—что онъ долженъ дѣлать со своимъ бычкомъ? Злоязычная Сонька увѣряла, что теперь Панасъ ночей не будетъ досыпать. Ему все будетъ казаться, что бычекъ убѣжалъ. Дунька съ своей стороны прибавляла, что теперь у Панаса по крайности лѣто будетъ теплое, такъ какъ онъ можетъ не выходить изъ кожуха.

Въ понедѣльникъ поѣхали въ городъ. Панасу хорошо были знакомы грязныя улицы губернскаго города. По этой грязи въ былое время онъ часто бѣгалъ вслѣдъ за какимъ нибудь пѣшеходомъ, прося милостыню, пока не замѣчалъ гдѣ-нибудь вдали городового. Тогда онъ убѣгалъ и прятался между двухъ деревянныхъ будокъ, въ которыхъ евреи вели свою торговлю галантерейными товарами.

Понедѣльникъ—базарный день, поэтому въ городѣ было много панычевскихъ мужиковъ, которые, сидя на возахъ своихъ и проѣзжая мимо батюшки, снимали шапки. Впрочемъ о. Макарія знали мужики чуть-ли не всего уѣзда, такъ какъ онъ славился своей святостью и къ нему пріѣзжали молебствовать, въ случаѣ какой-нибудь важной бѣды. Вслѣдствіе такого обширнаго знакомства, проѣздъ о. Макарія черезъ городской базаръ былъ настоящимъ тріумфомъ. Батюшка то-и-дѣло снималъ шляпу и раскланивался направо и налѣво. Такъ-же хорошо знали его и торговцы. Русскіе кланялись ему потому, что молебствовали у него, а иные (въ особенности ихъ жены) пріѣзжали къ нему даже говѣть, потому что ни одинъ батюшка въ городѣ не исповѣдывалъ такъ долго, основательно и и строго, какъ о. Макарій. Евреи же знали его потому, что, заходя къ нимъ въ лавку, о. Макарій непремѣнно начиналъ спорить съ ними о религіи и увлекался до того, что забывалъ о своихъ покупкахъ. Онъ спорилъ

Digitized by Google

серьезно и безъ всякихъ насмѣшекъ. Такъ какъ евреямъ приходилось видѣть это очень рѣдко, то они за это уважали о. Макарія, хотя конечно оставались при своихъ старыхъ убѣжденіяхъ.

Во всемъ этомъ тріумфѣ невольно участвовалъ и Панасъ, такъ какъ онъ сидѣлъ на козлахъ и не безъ граціи управлялъ парою лошадей. Когда они подъѣхали къ лавкѣ, гдѣ продавались готовыя платья, Панасъ вмѣстѣ съ батюшкой пошелъ въ лавку и съ наслажденіемъ примѣрилъ кожухъ и шапку. Батюшка разумѣется отрекомендовалъ его торговцамъ.

— Это мой воспитанникъ!—сказалъ онъ.—Мы его подобрали на улицѣ, когда онъ былъ еще маленькимъ. Теперь, какъ видите, онъ выросъ!... Сирота! Мать его, пьяница, обокрала насъ!... Развратная женщина!...

Это объясненіе Панасъ получилъ въ придачу къ кожуху, который пришлось свернуть и положить въ бричку, потому-что на дворѣ стояла весна. Шапку онъ тѣмъ не менѣе надѣлъ, потому-что кепи слишкомъ уже мало ему нравилось. Потомъ они прошли въ другую лавку, гдѣ Панасъ выбралъ себѣ чоботы. Батюшка и здѣсь не оставилъ его въ неизвѣстности. Пока онъ примѣрялъ сапоги, до него доносились съ другого конца лавки отрывочныя фразы: «Его вытащили изъ проруби.. Она унесла полъ-дюжины ложекъ серебряныхъ...» И все въ такомъ-же родѣ. Очевидно о. Макарій хорошо усвоилъ себѣ то, что такъ часто повторяла матушка.

Когда о. Макарій бывалъ въ городѣ, онъ не имѣлъ обыкновенія заѣзжать къ знакомымъ обѣдать. Это было въ привычкахъ матушки. Отецъ же Макарій всегда спѣшилъ домой, потому-что его ожидали разные больные. Поэтому онъ ограничивался тѣмъ, что заходилъ въ бакалейную лавку, гдѣ всегда забиралъ и гдѣ его очень хорошо знали, выпивалъ рюмку водки и съѣдалъ коробку сардинокъ. Совершенно такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Панасу-же вручилъ монету въ пятнадцать копѣекъ, присовокупивъ:—«купи себѣ связку бубликовъ и ѣшь на здо-

Digitized by Google

ровье». Несмотря на то, что число лѣтъ, которыя Панасъ прожилъ на свѣтѣ, превышало на два цифру, обозначенную на вышеупомянутой монетѣ,—тѣмъ не менѣе онъ въ первый разъ въ жизни обладалъ такой значительной суммой. Правда онъ былъ обладателемъ еще такого капитала, какъ бычекъ, имѣющій явиться отъ бурой коровы,—но этотъ капиталъ ранѣе будущей весны никоимъ образомъ не могъ быть реализованъ. Панаса не мало затруднялъ вопросъ, на какой именно предметъ будетъ наиболѣе цѣлесообразно употребить это богатство, такъ какъ за пріобрѣтеніемъ связки бубликовъ (она стоитъ, какъ извѣстно, всего пять копѣекъ) у него оставалось десять копѣекъ. Онъ видѣлъ на базарѣ много разнообразныхъ вещей, изъ которыхъ каждая могла бы не безъ торжественности быть положена на столъ въ хатѣ Степаниды. Тутъ были и намисты, и платочки разныхъ цвѣтовъ, и крестики, и башмаки,—и Панасъ подходилъ къ торговцамъ, бралъ все это въ руки, освѣдомлялся о цѣнѣ и съ ужасомъ узнавалъ, что онъ владѣетъ слишкомъ ничтожнымъ капиталомъ. Тогда его разобрала злость, потому-что мысль о поднесеніи подарка Степанидѣ сильно засѣла у него въ головѣ. Онъ положилъ свой гривенникъ обратно въ карманъ, проговоривъ сквозь зубы: «выслужилъ, нечего сказать». И въ эту минуту опять вспомнилъ объ имѣющемъ появиться на свѣтъ бычкѣ и о лежащемъ въ бричкѣ вожухѣ.

Батюшка благополучно доѣлъ свои сардинки, не было болѣе никакихъ препятствій къ отъѣзду въ обратный путь,—и бричка покатила за городъ. Уже вечерѣло. Заходящее солнце обливало красноватымъ свѣтомъ гладкую, безконечную степь, на которой тамъ и сямъ показалась уже ранняя зелень. Въ трехъ верстахъ отъ города широкая дорога пересѣкалась балкой, которая тянулась на разстояніи нѣсколькихъ верстъ и, густо усаженная садами, казалась благодатнымъ оазисомъ среди гладкой равнины полей. На этой балкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пересѣкала дорогу, торчало покосившееся на бокъ строеніе съ рѣденькой крышей и съ вывѣской: «Распивочно и на вы-

Digitized by Google

посъ». Неподалеку отъ трактира, почти у самаго колодца, постоянно сидѣлъ какой-нибудь сѣдобородый слѣпецъ, читавшій наизустъ и выкрикивавшій во все горло цѣлыя каѳизмы изъ псалтыри, или женщина съ изувѣченными ногами, которыя она старалась выставить на видъ, чтобы этимъ тронуть сердца проѣзжихъ. Проѣзжіе изрѣдка останавливались и клали копѣйки въ небольшія деревянныя посудины, которыя были въ рукахъ у нищихъ. О. Макарій всякій разъ на обратномъ пути изъ города останавливался на этомъ мѣстѣ и посылалъ кучера съ подаяньемъ. На этотъ разъ онъ вручилъ Панасу пятакъ, и когда тотъ приблизился къ женщинѣ, протянувшей къ нему руку, то онѣмѣлъ отъ изумленія, потому-что въ этой женщинѣ онъ узналъ свою мамку—Параску.

— Молчи!—чуть слышно проговорила Параска.—Я на старомъ мѣстѣ!...

Панасъ машинально вынулъ изъ кармана свой гривенникъ и присоединялъ къ батюшкину пятаку. У него дрожали руки. Ему хотѣлось разспросить Параску о ея житьѣ-бытьѣ, но онъ понималъ, что нужно молчать.

— Я приду!—прошепталъ онъ и, кинувъ глубокій, выразительный взглядъ на Параску, быстро повернулъ къ бричкѣ.

Все это произошло моментально, и батюшка конечно не подозрѣвалъ, что происходило въ душѣ Панаса, когда онъ, встряхнувъ своей новой шапкой, натянулъ возжи и крикнулъ лошадямъ:

— Гей-гей! Чего заснули? и при этомъ пронзительно свистнулъ.

XII.

Старые друзья.

— А тебя, должно быть въ городѣ добре угостили, хлопче! Или можетъ галушки тебѣ не по вкусу?...

Это восклицаніе принадлежало Улитѣ, замѣнившей въ матушкиной кухнѣ Параску, совершенно такъ, какъ

Digitized by Google

послѣдняя нѣкогда замѣнила Маланью. Впрочемъ нельзя сказать «совершенно такъ», потому что матушка далеко не была довольна Улитой, тогда какъ въ Параскѣ она не находила ни одного недостатка, разумѣется—до извѣстной катастрофы. Улита болѣе походила на предшественницу Параски: она была такая-же «вялая», неповоротливая и отличалась отъ Маланьи только тѣмъ, что имѣла очень маленькое, тщедушное туловище и глядѣла на оба глаза. Къ этому нужно еще прибавить, что она обладала веселымъ нравомъ и никогда не говорила спроста, а всегда имѣла въ виду поддѣть кого-нибудь своимъ двусмысленнымъ словцомъ. Наконецъ чтобъ сказать о ней все существенное, необходимо еще добавить, что изъ нея батюшка никогда не изгонялъ бѣса, такъ какъ бѣсъ никогда не избиралъ своимъ мѣстопребываніемъ Улиту. Ко всему этому Улита не считала себя сиротой (у нея былъ женатый сынъ, который служилъ у помѣщика при коровахъ) и никто не допускалъ, чтобъ она была отъ природы слабоумна (а даже совершенно напротивъ). А потому у нея не было основанія служить батюшкѣ даромъ, и она получала по три рубля въ мѣсяцъ. Можетъ быть именно вслѣдствіе этого матушка и была менѣе довольна ею, чѣмъ двумя ея предшественницами.

Ея восклицаніе, обращенное къ Панасу, было, какъ и все, что она говорила, преисполнено тонкой ироніи, которая заключалась въ допущеніи, что Панасу могутъ не придтись по вкусу галушки.

Панасъ сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Сонькою. Тутъ-же присутствовала и Дунька. Панасъ кажется не слышалъ обращеннаго къ нему восклицанія. Можетъ быть онъ не видѣлъ и стоявшей посреди стола миски съ галушками, а вмѣсто нея представлялъ себѣ мамку, сидящую на балкѣ съ протянутой рукой.

— Нѣтъ, онъ нынче и смотрѣть не хочетъ на галушки!—продолжала иронизировать Улита.—Что-то значитъ съѣздить въ городъ!.. Онъ теперь паномъ уже сталъ!.. Панасъ! Эй, Панасъ!..

Digitized by Google

Очнувшійся Панасъ схватилъ ложку и впопыхахъ набросился на галушки съ такимъ рвеніемъ, какъ будто это были не куски обыкновеннаго ржаного тѣста, сваренные въ водѣ съ солью, а напримѣръ гречневые вареники съ сыромъ и сметаной, плавающіе въ маслѣ или какіе нибудь коржи съ макомъ, приправленные свѣжимъ, душистымъ медомъ. Впрочемъ убѣдившись, что это ни то и ни другое, онъ сейчасъ же умѣрилъ свой пылъ.

— Это онъ оттого должно быть загордился, что ему купили новый кожухъ и шапку, да еще и чоботы!..— позлобствовала съ своей стороны Дунька.

— А чтобъ она подавилась тѣмъ кожухомъ, шапкою и чоботами!—отвѣтилъ на это Панасъ, причемъ всѣ знали, что она—была конечно не Дунька, а матушка.

— Нѣ-этъ! Это онъ заскуч-алъ!—промолвила Сонька настолько многозначительно и съ такимъ явнымъ лукавствомъ, что ея замѣчаніе никакъ не могло не вызвать вопроса.

— По комъ?—одновременно спросили Улита и Дунька.

— По стиркѣ!.. Что-то давно у насъ не стираютъ!..

— Вотъ оно что-о!..

— А ты должно быть хочешь, чтобъ я тебѣ этой самой ложкой носъ раскровянилъ?!—спросилъ Панасъ у своей сосѣдки и при этомъ подарилъ ее такимъ взглядомъ, который заставилъ ее замолчать.

Да, въ этомъ взглядѣ было такъ много зловѣщей рѣшимости, что и другія собесѣдницы замолчали, и уже больше не было сказано ни слова, пока Панасъ не надѣлъ свою новую шапку и не ушелъ въ конюшню.

Глупые кони конечно не подозрѣвали, какая работа происходила въ эту ночь, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, въ головѣ Панаса. Эта образцовая, но сильно запущенная мастерская получила заказъ на разрѣшеніе нѣкоторыхъ немаловажныхъ вопросовъ.

Вопросъ первый: «какимъ образомъ уйти?»—разрѣшался очень просто. Запереть конюшню извнѣ и отправиться, а къ утру возвратиться. Вопросъ второй: «съ чѣмъ

Digitized by Google

пойти?»—получалъ менѣе благопріятное рѣшеніе, потому что нельзя же было считать благопріятнымъ такой напримѣръ отвѣтъ: «съ пустыми руками», или въ такомъ родѣ: «съ теплымъ словомъ». А Панасу приходили въ голову именно такіе отвѣты. Это значитъ—придти къ мамкѣ, полюбоваться на то, какъ она голодаетъ, и уйти назадъ. Этакъ лучше не ходить. Попросить у матушки? Сказать: для мамки, молъ мамка нашлась? Такъ она ее сейчасъ къ суду притащитъ: «давай ложки!»—скажетъ, и все другое. Но вѣдь онъ кажется заработалъ же что нибудь? Слава Тебѣ, Господи, день и ночь топчется, и изъ этого толкъ выходитъ!..

Ничего не придумалъ Панасъ, чтобъ отвѣтить на свой трудный вопросъ, даромъ что цѣлую ночь работала его голова. Въ эту ночь напрасно чуть не до свѣта въ хатѣ Степаниды горѣлъ тусклый огонекъ. Дверь ея хаты ниразу не скрипнула и въ нее не вошелъ тотъ желанный гость, котораго тамъ ждали. До того ли ему было, чтобъ возиться съ бабами, когда у него въ головѣ царилъ образъ мамки и рѣшеніе во что бы то ни стало сдѣлать такъ, чтобъ мамка перестала нищенствовать. Надо же ей когда нибудь успокоиться! Уже и старость подходитъ. Что же онъ за сынъ, коли не можетъ прокормить своей мамки, которая у него одна? А еще парнемъ называется!..

А, проклятыя бабы! Что с азала эта толстомордая Сонька вчера за ужиномъ? „По стиркѣ заскучалъ!“ Значитъ она знаетъ. А если уже знаетъ одна, то будутъ всѣ знать, ужь это такъ всегда на свѣтѣ бываетъ. Что же тогда станется съ Степанидой? Увязался парень, смотри—какъ бы бѣды не вышло! Смотри, парень, во оба! Это ничего, что въ конюшнѣ темно, какъ на днѣ глубокой ямы! Ты смотри! Вонъ уже собрались бабы въ очипкахъ *) и стрекочутъ, какъ стая шпаковъ, налетѣвшая на вишневое дерево. Онѣ говорятъ то, что было, а еще больше то, чего не было. Посмотри, какъ онѣ косятся на ободранную хату,

*) Головной уборъ замужнихъ женщинъ.

Digitized by Google

стоящую особнякомъ, при круговой дорогѣ, какъ мигаютъ на развалившуюся кузницу. А вонъ по улицѣ идетъ молодица съ блѣднымъ лицомъ, съ опущеннымъ взоромъ... И онѣ отступили отъ нея, какъ отъ чего-то нечистаго, преступнаго. А еще не то будетъ. Придетъ солдатъ—и ему все разскажутъ. Ужь онъ непремѣнно придетъ, потому что такъ уже всегда бываетъ: онъ не являлся, когда баба изнывала по немъ, когда съ каждымъ днемъ блѣднѣли, опадали ея щеки и тускнѣлъ взглядъ... А придетъ, непремѣнно придетъ, когда можно въ гробъ уложить ее...

Такъ нѣтъ же! Онъ всѣмъ докажетъ, что этого никогда не бывало. Онъ всѣмъ имъ заткнетъ рты, онъ всѣхъ ихъ проведетъ, надуетъ... Что за бѣда! еще не поздно. Теперь онѣ только гадаютъ и станутъ присматривать. А что, если съ этой минуты онъ ни разу не войдетъ въ хату Степаниды? Что видали? Что взяли, стрекотухи? А онъ вѣдь на это рѣшился, и ужь, будьте покойны, не отступитъ.

Въ этотъ день Панасъ обнаружилъ страшную неблагодарность и крайнюю загрубѣлость чувствъ. Онъ совсѣмъ не былъ любезенъ съ матушкой, которая пришла будить его по обыкновенію въ четвертомъ часу, съ фонаремъ въ рукахъ. Она была предупредительна, говорила съ такою мягкостью, съ такой, можно сказать, материнской ласковостью, что другой на мѣстѣ Панаса считалъ бы себя въ это утро счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Ну что, Панасушка, не пора ли коней напоить? нѣжно раздавался голосъ матушки, насколько разумѣется ему была доступна нѣжность.

«Панасушка! Фью-у! до чего дошло!» Да послѣ этого Панасу слѣдовало схватиться, кинуться къ матушкѣ и излить передъ нею свою благодарность за кожухъ, шапку и чоботы, такъ какъ вчера онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Панасъ же медленно поднялся, почесалъ затылокъ и посмотрѣлъ на матушку такимъ мрачнымъ взглядомъ, какъ будто матушка обидѣла его. А о благодарности даже и не подумалъ.

Digitized by Google

— Ну, что—хорошо пришелся кожухъ?—спрашивала матушка, желая навести его на истинный путь.

— Н-ничего, хорошо!—сурово отвѣтилъ Панасъ, надѣвая уздечку на морду гнѣдого коня.

— А шапка и чоботы?..

— Пришлись! — нисколько не любезнѣе отвѣтилъ Панасъ, и ни слова благодарности.

Матушка было вскипѣла, но удержалась и не сказала ни слова.

«Что-то есть, что-то есть! — мысленно повторяла она.—Надо держать ухо востро».

Панасъ же повелъ коней на водопой и у рѣки встрѣтилъ Соньку, которая возилась тамъ съ телятами.

— Ты что это вздумала брехню распускать, кобыла поповская?—очень нелюбезно спросилъ онъ ее.

— Какую брехню?

— А про стирку?

Сонька порывисто захихикала. Но Панасъ послалъ ей такой выразительный взглядъ, что она вдругъ словно поперхнулась и перестала смѣяться.

— Смотри! — Дохихикаешься! Тоже еще съ ласками лѣзетъ!—прибавилъ Панасъ. Сонька пошла домой съ видомъ собаки, которую заставили поджать хвостъ.

Когда Панасъ возвращался съ водопоя, сидя на гнѣдомъ конѣ съ видомъ человѣка, котораго посадили туда ради наказанія,—его вдругъ осѣнила мысль.

«А кожухъ!—неожиданно воскликнулъ онъ.—На кой чертъ онъ мнѣ? Что я буду дѣлать съ нимъ весну и лѣто?» А до зимы еще, Богъ знаетъ, Панасъ наймется куда нибудь въ работники да и заработаетъ на кожухъ!

И онъ такъ хватилъ гнѣдого обѣими ногами, обутыми въ новые чоботы, что тотъ подскочилъ на мѣстѣ. Когда онъ на всемъ скаку въѣзжалъ въ ворота поповскаго дома, у него было веселое лицо, и онъ чуть не вслухъ произнесъ:

— Отнесу мамкѣ кожухъ! за него дадутъ хорошіе гроши?...

Digitized by Google

Никогда еще работа не казалась ему до такой степени противной, какъ въ этотъ день. Просто руки не подымались ни на какое дѣло, точно всякій разъ его останавливала мысль: «на кой чертъ оно мнѣ? все одно, мнѣ отъ этого никакого проку не будетъ... мамкѣ не понесешь!» И батюшкины кони имѣли полное право негодовать на Панаса, потому-что онъ забывалъ подкладывать имъ сѣна. Онъ даже рѣшился уйти со двора и съ этой цѣлью доложилъ матушкѣ, что у него болитъ голова, и что поэтому ему необходимо пойти къ фельдшеру. Напрасно матушка настаивала на томъ, чтобъ онъ воспользовался ея собственнымъ рецептомъ и обвязалъ голову мокрымъ платкомъ и приложилъ къ вискамъ по соленому огурцу.

— Нѣтъ, ужь я схожу до фершала! — оказывалъ непокорность Панасъ.—Это у меня кровь!... Я знаю! Можетъ надо кровь пустить!...

И не смотря на то, что матушка прямо запретила ему дѣлать это, онъ пошелъ таки, только разумѣется не къ фельдшеру. Ему рѣшительно было все равно, куда ни пойти, лишь-бы отвильнуть отъ работы. Поэтому онъ зашагалъ по деревенской улицѣ, въ надеждѣ встрѣтить того-другого знакомаго парня и перекинуться двумя-тремя словами. Право онъ ужь и не помнитъ, когда съ людьми разговаривалъ; только и знаетъ, что возится съ бабами, такъ какъ у матушки вся прислуга—бабы.

Былъ веселый мартовскій день. Солнце растопило уже весь снѣгъ, обильно лежавшій на поляхъ и на крышахъ мужичьихъ хатъ. Большая деревенская улица на каждомъ шагу пересѣкалась массой ручейковъ, которые, начинаясь далеко въ степи, тончайшими струйками протекали къ Днѣпру и, чуть слышно журча, скатывались въ него по крутому скалистому берегу. Ясный, прозрачный воздухъ уже носилъ въ себѣ тонкій ароматъ весны, который предвѣщаетъ обильную зелень въ садахъ, на поляхъ, въ плавняхъ, и наполняетъ сердце земледѣльца надеждой на урожай. Это былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ безоблачныхъ дней, какіе только бываютъ въ деревнѣ,—одинъ изъ

Digitized by Google

тѣхъ дней, когда солнце обливаетъ влажную землю своими мягкими лучами и глядитъ на только-что выползшую изъ-подъ земли зелень, на едва начинающія распускаться почки деревьевъ, на всю эту весеннюю молодежь полей и садовъ,—глядитъ такъ ласково, какъ-будто и не думаетъ черезъ мѣсяцъ-другой отобрать отъ земли всю ея влагу и своими раскаленными лучами окрасить въ желтый цвѣтъ, преждевременно состарить и покрыть морщинами все, что теперь съ наивной улыбкой юности выползаетъ изъ-подъ земли и зеленѣетъ.

Въ такой прекрасный день Панасъ шагалъ по селу, когда его окрикнулъ грубый, хриповатый и, какъ ему показалось, знакомый голосъ.

— Эй, Панасъ! Развѣ это не ты?—кричалъ голосъ издали, и такъ какъ онъ доносился съ той стороны, гдѣ было солнце, то Панасъ напрасно дѣлалъ усиліе разсмотрѣть того, кто кричалъ.

— Я!—отвѣчалъ онъ.—А то кто-жь еще?

— Гм!... А *я*... развѣ я—не Ерема?—продолжалъ голосъ.

Ну Панасъ разумѣется понялъ тогда, чей это былъ голосъ. Да и не мудрено было понять, потому-что самъ Ерема, точно выпрыгнувшій изъ пучка яркихъ солнечныхъ лучей, предсталъ передъ нимъ. Онъ давно уже не видался съ Еремой, должно-быть—не меньше года. А что до Марины съ Горпиной, то ихъ Панасъ ужь года два не встрѣчалъ.

— Э, хлопче?... Да что я говорю — хлопче? Ты уже настоящій парень! Ну, такъ вотъ, парень, что-же это ты совсѣмъ позабылъ дорогу къ Ереминой хатѣ? А? А меня только вчера еще Горпина про тебя спрашивала. «Чи онъ, говоритъ, еще живъ?» Гм!... Ты можетъ забылъ уже, что на свѣтѣ есть такая—Горпина? А? Не забылъ Горпину?

— Не забылъ я, дядя Ерема! Спасибо ей за память! Я думаю, она уже дѣвкой стала?...

— Дѣвка—не дѣвка, а такъ какъ-будто къ тому подходитъ!... Хе, хе! Да много-ли имъ надо? Растутъ,

Digitized by Google

какъ печерицы! А я тебѣ радъ, Панасъ, ей-Богу радъ! Пойдемъ въ хату!

Панасъ не сомнѣвался, что Ерема радъ ему. Это явствовало уже изъ того, что — не охотникъ до словъ — Ерема былъ на этотъ разъ краснорѣчивъ и наговорилъ столько словъ, что и не пересчитаешь. Панасъ принялся объяснять—почему онъ не заходилъ къ Еремѣ. «Некогда вырваться. Съ утра до ночи въ работѣ. Матушка держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ».

— Да... она того... съ характеромъ,—подтвердилъ Ерема.—Ну, а все-же спасибо ей!... Пріютила!

Панасъ, не желая огорчать Ерему, не возражалъ и спросилъ, какъ идутъ дѣла Еремы.

— А!—махнулъ рукой Ерема, и въ этомъ состоялъ весь его отвѣтъ, изъ котораго Панасъ понялъ, что дѣла его идутъ такъ-же плохо, какъ шли прежде.

Они вошли въ хату. Здѣсь было все постарому. Перемѣна состояла развѣ въ томъ только, что наслѣдникъ Еремы, который когда-то лежалъ въ люлькѣ и которому маленькая Горпина пѣла колыбельную пѣсенку (славная то была пѣсенка!—вспомнилъ Панасъ), теперь бѣгалъ по хатѣ въ одной сорочкѣ и босой, а на рукахъ у Марины лежалъ новый претендентъ на Еремино имущество; да въ томъ еще можетъ быть, что сама Марина куда какъ постарѣла и сморщилась. Остальныхъ дѣтей не было въ хатѣ, а Горпина ушла по воду. Пошли долгіе разговоры, которые внесли какую-то теплую струю въ сердце Панаса. Разговоры были невеселые. Марина жаловалась (у ней лопнуло терпѣніе, и въ послѣднее время она стала жаловаться) на горькое житье, на непосильную работу, на боль въ поясницѣ. Жаловался и Ерема, да и Панасъ не отставалъ отъ нихъ. И несмотря на такія печальныя темы, Панасу хотѣлось долго, долго сидѣть здѣсь и слушать жалобы этихъ простыхъ и добрыхъ людей.

Въ хату вошла Горпина. Да, ей немного недоставало, чтобъ выйти изъ подростковъ. Руки ея были уже украшены мозолями и на лицѣ ея (оно осталось все такимъ-же

Digitized by Google

маленькимъ и круглымъ) уже появилось выраженіе серьезной дѣловитости.

— Вотъ ни за что не узнаешь, Горпина, что за парень у насъ сидитъ!—обратилась къ ней Марина.

Горпина не долго всматривалась въ парня.

— Охъ, Ты, Господи! Да это-жь Панасъ! — проговорила она, всплеснувъ руками, и почему-то покраснѣла.

А Панасъ долго смотрѣлъ ей въ лицо, какъ-будто навсегда хотѣлъ запечатлѣть ея черты. У нея были ровныя, черныя брови, и большія рѣсницы окружали ея темные глаза. Тѣ глаза понравились Панасу, они смотрѣли на него прямо, такъ-же просто и съ такой-же добротой, какъ въ тотъ день, когда онъ разсказалъ ей свою маленькую исторію и она сказала ему: «ты бѣдный хлопецъ!» И почему-то вспомнились ему другіе глаза, которые смотрятъ на него тоже прямо, но не такъ, о! совсѣмъ не такъ! Эти смотрятъ лучше. Отъ тѣхъ у него темнѣетъ въ глазахъ и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, а эти... Такіе глаза онъ видѣлъ въ церкви на иконѣ, когда онъ говѣлъ въ Великомъ посту и усердно-преусердно молился.

Они стали теперь припоминать тотъ день, когда Панаса вытащили изъ проруби и когда онъ лежалъ на печкѣ. Все припомнилось: и какъ онъ соскочилъ съ печи и сказалъ: «я хлопецъ», и какъ ѣлъ, на печкѣ лежа, и какъ Горпина пѣла свою пѣсенку. Все, все вспомнилось, и эти воспоминанія какъ-будто еще больше породнили его съ Ереминой семьей. Эхъ, никогда-бы не ушелъ изъ этой тѣсной хаты, да надо: матушка тамъ должно быть всѣми чертями клянетъ его!

— Заходи-же, Панасъ!—сказали ему хозяева, а Горпина не произнесла ни слова, но ея глаза сказали то-же самое.

XII.

Первый шагъ.

Что за чудная была ночь, когда Панасъ шелъ окольными тропинками, отыскивая полуразвалившійся пріютъ

Digitized by Google

своихъ первыхъ дней! Луна серебрила окрестную равнину и свѣтила такъ ярко, что можно было издали видѣть верхушки церквей губернскаго города. Широкій Днѣпръ тихо покоился въ своемъ удобномъ, помѣстительномъ ложѣ, и на его поверхности только изрѣдка тамъ и здѣсь появлялись капризные узоры зыби, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онъ не спитъ, а только дремлетъ и въ дремотѣ продолжаетъ свою вѣчную работу. Вотъ онъ извернулся красивой дугой и вмѣстѣ съ своими камышами и десятками узенькихъ притоковъ ушелъ куда-то въ долину и словно спрятался подъ землю, а тамъ, глядишь, онъ опять выползаетъ и блещетъ, отражая въ себѣ все небо.

Панасъ шагаетъ быстро,—матушка научила его ходить. Еще бы ему медлить, когда нужно пройти верстъ съ десятокъ да столько-же обратно и притомъ—вернуться къ разсвѣту. Онъ даже не можетъ идти по большой дорогѣ, а долженъ пробираться окольнымъ путемъ, потому что въ въ эту ночь по дорогѣ ѣдутъ земляки на базаръ: они конечно узнаютъ его и удивятся. Кожухъ свой онъ свернулъ и несетъ на плечѣ. Сначала онъ было надѣлъ его, но отъ быстрой ходьбы стало жарко, и онъ распахнулъ даже воротъ холщевой сорочки. Уже онъ прошелъ балку, на которой тогда встрѣтился съ мамкой; до города осталось версты три. Да ему и не нужно въ городъ. Онъ повернулъ налѣво. Неподалеку отъ города раскинулась слобода; десятка три миніатюрныхъ землянокъ лѣпились одна къ другой, какъ-будто собираясь общими силами защищаться отъ опасности, грозившей имъ со стороны города. Здѣсь ютилось бѣднѣйшее населеніе и, какъ ходили слухи, эти мѣста были не совсѣмъ безопасны для ночныхъ прогулокъ мирныхъ и обезпеченныхъ гражданъ. При землянкахъ не было ни дворовъ, ни огородовъ, ни пристроекъ, словно обитатели ихъ пріютились здѣсь не на всю жизнь, а лишь на нѣсколько дней, готовые послѣ отдыха подняться и отправиться въ дальнѣйшій путь.

Панасъ хорошо зналъ эти мѣста. Они не напоминали ему ничего пріятнаго. Здѣсь не было ни одного мѣстечка,

Digitized by Google

которое заставило-бы его остановиться и предаться на минуту тому или другому отрадному воспоминанію. Здѣсь, въ зимнюю пору, одѣтый въ рубище, высматривалъ онъ виднѣющіеся на большой дорогѣ экипажи или повозки; здѣсь,—въ глубокой темнотѣ осенней ночи, подъ вѣтромъ и дождемъ, дрожа и плача, бѣгалъ онъ вокругъ этихъ землянокъ, когда къ мамкѣ приходили солдаты и его выгоняли на улицу. Въ такомъ родѣ были всѣ его воспоминанія объ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ. У одной изъ землянокъ онъ остановился и постучалъ въ окно. Въ этомъ окнѣ не было стеколъ; вмѣсто нихъ была наклеена синяя, толстая бумага. Панасъ однако могъ разглядѣть, что въ хатѣ зажгли огонь. Онъ подошелъ къ двери и услышалъ шелестъ босыхъ ногъ, ступавшихъ по земляному полу.

— Кто тамъ?

— Панасъ!—нетерпѣливо отвѣтилъ онъ, потому что то былъ голосъ Параски.

Ему отперли дверь. Передъ нимъ стояла Параска въ изодранной юбкѣ, въ сорочкѣ, не вѣдавшей стирки, босая и съ распущенными, жиденькими волосами.

— Мамка!—взволнованнымъ голосомъ произнесъ Панасъ и поцѣловалъ ее въ губы—тонкія, сморщенныя, старческія губы, такъ какъ Параска казалась теперь совсѣмъ старухой, хотя ей не было еще пятидесяти лѣтъ.

Изъ сѣней они вошли въ хату. Панасъ окинулъ взоромъ свое прежнее жилище и нашелъ, что оно мало измѣнилось. Пустая хата, съ низенькимъ потолкомъ, съ темнымъ окномъ безъ стеколъ, съ холодной, полуразвалившейся печью, не знавшей, что такое огонь; никакихъ украшеній, ничего такого, что хотя-бы по случайному сходству могло-бы назваться мебелью: ни стола, ни лавки, ни кровати. На землѣ (настоящей сырой землѣ) была настлана солома, а на ней лежала женщина въ лохмотьяхъ и повидимому спала.

— А это кто?—спросилъ Панасъ, указывая на женщину.

— Это такъ себѣ... женщина!—отвѣчала Параска.

Digitized by Google

И она не могла дать другого отвѣта, потому что субъектъ, о которомъ шла рѣчь, не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Эти было такое-же бездомное существо, какъ и она, жила тѣмъ-же ремесломъ и страдала тѣмъ-же порокомъ, который обѣимъ имъ давалъ возможность забывать объ ужасной обстановкѣ, который украшалъ и дѣлалъ сколько-нибудь переносимымъ ихъ жалкое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ заставлялъ ихъ опускаться все ниже и ниже.

Параска сѣла на соломѣ, поставивъ по среди хаты свѣчу и протянувъ впередъ полунагія, грязныя и исцарапанныя ноги. Она не выражала ни радости, ни волненія, лицо ея, казалось, утратило способность отражать на себѣ состояніе ея духа. Панасъ стоялъ среди хаты, слегка наклонивъ голову, потому что она касалась потолка; онъ держалъ въ рукахъ свой кожухъ, которому было предназначено обрадовать Параску,—и молчалъ. Еслибъ его спросили, что онъ чувствовалъ въ эти минуты, едва ли онъ былъ бы въ состояніи дать отвѣтъ. Онъ видѣлъ только одно, что мамка его валяется въ грязи и сохнетъ отъ голода, холода и всякой нужды, тогда какъ онъ—здоровый, молодой парень въ цвѣтѣ силъ, образцовый работникъ, надрывается для другихъ и ничего не можетъ сдѣлать для нея. Въ груди его закипѣла злоба на все прошлое (онъ на него теперь оглянулся), которое онъ съ такимъ рвеніемъ посвящалъ матушкѣ и оттого не сталъ ни на одинъ грошъ богаче.

— Мамка, вотъ я принесъ вамъ кожухъ!.. Онъ новый!.. Вы его продайте!.. какъ-то глухо произнесъ онъ, глядя въ сторону, точно извиняясь передъ Параской, что принесъ ей только кожухъ, а не теплую хату, въ которой, какъ у добрыхъ людей, стояли бы и лавки, и столы, и сундукъ съ кое-какимъ добромъ, висѣли бы образа и картинки, въ печи горѣлъ бы огонь, а на столѣ появилось бы варево.

— Спасибо, я продамъ! отвѣтила Параска.

У нея былъ хриплый голосъ, выдававшій ея образъ жизни. Панасъ поискалъ глазами, куда бы положить кожухъ, но убѣдившись, что подходящаго мѣста нѣтъ, по-

Digitized by Google

ложилъ его въ уголъ на землю. Онъ продолжалъ стоять молча, смутно сознавая, что молчать въ этой обстановкѣ будетъ самымъ пріятнымъ времяпровожденіемъ. О чемъ ни заговори—на все отвѣтомъ будутъ самыя горькія жалобы на бѣдность, на голодъ и холодъ. Такъ повидимому думала и Параска, потому что она тоже молчала. Она глядѣла на Панаса сонными глазами, и на лицѣ ея было такое выраженіе апатіи, безразличія, какъ будто стоявшій передъ нею человѣкъ былъ слишкомъ частымъ гостемъ въ этой лачугѣ и она нетерпѣливо ждала, когда же онъ наконецъ уйдетъ. Панасу пришла въ голову мысль, что еслибъ Параска не ушла тогда отъ матушки, то ничего этого не было бы, или по крайней мѣрѣ—еслибъ она тогда взяла его съ собою...

— Мамка!—произнесъ онъ и вздрогнулъ, потому что голосъ его какъ-то дико, какъ въ могилѣ, раздавался въ пустой хатѣ:—зачѣмъ вы тогда покинули меня?.. Я пошелъ бы съ вами!..

Параска подняла на него глаза.

— А ты думалъ, что у твоей мамки на мѣсто сердца кусокъ гнилого дерева? а?—тихо захрипѣла Параска.—Развѣ я не знала, на какую жизнь иду? Такъ чтобъ я и тебя взяла на эту муку—изъ теплой хаты да отъ готоваго хлѣба!.. Я не гадюка какая нибудь!.. А что я только вынесла и какъ жалѣла, что не сидѣла на мѣстѣ!.. Не могла! Силъ не хватило! Воли захотѣлось! Охъ, воля, воля! Тото воля!

И она обвела глазами лачугу, которая олицетворяла собой эту волю. Потомъ она уже не могла удержать потока словъ. Мало-по-малу она оживлялась, голосъ ея словно выросталъ, становился громче, крикливѣй; между словъ чаще и чаще попадались ругательства, которыя она произносила такъ же просто, какъ и прочія слова, не замѣчая между ними никакой разницы. Она бранила себя, бранила людей, бранила весь свѣтъ, потому что не могла найти настоящаго виновника своего несчастія. Она говорила съ пѣной у рта и казалось, еслибъ у ея ногъ въ эту минуту лежалъ ненавистный ей свѣтъ, она не задумываясь раз-

Digitized by Google

давила бы его ногой. Онъ, по ея мнѣнію, стоилъ этого, потому что въ немъ нѣтъ ничего хорошаго. Иногда въ ея словахъ нельзя было найти смысла. Иногда она говорила о такихъ предметахъ, которыхъ повидимому сама не знала, и въ эти минуты она походила на сумасшедшую. Ея громкія ругательства разбудили «женщину», которая повернулась лицомъ къ Панасу и, приподнявшись на локтѣ, стала разглядывать его. У нея было широкое, красное лицо, съ свѣжими слѣдами царапинъ на щекахъ; глаза казались распухшими; полуизодранная рубашка нисколько не закрывала ея сухую, морщинистую грудь, и это повидимому нисколько не смущало ея.

— Это сынъ? — спросила она у Параски грубымъ, почти мужскимъ голосомъ. Тогда Параска какъ-бы очнулась отъ своего бреда и перестала кричать.

— Какой молодецъ!—похвалила «женщина» и при этомъ показала свои изжелта-сѣрые зубы и вмѣстѣ съ ними блѣдныя, почти бѣлыя десны.

— Онъ принесъ кожухъ? — сказала ей Параска.— Завтра продадимъ.

— О-о!—еще разъ улыбнулась «женщина». — Это славная штука!—И она поднялась съ соломы въ своемъ ночномъ костюмѣ, который существовалъ повидимому для того, чтобъ обнажать ея грязное тѣло. Въ такомъ видѣ она прошла мимо Панаса въ уголъ и наклонилась, чтобъ осмотрѣть кожухъ.—Это славная штука!—повторила она и какъ-бы для доказательства этой мысли ударила себя по бедрамъ.

— Мнѣ пора!—сказалъ Панасъ.—Къ разсвѣту надо быть тамъ.

— Ты, хлопче, приноси почаще!—сказала ему «женщина». — Я знаю славное мѣстечко, гдѣ можно всякую штуку продать?... Ха, ха, ха!...

О, это, какъ видно, была веселая женщина! Она должно быть однажды рѣшила никогда не огорчаться, что бы ни посулила ей жизнь, и на все смотрѣла съ веселой, хотя и отвратительной (какъ показалось Панасу) улыбкой.

Digitized by Google

— Ты у Панычевской матушки служишь?—продолжала веселая женщина.—О, у нея есть много кой-чего!... Я когда-то была у нея на зароботкахъ... давно! У нея есть много кой-чего! — повторила она, подмигивая Панасу, какъ старому пріятелю.

— Прощайте, мамка!—промолвилъ Панасъ.

— Придешь?—спросила Параска, не вставая съ соломы.

— Буду заглядывать!... Только... мамка... вы его не пропейте!...

— Кого это?—сердито спросила Параска.

— Кожухъ!... А лучше хлѣба прикупите!...

— Ладно!—отвѣтила Параска, а веселая женщина залилась хриплымъ смѣхомъ, какъ-будто Панасъ разсказалъ ей веселый анекдотъ.—Запри хату Фроська, прибавила Параска, еще больше нахмуривъ брови. Послѣдній совѣтъ Панаса повидимому очень не понравился ей.

Панасъ вышелъ въ сѣни, а Фроська пошла за нимъ.

— У матушки есть много кой-чего!—повторила она надъ самымъ его ухомъ и при этомъ, какъ показалось Панасу, прикоснулась къ нему всѣмъ своимъ тѣломъ. Это отвратительное прикосновеніе заставило его вздрогнуть, и онъ какъ стрѣла вылетѣлъ изъ сѣней на улицу.—У нея есть много кой-чего!...—еще разъ раздался позади его хриплый голосъ, и дверь захлопнулась.

Панасъ никогда не былъ чувствительнымъ человѣкомъ, и никто не считалъ его такимъ. Но на этотъ разъ рукавъ его сорочки оказался влажнымъ, когда онъ провелъ имъ пониже лба. Онъ смотрѣлъ впередъ, но не видѣлъ, куда идетъ. Онъ какъ-будто до сихъ поръ еще находился въ лачугѣ и видѣлъ передъ собой мамку—старую, изможденную, озлобленную до послѣдней степени. Тутъ мало было для него новаго. Эта лачуга съ ея ужасной пустотой и сыростью, съ ея холодными стѣнами и вѣчнымъ голоданьемъ—все это когда-то было его удѣломъ; но теперь онъ смотрѣлъ уже на все это иначе. Еслибъ въ эту минуту передъ нимъ появилась матушка, онъ кажется прямо сказалъ-бы ей:

Digitized by Google

— Отдай мнѣ то, что я заработалъ! Неужели за четыре года дьявольскаго труда я не заслужилъ ничего лучшаго, чѣмъ этотъ обѣщанный бычекъ и кожухъ?...

Онъ не привыкъ къ хорошей обстановкѣ и никогда не пользовался расположеніемъ судьбы; но эта ужасная трущоба, въ которой онъ только-что видѣлъ мамку, одно воспоминаніе о ней—кидали его въ дрожь. Было что-то страшное, зловѣщее въ этомъ мракѣ, сырости, пустотѣ, съ голодомъ и холодомъ... И ко всему — еще эта компаньонка Фроська, съ распухшимъ отъ пьянства и разврата лицомъ, въ этомъ невѣроятномъ костюмѣ... Эта кажется уже ни передъ чѣмъ не остановится. А развѣ мамка не живетъ, не дѣлится съ нею и не одинаково добываетъ средства? Для него было ясно, что эти двѣ женщины не прочь украсть что-нибудь для того, чтобъ добыть шкаликъ водки. И одна изъ нихъ—его мамка...

У него явилась мысль—бросить матушку и наняться куда нибудь въ работники. Но тутъ-же возникъ вопросъ—кто возьметъ его? Кто не знаетъ, что онъ служилъ у матушки, что принятъ ею, какъ сирота-бездомный? Развѣ она не кричитъ всякому въ уши, что облагодѣтельствовала его, что мамка его обокрала ее? И всякій подумаетъ (а она въ этомъ всякаго увѣритъ), что онъ злодѣй и ушелъ онъ нея только потому, что похожъ на свою мамку. Но какъ-бы тамъ ни было, а Панасъ не можетъ оставить дѣла такъ, какъ оно есть. Не можетъ-же онъ со спокойнымъ сердцемъ глядѣть, какъ мамка его задыхается въ нищетѣ, и въ это время прилагать всѣ старанія къ тому, чтобъ матушкино добро увеличивалось, когда ему отъ этого никакого толку нѣтъ. Ну, если уйти нельзя, то онъ сдѣлаетъ такъ, что она его прогонитъ. О, пусть тогда говоритъ, что хочетъ! Всѣ видѣли, какъ онъ работалъ, всѣ будутъ видѣть, какъ онъ, прогнанный, будетъ уходить съ пустыми руками, и никто тогда не повѣритъ ей, когда она будетъ говорить (а она непремѣнно будетъ кричать это всѣмъ), что онъ обокралъ ее. А чтобъ она прогнала его, для

Digitized by Google

этого немного нужно. Надо только взбѣсить ее—и онъ это сумѣетъ сдѣлать.

Бѣдные кони о. Макарія! Какъ они фыркали въ это утро, когда Панасъ гладилъ ихъ бока желѣзной щеткой и обмахивалъ метелкой, составленной изъ ихъ собственныхъ хвостовъ! Имъ было больно, но они конечно простили-бы Панаса, еслибъ знали, что у него было на душѣ, тѣмъ болѣе, что прежде они уже много разъ видѣли доказательства того, что Панасъ желаетъ имъ добра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Веселые люди.

Степанида Ковалиха сгребала въ своемъ дворѣ остатки камыша для топки, когда изъ-за камышевой изгороди выглянуло широкое лицо, принадлежавшее Сонькѣ.

Степанида дѣлала свое дѣло, низко наклонившись, и при этомъ мурлыкала какую-то пѣсню, или скорѣе ворчала, потому-что тонъ этой пѣсни былъ сердитый.

— Тетка! А, тетка!—окликнула ее Сонька.

Степанида подняла голову. Она не очень-то обрадовалась гостьѣ, потому что не питала нѣжнаго расположенія къ Сонькѣ. Въ особенности въ послѣднее время, когда было замѣчено, что Сонька кидаетъ нѣжные взгляды туда, куда, по мнѣнію Степаниды, ей нечего было соваться. Нельзя сказать, чтобъ и Сонькино сердце лежало къ Степанидѣ, и это происходило по той-же самой причинѣ, т. е. потому, что такіе-же взгляды и въ томъ-же направленіи были замѣчены и за Степанидой, и Сонька именно полагала, что Степанидѣ эти взгляды были не къ лицу. Стоило

Digitized by Google

конечно только взглянуть на Степаниду—на ея роскошный станъ и глубокіе, темные глаза, на ея величавую походку—на все, чѣмъ она издавна славилась въ селѣ; услышать ея пѣвучій грудной голосъ и потомъ сейчасъ-же перенести взглядъ на Соньку—на ея широкое, блинообразное лицо, съ большими зубами и вѣчно распухшими глазами, на ея неуклюжія руки, короткій станъ и торопливую, какъ у зайца, походку,—стоило услышать ея грубый и крикливый голосъ, и сейчасъ-же стало-бы ясно, какъ день, что «гусь свиньѣ не товарищъ», такъ точно, какъ и Сонька Степанидѣ не соперница. Но Степанида, прекрасно все это знавшая, была однако-жь слишкомъ заинтересована въ этомъ дѣлѣ, чтобъ достаточно взвѣсить всѣ эти обстоятельства, и не могла отказать себѣ въ удовольствіи (такъ какъ это въ сущности—большое удовольствіе) имѣть соперницу.

— Тетка Степанида! матушка кличетъ стирать!—сказала Сонька.

— Ладно! Приду!—совсѣмъ недружелюбнымъ тономъ отвѣтила Степанида и опять занялась сгребаніемъ камыша.

Сонька между тѣмъ продолжала стоять, хотя разговаривать повидимому было не о чемъ, такъ какъ она вполнѣ точно исполнила свою миссію. Степанида дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ея и считаетъ ушедшей, и опять замурлыкала свою пѣсню.

— Тетка Степанида! А воды уже наношено!—проговорила Сонька, приправивъ тонъ своего голоса огромной порціей коварнаго лукавства и даже подмигнувъ пролетѣвшей мимо ноя въ это время ласточкѣ.

— Ну, такъ что-жь?—не поднимая головы, спросила Степанида.

— Да ничего! а за камышемъ на горбдъ я буду ходить!—продолжала Сонька, подмигивая воронѣ, сѣвшей въ это время на остаткѣ крыши полуразвалившейся Евстафіевой кузницы. Степанида промолчала, но у нея вдругъ опустился приподнятый фартукъ и изъ него съ шумомъ высыпался на землю мелкій камышъ. Степанида стала

Digitized by Google

торопливо подбирать его, но онъ опять падалъ, потому-что руки ея дрожали. Она чувствовала, что лицо ея покрылось краской и потому нагнулась еще ниже. А жестокая Сонька, видя, что слова ея произвели желательный эффектъ, продолжала, на этотъ разъ подмигивая всѣмъ птицамъ, которымъ случилось въ это время пролетѣть мимо нея:

— А ей-Богу такъ! сама матушка велѣла; а то, говоритъ, Степанида долго копается, когда за камышемъ ходитъ, а стирка, говоритъ, спѣшная!.. И Панасову сорочку будемъ стирать!..

Эта маленькая прибавка окончательно вывела изъ терпѣнія Степаниду. Она швырнула въ сторону непокорный камышъ и грозно выпрямилась во весь ростъ.

— Да я тебѣ, голубка моя, задамъ тутъ такую стирку, что ты и къ матушкиной хатѣ дороги не найдешь! — закричала она, кидая дикіе взоры на Соньку и при этомъ руки ея тряслись, и, казалось, готовы были схватить за горло надоѣдливую гостью. —Ты чего тутъ вздумала корить?.. Ты видѣла? Говори: видѣла? а? Видѣла-а?..

И Боже мой, что показалось въ эту минуту Сонькѣ!.. Ей показалось, что у Степаниды выкатились изъ глазъ двѣ крупныхъ слезы и губы ея перекосились, какъ будто она сейчасъ готова была зарыдать.

— Тетка!.. Степанида!.. Я не хотѣла! —чуть не плача сама, проговорила она и въ это время уже никому не подмигивала.

Напротивъ у ней сжалось сердце, и она чувствовала себя преступницей. Эти двѣ крупныя слезы какъ-будто объяснили ей всю глубину горя этой женщины и она сама, не зная почему, почувствовала, что никогда, никогда уже больше не была-бы способна смѣяться надъ ней. Она больше не рѣшилась сказать ни слова и пошла домой медленной походкой и опустивъ голову.

Степанида пришла къ матушкѣ мрачная, и въ этотъ день стирала лѣниво, вяло, точно ее неволили; у нея былъ утомленный видъ, будто передъ этимъ ее вконецъ изму-

Digitized by Google

чила лихорадка; ей все казалось, что взгляды, которые она встрѣчала въ этотъ день, были не такіе, какъ всегда, что тонъ, которымъ съ ней говорили о такихъ простыхъ вещахъ, какъ бѣлье, мыло, вода и прочія принадлежности стирки—былъ какой-то особенный, проникнутый тонкой, ядовитой насмѣшкой. И она старалась не поднимать головы и не отводить глазъ отъ работы. Послѣ того, что сказала ей Сонька, она быстро нарисовала себѣ цѣлую картину, которая привела ее въ ужасъ. Это конечно никто иной, какъ Панасъ, разсказалъ всѣмъ. Ему должно быть захотѣлось похвастаться, что вотъ дескать онъ, безусый паренекъ, у котораго еще на губахъ молоко не обсохло, — завладѣлъ этой неприступной молодицей. И теперь про это уже трубятъ всѣ панычевскія бабы, особенно тѣ, которыя сами не безъ грѣховъ.

«Вотъ молъ она — неприступная! Первому хлопцу кинулась на шею! Мужняя жена! Посмотрите на нее, добрые люди»! Конечно это все такъ, какъ она думаетъ, и теперь ужь объ этомъ знаетъ и матушка, и батюшка, весь свѣтъ... Откуда-же могла узнать это лупоглазая Сонька? А, Панасъ! Вотъ ты каковъ! Сколько лѣтъ томилась Степанида въ одиночествѣ и вотъ — отдала душу предателю-Іудѣ!

Какъ нарочно, въ этотъ день Панасъ ни разу не попался ей на глаза. Убѣгаетъ! еще бы! теперь ему стыдно ей въ глаза смотрѣть. Ну, а она все таки подстережетъ его и еще какъ подстережетъ.

Уже и солнце давно зашло и коровъ отогнали въ череду; совсѣмъ стемнѣло, а Панаса она до сихъ поръ не встрѣтила. Но вотъ ей слышится свистъ изъ-за города; это его свистъ, ужь это она хорошо знаетъ. Никто во всемъ Панычевѣ не умѣетъ свистать такъ звонко и раскатисто, какъ Панасъ. Она попрощалась съ матушкой и пошла круговой дорогой, но потомъ круто повернула къ полю. Тамъ чернѣетъ какая-то фигура. Степанида неслышно ступаетъ, едва прикасаясь къ землѣ босыми ногами. Онъ конечно не ждетъ ее, а ждетъ можетъ быть Соньку, либо еще какую нибудь третью. Ему что? Онъ вольный казакъ!...

Digitized by Google

Панасъ стоялъ на пригоркѣ; онъ видѣлъ, какъ она шла къ нему и какъ потомъ остановилась въ пяти шагахъ отъ него. Лица ея онъ не разглядѣлъ, потому что было темно; но зналъ, что это Степанида.

— Не ждалъ меня?—какимъ-то страннымъ голосомъ спросила она.

— А кого жь я ждалъ?—спокойно переспросилъ Панасъ.—Кого мнѣ больше ждать? матушку, что ли? Ха, ха, ха!..

— Найдутся и безъ матушки! А меня тутъ ждать нечего!.. Дорогу, я думаю, знаешь... Или—позабылъ?..

— Не позабылъ,—угрюмо отвѣтилъ Панасъ—а надо бы позабыть! Слушай, Степанида!—онъ подошелъ къ ней и положилъ руку на ея плечо.—Ты тамъ подумала Богъ знаетъ что... А я для твоей же пользы!.. Ты думаешь, мнѣ легко позабыть ту дорогу? Э-эхъ! А ты послушай, что разсказываютъ... Эта мордастая Сонька должно быть выслѣживала, каторжная дѣвка... Юла! «Онъ—говоритъ—по стиркѣ заскучалъ!..» Да только это она и знаетъ!.. А что я ходилъ къ тебѣ,—этого она не посмѣетъ сказать! Я и подумалъ:—теперь про это болтовня пойдетъ; станутъ выслѣживать... Такъ пускай же эти собаки сто ночей простоятъ у твоей хаты и ни одна ничего не увидитъ...

— А ты не брешешь? Нѣтъ?—она прижалась къ нему и своей горячей рукой приглаживала его волосы. Панасъ любовно обнялъ ее и не могъ отвести глазъ отъ ея пылавшаго лица.

— Развѣ не видишь?—сказалъ онъ въ отвѣтъ.

— Милый хлопче! Какой ты хорошій да сердечный!.. А я подумала!..

— Чего тутъ думать, Степанида? я только и думаю, что о тебѣ да объ...

— Ну? Объ комъ же еще?..

— Объ мамкѣ... Вотъ объ комъ!.. Я ее встрѣтилъ... я былъ у ней!.. Эхъ, лучше бы мнѣ было не ходить туда.

Digitized by Google

Они присѣли рядомъ на влажной землѣ, и Панасъ разсказалъ ей о своемъ путешествіи къ Параскѣ.

— Кожухъ этотъ она пропьетъ, я знаю. И все пропьетъ, пока будетъ жить въ томъ гробу... Да заставь меня тамъ жить, такъ и я, даромъ что не люблю водки, кажись душу свою пропилъ бы съ тоски!.. А теперь она уже опять голодаетъ. Что я понесу ей? У меня ничего нѣтъ! — говорилъ онъ, разсказавъ ей все, какъ было.

Степанида порывисто сорвала платокъ съ своей головы.

— Панасъ, голубчикъ! возьми это! у меня есть дома другой!.. Господи! зачѣмъ я такая нищая?.. Ничего у меня нѣтъ!..

— Что это ты?.. Еще и тебя обирать стану?.. Возьми, надѣнь!..

Но Степанида не ваяла и не надѣла, а положила ему платокъ за пазуху сорочки. — Не обижай! прибавила она.

— Иди домой, Степанида! Уже поздній часъ, я побѣгу туда—къ мамкѣ!..

— Посидимъ! — и она сильными руками притянула его къ себѣ.

Никто не мѣшалъ имъ такъ сидѣть, потому что въ полѣ не было ни одной живой души, а тучи закрыли и звѣзды, и мѣсяцъ.

Когда Панасъ вернулся домой, было уже поздно, всѣ спали. Ему предстояло длинное путешествіе. Прошла ровно недѣля съ того дня, какъ онъ былъ у Параски. Онъ не сомнѣвался, что отъ кожуха ужь и слѣдовъ не осталось. Что же онъ понесетъ теперь? Степанидинъ платокъ? Онъ вынулъ его изъ-за пазухи и принялся разсматривать. Такъ—тряпка какая-то, за которую грошъ дадутъ. Ишь какая добрая Степанида! Послѣднюю тряпку отдала! Все его богатство заключалось въ новой шапкѣ да въ чоботахъ, за которые что нибудь дадутъ. Но отдать Параскѣ чоботы—невозможно. Завтра же матушка спроситъ, куда дѣвалъ ихъ. Что онъ тогда скажетъ? спряталъ? Да, такъ она и повѣритъ. Покажи—скажетъ. Нѣтъ, объ этомъ и думать было нечего...

Digitized by Google

И голова его напрасно работала и изощрялась надъ вопросомъ—что снести мамкѣ. Онъ сидѣлъ въ конюшнѣ. Передъ нимъ горѣла сальная свѣчка. Тусклый свѣтъ падалъ на лошадиныя спины, на стѣны, увѣшанныя сбруей, на самого Панаса. Онъ поднялъ голову и оглядѣлъ конюшню, какъ бы спрашивая взглядомъ: «нѣтъ ли тутъ чего подходящаго?» И было мгновеніе, когда на лицѣ его появилась странная улыбка, какой никогда еще не было на этомъ лицѣ,—улыбка, смѣшанная со страхомъ, съ вопросомъ, изумленіемъ. Потомъ улыбка исчезла, губы поблѣднѣли и краска сошла съ его лица, принявшаго выраженіе какого-то страшнаго напряженія; брови сдвинулись и на лбу появилась складка. Онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ къ стѣнѣ, на которой были развѣшены разныя принадлежности сбруи. Взглядъ его остановился и какъ будто не могъ оторваться отъ новаго хомута, висѣвшаго въ углу. Этотъ хомутъ былъ купленъ недавно и предназначался для новой, еще даже не существовавшей, а только заказанной брички, которая должна была поразить міръ своей щеголеватостью. Бричка будетъ готова не раньшк,ар къ къ осени, а къ тому времени...

— Такъ значитъ воровскимъ манеромъ!—раздалось въ конюшнѣ среди глубокой тишины, и Панасъ тревожно оглянулся кругомъ, какъ будто не онъ сказалъ эти слова.

Кони повели ушами. «Чуютъ проклятые!»—подумалъ Панасъ.—А развѣ я не заработалъ? а?—мысленно обратился онъ къ конямъ, какъ будто желая привлечь на свою сторону единственныхъ свидѣтелей своего преступленія. Ему пришелъ на память обѣщанный бычекъ. «Пускай же онъ ей достанется, а мнѣ хомутъ! Ха, ха!» Онъ почти громко засмѣялся и этотъ смѣхъ какъ бы ободрилъ его. «За четыре года кажется можно хомутъ заработать!»—привелъ онъ еще одинъ ободряющій доводъ и вспомнилъ въ это время, что уже довольно поздно. Если онъ еще будетъ копаться, то пожалуй не успѣетъ вернуться къ разсвѣту. Хомутъ уже былъ въ мѣшкѣ, свѣчка погашена. «Этого мамкѣ надолго хватитъ!»

Digitized by Google

Панасъ неслышно заперъ конюшню и воровской походкой, озираясь и прислушиваясь, прошелъ черезъ городъ. Барбосъ безмолвно прыгалъ вокругъ него, становился на заднія ноги и лизалъ его лицо. «Смотри, никому не разсказывай!» —пошутилъ съ нимъ Панасъ, и Барбосъ поглядѣлъ на него своими умными, блестѣвшими въ темнотѣ, глазами, словно одобряя Панасовъ поступокъ и обѣщая сохранить тайну въ своемъ собачьемъ сердцѣ.

Тяжела была ноша Панаса! Пробираясь окольной дорогой, еще болѣе окольной, чѣмъ въ ту ночь, когда несъ свой кожухъ, Панасъ изгибался подъ ея тяжестью, оглядывался и часто останавливался въ испугѣ, принявъ какой нибудь пень за живое существо. Раза три онъ становился, какъ вкопанный, не чувствуя въ себѣ силы идти дальше и готовый вернуться назадъ. Но это длилось не больше одного мгновенія. Ему приходилъ на память бычекъ и онъ смѣялся и вполголоса прибавлялъ: «онъ уже ей достанется! онъ стоитъ хомута!» Тогда онъ шелъ дальше, стараясь поддержать въ себѣ веселое настроеніе. Когда впереди показалась слобода и онъ различилъ хату Параски, онъ съ удивленіемъ остановился. Въ такой поздній часъ (уже было за полночь) у мамки въ хатѣ свѣтился огонь. Что бы это значило? Онъ подошелъ къ окну. Эге! Да тутъ большая компанія! Слышатся тутъ и мужскіе голоса. Значитъ — пропиваютъ кожухъ. Однако имъ все-таки надолго хватило! И Панасъ съ минуту колебался, не отнести ли ему хомутъ обратно, въ батюшкину конюшню, и не повѣсить ли его на прежнее мѣсто? Что толку будетъ въ томъ, что онъ отдастъ его мамкѣ? Все равно пропьетъ въ компаніи, какъ пропила кожухъ. Но въ это время въ головѣ его ясно пронеслись слова, которыя онъ самъ же сегодня сказалъ Степанидѣ: «Заставь меня жить въ этомъ гробу, такъ я душу пропилъ бы черту, даромъ что не люблю водки». И правда. Потому что это дѣйствительно былъ гробъ...

Онъ твердо постучалъ въ окно и тутъ-же крикнулъ:

— Это я—Панасъ!

Digitized by Google

— Га-а! Панасъ!... Вотъ такъ гость! — отвѣтили разомъ нѣсколько голосовъ. Тутъ былъ и голосъ его мамки, хриплый и пронзительный.

«Она совсѣмъ пьяна должно-быть!» — рѣшилъ Панасъ, судя по голосу.

Его впустили въ хату. О, что это была за веселая компанія! Правда, ихъ было немного—всего четверо, но они производили такой шумъ, какъ будто ихъ была сотня. Фроська вовсѣдала на колѣняхъ у военнаго человѣка, который по своей приличной внѣшности имѣлъ полную возможность подыскать себѣ болѣе опрятную подругу жизни. Онъ былъ моложавъ, статенъ, обладалъ густыми усами, которымъ очевидно не зналъ цѣны, вслѣдствіе чего содержалъ ихъ въ полномъ безпорядкѣ,—и бакенбардами рыжаго цвѣта. Фроська была въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ Панасъ увидѣлъ ее въ свой первый визитъ къ Параскѣ. Другой гость также принадлежалъ къ военному сословію, но былъ значительно постарше и гораздо менѣе изященъ. Лицо его обросло на половину сѣдыми волосами и эти волосы покрывали буквально все лицо, за исключеніемъ лба и носа; на головѣ лоснилась лысина столь же широкая, какъ и голова, притомъ сѣроватаго цвѣта, благодаря примкнувшимъ къ ней постороннимъ тѣламъ. Военные люди, несмотря на то, что костюмы ихъ не отличались слишкомъ большой изысканностью, все-таки казались въ Параскиной хатѣ и въ сообществѣ Фроськи и самой хозяйки слишкомъ изящными и производили такое впечатлѣніе, словно они попали сюда по ошибкѣ и совсѣмъ не въ свое мѣсто. Подумать только, что шинели ихъ были совершенно цѣлы, а у молодого—была даже новая, тогда какъ на хозяйкахъ висѣли лохмотья, да и все здѣсь имѣло видъ полнаго разрушенія. Для гостей нашлись стулья, которые были ни что иное, какъ два большихъ камня, принесенныхъ съ улицы. На землѣ стояла воткнутая въ бутылку горящая свѣчка, штофъ, до половины налитый жидкостью, и щербатая чайная чашка. Закуски никакой не видно

Digitized by Google

было. Ясно, что она здѣсь была не въ модѣ. Молодой гость невѣроятнымъ голосомъ выкрикивалъ пѣсню, которая чуть-ли не вся состояла изъ припѣва: «Эй лю, эй лю, эй лю-ли!» и еще что-то въ этомъ родѣ. При этомъ онъ сильно увлекался, откидывалъ голову назадъ и жестикулировалъ всѣми своими составными частями, такъ-что дама его, Фроська, противъ всякаго желанія подпрыгивала на его колѣняхъ чуть не до потолка. Солидный гость держалъ себя совершенно такъ, какъ требовала его солидность. Онъ сердился и хотя очень громко выражалъ свой гнѣвъ по поводу того, что Параска, его дама, стара и беззуба и что поэтому онъ не можетъ извлечь изъ нея никакого толку (такъ приблизительно онъ выражалъ свою мысль), тѣмъ не менѣе держался при этомъ устойчиво и не дѣлалъ никакихъ непристойныхъ тѣлодвиженій. Параска стояла, потому-что не на чемъ было сидѣть и всякій разъ, когда хотѣла выпить, невольно дѣлала земной поклонъ по направленію къ штофу. Молодой гость, при появленіи Панаса, немедленно вскочилъ съ мѣста, причемъ Фроська, благодаря неожиданности этого движенія, а можетъ быть еще потому, что она пила безъ всякой закуски, повалилась на землю и протестовала противъ этого сильнымъ крикомъ и безсмысленными движеніями ногъ. Гость представился Панасу и, какъ довольно цивилизованный человѣкъ, подалъ ему руку. Оказалось что онъ обладалъ странной привычкой потрясать руку безчисленное число разъ и еще болѣе странной фамиліей — «Заковырка». Другой гость не имѣлъ привычки представляться. Онъ только прищурилъ лѣвый глазъ и взглянулъ на Панаса правымъ; потомъ взялъ штофъ, налилъ изъ него въ чашку, наполнивъ ее по возможности до краевъ, и молча протянулъ ее къ Панасу. Панасъ уже положилъ свою ношу въ углу. Онъ нисколько не разсчитывалъ засиживаться въ пріятной компаніи, ему только хотѣлось сказать два-три слова Параскѣ, именно попросить ее, чтобъ она съ хомутомъ обошлась менѣе легкомысленно, чѣмъ повидимому обошлась съ кожухомъ.

Digitized by Google

— Я не пью!—сказалъ онъ.

Военный господинъ пристально посмотрѣлъ на него правымъ глазомъ, потомъ какъ-будто нашелъ, что этого недостаточно—открылъ и лѣвый, затѣмъ открылъ и ротъ, вслѣдъ за этимъ уже сами собою поднялись брови, даже какъ-будто волосы на лицѣ его раздвинулись, какъ у разсерженнаго ежа,—и все лицо его изобразило такой огромный вопросительный знакъ, какого вѣроятно не изображало еще ни одно лицо человѣческое. Онъ дѣйствительно былъ очень изумленъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за странная игра природы: Параска глотаетъ водку чашками, какъ воду, а онъ, ея кровный сынъ,—не пьетъ? Тутъ очевидно нѣтъ ни малѣйшей послѣдовательности, и военный человѣкъ совершенно искренно не повѣрилъ Панасу. Онъ по прежнему безмолвно тыкалъ ему въ физіономію чашку съ водкой.

— Надо выпить?—сказалъ Заковырка.

— Будто не пьешь?—очень и очень недовѣрчиво спросила Параска. Она была глубоко убѣждена, что только очень счастливые люди могутъ не пить, и не имѣла никакого основанія считать таковымъ своего сына.

— Ей-Богу, мамка, не пью!—отвѣтилъ Панасъ.

— Пе-э-эй!—провизжала Фроська и при этомъ сдѣлала замѣтное усиліе привстать, что однако ей не удалось.

— Какъ-же можно въ компаніи не выпить?—деликатно убѣждалъ господинъ Заковырка.—Это будетъ неуваженіе... Ваша маменька тоже проситъ!...

— А ну, Панасъ! за мое здоровье!... Ну!...—проговорила Параска, выхвативъ чашку у своего кавалера и чуть не выплеснувъ водку на его лысину.

— А ей-Богу-же, мамка!...—опять началъ было упираться Панасъ, но чашка была уже у его рта и онъ ощутилъ запахъ водки. Тогда, чтобъ поскорѣе отдѣлаться, онъ выхватилъ ее и залпомъ осушилъ до дна. Крикъ восторга привѣтствовалъ этотъ подвигъ.

— А ну, что ты тамъ такое притащилъ?—спросила

Digitized by Google

Параска и вытащила на средину комнаты Панасову ношу. Заковырка помогъ ей вытащить изъ мѣшка хомутъ...

— Хомутъ!... Хе, хе! Да еще какой славный! А! Тамъ можетъ и коняка есть, въ мѣшкѣ? Ха, ха, ха! — вскричалъ Заковырка.—Такъ это онъ самъ дѣлаетъ?...

Панасъ выразилъ на лицѣ своемъ удивленіе.

— Эге! онъ самъ дѣлаетъ хомуты!—сказала Параска очень серьезно.—онъ у меня мастеръ!...

— Гдѣ-жь вы выучились?—полюбопытствовалъ Заковырка, любовавшійся хомутомъ и находившій, что работа превосходна. онъ смыслилъ въ этомъ дѣлѣ, потому что до поступленія въ солдаты состоялъ кучеромъ у станового пристава.

— У мастера! — кратко отвѣтилъ Панасъ, понявъ выразительный взглядъ Параски.—Но этотъ взглядъ подмѣтилъ не онъ одинъ, а также старшій изъ военныхъ людей, который по этому поводу еще болѣе выразительно подмигнулъ Заковыркѣ.

— Мнѣ пора!—прибавилъ Панасъ, которому уже становилось жутко и отъ водки, и отъ своей лжи, и отъ компаніи; но публика настаивала на томъ, что необходимо выпить за хомутъ.

— Да я же и такъ, никогда не пивши, выпилъ!— пробовалъ было отбиваться Панасъ, но увидѣлъ, что это будетъ только лишняя проволочка времени. Параскинъ кавалеръ подносилъ къ его рту наполненную чашку и при этомъ мычалъ: «з-за-хо-м-му-тъ». Панасъ принужденъ былъ выпить. Послѣ этого онъ попрощался и вышелъ, забывъ даже сказать Параскѣ два слова.

— Ты приходи!—крикнула ему вслѣдъ Параска.

— Приду!—отвѣтилъ онъ себѣ подъ носъ и помчался по направленію къ Панычеву. отъ водки у него горѣло лицо и по всему тѣлу бѣгали мурашки.

«Надо вытащить мамку изъ этой ямы?» твердилъ онъ цѣлую дорогу и чувствовалъ въ груди своей такую рѣшимость и увѣренность въ удачѣ, что ни одна мрачная мысль

Digitized by Google

не пришла ему въ голову. Уже немного оставалось до разсвѣта, поэтому онъ буквально бѣжалъ рысью.

Онъ прошелъ прямо на городъ и, наскоро повыдергавъ сѣна изъ скидры, схватилъ его въ охапку и понесъ къ конюшнѣ медленнымъ шагомъ. Въ это время изъ комнаты вышла матушка съ своимъ неизмѣннымъ фонаремъ. Она пристально поглядѣла на Панаса.

— Дуже рано встаешь, хлопче!—подозрительно замѣтила она. Ей уже давно казалось, что съ Панасомъ дѣется что-то особенное.

Панасъ, у котораго до сихъ поръ шумѣло въ головѣ, почувствовалъ противъ обыкновенія сильное желаніе вступить въ разговоръ съ матушкой.

— Господь его знаетъ, какъ и угодить!... То дуже поздно, то дуже рано!—отвѣтилъ онъ слишкомъ твердо и слишкомъ грубо, чтобы не раздражить матушку.

Но матушка и на этотъ разъ смолчала и только сильно прикусила нижнюю губу.

«О-о! подумала она:—его надо укоротить? А то онъ скоро на меня кидаться начнетъ! Тутъ что-то такое не ладно! Какъ-бы онъ не снюхался съ кѣмъ нибудь?»

И она рѣшила съ этихъ поръ усилить надзоръ за Панасомъ.

II

Темныя ночи.

Въ знойную лѣтнюю ночь, когда утомленный мѣсяцъ, поручивъ звѣздамъ надзоръ за спящей землей, самъ уходилъ на покой; когда всѣ тѣни сливались въ одну необъятную тѣнь, разомъ покрывавшую огромную равнину и Днѣпръ, и село съ его хатами, церковью, кладбищемъ и кабаками; когда не было слышно ни лая собакъ, ни шелеста пожелтѣвшей отъ солнца травы и даже неугомонный вѣтеръ, не устающій въ продолженіе дня обдавать все живое и растущее своимъ знойнымъ дыханіемъ, затихалъ какъ-бы для того, чтобъ набраться свѣжихъ силъ

Digitized by Google

для грядущаго дня; когда бодрствуетъ только тотъ, кто не можетъ свершать среди бѣлаго дня свое темное дѣло,— въ такую ночь, за помѣщичьимъ токомъ, въ глубокой балкѣ, происходили долгіе разговоры между Панасомъ и его подругой. Это мѣсто было защищено отъ случайнаго любопытства. Оно лежало вдали отъ большой дороги, къ нему не было проложено ни одной тропинки. Во время свиданій Панасъ смотрѣлъ слишкомъ серьезно и сосредоточенно и мало походилъ на нѣжнаго любовника. Онъ почти всегда молчалъ, а Степанида не уставала говорить такимъ тихимъ шепотомъ, который даже въ этой тишинѣ ночи нельзя было разслышать на разстояніи одного шага. Панасъ едва-ли сознавалъ, о чемъ была рѣчь. Онъ въ это время почти всегда думалъ о другомъ. Здѣсь они засиживались далеко за полночь, и только когда изъ села доносилось пѣнье вторыхъ пѣтуховъ, они тихо, неслышно отправлялись каждый въ свою сторону.

Въ такую-же темную ночь, только-когда дулъ ночной вѣтеръ, а еще лучше, когда звѣзды закрывались дождевой тучей,—можно было видѣть Панаса за его ночнымъ дѣломъ, которое давно уже перестало быть для него новымъ и сдѣлалось простой привычкой; какъ въ ту ночь, когда онъ впервые тащилъ свою преступную ношу, неслышно ступалъ онъ черезъ городъ, сопровождаемый вѣрнымъ Барбосомъ, который также, какъ и Панасъ, привыкъ уже къ такимъ путешествіямъ. На мѣстѣ хомута перебывали разныя принадлежности хозяйства о. Макарія. Тутъ сыграли свою роль и просо, и жито, и ячмень, и куриныя яица, и даже однажды—пара жирныхъ гусей, которымъ Панасъ предварительно оторвалъ головы и изчезновеніе которыхъ изъ стада на другой день надѣлало много шума и извлекло изъ устъ матушки много горькихъ истинъ по поводу безнравственности сосѣдей, но чаще всего Барбосу приходилось обнюхивать мѣшокъ съ овсомъ. Этотъ продуктъ, составлявшій десертное блюдо батюшкиныхъ лошадей, находился въ полномъ распоряженіи Панаса. У него были ключи отъ кладовой, въ которой хранился овесъ.

Digitized by Google

Сначала у Панаса дрожали руки всякій разъ, когда онъ подымалъ мѣшокъ, чтобъ взвалить его себѣ на плечи. Тогда онъ вспоминалъ объ обѣщанномъ ему бычкѣ и утѣшался мыслью, что бычекъ достанется матушкѣ взамѣнъ того, что составляло его ношу. У него не было ни времени, ни охоты вести точные счеты. Въ противномъ случаѣ онъ могъ-бы убѣдиться, что бычекъ былъ давно уже окупленъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ. Но это было вначалѣ. Потомъ это стало входить въ привычку; руки, какъ и совѣсть, подчинились его волѣ и перестали дрожать; онъ пересталъ вспоминать о бычкѣ и дѣлалъ свое дѣло такъ-же спокойно и равнодушно, какъ утромъ на другой день отводилъ лошадей на водопой или садился въ кухнѣ обѣдать. Дѣло производилось почти механически и не стоило ему большихъ усилій. Въ эти ночи онъ могъ спокойно возвращаться въ конюшню и продолжать прерванный сонъ, потому-что теперь ему не приходилось тащить свою ношу въ слободку. Благодаря частому опыту и нѣкоторой даже регулярности, дѣло само собой упростилось. Онъ относилъ свой мѣшокъ не дальше балки, въ которой проводилъ другія, болѣе поэтическія, ночи; здѣсь онъ покидалъ его, какъ ненужную вещь, и затѣмъ возвращался домой. Земляки частенько видѣли въ часы разсвѣта очень бѣдно одѣтую женщину, шагавшую по направленію къ городу съ тяжелой ношей на плечахъ. Иногда она слишкомъ низко изгибалась подъ своей ношей, тогда земляки жалѣли ее и брали бѣднягу на свои возы. Она разсказывала имъ, что живетъ на какихъ-то хуторахъ, верстахъ въ тридцати отъ города, а въ городѣ у нея дочка за солдатомъ. Вотъ дочкѣ-то она и несетъ кое-что. Эта женщина была Фроська, которая въ этихъ случаяхъ бывала совсѣмъ трезва и имѣла почтенный и внушающій довѣріе видъ.

Все это дѣлалось такъ просто и легко, что Панасу и въ голову не приходило осуществить свою мечту—покинуть матушку или довести ее до того, чтобъ она прогнала его. Онъ и работалъ теперь усерднѣе, потому-что считалъ

Digitized by Google

себя хорошо вознагражденнымъ,—работа не пропадала даромъ. Его часто видѣли веселымъ, иногда даже можно было подумать, что онъ выпивалъ. Разъ за обѣдомъ Улита прямо объявила, что отъ него несетъ водкой, а Панасъ и не подумалъ опровергнуть эту злостную клевету. Мрачныя мысли посѣщали его только тогда, когда онъ отправлялся на балку и, сидя рядомъ съ Степанидой, слушалъ ея безконечный шопотъ. Тогда онъ почему-то совсѣмъ иначе смотрѣлъ на свои ночныя дѣла. Онъ передавалъ Степанидѣ все, что было у него на душѣ, но объ этихъ дѣлахъ никогда не сказалъ ни слова. Сколько разъ порывался онъ разсказать ей все! И языкъ не повиновался ему: изъ устъ его выходили слова совсѣмъ не тѣ, которыя были въ головѣ. И всякій разъ, когда онъ убѣждался, что этого не можетъ разсказать ей, онъ вдругъ начиналъ ясно видѣть передъ собою пропасть, къ которой шелъ; его поведеніе рисовалось ему въ мрачномъ свѣтѣ, и онъ вздрагивалъ отъ присутствія и близости этого существа, не раздѣляющаго его преступленія. Иногда онъ питалъ къ Степанидѣ недружелюбное чувство именно потому, что не въ силахъ былъ сказать ей всю правду. Въ эти минуты онъ страдалъ, но потомъ все это проходило и онъ продолжалъ укрѣпляться въ своей привычкѣ. Всѣ замѣтили, что Панасъ худѣлъ съ каждымъ днемъ, и глаза его, смотрѣвшіе прежде такъ прямо, спокойно, теперь какъ будто избѣгали чужого взгляда. Больше всѣхъ замѣтила это Сонька. О, она многое замѣчала, потому что никто, неисключая самой матушки, не слѣдилъ такъ пристально за каждымъ шагомъ Панаса, какъ она. Она многому удивлялась, многаго не понимала и дѣлала широкіе глаза, но потомъ перестала удивляться. Она тоже худѣла и еще замѣтнѣе, чѣмъ Панасъ.

Съ ней произошла большая перемѣна. Она возмужала, окрѣпла и уже не смотрѣла подросткомъ. Ея похудѣвшее лицо сдѣлалось менѣе широкимъ и много отъ этого выиграло. Взгляды, которые она посвящала Панасу, были долгіе и исполненные какой-то сладострастной тоски. Матушка утверждала, что она совсѣмъ «отбилась отъ рукъ»,

Digitized by Google

и для того, чтобъ приручить ее, несмотря на дѣвическій возрастъ Соньки, нещадно таскала ее за волосы. Сонька дѣйствительно только и дѣлала, что разбивала посуду, опрокидывала самоваръ съ горячей водой, причемъ обваривала случайно подвернувшагося цыпленка, наступала матушкѣ на платье, батюшкѣ на ноги, словомъ—дѣлала все, что могло вызвать у матушки разлитіе желчи. На тумаки и дранье за волосы она не обращала вниманія и казалось даже не чувствовала боли при этихъ операціяхъ.

Наступила осень. Ея дождливыя, вѣтряныя ночи сдѣлались любимыми ночами Панаса, потому что прикрывали его работу. Въ одну изъ такихъ ночей, когда Панасъ взялъ на свои плечи слишкомъ большую ношу и, проходя черезъ городъ, долженъ былъ останавливаться и класть ее на землю для того, чтобы отдохнуть,—ему показалось, что изъ-за скирды сѣна выдвинулась человѣческая фигура. Онъ вздрогнулъ и, нагнувшись къ мѣшку, притаился. Фигура между тѣмъ придвигалась къ нему. Барбосъ, всегда сопровождавшій Панаса, началъ издавать тихое, недовѣрчивое ворчаніе, потомъ словно узналъ приближавшагося и завилялъ хвостомъ. Узналъ его и Панасъ. Онъ выпрямился во весь ростъ и въ глазахъ его сверкнула страшная злоба.

— Всюду чертъ ее носитъ, эту собачью дѣвку, съ бѣшенствомъ произнесъ онъ.—Она стоитъ у меня, какъ кость, поперекъ горла!...

— Тс!... Тише! развѣ ты меня боишься, Панасъ, прошептала Сонька.—Я давно уже знаю... Что жь, думаешь, выдавать стану? Да я помогать тебѣ хотѣла-бы! Я хотѣлабы, чтобъ въ одну какую-нибудь ночь унесли все, что у нея есть, все ея добро!... Она допекла меня!...

— Чего ты притащилась?—недружелюбно спрашивалъ Панасъ и глаза его попрежнему блистали злобой.

Сонька въ одно мгновеніе подбѣжала къ нему и обвила его шею руками. Панасъ напрасно старался оттолкнуть ее. Она прижималась къ нему всѣмъ своимъ дрожащимъ тѣломъ и казалось готова была задавить его.

— Панасъ!... Уйди отсюда и возьми меня съ собой!...

Digitized by Google

Я буду служить тебѣ, какъ работница... Я не могу такъ жить... Силъ нѣту! у меня силъ нѣту!... Я слѣжу за тобой. Когда ты идешь къ ней туда въ балку... Я смотрю тебѣ вслѣдъ!... Я подхожу издали, чтобъ посмотрѣть, какъ, ты ее обнимаешь!... И ты видишь—я сохну!...

Ея рѣчи были похожи на бредъ. Панасу она показалась страшной, готовой на самый рѣшительный шагъ. Онъ старался мягко отстранить ее, потому-что боялся рѣзко оттолкнуть. Притомъ онъ почувствовалъ сожалѣніе къ этой бѣдной, некрасивой, всѣми брошенной, осиротѣлой дѣвчонкѣ, и ему захотѣлось сказать ей какое нибудь ласковое слово.

— Постой, дѣвка, постой? Не теперь... Я скоро уйду отсюда совсѣмъ!... Тогда и пойдемъ вмѣстѣ!... Теперь иди себѣ!... Услышатъ—накроютъ... Иди, иди!...

— Тогда возьмешь?—спросила она, какъ-будто вдругъ ослабѣвъ и опустивъ руки.

— Тогда, тогда!—пробормоталъ Панасъ, нагибаясь къ мѣшку.—Помоги мнѣ поднять на плечи!... Поддай!...

Она взвалила ему на плечи мѣшокъ.

— Кому это? ей?—спросила она.

— Дура ты! Какой «ей»? Мамкѣ!...

Сонька изумилась.

— Мамка,—продолжалъ Панасъ—живетъ на слободкѣ. Жрать ей нечего!... Иди, Сонька, иди... Не то замѣтятъ!...

Она машинально повернула во дворъ и, шатаясь, побрела къ комнатамъ.

«Какъ-бы съ нею не нажить бѣды? Охъ, бѣдовая дѣвка!» подумалъ Панасъ. Но въ то-же время онъ почувствовалъ, что прежнее отношеніе его къ Сонькѣ послѣ этого разговора какъ-то вдругъ перемѣнилось. Произошло-ли это оттого, что она высказала ему горячую привязанность, или оттого, что она, и одна она—знала его тайну и этимъ какъ-бы держала его въ рукахъ; или можетъ-быть онъ увидѣлъ, что Сонька теперь уже была не прежнимъ неуклюжимъ и глуповатымъ подросткомъ, котораго не обижалъ

Digitized by Google

развѣ тотъ, кому было некогда,—что она превратилась въ дѣвушку, способную на горячую привязанность и на рѣшительное дѣло... Отъ чего бы это ни произошло (можетъ быть и отъ всего вмѣстѣ),—но онъ на этотъ разъ не могъ уже отнестись къ Сонькѣ такъ безразлично, какъ относился прежде. Онъ чувствовалъ, что этотъ разговоръ связалъ ихъ крѣпкой нитью и что съ этихъ поръ, гдѣ-бы онъ ни былъ, часто будетъ думать, вспоминать о Сонькѣ. Кромѣ того въ ней онъ увидѣлъ вѣрнаго и притомъ безкорыстнаго союзника. Теперь ужь онъ не боялся, что она разскажетъ всѣмъ про его связь съ Степанидой. Не такая она, чтобы подставила ему ножку. За что это однако такъ любятъ его бабы? Кромѣ Степаниды и Соньки, есть кажется еще одна, которая смотрѣла на него не такъ, какъ смотрятъ всѣ. Но у той было такое спокойное, правдивое лицо, она смотрѣла на него съ такою дѣтскою довѣрчивостью, что въ этотъ часъ, когда онъ несетъ на своей спинѣ преступную ношу, ему обидно вспоминать о ней. Та не для него. Пускай она будетъ счастлива съ хорошимъ человѣкомъ, съ честнымъ хозяиномъ, которому Богъ далъ свое поле и который не дрожитъ въ осеннюю ночь, оглядываясь по сторонамъ и боясь встрѣтить взглядъ другого человѣка.

Эхъ! Какъ однако далеко зашелъ онъ въ той работѣ, которая такъ просто и невинно началась съ его собственнаго новаго кожуха!...

III.

Хозяйскій глазъ.

Осень близилась къ концу. Подулъ холодный, пронзительный вѣтеръ; утренняя роса на пожелтѣвшихъ, опадающихъ листьяхъ деревъ—превращалась въ иней. Панычевцы одѣлись въ кожухи; только самые прытке, и то больше изъ хвастовства, ходили въ однѣхъ сорочкахъ, а иные еще выставляли напоказъ свою волосатую грудь. Панасъ находилъ, что вовсе еще не такъ холодно, а иногда даже увѣрялъ, что ему жарко. Пришелъ однако Филип-

Digitized by Google

повъ постъ, и выпалъ снѣгъ. Тогда уже всѣ панычевцы одѣлись потеплѣе, и не находилось между ними ни одного, который вздумалъ-бы изъ хвастовства утверждать, что зима еще не пришла. Однажды матушка видѣла, какъ Панасъ, послѣ того, какъ привезъ съ Днѣпра бочку съ водой, крѣпко потиралъ свои руки и размахивалъ ими, какъ вѣтряная мельница своими крыльями. «Отчего это онъ кожуха не надѣнетъ?» мысленно спросила она самое себя и такъ какъ на этотъ вопросъ отвѣтить было нелегко, то она вышла къ Панасу.

— Эй, Панасъ! Чего это ты ежишься? Развѣ у тебя нѣтъ кожуха?—спросила она.

— Какъ нѣтъ кожуха? Куда же ему дѣваться?—спросилъ въ свою очередь Панасъ.

— Такъ что-же ты его для лѣта, что-ли, бережешь? а?

— Что-же я буду съ нимъ дѣлать лѣтомъ?—неопредѣленно отвѣтилъ Панасъ.

— Отчего не надѣнешь?

— Еще рано! Развѣ это морозъ? Какой-же это морозъ?

Нечего о говорить, что эти отвѣты въ вопросительной формѣ нисколько не удовлетворили матушку.

«Не я буду, если онъ его не пропилъ!» мысленно сказала она себѣ. «Пусть я не буду больше матушкой, если отъ этого кожуха хоть слѣдъ остался!»

Тутъ-же матушка рѣшила произвести внезапную строгую и притомъ тайную ревизію. Она нашла, что воды привезено мало, и отослала Панаса за второй бочкой. Едва-только онъ выѣхалъ со двора, какъ матушка дала порученія Сонькѣ и Улитѣ. Сонька должна была сходить къ супругѣ церковнаго старосты и освѣдомиться, не ѣдетъ-ли ея мужъ завтра въ городъ. Улита получила приказаніе спуститься въ погребъ и тамъ заняться перестановкой кувшиновъ съ молокомъ. Убѣдившись, что изъ непріятельскаго лагеря никого не осталось во дворѣ, матушка направилась въ конюшню. Здѣсь она принялась рыться въ Панасовой кровати и кромѣ соломы, рядна и

Digitized by Google

чего-то вродѣ подушки ничего не нашла. Она заглянула въ ясли, осмотрѣла стѣны.

«Кожуха нѣтъ! Онъ его пропилъ, чтобъ мнѣ не дожить до Рождества, если это не правда!» окончательно рѣшила матушка.

Въ это время взоръ ея дошелъ до того угла, гдѣ обыкновенно висѣлъ новый хомутъ.

— А-а! Новый хомутъ исчезъ! А-а! Завтра привезутъ бричку, а хомута нѣтъ! Эге-ге! Такъ вотъ оно что! Это не все! Нѣтъ, нѣтъ, это не все!

Она тихо заперла конюшню, сходила въ чуланъ и взяла тамъ ключи отъ всѣхъ сараевъ, амбаровъ и другихъ вмѣстилищъ ея добра. Она входила неслышно, какъ тѣнь, словно собиралась воровать собственное добро. Всюду она видѣла слѣды злодѣйской руки. Даже тамъ, гдѣ все было цѣло, ей казалось, что унесена половина. Она констатировала убыль жита, пшеницы, проса, а когда вошла въ чуланъ, гдѣ хранился овесъ, остановилась въ оцѣпенѣніи. Овесъ почти весь исчезъ, тогда какъ былъ сдѣланъ запасъ на всю зиму. Гнѣвъ ея не имѣлъ границъ, но у нея все-таки хватило твердости воздержаться отъ изліяній и уйти изъ чулана такъ же тихо, какъ вошла въ него. Она удалилась въ свою спальню и ни слова не сказала о. Макарію, который въ это время въ сосѣдней комнатѣ любовно разговаривалъ съ канарейкой и перемѣнялъ ей воду.

— Смотри, душа моя, — обратился къ матушкѣ о. Макарій, глядя въ окно и указывая пальцемъ по направленію къ рѣкѣ, откуда, сидя на бочкѣ, ѣхалъ Панасъ:—отчего ты не распорядишься, чтобъ Панасъ надѣлъ свой новый кожухъ, который я купилъ ему? Посмотри, какъ онъ жмется! Пожалуй еще простудится, и люди скажутъ, что мы плохо одѣвали его!...

— О! это пустое, о. Макарій!—совершенно равнодушно отвѣтила матушка.—Что ему станется! У этого народа кожа толста, какъ у кабана... Вотъ еще выдумалъ —простудится! Развѣ они когда-нибудь простуживаются?...

Digitized by Google

— Но какъ-же, мать моя, ты говоришь «пустое», когда на дворѣ крещенскій морозъ стоитъ? Ты подумай, что люди скажутъ?...

— И все-таки я скажу, что это пустое! Притомъ я уже говорила ему. Онъ такъ и сказалъ мнѣ, что это еще не морозъ и что ему даже жарко!... Кстати: завтра привезутъ новую бричку? а?

— Да, должно-быть завтра. А что?

— Ничего. Ты прикажи Панасу вычистить новый хомутъ! Надо, чтобы все было готово.

Когда Панасъ вернулся, батюшка позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ.

— Завтра привезутъ новую бричку, Аѳанасій! Такъ ты приготовь сбрую. Мы завтра-же покатаемся.

Панасъ вздрогнулъ и промолчалъ. Потомъ ему пришла хорошая мысль.

— Теперь снѣгу довольно. Можно-бы на санкахъ...

— Это само собой! А бричку надо будетъ попробовать. Понимаешь?

— Понимаю! — отвѣтилъ Панасъ, потому что онъ дѣйствительно понималъ это, но не могъ только понять — откуда ему взять новую сбрую.

— Да вотъ еще что, — продолжалъ о. Макарій: — почему ты не носишь кожуха?

— Да мнѣ еще не холодно!...

— Смотри, не захвати простуды! Ну, ступай себѣ съ Богомъ.

Панасъ ушелъ опечаленный, даже потрясенный. Какое-то смутное предчувствіе подсказало ему, что случилось что-то особенное. Это совпаденіе разговора о кожухѣ съ прибытіемъ брички намекало ему на какую-то заднюю мысль, которая чудилась во всемъ этомъ его испуганному воображенію. Какова-же была его радость, когда пріѣхавшій на другой день изъ города церковный староста привезъ извѣстіе, что бричка еще не готова и доставка ея отсрочена по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ. Къ этой радости прибавилась еще другая: солнце выглянуло

Digitized by Google

изъ-за тучъ и распустило снѣгъ; оттепель позволяла позабыть о кожухѣ, и онъ почти успокоился.

Можно было подумать, что выглянувшее солнце не ограничилось тѣмъ, что растопило снѣгъ и окрасило прозрачный воздухъ въ яркій цвѣтъ весенняго дня; можно было подумать, что на этотъ разъ оно заглянуло въ глубь матушкина сердца, растрогало и размягчило его своимъ теплымъ лучемъ. Любезность, которую матушка стала проявлять относительно Панаса, не имѣла границъ. Казалось матушка задалась цѣлью фактами доказать свое изреченіе, которое она предъявляла всѣмъ, находя, что для этого всѣ случаи удобны, именно: «мы его любимъ, какъ родного сына». Не успѣлъ Панасъ покончить свои утреннія ухаживанья за лошадьми, какъ къ нему уже шлютъ Соньку:

— Панасъ, иди, матушка зоветъ! Чай будешь пить!

— Ха, ха,—отъ души смѣется Панасъ.—Вотъ исторія! Панасъ будетъ чай пить!...

Тѣмъ не менѣе онъ отправляется къ матушкѣ и не куда-нибудь, а прямо въ столовую. Здѣсь ему не дѣлаютъ только одной чести—не садятъ за столъ; но это ничего, онъ можетъ постоять и у порога. И вотъ онъ стоитъ у порога, держа въ одной рукѣ блюдце съ чаемъ, въ другой кусокъ сахару. Онъ прилежно дуетъ на блюдце и, издавая губами особый мелодическій звукъ, втягиваетъ въ себя теплую влагу. Это доставляетъ ему чисто идеальное наслажденіе, такъ какъ самый чай представляется ему очень страннымъ напиткомъ, которому онъ охотно предпочелъ-бы кувшинъ хлѣбнаго квасу, но онъ не можетъ не цѣнить особую честь, оказанную ему матушкой. Предъ обѣдомъ его опять зовутъ къ матушкѣ.

— Вотъ, Панасъ, выпей! Ты трудишься!—говоритъ матушка, протягивая ему рюмку съ водкой, и какой у нея при этомъ ласковый голосъ.

«Ей-Богу тутъ творятся какія-то чудеса! Матушка какъ-будто бы другая; старая словно исчезла, а на мѣсто ея Богъ далъ новую, получше». Передъ ужиномъ опять рюмочка

Digitized by Google

водки. «Да что это такое наконецъ? Ужь не вздумала-ли матушка покаяться въ своихъ грѣхахъ? А оно и пора-бы. Съ Сонькой тоже стала обращаться иначе. Вотъ уже третій день, какъ ее не таскаютъ за волосы.» Словомъ настали благодатныя времена. Оставалось только жалѣть, что они не настали раньше. Въ довершеніе-же всего матушка однажды позвала къ себѣ Панаса и сказала ему:

— Смотри, Панасъ, хорошенько за бурой коровой! Потомъ она будетъ твоя. И бычекъ отъ нея твой, да и ее я тебѣ дарю.

Панасъ, изумленный и поверженный въ прахъ, трижды поцѣловалъ матушкину руку. А матушка прибавила:

— Мы о тебѣ какъ о родномъ сынѣ заботимся!...

Нужно замѣтить, что упомянутая корова не подавала еще никакихъ надеждъ на то, что она подаритъ Панасу бычка. До весны было еще далеко.

Между тѣмъ матушка распространила лучи своей любезности еще на нѣкоторыхъ особъ, которыя по своему общественному положенію не имѣли ни малѣйшаго права претендовать на это. Такъ, она, несмотря на то, что была очень тяжела на подъемъ и почти никогда не заходила дальше воротъ собственнаго двора, отправилась къ церковному сторожу, зашла въ сторожку, сдѣлала честь длинной скамьѣ—потому-что сѣла на нее, дубовому столу—потому-что облокотилась на него обѣими руками, вслѣдствіе чего онъ слегка вздрогнулъ и пригнулся, сторожихѣ—потому-что разспросила ее о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, наконецъ маленькой дочкѣ сторожа—потому-что погладила ее по головѣ и сказала (впрочемъ довольно мягко), что стыдно такой большой дѣвочкѣ (ей было лѣтъ пять) не умѣть самой держать въ порядкѣ собственный носъ. Оказавъ всѣ эти любезности, матушка отозвала самого сторожа въ церковную ограду и сказала, что имѣетъ сообщить два слова. Въ оградѣ сторожу были сообщены два слова, которыя оказались очень длинными словами, потому-что матушка выговаривала ихъ въ продолженіе по крайней мѣрѣ четверти часа. Послѣ того, какъ они наконецъ были ска-

Digitized by Google

заны, лицо сторожа (лицо, нужно замѣтить, очень почтеннаго вида, такъ какъ на немъ былъ солидныхъ размѣровъ носъ съ ямочками отъ оспы, носъ, имѣвшій притомъ еще ту своеобразную особенность, что онъ смотрѣлъ прямо на васъ своими обширными ноздрями и вы вслѣдствіе этого могли видѣть все, рѣшительно все, что дѣлалось въ носу сторожа; кромѣ того на лицѣ этомъ были кудрявыя бакенбарды удивительно мрачнаго цвѣта, какъ и все лицо сторожа, которое казалось вымачканнымъ сажей; а что до подбородка, то легко догадаться, что онъ всегда былъ выбритъ, такъ какъ сторожъ былъ безсрочно-отпускной воинъ и у него была очень хорошая бритва)—такъ вотъ это лицо выразило крайнее изумленіе, и ноздри сторожа до такой степени раскрылись, что казалось стоило только матушкѣ попристальнѣе вглядѣться въ нихъ—и она увидѣла бы не только то, что дѣлается у сторожа въ носу, но и то, что творится въ мозгу его, если конечно допустить, что тамъ что-нибудь творилось. Послѣ этого разговора, сторожъ поцѣловалъ у матушки руку, сказалъ, что онъ непремѣнно исполнитъ ея порученіе, и поблагодарилъ за кувшинъ кислаго молока, который она тутъ-же пообѣщала ему.

Вслѣдъ за этимъ матушка пошла къ младшему прикащику, затѣмъ посѣтила объѣздчика, наконецъ сдѣлала честь церковному старостѣ. Вездѣ она была любезна съ женами, мужьямъ сообщала по два слова,—вездѣ дарила по кувшину молока (старостѣ сладкаго, а всѣмъ прочимъ кислаго) и вездѣ ей цѣловали руку.

И вотъ настала ночь—такая темная, беззвѣздная ночь, какихъ не бывало даже осенью. Снѣгъ падалъ тяжелыми хлопьями, а вѣтеръ разрывалъ ихъ и развѣвалъ по всѣмъ закоулкамъ двора. Панасъ не могъ дождаться лучшей ночи для того, чтобъ снести свой мѣшокъ на балку. Этотъ мѣшокъ, наполненный доверху всякой всячиной, уже два дня ждалъ своей участи, скромно помѣщаясь въ конюшнѣ, подъ Панасовымъ ложемъ. Съ Фроськой было условлено, что она придетъ на балку въ первую темную ночь. И вотъ онъ взвалилъ на плечи тяжелую ношу и выходитъ изъ конюшни съ видомъ че-

Digitized by Google

вѣка, который дѣлаетъ свое обычное дѣло увѣренно и твердо. Онъ конечно не обратилъ вниманія на то, что одна половинка ставни у окна, выходившаго во дворъ изъ матушкиной спальни, была на этотъ разъ пріотворена и что въ то время, какъ онъ выходилъ изъ конюшни, чье-то широкое лицо припало къ стеклу и пара чьихъ-то зоркихъ глазъ съ напряженіемъ смотрѣла на дверь конюшни. Не могъ онъ знать и того, что тотчасъ-же въ спальнѣ матушки произошло безшумное движеніе, открылась дверь въ сѣни, изъ сѣней во дворъ, и тяжелыя стопы, на этотъ разъ оказавшіяся легкими, какъ воздухъ, направились вслѣдъ за нимъ. Но онъ уже долженъ былъ ясно услышать, когда позади его, въ то время, какъ онъ проходилъ черезъ городъ, раздался громкій кашель.

— Кха, кха, кха!

Тогда ноша свалилась съ его плечъ и тяжело грохнулась о мерзлую землю. Первой пришла ему въ голову мысль о Сонькѣ. Но передъ нимъ стояла крупная фигура съ закутаннымъ въ платокъ лицемъ — слишкомъ знакомая ему фигура, чтобъ онъ могъ сомнѣваться. Кровь застучала у него въ вискахъ; было мгновеніе, когда онъ готовъ былъ кинуться на врага и сдавить ему горло. Но не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ увидѣлъ себя окруженнымъ. Съ разныхъ сторонъ подоспѣли: сторожъ, церковный староста, объѣздчикъ и младшій прикащикъ.

«Ловушка!» — подумалъ онъ и безсильно опустилъ руки. Сопротивленіе было безполезно.

— Молодецъ, хлопче! молодецъ! — промолвила матушка голосомъ, полнымъ самой горькой насмѣшки. — По мамкѣ пошелъ!...

— Такъ-то ты благодаришь матушку за благодѣтельство! а? — покачалъ головой церковный староста, той самой головой, которая еще вчера была пьяна.

Панасъ молчалъ, и какія-то смутныя мысли бродили въ его головѣ. То ему приходила мысль — вдругъ пуститься со всѣхъ ногъ и исчезнуть подъ прикрытіемъ глубокаго мрака; то хотѣлось вдругъ высказать все, что

Digitized by Google

у него накопилось противъ матушки—и про мамку, и про бычка, и про заработокъ... Потомъ пришла такая мысль: «Нѣтъ, про мамку-то я имъ ни слова не скажу, хоть бы они изъ меня жилы тянули». То казалось, что изъ этого ничего не выйдетъ, что теперь все кончено, потому что завтра вся деревня будетъ объ этомъ говорить. Въ результатѣ онъ рѣшилъ отдаться на волю судьбы; пусть будетъ, что будетъ.

— Вотъ какова благодарность!—говорила между тѣмъ матушка. — Повѣрите ли, я его ублажала, какъ родное дитя! Что ему было нужно? Одѣли его, обули, выкормили; я ему бычка подарила, а не дальше, какъ вчера, отдала ему бурую корову! И хотя бы на что нибудь онъ могъ пожаловаться! Мало того, что на кухнѣ ѣдятъ они до того, что брюха ихнія чуть не трескаются, мало, говорю, этого—я его звала къ себѣ въ комнаты, поила его чаемъ: «на, Панасъ, пей!» Передъ обѣдомъ—рюмка водки, передъ ужиномъ—рюмка водки...

Въ это время Барбосъ, какъ бы почуявъ, что надъ его повелителемъ стряслась бѣда, поднялъ неистовый вой. Его примѣру послѣдовалъ весь наличный составъ матушкиныхъ собакъ. Разбуженныя этимъ воемъ индѣйки, гуси, утки и куры—подняли негодующіе крики. Улита схватилась съ печи и, какъ сумасшедшая, съ раздирающимъ крикомъ, кинулась во дворъ, потомъ на городъ; Сонька вообразила, что случился пожаръ, и безсмысленно размахивая руками—бѣгала по двору, напрасно стараясь отыскать, гдѣ горитъ. Батюшка, шепча молитву, спокойный и величественный, но смертельно блѣдный, вышелъ въ зимнемъ полукафтаньи. Нѣкоторые изъ сосѣдей, разбуженные воемъ и крикомъ, прибѣжали съ вилами, граблями, лопатами и разными другими земледѣльческими орудіями, такъ какъ въ деревнѣ эти орудія употребляются во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, начиная отъ пожара и кончая нашествіемъ саранчи. Все это собралось вокругъ Панаса, который стоялъ надъ своимъ роковымъ мѣшкомъ, блѣдный и дрожащій. Каждый новоприбывшій

Digitized by Google

давалъ матушкѣ поводъ повторить разсказъ про рюмку водки передъ обѣдомъ, рюмку водки передъ ужиномъ, про чай, про бычка и про бурую корову. Принесли фонарь и заглянули въ мѣшокъ. Боже! чего только не было въ этомъ мѣшкѣ?! Церковный сторожъ, который вынималъ изъ него вещь за вещью, съ каждой минутой все больше и больше раскрывалъ свои ноздри. Вотъ вывалилась пара безголовыхъ утокъ; вотъ новый коверчикъ, который недавно матушкѣ подарили прихожанки; вотъ четыре куска свиного сала; а подъ ними—старая сѣделка, которая давно считалась пропавшей; далѣе—шерстяной фартукъ матушки, накрахмаленная и выглаженная сорочка Алеши — съ отложными воротничками, торбочка съ гречневой крупой, бархатный поясъ о. Макарія, вышитый бисерными узорами, а на самомъ днѣ—плотно закупоренный казанокъ съ шинкованной кислой капустой. Вотъ такъ базаръ! Очевидно сюда забиралось все, что попадалось подъ руку.

— Хорошъ! хорошъ! — повторяла матушка. — Вы думаете, это все? Какъ бы не такъ! Это, я полагаю, ведется уже года три. Онъ вытаскалъ у меня половину жита, пшеницы, проса, половину птицы перерѣзалъ, овесъ же весь чисто забралъ!!..

— А-а!—съ изумленіемъ протянула публика.

— Да и это еще не все!—продолжала матушка.— А ну-ка, пусть онъ скажетъ, гдѣ его новый кожухъ, который батюшка купилъ ему прошлой зимой? Гдѣ? Ну?

Панасъ молчалъ. Зачѣмъ ему говорить? Позоръ его доведенъ до крайнихъ предѣловъ. Уже и теперь, несмотря на глубокую ночь, какая нибудь нетерпѣливая баба навѣрное побѣжала на село и оповѣстила, что Панаса поймали въ воровствѣ. Онъ не ощущалъ въ груди своей ни страха, ни желанія защищаться, сказать что нибудь въ свое оправданіе. Да и что сказать? Пойманъ на мѣстѣ.—Значитъ—воръ. Вотъ и мѣшокъ и все, что изъ него вынули. Развѣ все это не убѣждаетъ всякаго въ томъ, что онъ воръ? Одно только явственно ощущалъ онъ

Digitized by Google

въ груди своей—это глубокую, бѣшеную ненависть къ матушкѣ, которая стояла передъ нимъ и съ каждой минутой все больше и больше унижала его передъ народомъ. Эта ненависть росла въ немъ съ каждымъ ея словомъ и доходила до страшныхъ размѣровъ. Отъ нея, а не отъ чего другаго, дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ и глаза его искрились.

А ма́тушка продолжала:

— Кожухъ онъ давно пропилъ! А вотъ пусть-ка онъ скажетъ, куда дѣвался новый хомутъ, за который о. Макарій заплатилъ сорокъ карбованцевъ? Пусть ка онъ это скажетъ?! Молчишь? А? Пропилъ? А?..

— Пропилъ!—твердо отвѣтилъ Панасъ. Всѣ переглянулись, какъ будто ожидали, что онъ станетъ отрицать свою вину. Въ это время изъ волостного правленія пришли двое десятскихъ. Имъ разсказали, въ чемъ дѣло.

— Связать его, что ли?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

Неужели его свяжутъ и поведутъ черезъ деревню въ то время, какъ будетъ всходить солнце? Всѣ выбѣгутъ на улицу и будутъ смотрѣть на него. И Горпина выйдетъ... Какъ-то она посмотритъ? И Степанида?.. Нѣтъ, Степанида не выйдетъ... Пусть лучше не выходитъ. Думала ли она, что ея милый парень окажется воромъ?..

— Не надо вязать. Оставьте!—великодушно рѣшила матушка.—Куда онъ уйдетъ? Всѣ видѣли, всѣ знаютъ! Идти ему некуда!.. Идите, добрые люди, по домамъ!.. Уже свѣтаетъ, скоро и солнце подымется!.. Я не хочу судиться!.. Богъ съ нимъ! Я не зла! Когда онъ такъ отплатилъ мнѣ за мою доброту,—пускай его Богъ накажетъ, а не я... Нѣтъ, не я!..

Добрые люди совсѣмъ неохотно стали расходиться. Они вовсе не были довольны тѣмъ, что представленіе такъ скоро окончилось. Они разошлись, сопровождаемые страшнымъ лаемъ Барбоса и его подражателей. Остались только церковный староста, сторожъ и прикащикъ. Панасу было позволено уйти въ конюшню. Тамъ онъ засѣлъ одинъ и хотѣлъ бы никогда не выходить оттуда, хотя бы тамъ пришлось околѣть съ голоду.

Digitized by Google

IV.

„Свой братъ".

Солнце не хотѣло глядѣть на позоръ Панаса и весь день оставалось за тучами. Хлопья снѣгу попрежнему сыпались съ высоты и, не долетая до земли, разрывались отъ вѣтра. Панасъ сидѣлъ въ темной конюшнѣ, и ему было легче оттого, что на дворѣ не видно солнца, что подъ небомъ было такъ же мрачно и холодно, какъ у него на сердцѣ. Улита принесла въ конюшню кусокъ хлѣба и селедку и, молча положивъ передъ нимъ, ушла. Панасъ даже не взглянулъ на нее и не прикоснулся къ завтраку. Ему почему-то казалось, что такъ именно бываетъ въ тюрьмѣ. Сидитъ человѣкъ въ какой нибудь темной, холодной и сырой конурѣ и ему приносятъ хлѣбъ, молча и сурово, потому что разговоръ съ нимъ можетъ осквернить чистаго человѣка.

Въ это время въ кабинетѣ батюшки происходило экстренное и чрезвычайно дѣловое совѣщаніе. Висѣвшія по стѣнамъ иконы никогда еще не слышали здѣсь такихъ несдержанныхъ, пылкихъ рѣчей; онѣ казалось благословляли, когда раздавалась рѣчь о. Макарія, исполненная текстовъ и христіанскаго великодушія; и хмурились, когда слова сильныя и жестокія начинали вылетать изъ устъ матушки.

— Я прогоню его! Я не могу держать такого негодяя у себя въ домѣ!—шипѣла матушка. Мало того, что я ему простила, что не захотѣла доводить дѣла до суда? Ты хочешь, чтобъ онъ вынесъ изъ нашего дома всю мебель? Онъ можетъ, можетъ! Онъ и ворота унесетъ! Ты погоди! Только развяжи ему руки!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ни за что его не оставлю! Что ты тамъ такое городишь? Долгъ христіанина? А! Я исполнила свой долгъ! Я подобрала его на улицѣ, я сдѣлала его человѣкомъ!.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

*

Digitized by Google

— Погоди, душа моя, ты меня выслушай!—кротко предлагалъ о. Макарій.—Онъ согрѣшилъ, это такъ. Онъ оказалъ намъ неблагодарность, онъ обидѣлъ насъ, нанесъ намъ ущербъ! Но развѣ можно прожить на свѣтѣ безъ огорченій? Огорченія—это крестъ, который намъ посылается отъ Бога. Чѣмъ терпѣливѣе несемъ мы этотъ крестъ, тѣмъ высшую награду получимъ мы тамъ (батюшка указалъ пальцемъ кверху). Ты подумай: онъ заблудшая овца! Знаешь ли ты, что объ этой овцѣ, если мы ее спасемъ, возвратимъ на путь истины,—всѣ ангелы будутъ радоваться? Ты вспомни, душа моя, что всѣ мы подъ властію Бога и жизнь наша на волоскѣ виситъ!.. Вспомни наконецъ притчу о блудномъ сынѣ... А Панасъ — блудный сынъ нашъ, потому что они всѣ наши дѣти и всѣ блудны, а когда каются, мы должны принимать ихъ. А можетъ быть онъ покается? Можетъ быть онъ и теперь, сидя въ конюшнѣ, горько оплакиваетъ свое прегрѣшеніе?.. Вотъ слушай, я прочитаю тебѣ, что сказано на этотъ счетъ въ Евангеліи...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, о. Макарій! Я не хочу слушать! Слушать не хочу!—перебила матушка о. Макаря, который открылъ уже Евангеліе и чуть уже было не нашелъ притчу о блудномъ сынѣ.—Я прогоню его! Эту язву надо вырвать съ корнемъ! Пусть-ка теперь пройдется по деревнѣ! Желала бы я знать, кто приметъ его къ себѣ въ работники! Я хотѣла бы знать, кто возьметъ его на какихъ нибудь хуторахъ. О, пускай онъ это узнаетъ!.. Вотъ тогда, тогда... Когда онъ увидитъ, что нигдѣ не берутъ его,—тогда онъ придетъ ко мнѣ и я... я буду (матушка задыхалась) я буду изъ него... (матушка тяжело опустилась на стулъ)—я буду изъ него веревки вить!..

О. Макарій еще разъ попробовалъ было открыть Евангеліе, но матушка такъ неистово замахала руками, какъ будто въ ней сидѣлъ бѣсъ, который боялся даже самаго вида этой книги.

— Ты будешь отвѣчать, мать моя, передъ Богомъ!

Digitized by Google

Не я, нѣтъ, не я!—грозно привелъ наконецъ батюшка свой всегдашній доводъ, который вліялъ на матушку нисколько не больше, чѣмъ всѣ прочіе. — Позови мнѣ его!..

Матушка вышла, правильно разсчитавъ, что послѣ такого ужаснаго довода о. Макарію остается одно—прогнать Панаса. Его позвали. Онъ шелъ черезъ дворъ медленно, низко опустивъ голову, блѣдный, съ полузакрытыми глазами. Онъ не видѣлъ ни старосты, сидѣвшаго на заваленкѣ и зорко слѣдившаго за каждымъ его шагомъ, ни Улиты, стоявшей на порогѣ кухонной двери, ни Соньки, робко выглянувшей изъ-за посуднаго шкафа, стоявшаго въ сѣняхъ. Онъ вошелъ въ кабинетъ и остановился у порога.

— Ударь поклонъ, Афанасій, и покайся въ своемъ грѣхѣ!—сказалъ батюшка. Панасъ машинально грохнулся на колѣни и принялся бить поклоны.

— Встань теперь и слушай, что я скажу тебѣ.

Панасъ поднялся, и батюшка началъ излагать ему сущность христіанскаго идеала. Каждый истинный христіанинъ долженъ стремиться къ самосовершенствованію. Всѣ грѣхи, всѣ пороки происходятъ отъ плоти, отъ страстей. Надо умерщвлять плоть, дабы духъ возвысился и возликовалъ. Таковы были основные тезисы батюшкина ученія. Далѣе онъ нарисовалъ картину страшнаго суда и адскихъ мукъ. Вѣчный, неугасимый огонь, пламя и дымъ, вѣчныя муки угрызеній преступной совѣсти—вотъ удѣлъ грѣшника. Зато какая отрада ожидаетъ праведника! Тутъ слѣдовало описаніе райскаго блаженства. Панасъ долженъ стремиться къ тому, чтобъ сдѣлаться праведникомъ. Марія Магдалина вела грѣховную жизнь, но потомъ раскаялась и теперь во святыхъ. То же самое можетъ случиться и съ Панасомъ, если онъ искренно раскается и по мѣрѣ силъ своихъ возвратитъ все, что унесъ. Наконецъ была разсказана притча о блудномъ сынѣ.

— Теперь, Панасъ,—сказалъ батюшка въ заключеніе,—я тебя наставилъ, я исполнилъ свой пастырскій

Digitized by Google

долгъ... Мы тебя простили—и я, и матушка простили тебя... но держать тебя не можемъ!.. Иди себѣ съ Богомъ, куда хочешь! Покаяться вездѣ можно! Сходи въ Кіевъ, тамъ есть опытные исповѣдники. Открой одному изъ нихъ свою душу!.. Ну, иди съ Богомъ!.. Вотъ тебѣ твой документъ! Это я самъ хлопоталъ для тебя... Ступай!—Панасъ машинально положилъ бумагу за пазуху и повернулся къ двери.—Постой!

О. Макарій порылся въ столикѣ.

— Вотъ тебѣ на первое время!..

Панасъ сжалъ въ рукѣ поданную ему рублевую бумажку.

— Главное,—закончилъ батюшка,—будь истиннымъ сыномъ церкви, достигай совершенства!.. Ну, ну, иди, иди! Не надо благодарить!..

Панасъ тупо выслушалъ всѣ наставленія о. Макарія, почти безсознательно схватилъ его руку для поцѣлуя и съ отуманенной головой вышелъ изъ кабинета. Онъ прошелъ черезъ дворъ, мимо конюшни, не глядя ни на что; потомъ отворилъ знакомую калитку въ городъ, прошелъ его и вышелъ въ степь. Передъ нимъ разстилалась безконечная равнина, вся окутанная бѣлымъ покрываломъ. Холодный вѣтеръ пронизывалъ его до костей; на немъ только и было теплаго, что сивая шапка да сапоги, остальное было лѣтнее. Куда идти ему? Ни холодъ, ни голодъ, ни потребность разсказать кому нибудь о своемъ несчастьѣ—ничто не гнало его назадъ въ деревню. Эта бѣлая равнина, на которой не было видно ни одного живого существа, манила его своей пустотой, своей молчаливостью. Тамъ онъ не встрѣтитъ ни одной пары глазъ, которая презрительно оглядѣла бы его съ ногъ до головы и потомъ гадливо отвернулась бы, какъ отъ нечистой твари. Тамъ шумитъ только вѣтеръ, который не знаетъ человѣческихъ словъ и не напомнитъ ему, что онъ воръ, выгнанный, униженный. И онъ шелъ, шелъ, самъ не зная куда и зачѣмъ, не чувствуя ни холода, ни усталости. Уже Панычево давно исчезло позади его, уже

Digitized by Google

солнце перевалило за полдень, а онъ не переставалъ идти съ такой энергіей, какъ будто спѣшилъ куда нибудь по важному дѣлу. Наконецъ онъ остановился. Холодъ какъ-то вдругъ сжалъ его со всѣхъ сторонъ, онъ почувствовалъ, что если ночь застанетъ его въ полѣ, то онъ больше не услышитъ человѣческаго голоса. А зачѣмъ ему слышать человѣческій голосъ? Развѣ этотъ голосъ можетъ сказать ему что нибудь, кромѣ обиднаго слова—«воръ»? Развѣ у кого нибудь сорвется съ устъ слово утѣшенія? Степанида и та,—даромъ что любитъ,—навѣрно встрѣтитъ его этимъ словомъ и еще упрекнетъ: «вотъ дескать я тебѣ душу отдала, а ты!..» Но какъ гордо поднялъ онъ голову, когда вспомнилъ о мамкѣ: онъ не выдалъ ее ни однимъ словомъ. Всѣ думаютъ, что онъ пропивалъ ворованное, а вѣдь онъ все это только для нея и дѣлалъ. Да, для нея! Пускай цѣлый свѣтъ говоритъ про него, что хочетъ, но онъ никогда не узнаетъ, для кого Панасъ опозорилъ себя. Да неужели же всѣ поголовно повѣрили, что матушка облагодѣтельствовала его, а онъ обокралъ ее? Неужели никому не придетъ въ голову, что онъ что нибудь же заработалъ за четыре года, что не даромъ же онъ надрывался и потѣлъ? Да что же они всѣ съ ума посходили, что ли? Чего онъ убѣжалъ? Онъ вернется въ Панычево, и любой богатый мужикъ возьметъ его въ работники. Помѣщикъ—и тотъ возьметъ. Еще какую деньгу дадутъ ему! Развѣ не все село говоритъ, что такого работника, какъ Панасъ—поискать поищешь, а найти—не найдешь!

И онъ повернулъ обратно въ Панычево. Лицо его, раскраснѣвшееся отъ холода, казалось повеселѣло. «Я покажу, что Панасъ—не воръ! Мнѣ не для чего воровать, ежели хорошо платятъ!» мелькало у него въ головѣ.

Вотъ и Панычево. Налѣво, у самаго выхода изъ большого фруктоваго сада, помѣщичій домъ—каменный, въ два этажа. Черезъ дорогу—вальковая хата подъ деревянной крышей; здѣсь живетъ управляющій. Сюда-то Панасъ и направилъ свои стопы. Управляющій встрѣтилъ

Digitized by Google

его во дворѣ. Это былъ толстенькій человѣкъ, небольшого роста, съ мясистыми червоными щеками, рельефно, какъ пара румяныхъ яблокъ, выступавшими изъ-за черной, окладистой бороды. Его небольшее брюшко повидимому нимало не затрудняло его. Онъ носился по двору съ легкостью рысака. Новый овчинный полушубокъ, крытый сѣрымъ сукномъ, хорошо защищалъ отъ холода его круглое тѣльце. Большіе ботфорты небрежно и властно попирали попадавшійся подъ ноги снѣгъ. Управляющій былъ веселый человѣкъ и потому встрѣтилъ Панаса смѣхомъ.

— Что-о? Ха, ха, ха, ха! Тебя-а? Ха, ха, ха! Да что мнѣ—не жаль панскаго добра, что-ли? Поди ты...

Панасъ попытался было пробормотать что-то насчетъ своей невинности; онъ говорилъ, что если ему дадутъ жалованье, то не будетъ необходимости воровать. Но управляющій только хохоталъ. Панасу оставалось уйти.

«Нѣтъ, этому не понять простого человѣка! Свой, мужикъ—тотъ можетъ понять! А эти всѣ заодно»,—утѣшалъ себя Панасъ.

И онъ пожалѣлъ, что необдуманно лишній разъ напросился на обиду. Онъ пошелъ къ «своему брату»—мужику. Не много было въ Панычевѣ такихъ «братьевъ», которые нуждались въ работникахъ. Населеніе его почти сплошь состояло изъ голытьбы, которая сама не знала, какъ прокормиться, гдѣ ужь тутъ думать о работникахъ! Изъ мужиковъ только и было двое—Воденюкъ, у котораго засѣвалось ежегодно десятинъ за сто, да еще пожалуй Семенъ Мурашка, который вдобавокъ къ своему надѣлу забиралъ у помѣщика десятка три десятинъ. Есть еще въ Панычевѣ два богатыхъ человѣка—это шинкари Шлема и Ицко, но эти земли не засѣваютъ, богатства ихъ не отъ земли идутъ, и у каждаго изъ нихъ только по одному работнику, которые ѣздятъ въ городъ съ боченками за водкой. Къ нимъ и ходить нечего. Панасъ рѣшилъ начать съ Семена Мурашки.

Семенъ Мурашка жилъ на отдаленномъ концѣ села. Хата его отличалась отъ другихъ тѣмъ, что около нея

Digitized by Google

былъ токъ пошире, чѣмъ у сосѣднихъ хатъ, да еще тѣмъ, что во дворѣ красовалась новая деревянная засѣка, которую Семенъ Мурашка не успѣлъ къ зимѣ обнести и прикрыть камышемъ. Самъ Мурашка былъ мужикъ дряхлый и богомольный. У него была огромная семья, причемъ женатые сыновья, которыхъ было четыре, какимъ-то чудомъ уживались, не требуя раздѣла и не строя собственныхъ хатъ. Они не хотѣли огорчать старика и терпѣливо ждали его смерти, чтобъ потомъ, на другой день послѣ похоронъ, увѣковѣчить память его генеральной дракой изъ-за отцовскаго добра.

Семенъ Мурашка былъ въ это время дома. Пріемъ, который оказалъ онъ Панасу, сразу обѣщалъ хорошій исходъ дѣла. Старикъ вглядѣлся въ него и узналъ.

— А! Тотъ, что у батюшки!.. Панасъ?! Я тебя знаю. Садись, парень.

Высокій ростъ и старческій горбъ на спинѣ заставляли Семена всегда держать голову опущенной. Онъ съ трудомъ поднималъ ее, когда нужно было разсмотрѣть что нибудь. Панасъ не рѣшился сѣсть. Онъ продолжалъ стоять у порога, вертя въ рукахъ свою сивую шапку.

— Это ты нехорошо сдѣлалъ, парень, что обокралъ батюшку... Нехорошо это!—продолжалъ Семенъ. Онъ медленно и не совсѣмъ ясно произносилъ слова. Ему сильно мѣшалъ единственный передній зубъ, оставшійся во рту.— Оно конечно красть грѣшно у всякаго... И у меня ежели украдешь—грѣшно... И у Трифона моего сосѣда—грѣшно, и у вдовы Панибратихи—грѣшно. У вдовы еще грѣшнѣй, потому она—вдова!.. Грѣшно, говорю тебѣ!.. А у батюшки—какъ же можно красть у батюшки?.. Онъ за всѣхъ насъ душу кладетъ, какъ-же можно его обижать?! Это уже такой грѣхъ, что и замолить нельзя... Такъ-то я говорю тебѣ.

Панасъ терпѣливо выжидалъ, пока Семенъ выскажется. Онъ уже почти былъ увѣренъ, что его примутъ въ работники, потому что въ противномъ случаѣ—зачѣмъ же съ нимъ разговариваютъ, да еще приглашаютъ садиться?

Digitized by Google

— Этотъ грѣхъ чтобы отмолить, надо на это дѣло всю жизнь положить, потому онъ нашъ молитвенникъ, онъ душу кладетъ! продолжалъ Семенъ Мурашка.—А въ работники, ты говоришь? Въ работники? Въ работники я тебя не возьму... Нѣтъ, нѣтъ, не возьму!..

— Не возьмете?—спросилъ пораженный Панасъ.

— Никакъ, никакъ!.. Это чтобъ я твой грѣхъ на свою душу взялъ? У меня своихъ довольно!.. И такъ спина отъ нихъ гнется! Не знаю, какъ и донесу ихъ туда, передъ Судію!.. А-а! Какъ можно, какъ можно, чтобъ я тебя взялъ, паренекъ! Невозможно! Ты не гнѣвайся! На старика нельзя гнѣваться! Грѣхъ! А я тебя не возьму!..

— Прощайте! — промолвилъ Панасъ какимъ-то рѣзкимъ, сухимъ голосомъ и почти выбѣжалъ изъ хаты.

Уже начинало темнѣть. Кое-гдѣ на завалинкахъ сидѣли бабы и вели бесѣду о разныхъ деревенскихъ дѣлахъ, а больше всего о ночномъ событіи у батюшки.

Панасъ шелъ срединой улицы, стараясь не глядѣть по сторонамъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ его не замѣтили, и едва слышно ступалъ по дорогѣ, выбирая тѣ мѣста, гдѣ была мягкая земля. До ушей его долетали отрывочныя фразы, и онъ тотчасъ же узнавалъ, что вездѣ, во всѣхъ кружкахъ рѣчь идетъ о немъ, какъ будто во всей деревнѣ разомъ пропали всѣ другія заботы.

— Недаромъ онъ и на свѣтъ появился не полюдски! — говорили въ одномъ мѣстѣ.—Изъ ополонки! Чудесное дѣло! И тогда еще бабы сказывали—не къ добру!..

Панасъ быстро проходилъ дальше, не разсчитывая услышать что нибудь пріятное. Но вотъ опять кучка собесѣдницъ, и до него долетаетъ:

— Ежели бы это матушкѣ Богъ не помогъ... бѣда была бы!.. Гляди, всю деревню растаскалъ бы... Ужь это вѣрно. Это такъ!.. Такое уже племя...

Панасъ ускорилъ шаги, но его уже догоняетъ изъ третьяго мѣста:

— А ты думаешь, онъ одинъ?.. Какъ же! Мамка-то его, сказываютъ, не съ пустыми руками сбѣжала!

Digitized by Google

— Такъ это значитъ у нихъ какъ бы компанія...

Панасъ, со злобой сжимая кулаки, быстро повернулъ къ полю. Онъ сильно боялся, что его замѣтятъ. Чего добраго—подымутъ на смѣхъ, снѣгомъ закидаютъ! О, этотъ «свой братъ»—узналъ онъ его! Всѣ они одинаковы! У кого есть хоть чуточку побольше собственной шкуры, такъ тотъ уже на него чертомъ смотритъ. А не дальше, какъ вчера—всѣ были его пріятелями. «Панасъ, Панасъ! Куда идешь?» «Панасъ, заходи на чарку водки!» Дѣвки то-и-дѣло заигрывали съ нимъ. А теперь—пройдись-ка,—развѣ въ лицо кто-нибудь плюнетъ! Да и онъ всѣхъ ихъ ненавидитъ,—плевать ему на нихъ. Къ Воденюку онъ конечно не пойдетъ. Къ чему? Чтобы еще разъ выслушать все тѣ-же обидныя слова? Но куда-же? Куда? Къ Еремѣ? Да еслибъ его золотомъ всего забросали, такъ и то онъ туда не заглянулъ бы. Что можетъ сказать ему этотъ добрый бѣднякъ? Онъ конечно приметъ Панаса. Скрѣпя сердце, дастъ ему ночлегъ и будетъ съ нимъ ласковъ, обходителенъ. Да что онъ будетъ чувствовать? Завтра узнаютъ сосѣди и скажутъ: «должно быть онъ съ Панасомъ въ компаніи состоялъ»... Ни за что! А какъ посмотритъ на него теперь Горпина? Э, ужь теперь она никакъ не посмотритъ на него; отвернется, спрячетъ глаза свои—эти кроткіе, добрые, въ душу проникающіе глаза, чтобъ не показать написаннаго въ нихъ упрека.

Онъ шелъ полемъ, гдѣ не было дороги. Ноги его глубоко зарывались въ снѣгъ, онъ изнемогалъ отъ холода, голода и полученныхъ за день обидъ. Куда идти? Не растянуться-же ему среди поля и не ждать, пока голодный волкъ придетъ и засверкаетъ надъ нимъ своими огненными очами. А темная ночь все больше и больше спускала на землю свое тяжелое покрывало. На деревнѣ уже не видно ни одного огонька. Все спитъ, только онъ противъ воли бодрствуетъ, нося по широкому полю свой позоръ. Все-ли? Какъ? Неужели и Степанида спокойно сомкнула очи и, зная, что надъ нимъ стряслась бѣда, не ждетъ его, не подходитъ тревожно къ окошку и не выглядываетъ на

Digitized by Google

улицу? Не можетъ этого быть. Она не спитъ, не такая она. Она терзается за него.

Такъ онъ же и пойдетъ къ ней! Нѣтъ, ужь видно не въ добрый часъ сошлись они... А вмѣстѣ и страдать какъ-то легче.

V.

Теплая хата.

Степанида съ утра еще узнала о событіи, случившемся у батюшки на городѣ. Она шла по воду, когда ей встрѣтилась Сонька.

— Тетка! А у насъ бѣда,—сообщила ей Сонька и при этомъ боязливо оглянулась по сторонамъ.

— Какая тамъ у васъ бѣда?—небрежно и не останавливаясь спросила Степанида.

— Бѣда съ Панасомъ... Его поймали!...

Степанида чуть не уронила коромысло съ ведрами. Она кинула злобный взглядъ на Соньку, увѣренная, что та опять хочетъ издѣваться надъ нею.

— Тетка Степанида, я не смѣюсь, я взаправду... И вы меня не бойтесь! Потому хоть я и знаю, а пусть мнѣ голову отрѣжутъ—никому не скажу...

— Что знаешь? Что ты знаешь?—задыхаясь прохрипѣла Степанида. Онѣ уже спустились къ Днѣпру. Степанида съ шумомъ швырнула ведра на каменистый берегъ.— Что-же ты такое знаешь? повторила она.

— Знаю я то, что видѣла. И на балкѣ по ночамъ, и про зимнія ночи... Говорю—не бойтесь, тетка... Пускай живьемъ закопаютъ—не скажу!...

— Не скажешь!—сквозь зубы процѣдила Степанида и ухватилась за ведро, но сейчасъ-же опять швырнула его.

— А Панаса поймали!—продолжала Сонька.

— Гдѣ поймали? Что ты такое городишь? На чемъ?

— Ночью сегодня... Сама матушка... Онъ тащилъ мѣшокъ на плечахъ... Всякое добро тамъ... ворованное...

Digitized by Google

— Ворованное?! Панасъ воровалъ?!... Ты брешешь должно быть проклятая! Хочешь разбѣсить меня...

— Побей меня Богъ на этомъ самомъ мѣстѣ! Чтобъ я въ камень превратилась, если тутъ есть брехни хоть одно слово!... Онъ давно уже такимъ манеромъ... И кожухъ свой, и хомутъ новый, и сало, и жито, и овесъ, и гусей...

— Панасъ?! Панасъ?!—блѣднѣя, спрашивала Степанида.

— Панасъ!—отвѣтила Сонька убитымъ, гробовымъ голосомъ, какъ будто закончила надгробное слово и собиралась бросить послѣднюю горсть земли на могилу Панаса.—Онъ все это къ мамкѣ своей носилъ, къ Параскѣ!...

— А-а! къ мамкѣ!

Теперь Степанида совсѣмъ повѣрила. Для нея вдругъ стало ясно, почему Панасъ въ послѣдній годъ такъ рѣдко бывалъ веселъ и почти никогда не говорилъ ей о своей мамкѣ; почему въ его глазахъ такъ часто читала она тревогу и онъ отворачивалъ голову, когда она всматривалась въ эти глаза. Все поняла Степанида и допустила, какъ ни горько было ей допустить это про своего милаго. Какой жестокій ударъ получило ея изстрадавшееся сердце! А тутъ еще эта Сонька бросаетъ ей въ лицо напоминаніе о лѣтнихъ ночахъ на балкѣ и о зимнихъ свиданіяхъ у нея въ хатѣ. Она клянется, что никому не скажетъ. Да развѣ этому можно повѣрить? Развѣ она не такая-же баба, какъ всѣ прочія? Развѣ баба можетъ удержать на душѣ то, что узнала про сосѣдку? Отъ нея еще надо ждать самаго худшаго. Недаромъ же она подглядывала, недаромъ ходила за Панасомъ, какъ вѣрная собака.

— Его уже прогнали!—продолжала свои сообщенія Сонька.—Пошелъ степью куда то... Охъ, что то съ нимъ теперь будетъ?!... Тетка Степанида!... А я такъ прямо сбѣгу отъ нея... Мочи нѣтъ!...

Степанида съ трудомъ поднялась на гору. Ей казалось, что все вокругъ нея движется и шумитъ, что ведра съ водой валятся съ плеча ея на землю, что Сонька, убѣжавшая

Digitized by Google

впередъ, чтобъ ихъ не видѣли вмѣстѣ, скалитъ теперь зубы и гогочетъ на все село.

Въ этотъ день она хотѣла не выходить изъ хаты, но ее тянуло на село—послушать, что говорятъ бабы... Боже! Чего только не наслушалась она въ этотъ день!... Панаса поймали въ тотъ моментъ, когда онъ прокрадывался въ кабинетъ батюшки къ ящику, гдѣ хранились деньги. Въ то-же время не забывался и знаменитый мѣшокъ, въ который воображеніе разсказчиковъ насовало столько разныхъ объемистыхъ предметовъ, что для помѣщенія ихъ потребовался-бы цѣлый корабль. Ходилъ даже слухъ, что Панасъ увелъ бурую корову и бычка. Слухъ этотъ произошелъ вѣроятно оттого, что не были ясно разслышаны матушкины слова. Оставался только нерѣшеннымъ вопросъ—куда относилъ Панасъ свою добычу? Ицко и Шлема, обладатели кабаковъ, честью увѣряли, что не получили отъ Панаса ни одной вещицы. Ну, да этому народу нельзя вѣрить! Еще-бы они сказали, чтобъ нарваться на судъ! Таковы были извѣстія, которыми бабы порадовали Степаниду. Позднѣй разнеслись слухи, что Панасъ ходилъ наниматься къ помѣщику и къ Семену Мурашкѣ. Нужно было видѣть благородное негодованіе мужиковъ и бабъ, когда они узнали о такой неслыханной дерзости Панаса. Какъ? Послѣ того, какъ онъ выкралъ чуть не все хозяйство у батюшки, онъ можетъ думать, что кто нибудь возьметъ его къ себѣ? Да кому же не жаль своего добра?! Вотъ послѣ этого и выкармливай, отогрѣвай этакихъ щенковъ! А что онъ такое былъ, когда его вытащили изъ проруби? Не даромъ тогда говорили, что это—дьявольское навожденіе. Такъ оно и оказалось.

Когда на дворѣ стемнѣло, Степанида вернулась въ свою хату. Она зажгла «каганецъ» и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему стуку на улицѣ. Она боялась, что придетъ Панасъ, но въ то же время хотѣла, страстно желала, чтобъ онъ пришелъ. Что она скажетъ ему? У нея не было наготовѣ ни одного упрека, ни одного горькаго, обиднаго для него слова. Она только

Digitized by Google

хотѣла вѣрить, что Панасъ не такъ виноватъ, какъ думаютъ бабы, что не будь у него отчаянной крайности—онъ никогда не рѣшился-бы на такое дѣло. Но отчего онъ никогда не говорилъ ей объ этомъ? Неужели боялся, что она выдастъ его? Или можетъ быть его удерживалъ страхъ, что она отшатнется отъ него, перестанетъ дарить ему свои ласки?! Э, онъ такъ не подумалъ бы, когда бы заглянулъ въ ея сердце и узналъ, до чего она дошла. Да кажись, еслибъ ей сказали, что Панасъ грабитель, что его видѣли на большой дорогѣ въ ночную пору,—и то она не была-бы въ силахъ оттолкнуть его, выгнать изъ своей головы постоянную мысль о немъ и все о немъ...

Тихій стукъ въ окно заставилъ ее однимъ прыжкомъ очутиться у двери. Когда она открыла дверь, слабый лучъ свѣта упалъ на лицо Панаса. На этомъ лицѣ лежалъ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ обидъ и мученій, которыя испыталъ онъ въ этотъ долгій день, начавшійся съ полуночи. Ни быстрая ходьба, ни морозъ, ни злоба—ничто не могло вызвать на лицѣ его румянца: оно было блѣдно.

— Не пожалѣлъ тебя... пришелъ!—хриплымъ голосомъ промолвилъ Панасъ и остановилъ на лицѣ Степаниды свой тревожный взглядъ.

Степанида поняла, что онъ голоденъ, и въ одну минуту, не произнеся ни слова, поставила на столъ миску съ похлебкой и кусокъ житнаго хлѣба. Панасъ былъ очень голоденъ и, не медля ни минуты, принялся ѣсть. Они оба молчали, и Панасу повидимому было пріятно это молчаніе. Степанида сидѣла у другого конца стола, опершись на столъ локтями и закрывъ лицо обѣими ладонями. Вдругъ Панасу показалось, что она плачетъ. Въ одинъ мигъ онъ отшвырнулъ отъ себя миску съ похлебкой и сидѣлъ уже рядомъ съ Степанидой.

— Степанида, голубка моя, не надрывайся!—дрожащимъ голосомъ говорилъ онъ, стараясь отнять ея руки отъ лица и заглянуть ей въ глаза.—Не вѣрь ты имъ, этимъ чертовымъ бабамъ!... Я не такой еще злодѣй, какъ говорятъ онѣ!... Ты-же знаешь Панаса! Знаешь?... А что я

Digitized by Google

не говорилъ тебѣ, такъ это отъ жалости... Жалѣлъ тебя, Степанида! И боязно было. Что, думаю, какъ она отшатнется? А? Больно дорога ты мнѣ... А я все разскажу тебѣ!...

И потокъ воспоминаній неудержимо полился изъ его устъ. Онъ припомнилъ все до мельчайшихъ подробностей, начиная отъ глубокаго дѣтства и кончая своимъ позоромъ. Но и тамъ, въ дѣтствѣ, развѣ не было позора? Развѣ не позоръ—полуобнаженному, голодному униженно протягивать руку за милостыней первому встрѣчному? И вся жизнь его была соткана изъ обидъ и униженій. Это шлянье по чужимъ людямъ, это постоянное напоминаніе о благодѣтельствѣ, о даровомъ жалованномъ хлѣбѣ! Не проходило дня, чтобъ кто-нибудь не намекнулъ ему, что его мамка—негодная, низкая женщина. И онъ видѣлъ эту мамку и долженъ былъ сознаться, что ниже уже нельзя опуститься. Пьянство, нищенство, воровство и развратъ—вотъ въ какой компаніи видѣлъ онъ ее постоянно... И развѣ могъ онъ спокойно смотрѣть на это, когда другіе живутъ почеловѣчески и когда у него есть здоровыя руки, чтобъ заработать, какъ всякій другой работникъ? Онъ воровалъ у матушки—это правда. А развѣ она не воровала у него его каторжный трудъ? Развѣ онъ не косилъ ей лѣтомъ, когда косарь получалъ по два рубля въ день? Развѣ не на его плечахъ лежало все ея хозяйство и развѣ этому хозяйству не отдавалъ онъ всѣ свои силы? За это хорошіе хозяева платятъ работникамъ по сотнѣ рублей въ годъ, а она что дала ему? Пускай дадутъ ему время оправиться, и всѣ увидятъ, что Панасу не для чего воровать, когда за его трудъ платятъ почеловѣчески. Только къ ней, къ матушкѣ—онъ уже не пойдетъ, нѣтъ! А если и пойдетъ, то развѣ для того, чтобъ напакостить ей. О, она его допекла! Всегда допекала, а въ этотъ день еще опозорила. Созвала полдеревни, все приготовила, все подстроила, чтобъ увеличить его позоръ!... Ну, она дождется своего! Этотъ долгъ навсегда останется за нимъ, пока онъ не выплатитъ его сполна.

— Что ты сдѣлаешь? Что ты хочешь сдѣлать?—съ испугомъ спросила Степанида.

Digitized by Google

— Ничего!... Что я могу сдѣлать? У меня отрѣзаны руки!... Ничего не сдѣлаю! А что я сдѣлалъ-бы?... Знаешь, Степанида, мнѣ сегодня приходило въ голову... спалить ее, проклятую... съ четырехъ сторонъ!...

— Охъ, Господи!

— Не бойся! Я не стану пачкаться!.. Ничего я не сдѣлаю. Пускай уже Богъ разберетъ ее и меня!.. Что-то тамъ теперь мамка дѣлаетъ? Должно быть съ голоду околѣваетъ... Знаешь, Степанида, я не пойду къ ней... Что идти съ пустыми руками? Прежде потолкаюсь между людьми, не сыщется-ли гдѣ работа. Пойду въ городъ на пристань—мѣшки таскать... Я видѣлъ, какъ ихъ таскаютъ. Гнется человѣкъ, натужится, кряхтитъ, словно изъ него душу выпираетъ... А все таскаетъ, таскаетъ... потому—жрать надо!.. Вотъ и я пойду туда! Ничего, не сдохну! Мнѣ надо убраться отъ тебя пораньше: не ровенъ часъ какая-нибудь сосѣдка-сорока углядитъ,—такъ тебѣ и житья не будетъ!.. Э, не тужи, моя голубка! Что плакать? Вотъ погляди на мои руки,—крѣпкія, какъ желѣзо! Вывезутъ! Еще какъ вывезутъ! О-го-го!

Пѣтухи прокричали въ первый разъ, когда Панасъ заторопился. Въ хатѣ давно уже былъ потушенъ огонь, чтобъ не обратить вниманія людей. Сердце у Степаниды билось спокойно. Онъ утѣшилъ ее своими долгими, тихими сердечными рѣчами и горячими поцѣлуями. Все пройдетъ, все поправится и нечего тужить. Онъ будетъ заглядывать къ ней въ темныя, ненастныя ночи. То-то сладко будетъ пригрѣться ему у горячаго сердца своей милой! И она на прощанье прижала его съ такимъ нѣжнымъ спокойствіемъ, какъ будто все уже было улажено и завтра они увидятся при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ.

Панасъ неслышными шагами пробирался далекой, обходной дорогой. Когда село осталось совсѣмъ позади его, онъ обернулся и остановился на минуту.

— Прощай, Панычево, и ты, Степанида! Приведетъ-ли еще Богъ свидѣться? И ты, Горпина, и ты, Сонька!— мысленно проговорилъ онъ. Потомъ лицо его перекосилось

Digitized by Google

отъ злобы.—Ну, прощай-же и ты!—прибавилъ онъ, потрясая въ воздухѣ своимъ могучимъ кулакомъ и представляя предъ собой величественный образъ матушки.—Только дай тебѣ Богъ не свидѣться съ Панасомъ!..

И онъ быстро зашагалъ по направленію къ городу. Ночной холодъ подгонялъ его. Вотъ уже небо просвѣтлѣло и видна слободка, вонъ—Параскина лачуга... Но онъ прошелъ мимо и взялъ путь черезъ городъ прямо къ пристани. Здѣсь съ разсвѣтомъ началась работа, и его руки и спина пригодились.

VI.

Карьера Соньки.

Исторія Панаса долго еще служила неистощимой темой разговоровъ для панычевцевъ. Когда нѣсколько бабъ собирались гдѣ-нибудь на завалинкѣ въ праздничный день послѣ обѣдни, для разговоровъ о разныхъ деревенскихъ событіяхъ, онѣ непремѣнно переходили къ исторіи Панаса, въ сотый разъ повторяя всѣмъ уже извѣстныя подробности. Въ концѣ бесѣды, передъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ, двѣ-три изъ сосѣдницъ, понижая голосъ и подмигивая, прибавляли очень опредѣленное замѣчаніе насчетъ Степаниды:

— Жалко Ковалиху... Загубитъ она себя съ этакимъ разбойникомъ... Мужъ придетъ—убьетъ ее... Охъ-охъ-охъ!..

Мало-по-малу исторія Панаса сошла съ репертуара деревенскихъ бесѣдъ. Про Панаса какъ будто совсѣмъ позабыли; къ лѣту о немъ уже не упоминали. Но зато на сцену явилась новая, свѣжая тема, которую подарилъ панычевцамъ никто иной, какъ Сонька.

Въ тотъ день, какъ Панасъ, по награжденіи рублемъ «на первое время», былъ великодушно выгнанъ изъ батюшкинаго дома, матушка увидѣла себя въ безпомощномъ положеніи. Точно вмѣстѣ съ Панасомъ вынули изъ-подъ ея дома фундаментъ и домъ грозилъ каждую минуту обва-

Digitized by Google

литься. Все держалось на Панасѣ. Не говоря уже о томъ, что никто не умѣлъ такъ хорошо содержать лошадей, какъ онъ,—на немъ лежала высшая забота о всей птичнѣ, игравшей въ хозяйствѣ очень важную роль. Онъ, и одинъ только онъ зналъ счетъ гусямъ, индѣйкамъ и курамъ и характеръ каждой изъ нихъ. Онъ-же и пахалъ, и косилъ, жалъ камышъ. Словомъ въ хозяйствѣ—онъ былъ все, и матушка поняла это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою ошибку уже черезъ три мѣсяца послѣ ухода Панаса, т. е. тогда, когда начались полевыя работы и когда она совсѣмъ убѣдилась, что Панасъ не вернется къ ней съ униженной просьбой, чтобъ она «вила изъ него веревки». Тогда она поняла, что дѣло велось не такъ, какъ слѣдуетъ. Панасу слѣдовало платить жалованье и зорко слѣдить за нимъ—и изъ него вышелъ-бы рѣдкій работникъ. Все это матушка поняла, но даже себѣ самой не захотѣла сознаться въ этомъ. Напротивъ ея ненависть къ Панасу возросла теперь до неимовѣрныхъ размѣровъ, и она не могла себѣ простить, какъ тогда отпустила его на волю. Нѣтъ, его нужно было связать и предать суду. Пусть-бы посидѣлъ въ острогѣ.

Какъ бы то ни было, а безъ работника оставаться не приходилось. Время между тѣмъ было такое, когда порядочный работникъ ни за что не наймется на годъ, а если и наймется, то запроситъ такую сумму, которую матушка считала рѣшительно неприличной для работника. Въ это время Степка, успѣвшій уже вкусить сладости семейнаго счастья, пришелъ къ матушкѣ просить работы. Онъ былъ голоденъ, худъ и оборванъ. Жинка его, Гапка, начала уже пухнуть отъ голодовки. Былъ у него и сынишка, но этого Богъ прибралъ къ себѣ. Тяжело было матушкѣ сдавать свое образцовое хозяйство на руки этого неумѣлаго, глупаго и лѣниваго раба, но она все-таки сдала, удвоивъ собственную энергію. Разумѣется Степка не получалъ жалованья, работалъ за хлѣбъ, который дѣлилъ съ Гапкой. За него матушка по крайней мѣрѣ не боялась, что онъ станетъ воровать. А если и станетъ, то сейчасъ попадется, потому что глупъ, какъ стадо индюковъ.

Digitized by Google

Но ни на комъ такъ не отразился уходъ Панаса, какъ на Сонькѣ. Никогда прежде она не была охотницей до работы, за что и принимала ежедневно казни отъ руки матушки. Но она по крайней мѣрѣ дѣлала видъ, что занята, «у нея была хоть совѣсть», какъ опредѣляла матушка; теперь она «ходила какъ очумѣлая» и, «потерявъ всякую совѣсть», вела себя такъ, какъ будто была у матушки въ гостяхъ. Сядетъ себѣ гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку и вздремнетъ тутъ-же, а въ это время, глядишь, самоваръ уже вскипѣлъ и поднялъ цѣлую бурю.

— Эй, ты! Солоха!—вдругъ изо всей силы толкнетъ ее матушка въ бокъ.

Сонька вскочитъ, обведетъ комнату взглядомъ и опять присядетъ, не понимая или не желая понимать въ чемъ дѣло!

— Самоваръ готовъ! Ступай, сними трубу! Приготовь столъ!—вразумляетъ матушка, подкрѣпляя свои доводы пинками.

— Сейчасъ!—разсѣянно бормочетъ Сонька и тѣмъ не менѣе вновь погружается въ дремоту.

Тогда матушка, очень ловко прицѣлясь, обѣими руками хватаетъ ее за волосы и такимъ манеромъ тащитъ ее черезъ двое сѣней во дворъ, гдѣ стоитъ разгнѣванный самоваръ.

— Вотъ тебѣ! Видишь?—и тутъ еще прибавляетъ нѣсколько эпитетовъ.

Сонька начинаетъ возиться около самовара. Все у нея шумитъ и гремитъ. Посуду ставитъ она на столъ съ такимъ трескомъ, что испуганныя собаки, если имъ случайно пришлось быть въ это время у крыльца, разбѣгаются. Крышка приколачивается къ самовару такъ энергично, что потомъ ее нельзя снять безъ помощи желѣзнаго орудія.

— Нѣтъ, это ужь изъ рукъ вонъ! Дѣвка съ ума сошла!—говоритъ матушка, но отчего дѣвка съ ума сошла—этотъ вопросъ оставался неразрѣшеннымъ.

Однажды во время обѣда, когда у батюшки были въ гостяхъ становой приставъ и его письмоводитель, Сонька услышала маленькій отрывокъ изъ разговора.

Digitized by Google

— Я его простила, я никогда зла не помню!—говорила матушка.

— Вотъ это и жаль-съ! Вотъ этимъ мы и балуемъ народъ! — замѣтилъ становой приставъ. — Простили! А попадись онъ мнѣ на глаза,—не будь я становой приставъ, если я не засадилъ-бы его въ острогъ! И засажу-съ!..

Въ это время Сонька держала въ рукахъ тарелку съ пирогами. Рѣшимость станового пристава повліяла на нее такъ, что она выронила тарелку, которая тутъ-же и разбилась, а пироги разлетѣлись по разнымъ угламъ передней. Матушка разумѣется немедленно выбѣжала на шумъ и, такъ-какъ дверь изъ столовой была открыта, то она сообразила, что Сонька подслушала разговоръ. Тутъ-же она поняла и настоящую причину гибели тарелки и постыднаго нахожденія пироговъ на полу.

— Э-э-э, дѣвка! Такъ вотъ оно что! Такъ вотъ отчего она отъ рукъ отбилась! Страдаешь по Панасу? а? Ишь какая кобыла выросла! Немудрено,—отъѣлась! Испугалась, что его въ острогъ посадятъ? А? Ну, такъ что жь? И ты проворуйся! И тебя посадятъ! Вотъ и будете вмѣстѣ сидѣть!

На этотъ разъ, по причинѣ близости гостей, преступленіе Соньки осталось не наказаннымъ. Но зато съ этихъ поръ матушка пользовалась всѣми случаями, чтобъ попрекнуть Соньку Панасомъ. Когда она бранила ее, то не иначе, какъ называя «любовницей Панаса», и другими синонимичными, менѣе скромными словами, но непремѣнно пріурочивая ихъ къ Панасу. Когда она таскала Соньку за волосы или просто многократно опускала на ея голову свою тяжеловѣсную руку, то непремѣнно мотивировала это такъ: «Ужь я выбью изъ твоей головы Панаса!»

Сонька дѣйствительно томилась по Панасу. Работа опротивѣла ей до такой степени, что она сознательно осуждала себя на всѣ обиды, пинки и тасканья за волосы со стороны матушки, лишь-бы только ни къ чему не прикасаться. Оттого-ли, что ее разнѣживали постоянныя грезы

Digitized by Google

о Панасѣ, о жизни вмѣстѣ съ нимъ, жизни, которая представлялась Сонькѣ въ самыхъ реальныхъ формахъ, причемъ ея чувственная натура сводила все къ ночной темнотѣ, къ уединенью; оттого ли, что во все время служенія у матушки Сонькѣ приходилось слишкомъ мало спать,—но ее постоянно тянуло ко сну: стоило ей только присѣсть, какъ она уже спала. Спала она и на ходу, съ открытыми глазами, и оттого должно-быть у нея все валилось изъ рукъ. Но вдругъ однажды въ ней какъ-будто проснулась какая-то новая сила, еще незнакомая ей, никогда не бывавшая въ ея груди. Въ одинъ день узнали, что прежней сонливой, лѣнивой и глупой Соньки не стало. Сонька что-то придумала и это что-то совсѣмъ преобразило ее. Матушка узнала это самымъ неожиданнымъ образомъ. Однажды Сонька разбила стаканъ. Со стороны матушки было самымъ естественнымъ движеніемъ — протянуть обѣ руки къ Сонькинымъ волосамъ и поступить съ ними съ обычной строгостью. Она это и сдѣлала. Каково-же было удивленіе матушки, когда Сонька не только не облегчила ея трудъ (подставивъ голову подъ ея руки), но даже затруднила, отскочивъ отъ нея на два шага! Матушка безъ сомнѣнія послѣдовала за ней. Но тутъ въ глазахъ Соньки она увидѣла опасный огонь.

— А-ну, попрробуйте! — сказала Сонька, ставъ въ вызывающую позу.

— Что-о?—произнесла матушка, все еще не опускавшая рукъ, что придавало матушкѣ такой видъ, будто она собиралась благословлять Соньку.

— Попробуйте! —повторила Сонька, отступивъ еще на одинъ шагъ, и лицо ея въ это время было совсѣмъ не то, какое привыкла видѣть матушка. Откуда появилось на немъ выраженіе удали, задора, самоувѣренности!...

Послѣ этого матушка опустила руки, но не рѣшилась произнести окончательнаго рѣшенія. Она просто не понимала, что такое тутъ дѣлается и какъ это могло случиться. Это новое выраженіе такъ мало шло къ Сонькѣ, такъ было ей непривычно; за ней такъ прочно укрѣпилась роль глу-

Digitized by Google

пой, безотвѣтной рабы, что допустить серьезно такую перемѣну не было никакой возможности.

Однако въ жизни приходится допускать невѣроятныя вещи, и матушка скоро убѣдилась, что Сонька не шутитъ. Къ вечеру въ ея поумнѣвшей головѣ рѣшеніе окончательно созрѣло, а къ утру Соньки не оказалось въ Панычевѣ. Тогда матушка поняла вчерашнюю сцену. Она даже не удивилась и не особенно сильно негодовала. Въ послѣднее время Сонька была мало полезна и только портила ей кровь. Кромѣ того матушка успѣла уже привыкнуть къ людской неблагодарности, такъ какъ Сонька убѣгала уже третьимъ номеромъ. Неестественнымъ казалось только одно обстоятельство—то именно, что, по самымъ тщательнымъ изысканіямъ, рѣшительно всѣ болѣе или менѣе цѣнные предметы въ хозяйствѣ матушки остались неприкосновенными. Неужели отсюда слѣдовало заключить, что Сонька ушла съ пустыми руками, не прихвативши ничего «на первое время»? О, нѣтъ! Это было-бы невѣроятно, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи окажется какой-нибудь значительный недочетъ. Такъ по крайней мѣрѣ утверждала матушка и утверждала не по злобѣ, а единственно потому, что была глубоко въ этомъ увѣрена.

А Сонька направилась въ городъ. У нея не было ни копѣйки денегъ, ни куска хлѣба, ни души знакомыхъ. Она не знала расположенія улицъ и домовъ. Когда она уходила изъ Панычева, у нея была единственная мысль — о Панасѣ. Въ городѣ она встрѣтится съ нимъ. Онъ теперь зарабатываетъ много денегъ и возьметъ ее къ себѣ, какъ обѣщалъ въ ту ночь. Но первый шагъ въ городѣ показалъ ей, что здѣсь не такъ легко встрѣтить знакомаго человѣка, какъ въ Панычевѣ. И она бродила, какъ въ лѣсу. Она исходила всѣ улицы, побывала у Днѣпра, видѣла пароходъ, зашла въ двѣ церкви. Но Панаса нигдѣ не встрѣтила. Такъ прошлялась она почти цѣлый день. Въ часъ сумерекъ голодъ подсказалъ ей убійственную мысль, что на свѣтѣ можетъ быть положеніе еще худшее, чѣмъ работницы у панычевской матушки. Еще-бы. Наступаетъ

Digitized by Google

ночь: Сонька голодна, и у нея нѣтъ ночлега. Когда на базарѣ торговки покинули свои мѣста, заперевъ свои подвижныя лавочки, когда возы пріѣзжихъ мужиковъ медленно уѣхали за городъ и базаръ превратился въ обширную пустынную площадь съ однимъ тусклымъ фонаремъ посрединѣ,— Сонька стала взоромъ искать мѣстечка, гдѣ можно было-бы приçѣсть. Ея растерянный видъ и боязливые взоры сразу обнаруживали въ ней существо, которое не знаетъ, что съ собою сдѣлать. У нея не было товарищей. Бродяги и люди ночныхъ профессій выбирали для ночлега мѣста менѣе видныя, она же, какъ нарочно, остановила свое вниманіе на площади. Это оттого, что ей было все равно. Она не знала ни городскихъ обычаевъ, ни благодѣтельной внимательности городовыхъ. Она боялась только, чтобъ не занять чужого мѣста. Когда она начала было уже приспособляться у одной изъ наиболѣе жалкихъ лавченокъ, мимо нея прошмыгнула тонкая, высокая и чрезвычайно вертлявая фигура еврея въ длиннѣйшемъ кафтанѣ и съ предлинной и преузкой бородкой. Это конечно была не случайность, потому-что очень скоро еврей возвратился, но на этотъ разъ прошелъ уже медленнѣй и поближе. Въ третій разъ онъ былъ отъ нея всего шагахъ въ пяти и уже довольно пристально оглядывалъ ее. Онъ охотился за нею совершенно такъ, какъ охотятся на дрофъ. Проходя въ четвертый разъ, онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Соньки и промолвилъ тихо и чрезвычайно ласково, съ своимъ специфическимъ акцентомъ:

— Ай, ай, ай! Бѣдная дѣвочка! Она тутъ хочетъ спать!

Сонька не знала, какъ отнестись ей къ незнакомцу,— благодарить-ли его за ласковое участіе или ждать отъ него обиды.

— Ничего!—сказала она и отвернулась лицомъ къ лавочкѣ.

Еврей съ минуту поглядѣлъ на нее и исчезъ. Но скоро онъ опять прибѣжалъ, и на этотъ разъ уже не прохаживался, а прямо подошелъ къ Сонькѣ.

Digitized by Google

— У меня есть мѣстечко!... славное такое! Хочешь, сведу тебя? а?—шепотомъ произнесъ онъ.

Сонька молчала, потому что еврей стоялъ очень близко и она боялась его.

— Ну? Говорю—просто прелесть! Веселое мѣстечко!—нетерпѣливо продолжалъ онъ.—Хочешь?

— Нѣтъ!—отвѣтила, наконецъ, Сонька. Она не понимала, о какомъ мѣстечкѣ говорилъ еврей, но ей просто было страшно.

— Отчего нѣтъ?

— Нѣтъ! повторила Сонька.

Еврей сдѣлалъ кислую мину и изчезъ во мракѣ. Онъ больше не возвращался. Сонька очень плохо проспала ночь. Проснулась она до зари и поспѣшила уйти, боясь, чтобъ ее не застали торговки. Въ этотъ день голодъ страшно мучилъ ее. На базарѣ то-и-дѣло попадались на глаза съѣстные и притомъ, какъ ей казалось, неимовѣрно вкусные предметы: бублики, колбасы, копченая рыба, жареная печенка; видъ ихъ почти вызывалъ у нея слезы. Напрасно она заглядывала въ лицо всякому прохожему,—ни одинъ изъ нихъ не былъ Панасомъ. Хотя-бы Параску встрѣтить,—но и Параска тоже не являлась. Въ этотъ день она уже съ трудомъ ходила и послѣ полудня безсильно опустилась на каменную ступеньку у большого магазина. Голодъ терзалъ ее. Вчерашній еврей медленно дважды прошелся мимо нея и кинулъ ей два-три взгляда. Она разглядѣла его. Онъ вовсе не былъ страшенъ, а скорѣе—жалокъ. Худое и до невѣроятности блѣдное лицо съ выдававшимися скулами, ввалившимися щеками; длинная бородка прекомично виляла изъ стороны въ сторону при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; согбенная спина; длинныя руки съ блѣдными, вытянутыми пальцами находились въ постоянномъ движеніи. Нѣтъ, куда ему обидѣть! Онъ самъ чуть не валится отъ вѣтру. Но на этотъ разъ онъ не подошелъ къ ней и не сказалъ ни слова. Опять наступила ночь. Сонька еле добрела до мѣста вчерашняго ночлега. Она чувствовала, что въ эту ночь можетъ умереть съ

Digitized by Google

голоду, и во всякомъ случаѣ завтра едва-ли въ силахъ будетъ подняться. А тонкая фигура была уже здѣсь.

— Н-ну?—кратко спросилъ еврей.

Сонька машинально поднялась и молча послѣдовала за нимъ.

— Я ѣсть хочу!—сообщила она ему по дорогѣ.

— Будетъ! отвѣчалъ еврей:—о, еще какъ хорошо! говядина, говядина! а?

Сонька вздрогнула при напоминаніи объ этомъ вкусномъ, питательномъ блюдѣ. Они шли пустыми улицами, часто поворачивая въ узкіе, грязные и косые переулки. Вонъ вдали замелькали два большихъ фонаря и освѣтили фасадъ одноэтажнаго каменнаго дома.

— Это!—сказалъ еврей, указывая на освѣщенный домъ.

Фонари помѣщались у крыльца. Сквозь полураствореннныя окна слышались музыка, пѣнье, крики. Сонька смутно предчувствовала, въ чемъ дѣло. Она только не знала этому имени. Она не то что испугалась, но ей показалось какъ-то дико—войти въ этотъ домъ, гдѣ такъ много людей и притомъ веселыхъ и сытыхъ людей. Ее засмѣютъ съ ея жалкой одеждой и широкимъ лицомъ. «Говядина, говядина!» явственно повторилось у нея въ ушахъ, и словно что-то толкнуло ее впередъ. Они не вошли черезъ крыльцо,—еврей повелъ ее во дворъ.

Въ этотъ вечеръ она была сыта и пьяна.

VII.

Носильщикъ.

Пристань на Днѣпрѣ, гдѣ останавливались мелкія торговыя суда и буксирные пароходы, была самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ цѣломъ городѣ. Эта пристань поддерживала значеніе города, такъ какъ она служила остановочнымъ пунктомъ для всѣхъ судовъ, направлявшихся съ верховьевъ Днѣпра въ морѣ. Здѣсь происходила перегрузка

Digitized by Google

товаровъ съ барокъ и мелкихъ судовъ—на пароходы и большія суда или паровыя баржи, потому что кое-какъ сколоченныя барки не годились для морского плаванья и, разобранныя по частямъ, служили предметомъ груза ввидѣ дровъ для топки и строевого лѣса. Не будь этой пристани, городъ давно изчезъ-бы съ географической карты, поэтому граждане справедливо гордились ею.

Самая оживленная работа шла здѣсь весной и лѣтомъ. Тогда перегрузка производилась непрерывно, и съ ранняго утра до поздней ночи раздавались крики носильщиковъ и шумъ ломовыхъ телегъ. Но и зимой здѣсь далеко не было затишья. Капризная южная зима научила судовладѣльцевъ всегда быть наготовѣ. Иногда среди зимы, послѣ крѣпкаго мороза, вдругъ настаетъ полная оттепель, и Днѣпръ приходитъ въ движеніе. Тогда на пристани подымается суета. Тамъ нагружаютъ товары, здѣсь подвозятъ и цѣпляютъ къ готовымъ судамъ буксирный пароходъ, который, натужась и пыхтя, медленно тащитъ среди плавающихъ льдинъ цѣлый рядъ барокъ и суденъ, пока не привезетъ ихъ въ море. А въ морѣ—раздолье. Тамъ нѣтъ льда и приходится ждать только попутнаго вѣтра.

Преобладающій людъ на пристани—носильщики. По внѣшнему виду это—самыя грязныя и неуклюжія существа въ мірѣ. Холщевыя рубашки и такіе-же штаны по десяти разъ въ день мѣняли свои цвѣта, смотря по цвѣту товара, который переносили спины носильщиковъ. Мука, краски, каменный уголь, известь,—все это поочередно оставляло на нихъ свой слѣдъ, дѣлая ихъ лица то смѣшными, то страшными. Привыкнувъ постоянно гнуться подъ тяжестью, они и въ свободные часы ходили съ полусогнутыми спинами: грязь, ежечасно приставшая къ ихъ рукамъ, западала глубоко въ трещины мозолей и никогда не отмывалась, поэтому ладони ихъ—широкія, тяжелыя и неуклюжія—казалися какъ-то нелѣпо татуированными. Люди эти жили между собой дружно, но никогда не говорили другъ другу о своемъ прошломъ, и никто изъ нихъ не спрашивалъ объ этомъ у своего сосѣда, потому-

Digitized by Google

что почти у всѣхъ ихъ въ прошломъ было темное пятно. Трудъ носильщика—самый тяжелый и бѣдно оплачиваемый. Поэтому сюда идетъ тотъ, кому больше некуда дѣваться.

Въ часы работы они смотрятъ угрюмо и мало разговариваютъ. Разговоры ихъ состоятъ изъ короткихъ фразъ, почти всегда ругательныхъ и притомъ состоящихъ изъ такихъ ругательствъ, которыя созданы здѣсь на пристани и которыхъ въ другомъ мѣстѣ не услышишь. Но въ часы отдыха эти люди становятся веселѣй и разговорчивѣй. У пристани стоитъ обширный и грязный кабакъ, который существуетъ почти исключительно для носильщиковъ. Здѣсь они большой компаніей проводятъ всѣ свободные часы, пропивая весь свой заработокъ, шумя и крича, болтая и ругаясь и часто кончая дракой. Это ихъ клубъ, въ которомъ они забываютъ о всѣхъ своихъ связяхъ житейскихъ. Иногда здѣсь появляются женщины—грязныя и жалкія представительницы самаго низменнаго, самаго дешеваго разврата. Иногда выпадаетъ счастливый денекъ, когда къ вечеру у нихъ особенно болятъ спины, а въ карманахъ звенитъ мелочи больше, чѣмъ обыкновенно. Тогда они расширяютъ поле своей дѣятельности, идутъ въ городъ и посѣщаютъ трактиры низшаго-разбора.

Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія въ этой компаніи, Панасъ уже ничѣмъ не отличался отъ своихъ товарищей. Онъ былъ тахъ-же грязенъ, такъ-же грубъ и рѣчь его была уснащена такими-же ругательствами, какъ у прочихъ. Онъ не отставалъ отъ товарищей и въ пропиваніи своихъ заработковъ. За недѣлю въ карманѣ у него оставался свободнымъ какой-нибудь полтинникъ, который онъ относилъ мамкѣ. За пять мѣсяцевъ онъ всего два раза побывалъ у Степаниды. Когда она увидѣла его въ первый разъ,—на нее нашелъ столбнякъ: такъ грубъ и дикъ былъ его видъ. А рѣчь его, уснащенная отборными словами, вырывала изъ груди ея тяжелые вздохи. Но она попрежнему прижалась къ нему, не слыша ни запаха водки, ни отвратительныхъ ругательствъ (онъ сыпалъ ихъ на голову не одной матушки, а и всего Панычева); ей представлялся

Digitized by Google

другой Панасъ—нѣжный, застѣнчивый юноша, красивый и статный, котораго она знала когда-то. О, какъ она страдала, когда глаза ея видѣли другого—грубаго, развращеннаго ругателя, пропитаннаго запахомъ спирта!

— Что мнѣ? Кого мнѣ жалѣть?—хриплымъ голосомъ говорилъ ей Панасъ, ударяя кулакомъ по столу.—Мамку? Ге! Все равно—ея теперь не оторвешь отъ водки! Хотя ты ее въ золото одѣнь,—все пропьетъ! Тебя? А ты развѣ пошла-бы со мной, куда глаза глядятъ? Какъ-же?! Придетъ мужъ—небойсь, про Панаса и помину не будетъ! Ха, ха. Какъ-же, знаю я васъ! Всѣ на одинъ ладъ, А ей, ей, (онъ указывалъ кулакомъ въ ту сторону, гдѣ былъ домъ матушки)... ей—я это такъ не оставлю. Заплачу, Дай только крыльямъ вырости...

— Въ Сибирь пойду, а заплачу,.. Да и всѣхъ этихъ панычевцевъ я живьемъ въ землю закопалъ-бы. Тутъ только и есть двѣ души—твоя да Еремина...

Степанида не осмѣлилась возражать, пугаясь его страшнаго взгляда и лица, налившагося кровью. Теперь она отдалась-бы ему изъ одного страха, еслибъ даже не любила въ немъ прежняго Панаса.

Въ одну изъ осеннихъ ночей, когда въ ожиданіи первыхъ морозовъ на пристани была спѣшная нагрузка судовъ, и у носильщиковъ въ карманахъ звенѣло много мелочи,—огромная компанія, напившись предварительно въ своемъ клубѣ, отправилась по городскимъ кабакамъ. Когда перевалило за полночь, они пошли къ окраинамъ города и стали стучаться въ дома, освященные парой фонарей. Они были такъ страшны, что ихъ не хотѣли впускать даже въ эти неразборчивые дома. Но они шли на-проломъ и врывались силой. Въ одномъ изъ такихъ домовъ Панасъ встрѣтилъ Соньку. Это была очень странная встрѣча. Панасъ широко раскрылъ глаза и въ первыя мгновенія ничего не могъ сказать.

— Вотъ гдѣ она!—наконецъ промолвилъ онъ.

А Сонька стояла передъ нимъ и покатывалась отъ смѣха. Она была въ яркомъ нарядѣ изъ свѣтлаго ситцу.

Digitized by Google

Грудь ея была почти обнажена. Она нетвердо держалась на ногахъ, пототу-что въ этотъ вечеръ много выпила.

— Хохочетъ!—сердито процѣдилъ сквозь зубы Панасъ.

Однако она увлекла его въ отдѣльную комнату. Здѣсь она была совсѣмъ уже другая. Ея подвижность и смѣшливость исчезли и на лицѣ выразилась крайняя усталость. Она долго не спускала глазъ съ Панаса.

— Какой ты сталъ!—тихо промолвила она.

— Да! Не такимъ еще станешь! Потаскала-бы мѣшки на пристани!—угрюмо отвѣтилъ Панасъ.—Какъ это ты сюда попала?..

— Попала! По тебѣ заскучала, ха, ха! Думала—приду въ городъ, а тутъ и Панасъ навстрѣчу. А Панаса съ собаками не найдешь!.. Два дня бродила, да съ голоду сюда и пришла!.. Уже два мѣсяца!..

— Что-жь? Пойдемъ со мною! Тутъ гадость!..

— Ха, ха! Мѣшки таскать? Чего мнѣ? Мнѣ тутъ хорошо!

— Хорошо?—пытливо поглядѣлъ на нее Панасъ.

— Преотлично! Видишь?—И она указала на свой костюмъ.

— То-то ты и пьяна, какъ... какъ моя мамка!..

— А ты, небойсь, трезвехонекъ!? Ха, ха!—захохотала Сонька.

— И чего она хохочетъ? Дура!—разсердился Панасъ, котораго коробилъ этотъ глупый смѣхъ.—Должно быть обоимъ намъ одинаково хорошо!..

— Не пойду я съ тобой! Зачѣмъ тогда не взялъ, когда ушелъ?—продолжала Сонька, но уже совершенно серьезно.

— Ха! Да ты думаешь—я стану гоняться за тобой?! «Не пойду! Зачѣмъ не взялъ!» А не пойдешь, такъ и чертъ съ тобой! Кисни тутъ... все одно какъ въ тюрьмѣ!.. Что, думаешь, мнѣ любовь твоя, что-ли, надобна?.. Я такъ, по дружбѣ, потому вмѣстѣ натерпѣлись отъ нея, отъ проклятой,—чтобъ ей никогда никто добра не сдѣлалъ!.. А она: «не пойду!»—Не ходи!

Панасъ поднялся и хотѣлъ уйти. Сонька подбѣжала къ нему и обвила его шею обнаженной рукой.

Digitized by Google

— Панасъ, голубчикъ, останься!—молящимъ голосомъ произнесла она.—Я это такъ себѣ сказала. Надоѣло мнѣ здѣсь, вотъ какъ надоѣло (она провела рукой по своей шеѣ). Противно. Все чужіе, незнакомые, пьяны! Дерутся, ругаются! Я пошла-бы, да не пустятъ. Я вся въ долгу!

— Уже! А много?—спросилъ Панасъ.

— Карбованцевъ съ тридцать!

Панасъ сѣлъ и задумался. Онъ рѣшилъ въ душѣ своей, что Соньку необходимо выкупить. Ему почему-то хотѣлось оказать ей большую услугу. Въ ней было для него что-то родное. Вотъ онъ встрепенулся и откинулъ назадъ волосы.

— Э, будутъ! Умру, а будутъ!—рѣшительно сказалъ онъ, и въ одно мгновеніе въ головѣ его возникъ дикій, смѣлый, рѣшительный планъ.

— Э! все равно—пропадать! Такъ ужь пусть будетъ за что! Хуже моей славы не наживешь!—и онъ сильно тряхнулъ головой, какъ-бы въ знакъ того, что ему нисколько не жаль этой самой головы.

Въ эту ночь Панасъ отсталъ отъ своихъ товарищей.

Когда онъ разстался съ Сонькой, ихъ уже не было. Онъ не пошелъ на пристань. Охваченный теплотой южной ночи и отуманенный винными парами, онъ чувствовалъ позывъ къ какому нибудь рѣшительному, опасному дѣлу. Онъ пошелъ за городъ и, дойдя до слободки, повернулъ къ Параскиной лачугѣ. Тамъ было тихо и темно.

— Должно быть заснули голодные!—подумалъ Панасъ:—и выпить было нечего!—прибавилъ онъ, и ему стало жаль мамку и Фроську, потому что имъ нечего было выпить.

Онъ постучалъ въ окно. Вышла Фроська.

— Мамка спитъ?—шепотомъ спросилъ Панасъ.

Фроська кивнула головой.

— Слушай!—и Панасъ сталъ быстро говорить ей что-то почти на ухо. Фроська только кивала головой и принимала къ свѣдѣнію.

— Смотри же! У старой мельницы. Раньше зари! Я

Digitized by Google

сейчасъ иду. Онъ вѣрный?—спросилъ Панасъ въ заключеніе.

— О! Все одно, какъ ты самъ для себя! — отвѣтила Фроська. Она была блѣдна и дрожала. Хоть она и была готова на все, но это ужь было нѣчто очень крупное и опасное.

— Смотри же! Потому—я пропаду, такъ и тебѣ не сдобровать. Да и всѣ вы тогда прахомъ пойдете!..

Панасъ сдѣлалъ уже шагъ, чтобъ идти, но въ это время Фроська пошатнулась и отскочила въ сторону, точно отброшенная какой-то посторонней силой. Панасъ почувствовалъ, что чья то рука вцѣпилась въ его руку. Онъ оглянулся и увидѣлъ Параску.

— Ой, Панасъ! Не ходи! Голубчикъ, не ходи туда! — шептала она, въ то время какъ Панасъ дѣлалъ усиліе вырваться.

— Что вы, мамка? Спятили, что-ли? Пустите!—грубо отвѣчалъ Панасъ.

Но Параска повидимому рѣшилась употребить всѣ силы, чтобъ удержать его.

— Не ходи, Панасъ! Я знаю, куда ты идешь! Вы тутъ шептались, думали—я сплю! А я все слышала! Ой, не ходи, не ходи! Послушай свою старую, пьяную мамку!.. Пана-асъ!

Панасъ порывисто двинулся впередъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; Параска свалилась съ ногъ и, не выпуская его руки, тащилась за нимъ. Тогда Панасъ остановился и злобно оглядѣлъ ее.

— Пустите, мамка, а не то... —и онъ занесъ надъ ея головой правую руку, энергично потрясая кулакомъ въ воздухѣ.

— Ну, убей, ей-Богу, убей! А только не ходи!—съ отчаяніемъ шептала Параска. — Чуешь? Не ходи! Потому— тамъ тебѣ конецъ будетъ!.. А я все-же таки мать! Пьяная, а все-таки...

Но въ это время Панасъ рванулся впередъ съ такой силой, что Параска со стономъ отскочила въ сторону.

Digitized by Google

— Не хо-ди! Пана-асъ! — прохрипѣла она вслѣдъ ему, но онъ уже не оглядывался.

— Пьяная дура! —сердито проворчалъ онъ. —Жрать нечего, а туда же лѣзетъ! —и онъ скорыми шагами направился къ бѣлѣвшей невдалекѣ большой дорогѣ.

Онъ шелъ хорошо знакомой дорогой, въ Панычево. Вонъ внизу показались Панычевскія плавни; вонъ видѣнъ помѣщичій садъ, а вонъ и батюшкинъ домъ съ обширнымъ городомъ, и Панасъ зашелъ со стороны города. Когда онъ подошелъ къ воротамъ, къ нему свирѣпо кинулась стая собакъ, но въ ту же минуту, не успѣвъ издать ни одного звука, онѣ узнали своего прежняго повелителя и завиляли хвостами. Барбосъ съ восторгомъ кидался къ нему на плечи и лизалъ ему щеки. Панасъ остановился и принялся разглядывать, что дѣлается на городѣ. По его соображеніямъ, въ теплую осеннюю ночь кони не должны были оставаться въ конюшнѣ. Имъ мѣсто было на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, у скирды свѣжаго сѣна. Тутъ же неподалеку долженъ спать Степка, въ качествѣ сторожа. Но Панасъ очень хорошо зналъ, что это былъ за сторожъ. Проснуться среди ночи его заставишь развѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Онъ прошелъ на городъ. Все оказалось такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Тройка лошадей мирно жевала сѣно у скирды, изъ-за которой таинственно раздавался счастливый храпъ Степки. Добыча сама лѣзла въ руки. Панасъ, какъ хозяинъ, отвязалъ лошадей, но увидѣлъ, что на нихъ нѣтъ уздечекъ, а только «обротьки», которыми нельзя зануздать. Безмятежный сонъ Степки, пріятельская встрѣча съ собаками и остатки хмѣля—все это породило въ немъ какую-то преувеличенную храбрость. Онъ вновь привязалъ коней, направился въ конюшню, захватилъ пару уздечекъ и вернулся на городъ. Все это онъ дѣлалъ съ толкомъ, не спѣша, не какъ воръ, а какъ человѣкъ, желающій совершить свое дѣло основательно. Среди двора съежившись спала какая-то баба, должно быть—Улита. Она проснулась и подняла голову, но потомъ опять опустила ее и продолжала спать. Очевидно

Digitized by Google

она приняла Панаса за Степку. Еще бы! Какой же воръ станетъ такъ смѣло расхаживать по двору? Да никому это не пришло бы и въ голову. Панасъ снялъ «оботьки» и на мѣсто нихъ надѣлъ уздечки и тихо повелъ пару коней въ ворота, которыя выходили въ поле. Изъ-за скирды же продолжалъ раздаваться безмятежный храпъ Степки. Въ степи онъ взлѣзъ на одного изъ коней и, искусно намотавъ на руку конецъ уздечки другого, помчался безлюдной степью нѣсколько наискось отъ города.

«Ха-ха!—смѣялся онъ.—Ну, сторожа же! Ха, ха! Попробовалъ бы кто это сдѣлать, когда я былъ у нея!.. Взялъ бы, какъ же! Да я бы ему обѣ руки оторвалъ, а не далъ бы!..»

И Панасъ всю дорогу издѣвался надъ Степкой по поводу того, что тотъ не оторвалъ ему рукъ.

У старой мельницы, что безъ всякаго дѣла торчала на сѣверъ отъ города, на разстояніи версты отъ него,—Панасъ передалъ свою добычу «вѣрному человѣку». «Вѣрный человѣкъ», по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ цыганскому племени, члены котораго цѣлымъ лагеремъ палатокъ раскинулись за городомъ, занимаясь днемъ кузнечнымъ мастерствомъ, при чемъ кажется по цѣлымъ недѣлямъ ковали все одну и ту же подкову, потому что никто не давалъ имъ работы,—а ночью воровствомъ, чѣмъ собственно и питались. «Вѣрный человѣкъ» былъ крупный и плечистый дѣтина, съ курчавой головой и длинными усами на темномъ лицѣ. Когда онъ смѣялся, два ряда бѣлыхъ, какъ молоко, зубовъ его поражали своей красотой. На немъ былъ длинный синяго цвѣта кафтанъ и черная барашковая шапка. Панасъ молча передалъ ему коней.

— Я тебя видѣлъ!—сказалъ «вѣрный человѣкъ»:—у Фроськи! Ты выходилъ, а я входилъ!..

— А-га!—разсѣянно отвѣтилъ Панасъ:—дѣло вѣрное?

— Какъ то, что мы съ тобой въ первый разъ разговариваемъ! Дай Богъ, чтобъ не въ послѣдній! Барыши пополамъ!

Digitized by Google

И «вѣрный человѣкъ» сѣлъ на коня и исчезъ во мракѣ.

Панасъ пошелъ по направленію къ Параскиной хатѣ.

VIII.

Панычевскія событія.

Панасъ уже больше не заглядывалъ на пристань. Трудно было сказать, гдѣ находилось его постоянное мѣстопребываніе.

Его можно было видѣть на базарѣ, въ Параскиной лачугѣ, въ кабакахъ и публичныхъ домахъ, а если приглядѣться попристальнѣе, то и среди степи въ ночное время, бѣшено скачущимъ на лошади. Онъ не имѣлъ ни постояннаго пристанища, ни опредѣленнаго источника доходовъ. Но источники тѣмъ не менѣе у него были и притомъ очень капризные, какъ о томъ свидѣтельствовалъ его внѣшній видъ. То онъ являлся въ Параскину землянку—въ новомъ кафтанѣ изъ темносиняго сукна, въ большихъ сапогахъ и даже въ сорочкѣ съ манжетами. Тогда онъ походилъ на заѣзжаго купца, пріѣхавшаго издалека скупать товары мѣстнаго производства. И этотъ костюмъ очень шелъ къ его смуглому лицу, кафтанъ плотно стягивалъ его талію и выпрямлялъ спину, привыкшую гнуться подъ тяжестью кулей на пристани. Въ другой разъ на немъ висѣли жалкіе остатки холщевой одежды носильщика, потому что свой купецкій костюмъ онъ закладывалъ въ кабакѣ. И въ этой грязной одеждѣ онъ ходилъ, не смущаясь, до тѣхъ поръ, пока новая удача не позволяла выкупить изъ кабака кафтанъ и сапоги. Знакомства его сосредоточивались преимущественно въ томъ мѣстѣ, гдѣ цыгане раскинули свои шатры. Во многихъ палаткахъ онъ проводилъ время, какъ свой человѣкъ, но больше всего водился съ «вѣрнымъ человѣкомъ», потому что онъ дѣйствительно оказался вѣрнымъ и добросовѣстно дѣлилъ добычу пополамъ, принимая на себя весь рискъ предпріятія. Сонька была вы-

*

Digitized by Google

куплена, но неизвѣстно, получился-ли отъ этого какой нибудь толкъ. Она хотѣла жить съ Панасомъ, слѣдовать за нимъ по стопамъ, раздѣлять его участь, но это было невозможно. Ремесло Панаса заставляло его не имѣть опредѣленнаго пристанища, да и Панасъ вовсе не имѣлъ желанія повсюду таскать ее за собой. Пришлось помѣститься ей у Параски.

Здѣсь, въ Параскиной лачугѣ, произошли большія перемѣны. Землянка была заново вымазана извнѣ и извнутри. Въ окна, на мѣсто сахарной бумаги, были вставлены настоящія стекла. Въ самой хатѣ полъ былъ тщательно вымазанъ желтой глиной и на немъ появилась мебель: столъ, лавка, двѣ кровати, кой-какая посуда. Въ исправленной печи каждый день топилось и варилось, и Панасъ могъ утѣшиться, что идеалъ житья, котораго онъ искалъ для мамки, осуществился. И какъ-же весело было въ этой хатѣ! Чуть только успѣло закатиться солнце, хата наполнялась гостями. Это были попреимуществу люди военные, въ числѣ которыхъ засѣдалъ и Заковырка со своимъ пріятелемъ. На столѣ появлялся штофъ, а въ запасѣ имѣлся другой. Была тутъ и закуска. И вотъ начиналась попойка, кончавшаяся къ утру, когда гости и хозяева, охрипнувъ отъ криковъ, ругательствъ и пѣсенъ, потерявъ сознаніе, сваливались въ общую кучу и засыпали, слабо отличая мужчину отъ женщины. Сонька какъ нельзя больше вошла во вкусъ такого времяпрепровожденія и находила, что веселѣй этой жизни нельзя сыскать. Она даже нисколько не претендовала на Панаса за то, что тотъ не обращалъ на нее вниманія, и скромно довольствовалась Заковыркой. Панасъ же между тѣмъ никогда не присутствовалъ на этихъ попойкахъ. Онъ теперь боялся многолюднаго общества, находилъ другія, болѣе безопасныя мѣста, гдѣ не менѣе весело, чѣмъ Параскины гости, проводилъ время, а неизмѣннымъ компаньономъ его былъ «вѣрный человѣкъ», который никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ рукъ и ради этой цѣли предоставлялъ въ его распоряженіе и свой шатеръ, и свою жену, и свою черноглазую дочку.

Digitized by Google

Одинъ только разъ собрался онъ къ Степанидѣ. Это было осенею. Въ глубокую осеннюю ночь онъ пробрался въ Панычево и постучался къ ней. Какъ она была поражена его видомъ! Сначала она было не узнала Панаса въ его молодецкомъ кафтанѣ, въ панской сорочкѣ и съ большимъ серебрянымъ перстнемъ на рукѣ. Но потомъ она быстро сообразила, что произошло нѣчто недоброе. И вдругъ къ ней вернулся тотъ страхъ, который она впервые ощутила, когда онъ явился къ ней носильщикомъ.

— Не узнала?—спросилъ Панасъ.—Это—матушкины кони! Что? Поблѣднѣла? Трясешься? А-га!...

— Матушкины?!—тихо переспросила Степанида.—А можетъ и помѣщичьи, и Мурашкины, Воденюковы?... А?

— А можетъ и... можетъ! А ты помалкивай!—грубо произнесъ онъ и кинулъ въ ея сторону сердитый взглядъ.

Въ послѣдніе два мѣсяца дѣйствительно были уведены кони у помѣщика, у Мурашки и у Воденюка.

— Гдѣ-жь ты живешь теперь?—спросила Степанида.

— Гдѣ я живу! Нигдѣ! Развѣ такому, какъ я, полагается?... Хе! Такъ, гдѣ случится!... На слободкѣ, все тамъ!... Хату подмазали! Ничего, веселѣй стало! Пьянствуютъ!...

Панасъ замолчалъ и принялся что-то обдумывать.

— А ты, Степанида, не бросишь?—спросилъ онъ.

— Кого?

— Хату свою и Панычево, и всю эту дрянь? Ишь, они должно быть грызутъ тебя, окаянный народъ!... Вонъ какая ты стала! Смотрѣть больно!...

Степаниду дѣйствительно «грызли». Въ селѣ уже открыто говорили, что она живетъ съ Панасомъ, что Панасъ заходитъ къ ней по ночамъ, и что, чего добраго, она помогаетъ ему укрывать ворованное добро. И Панасъ говорилъ правду, что на нее больно было смотрѣть,—такъ она постарѣла и похудѣла за эти послѣднія недѣли.

— Нѣтъ, не брошу!—тихо отвѣтила она.

— А я бы тебѣ въ городѣ славную хату нашелъ!.. Часто заходилъ бы... Бросай, Степанида!.. Чуешь?

Digitized by Google

— Не брошу я!.. Знаешь, Панасъ!.. Не ходи ты ко мнѣ!.. Позабудь!.. Или брось это дѣло поганое!.. Лучше брось!.. Ей-Богу брось!.. Тогда я пойду съ тобой, куда хочешь! На край свѣта пойду!..

Панасъ всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Боишься, значитъ?!—злобно промолвилъ онъ.— «Брось и иди мѣшки таскать!» Ха! ха! Н-нѣтъ, я не брошу! Не для чего мнѣ бросать! Все равно—теперь нигдѣ не примутъ! Уже обезславили Панаса на всю губернію!.. А кто обезславилъ? Свой-же братъ—мужикъ! И еще когда я ему никакого зла не сдѣлалъ!... Нѣтъ, они меня еще не узнали, а узнаютъ! Я покажу имъ, что я такое! Ежели кричатъ они всюду про Панаса, что онъ воръ и разбойникъ, такъ пускай же такъ оно и будетъ!.. Прощай, Степанида!.. Пускай тебѣ Богъ дастъ всякаго добра!.. Не буду я больше безславить тебя!

Степанида неслышно плакала, закрывъ лицо руками, но у нея не хватило силъ остановить его. Съ замирающимъ сердцемъ глядѣла она ему вслѣдъ, когда онъ выходилъ изъ хаты, и слышала скрипъ запирающейся двери. Она поняла, что все кончено, кромѣ позора, который навсегда останется связаннымъ съ ея именемъ. Поняла она и то, что теперь ужь не нужна была Панасу. И по мѣрѣ того, какъ въ ея душу проникало это сознаніе, въ сердцѣ подымалась и закипала злость. Гигантски-быстро выростала эта злость и вотъ она ужь охватила ее всю и мигомъ высушила слезы на ея глазахъ. Нѣтъ, она уже не могла плакать. Всѣми силами души своей она теперь ненавидѣла Панаса, ради котораго такъ легкомысленно опозорила свое доброе имя и который теперь выбросилъ ее, какъ ненужную, истершуюся тряпку.

А позоръ ея былъ великъ. Всѣ проклятія, вызванныя несчастьями послѣдняго времени въ Панычевѣ, сыпались на ея голову, потому что ея голова была ближе, чѣмъ виновная голова Панаса. На нее указывали пальцами, съ ней не хотѣли разговаривать.

А событія въ Панычевѣ приняли угрожающій харак-

Digitized by Google

теръ. Началось это съ батюшкиной пары. Матушка ни на минуту не сомнѣвалась, что это была «Панасова штука». Кому-же больше? Кто такъ хорошо знаетъ ея домашніе порядки, характеръ Степки и даже помѣщеніе уздечекъ? Въ особенности уликой Панасу служило смѣлое похищеніе уздечекъ изъ конюшни. Наконецъ кому бы позволили ея собаки безпрепятственно увести коней? Всѣ знали, что это были за собаки. Попадись имъ—въ клочья разорвутъ. Итакъ было ясно, какъ день, что кони уведены Панасомъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ не стало тройки въ помѣщичьей конюшнѣ, и всякіе розыски оказались безуспѣшными. «Слава Богу, мужика не трогаетъ»—утѣшались промежъ себя панычевцы и были нѣсколько поражены, когда исчезло по парѣ коней сначала у Мурашки, а потомъ у Воденюка. Тогда панычевцамъ оставалось только одно утѣшеніе: Мурашка и Воденюкъ были мужики богатые. Но вотъ разносится слухъ объ исчезновеніи лошади у одного хозяина средней руки, потомъ у другого, у третьяго... Очевидно воръ уже больше не хотѣлъ отличать богатаго отъ бѣднаго. Тогда въ Панычевѣ поднялся вопль. Озлобленіе увеличивалось еще вслѣдствіе того, что въ числѣ пострадавшихъ не было ни Ицки, ни Шлемы, и почтенные кабаковладѣльцы повидимому даже не боялись, что ихъ ожидаетъ общая участь. Ихъ клячи стояли въ ночное время на городѣ подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ сторожей и оставались неприкосновенными. Между тѣмъ у мужиковъ уводили послѣднюю лошадь изъ-подъ носа. «Э, проклятые іуды! Должно быть у нихъ тутъ руки не чисты!» говорили мужики и зорко слѣдили за кабатчиками, но ничего не услѣдили.

Съ легкой руки матушки—рѣшительно всѣ были увѣрены, что эти недобрыя дѣла принадлежатъ Панасу. Мало-по-малу начали сговариваться о мѣрахъ сообща и однажды собрали даже для этой цѣли сходъ. На сходѣ выяснилось, что къ поимкѣ Панаса нѣтъ никакихъ путей. Больно ужь ловко онъ обдѣлывалъ свои дѣла. Ужь кажется и стерегли, и запирали въ сараи, и дежурили по

Digitized by Google

ночамъ,—а онъ все таскаетъ да таскаетъ. Самое большое зло въ томъ, что онъ—свой человѣкъ, что въ Панычевѣ онъ выросъ и знаетъ всѣ закоулки и порядки. Его знала и жаловала вся деревенская псарня, такъ что собаки не только не оказывались сторожами, а можно сказать помогали вору. И сходъ ровно ни къ чему не пришелъ-бы, еслибъ не выступилъ изъ толпы одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ мужиковъ и притомъ недавно самымъ безчеловѣчнымъ образомъ ограбленный. У него увели лошаденку, которая была единственнымъ его достояніемъ и съ потерей которой у него опустились руки. Звали его Яковомъ Майбородой. Это былъ мужикъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, костлявый и некрасивый, съ лицомъ пепельнаго цвѣта и жиденькой, бѣлявой бородкой. Онъ глуповато щурилъ свои маленькіе глаза и сильно заикался. Выйдя изъ толпы, онъ поманилъ рукой, словно подзывая къ себѣ земляковъ для секретной бесѣды. Потомъ онъ нервно закивалъ головой, что дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ что-нибудь сказать, и наконецъ вымолвилъ:

— Ст... Ст... Степ-панида!...

И въ этомъ состояла вся его рѣчь. Всего одно слово сказалъ Яковъ Майборода, но этого было довольно, чтобъ въ головахъ всѣхъ земляковъ разомъ возникла геніальная мысль.

— Правда! Правда!—слышались тихіе голоса. — Она знаетъ! Ее надо прижучить!... Гляди-же, земляки, помалкивай!... До ночи!...

Отрывочныя замѣчанія въ такомъ родѣ переходили изъ устъ въ уста, и какъ-то само собой рѣшилось и всѣми было понято, что необходимо дѣйствовать черезъ Степаниду. Земляки разошлись со схода молча, какъ заговорщики, и во весь этотъ день самымъ добросовѣстнымъ образомъ избѣгали всякаго разговора съ бабами, боясь обмолвиться о мірскомъ рѣшеніи. Вѣдь бабѣ только слово скажи—какъ въ ту же минуту весь свѣтъ узнаетъ и то, что есть, и то, чего никогда не было и не будетъ.

Степанида была уже въ постели, когда ей почудилось,

Digitized by Google

что раздались сильные удары въ дверь. Она схватилась и, впопыхахъ накинувъ на себя кое-какъ верхнее платье, зажгла свѣчу. Это конечно не Панасъ пришелъ. Онъ никогда не стучитъ такъ громко. Или можетъ быть онъ напился и пришелъ за тѣмъ, чтобъ окончательно нанести ей позоръ на всю деревню? Удары повторились сильнѣе. Она пошла въ сѣни и отперла дверь. Толпа земляковъ ввалилась сразгону и чуть не свалила ее съ ногъ. Они были въ полушубкахъ, съ батогами и дубинами въ рукахъ. Степанида почувствовала, что у нея какъ будто останавливается дыханіе, она онѣмѣла и не могла произнести вопроса.

— Доброй ночи, Ковалиха! — промолвило нѣсколько голосовъ разомъ.—Вотъ... мы къ тебѣ честью пришли!.. Эй, братцы! Поддержи ее!..

Поддержка была необходима, потому что Ковалиха, блѣдная, обезсиленная, зашаталась и готова была упасть. Ее поддержали и повели въ хату. Здѣсь усадили ее на лавку. Она оправилась и уставила глаза на гостей, словно собираясь внимательно слушать.

— Слухай, Ковалиха! Грѣхъ твой всему селу извѣстенъ... Мы тебя не осуждаемъ и пришли, говоримъ, честью... Ты одна это можешь...

— Что я могу? — почти прошептала Степанида, не спуская глазъ съ говорившаго.

— Можешь ты довести насъ до этого разбойника, грабителя, который все село помутилъ... Честью мы тебя просимъ!..

Степанида тупо смотрѣла на нихъ, какъ будто не понимала, въ чемъ дѣло.

— Честью, Степанида, честью! — повторяли мужики. Но Степанида не двигалась.

— А коли не хочешь честью, такъ и силой возьмемъ! — послышался громкій, грубый голосъ изъ толпы.

— Силой?..—Степанида соскочила съ лавки.—А что ты съ меня силой возьмешь? А? Меня?.. возьмешь! А языкъ, языкъ... можешь ты заставить его сказать слово? А?

Digitized by Google

И она гордо оглядѣла всѣхъ своихъ незванныхъ гостей. Мужики укоризненно поглядѣли на своего товарища.

— Силой мы не хотимъ! Это онъ пустое смололъ!.. А ты посуди: онъ, прямо какъ звѣрь лютый, ограбилъ всю деревню. У самаго бѣднаго мужика послѣднюю коняку увелъ!. Какъ-же онъ послѣ того не воръ, не грабитель? Да и тебя, Степанида, онъ бросилъ... Это ты ужь повѣрь намъ!..

— Меня?.. Уже бросилъ!..—какъ-то не произвольно вырвалось у нея.

— Вотъ то-то оно и есть!..

— А если я сама не знаю?.. Я никогда не была у него!..

— Ну, какъ-же тебѣ не знать, Степанида? Не была, такъ онъ тебѣ сказывалъ!.. Нельзя же безъ того!.. Ты намъ хотя слѣдъ покажи!..

Они не замѣчали, что у Степаниды въ это время былъ почти безумный взглядъ. Никто изъ нихъ не зналъ, что накопилось у нея въ душѣ съ тѣхъ поръ, какъ Панасъ въ послѣдній разъ былъ у нея, какая буря тамъ клокотала и сколько разъ ей приходила въ голову мысль—пойти отыскать его, сдавить ему горло за то, что онъ опозорилъ ее и бросилъ какъ ненужную вещь,—бросилъ такъ легко, будто зналъ ее всего одинъ день и словно она не отдала ему свою честь, свою душу и всю себя. Обрадовался, что она сказала ему тогда: «не ходи ко мнѣ», точно не зналъ, что она не остановилась-бы передъ позоромъ и всюду пошла-бы за нимъ, еслибъ видѣла, что онъ этого хочетъ. И въ эту минуту въ головѣ у нея возникла мысль—разомъ отомстить ему за весь свой позоръ, а тамъ... Тамъ уже конецъ придетъ самъ собой.

Она молча, порывисто напяливала свитку и платокъ и надѣвала башмаки.

— Ѣдемъ!—крикнула она, и земляки разступились передъ ней и дали ей дорогу.

Пять телѣгъ, нагруженныхъ мужиками, мчались по направленію къ городу. На передней сидѣла Степанида.

Digitized by Google

Она молчала, и никто не рѣшался заговорить. Земляки понимали уже, что Ковалиха находится въ какомъ-то особенномъ состояніи изступленія, что «на нее нашло». Каждый боялся своимъ неосторожнымъ словомъ «привести ее въ разсудокъ». Вотъ уже видна слободка, и Степанида видитъ, что въ одной изъ землянокъ слабо мелькаетъ огонь. Она припоминаетъ частыя описанія Панаса и рѣшаетъ, что это должно быть и есть Параскина хата.

— Тамъ!—говоритъ она совсѣмъ тихимъ голосомъ, словно боится, что этотъ звукъ долетитъ до землянки и предупредитъ Панаса. Телѣги остановились, и пятеро мужиковъ пошли на огонекъ.

Нужно же было именно въ эту ночь Панасу придти ночевать къ мамкѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ въ своемъ франтовскомъ нарядѣ; бабы уже расположились на кроватяхъ. Когда запертая дверь съ трескомъ разлетѣлась и передъ нимъ словно изъ земли выросли пять знакомыхъ лицъ—и все это были дюжіе молодцы, Панасъ не только не струсилъ, а даже разсмѣялся. Трусить или предпринимать что-нибудь было поздно. Бабы даже не крикнули, а какъ-то безсознательно спрятали головы подъ подушки и, притаивъ дыханіе, замерли.

— Нашли таки! Надыбали!—съ стоическимъ равнодушіемъ промолвилъ Панасъ и съ дѣланнымъ достоинствомъ далъ связать себя канатомъ.

Во все время, пока его вязали, онъ старался показывать полное равнодушіе и презрѣніе къ опасности, ожидавшей его.

— А-га! Не бойтесь, узнали, что такое Панасъ! Ха, ха! Шкуры заболѣли! Я вамъ показалъ себя!.. А тогда всѣ набросились, какъ на паршивую собаку!.. Ха, ха!..

Но такія благородныя рѣчи не мѣшали лицу его быть мертвенно-блѣднымъ, а голосу дрожать. Въ сущности онъ зналъ, какая пытка ожидаетъ его, и ясно представлялъ себѣ весь ея ужасъ. Мужики дѣлали свое дѣло молча, а когда привели его къ товарищамъ и усадили на заднюю телѣгу, то замолчалъ и Панасъ. Здѣсь онъ окончательно упалъ духомъ, его покинула вся напускная храбрость.

Digitized by Google

Еще бѣшеннѣй помчались кони въ обратный путь, словно чуяли, что везутъ для возмездія своего кровнаго врага.

Верстахъ въ двухъ отъ Панычева, среди необозримой степи, мужики слѣзли съ возовъ—и началась расправа. Повозка, на которой сидѣла Степанида, стояла въ сторонѣ, и Панасъ не видѣлъ своей милой. А Степанида жадными, пылающими глазами слѣдила за всѣмъ, что происходило. Всякій, случайно взглянувшій на нее въ этотъ моментъ, не затруднился-бы сказать, что она—безумная.

Она видѣла, что появилась, «мазница» съ дегтемъ, что между Панасомъ и земляками происходила отчаянная борьба, слышала потомъ частые удары батога, отчаянные крики Панаса и неистовыя ругательства земляковъ, въ которыхъ припоминались всѣ преступленія Панаса, всѣ изъяны, какіе онъ нанесъ вскормившему его селу; припоминалось и то, какъ его вытащили изъ проруби на бѣду себѣ, и то, что онъ «опозорилъ и бросилъ молодицу, которая была примѣромъ прочимъ».

— А-га-га-а!—раздался среди ночной темноты бѣшеный женскій крикъ,—и Панасъ, несмотря на удары, ругательства и страшную боль, услышалъ этотъ крикъ и оглянулся.

Въ темнотѣ ему почудился образъ Степаниды, вся ея фигура во весь ростъ, стоящая на телегѣ. Онъ сжалъ кулаки и заплакалъ отъ злости, потому что понялъ все, понялъ ту роль, которую играла его любовница въ этой исторіи.

Но Степаниды уже не было на телегѣ. Путаясь въ собственномъ платьѣ и спотыкаясь на каждомъ шагу, не видя впереди ничего, кромѣ своего позора, который наконецъ ея собственнымъ предательствомъ былъ доведенъ до послѣдняго предѣла, она мчалась туда, гдѣ берегъ Днѣпра былъ наиболѣе высокъ и каменистъ и гдѣ внизу нельзя было различить ничего, кромѣ грознаго шума вѣчно катящейся волны. Добѣжавъ до берега, она остановилась только на одно мгновеніе для того, чтобъ осѣнить себя

Digitized by Google

крестомъ, и тотчасъ же вмѣстѣ съ своимъ позоромъ похоронила и себя въ днѣпровскихъ волнахъ.

Панаса оставили на волѣ, и только ему извѣстно, съ какими муками къ утру доползъ онъ до шатра «вѣрнаго человѣка»—обнаженный, избитый, измазанный дегтемъ и укатанный въ пыль, смѣшанную съ пескомъ, и какой обѣтъ далъ онъ себѣ въ ту ужасную ночь.

Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая зима, и настала новая весна, такая же молодая и зеленая, какъ и прежнія весны. Землянка Параски стояла съ заколоченными окнами и навсегда запертой дверью. Ни разу не свѣтился въ ней огонь съ той памятной ночи, когда схватили и увезли Панаса. Тотчасъ послѣ того, какъ Панаса вывели изъ хаты, бабы выбѣжали на улицу и, не помня себя отъ страха, ничего не видя во тьмѣ, разбѣжались въ разныя стороны и больше уже не встрѣчались. Фроську видѣли послѣ того на балкѣ просящей милостыню. Параску однажды нашли на улицѣ города полураздавленную извозчичьей телѣгой, подъ которую она попала въ пьяномъ видѣ. Ее привезли въ участокъ, а оттуда отправили въ больницу, гдѣ она черезъ нѣсколько часовъ отправилась на тотъ свѣтъ. Сонька долго блуждала по городскимъ улицамъ и кончила тѣмъ, что вернулась на старое мѣсто, гдѣ нѣкогда продала всю себя за кусокъ мяса и стаканъ водки.

Панаса уже больше никто не видѣлъ при обыкновенной обстановкѣ. Онъ не появлялся даже въ шатрѣ «вѣрнаго человѣка», чѣмъ приводилъ въ уныніе весь мирный цыганскій лагерь. Но однажды его увидѣли въ часъ глубокой, темной ночи эффектно освѣщеннымъ яркимъ заревомъ пожара. Эффектность картины дополнялась страшнымъ движеніемъ народа, криками, плачемъ, неимовѣрной толкотней и давкой.

Въ Панычевѣ въ эту ночь было разомъ два пожара. Горѣли въ одномъ концѣ сараи, скирды сѣна и соломы на дворѣ матушки, въ другомъ—обильный токъ Семена Мурашки. Все смѣшалось тогда въ безумномъ движеніи,

Digitized by Google

только багровое небо неподвижно глядѣло съ своей далекой вышины да Панасъ, стоя поодаль и взявшись въ бока, съ невозмутимымъ спокойствіемъ любовался дѣломъ рукъ своихъ, какъ художникъ, любующійся своимъ лучшимъ созданіемъ.

Онъ осуществлялъ обѣтъ, который далъ себѣ въ ту ночь, когда избитый и униженный ползъ въ шатеръ «вѣрнаго человѣка». Ему не приходила въ голову мысль убѣжать, скрыться.

Ему до боли надоѣло жалкое, преступное, обидное существованіе. Онъ боялся только одного—что его возьмутъ слишкомъ рано, не давъ доглядѣть, какъ до тла, до послѣдней соломинки сгоритъ матушкино достояніе.

Съ невыразимымъ наслажденіемъ глядѣлъ онъ на безполезныя усилія половины батюшкиныхъ прихожанъ, безъ толку разламывавшихъ крышу сарая, бѣгавшихъ съ шестами, съ вилами, кричавшихъ, охавшихъ и пытавшихся при помощи ведеръ затушить клокочущее пламя. Вонъ Улита безсмысленно бѣгаетъ вокругъ кухни, размахивая руками и оглашая воздухъ дикими воплями. Вотъ Степка-дуракъ пытается вытащить изъ загорѣвшейся конюшни пару уздечекъ, тогда какъ тройка лошадей осталась тамъ и задыхается, окруженная непроницаемымъ дымомъ, а вотъ одна изъ нихъ бѣшено вырвалась изъ пламени и, обезумѣвшая, мчится сквозь толпу, сбивая съ ногъ и раздавливая людей... Издали внимательно присматривается къ пожару знакомая фигура въ пальто со шнурами. Это—художникъ Ѳеденька. Что-то онъ теперь нарисуетъ? По двору бѣгаютъ все знакомые, все панычевцы, которыхъ онъ ненавидитъ всѣмъ сердцемъ. Всѣхъ, всѣхъ... кромѣ развѣ одного Еремы съ Мариной и Горпиной... И что-то заныло внутри у него, когда онъ вспомнилъ объ этихъ людяхъ... Ни позоръ, ни пьянство, ни развратъ—ничто, ничто не могло заглушить въ немъ теплаго чувства благодарности къ этимъ людямъ за одинъ, всего только одинъ въ его жизни день, вполнѣ счастливо и беззаботно проведенный въ ихъ бѣдной хатѣ.

Digitized by Google

Наконецъ, его замѣтили. Вся нестройная толпа казалось на мигъ позабыла о пожарѣ и кинулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ Панасъ. Странное дѣло! На него не накинулись, не прокололи его вилами, не разорвали его на части. Видъ его глубоко поразилъ панычевцевъ. Они никогда не видѣли такого худого, изможденнаго, страдальческаго лица, такихъ блестящихъ большихъ глазъ, такой жалкой, изодранной одежды. Онъ походилъ на страшное привидѣніе, и многіе изъ панычевцевъ, глядя на него, дрожали, вспоминая давнишнюю рыбную ловлю и мысленно спрашивая себя—ужь не былъ-ли тогда къ нимъ посланъ дьяволъ въ образѣ человѣка?

— Берите, земляки! Будетъ съ меня! Э-эхъ! Теперь хотя бы опять въ ополонку!—промолвилъ Панасъ сухимъ, безвучнымъ голосомъ.

Многіе отвернулись, другіе, сами не зная отчего, заплакали, а третьи крестились, но нашлись и благоразумные люди, которые подошли къ Панасу и взяли его.

На этотъ разъ онъ былъ переданъ властямъ.

Въ томъ же году на одной изъ художественныхъ выставокъ столицы появились двѣ картины, принадлежавшія кисти Ѳеденьки. Одна называлась «нищій», другая «поджигатель». Въ чертахъ лица героевъ той и другой публика находила сходство. Картины привлекли общее вниманіе, автора называли молодымъ талантомъ, подающимъ большія надежды.

Digitized by Google

СЕМЕЙКА

(южно-деревенскій очеркъ).

I.

Омелькинъ сонъ.

Всю ночь потягивался Омелько, кутаясь въ влажной высокой травѣ. Въ плавняхъ трава зеленѣетъ до поздней осени, и только когда упадетъ первый снѣгъ, она покрывается старческою желтизной, вянетъ и свертывается. А камышъ не боится перваго снѣга и долго еще, пока не ударитъ добрый декабрскій морозъ, шелеститъ своими длинными зелеными лентами.

Хорошо было-бы крѣпкимъ сномъ встрѣтить утреннюю зарю! Заснулъ-бы Омелько такъ, какъ только можетъ спать здоровый двадцатилѣтній парень, безъ сна промучившійся во всю длинную осеннюю ночь. Утренній холодъ пронизываетъ всѣ его молодые члены; пріятная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; сладко потягивается онъ и звонко хрустятъ его косточки. Славно, эхъ, какъ славно заснулось бы! Нельзя. Спитъ еще табунщикъ—онъ-же безусловный повелитель Омельки. Вонъ онъ зарылся въ травѣ и выставилъ къ небу свой толстый прыщеватый носъ, изъ котораго, точно хрюканье цѣлаго стада свиней, раздается храпъ. Дядя Данило любитъ поспать, что и говорить!

Digitized by Google

Хорошо, чертъ возьми, быть табунщикомъ! жалованье огромное—восемьдесятъ карбованцевъ въ годъ—это чего-нибудь стоитъ! А работа... Да какая ему работа? Ночью спитъ, какъ какой нибудь князь, а проснется, такъ только ему и дѣла, что понукать имъ, попыхачемъ. А онъ, попыхачъ, получаетъ какихъ-то тамъ двадцать рублей, да на каждый день шапку житнихъ сухарей, а по праздникамъ еще селедку. Житье, нечего сказать! А за это ни днемъ, ни ночью не засни, только знай-гоняй по приказанію дяди Данилы... Вотъ и теперь—табунъ разбрелся по пригорку, того и гляди — зайдетъ въ снопы и надѣлаетъ шкоды. Вставай, Омелько, бѣгай по полю съ огромнымъ батогомъ и сгоняй его въ кучу. А глаза его такъ вотъ и смыкаются...

Но вмѣсто того, чтобъ встать и заняться табуномъ, Омелько закрылъ глаза и въ ту-же минуту почувствовалъ, что члены его онѣмѣли. До его уха смутно долетало фырканье лошадей да шумъ утренняго вѣтра, случайно ворвавшагося въ гущину камыша, а потомъ и это исчезло, и онъ вдругъ очутился въ совершенно другомъ мірѣ.

Приснилась ему знакомая мѣстность. По высокому, крутому берегу Днѣпра въ безпорядкѣ раскинулись хаты Пузыревыхъ хуторовъ. Вотъ надъ балкой стоитъ красивая, заново обмазанная, хата стараго Пузыря, который первый поселился въ томъ мѣстѣ. Косые лучи вечерняго солнца идутъ мимо всѣхъ хуторянскихъ хатъ и падаютъ на дырявую камышевую крышу строенія, стоящаго поодаль отъ всѣхъ, на высокой кручѣ и, кажется, вотъ-вотъ готоваго всѣми своими жалкими, подпертыми стѣнами низринуться въ Днѣпръ. Это—хата Ѳеклы, его матери. А внизу Днѣпръ шумитъ и пѣнится; мутныя волны его съ трескомъ ударяютъ о крутой каменистый берегъ. На завалинкѣ сидитъ Ѳекла. Э, какъ она постарѣла за три года! Тоненькій носъ крючкомъ, а подбородокъ кверху—вотъ-вотъ сойдутся. Щеки впалыя потому что зубовъ нѣтъ, а сама еще храбрится, не горбится. А это кто движется къ хатѣ, съ котомкой за спиной, съ палкой въ правой рукѣ? Да это,

Digitized by Google

кажется, батько?! Гм!.. Странное дѣло! Какъ-же это онъ, кажись, не шатается, какъ будто и не пьяный? По всѣмъ признакамъ—это его батько. Тотъ же небольшой ростъ, та-же общипанная, дырявая чумарка, та-же сивая шапка, которую Омелько помнитъ ровно столько времени, сколько сознаетъ свое существованіе, и также точно она закрываетъ и брови, и уши. Идетъ онъ тихо, слегка прихрамывая и лѣвой рукой придерживаясь за бокъ. «Это ему гдѣ-нибудь ребро переломили»! думаетъ Омелько. А сѣдая борода подросла значительно, видно батько не брился съ полгода; и носъ уже не красный, а почти черный,—видно батько здорово трескалъ водку гдѣ-нибудь на рыбальствѣ!... Рѣшительно по всѣмъ признакамъ—это его батько! А вотъ погоди, ежели онъ подойдетъ къ заваленкѣ и начнетъ бить мамку, тогда уже ясное дѣло... Однако онъ подошелъ къ заваленкѣ, сѣлъ и даже руки не поднялъ, чтобъ ударить мамку... Разговариваетъ... Тьфу ты пропасть!.. какъ-же это такъ? Батько по всѣмъ статьямъ, а между тѣмъ не пьяный и не бьетъ мамку!.. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. А вотъ изъ воротъ выходитъ дѣвка, маленькая такая, чуть побольше аршина ростомъ—да у нихъ всѣ въ роду маленькіе и онъ-то самъ мало чѣмъ больше—ну, это уже сейчасъ можно узнать, кто такая. Это Оксана, сестра его. И чего это она сѣла поодаль и отвернулась отъ матери?.. Да вотъ наконецъ и онъ, Омелько, сидитъ рядомъ съ нею!.. Вотъ такъ чудо! Когда это было, чтобы вся семья ихъ собралась дома? Никогда этого не бывало, а теперь вся, какъ есть, при мѣстѣ... А что-же они ѣсть будутъ? Дома вѣдь ни рожна не водится. Дивится Омелько такому чуду, анъ глядь, по большой хуторянской дорогѣ идетъ попъ въ скуфьѣ и съ палкой... Вотъ ужь попа тутъ не слѣдовало-бы! Это ужь навѣрняка быть бѣдѣ! У Омельки дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. И зачѣмъ тутъ попъ? Кажись, все такъ хорошо устроилось, и вдругъ онъ прилѣзъ... Навѣрно—или батько умретъ, или хата развалится... Ужь это даромъ не пройдетъ. Хотя-бы еще попъ съ крестомъ, а то съ палкой, въ скуфьѣ... О, это совсѣмъ не къ добру...

Digitized by Google

«Ахъ, ты байстрюкъ растреклятый! Ты это что-же надѣлалъ»? вдругъ закричалъ попъ отчаяннымъ голосомъ, совершенно такъ, какъ будто-бы это былъ не голосъ, а громъ, и со всего размаха хватилъ его палкой въ бокъ. Мурашки пробѣжали по тѣлу Омельки отъ этого удара, и онъ проснулся весь облитый потомъ. А кричалъ-то это не попъ: дядя Данило во весь свой гигантскій ростъ стоялъ передъ нимъ и изо всей мочи толкалъ его въ бокъ каблукомъ своего огромнаго сапога. Дядя Данило былъ высокъ и тонокъ. У него было смуглое лицо съ маленькими угольными глазами и бѣлые, какъ молоко, зубы. Онъ происходилъ изъ цыганъ и не такъ давно еще кочевалъ съ своимъ шатромъ по степямъ, а потомъ почувствовалъ склонность къ осѣдлости, втерся въ сельское общество, женился на вдовѣ—крестьянкѣ, но за нимъ на вѣки вѣчные осталось прозваніе «цыгана» и это прозваніе навсегда перейдетъ къ его потомкамъ.

— Что-же это ты надѣлалъ, байстрюкъ растреклятый? повторялъ дядя Данило безсчетное число разъ. Омелько схватился, какъ ужаленный. «Байстрюкъ!.. Гм!..» Это для него было самое обидное слово изъ всѣхъ ругательныхъ. Оно намекало на то стародавнее обстоятельство, что Омелько былъ рожденъ своей матерью еще тогда, когда она была дѣвицей. Увы! это была правда. Такого-же точно происхожденія была и сестра его, Оксана, и только послѣ рожденія Оксаны батько его женился на Θеклѣ.

Что-же однако онъ надѣлалъ? Солнце поднялось уже высоко. Передъ нимъ разстилалась широкая, безконечная нива съ желтѣющими корнями скошеннаго хлѣба. Табунъ разползся по всей помѣщичьей нивѣ, кони хозяйничали въ копнахъ поздней пшеницы, которую еще не успѣли свезти. Да дѣйствительно онъ кое-что надѣлалъ. Но что-же онъ могъ подѣлать, когда глаза противъ его воли закрылись и сладкій сонъ незамѣтно охватилъ его? Нужно-же и ему, попыхачу, спать когда-нибудь! Притомъ вѣдь онъ не собака какая-нибудь, чтобы его толкали въ бокъ каблуками, такъ что у него до сихъ поръ печенка болитъ. Наконецъ

*

Digitized by Google

чего это дядя Данило постоянно допекаетъ его этимъ «проклятымъ байстрюкомъ»?..

И Омельку вдругъ обуяло упорство, да такое упорство, какое можетъ обуять только кровнаго хохла и какого Омелько еще никогда не испытывалъ. «Чертъ съ нимъ, съ его табуномъ, съ его жалованьемъ, съ сухарями, съ селедкой»! рѣшилъ онъ.

— Что-жь ты молчишь и чухаешься? не видишь, что-ли? приставалъ Данило, указывая на поляну, гдѣ хозяйничалъ табунъ.

— Вижу, равнодушно отвѣчалъ Омелько.

— Ну чего-жь стоишь? Бери батогъ!.. Живо!

— А ты не дерись и не ругайся! промолвилъ Омелько вмѣсто того, чтобъ кинуться къ батогу и бѣжать на поляну. Дядя Данило опѣшилъ. А Омелько, котораго теперь уже окончательно разобрало упорство, взялъ да и опустился на траву и преспокойно усѣлся. Данило до того изумился, что даже и не подумалъ вновь толкнуть его каблукомъ.

— Ну, ладно-же! промолвилъ онъ,—я и самъ загоню! Да только тебѣ не сдобровать!—Онъ схватилъ кнутъ и пошелъ самолично сгонять лошадей. А Омелько сидѣлъ на травѣ и вслѣдъ ему дерзко улыбался.

Его охватило такое пріятное чувство, какого онъ еще никогда въ жизни не испытывалъ. Онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на плоды своего неповиновенія. Первый разъ въ жизни онъ «взялъ свою волю», и какъ это пріятно, онъ и изъяснить не можетъ. Вотъ лежитъ его котомка, а тутъ-же рядомъ—палка. Кнутъ—помѣщичій, его придется оставить, а жаль, онъ такъ любилъ ходить съ кнутомъ и хлестать имъ въ воздухѣ. Этотъ рѣзкій звукъ веселитъ его сердце. Въ котомкѣ еще осталось десятка два сухарей. Что-же? Больше, кажется, сидѣть нечего. Жалованья ему слѣдуетъ тамъ что-то около полтины, да наплевать, все одно—не дадутъ. А вотъ что: нужно дождаться дяди Данилы и попрощаться съ нимъ. Все-жь таки вмѣстѣ цѣлый годъ провели въ полѣ. Жаль ему лошадей — онъ былъ большой любитель лошадей и знатокъ ихнихъ немощей

Digitized by Google

(едва-ли даже самъ дядя Данило сумѣлъ-бы такъ искусно пустить кровь лошади, какъ онъ!) Ну, да что! Бредихинскій управляющій давно уже заманиваетъ его къ себѣ. Да только тамъ ужь онъ ни за что не наймется въ попыхачи, а прямо въ табунщики. Хоть даромъ, за одни сухари, лишь-бы быть табунщикомъ, лишь-бы его воля была. А вотъ кстати и Данило подошелъ.

— Прощайте, дядя Данило!

— А что? Уже мандровать собрался? насмѣшливо промолвилъ дядя Данило.—Значитъ по батьку пошелъ. Тотъ весь вѣкъ свой шляется, ни на одномъ мѣстѣ ни усидитъ!..

— А хоть бы и по батьку?! Да чертъ съ вами, съ вашимъ мѣстомъ! хватилъ Омелько, убѣдившись, что съ Даниломъ нельзя проститься мирно.—Кажется я никому ничего не долженъ!?

— Проваливай! На твое мѣсто десятокъ найдемъ! привѣтствовалъ его Данило. Дѣйствительно должность Омельки считалась завидной и на его мѣсто было пропасть охотниковъ.

Взвалилъ Омелько котомку на плечи, взялъ палку и побрелъ большой дорогой. Потомъ онъ спохватился и завернулъ въ сторону, гдѣ пасся его любимый гнѣдой конь—«Васька».

— Васька, Васька! кликнулъ онъ коня, подошелъ къ нему, потрепалъ его по спинѣ и любезно поцѣловалъ его прямо въ морду.—Прощай, братъ! нѣжно промолвилъ онъ, и пустился въ путь.

II.

Языкъ любви.

Въ это время дулъ свѣжій осенній вѣтеръ. Онъ то и дѣло сдувалъ съ головы нашего путешественника шляпу, сплетенную его собственными руками изъ житней соломы. Огромныя поля этой шляпы пугали попадавшихся навстрѣчу воронъ. Шляпа была далеко не по сезону, но Омелько

Digitized by Google

отъ этого нисколько не унывалъ. Его смѣшило одно странное обстоятельство. Когда онъ перекладывалъ свою котомку съ одного плеча на другое, то непремѣнно минуты двѣ держалъ ее передъ глазами и читалъ по-складамъ то, что было на ней написано (онъ научился грамотѣ еще въ дѣтствѣ, когда находился у попа, въ качествѣ камердинера маленькаго поповича). Тамъ была слѣдующая надпись, сверху: «цѣнная», а пониже: «посылка на 125 рублей серебромъ», дальше обозначался адресатъ, но Омелько замазалъ его дегтемъ, такъ какъ адресатомъ былъ конечно не онъ. Богъ знаетъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ нашелъ онъ этотъ выброшенный кѣмъ-то кусокъ холста со слѣдами сюргучныхъ печатей и сдѣлалъ себѣ изъ него котомку, выставивъ напоказъ крупную цифру. Съ его стороны это была горьчайшая иронія, такъ какъ цифра эта красовалась рядомъ съ огромной заплатой на его чумаркѣ, а на ногахъ не было даже постоловъ. Но такое сопоставленіе тѣшило его душу.

Онъ былъ очень веселъ. Еслибъ его спросили, что заставило его покинуть табунъ, то онъ конечно не нашелъ-бы другаго отвѣта, какъ: «чертъ съ ними, съ ихнимъ мѣстомъ, съ сухарями и селедкой»! Притомъ можетъ быть пожаловался-бы на жестокость дяди Данилы. Но это было-бы не совсѣмъ искренно. У дяди Данилы и прежде были большіе сапоги съ твердыми каблуками и онъ всегда дѣвалъ изъ нихъ должное употребленіе. Нѣтъ, а всему виною здѣсь былъ чудный сонъ, который приснился Омелькѣ.

Въ самомъ дѣлѣ развѣ это была не трогательная картина!? Вся родня его собралась дома, и при этомъ батько сидѣлъ смирно, былъ трезвъ и никого не билъ. Наяву по крайней мѣрѣ онъ никогда не видѣлъ подобной картины. Вся семья его вѣчно была въ разбродѣ. Батько гдѣ-нибудь на рыбальствѣ, сестра—въ людяхъ, въ услуженіи, онъ—попыхачемъ у дяди Данилы, мать гдѣ-нибудь кухаркой въ городѣ... И онъ былъ тронутъ этой небывалой картиной, сердце его, это черствое сердце, не привыкшее къ нѣжнымъ ощущеніямъ, забилось сильнѣе и запросило родственнаго свиданія.

Digitized by Google

Онъ уже прошелъ верстъ семь, когда передъ нимъ раскинулся широкій ставокъ, а надъ ставкомъ — большое село Вишневое. Все село издали казалось огромнымъ вишневымъ садомъ, за деревьями почти не видно было хатъ; только острая верхушка церковной колокольни, съ большимъ крестомъ на концѣ, да деревянные кресты расположеннаго въ отдаленіи кладбища свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь живутъ и умираютъ люди. Омелько отправился къ ставку попить воды, потому-что у него послѣ сухарей першило въ горлѣ. На берегу ставка, съ коромысломъ на плечахъ, стояла дѣвка, въ которой Омелько, несмотря на то, что видѣлъ только ея затылокъ, узналъ свою землячку — Одарку. Одарка стояла лицомъ къ ставку, съ подтыканной юбкой и полунагнувшись къ водѣ; Омелько имѣлъ полную возможность незамѣтно подкрасться къ ней. Онъ тихонько подошелъ къ ней и изрядно хватилъ ее ладонью по спинѣ. Это, по его мнѣнію, была самая изысканная форма привѣтствія. Одарка взвизгнула.

— Скаженный!.. Омелько! вскрикнула она, обернувшись, — откуда это тебя чертъ принесъ?

Послѣ этого вопроса было ясно, что Одарка очень обрадовалась Омелькѣ. Это какъ нельзя лучше выражало ея ясное, здоровое и красное, какъ пучекъ молодой калины, лицо.

— Меня-то? А ты спроси его, этого самаго черта, зачѣмъ онъ меня по землѣ носитъ? Табунъ пасъ, да, видишь, бросилъ. Вотъ и все. Нѣтъ, ты скажи лучше, какая нечистая сила тебя принесла сюда съ хуторовъ!..,

— А видишь, я думала, что ты тамъ зимовать будешь, вотъ и ушла оттуда, чтобъ не видѣть твоей коряавой рожи! Ха, ха, ха, ха!..

Понимать это слѣдовало такъ, что Одарка находитъ Омельку довольно красивымъ парнемъ и въ этомъ смыслѣ сказала ему комплиментъ. Разумѣется Омелько не могъ остаться въ долгу, поэтому немедленно отвѣтилъ:

— Напрасно, дѣвка, опасалась! Развѣ не знаешь, что я, какъ повстрѣчаю твою свинную морду, всегда отво-

Digitized by Google

рачиваюсь... Хо, хо, хо-о! А скажи-ка, Одарка, что моя сестра—Оксана подѣлываетъ!..

— Оксана?.. Гм!.. я что-то давно не видала ея! Она служитъ у пана управляющаго, да что-то уже недѣли съ двѣ не показывается!.. А ты сходи, провѣдай; можетъ заболѣла!?

— Да затѣмъ и пришелъ!..—И Омелько, нагнувшись, сталъ черпать воду своей соломенной шляпой. Одарка разумѣется воспользовалась случаемъ толкнуть его такъ, что онъ едва не полетѣлъ въ ставокъ.

— Оглашенная!!! крикнулъ ей Омелько.—А знаешь, Одарка, когда бы мнѣ давали сто рублей, то я, ей-Богу, не женился бы на такой-вѣдьмѣ, какъ ты!..

Это съ его стороны было косвенное предложеніе вступить съ нимъ въ законное сожительство.

— А ты думаешь, я пошла бы за такого чертополоха? Ха, ха! Да еслибъ мнѣ пообѣщали, что я царицей сдѣлаюсь, а ей-Богу же, и тогда поднесла бы тебѣ гарбузъ!..

Послѣ этого Омелько могъ уже не сомнѣваться, что предложеніе его будетъ принято.

— Желалъ бы я видѣть того дурака, котораго чертъ окрутитъ съ тобой!..

При этомъ Омелько очень ловко преподнесъ ей тяжеловѣсный ударъ въ спину и прибавилъ: «прощай, Одарка»! Въ это время на него вылилось цѣлое ведро воды, а вслѣдъ ему послышались слова:

— Прощай, чтобъ тебѣ споткнуться на первомъ камнѣ! ха, ха, ха, ха!—и звонкій хохотъ Одарки провожалъ его чуть не до самаго дома управляющаго, куда онъ направился, чтобъ навести справки объ Оксанѣ.

Разговоръ этотъ привелъ Омельку къ важному рѣшенію. Какъ придетъ зима, онъ непремѣнно женится на Одаркѣ. Дѣвка она славная, здоровая, работящая и главное—расположена къ нему. Не даромъ же она вылила на него цѣлое ведро воды. И свадьба Омельки съ Одаркой почти была рѣшена въ этотъ моментъ. Какъ бы только наняться къ бредихинскому управляющему? «Что-жь»!

Digitized by Google

думалъ Омелько: «у нея ничего нѣтъ и у меня тоже»! и это было самымъ крѣпкимъ доводомъ въ пользу женитьбы.

На широкомъ дворѣ управляющаго Омелько встрѣтилъ человѣкъ пять рабочихъ, повидимому—изъ полтавцевъ. Онъ спросилъ у нихъ про Оксану.

— Оксана? ха, ха, ха, ха! А тебѣ на что Оксана? Опоздалъ, парень, опоздалъ! ха, ха, ха, ха!—и рабочіе неистово хохотали, а Омелько ничего не понималъ.

— Оксана—моя сестра, пояснилъ онъ, видя, что они подозрѣваютъ что-то не доброе.

— А! Она—твоя сестра! Такъ ты спроси-ка вотъ у самаго пана управляющаго! Вонъ онъ переваливается!

Омелькѣ указали толстаго пана съ заспаннымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ пану и смиренно снялъ шляпу.

— Можно-ли мнѣ спросить у васъ, панъ, про мою сестру—Оксану? несмѣло проговорилъ онъ и поклонился.—Она у васъ тутъ служитъ, а я хотѣлъ бы повидаться съ нею!

— Что такое? Оксана?—и панъ разсмѣялся.—У насъ нѣтъ твоей Оксаны! Ищи ее въ другомъ мѣстѣ!..

— Какъ нѣтъ Оксаны? А гдѣ же я буду искать ее?..

— Ха, ха! А ты знаешь, что такое—твоя Оксана? продолжалъ смѣяться панъ, и отъ этого смѣха у Омельки сердце похолодѣло.

— Какъ же мнѣ не знать, что такое Оксана, когда она сестрой мнѣ приходится? отвѣчалъ онъ.—Оксана дѣвка рабочая, честная...

— Честная? спросилъ управляющій,—а я тебѣ скажу, что она—шкура...

И тутъ онъ прибавилъ еще такое слово, отъ котораго у Омельки кровь ударила въ голову.

— Какъ же это можно, панъ?.. Чтобы Оксана?..

— Да, да, да! А мы, знаешь, этакихъ не держимъ!.. Ищи ее въ другомъ мѣстѣ!..—И панъ удалился въ хату, а Омелько стоялъ, точно пригвожденный къ землѣ. Ноги его отказывались двигаться; ему казалось, что въ головѣ

Digitized by Google

его и въ сердцѣ и во всемъ его тѣлѣ произошло что-то страшное, все перевернулось вверхъ дномъ... А рабочіе смѣялись еще звонче, еще безжалостнѣй, поминая имя Оксаны и приставляя къ этому имени такія слова, отъ которыхъ у Омельки стыла кровь въ жилахъ. «Такъ вотъ какъ Оксана»? вслухъ промолвилъ Омелько: «не можетъ же быть, чтобы всѣ они врали»! и сдѣлавъ усиліе, онъ побрелъ по большой дорогѣ. Ясное дѣло—все это произошло оттого, что ему приснился попъ. Что-жь теперь? Положимъ, онъ теперь пойдетъ на рыбный заводъ, гдѣ, какъ ему извѣстно, батько его нанялся въ рыбалки. Но вѣдь онъ почти увѣренъ, что батька уже нѣтъ на свѣтѣ. Ужь ежели сонъ началъ сбываться (а сны, говорятъ, всегда наоборотъ сбываются), такъ и пойдетъ одно за другимъ: Оксана опозорена, батько умеръ, матери ногу сломали, хата развалилась, ему кто-нибудь въ дорогѣ шею свернетъ, либо Одарка выйдетъ за другого... Ужь это такъ. Попъ даромъ не приснится, да еще съ палкой и какой огромной палкой!.. Тѣмъ не менѣе Омелько пошелъ на заводъ. Ну, если ужь батько дѣйствительно умеръ, то по крайности онъ постоитъ надъ его могилой и перекрестится.

Рыбный заводъ находился верстахъ въ пяти отъ села Вишневаго. Съ высокой кручи шелъ извилистый спускъ, внизу разстилался цѣлый лѣсъ зеленаго камыша, а въ камышѣ, надъ узенькой рѣчкой, торчали двѣ ободранныя хаты, которыхъ никто никогда не мазалъ и не чистилъ, такъ какъ здѣсь не было ни одной бабы. По берегу рѣченки сушился «неводъ» и въ разныхъ мѣстахъ кучами валялись остатки старыхъ сѣтей, нитки для плетенія новыхъ, огромные «сапéты» (круглыя корзины для храненія живой рыбы въ рѣчкѣ) и разная рыбальская справа. Въ воздухѣ носился запахъ вяленой рыбы. Рѣченка впадала въ Днѣпръ, куда рыбалки отправлялись на дубкахъ, съ которыхъ забрасывали сѣти.

Было уже подъ вечеръ. На полянѣ кружкомъ размѣстились человѣкъ тридцать рыбалокъ, передъ ними стояли

Digitized by Google

миски съ моченными въ водѣ сухарями, у каждаго въ рукѣ была селедка. Такъ уже водится, что рыбалки, постоянно имѣюшіе дѣло съ свѣжей рыбой, почти никогда не ѣдятъ ея; всю добычу спѣшатъ они запродать въ городъ, а сами питаются чѣмъ попало, преимущественно селедкой. Омелько почтительно поклонился. Здѣсь у него довольно было земляковъ и знакомыхъ. Онъ обвелъ глазами весь кругъ. «Такъ и есть! Батька не видно! я такъ и зналъ»! чуть не вслухъ подумалъ онъ.

— А батька моего что-то не видно! обратился онъ къ рыбалкамъ.

— Э-ге-ге! Твой батько!.. Да развѣ ты не знаешь своего батька?.. отвѣчали ему рыбалки,—онъ какъ получилъ свою первую долю, да какъ закатилъ пьянствовать, такъ только его и видѣли!.. Помандровалъ!..

Несмотря на такую печальную вѣсть, Омелько вздохнулъ свободнѣй. «Ну, слава Богу! Все-таки батько не умеръ»!

— А я думалъ, что его уже на свѣтѣ нѣтъ! сказалъ онъ.

— Ого-го-го! Твоего-то батька! Да онъ такой, что его никакой палкой не добьешь! Живучій, какъ чертъ!.. Да ты, парень, присаживайся, да повечѣряй съ нами!..

Омелько не отказался, потому что здорово былъ голоденъ. Тутъ ему порассказали чудесъ про его батька. Одинъ разъ онъ, пьяный, свалился въ воду и пошелъ ко дну. Едва вытащили его неводомъ; думали, что околѣетъ, пѣтъ — откачали. Другой разъ, когда онъ напохмѣльи сидѣлъ на мостикѣ, свѣсивъ ноги въ воду, огромный сомъ схватилъ его за ногу и чуть не стащилъ въ воду... И не мало еще другихъ исторій услышалъ здѣсь Омелько про своего батька. Послѣ ужина онъ завалился спать въ камышѣ, рѣшивъ — чуть свѣтъ идти на Пузыревы хухора. Тамъ онъ должно быть найдетъ мать и отъ нея узнаетъ и про Оксану, и про батька.

Digitized by Google

III.

Дочкинъ гостинецъ.

Полный мѣсяцъ взошелъ надъ Днѣпромъ и бросилъ свои лучи на крутой берегъ, гдѣ раскинулись хаты Пузыревыхъ хуторовъ. Освѣтилъ онъ и полуразвалившееся жилище Ѳеклы. Стояла тихая ночь. Воздухъ былъ пропитанъ влагой, которая, ввидѣ миніатюрныхъ крупинокъ росы; садилась на стекла маленькихъ, неуклюжихъ оконъ. Ѳекла сидѣла на заваленкѣ; у нея былъ грустный видъ. Да, пришло время серьезно подумать о зимѣ. На дворѣ стоитъ глубокая осень; положимъ, выпадаютъ еще теплыя ночи, когда можно сидѣть въ нетопленной хатѣ. Но уже не за горами морозъ, а у нея на току нѣтъ ни одной камышенки для топлива, да и самый токъ превратился въ полянку, поросшую бурьяномъ. Вѣдь вотъ какая судьба! Вся родня оставила ее, старуху, одну помирать съ голоду да съ холоду. И ни объ комъ ни слуху, ни духу! Оксану она не видала уже больше года; Омелько—тотъ уже года три не показывается, а мужъ хоть и является каждую зиму, да толку отъ этого мало. Является онъ уже тогда, когда пропьетъ весь свой заработокъ, и заваливается на печку. Лишній ротъ, да и только, да еще такой ротъ, что не любитъ сухой ѣды, любитъ смачивать ее водкой... А чуть выпьетъ хоть самую малость, бушуетъ, дерется—что подѣлаешь? Не выгнать-же вонъ его, своего законнаго мужа!

А было время!.. Эхъ, если-бы къ ней вернулась прежняя сила! пошла-бы она къ вишневскому попу и нанялась бы къ нему въ кухарки. Она вѣдь отлично кухаритъ, не хуже любого ученаго повара. А у попа ѣда отличная, и теплая хата, и добрая одежда. Она жила у него лѣтъ десять, еще когда молодой была, въ годы своего дѣвичества. А Нычипоръ служилъ кучеромъ у того-же попа. Славный парень былъ Нычипоръ! Работящій, веселый и такіе у него были усы!.. Усами-то больше всего онъ и побѣдилъ

Digitized by Google

ея сердце. Она и сдалась. Извѣстно, дѣвка молодая, глупая, а сердце у нея было горячее, «щирое», а кровь въ жилахъ такъ и клокотала, какъ смола въ раскаленномъ котлѣ. Опозорила Ѳекла свой честный родъ и родила «байстрюка»—Омельку, а тамъ и дальше пошло, за Омелькой явилась Оксана. Тогда уже батюшка повелъ ихъ въ церковь и обвѣнчалъ. Да скоро прошли хорошія времена. Поселились они на хуторѣ, вотъ и эту самую хату собственными руками построили, да хозяйство не пошло имъ въ руку. Волы—батюшка подарилъ имъ пару быковъ въ день свадьбы—подохли (у всѣхъ тогда падежъ былъ!); хлѣбъ не родилъ, съ каждымъ годомъ хуже. Нычипоръ сталъ съ горя захлебываться водкой, а она за нимъ, да такъ вмѣстѣ и пропили свое скудное хозяйство. Съ горя!.. Остались пустыя стѣны, да и тѣ вотъ-вотъ обвалятся. Пробовала она послѣ этого кухарить по чужимъ людямъ, да гдѣ тамъ! Поживетъ мѣсяца два, а тамъ вдругъ подступитъ къ сердцу тоска, да такая, что грудь разламывается, ну, и не выдержитъ, запьетъ и броситъ все. А Нычипоръ тоже самое. И какъ-то такъ всегда выходило, что въ это время они всегда сходились и вмѣстѣ пьянствовали, видно—самъ дьяволъ сводилъ ихъ. Въ концѣ-концовъ Нычипоръ допивался до свирѣпости и приколачивалъ ее до полусмерти. А дѣти росли гдѣ-то по чужимъ людямъ, да должно быть проклинали ихъ... Да вѣрно отъ этихъ самыхъ проклятій и не везло имъ, и хозяйство пошло прахомъ.

И холодно, мрачно было на сердцѣ у старой Ѳеклы. Просило это сердце, чтобы какая-нибудь добрая, любящая душа на старости лѣтъ пригрѣла его.

А мѣсяцъ подымался все выше, и вотъ онъ стоитъ почти надъ самой хатой Ѳеклы и во всемъ своемъ блескѣ отражается въ тихой, задумчивой глубинѣ Днѣпра. На хуторѣ тихо. Давно уже все живое завалилось спать; не слышно ни пѣсенъ молодежи, ни лая собакъ. Шагахъ въ тридцати, на большой «улицѣ», промелькнула тѣнь. Отчего это у Ѳеклы забилось сердце? Мало-ли тѣней мель-

Digitized by Google

кается въ ночное время?! Можетъ собака пробирается въ чужой дворъ, ища любовныхъ приключеній; а можетъ быть и то, что какой-нибудь парень тайкомъ шагаетъ въ днѣпровскіе камыши, а въ тѣхъ камышахъ какая-нибудь шальная дѣвка назначила ему свиданіе, а изъ этого выйдетъ великій грѣхъ... А тѣнь, кажется, повернула къ Ѳеклиной хатѣ, и вотъ это уже не тѣнь, а человѣческая фигура, вся освѣщаемая лучами мѣсяца. Да кто-же это такой, едва переступая съ ноги на ногу, идетъ прямо къ ней? О, Господи! Это привидѣніе! Это нечистая, сила! А можетъ быть это—смерть пришла за ея грѣшной душой!.. Ѳекла трижды перекрестилась.

— Мамко! раздался надъ ея ухомъ слабый голосъ женщины, и такой знакомый, такой дорогой голосъ.

— Оксана! произнесла Ѳекла и сдѣлала радостное движеніе, но потомъ вдругъ попятилась назадъ и слово застыло на ея губахъ.

— Что жь, мамко! У меня ноги подкашиваются!.. говорила Оксана тѣмъ-же слабымъ, усталымъ голосомъ.

— А, такъ вотъ съ чѣмъ пришла ты утѣшить свою старую мать! Вотъ какой гостинецъ, собачья дочь, ты принесла ей! Байстрюка выслужила въ чужихъ людяхъ! Позоръ притащила въ материну хату?.. говорила оскорбленная Ѳекла.

— Мамко! Что тутъ уже корить?! Принимайте, а не то выбросьте на улицу, а то велите кинуться въ Днѣпръ... Мнѣ все одно!..

— Да, да! И выброшу! Выброшу на улицу!.. Ты думаешь—нѣтъ? Пожалѣю? Какже, какже! А ты пожалѣла старую мать? А ты не опозорила ея, нѣтъ? Ступай, кидайся въ воду! Думаешь—заплачу?..

Но это были одни только жестокія слова и притомъ произносимыя тихо, въ полголоса, чтобъ никто изъ сосѣдей не услышалъ. Говоря эти слова, Ѳекла охватила дочку за талію и бережно вела ее въ хату. Она чутъ не несла ее на своихъ рукахъ, боясь, что та оступится и упадетъ. А жестокія слова въ то-же время потокомъ лились изъ ея

Digitized by Google

устъ. Когда они пришли въ хату, Θекла уложила дочку на печь, кровати не было. Хата была почти пуста. Старый дубовый столъ, да длинная скамья у стѣны — составляли всю мебель. Здѣсь началась расправа. Если бы въ комнатѣ незримо присутствовали два человѣка, изъ которыхъ одинъ только слышалъ слова, произносимыя Θеклой, а другой только видѣлъ то, что она дѣлала, то первый счелъ-бы ее самымъ страннымъ, безчеловѣчнымъ звѣремъ, а другой призналъ-бы, что у нея безконечно доброе сердце. Слова были ужасны. Да, этого позора она никогда не проститъ Оксанѣ! Она готова задавить ее собственными руками, она сейчасъ созоветъ весь хуторъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ родная дочь опозорила ее, старуху, всѣми забытую. Она выброситъ ее на холодъ, на морозъ, пусть она вмѣстѣ съ своимъ приплодомъ околѣваетъ тамъ, какъ старая, никому не нужная собака. Она... О, она этого не проститъ. Нѣтъ, никогда!...

И въ это время она снимала съ себя дырявый платокъ и окутывала имъ Оксану; собирала все оставшееся непропитымъ тряпье и мостила подъ голову дочкѣ, чтобъ ей было повыше, поудобнѣе; въ это время она незамѣтно прикасалась своими старческими губами къ ея горячему лбу и цѣловала этотъ дорогой лобъ и цѣловала такъ, чтобъ дочка не замѣтила

— Чье? Говори, чье, собачья дочка? въ то-же время наступала она.

— Что ужь тутъ спрашивать, мамко?.. Мое—вотъ и все!.. стонала Оксана и начала тихо повѣствовать, какъ она добралась до матери; какъ ее выгнали отъ управляющаго, какъ всѣ издѣвались надъ нею и обливали ее помоями, какъ она изнемогала и чуть не грохнулась о землю на дорогѣ и она какъ страдала и страдаетъ въ этотъ моментъ.

А въ хатѣ не оказалось ни свѣчного огарка, ни «каганца». Вотъ до чего дожилась Θекла! Ничего, мѣсяцъ глядитъ прямо въ окно, его лучъ замѣнитъ свѣчу...

Θекла вышла изъ хаты. Нужно было кое-что приготовить. Она собрала во дворѣ десятокъ щепокъ и расто-

Digitized by Google

пила «кабыцю» въ сѣняхъ. Нужно было нагрѣть воду, и она принялась выдергивать изъ крыши остатки камыша. Здѣсь она дала волю словамъ. Нѣтъ, нѣтъ, рѣшительно не слѣдовало принимать Оксану. Пусть-бы попробовала родить среди дороги, тогда другой разъ уже этого не сдѣлала-бы... Да это уже, видно, родъ такой проклятый! Дочка пошла въ мамку. Яблоко отъ дерева не далеко падаетъ!.. Идите, добрые люди, полюбуйтесь, какой гостинецъ дочка принесла старой Ѳеклѣ! Завтра весь хуторъ будетъ трубить объ этомъ.

Всю ночь Ѳеклина хата наполнялась тихими стонами. Оксана выносила невыразимыя муки. Когда-же на небѣ показалась блѣдная заря и звѣзды стали погасать, а въ воздухѣ повѣяло утреннимъ холодомъ,—стенанія стихли, и Ѳекла—измученная, истерзанная—выбѣжала изъ хаты и стала креститься на востокъ.

— Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Господи! молилась она вслухъ.—Все кончилось и, кажись, благополучно!.. Слава тебѣ Создателю!

— Что кончилось? Что ты тамъ лепечешь, старая? Или ты уже съ ума спятила?! раздался хриплый голосъ мужчины. Ѳекла всплеснула руками.

— Вотъ такъ ночку Господь-Богъ послалъ! Нечего сказать! слетаются коршуны на мою шею!.. Откуда ты взялся, Нычипоръ?

Нычипоръ давно уже сидѣлъ на завалинкѣ и дремалъ. У него былъ до такой степени ободранный видъ, что онъ походилъ на нищаго. Подъ правымъ глазомъ красовался огромнѣйшій синякъ.

— Ахъ ты, старый пьяница! укоризненно качала головой Ѳекла.—Только и знаешь, что пропивать трудовую копѣйку, а не знаешь, что дома дѣлается!..

— А чему тутъ дѣлаться?..

— Чему? А вотъ дочка байстрюка привела! Слыхалъ? Да тебѣ, какъ погляжу, и это ничего!..

— Привела?.. Гм!.. Ну, коли привела такъ не задавить-же его!.. А нѣтъ-ли у тебя, Ѳекла, холодной водицы испить? страсть какая жажда!..

Digitized by Google

— А, чтобы вы всѣ подохли, растреклятые! съ сердцемъ промолвила Ѳекла и пошла въ сѣни—достать воды своему печальному сожителю. А изъ хаты доносился жалобный пискъ только что появившейся на свѣтъ живой контрабанды.

— Ишь ты! Пищитъ! промолвилъ Нычипоръ, и съ удовольствіемъ пропустилъ кружку воды.—Должно быть, будетъ здоровенный парень... и пьяница!.. Хе! Внукъ!— И онъ широко осклабился, почувствовавъ себя счастливымъ дѣдомъ.

IV.

Родины.

«Тише ты поворачивайся, старый хрѣнъ! Пускай оно заснетъ»! шопотомъ обращалась Ѳекла къ своему супругу, сидѣвшему на лавкѣ за пустымъ столомъ.

«Оно», завернутое въ остатки старой Ѳеклиной сорочки, лежало на землѣ и дѣйствительно спало. Съ виду «оно» обѣщало въ будущемъ здоровеннаго парня. Красное лицо, рѣзкій, задорный голосъ и энергическія движенія ручонками—говорили о здоровьи. Только ужь больно миніатюрно было это юное существо, явившееся на свѣтъ Божій при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца и съ первой-же минуты попавшее въ нищенскія лохмотья. Но въ этомъ никто не видѣлъ ничего удивительнаго. Вся ихъ семья отличалась малорослостью.

Оксана проснулась и спрашивала, кто еще кромѣ матери сидитъ въ хатѣ, и осталась очень довольна, когда ей сказали, что это — батько. Все-таки ея незаконный первенецъ родился не гдѣ нибудь на чужбинѣ, гдѣ можетъ быть какая нибудь сострадательная баба пустила-бы ее въ хату изъ милости, а въ родной избѣ, у батька и матери. Сознавала это и Ѳекла и чувствовала по этому поводу нѣкоторую гордость. Вѣдь вотъ-же, кажется, судьба всего лишила ихъ: и хозяйства, и семейнаго счастья, и чести; а между тѣмъ—сумѣла-же она безъ посторон-

Digitized by Google

ней помощи пріютить у себя преступную дочку и собственноручно «принять» внука.

Уже и солнце поднялось надъ Пузыревымъ хуторомъ и люди давно принялись за работу, когда Омелько подошелъ къ Θеклиной хатѣ. «Что-то тихо и никого не видать!.. Должно быть мамка пошла куда-нибудь на поденщину»! подумалъ Омелько и заглянулъ въ грязное стекло окна.

— Что за притча! И батько здѣсь! И мамка съ чѣмъ-то тамъ возится! Вотъ тебя и сонъ! Только Оксаны нѣтъ!.. Видно они и не знаютъ, что̀ съ ней приключилось!..

И онъ вошелъ въ хату.

— Ш-ш!.. встрѣтила его Θекла. — Тише ты поворачивайся! Вотъ денекъ выпалъ! какъ-будто они сговорились!.. Ха! На родины сходятся!

— На родины? Развѣ Оксана?.. Ишь-ты какой! А! Ай-да Оксана! молодецъ дѣвка!..

Омелько остановилъ свои взоры на племянникѣ.

— Когда?

— Сегодня ночью!.. А ты чего прибрелъ?..

— Бросилъ... невыгодно!.. Пойду служить къ Бредихину!.. Звали туда!.. разсѣянно отвѣчалъ Омелько, усердно разсматривая новорожденнаго.

— Ну, и батько-жь! Нечего сказать! промолвилъ онъ, глядя на Нычипора и разсматривая его лохмотья и синякъ,—доходился!..

— А что? безучастно спросилъ Нычипоръ.

— Да былъ я на заводѣ, такъ мнѣ земляки разсказывали...

— Всѣ они дурни — твои земляки!.. Слухай, Θекла, чего нибудь закусить-бы... Выпить-бы по чаркѣ!.. Нельзяже этакъ. Родины вѣдь... надо окропить внука!..

— Гм!.. А ты принесъ что-нибудь? Не бойсь, десятка два рублей заработалъ за лѣто, да всѣ пропилъ!.. У меня ни гроша, ни корки хлѣба въ домѣ...

— Можетъ у тебя, Омелько, есть,—очень неувѣренно спросилъ Нычипоръ.

Digitized by Google

— У меня ни одной копѣйки нѣтъ!.. Сухарей съ десятокъ, кажись, осталось!..

— Вотъ выслужили, чтобъ васъ на томъ свѣтѣ сухарями кормили!.. разгнѣвалась Ѳекла.

— Да ежели будутъ хоть сухарями кормить, такъ оно—ничего, а какъ и сухарей не дадутъ... философствовалъ Нычипоръ.—Такъ какъ-же такъ?.. значитъ на сухую?

Отвѣта не послѣдовало. Ѳекла сама понимала, что встрѣтить рожденіе внука «на сухую»—позорно. Но она не могла придумать никакого исхода, такъ какъ въ домѣ не было уже ни одной вещи, которую можно было-бы снести въ кабакъ.

— Мамко! тихонько позвала Оксана. Мужчины насторожили уши.—Тамъ, въ фартукѣ... развяжите узелокъ...

Нычипоръ просіялъ, словно уже услышалъ запахъ водки. Ясное дѣло, что въ фартукѣ завернута какая-нибудь ассигнація, либо въ крайнемъ случаѣ мелочь. Онъ жалѣлъ объ одномъ,—что узелокъ развяжетъ не онъ, а Ѳекла, которая пожалуй вздумаетъ похозяйски распорядиться находкой.

— Ну? спросилъ онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Но его опасенія были напрасны. Настроенная въ высшей степени торжественно, Ѳекла въ этотъ моментъ далека была отъ корыстныхъ видовъ. Вынувъ изъ узелка бумажку, она немедленно положила ее на столъ.

— Карбованецъ!.. Въ одинъ голосъ произнесли всѣ трое.

Карбованецъ при данныхъ обстоятельствахъ казался имъ значительной суммой и привелъ всѣхъ въ хорошее настроеніе. Нычипоръ особенно замѣтно волновался и суетился на своемъ мѣстѣ.

— Давай, я самъ пойду! сказалъ онъ, боясь, что Ѳекла купитъ не то, чего ему хочется. И схвативъ бумажку, онъ почти выбѣжалъ изъ хаты. Онъ не признался, что послѣ вчерашняго пьянства ему ужасно хотѣлось опохмѣлиться.

— Скажите, мамко, что это означаетъ, когда попъ снится? Да еще съ огромной палкой!.. обратился Омелько къ матери.

*

Digitized by Google

— А то означаетъ, что всѣ вы лѣнтяи, пьяницы и развратные!.. съ сердцемъ сказала Ѳекла, — уже-жь не можетъ быть, чтобы попъ во снѣ означалъ что нибудь доброе!..

— Я, мамка, не развратный и не пьяница!.. Водки отродясь не пилъ!.. А попъ, говорите, не къ добру?..

— Извѣстно, не къ добру!

— А мнѣ снился попъ!.. Вотъ отъ этого съ Оксаной и стряслась бѣда!..

Нычипоръ возвратился очень скоро. Онъ принесъ цѣлый штофъ водки, а на закуску полдесятка соленыхъ огурцовъ. Онъ находилъ, что закуска только мѣшаетъ дѣлу и всегда былъ противъ нея. При томъ-же у Омельки были сухари, которые могли замѣнить хлѣбъ. Нычипоръ уже былъ веселъ. Очевидно онъ не вытерпѣлъ и хватилъ особый «шкаликъ» въ кабакѣ.

Всѣ трое торжественно усѣлись за столъ.

— А рюмки не водится!.. замѣтилъ Омелько.

— Э, и безъ рюмки можно! лишь-бы водка была, отвѣтилъ Нычипоръ. — Мы съ старой умѣемъ и безъ рюмки!.. Пускай же оно выростаетъ, да будетъ здоровое и счастливое!.. прибавилъ онъ, указывая на новорожденнаго и при этомъ, взявъ горлышко штофа въ ротъ, влилъ себѣ въ глотку основательную порцію.

— Да чтобъ не было оно такимъ пьяницей, какъ его дѣдъ!.. прибавила Ѳекла и, принявъ отъ Нычипора штофъ, хлебнула изъ него такимъ-же способомъ.

— И какъ баба!.. вставилъ Нычипоръ, закусывая огурцомъ.

— А я ее еще въ жизни не пробовалъ!.. говорилъ Омелько, разсматривая штофъ. — Да ужь ради племянника надо разрѣшить!..

— А ты попробуй, сыночекъ, такъ и не отстанешь! посовѣтовалъ Нычипоръ. — Сладкая, какъ медъ!

— А чтобъ тебѣ типунъ на языкъ, старому дураку! обозлилась Ѳекла, — онъ хочетъ, чтобъ и сынъ былъ такой пьяница, какъ онъ!..

Digitized by Google

Омелько приспособился и по неопытности хлебнулъ слишкомъ много. Напитокъ показался ему отвратительнымъ.

— И какъ это люди пьютъ ее, этакую пакость! произнесъ онъ. Однако, онъ скоро почувствовалъ, что въ головѣ его забродили чудныя мысли и въ жилахъ будто вмѣсто крови стало разливаться пламя. Ему показалось, что это очень хорошо, и рука его невольно протянулась къ штофу. Второй пріемъ еще менѣе-понравился ему, но зато послѣ этого пріема передъ нимъ, во всей своей прелести, предстала Одарка, и онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ будто она только что вылила на него ведро воды.

— Шельмина дѣвка—Одарка! Я непремѣнно женюсь на ней! произнесъ онъ, обращаясь къ родителямъ. Тутъ онъ только замѣтилъ, что штофъ наполовину уже былъ осушенъ, что Ѳекла уже значительно пошатывалась, а батько занесъ надъ ея головой свою властную руку. О чемъ происходилъ у нихъ оживленный разговоръ, этого Омелько, за собственными мечтами, не слышалъ; но онъ счелъ своимъ долгомъ заступиться за мать.

— Э, нѣтъ, батько! Драться?.. Это зачѣмъ-же? Постой!.. и онъ схватилъ батька за плечи и усадилъ на лавку.

— А здоровый парнюга!.. призналъ Нычипоръ, и растянувшись на лавкѣ, очень скоро захрапѣлъ.

— Ну, а я пойду!.. сказалъ Омелько, взявъ свою котомку.

— Куда? спросила Ѳекла, которая мостилась спать прямо подъ столомъ.

— Н-наниматься!.. Къ Бредихину!..

И онъ вышелъ на свѣжій воздухъ.

— Веселая штука-эта водка! размышлялъ онъ, направляясь куда попало,—это, ежели тоска охватитъ тебя, всегда слѣдуетъ хлебнуть... Ей Богу! Хлебнуть разъ—и какъ рукой сняло!.. У батька должно быть никогда не бываетъ тоски!..

Digitized by Google

Дальше онъ вспомнилъ о давнишнемъ снѣ. «А вѣдь похоже!.. И попъ даромъ не прошелъ!.. А Оксана-то?.. Гм!.. По матери пошла! Ну, и семейка-жь наша!.. нечего сказать, вся удалась!.. Одинъ другого голѣе... А батько такъ совсѣмъ нищій»! Тутъ Омелько, неизвѣстно какимъ образомъ, спустился внизъ къ Днѣпру и очутился въ камышѣ. Влажная, прохладная земля такъ и манила его—растянуться во весь ростъ.

«А на Одаркѣ женюсь непремѣнно!.. А ей Богу женюсь! Славная дѣвка Одарка»!

Это были послѣднія мысли, высказанныя Омелькой вслухъ. Послѣ этого глаза его закрылись и онъ сладко заснулъ. А снилось ему, что бредихинскій управляющій нанялъ его къ себѣ табунщикомъ и платитъ ему сто рублей жалованья и сухари и каждый день по селедкѣ... И что онъ женился на Одаркѣ.

Digitized by Google

ДОМАШНІЙ СУДЪ.

(Изъ хроники южно-русскаго села).

Нѣтъ, никогда нельзя повѣрить тому, что разсказываютъ по деревнѣ. Можно повѣрить всему на свѣтѣ, хотябы то была самая явная небылица; ну, напримѣръ еслибъ сказали, будто большой колоколъ, что виситъ на самой вышкѣ Гусаковской колокольни (онъ правда вѣситъ всего 34½ пуда; на свѣтѣ бываютъ разумѣется колокола и побольше, но въ Гусаковкѣ большаго нѣтъ и никогда не бывало), да, такъ этотъ самый большой колоколъ преспокойно сошелъ себѣ съ колокольни, отправился въ кабакъ, потребовалъ себѣ штофъ водки и тутъ-же за столикомъ и роспилъ его, закусивши соленымъ огурцомъ. Это уже совсѣмъ невѣроятно, а все таки этому скорѣй можно повѣрить, чѣмъ тому, что разсказываютъ по деревнѣ.

Двадцать лѣтъ люди жили душа въ душу. Они и повѣнчались-то въ одинъ день. Покойный о. Аристархъ, когда уже былъ въ старости, частенько таки дѣлывалъ это для облегченія. Соберетъ пары двѣ, три, а то и четыре, да всѣхъ разомъ и обкрутитъ; такъ всѣхъ гуськомъ и обведетъ бывало вокругъ столика, когда дьякъ съ пономаремъ поютъ: «Исаіе, ликуй». Нарочно для этого выписалъ полдюжины паръ дешевенькихъ вѣнцовъ. Мужику вѣдь все одно, лишь бы вѣнчаться. Въ первой парѣ стоялъ Терен-

Digitized by Google

тій Здыбай съ своей краснощекой невѣстой Оленой, а въ задней—Андрей Кившенко съ Параской. И это о. Аристархъ не даромъ сдѣлалъ. Съ этого вѣнчанья такъ все уже и пошло у нихъ. Все вмѣстѣ. Первое дѣло: рядышкомъ выстроили они себѣ новыя хаты съ большими огородами. Въ поле-ли ѣхать—возъ Терентія тянется за возомъ Андрея; въ кабакъ-ли пойти—Андрей сидитъ рядомъ съ Терентіемъ, въ одно время они говѣютъ въ Великомъ посту, одинаково грозно нападаетъ на нихъ батюшка за то, что они не хотятъ говѣть въ другой разъ въ году—въ Петровъ постъ. Да чего лучше: каждый годъ они вмѣстѣ снимаютъ у помѣщика двѣнадцать десятинъ земли и тутъ уже все пополамъ: и рискъ, и работа, и зерно, и прибыль, и убытокъ. И чтобъ этакіе завзятые пріятели поссорились! Да имъ и ссориться-то не легко. Терентій напримѣръ любитъ выпить. Андрей, положимъ, тоже, нельзя сказать, чтобъ не любилъ,—кто-жь этого не любитъ? Но Терентій любитъ выпить основательно, такъ чтобъ, придя домой, непремѣнно расколотить стекло въ окнѣ, либо перевернуть казанъ съ борщемъ, либо даже замахнуться кулакомъ надъ головой Олены (замахнуться и только, — это надо замѣтить, потому что Олена не изъ такихъ женъ, которыя дадутъ себя въ обиду). И въ такихъ случаяхъ Терентій непремѣнно отправляется къ Андрею и начинаетъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, обличать своего пріятеля во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Такой уже нравъ у него. Тутъ оказывается, что преступнаго Андрея мать-сыра земля по какому-то странному недоразумѣнію держитъ на своей поверхности и не поглощаетъ его, потому что онъ—хитрый мошенникъ и воръ (надулъ его, Терентія, на житѣ прошлогоднемъ), коварный соблазнитель (не довольствуясь своей Параской лупоглазой, обольщаетъ Олену), и кромѣ того еще безбожникъ, потому что не хочетъ говѣть въ Петровъ постъ. Разумѣется мы только изъ деликатности употребляемъ такія мягкія выраженія; Терентій-же не любилъ деликатничать и выражался сильно и откровенно. Что-же дѣлалъ Андрей? Онъ сосредоточенно молчалъ и

Digitized by Google

продолжалъ чинить возъ или вострить косу, даже какъ будто ничего не слышалъ, только изрѣдка, когда Терентій отпускалъ какое-нибудь отмѣнное словцо, ухмылялся и шевелилъ усами. Когда-же Терентій уставалъ и у него истощался весь богатый запасъ обвиненій, Андрей спокойно произносилъ:

— Ну, теперь пойди выспись, Терешка!

И Терентій безпрекословно лавировалъ по направленію къ своей хатѣ. Ну, какъ тутъ было поссориться съ такимъ неуязвимымъ человѣкомъ, какъ Андрей? Молчитъ себѣ, хоть ты ему что. Другому — онъ пожалуй и не смолчалъ-бы, а Терентію... Андрей вѣдь знаетъ, что все это не отъ злобы. Нравъ ужь такой—вотъ и все. Ну, а у Андрея такой нравъ, что онъ не любитъ тратить слова попустому.

И вотъ—говорятъ-же, что они поссорились. Можетъ быть бабы между собой не поладили? Только опять же не было замѣчено, чтобъ у Олены съ Параской когда нибудь вышло что нибудь такое. Никогда! Гдѣ видно, чтобы двѣ почтенныя бабы, живя другъ у друга чуть не подъ носомъ и встрѣчаясь десять разъ въ день, чтобы двѣ такія почтенныя бабы жили мирно и ни разу ни вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы? Едва ли это гдѣ нибудь видано съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Случилось это только съ Параской и Оленой, которыя вотъ уже двадцать лѣтъ живутъ сосѣдями и ни разу еще не поссорились какъ слѣдуетъ. Ну, конечно бывали случаи... Нельзя же безъ этого! Бывало такъ, что Параска надуется и дня два не заглядываетъ къ Оленѣ; особенно, — это уже дѣлалось неизбѣжнымъ, — когда обѣ хозяйки одновременно пекли хлѣбъ и вдругъ оказывалось, что у Параски вышли какія то «перепечки», а у Олены выросли такіе хлѣбы, что хоть на выставку посылай. Случалось и такъ, что Олена «нацькуе» своихъ собакъ на Параскину свинью; но тутъ опять-таки причиной было благородное соревнованіе. Это допускалось въ томъ случаѣ, когда Олена замѣчала, что у Параскиной свиньи больше сала, чѣмъ у ея сверстницы, принадлежав-

Digitized by Google

шей Оленѣ. Но эти вспышки сами собой проходили. Въ первомъ случаѣ Олена посылала Параскѣ одинъ изъ удавшихся хлѣбовъ; во второмъ же дѣло кончалось совсѣмъ безобидно, потому что Параскины собаки, будучи хорошими пріятелями со всей домашней «худобой» Олены, очень скоро отставали отъ ударившейся въ бѣгство сосѣдки, не соблазняясь даже ея длинными лопастыми ушами.

Такимъ образомъ и съ этой стороны, казалось бы, не могло быть мѣста для ссоры. А между тѣмъ вся деревня въ одинъ голосъ утверждаетъ, что роковое событіе произошло, т. е., что Терентій и Андрей окончательно разругались и послѣдній даже заперъ на замокъ калитку, которая вела изъ одного двора въ другой. Всѣ говорятъ это. Да этого мало. Говорятъ еще не такія вещи. Разсказываютъ... будто Андрей и Терешка подали другъ на друга жалобы въ волостной судъ. Сначала Андрей подалъ на Терентія, а потомъ Терентій—на Андрея. Ну, ужь тутъ—развѣ только одинъ волостной писарь что-нибудь разберетъ, да и тотъ, если хорошенько вникнуть, едва-ли разберетъ что-нибудь. Двадцать лѣтъ! И вдругъ не только разругались, а еще съ жалобами! Надо думать, что батюшка въ первое же воскресеніе въ церкви скажетъ объ этомъ «слово». Надо думать также, что вмѣсто всякаго суда слѣдовало бы позвать въ церковь и Терешку, и Андрея и отслужить надъ ними молебствіе съ водосвятіемъ, и все это навожденіе само собою прошло бы, потому что, если разсудить, такъ тутъ только и есть что дѣло нечистаго. Ужь онъ конечно не зѣваетъ. Ему не сладко спалось эти двадцать лѣтъ, когда онъ видѣлъ, что люди живутъ между собою по-ангельски. Вотъ онъ и намутилъ.

II.

И какъ подумаешь, изъ-за какого пустяка началось все дѣло, такъ даже и вѣрить не хочется. Началось изъ-за поросенка.

Дѣло происходило въ Великомъ посту, за недѣлю до

Digitized by Google

пасхи. Это—самое горячее время для поросятъ, потому что въ это время ихъ колютъ. Поросенокъ, съ котораго началось дѣло, былъ уже довольно взрослый, такъ что, собственно говоря, онъ даже не былъ поросенокъ. Это былъ скорѣе всего «підсвинокъ», т. е. такая особа, которая не сегодня-завтра будетъ называться свиньей. Онъ принадлежалъ Андрею и былъ гордостью всей семьи Кившенковыхъ, потому что къ пасхѣ отъ него ожидалось изрядное количество сала. Но это никакъ не могло служить поводомъ для зависти со стороны Терентія и его семьи, потому что ихъ пасхальныя надежды олицетворялись точь-въ-точь въ такомъ же экземплярѣ. «Підсвинки» обоихъ семействъ провели вмѣстѣ и неразлучно всю свою молодость и были такъ же дружны, какъ ихъ хозяева. Особенно трогательно въ ихъ общей судьбѣ было то роковое обстоятельство, что они должны были пойти на закланіе въ одинъ и тотъ же день, а именно—въ чистый понедѣльникъ. Они получили приличное ихъ породѣ воспитаніе и ужь во всякомъ случаѣ за ними ухаживали съ бо́льшимъ стараніемъ, чѣмъ за всѣми малолѣтними членами обоихъ семействъ, такъ какъ эти «Здыбаята» и «Кившенята» росли на волѣ Божіей безъ всякаго вмѣшательства кого бы то ни было въ ихъ судьбу.

Въ вербное воскресенье молодые товарищи, отличавшіеся вообще веселымъ нравомъ, вдругъ сдѣлались мрачными. Надо думать, что причиной этого было смутное предчувствіе неминуемой гибели, которая должна была послѣдовать черезъ какихъ-нибудь двадцать часовъ.

Въ этотъ день, передъ заходомъ солнца, злосчастные товарищи угрюмо бродили по двору Терешки въ то самое время, когда Олена взяла въ руки бичъ и собралась идти на встрѣчу «чередѣ», гдѣ была ея корова. Взглядъ ея случайно остановился на підсвинкахъ, причемъ невольное сравненіе было не въ пользу того изъ нихъ, который былъ гордостью ея фамиліи. Куда-а? развѣ можно сравнивать? Вѣдь вотъ повезетъ же людямъ! Кажется, она не жалѣла ни помоевъ, ни мякины; всевозможные остатки зелени,

Digitized by Google

всякій мало-мальски испорченный арбузъ, огурецъ, разнообразные кухонные остатки, однимъ словомъ всякая гадость, какая только попадалась подъ руки, все это шло на ублаженіе его прожорливой утробы. И вотъ поди же! Параскинъ пидсвинокъ кажется на два мѣсяца старше, ну значитъ и сала дастъ больше фунтовъ на пятнадцать. А родились въ одинъ день и выросли вмѣстѣ на одномъ и томъ же вольномъ воздухѣ. Можно-ли, чтобъ послѣ этого въ хозяйскомъ сердцѣ Олены не завелся червячекъ зависти? Это ужь какъ-то само собой вышло и право— тутъ не было и слѣдовъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Двѣ огромныя собаки лежали тутъ же, сладко грѣясь лучами заходящаго солнца.

— Чужой! Чужой! Куси!—скомандовала Олена (безъ всякой впрочемъ злобы), указавъ на сосѣдскаго пидсвинка, и собаки помчались къ улепетывавшему сосѣду. По обыкновенію они скоро отстали и не причинили ему никакого вреда. Тутъ и особеннаго-то ничего не было, потому что это и прежде не разъ случалось. Но на бѣду это видѣлъ Митька, Параскинъ мальчуганъ лѣтъ восьми. Онъ поспѣшилъ разумѣется доложить мамкѣ о томъ посмѣяніи, которому подвергся предметъ гордости всей ихъ семьи. Параска конечно приняла это къ свѣдѣнію и тутъ же рѣшила въ своемъ сердцѣ отплатить тѣмъ же, т. е. натравить своихъ собакъ на сосѣдняго пидсвинка. Такимъ образомъ злосчастные предметы гордости обоихъ семействъ не могли провести спокойно даже послѣдніе два десятка часовъ своей жизни; но это было бы еще ничего, еслибъ на этомъ дѣло и кончилось. Вышло гораздо хуже. Неизвѣстно, почему Параскинъ пидсвинокъ къ вечеру совсѣмъ занемогъ, такъ что пришлось уложить его въ сараѣ, причемъ самымъ тщательнымъ образомъ была приготовлена ему постель изъ лучшей соломы, рядомъ поставлено питье и размѣшанная въ теплой водѣ мякина. Но больной отъ всего этого отворачивался и имѣлъ видъ существа, совсѣмъ разочарованнаго въ радостяхъ земного бытія. Какія обстоятельства довели его до такого мрачнаго взгляда на

Digitized by Google

вещи, это такъ и осталось неизвѣстнымъ. Что же касается предположеній, то изъ нихъ можно остановиться только на одномъ: въ послѣднее время его слишкомъ много кормили; по молодости онъ увлекся и хватилъ черезъ край. Результатъ самъ собою понятенъ. Ну, а тутъ еще зловѣщія предчувствія, породившія нервное разстройство и подозрительность. Понятно, что на этотъ разъ нападеніе со стороны Олениныхъ собакъ, несмотря на свою обычность, произвело на него сильное впечатлѣніе.

Одно только было ясно, что теперь нужно оставить всякія мечты о салѣ. Не заколоть же больное животное. Первое дѣло: за ночь онъ успѣетъ сильно похудѣть, а второе,—Богъ его знаетъ, что это за болѣзнь. Можетъ, такая, что его и ѣсть нельзя. Вотъ тутъ-то собственно и началось. Озлобленіе Параски достигло сразу безграничныхъ размѣровъ. Еще бы! Чье же это дѣло, какъ не сосѣдское? Митька видѣлъ собственными глазами, какъ Олена травила его собаками. Ну, а еслибъ она была добрая, зачѣмъ бы это ей понадобилось дѣлать? О, да и злая же баба эта Олена! Вотъ говорятъ, что когда хочешь узнать человѣка, то надо съѣсть съ нимъ три пуда соли. Ну, она, кажется, съ Оленой побольше съѣла, а вотъ не узнала же. Проклятая баба приглядѣлась, что у ея паршиваго пидсвинка сала столько же, сколько у стараго дворняшки—вовчка́, ей и стало завидно. А ужь ежели у кого въ сердцѣ загорится зависть, тотъ ни передъ чѣмъ не остановится! Есть такія словечки, которыя знаютъ добрые люди. Отъ этихъ словечекъ можетъ какая угодно болѣзнь приключиться. Такъ вотъ они двадцать-то лѣтъ мирной да ладной жизни! Когда объ этомъ событіи узналъ Андрей, его хозяйская душа возмутилась. Все, все можно было простить, только не это. Какъ!? Оставить ихъ безъ свинины въ самую Пасху? Ну, ужь это какъ хотите!.. Это не пососѣдски. Нечего и говорить, что когда вечеромъ Олениинъ пидсвинокъ пришелъ навѣстить больного товарища, его изгнали самымъ позорнымъ образомъ и при этомъ безжалостно отшибли ему кусокъ хвоста. Въ отвѣтъ на это

Digitized by Google

со стороны Здыбаевъ послѣдовало нападеніе на гусака, составлявшаго украшеніе птични Параски, потому что онъ былъ «гергалъ» и обладалъ длинной шеей и чубомъ на головѣ. Тутъ уже пошла настоящая война. Въ продолженіе страстной недѣли, когда порядочные христіане каются въ грѣхахъ, оба семейства старались сдѣлать какъ можно больше пакостей сосѣду и было не мало перебито ногъ и крыльевъ у домашней птицы и прочей «худобы». Тутъ конечно больше всего старались мальчишки, которыхъ было приблизительно по полдюжины въ обоихъ семействахъ. Предводителями были съ одной стороны Олена, съ другой—Параска. Ни Терентій, ни Андрей не принимали участія въ этой войнѣ, и не разъ каждый отдѣльно подумывали о примиреніи. Но у нихъ были жены, которыя не могли допустить такого посрамленія. Эти жены и имъ, и по селу разсказывали другъ про дружку страшныя вещи. Надо было удивляться, какъ такія образцовыя злодѣйки могли въ продолженіе двадцати лѣтъ обнаруживать нѣжныя и дружелюбныя чувства. Олена Здыбаивна? Вы знаете, что это такое? Если не знаете, то полюбуйтесь тѣмъ, что она дѣлаетъ по ночамъ, когда вся деревня спитъ. Вы думаете, кто это весь въ бѣломъ, какъ тѣнь, шмыгаетъ по мужицкимъ загонамъ и портитъ коровъ и накликаетъ всякую бѣду на птицъ, телятъ и свиней, а главное — свиней? Вы думаете, это — не Олена? Такъ знайте же, что это именно она и есть! Ужь вы Параскѣ повѣрьте, ужь она хорошо это знаетъ, потому что прожила въ сосѣдствѣ съ нею болѣе двадцати лѣтъ. Итакъ— вотъ что такое Олена! А если вамъ угодно знать, что такое Параска Кившенкова, то это не трудно. Стоитъ только обратиться къ Оленѣ. И вы узнаете, что Параска не что иное, какъ наглая воровка. Сколько птицы пропало у Олены за двадцать лѣтъ! Недавно исчезъ съ забора новый фартухъ, который она справила себѣ къ говѣнью; семь лѣтъ тому назадъ неизвѣстно куда дѣвались пять аршинъ толстаго холста, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого у Андрея появились новые холщевые шаровары! Вотъ это и есть настоящая Параска!

Digitized by Google

Въ чистый четвергъ около двухъ часовъ дня, произошло роковое событіе, которое дало окончательное направленіе этому дѣлу. Одинъ изъ потомковъ Здыбая, укрѣпившись на срединѣ деревенской улицы и ловко прицѣлясь, пустилъ изрядный камень по направленію къ хатѣ Андрея. Послышался трескъ и шибка въ окнѣ разлетѣлась въ дребезги. Это было верхомъ дерзости. Андрей—молчаливый и угрюмый, какъ могила, вышелъ изъ хаты и немедленно заперъ и привязалъ веревкой калитку, которая вела въ городъ Терентія. Такимъ образомъ былъ объявленъ формальный разрывъ. Въ этотъ годъ на страстной недѣлѣ не говѣли ни Андрей, ни Терентій. Это было невозможно, потому что тогда пришлось бы просить другъ у друга прощенія, чего не позволяла имъ фамильная честь, а еще больше того жены. Нечего и говорить, что на первый день праздника Здыбаи не христосовались съ Кившенками. Когда же къ вечеру этого дня Терентій, по христіанскому обычаю, здорово нарѣзался и направился къ Андрею съ цѣлью производить свои всегдашнія обличенія, то его остановило не что иное, какъ крѣпко запертая калитка. Тутъ онъ вспомнилъ, что они съ Андреемъ враги и, опустивъ голову, вернулся домой и весь вечеръ уже былъ мраченъ и золъ.

III.

Это было въ среду на свѣтлой недѣлѣ. Андрей, Параска и двое малолѣтнихъ Кившенятъ пришли въ сарай, гдѣ помѣщался больной пидсвинокъ, на долю котораго выпалъ неблагодарный удѣлъ—разрушить двадцатилѣтнюю дружбу двухъ семействъ. Онъ повидимому уже сталъ поправляться, потому что къ нему вернулся аппетитъ. Собственно говоря, онъ могъ бы уже прогуливаться, но ему хотѣлось понѣжиться и можетъ быть слегка пококетничать. Куда дѣвалось его сало?! Увы! Онъ походилъ на аскета, который постился цѣлый годъ сряду.

Digitized by Google

— О, проклятая вѣдьма! — съ глубокимъ вздохомъ промолвила Параска, сосчитавъ мысленно потерянныхъ около пуда сала. Андрей молчалъ.—Какъ?—продолжала Параска:—они тебѣ кабана свели ни на что, гусака искалѣчили, стекла побили, да еще распустили про насъ по селу всякую поганщину,—и ты это такъ имъ и спустишь? Какъ! ты не пойдешь въ судъ? Не потребуешь правды?.. О, такъ у тебя на плечахъ не голова, а казанъ, да еще пустой!..

Андрей упорно молчалъ. Вотъ уже три дня, какъ Параска не даетъ ему покоя съ этимъ судомъ. Но какъ это пойти и пожаловаться на Терешку, съ которымъ двадцать лѣтъ... Да повернется-ли у него языкъ? Но на этотъ разъ Параска рѣшила настоять на своемъ. Она долго говорила въ сараѣ, потомъ продолжала свою рѣчь на дворѣ, затѣмъ сопровождала Андрея въ хату, вышла съ нимъ на улицу и сѣла рядышкомъ на завалинкѣ и все говорила, говорила, ни на минуту не умолкая, пока наконецъ у Андрея не пошла кругомъ голова. Тогда онъ выругался, поправилъ шапку, плюнулъ и пошелъ въ волость къ писарю.

Нужно было видѣть, во что превратилось лицо гусаковскаго писаря, когда онъ узналъ, въ чемъ дѣло. И безъ того лицо у него было не Богъ знаетъ какое, а тутъ ужь совсѣмъ стало ни на что не похоже. На лицѣ этомъ, на которомъ вмѣсто волосъ расло что-то въ родѣ маленькихъ кустиковъ бурьяна, расположенныхъ безъ всякой симметріи, гдѣ попало,—командующую позицію занималъ носъ и, надо сознаться, очень странный носъ. Это былъ совершенно правильный, даже красивый носъ — прямой, тонкій, остроконечный, съ горбинкой,— но увеличенный, сравнительно съ носами обыкновенныхъ людей, приблизительно въ три раза; онъ производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго носа, разсматриваемаго подъ лупой. Прочіе лицевые органы гусаковскаго писаря: ротъ, глаза, лобъ, и подбородокъ—были напротивъ миніатюрны и совершенно стушевывались; вслѣдствіе этого, когда вы раз-

Digitized by Google

говаривали съ писаремъ и смотрѣли ему въ лицо, вамъ казалось, что вы разговариваете съ его носомъ; а когда гусаковскій писарь задумывался надъ какимъ-нибудь важнымъ вопросомъ, вы были совершенно увѣрены, что мыслительная работа происходитъ у него въ носу. А звали гусаковскаго писаря Назаромъ Назаровичемъ. Была у него и фамилія — Елпидифоровъ, но ни одинъ изъ гусаковскихъ обывателей, не исключая даже старшины, не былъ въ состояніи вымолвить эту фамилію даже до половины, а всѣ просто называли его Назаромъ Носатымъ. Самъ-же Елпидифоровъ, когда бывалъ выпивши (что считалось его нормальнымъ состояніемъ), именовалъ себя Назореемъ, по поводу чего пріятель его—дьякъ—обыкновенно ядовито замѣчалъ: «изъ Назарета можетъ-ли быть что добро»?

Назаръ Назаровичъ сидѣлъ на заваленкѣ у расправы, рядомъ съ нимъ помѣщались двое парней и баба весьма почтеннаго возраста. Вся компанія прилежно занималась щелканіемъ сѣмячекъ, и Андрей, поздоровавшись со всѣми, сѣлъ рядомъ и занялся тѣмъ-же дѣломъ, какъ будто именно затѣмъ и пришелъ. Баба разсказывала о какомъ-то новомъ способѣ красить пасхальныя яица такъ, чтобъ краска не сходила, и тема эта оказалась на столько животрепещущей, что ее хватило по крайней мѣрѣ на два часа общихъ разговоровъ. Андрей злился и мысленно проклиналъ бабу съ ея способомъ, но тѣмъ не менѣе добросовѣстно истреблялъ сѣмечки. Наконецъ тема была исчерпана и онъ уже надѣялся, что публика разойдется, оставивъ его наединѣ съ писаремъ.

— А какъ поживаетъ Терешка? Что это его нигдѣ не видно?—вдругъ обратилась къ нему баба, отлично, знавшая, что объ этомъ именно не слѣдовало спрашивать у Андрея.

— Мм... Да поживаетъ себѣ!..—какъ-то ужь очень невнятно произнесъ Андрей, но потомъ вспылилъ и прибавилъ очень внятно и сердито:—А я почемъ знаю? Что я, нянька у него, что-ли?

Digitized by Google

Получивъ такой каинскій отвѣтъ, баба больше уже не разспрашивала. Она встала, сильно встряхнула фартукъ, облѣпленный скорлупой отъ сѣмечекъ и, кивнувъ головой, ушла восвояси. Парни продолжали сидѣть безмолвно, но ихъ уже нечего было стѣсняться.

— Я къ тебѣ, Назаръ Назарычъ! По дѣлу!—сказалъ Андрей.

— Что за дѣло такое? Сказывай!—промолвилъ Елпидифоровъ, повернувъ носъ свой къ Андрею.

— Оно лучше-бы въ хатѣ!—Андрей покосился на парней, а носъ Назара Назарыча выразилъ сильное любопытство, значительно расширивъ свои ноздри.

— Эй, хлопцы!—обратился Елпидифоровъ къ парнямъ:—вамъ-бы уже и по домамъ пора!..—Ему совсѣмъ не хотѣлось бросать прохладный предвечерній воздухъ и идти въ свою душную хату. Хлопцы лѣниво поднялись съ своихъ мѣстъ и степенно зашагали къ кабаку.

— Что за дѣло такое? Сказывай!—повторилъ писарь.

— А дѣло такое, что принесъ я жалобу... Вотъ оно какое дѣло!..

— Жалобу? Да на кого же жалобу?..

— На Терешку Здыбая!..

Вотъ въ это самое время лицо писаря приняло видъ необычайный. Изумленіе, которое на немъ выразилось, было такихъ гигантскихъ размѣровъ, какъ будто въ лицѣ Елпидифорова разомъ изумилась вся Гусаковка. Глаза и ротъ раскрылись до послѣдней возможности, такъ что чуть было не лишили носъ его первенствующей роли. Самый-же носъ приподнялся и обратился къ небу, словно призывая его въ свидѣтели людского непостоянства, или каждое мгновеніе собираясь вспорхнуть и улетѣть въ вышину, подальше отъ земли, гдѣ совершаются такія изумительныя вещи.

— Ну, да! На Терешку Здыбая! — подтвердилъ Андрей.—Самъ посуди, Назаръ Назарычъ: всѣ знаютъ, какіе мы съ нимъ были благопріятели! Кажись, отъ него, кромѣ добра, мнѣ и ждать было нечего! А вотъ поди-же. Видалъ

Digitized by Google

ты у меня пидсвинка? Да какъ-же! Видалъ! Еще приставалъ тогда ко мнѣ: «подари, да подари»!.. Такъ вотъ этотъ самый пидсвинокъ... — Тутъ Андрей обстоятельно изложилъ все дѣло, причемъ строго придерживался способовъ выраженія Параски. Тутъ было упомянуто о катастрофѣ съ пидсвинкомъ и о великомъ днѣ безъ свинины, и о знаменитомъ гусакѣ и о разбитой шибкѣ, и наконецъ о позорящихъ его доброе имя слухахъ.

Когда Андрей наконецъ изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, лицо писаря приняло болѣе или менѣе добропорядочный видъ.

— Такъ ты значитъ съ жалобой? — спросилъ писарь, все еще не довѣряя своимъ ушамъ.

— Непремѣнно!.. Потому этакъ отъ него житья не будетъ. Самъ посуди: пидсвинка испортили, гусака искалѣчили, стекла разбили и по селу еще опорочиваютъ.

— Такъ, такъ! Это вѣрно, Андрей Семенычъ! Надо его присудить!—уже совсѣмъ просто и спокойно замѣтилъ Епидифоровъ. Но въ его маленькихъ глазкахъ безпокойно забѣгала какая-то мысль, которая повидимому только что блеснула въ его головѣ. — Только ты уже обычай знаешь?..

— Какой обычай, Назаръ Назарычъ?..

— Какъ какой?.. Извѣстно! Спрыснуть! Безъ этого невозможно!..

— Что-жь! Я того!.. Это можно! Отчего не спрыснуть! Это я готовъ!—отвѣчалъ Андрей, но по тону, какимъ онъ сказалъ это, можно было заключить, что это далеко не входило въ его разсчеты.

— И преотлично! Такъ мы сейчасъ и пойдемъ!..

— Куда?

— Тьфу! Еще спрашиваетъ, куда? Ужь не на кладбище-же люди ходятъ за этимъ! Въ кабакъ—извѣстно!.. Тамъ теперь всѣ судьи въ сборѣ, я знаю! ха! ха!

Андрей предобросовѣстно чесалъ свой затылокъ. Вотъ это ужь было совсѣмъ неожиданно! Писаря угостить, это еще—куда не шло. Но напоить весь судъ въ полномъ со-

Digitized by Google

ставѣ это уже не тѣмъ пахнетъ. Народъ все это здорово пьющій, не даромъ-же ихъ и въ судьи выбрали; тутъ квартой не отдѣлаешься. Ужь онъ пожалѣлъ было, что послушался Параски.

— Ну, что-жь такъ сидѣть-то? уже вонъ и солнце заходитъ!..—поощрялъ его Назаръ Назарычъ и, чтобъ подать добрый примѣръ, поднялся и сдѣлалъ примѣрный шагъ. Но Андрей еще хотѣлъ поторговаться.

— Да ты постой, Назаръ Назарычъ! Можетъ, не теперь...

— Э-э! Вотъ еще! Задумалъ судиться, а жалѣетъ полкварты водки поставить!.. Вставай, что-ли!..

— М-да! Полкварты! Какъ-же! Удовольнишь ихъ полквартой! — какъ-бы про себя промолвилъ Андрей, однако всталъ и послѣдовалъ за Назаромъ Назаровичемъ.

Вся деревня видѣла (потому что всѣ правоспособные обыватели Гусаковки праздновали Великъ день въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ кабака), да, вся деревня видѣла, какъ къ кабаку приближались двѣ фигуры. Одна была высокая и тонкая, какъ тополь, но тополь—пригнутый вѣтромъ, потому что гусаковскій писарь держалъ спину и голову въ весьма наклонномъ положеніи. Другая фигура была наоборотъ приземистая, широкоплечая и довольно угрюмая, потому что Андрей не чаялъ для себя ничего пріятнаго въ предстоящемъ угощеніи гусаковскаго судебнаго персонала. Онъ вымещалъ свое неудовольствіе на своихъ великолѣпныхъ усахъ, которые крутилъ и терзалъ неимовѣрно, и на затылкѣ, который отъ времени до времени почесывалъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто три года не былъ въ банѣ.

IV.

Если-бы вы вздумали войти въ кабакъ, какъ входятъ всѣ добропорядочные гусаковскіе обыватели, то увидѣли-бы того и другого и третьяго; можетъ быть здѣсь нашли-бы вы не мало занимательнаго, а особенно—услышали-бы

Digitized by Google

много поучительныхъ изрѣченій, которыя такъ и пропадаютъ на-вѣтеръ, никѣмъ не записанныя. Но вы никакъ не могли-бы увидѣть самаго главнаго: Для этого совсѣмъ не нужно входить въ кабакъ съ улицы, откуда входитъ всякій,—нужно пройти черезъ дворъ, имѣя такой видъ, какъ будто вамъ до кабака и дѣла нѣтъ, а вы хотите только сказать два слова шинкарю Никанору. Со двора вы откроете низенькую дверь, такую точно, какъ у всѣхъ мужичьихъ хатъ: тутъ будутъ сѣни съ земляннымъ поломъ и съ «кабыцей». Дальше вамъ уже не зачѣмъ идти, потому что въ сѣняхъ помѣщается вся компанія. Прежде всего вы конечно увидите носъ Елпидифорова, затѣмъ усы Андрея Кившенко, потомъ поочередно: лысину во всю голову съ сѣдоватыми волосиками на вискахъ и на затылкѣ, большую малиноваго цвѣта бородавку на переносьи между бровей и наконецъ—великолѣпную, густую совершенно сѣдую бороду. Эти три послѣдніе знака отличія принадлежали тремъ судьямъ, причемъ судья, обладавшій лысиной, сверхъ этого обладалъ еще слезливыми маленькими глазками, которые всегда казались заплаканными, да и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, плаксивымъ голосомъ, за что его всѣ называли бабой, тогда какъ въ сущности онъ прозывался Семеномъ Моргуномъ. Совсѣмъ иначе глядѣлъ судья съ малиновымъ украшеньемъ на переносьи. Это былъ хозяинъ изъ молодыхъ (лѣтъ тридцати), бравый, краснощекій, съ густымъ, вверхъ торчавшимъ чубомъ и высоко приподнятыми плечами. Этого никто не назвалъ-бы бабой, да и вообще никакъ не назвалъ-бы, развѣ что молодцомъ; прозывался онъ Мирошникъ Кузьма, потому что дѣдъ его первый построилъ въ Гусаковкѣ мельницу и нажилъ съ нея хорошій барышъ. Что касается судьи съ сѣдой бородой, то объ этомъ уже и говорить нечего—его всякій знаетъ и въ Гусаковкѣ, и на хуторахъ, и даже въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всякій еврей-торговецъ дружелюбно кивнетъ вамъ головой, если вы назовете ему Максима Дулю. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ и извѣстенъ онъ тѣмъ, что вѣчно пьетъ водку и никогда не бы-

Digitized by Google

ваетъ пьянъ, все равно какъ будто-бы онъ пилъ воду. Такъ уже какъ-то устроенъ онъ мудрено, что водка не беретъ его. А любитъ онъ ее здорово, и притомъ еще всегда умѣетъ такъ сдѣлать, чтобы пить ее на чужой счетъ. Ужь если Максимъ Дуля сидитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ въ уѣздномъ городѣ, то такъ и знайте, что онъ присосѣдился къ двумъ землякамъ, которые пьютъ могарычъ по случаю выгодной продажи или покупки пары быковъ, до которыхъ Максиму Дулѣ и дѣла-то нѣтъ никакого.

Вся эта компанія сидѣла полукругомъ на глиняномъ полу, поджавши подъ себя ноги почти потурецки. На полу же передъ ними стоялъ штофъ, пара стаканчиковъ и тарелка съ солеными огурцами, порѣзанными на ломтики. Въ то время, когда уровень жидкости въ штофѣ понизился до половины, Андрей подробно перечислилъ обиды, нанесенныя ему Терешкой. А Елпидифоровъ между тѣмъ старательно наполнялъ стаканчики и обносилъ компанію, сильно упрашивая выпить до дна, и вообще имѣлъ такой видъ, какъ будто это именно онъ, а не кто либо другой, угощаетъ добрыхъ людей.

— Э! Ну же! ну! Чтобъ порося поскорѣе встало, да чтобъ къ Рождеству оно выросло такое, какъ быкъ! Ну, Моргунъ! моргай, что ли!..—командовалъ Назаръ Назаровичъ. Моргунъ съ важностью принималъ рюмку, обращался ко всей компаніи со спичемъ, состоявшимъ изъ одного слова: «нехай же!» и съ достоинствомъ поглощалъ влагу. То же самое дѣлалось въ честь гусака, равно какъ и во имя поруганной чести Параски и всѣхъ прочихъ тяжебныхъ пунктовъ. Елпидифоровъ безпокойно посматривалъ на дверь, такъ какъ судъ былъ далеко еще не въ полномъ составѣ... «И куда ихъ чертъ занесъ?!» мысленно воскликалъ онъ: «день деньской въ кабакѣ толкутся, а тутъ вотъ какъ-разъ дѣло,—и поразбѣгались».

— Хе, хе-э! Вотъ они гдѣ!—раздался на порогѣ густой басъ гусаковскаго головы, Чубаренка, который, какъ должностное лицо, не позволялъ себѣ являться въ кабакъ иначе, какъ съ задняго хода,—зато послѣднее допускалъ

Digitized by Google

довольно часто. Это былъ почтенный, высокаго роста мужикъ, лѣтъ за сорокъ, съ смуглымъ, обросшимъ лицомъ, съ волосами, начесанными на лобъ и старательно уснащенными деревяннымъ масломъ. Онъ тотчасъ-же снялъ и швырнулъ въ уголъ надѣтую «на опашки» свитку и оказался въ пестромъ жилетѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и въ темно-полосатыхъ триковыхъ штанахъ вполнѣ нѣмецкаго покроя.

— Это что же у васъ тутъ? Могарычъ, что-ли? Потому гдѣ уже Дуля сидитъ, тамъ долженъ быть могарычъ!..

— А вотъ и не могарычъ! Не угадалъ, панъ голова! отвѣтилъ Назаръ Назаровичъ! А мы тутъ суждетъ имѣемъ!

— Объ комъ?

— Присаживайся да прислушивайся! Тутъ, панъ голова, такое дѣло, такое дѣло... что можно сказать въ родѣ—какъ бы послѣднія времена приходятъ! Звѣзды померкли!.. Ей Богу! Вотъ послушай!.. Эй, Никаноръ Федосѣичъ! какъ бы тамъ скамеечку для пана головы!..

Но панъ голова махнулъ рукой и усѣлся прямо на землю, какъ будто бы онъ былъ не панъ голова, а обыкновенный смерный. Однако Никаноръ Федосѣичъ на мгновеніе показалъ свои бѣгающіе глазки, свои бритыя синія щеки и оттопыренные усы, которые онъ носилъ и тщательно оберегалъ, чтобъ сколько нибудь походить на малоросса, что впрочемъ ему не удавалось, и всякій ясно узнавалъ въ немъ потомка Израилева.

Андрей обратился къ пану головѣ съ своимъ разсказомъ, а тѣмъ временемъ Епидифоровъ успѣлъ дважды обнести стаканчикъ и въ тотъ самый моментъ, когда разсказчикъ, у котораго уже покраснѣли уши и щеки и на лбу выступилъ потъ, дошелъ до описанія теперешняго положенія пидсвинка, дверь растворилась и въ сѣни ввалились разомъ три новыя личности. Двое изъ нихъ были судьи, а третій—сотскій съ бляхой на груди и огромной сучковатой палкой въ рукѣ, изъ чего нужно было заключить, что онъ находился при исполненіи своихъ обязанностей... «Вотъ тебѣ и полштофъ!» подумалъ Андрей и, взглянувъ

Digitized by Google

на посудину, убѣдился, что тамъ уже было пусто. А писарь, съ величайшей пріятностью расширилъ ноздри и втянулъ въ себя посредствомъ носа разомъ половину всего воздуха, наполнявшаго сѣни.

— Скомандовать еще штофъ! — полувопросительно обратился онъ къ Андрею и, не дожидаясь отвѣта, кликнулъ Никанора. Но не успѣли новоприбывшіе усѣсться, какъ въ сѣняхъ вьюномъ завертѣлась новая фигура, которая вошла какъ-то незамѣтно и неслышно. Фигура эта вызвала общій восторгъ, а носъ писаря до того обрадовался, что издалъ какой-то странный шипящій звукъ. Только Андрей совсѣмъ не проявилъ радостнаго чувства, а напротивъ даже видимо огорчился. «Вотъ тебѣ и полштофъ»! опять подумалъ онъ и еще выразительнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

— Ну, теперь уже прямо валяй четвертину! — радостно произнесъ Елпидифоровъ! — потому Левка самъ два штофа слопаетъ!..

Въ этомъ Андрей не сомнѣвался, поэтому и скорбѣла душа его. Левъ Адріанычъ Игрицынъ, занимавшій въ продолженіе четверти столѣтія почетную должность дьяка при гусаковскомъ храмѣ, во всемъ уѣздѣ славился своимъ искуствомъ пить. Въ былое время находились смѣльчаки, рѣшавшіеся пить съ нимъ объ закладъ, «кто кого перепьетъ». Но вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ никто на это не рѣшается. Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ по епархіи путешествовалъ архіерей и сдѣлалъ стоянку въ Гусаковкѣ. Вотъ тутъ-то чуть не произошло трагическое событіе. Отецъ протодіаконъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія и полагалъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не перепьетъ его. Левъ Игрицынъ дерзко предложилъ ему помѣриться. И что же! Въ одинъ вечеръ благородные конкурренты выпили чуть не цѣлое ведро, и Левъ Игрицынъ одержалъ побѣду. О. протодіаконъ туть же слегъ и возникло даже сомнѣніе въ томъ, что онъ когда нибудь встанетъ, такъ что пришлось докладывать архіерею. А Левъ только пошатывался и просилъ еще водки. Архі-

Digitized by Google

ерей очень гнѣвался и уже черезъ мѣсяцъ изъ своей резиденціи черезъ консисторію прислалъ указъ о. благочинному, въ которомъ прямо опредѣлялось «строго блюсти, дабы ни одинъ изъ ввѣренныхъ вашему смотрѣнію служителей церкви не смѣлъ напиваться взапуски съ дьякомъ Львомъ Игрицынымъ». Такимъ образомъ Левъ Игрицынъ самою епархіальною властью былъ признанъ непобѣдимымъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно плотенъ. Сѣрый шерстяной кафтанъ до пятъ казался бы еще приличнымъ, еслибъ на немъ чуть чуть пониже воротника не красовалось огромное лоснящееся сальное пятно, произведенное косичкой, которую Левъ Игрицынъ, имѣя свободный доступъ къ церковнымъ лампадамъ, обильно упитывалъ деревяннымъ масломъ. Сѣденькая бородка, клиномъ, была жидковата; глаза были красны и вѣчно болѣли, а Игрицынъ лечилъ ихъ, какъ и всѣ прочія болѣзни, водкой. Само собою разумѣется, что носъ Игрицына имѣлъ грушевидную форму и былъ цвѣта спѣлой малины. Пока дьякъ пробирался къ Елпидифорову, чтобъ непремѣнно сѣсть рядомъ съ нимъ, Никаноръ успѣлъ притащить четвертину, а Андрей—кинулъ на него такой взглядъ, какъ будто въ посудинѣ была не водка, а кровь его, Андрея.

Тутъ-то собственно и началось настоящее дѣло. Уже солнце давно зашло и рядомъ со штофами появилась горящая сальная свѣчка. Стаканчики съ неимовѣрной быстротой переходили изъ рукъ въ руки, осушались, наполнялись и вновь осушались. Новоприбывшіе совсѣмъ не интересовались знать, по какому поводу они пьютъ. Напрасно Андрей, крича изо всей мочи, старался то тому, то другому втолковать, что это онъ и есть виновникъ торжества. Никто его не слушалъ и разговоръ шелъ обо всемъ, только не объ этомъ. Между тѣмъ Андрей давно уже почувствовалъ, что перешелъ предѣлъ. Въ головѣ у него поднялась такая стукотня, точно тамъ происходила ярмарка. А стаканчики все продолжали путешествовать; Елпидифоровъ не уставалъ наполнять ихъ и упрашивать публику выпить, а публика еще того меньше уставала исполнять его жела-

Digitized by Google

ніе. По сосѣдству изъ кабака доносились стукъ, крикъ и руготня. Андрей уже ничего не видѣлъ, а только смутно слышалъ, какъ писарь потребовалъ еще штофъ, изъ чего заключилъ, что четвертину уже прикончили. Чувствовалъ онъ также, что кто-то (кажется, Дуля) хлопалъ его по плечу, любовно тащилъ его за чубъ и говорилъ: «Э, ничего! Мы тебя разсудимъ! Ужь мы тебя раз-с-судимъ!.. На то мы и судьи, чтобъ разсудить»!.. Мерещилось ему также, что какъ будто кто-то кого-то билъ, чуть-ли не Елпидифоровъ Игрицына за то, что послѣдній выразилъ сомнѣніе, чтобъ «изъ Назарета могло быть что нибудь добро». Показалось ему даже, что кто-то крикнулъ «караулъ», но тутъ уже все исчезло и больше ему ничего не казалось. Не помнитъ онъ и того, что двое судей, а именно—Дуля и Моргунъ, на собственныхъ плечахъ донесли его до дому и сдали на руки Параскѣ, и того, какъ Параска принялась кричать и ругаться, потому что никогда еще Андрей не возвращался въ такомъ ужасномъ видѣ.

V.

Не успѣли Здыбаи совершить четверговый «сниданокъ», какъ мирная тишина ихъ жилища была нарушена внезапнымъ появленіемъ кумы Явдохи Трепачихи. Уже одинъ видъ ея преисполнялъ сердце трепетомъ, а новости, которыя она сообщала, были ужасны. Видъ у нея былъ такой, какъ будто она хотѣла сообщить о пожарѣ или о томъ, что половина деревни провалилась сквозь землю. Объ этомъ говорили ея вытаращенные глаза, растрепавшіеся волосы и прерывистое дыханіе. Ну, и дѣйствительно же она сообщила ужасныя, а главное—неожиданныя вещи. Какъ? Андрей подалъ жалобу? Андрей? Послѣ того, какъ двадцать лѣтъ... Да нѣтъ, этому нельзя повѣрить. За что же наконецъ? Развѣ не его ребятишки отбили кусокъ хвоста у Терентіева пидсвинка? Развѣ не они перебили крылья у индюка, и отдавили ногу теленку? А про Олену что они такое распустили! Будто она по ночамъ коровъ

Digitized by Google

портитъ... Такъ скорѣе же ему, Терентію, слѣдовало жаловаться. Нѣтъ, Андрей хитеръ. Не даромъ онъ все больше молчитъ и на усъ мотаетъ. Вѣдь зналъ, что сдѣлать; побѣжалъ первый... Хитеръ, хитеръ!

Но кума Трепачиха далеко не все еще сказала. Осталось то самое главное; вся деревня уже это знаетъ, а именно: вчера въ кабакѣ у Никанора въ сѣняхъ вся судейская и волостная справа угощалась на Андреевы денежки. И ужь сколько тамъ было выпито, это только они знаютъ, а ей, кумѣ, извѣстно только, что самого Андрея принесли домой чуть не мертваго.

— Ге!—крикнулъ Терентій, и вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный!—такъ значитъ, онъ уже дѣло обдѣлалъ! По крайности не подурацки! Ей Богу! Хе!.. Хвалю, Андрей, хвалю!.. Ну, такъ и я-жъ не дуракъ!.. Постой-ка, Олена! Тамъ у насъ въ скрынѣ водится кой-что!.. Тащи-ка сюда!

Олена глядѣла на него вопросительно, не понимая, что онъ хочетъ дѣлать.

— Тащи, говорю! Чего баньки вылупила! Говорю—тащи! Ну, и...—Грозенъ былъ Терентій въ эту минуту и Олена, несмотря на свой самостоятельный нравъ, должна была подчиниться. Она достала изъ скрыни «кой-что» и молча подала Терентію. Это были рублевыя ассигнаціи, завернутыя въ холщовую тряпочку. Терентій засунулъ ихъ за голенище сапога.

— Посмотримъ еще, кто дуракъ!..—грозно промолвилъ онъ и, нахлобучивъ шапку на лобъ, вышелъ изъ хаты.

Нечего и говорить, что онъ отправился прямо къ нисарю. Епидифоровъ занималъ маленькую комнатку, отдѣленную отъ расправы сѣнями. Вся обстановка этой комнаты состояла изъ кровати, хромого стула и табурета. На столѣ валялись листы исписанной, а больше испачканной бумаги, разсыпанный мелкій табакъ, кусокъ чернаго хлѣба и половина соленаго огурца; на табуретѣ помѣщался мѣдный подсвѣчникъ съ сальнымъ огаркомъ, на стѣнѣ висѣла пиджачная «пара», единственная пара, которая была у

Digitized by Google

Елпидифорова, и которую онъ таскалъ во всѣхъ случаяхъ, какъ торжественныхъ, такъ и обыкновенныхъ. Наконецъ на кровати помѣщался самъ Елпидифоровъ, растянувшись во весь свой огромный ростъ и прикрывшись сильно-пообтертымъ байковымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго свирѣпо выглядывалъ извѣстный уже своими размѣрами носъ. Когда Терентій вошелъ въ хату, Назаръ Назарычъ уже не спалъ, но нельзя сказать, чтобъ онъ и бодрствовалъ. Ему никакъ не удавалось сполна раскрыть глаза, а о томъ, чтобъ поднять голову, которая казалась на этотъ разъ тяжелѣе гусаковскаго колокола, объ этомъ не могло быть и рѣчи. Появленіе Терентія однако заставило его сдѣлать усиліе и приподняться. Онъ сѣлъ, спустилъ ноги, прикрылъ свой невзрачный ночной костюмъ одѣяломъ и, старательно протирая глаза, сталъ соображать, гдѣ онъ, что было вчера, и почему передъ нимъ торчитъ остроконечная рыжая бородка Терентія. Наконецъ онъ все вспомнилъ и все сообразилъ.

— А! и ты пришелъ!..—болѣе или менѣе привѣтливо прохрипѣлъ Назаръ Назарычъ и тутъ только понялъ ясно, что необходимо откашляться.

— А то какъ-же? Онъ на меня съ жалобой, а я буду дома сидѣть да галушки лопать?.. Хе!—отвѣчалъ Терентій не совсѣмъ дружелюбнымъ тономъ.

— Такъ ты чего-же зѣваешь? А ты на него жалобу! А! И писарь приподнялъ свой носъ, словно прицѣливаясь выпалить изъ него бомбой прямо въ лицо Терентія.

— Я затѣмъ и пришелъ! Не бойсь, теленокъ-то чего нибудь стоитъ и нога задняя лѣвая тоже ему не лишняя! Да и пидсвинку съ половиной хвоста ходить словно-бы не пристало! А все это они продѣлали, жалобщики проклятые!..

— Обсудимъ, обсудимъ! Все обсудимъ!..—съ разстановкой и съ большимъ достоинствомъ произнесъ писарь и принялся напяливать штаны на свои длинныя, тонкія ноги.

— А что, Назаръ Назарычъ!..—нѣсколько запинаясь и значительно сбавивъ форсу, заговорилъ Терентій: — сколько вчера оставилъ Андрей у Никанора?..

Digitized by Google

— Гм!.. Это ты уже у него спроси!.. Я не считалъ! Да уже, я думаю, пошелъ домой безъ синенькой!..

— О го!—искренно ужаснулся Терентій.

— Чего «о-го»? Народу было за десятокъ, а глотки у всѣхъ что твой колодезь? Ха, ха! А славно наклюкались! Ей Богу!.. Теперь твоя очередь, Терешка! Потому, какъ мы одинаково судить васъ будемъ, такъ и вы должны одинаково... чтобъ не было соблазна, лицепріятія!..

«Толкуй себѣ!» подумалъ про себя Терентій: «знаемъ мы, какъ вы одинаково... Кто больше поставитъ, того и правда!»

— Да я что-жь! . Я готовъ!..—просто сказалъ онъ.

— Вотъ и ладно! А тутъ кстати опохмѣлиться надо!— радостно промолвилъ писарь, которому насилу удалось дрожащими руками повязать сѣрый шерстяной галстухъ.— Погоди минутку!..

Онъ живо выбѣжалъ на крыльцо и крикнулъ мальчугана Ѳедьку, который сидѣлъ въ расправѣ и былъ всегда къ услугамъ Елпидифорова.

— Слышь-ты? Сбѣгай сейчасъ къ пану головѣ, къ Дулѣ, къ Моргуну, къ... (тутъ писарь назвалъ еще нѣсколько фамилій), къ Мирошнику и къ Левкѣ! Скажи всѣмъ, чтобъ сейчасъ были въ кабакѣ! Живо!—Ѳедька помчался.— Потѣха, ей-Богу!.. промолвилъ себѣ подъ носъ Елпидифоровъ и вернулся въ хату. Странное дѣло! Когда они вошли во дворъ Никанора, то изъ сѣней имъ послышались знакомые голоса. Удивительно быстро Ѳедька исполнилъ писарево порученіе, а еще быстрѣе судьи явились на зовъ, какъ будто ихъ ожидало экстренное засѣданіе. Объясняется это единодушнымъ желаніемъ всего судебнаго персонала—опохмѣлиться. Не было еще только пана головы и Левки, но панъ голова, какъ самый сановный изъ всѣхъ деревенскихъ властей, имѣлъ привычку являться поздно, а Левка всегда умѣлъ наверстать потерянное время. Терентій только окинулъ взоромъ компанію и инстинктивно пощупалъ голенищу сапога, гдѣ уже плакали его ассигнаціи.

Digitized by Google

— Полведра!..—громко скомандовалъ онъ и этимъ сразу расположилъ въ свою пользу общественное мнѣніе. Елпидифоровъ только подмигивалъ Дулѣ и уже не хозяйничалъ, потому что Терентій очевидно зналъ порядокъ и не хотѣлъ мямлить, какъ Андрей.

— Азъ уснухъ и спахъ возстахъ! раздалось въ сѣняхъ и всякому ясно стало, что Левка пришелъ за своей порціей. Левка дѣйствительно пришелъ, но онъ жалобно объявилъ, что очи его «выну ко Господу»; это должно было означать, что у него болятъ глаза и дѣйствительно вѣки у него сильно припухли и были красны. Тѣмъ не менѣе онъ пробрался къ Елпидифорову и принялся добросовѣстно выполнять свое назначеніе. Явился и панъ-голова, но не одинъ, а съ церковнымъ старостой и еще какими то двумя мужиками, случайно попавшимися ему на дорогѣ и совсѣмъ уже не титулованными. Терентій при видѣ этихъ гостей широко раскрылъ глаза, но ничего не сказалъ, а принялся угощать ихъ.

Полведра! Да это что-же значитъ для дюжины такихъ молодцовъ, какими были гусаковскіе судьи и случайно подвернувшіеся эксперты? Полведра — это пустяшное дѣло. Въ нашихъ мѣстахъ пятеро бабъ ежели соберутся, чтобъ по душѣ поговорить между собой, съ мѣста не встанутъ, пока четвертину не прикончатъ. И ничего,—потому что нельзя-же считать серьезнымъ столкновеніемъ, если которая нибудь попріятельски вцѣпится въ косы своей подруги.

А потому нечего и говорить, что эта жалкая мѣра скоро была исчерпана до дна и нѣкоторые изъ членовъ трибунала, а въ особенности судья Дуля и дьякъ Левка, чувствовали себя такъ, какъ будто выпили только по стаканчику. Писарь первый замѣтилъ, что источникъ изсякаетъ. Поэтому онъ завелъ съ паномъ головой дипломатическій разговоръ.

— А правда, панъ голова, Терентій нашъ того... молодецъ... Ей-Богу—молодецъ! Андрей — больше штофиками, ха, ха! А Терешка того... полведеркой!.. Молодецъ!..

Digitized by Google

«Хитрая собака—этотъ писарь!» подумалъ Терентій: «Прямо не хочетъ сказать!.. А ну, Андрей, посмотримъ теперь, чья возьметъ!»

— Эй, Никаноръ! Никанорка! Тащи-ка еще полъ-ведра!—крикнулъ онъ появившемуся въ дверяхъ Никанору.

— Славно! Это чудесно! Расчудесно!—причмокивали отъ удовольствія присутствовавшіе и ужь съ этого момента, казалось, сердца ихъ совсѣмъ принадлежали Терентію. Вторая полведерка привела къ блестящимъ результатамъ. Многіе свалились, другіе держались ровно, но не могли управлять языками, которые вслѣдствіе этого болтали нѣчто неимовѣрное, нѣкоторые хотѣли драться, но не могли поднять рукъ; церковный староста плакалъ о своихъ тяжкихъ грѣхахъ, писарь спалъ сидя, только Дуля и Левка вполнѣ выдерживали борьбу и громко вызывали новаго бойца, т.-е. третью полведерку. Но Терентій настолько еще сохранилъ память и разсудокъ, чтобъ во-время уйти домой, забывши въ кабакѣ шапку. Правда ноги его описывали геометрическія фигуры весьма капризной формы, но онъ ясно сознавалъ, что побѣда—за нимъ и, проходя мимо хаты Андрея, снисходительно улыбнулся и прибавилъ: «дурень-же ты, Андрей, коли думалъ штофами удовольнить этихъ кабановъ заводскихъ»!

VI.

— Такъ вотъ оно какъ, Андрей Семенычъ!.. Завтра и судъ будетъ! Ужь разсудимъ, какъ слѣдуетъ... Это ты не безпокойся!..

Это говорилъ Максимъ Дуля. Они стояли посреди самой улицы, неподалеку отъ кабака и оба, обращенные лицами къ нему-же, такъ что повидимому имъ только и оставалось, что идти въ кабакъ. Однако они не шли. Андрей даже не глядѣлъ туда, а обратилъ свой взоръ къ кладбищу. Онъ теперь боялся заглянуть въ кабакъ. Эге! знаемъ мы васъ. Туда только попади! А тамъ (откуда они

Digitized by Google

берутся и какъ они чуютъ!?) сейчасъ такъ и облѣпятъ тебя и судьи, и не судьи.

— Такъ завтра, завтра, Андрей Семенычъ!—продолжалъ Дуля и въ его хитрыхъ многоопытныхъ глазкахъ появилось что-то очень коварное.—А на дняхъ мы здорово нализались!..—прибавилъ онъ невзначай.

— Кто?—равсѣянно спросилъ Андрей, потому что не удивиться-же ему, что напримѣръ Дуля нализался.

— Мы! Всѣ какъ есть! Весь судъ! Ну, и Левка тутъ былъ, ужь онъ всегда въ такой часъ поспѣетъ... И тытарь (ктиторъ—церковный староста), и еще мужики... А славно, я тебѣ скажу...

Это ужь показалось Андрею подозрительнымъ. Не на свой-же счетъ нализалась эта компанія.

— Кто-жь поставилъ?—спросилъ онъ.

— Терешка Здыбай!..

— Кто-о?

— Терешка Здыбай! Хе, хе! Да какъ поставилъ!? Сначала—сразу это: полведерку! А тамъ опять—другую!.. Ну, выходитъ — ведро! На-ка-ча-а-лись, я тебѣ скажу!

Андрея точно облило всего кипяткомъ. Такъ Терешка значитъ перехитрилъ его!? Ай да судьи! Нечего сказать. Тутъ значитъ прямо: кто больше? И денежки пропали, и болѣлъ-то онъ даромъ (послѣ судейскаго пьянства онъ пролежалъ цѣлый день на печкѣ) и съ Параской напрасно поругался (она пугала его даже тѣмъ, что возьметъ да и помирится съ Оленой, на зло ему, Андрею, чтобъ не пьянствовалъ до полусмерти), да мало-ли что еще!—А въ это время какъ-разъ и писарь подошелъ. Въ этотъ день носъ у него былъ отмѣнно красенъ.

— Объ чемъ?

Да вотъ равсказываю, какъ Терешка угостилъ!..—отвѣтилъ Дуля и при этомъ такъ выразительно подмигнулъ, что писарь сейчасъ-же налету схватилъ его идею.

— Ужь угостилъ! Ужь онъ, братъ, не штофиками, а полведерками!.. Онъ умѣетъ, умѣетъ!..

Digitized by Google

— Ахъ, вы—каналіи вы, расканаліи судейскіе!..— вдругъ неожиданно выпалилъ Андрей:—такъ вы теперь захотѣли, чтобъ я васъ ведрами угощалъ?.. А потомъ Терешку заставите бочками?... Такъ не дождетесь-же! Ни-ни! Плевать мнѣ на вашъ судъ, когда такъ!.. Вотъ что! Тьфу! Вотъ что!.. Не хочу судиться!

И Андрей быстро и не оглядываясь помчался къ своей хатѣ. Писарь и Дуля только переглянулись и ни мало не обидѣлись. Они правда пожалѣли, что больше угощенія не будетъ.

А Андрей размышлялъ. И что это онъ такое затѣялъ? Точно онъ не зналъ, что отъ этой шайки, которая только и знаетъ, что въ кабакѣ сидѣть, никакого добра ждать нельзя. Затѣялъ онъ недоброе. Судиться, и съ кѣмъ-же? Съ Терешкой Здыбаемъ, съ которымъ двадцать лѣтъ... Ахъ, Ты, Господи! Нѣтъ, это прямо бѣсъ попуталъ, а не бѣсъ, такъ баба—это вѣдь все равно, потому они между собой въ компаніи.

Тутъ Андрей остановился и поднялъ голову, чтобъ посмотрѣть, кто идетъ навстрѣчу. А вѣдь это Терешка! Должно быть къ судьямъ идетъ... Ха, ха!.. Развѣ заговорить? Да такъ все разомъ и прикончить, а тамъ пусть люди говорятъ, что хотятъ...

— Терешка!

Терентій вздрогнулъ, а увидѣвъ Андрея, какъ будто даже испугался.

— Сколько тогда оставилъ въ кабакѣ—продолжалъ повидимому безстрастно Андрей.

У Терентія было на языкѣ, т. е. онъ думалъ, что такъ, по обстоятельствамъ дѣла, слѣдуетъ сказать: «Я оставилъ, а не ты, ну, и проходи своей дорогой», но сказалъ вмѣсто этого:

— Карбованцевъ съ девять!..

Такъ ужь какъ-то вышло, что онъ иначе не могъ сказать, потому что сердце его въ сущности лежало къ Андрею.

Digitized by Google

— Ну, а я только три съ полтиной... Такъ кто-жь изъ насъ дурень?..

На это Терентій не отвѣтилъ.

— А сейчасъ еще требовали, а поставь я, съ тебя потребуютъ! Когда-жь оно кончится? И порося того не стоитъ. Да оно уже и бѣгаетъ себѣ сердечное, и не знаетъ, что ради него мужики подурѣли...

— А кто затѣялъ?!— не безъ укора спросилъ Терентій.

— Баба! Вотъ кто! Уже-жь мужикъ не выдумаетъ такого... Эхъ-эхъ-э-эхъ! Знаешь что, Терешка! Давай лучше похристосуемся! А? И плевать намъ на этотъ пьяный судъ!.. Ну?!

Это было уже немножко поздно для того, чтобъ христосоваться, потому что дѣло происходило въ субботу, на свѣтлой недѣлѣ. Но въ нашихъ мѣстахъ христосуются до самаго Вознесенья. Такъ ужь водится.

И Терентій съ Андреемъ похристосовались, а потомъ пошли туда, гдѣ всякое дѣло кончается, а именно—къ Никанору. Боже! Что за шумъ поднялся и притомъ—радостный шумъ, когда ихъ увидѣли, какъ они сидятъ вмѣстѣ за столикомъ и чекаются стаканчиками. Всѣ ликовали, потому что въ самомъ дѣлѣ всѣмъ было грустно и обидно, что такіе закадычные друзья-пріятели вдругъ поссорились да еще вздумали судиться. Еще-бы! Да помилуйте, во что же послѣ этого вѣрить и на что возлагать надежды?

Зато ужь и Терентій, и Андрей не жалѣли словъ, разсказывая свою судебную исторію, и на чемъ свѣтъ стоитъ ругая судей. Публика отъ души смѣялась. И замѣчательно, что никто такъ не смѣялся, какъ присутствовавшіе здѣсь писарь и Дуля, а когда «случайно» въ кабакъ забрелъ Левка, то этотъ ужь чуть не умеръ отъ смѣха.

Вечеромъ Кившенковы пошли въ гости къ Здыбаямъ, а на другой день Здыбаи отдали визитъ Кившенкамъ.

Digitized by Google

РАДИ ХОЗЯЙСТВА.

(Южно-деревенскій очеркъ).

Мысль эта возникла до такой степени внезапно, что самъ Ермолай, еслибъ ему за минуту передъ тѣмъ приписали подобную мысль, пожалъ бы плечами, а можетъ—плюнулъ бы.

Онъ стоялъ посреди своего пустыннаго двора. Лѣвой рукой обнималъ онъ конецъ обтесаннаго бревна, другой конецъ котораго упирался въ землю; правой же рукой, съ ловкостью мастера своего дѣла, старательно сверлилъ дыру въ бревнѣ. У самыхъ воротъ, свернувшись въ клубокъ, лежалъ его неизмѣнный товарищъ—Барбосъ. Барбосъ отличался отъ другихъ субъектовъ своей породы тѣмъ, что имѣлъ золотистую лохматую шерсть и предлинный, до самой земли, хвостъ, въ который вцѣпилось и даже какъ будто приросло неимовѣрное количество «рыпяховъ», вслѣдствіе чего хвостъ этотъ былъ почти такъ же толстъ, какъ и самъ Барбосъ, и при движеніи сильно затруднялъ своего хозяина.

Ермолай былъ плотникъ, и притомъ—единственный плотникъ въ цѣломъ хуторѣ Арнаутовскомъ. Имъ были починяемы всѣ хуторянскіе возы и повозки, изъ-подъ его искусной руки вышли всѣ наличныя арнаутовскія корыта, тачки, засѣки и прочія произведенія плот-

*

Digitized by Google

ницкаго цеха. И такъ какъ хуторяне были люди основательные и во всемъ любили порядокъ, то у Ермолая всегда было довольно работы.

День былъ зимній, но теплый. Южное солнце насильно пробилось сквозь бѣлыя снѣжныя облака, отразилось въ миніатюрныхъ крупинкахъ свѣжаго, еще падающаго снѣга и принялось за свою работу. Тотчасъ начали блекнуть бѣлыя праздничныя покрывала камышевыхъ крышъ, и мало-по-малу снѣгъ растаялъ и превратился въ жидкую грязь. Когда солнцу осталась всего только одна четвертая часть дневного пути на землѣ, на крышахъ и на деревьяхъ не было уже ни одной крупинки снѣга.

Въ это время Ермолай просверлилъ дыру въ бревнѣ и, желая провѣрить, хорошо-ли сдѣлана работа, пристально заглянулъ на самое дно дыры и тамъ нашелъ... Странное дѣло! тамъ нашелъ онъ свою знаменательную мысль. Это конечно была простая случайность, и мысль можетъ быть давно уже пряталась въ тайникѣ Ермолаевой души и пряталась такъ искусно, что даже самъ Ермолай не замѣчалъ ея. Въ настоящемъ же случаѣ она естественнымъ порядкомъ вытекала изъ предшествовавшихъ разсужденій.

А предшествовавшія разсужденія были такого рода: сосѣдъ Трифонъ слезно просилъ не задержать работу. Чертъ возьми, развѣ это когда-нибудь случалось, чтобъ Ермолай не выполнилъ въ срокъ своего обязательства?! Ермолай если скажетъ слово, то ужь непремѣнно сдѣлаетъ, а ежели нельзя, такъ прямо и скажетъ, что нельзя. Всякій хуторянинъ засвидѣтельствуетъ, что Ермолай—человѣкъ аккуратный. Отъ этого у него всегда руки заняты и изрядно ему перепадаетъ. Не деньгами, такъ хлѣбомъ, не хлѣбомъ, такъ снадобьями—все равно, для всякой вещи можно найти мѣсто; въ хозяйствѣ всякая бездѣлица пригодится. Это такъ; да дѣло въ томъ, что хозяйства-то Ермолаева что-то не видно. Куда жь все это дѣвается? Человѣкъ онъ не пьющій, т. е. не то, чтобъ

Digitized by Google

ужь совсѣмъ, а знаетъ, когда слѣдуетъ выпить и когда не слѣдуетъ, также и не мотъ, вообще человѣкъ степенный и разсудительный. И что-жь? При всей доходности его ремесла и при всѣхъ такихъ добродѣтеляхъ, дворъ у него—пустыня. Ни телушки, ни поросенка, ни курицы; въ хатѣ—столъ, лавка, кровать да два образа въ углу, а въ карманѣ двухъ десятковъ рублей не найдется. Отчего это? Лѣтъ десять назадъ у него было отличное хозяйство. Все было свое, не покупное, пріятно было взглядомъ окинуть. А теперь все какъ-то перевелось ни на что. Ясное дѣло: это произошло отъ того, что десять лѣтъ тому назадъ въ жизни его совершилось трагическое событіе. Его вѣрная Улита, съ которой онъ прожилъ въ мирѣ и согласіи больше двадцати лѣтъ, оставила сей бренный міръ и переселилась въ лучшій. Съ тѣхъ поръ у Ермолая все пошло какъ-то вкривь и вкось. Нужды онъ не терпитъ, это правда, да все-же какъ-то неловко чувствуетъ себя его хозяйская душа среди этой пустоты. Притомъ же онъ вѣчно одинъ съ глазу на глазъ съ своими инструментами, которыхъ развѣ только въ гробъ не возьметъ... Не съ кѣмъ радость и горе дѣлить, не съ кѣмъ поругаться. Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла Улита, у него какъ-то не бывало ни радости, ни горя. Жизнь проходила вяло, безцвѣтно, пусто. И въ сердцѣ у него было такъ же пусто, какъ въ хатѣ, на дворѣ и на току.

Улита умерла, не оставивъ ему дѣтей. О, это было жестоко съ ея стороны! Ну, будь у Ермолая дочка,—она теперь выросла бы, водила бы хозяйство, въ хатѣ раздавался бы ея молоденькій голосъ, она холила, ублажала бы стараго батька. И житье его совсѣмъ было бы другое. Еслибъ не дочка, а сынъ, и то было бы хорошо. Сына Ермолай женилъ бы, невѣстка заправляла бы всѣмъ домомъ, пошли бы внучата... Эхъ, славно, весело жилось бы тогда Ермолаю! Да, покойница Улита,—чтобъ ей хорошо жилось на томъ свѣтѣ,—лучше сдѣлала бы, еслибъ оставила Ермолаю сына или дочку, а еще лучше, еслибъ сама осталась на этомъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Постарѣлъ тоже Ермолай за эти десять лѣтъ. Куда?! Развѣ онъ такой былъ?! Посмотрите, что это у него такое на головѣ!? По краямъ висятъ какія-то бѣлыя пакли, а посрединѣ—огромная плѣшь. Усы у него бѣлые, а борода желтая. Бороду эту прежде онъ брилъ, а потомъ надоѣло,—бросилъ, и теперь она похожа на ту поляну, на которой вырубили лѣсъ и оставили сухіе пни. Лицо у него широкое, рябое, красное. Право еслибъ у него было зеркало, то должно быть онъ никогда не заглянулъ бы въ него. Что за охота видѣть себя такимъ нехорошимъ?! А главное—скучно, пусто, «сумно», некому сказать: «здравствуй», некого послать къ черту. Натура у него семейственная. Еслибъ у него была жена, дѣти, кажись, такъ бы вотъ день и ночь работалъ, себѣ ничего не взялъ бы, все для нихъ, пусть бы ѣли и пили, а ему было бы весело, страсть какъ весело. И вотъ такому-то человѣку остатокъ жизни приходится проводить въ кругломъ одиночествѣ и видѣть собственными глазами, какъ хозяйство, созданное могучей рукой покойницы Улиты, гибнетъ да ужь и давно погибло! Нѣтъ, право...

Въ это самое время Ермолай окончилъ сверлить дыру и заглянулъ въ нее. И только что онъ собрался подуть туда, чтобъ выдуть застрявшія тамъ стружки, какъ его поразила мысль.

— А кто же мнѣ помѣшаетъ жениться! воскликнулъ онъ, обращаясь къ воронѣ, сидѣвшей на трубѣ его хаты. Въ отвѣтъ на это ворона испуганно замахала крыльями и улетѣла прочь. Очевидно она и не думала мѣшать Ермолаю жениться. Но восклицаніе это испугало не одну ворону. Высказавъ свою мысль, Ермолай выпустилъ изъ рукъ бревно и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто собирался бѣжать отъ самого себя. Въ это же время онъ почувствовалъ, что спина его вспотѣла,—несомнѣнный признакъ крайняго волненія. Но бѣжать было некуда. Идея родилась на свѣтъ, необходимо было пеленать ее и вообще поступить съ нею, какъ поступаютъ съ новорожденными. Ермолай перекрестился и плюнулъ.

Digitized by Google

— Нечистая сила искушаетъ! пробормоталъ онъ. Онъ вспомнилъ о своихъ лѣтахъ, и въ головѣ его промелькнула какая-то неопредѣленная цифра. Объ этой цифрѣ можно сказать одно,—что она была большая, не то 50, не то 60, а можетъ быть что нибудь среднее. Когда нѣмецъ бралъ Севастополь (Ермолай былъ увѣренъ, что Севастополь бралъ именно нѣмецъ), Ермолаю было около тридцати лѣтъ, а сколько съ тѣхъ поръ прошло, у него не было досуга считать.

Несмотря однако на всю свою кажущуюся нелѣпость, мысль сильно засѣла въ головѣ Ермолая. По временамъ она какъ будто куда-то уходила, тогда Ермолай снисходительно улыбался и говорилъ: «экое придумалъ»! И въ это время ему казалось, что онъ просто подшутилъ надъ самимъ собой; а мысль, смотришь, опять возвращалась, и Ермолай незамѣтно для себя начиналъ фантазировать на эту тему.

Онъ видѣлъ, какъ постепенно преображалась его хата. Вмѣсто обтрепаннаго, десять лѣтъ не мазаннаго «комина» (печь), въ хатѣ его стоитъ бѣлая, статная красавица-печка съ разрисованными синькой карнизами, съ причудливыми изображеніями какихъ-то мудреныхъ невиданныхъ птицъ —все тѣмъ же матеріаломъ. И стоитъ эта печка не безъ дѣла, какъ это до сихъ поръ было, въ ней пылаетъ и пыхтитъ яркій огонекъ, а на томъ огонькѣ шипитъ борщъ въ огромномъ горшкѣ и «шкварчитъ» поросятина. Въ хатѣ тепло и уютно. Кровать устлана чистымъ рядномъ, обиліе подушекъ въ красныхъ наволочкахъ пріятно щекочетъ зрѣніе, въ углу появились новые образа, а передъ ними виситъ и каждый праздникъ зажигается лампадка, и въ хатѣ носится пріятный и располагающій къ благоговѣнію запахъ деревяннаго масла. Во дворѣ появился новый сарайчикъ, созданный руками самого Ермолая; въ этотъ сарайчикъ на ночь загоняется птица, и передъ умственными очами Ермолая съ гамомъ и крикомъ проходитъ цѣлая стая гусей, куръ, утокъ. На току стоитъ корова, а можетъ, если Богъ поможетъ, двѣ, либо три. Отъ нихъ такъ и не-

Digitized by Google

сетъ сочнымъ запахомъ свѣжаго молока. Кто-то идетъ съ доенкой, слышится легкій ударъ бича, отгоняющаго теленка отъ коровы. «Тпручки! Тпручки!» По праздникамъ сосѣди стали ходить къ нему въ гости, и онъ ходитъ къ сосѣдямъ. Ахъ, хорошо, хорошо! Все это было десять лѣтъ тому назадъ. Такъ неужели-же оно такъ и кануло къ вѣчность, не оставивъ никакихъ слѣдовъ? А слѣдовъ и не видно. Пусто, темно и «сумно», какъ въ далекой вышинѣ неба въ ненастную осеннюю ночь, когда не видно ни мѣсяца, ни звѣздъ, только ночной вѣтеръ насвистываетъ свои тягучія, зловѣщія пѣсни... Одинъ да одинъ, до гроба одинъ! Умрешь, похоронить некому. Да что?! Хорошо, что у Ермолая грудь желѣзная, что никакая болѣзнь не жаловала къ нему. А вдругъ,—чего не допусти, Боже, — онъ сляжетъ... что тогда? Да тогда прямо околѣвай съ голоду. Воды подать некому!

Да, по совѣсти говоря, ничего нѣтъ смѣшного въ томъ, что Ермолай вздумалъ жениться.

Но кто пойдетъ за него? Вотъ вопросъ, на который затруднился бы отвѣтить самый находчивый изъ хуторянъ. Конечно вдова какая нибудь, которой тоже надоѣло одиночество. Хуторянскія вдовы всѣ на перечетъ. Гапка Козульчиха — эта слишкомъ молода, ей всего лѣтъ тридцать, такого ли ей мужа надо? Притомъ про нее ходятъ разные слухи, будто она засиживается на вечерницахъ и послѣ вечерницъ еще долго, долго не приходитъ домой... Да и зачѣмъ ему молодая? Еще пожалуй корить будетъ, либо на виду у всѣхъ станетъ съ парнями волочиться и тѣмъ повторить его честное, незапятнанное имя. Вотъ Пампушка Ѳедосья—славная баба: хозяйственная, рабочая и про нее никакихъ слуховъ не ходитъ. Притомъ она ужь не такъ молода—лѣтъ за сорокъ, да вотъ бѣда—при ней восемь душъ дѣтей, вѣдь это будутъ *не его* дѣти, чужія, какъ они будутъ смотрѣть на него? Пойдутъ ссоры, раздоры... Нѣтъ, опасно. А она пошла бы, потому ей тяжело одной управляться съ этакой кучей. Обь Устѣ Савченковой и говорить нечего. Ей уже подъ шестьдесятъ, она уже

Digitized by Google

въ гробъ смотритъ, куда тутъ думать о замужествѣ? Кто-же? Не сватать же ему дѣвку, хотя бы и такую, которая засидѣлась!.. Первое дѣло — осмѣютъ, а второе — что-же онъ будетъ дѣлать съ нею?

Казалось, идеѣ суждено было умереть, но вдругъ Ермолай вспомнилъ... «А Оныська»! Какъ же онъ забылъ про Оныську, которая овдовѣла два года тому назадъ, осенью, когда была страшная гроза и мужа ея «убило громомъ»; ей всего-навсего лѣтъ сорокъ пять и у нея также какъ и у него нѣтъ дѣтей? Да вѣдь это именно то, что ему нужно. Право, можно подумать, что Оныська именно для него создана; такой хозяйки во всемъ хуторѣ нѣтъ, жаль только, что ей не съ чѣмъ хозяйничать. А главное— она навѣрное пойдетъ за него, потому что большая охотница выходить замужъ. Она была уже за двумя мужьями: первый былъ солдатъ — его убили на войнѣ, а второго убилъ громъ. Вотъ это только нехорошо, что мужья ея оба умерли «не своей смертью». Можетъ быть у нея уже судьба такая, такъ тогда и Ермолай... Э, да что?! Все одно— судьбы не объѣдешь.

И такъ — Оныська. Она завладѣла всѣми помышленіями Ермолая. Онъ бросилъ работу и въ этотъ день уже ни за что не могъ приняться.

II.

Слѣдующій день совсѣмъ не походилъ на зимній. Съ утра небо было чисто, и по немъ, какъ весною, плыло яркое, веселое солнце. Ермолай рано вышелъ изъ хаты. Всю ночь онъ провалялся на твердой кровати, безуспѣшно пытаясь заснуть. Голова его совсѣмъ не привыкла къ такому напору мыслей, какой пришлось ей выдержать въ эту ночь. Мысли эти не были ни сомнѣніями, ни колебаніями; вопросъ былъ рѣшенъ уже безповоротно; приходилось обдумывать, какъ все устроить.

Позабывъ умыться и даже помолившись наскоро (чего въ другое время онъ не позволилъ бы себѣ, такъ какъ

Digitized by Google

боялся Бога). Ермолай вышелъ изъ воротъ и побрелъ мимо хуторянскихъ хатъ. Хуторъ уже просыпался. Хозяйки возились съ птицей, телятами, доили коровъ, носили воду на плечахъ, хозяева собирались въ плавни — жать камышъ.

Первымъ встрѣтился ему сосѣдъ Трифонъ. Ермолай поспѣшилъ отвѣсить ему поклонъ и поскорѣе пройти мимо. Обѣщанная работа не была готова, и это была чуть ли не первая неисправность въ плотницкой практикѣ Ермолая.

Неподалеку отъ озера, окруженнаго стѣной пожелтѣвшаго камыша, послѣдней въ ряду, стояла приземистая землянка Оныськи. Тутъ-то Ермолай остановился и сталъ смотрѣть, что дѣлается во дворѣ, прилегающемъ къ землянкѣ. Оныська, какъ настоящая хозяйка, проснулась рано и возилась съ своей коровой, составлявшей, если не считать двухъ паръ куръ и пѣтуха, все ея наличное достояніе. Посреди двора стояла корова, ростомъ съ добраго теленка, съ огромными черными пятнами на грязно-бѣломъ фонѣ спины. Она наклонила морду къ лохани, изъ которой основательно и безстрастно поглощала помои. Передъ ней съ доенкой въ рукѣ стояла и терпѣливо ждала Оныська. Ермолай нашелъ, что это очень удобный моментъ для того, чтобы постоять въ приличномъ отдаленіи и еще разъ сначала обсудить свое *дѣло*.

Оныська была особа небольшаго роста, сухощавая, плоскогрудая и лишенная всякихъ признаковъ граціи, свойственной ея полу. У нея было маленькое лицо съ маленькимъ носикомъ; въ зубахъ повидимому ощущался большой недочетъ, такъ какъ щеки ея представляли значительныя впадины и ротъ отошелъ на задній планъ; вслѣдствіе этого носъ, несмотря на свой незначительный объемъ, игралъ на лицѣ ея первенствующую роль, и съ нимъ только отчасти соперничалъ подбородокъ, слегка устремленный кверху. Оныська всегда держалась въ полуоборота, потому что смотрѣла только однимъ глазомъ. Это происходило оттого, что другого глаза у нея совсѣмъ не было, и никто, не исключая самой Оныськи, не могъ бы сказать, когда она его потеряла. Голова ея была повязана

Digitized by Google

большимъ шерстянымъ платкомъ, который во времена своей и Оныськиной молодости былъ цвѣта вороньяго крыла, а теперь отъ времени и дождей пріобрѣлъ цвѣтъ тѣхъ помоевъ, которыми насыщалась корова. Такъ какъ день былъ теплый, то Оныська была безъ свитки, въ одномъ платкѣ съ красными крапинками на синемъ фонѣ и съ сильно обтрепаннымъ подоломъ.

Таковъ былъ внѣшній видъ прелестницы, овладѣвшей помыслами Ермолая.

Корова благополучно докончила завтракъ и своимъ широкимъ языкомъ вылизала дно лохани. Затѣмъ она повернула морду и пошла по направленію къ току, за нею побрела и Оныська. Ермолай подумалъ, что пора и ему присоединиться къ этой компаніи, и сдѣлалъ было шагъ впередъ, но вмѣсто того, чтобъ продолжать путь, остановился и сердито плюнулъ.

— Нелегкая несетъ тебя! промолвилъ онъ себѣ подъ носъ. Нелегкая несла именно Марью Кандыбенкову, которая, пораньше управившись съ своей худобой и проводивъ «чоловика» въ плавни, стремилась къ Онискѣ съ единственною цѣлью—посплетничать. Марья Кандыбенкова была представительницей типа деревенскихъ бабъ, единственную заботу которыхъ повидимому составляютъ—безпрерывное размноженіе человѣческаго рода. Ни время, ни обстоятельства, никакія невзгоды, казалось, не оставляли на ней никакихъ слѣдовъ; она всегда выглядѣла бодрой, здоровой и веселой, цѣлый день работала, сплетничала и ругалась—одновременно, вездѣ и всюду поспѣвала во-время. Но это не мѣшало ей имѣть огромную кучу дѣтей и вѣчно ходить съ большимъ животомъ, сулящимъ новое приращеніе семейства.

— Будь здоровъ, дядя Ермолай! обратилась она къ Ермолаю.

«Проклятая баба имѣетъ зоркія очи» подумалъ Ермолай. Но разъ уже его замѣтили, дѣлать было нечего, приходилось отвѣчать.

— Здорова будь и ты, Марика! промолвилъ Ермолай

Digitized by Google

довольно сурово и, чтобъ искупить свой несовсѣмъ дружелюбный тонъ, прибавилъ:—Давно я уже не видѣлъ тебя, Марика! А что подѣлываетъ Каленикъ?

— Эге! еще солнце не всходило, какъ я уже отправила Каленика въ плавни! А у тебя праздникъ что-ли, дядя Ермолай? Ты что-же сегодня гуляешь?

Ермолаю показалось, что вопросъ былъ заданъ не безъ лукавства. «Кажись, она, собачья дочь, догадывается, зачѣмъ я пришелъ»! подумалъ онъ:—«вѣдь вотъ нюхъ у этого народа, у бабъ»!

— Нѣтъ! Какой-же сегодня праздникъ? отвѣчалъ онъ:—такъ... Дѣло есть до Оныськи!..

Въ это время Оныська услышала разговоръ и издали обратила къ улицѣ свое единственное око. Это былъ взглядъ удивленія. Какое такое дѣло можетъ быть до нея у плотника? Ермолай жилъ на другомъ концѣ хутора, Оныська не дѣлала ему никакихъ заказовъ, потому что довольствовалась старой утварью, оставшейся отъ второго мужа. Вообще съ Ермолаемъ она не водила никакихъ дѣлъ и онъ даже мало былъ ей извѣстенъ, а тутъ вдругъ—дѣло.

Ермолай и Марика прошли на токъ.

— Помогай Богъ! не безъ смущенія промолвилъ Ермолай, обращаясь къ хозяйкѣ. Въ это время онъ усиленно придумывалъ какое-нибудь дѣло, которое могло-бы имѣть отношеніе къ его ремеслу.

— Спасибо! А что-бы это такое принесло тебя, дядько? спросила Оныська. Она уже присѣла на корточки и принялась доить корову.

— Принесло?.. Гм... Да какъ тебѣ сказать?! Дѣло пустячное... А мнѣ, по моему занятію, сама знаешь... Всякій пустякъ ежели оно... деревянное!.. Главное, чтобъ крѣпость была!..

Говоря это, Ермолай еще не придумалъ законнаго повода для своего посѣщенія. Глаза его устремились на самый край тока, гдѣ, склонившись на бокъ, почивалъ старый возъ, сломавшійся еще при покойномъ мужѣ Оныськи и съ тѣхъ поръ остававшійся безъ всякаго употребленія.

Digitized by Google

По вечерамъ на немъ устраивали себѣ «сидало» двѣ пары куръ съ пѣтухомъ во главѣ. Этотъ-то возъ и вывезъ Ермолая.

— Проходилъ я разъ мимо твоего тока, продолжалъ Ермолай, уже безъ всякаго замѣшательства,—вижу, возъ валяется... Возъ-то мнѣ знакомый, потому я самъ дѣлалъ его; покойный мужъ твой заплатилъ мнѣ за него двадцать-пять карбованцевъ и мѣшокъ проса .. Вотъ я и подумалъ себѣ: зачѣмъ, думаю, Оныське этотъ возъ? Стоитъ онъ безъ дѣла, даромъ мѣсто занимаетъ. Совсѣмъ онъ ей лишній. А мнѣ въ моемъ дѣлѣ всякій пустякъ... Дерева то въ немъ пропасть! Такъ ты не продашь-ли?

— Отчего-же не продать?! отвѣтила Оныська. Такая сдѣлка была-бы для нея очень выгодна.—Можно и продать. Оно мнѣ ни къ чему не надобно!

— Такъ вотъ я за этимъ и пришелъ! промолвилъ Ермолай и съ видомъ побѣдителя взглянулъ на Марику, а въ душѣ при этомъ подумалъ: «Ну, что взяла, хитрая баба? Думала, такъ вотъ передъ тобой все и выложу?! Какъ-бы не такъ! Не бойсь, не на дурака наскочила»!

Но Марика не поняла этого взгляда и въ простотѣ сердечной принялась бойко повѣствовать о томъ, что въ эту роковую ночь неблаговоспитанныя свиньи сосѣда Терешки совершили относительно ея крайнее невѣжество, именно—забрались къ ней на токъ, разрушили заборъ и проникли даже въ сѣни. Разсказъ былъ довольно длиненъ и изобиловалъ мѣткими и сильными выраженіями, которыя адресовались къ сосѣду Терешкѣ, его женѣ, дѣтямъ и всѣмъ сродникамъ, какъ живымъ такъ и мертвымъ, какъ будтобы они, а не свиньи, совершили означенныя преступленія. Закончивъ свой разсказъ и получивъ удовлетвореніе въ сочувствіи Оныськи, Марика вспомнила, что у нея топится печь и ушла домой.

— А какая твоя цѣна будетъ? спросила Оныська у Ермолая, который усѣлся на опрокинутомъ вверхъ дномъ корытѣ и устремилъ взоры вдаль.

— Цѣна?.. растерянно переспросилъ Ермолай. — А,

Digitized by Google

да! Насчетъ воза!—Онъ совсѣмъ позабылъ о цѣнѣ и о возѣ; мысли его вращались на другомъ предметѣ. Наступила критическая минута. Онъ уже подумывалъ, не купить-ли ему въ самомъ дѣлѣ возъ и не отправиться-ли съ нимъ домой, оставивъ въ глубинѣ своего сердца и никому не показавъ свою затѣю. Почемъ знать, какъ думаетъ объ этомъ Оныська? Можетъ быть она уже рѣшила доживать свой вѣкъ въ одиночествѣ? И потомъ, послѣ неудачи, еще разболтаетъ по хутору, и всякій будетъ указывать на него пальцемъ, вотъ дескать старый грѣховодникъ на старости лѣтъ вздумавшій жениться! Вотъ дядя Ермолай, которому Оныська «поднесла гарбузъ»! Э, да что это онъ струсилъ, точно малый ребенокъ?! Развѣ онъ не хозяинъ собственныхъ поступковъ? Вотъ еще—чѣмъ вздумалъ пугать себя! Что будутъ показывать пальцами! Да дьяволъ ихъ возьми, пусть показываютъ хоть цѣлой пятерней! Ермолай знаетъ, что дѣлаетъ.

— Я, Оныська, не за тѣмъ къ тебѣ пришелъ! началъ онъ съ твердостью человѣка, безповоротно порѣшившаго важный вопросъ.—Это я при Марикѣ не хотѣлъ говорить, потому дѣло особенное, а у нея, у Марики, языкъ... сама знаешь, какой!.. А дѣло у меня вотъ оно какое.

Тутъ онъ на минуту остановился и подумалъ, какъ-бы получше начать, чтобъ не наболтать много словъ, а поскорѣе изъяснить самую суть дѣла.

— Видишь, Оныська, ты вотъ все одна бьешься надъ хозяйствомъ, а толку выходитъ немного... Прежде вонъ у тебя было двѣ коровы, а теперь одна: прежде, помню, и пара свиней водилась, и гусей десятка два, и бычковъ пара... при покойникѣ-то!.. А теперь все это перевелось. И хата твоя уже набокъ смотритъ. Да и во всемъ нѣтъ уже того порядка. А сама ты бьешся день-деньской... И все одна да одна!.. А я вотъ тоже такъ, какъ и ты,—одинъ маюсь на свѣтѣ. Хозяйство мое падаетъ... Работаю какъ волъ, а толку никакого!.. Да и скучно! Иной разъ такая тоска возьметъ, что хоть топись!..

— Что это ты, дядя Ермолай, такое заунывное затянулъ? со вздохомъ перебила его Оныська.

Digitized by Google

— Да такъ оно выходитъ, Оныська! И пришло мнѣ въ голову: ты одна и я одинъ. Что, ежели-бы намъ да въ едино?..

Поставивъ такой вопросъ, Ермолай смотрѣлъ на Оныську, ожидая отвѣта. Но Оныська не поняла, въ чемъ дѣло.

— Какъ въ едино?

— Да такъ значитъ въ едино! Чтобъ намъ съ тобой обвѣнчаться... Вотъ!..

— Охъ ты, Господи! Намъ съ тобой обвѣнчаться? Да что это ты, Ермолай? Намъ пора думать, какъ-бы грѣшную душу спасти, а ты—вѣнчаться?

— Вотъ вмѣстѣ и будемъ думать!..

— Такъ вѣдь я и то уже за двумя была!.. Да что это ты, Богъ съ тобою, искушать пришелъ!?

— Э, чего тутъ искушать? Развѣ я бѣсъ, чтобы искушать? Я дѣло говорю. Ты посуди: я человѣкъ работящій, это тебѣ всякій хуторянинъ скажетъ, доходовъ у меня на пятерыхъ хватитъ. Мужики даютъ мнѣ и пшеницу, и жито, и просо, и деньгами,—всяко. Хата у меня свѣтлая и просторная; и сараи есть, а худобу достанемъ, въ одинъ день достанемъ; и всякая птица, и всякая всячина заведется у насъ, и будешь ты ходить у меня, какъ барыня; все свое, ни за чѣмъ не надо къ людямъ ходить!.. А на случай, ежели болѣзнь какая,—у тебя мужъ есть, ты не одна. Такъ ты сравни—одной-ли, или вдвоемъ!.. А?..

Въ эту минуту Ермолай дѣйствительно являлся искусителемъ. Еще бы! Онъ говорилъ Оныськѣ такія нѣжныя слова: «Все свое: и пшеница, и жито, и просо, и птица, и худоба! Хата свѣтлая и просторная! Ни за чѣмъ не надо къ людямъ ходить!.. А въ болѣзни—есть мужъ, не одна»! Да это именно тѣ слова, которыми опредѣлялся ея идеалъ, тотъ идеалъ, изъ-за котораго она два раза выходила замужъ и оба раза неудачно. Какъ устоять противъ такихъ обольстительныхъ рѣчей? Перестать маяться, зажить спокойно, въ довольствѣ—вотъ что сулилъ ей Ермолай, и за нимъ все это было-бы, потому онъ му-

Digitized by Google

жикъ дѣльный, кто-же этого не знаетъ! И Оныська замечталась подъ вліяніемъ этихъ чарующихъ рѣчей.

— Ну? спросилъ Ермолай.

— Охъ! встрепенулась Оныська,—чудно какъ-то!.. И что это ты вздумалъ, Ермолай! жилъ, жилъ человѣкъ одинъ, а тутъ вдругъ—и-на-тебѣ!...

— Жилъ, жилъ, а тутъ — надоѣло!.. подхватилъ Ермолай.—Да ты сама посуди. Когда человѣкъ одинъ... Одинъ въ хатѣ, одинъ на дворѣ, одинъ на току, вездѣ одинъ... И никого у него нѣтъ... Что тутъ склеится? Вотъ у тебя тоже. Изъ силъ ты выбиваешься, а ничего у тебя нѣтъ. А то: и коровокъ заведемъ штуки три, и гусей, и куръ, и индюшечка будетъ... И пахать начнемъ, одно слово—полное хозяйство... По крайности видно, что живешь; а то—такъ что-то волочится по свѣту, мрѣетъ, мрѣетъ, а потомъ, смотришь, куда то дѣвалось... Закопали въ землю!.. Да и закопать то некому!..

Ахъ! Опять эти рѣчи! «И пахать начнемъ»! Господи! Оныська чувствуетъ, что руки у нея такъ и чешутся, такъ-бы вотъ взяла грабли и громадила-бы, вязала-бы снопы... Два года уже ничего этого не было. Оно-то было, да на чужемъ полѣ, въ чужую засѣку!.. А тутъ—свое хозяйство!

— Ахъ, хорошо это ты говоришь, Ермолай! Хорошо!.. Да... страшно!—вырвалось у нея изъ груди.

— Э, что ты, Оныська, словно тебѣ шестнадцать лѣтъ! Экъ! Два раза была замужемъ, а въ третій боится!.. Говорю-же тебѣ, что хорошо будетъ! Ты вникни: теперь у тебя...

И Ермолай опять принялся перечислять преимущества «тогда» передъ «теперь». Оныська истомилась, слушая его.

— Ты лучше приходи завтра утречкомъ! попросила она,—а я поразмыслю. Этакое дѣло—нельзя вдругъ!..

— Ну, ладно! согласился Ермолай.—Только ты думай про себя!..

Онъ уже почти былъ увѣренъ, что Оныська согла-

Digitized by Google

сится. Въ этотъ день онъ былъ спокоенъ. Вернувшись домой, онъ немедленно принялся за работу и скоро отнесъ сосѣду Трифону его заказъ. А исполнивъ этотъ священный долгъ,—завалился спать.

III.

Оныська принялась «думать про себя». Она долго оставалась въ той позѣ, въ которой оставилъ ее Ермолай. Передъ ней стояла доенка съ молокомъ; корова уже не разъ обращала свою морду назадъ и кидала на Оныську недоумѣвающіе взгляды. Она не понимала, зачѣмъ заставляютъ ее безъ всякой надобности стоять на мѣстѣ, тогда какъ можно было-бы употребить время не безъ пользы, т. е. съѣсть охапку — другую сѣна. Оныська только тогда очнулась, когда у нея заболѣли согнутыя колѣни. Однако-жь и послѣ этого—рѣшеніе вопроса не подвинулось ни на одинъ шагъ. Оныська совсѣмъ не умѣла «думать» про себя и чувствовала непреодолимую потребность нарушить завѣтъ Ермолая и изъяснить дѣло Марикѣ. Марика—баба толковая, вотъ онѣ вмѣстѣ и разсудятъ.

Оставивъ корову на произволъ судьбы, Оныська зашла въ хату и поставила на лавку доенку съ молокомъ. Дѣло было спѣшное, нечего было и думать о томъ, чтобы по обыкновенію перелить молоко въ кувшинъ и вынести его въ чуланъ. Въ то время, какъ Оныська направилась къ двери, чтобъ идти къ сосѣдкѣ, дверь отворилась и въ хату вошла Марика. Она обревизовала свою печку, нашла все въ порядкѣ и пришла сообщить нѣкоторые дополнительные факты къ ночному событію.

— Знаешь, Оныська, я еще забыла тебѣ разсказать!. Въ сѣняхъ у меня стояла кадушка съ квасомъ!.. начала Марика.

— Постой, постой, Марика! Тутъ не до квасу!.. остановила ее Оныська;—присядь на лавку, моя голубушка! Я разскажу тебѣ такое, что ты и про квасъ, и про свиней забудешь!..

Digitized by Google

Марика взглянула на нее вопросительно, но болѣе уже не издала ни одного звука. Сердце ея трепетно забилось. Она уже вся была во власти той удивительной новости, которую сейчасъ ей разскажутъ. Она покорно сѣла, а рядомъ съ нею помѣстилась и Оныська.

— Охъ! я и не знаю, какъ и разсказать тебѣ! съ волненіемъ въ голосѣ заговорила Оныська:—Вотъ при тебѣ приходилъ Ермолай, плотникъ...

— Ну?!..

— Приходилъ онъ будто-бы на счетъ воза!.. А возато ему совсѣмъ не надо!..

— А-га!..

— Про возъ это онъ насказалъ такъ себѣ... А приходилъ онъ... Господи? Вотъ ей-же, ей... Даже выговорить страшно!..

— Ну-же!?.. поощряла Марика, вся сгорая отъ нетерпѣнія.

— Обвѣнчаться хочетъ?.. выпалила Оныська и закрыла лицо руками съ стыдливостью, свойственной шестнадцатилѣтней дѣвицѣ.

— Да съ кѣмъ-же? Господи!

— Со мной!..

Марика чуть не вскрикнула отъ изумленія. Вотъ такъ новость! Она только раскрыла ротъ и, сдѣлавъ большіе и преглупые глаза, смотрѣла на Оныську.

— Съ то-бой?

— О, Господи Іисусе!.. Со мной, голубка моя, со мной!.. подтвердила Оныська такимъ плачевнымъ тономъ, какъ будто Ермолай предлагалъ ей не обвѣнчаться, а лечь вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ.

— А ты какъ-же?

— Да я и не знаю!.. Онъ говоритъ: одинъ я измаялся, и ты, говоритъ, тоже. Хозяйство, говоритъ, и у тебя, и у меня не клеится... А зарабатываю, говоритъ, пропасть и не знаю, куда оно дѣвается... А вмѣстѣ, говоритъ, заведемъ и коровки три, и птицу, и бычковъ, и пахать, говоритъ, будемъ... А въ случаѣ, не дай Богъ,

Digitized by Google

болѣзнь какая, ты не одна, у тебя, говоритъ, мужъ есть... Вотъ оно что...

— А что ты думаешь, Оныська! Это все правда, что Ермолай говоритъ!.. И по моему...

— Такъ мнѣ-же 45-й годъ, Марика! Я за двумя была!..

— Э, что такое 45-й годъ?.. Повѣнчаетесь, извѣстно, не для того, чтобы любиться... Для хозяйства!.. Что въ правду, маяться одной?.. Ежели-бъ я была на твоемъ мѣстѣ, я ей-Богу и не задумалась бы!..

— Ты пошла-бы, Марика?

— Вотъ тебѣ крестъ, пошла-бы (Марика перекрестилась). Да ты вникни: что ежели-бы, — чего не допусти, Господи,—мой Каленикъ... того... (ахъ, это и сказать страшно!) умеръ-бы!? Что-бы я тогда дѣлала? Что можетъ баба безъ чоловика?.. Нѣтъ, тутъ и думать нечего!.. Иди, Оныська, иди!.. Ермолай—мужикъ хорошій!

— Ну, спасибо тебѣ, Марика! Повѣришь, какъ ты это сказала, такъ у меня будто сто пудовъ съ плечъ...

Въ самомъ дѣлѣ Оныська готова была расцѣловать Марику за то, что та высказала ея мысль. Вѣдь въ глубинѣ души у Оныськи засѣло почти непреодолимое желаніе выйти за Ермолая. Пріятельницы долго еще бесѣдовали. Марика увлеклась и совсѣмъ позабыла о борщѣ, который стоялъ у нея дома въ печкѣ.

Этотъ откровенный разговоръ привелъ къ двумъ существеннымъ результатамъ. Марика хорошо понимала, что есть вещи, о которыхъ до поры до времени слѣдуетъ помолчать. Подобное молчаніе было конечно съ ея стороны огромнымъ подвигомъ, но самоотверженіе ея не зашло такъ далеко, чтобы она не позволила себѣ подѣлиться новостью даже съ своей кумой, Ѳедорой Камышихиной. Въ кумѣ своей она была увѣрена, какъ въ себѣ самой, или какъ Оныська въ ней, а потому не сомнѣвалась, что та не выдастъ ее.

— Ну, и чудеса-жь дѣлаются на свѣтѣ! разсказывала она кумѣ черезъ четверть часа послѣ того, какъ разста-

Digitized by Google

лась съ Онысько́й,—Оныська-то, Оныська! А! на старости лѣтъ вздумала замужъ выходить! Нѣтъ, ты только подумай, кума: ей пятьдесятъ съ хвостикомъ (пять съ хвостикомъ Марика нечаянно прибавила), за двумя мужьями была!.. И вдругъ вздумала... Ха, ха!.. А Ермолай тоже хорошъ! Въ гробъ смотритъ! Не сегодня—завтра умретъ!.. И чѣмъ это она его обворожила? Корявая, слѣпая, беззубая!.. Подижь-ты!

У кумы же въ свою очередь отыскалась кума, которая также не лишена была родства на хуторѣ, и такъ какъ всѣ обыватели хутора состояли въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ между собою, то къ вечеру весь хуторъ узналъ, что плотникъ Ермолай женится на Онысько́.

Къ вечеру проходившіе мимо Ермолаева двора земляки останавливались и заводили разговоръ:

— Правда-ли это, Ермолай, что бабы по хутору разносятъ?.. Будто ты жениться вздумалъ? спрашивали хуторяне.

— Брешутъ твои бабы, какъ суки!.. сердито отвѣчалъ Ермолай и при этомъ отворачивался, чтобы землякъ не взглянулъ ему въ глаза и не прочиталъ въ нихъ что нибудь другое. «А чертова баба—Марика таки догадалась»! думалъ онъ въ то-же время.

Когда-же эти вопросы повторялись слишкомъ часто, Ермолай вышелъ изъ терпѣнія и объявилъ:

— А хотя-бы и такъ?! Чего пристали, какъ вошь къ кожуху? Ну, женюсь, женюсь! А тебѣ что?

— А на комъ, дядя Ермолай? спросила случайно проходившая мимо баба.

— Да ужь не на тебѣ, вѣдьма простоволосая! Ишь, языкъ-то у нихъ болтается, точно хвостъ у моего Барбоса!..

Это былъ первый результатъ откровенной бесѣды. Второй-же состоялъ въ томъ, что на другой день, чуть только на востокѣ выглянуло солнце, по большой проселочной дорогѣ, которая вела къ ближайшему селу Кныши, двигались двое путешественниковъ. Съ виду они различа-

Digitized by Google

лись только тѣмъ, что одинъ былъ высокаго роста и въ сивой барашковой шапкѣ, другой роста маленькаго, въ большомъ шерстяномъ платкѣ неопредѣленнаго цвѣта. Оба были въ длинныхъ овчинныхъ хожухахъ и въ большихъ сапогахъ. Легко догадаться, что это были Ермолай съ Онысько́й. Они шли въ село Кныши, къ попу. Онысько́ предстояло́ «выправить» бумагу, свидѣтельствующую о томъ, что она вдова; на обязанности Ермолая лежало—сторговаться за вѣнчанье. Они шли молча. Ермолай дѣлалъ большіе, тяжелые шаги; Онысько́ семенила ногами, съ трудомъ подымая большіе сапоги, оставшіеся ей отъ второго мужа. Она немного отставала и всю дорогу какъ-бы догоняла Ермолая. Молчали они не потому, чтобы имъ не о чемъ было побесѣдовать, напротивъ впереди предстояло столько перемѣнъ, столько дѣла, что можно было-бы говорить безъ конца. Но они еще не вполнѣ освоились съ новыми отношеніями и нѣсколько конфузились другъ друга.

Когда показалась колокольня, а за ней, какъ на ладони,—все село, путешественники прибавили шагу.

— Больше пяти карбованцевъ не дамъ! сказалъ Ермолай, обращаясь какъ-будто не къ Онысько́, а къ колокольнѣ.

— Какъ можно больше?.. Когда я шла за перваго, за Остапа, такъ только четыре взяли!.. За вторымъ, правда, семь, да еще двѣ мѣрки жита!.. Ну, такъ покойникъ-то Кирило былъ мужикъ съ большимъ достаткомъ?..

— А я, какъ вѣнчался съ покойной Улитой, такъ сдѣлалъ батюшкѣ тачку водовозную.—Тогда еще покойный отецъ Иванъ былъ, а дьяку — корыто, а денегъ не платилъ... Можетъ и теперь что нибудь такое случится?!.

Этими воспоминаніями и ограничился ихъ разговоръ. Они уже вошли въ улицу села Кнышей. Неподалеку отъ церкви стоялъ батюшкинъ домъ съ зеленой крышей и желтыми ставнями. Онысько́ хорошо былъ извѣстенъ этотъ домъ, такъ какъ она часто работала у матушки поденно. Ермолай разсудилъ, что ему слѣдуетъ остаться на улицѣ, пока Онысько́ выправитъ свою бумагу.

Digitized by Google

— А! Оныська! Здравствуй, Оныська! встрѣтилъ ее батюшка.—Ты зачѣмъ пришла?

Батюшка былъ почтенныхъ лѣтъ, плотный, съ черной бородой и длинными кудрями. На немъ была фланелевая фуфайка и клѣтчатые штаны; онъ никогда не стѣснялся съ прихожанами и принималъ ихъ запросто. Оныська низко поклонилась батюшкѣ и взяла у него благословеніе.

— До вашей милости, батюшка! смиренно молвила она,—не откажите выдать мнѣ вдовью бумагу!

— Вдовью бумагу? А зачѣмъ тебѣ вдовья бумага?

— Да вотъ!..—Оныська совершенно сконфузилась.—Ермолай, плотникъ... Знаете, что на хуторѣ... Жинка, Улита, умерла... Такъ онъ... повѣнчаться хочетъ со мной!..—Очевидно Оныська хотѣла всю вину взвалить на Ермолая. Но смущеніе ея перешло всякія границы, когда батюшка началъ оглашать комнату громовымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха, ха, ха, ха-а-а! неудержимо заливался батюшка, придерживая руками бока и грудь, какъ-бы боясь, что его могучій организмъ не выдержитъ еще болѣе могучаго раската легкихъ.—Такъ ты... вѣнчаться?.. Ха, ха, ха, ха! И батюшка неистово отмахивался руками, какъ-бы прося Оныську удалиться или по крайней мѣрѣ не говорить больше такихъ невѣроятныхъ вещей. На этотъ могучій хохотъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались: матушка, кухарка, работникъ, церковный сторожъ и Фиделька — любимая собаченка матушки. Публика съ недоумѣніемъ спрашивала, въ чемъ дѣло.

— Оныська... вѣнчаться... только и могъ выговорить батюшка и опять залился смѣхомъ. Всѣ послѣдовали его примѣру и комната огласилась звонкимъ хохотомъ на всѣ голоса. Фиделька съ своей стороны способствовала ансамблю и, вытянувъ морду, принялась лаять во все горло.

Оныську бросило въ дрожь. Сначала она пыталась что-то сказать въ свое оправданіе, но видя, что ее никто не станетъ слушать, и при томъ чувствуя себя кругомъ

Digitized by Google

виноватой, она принялась рыдать, да такъ голосно, что всѣ смѣявшіеся разомъ остановились.

— Онъ пришелъ... и... говоритъ...—громко всхлипывая, съ трудомъ объясняла Оныська:—Ты, говоритъ, маешься... одна, говоритъ... и хозяйство... А я, говоритъ, тоже маюсь... А тогда, ежели болѣзнь какая... У тебя мужъ, говоритъ, есть... И птица и три коровки... И пахать, говоритъ, будемъ... Такъ это все онъ говорилъ, а я и подумала... что-жь, думаю!.. Ну... и грѣхъ тоже! Развѣ я не знаю, что грѣхъ?.. И тогда-же я ему говорила: это, говорю, грѣхъ, потому я за двумя была!.. Такъ подижь-ты!.. Ежели лукавый захочетъ...

И Оныська горько, прегорько рыдала, и такъ это выходило у нея жалобно, что всѣ мысленно раскаялись въ безпощадной насмѣшкѣ. Только глупая Фиделька продолжала лаять съ усиленнымъ азартомъ.

— Что ты говоришь, милая? Господь съ тобою! ласково остановилъ ее батюшка:—какой-же тутъ грѣхъ? (Пошла вонъ! крикнулъ онъ Фидельке, которая послѣ этого стремглавъ улетѣла въ третью комнату). Тутъ никакого грѣха нѣтъ! Выходи себѣ съ Богомъ за Ермолая!.. Отчего-жь не выйти, если хорошій человѣкъ находится? Что ты не молода? ну, такъ это ничего. Это даже дѣлаетъ тебѣ честь! Значитъ ты очень достойная женщина, если онъ, не взирая на твои годы, избираетъ тебя! Право, право! Тутъ ничего такого нѣтъ!

Услышавъ такія рѣчи, Оныська вытерла слезы и испустила отрадный вздохъ.

— Такъ грѣха, говорите, нѣту? чуть слышно спросила она.

— Нѣту, нѣту, милая, никакого грѣха тутъ нѣтъ! Богъ тебя благослови! Такъ тебѣ вдовью бумагу? Ну, хорошо! Поди къ дьячку; вотъ тебѣ записка. Ты покажи ему записку и онъ тебѣ выдастъ вдовью бумагу... А ты не забудь дать ему за это корбованецъ. Слышишь? Онъ человѣкъ бѣдный!..

Оныська протянула трепетную руку и взяла записку.

Digitized by Google

Въ это время кухарка, работникъ и церковный сторожъ тихонько удалились, потому что глубоко почувствовали свою неправоту относительно Оныськи. Изъ публики осталась только матушка.

— А ты зайди ко мнѣ, Оныська! Я тебѣ подарю платочекъ ради новоселья!.. съ участіемъ сказала матушка. Она очень любила Оныську и часто дарила ей старые платочки и разныя другія принадлежности женскаго туалета. —Я и иконку подарю тебѣ... Поблагословлю...

Оныська ударила земной поклонъ передъ матушкой и съ большимъ чувствомъ поцѣловала ея сочную, массивную и мягкую, какъ тѣсто, руку.

— Ну, а когда-же вѣнчаться? спросилъ батюшка.

— Да ужь, вѣрно, въ воскресенье!.. А лучше вы у Ермолая спросите... Онъ тутъ за воротами!..

— А-га! Ну, а сколько-же ты дашь за вѣнчанье? продолжалъ батюшка съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи и вмѣстѣ съ тѣмъ снисходительно.

— А Ермолай уже знаетъ!.. Онъ за воротами! я сейчасъ кликну его! —И Оныська робкими шажками вышла кликнуть Ермолая. Сдержанный смѣхъ батюшки съ матушкой сопровождалъ ее до выхода.

Ермолай предварительно снялъ кожухъ въ передней, вытеръ сапоги тутъ-же разбросанной для этой цѣли соломой, и тогда только вошелъ въ комнату. Онъ имѣлъ видъ положительнаго, увѣреннаго въ разумности своего дѣла человѣка, такъ что батюшкѣ не могло и въ голову прiйти посмѣяться надъ нимъ.

— Такъ значитъ играемъ свадьбу? спросилъ батюшка послѣ выраженiя обычныхъ знаковъ почтительности со стороны Ермолая.

— Милости просимъ! съ поклономъ отвѣтилъ Ермолай.—А сколько за вѣнчанье?.. я человѣкъ не богатый!

— Да что тутъ торговаться?! Десять карбованчиковъ отсчитывай и повѣнчаемъ!

— Э, батюшка, гдѣ мнѣ ихъ взять, этакую пропасть? Я вотъ дорогой и Оныськѣ говорилъ: пять, говорю, дадимъ, а больше никакъ невозможно!

Digitized by Google

— Ну, какъ не стыдно тебѣ, Ермолай!? Посуди самъ: ты уже на второй женишься, а Оныська за третьяго выходитъ. Если съ васъ мы не возьмемъ, то съ кого-же брать?..

— То-то и есть, батюшка, что съ насъ-то и слѣдуетъ дешевле! Мы уже свое отплатили, когда впервой вѣнчались!..

— Такъ ты разсуди!.. убѣдительно доказывалъ батюшка,—когда человѣкъ въ первый разъ вѣнчается, такъ это, можно сказать, такъ ужь по природѣ!.. Такой ужь законъ!.. Ну, а во второй, такъ это-жь прихоть. А за прихоть слѣдуетъ и брать дороже!..

— Не прихоть это, батюшка! Гдѣ ужь намъ о прихотяхъ думать?! А хозяйство падаетъ, поправку ему надобно!.. Ужь какая туть прихоть въ Оныськѣ?! Сами видите, какая она красавица!.. А что она ховяйка, это всякій скажетъ!.. Вотъ за это самое и беру ее! Нѣтъ, ужь вы, отецъ, не дорожитесь, ей-Богу!.. А то можетъ вамъ надо что сдѣлать по плотницкой части? Такъ это мнѣ легче... Тачку-ли, либо возъ починить!..

— Гм! А это правда! весело сказалъ батюшка; — у меня, знаешь, засѣка совсѣмъ развалилась! Вотъ ты ее сорудуй! А?..

— Засѣка?.. Такъ это-жь того... Засѣка дѣло не легкое!.. Тутъ-бы еще съ вашей милости карбованцевъ съ пятокъ додачи!..

— Ого! Ишь ты какой! Онъ хочетъ даромъ повѣнчаться, да еще на поповскія деньги свадьбу сыграть!.. Ай да Ермолай!.. Ну, знаешь, я тебѣ дамъ три карбованца додачи, а ужь съ дьякомъ ты самъ расквитывайся!..

— Какъ-же? Значитъ еще и дьяку платить? Особо?..

— Ну, ты тамъ и ему что нибудь сдѣлай! Корыто напримѣръ либо... Да вотъ что: онъ какъ-то жаловался, что у него ясли изломались, вотъ ты ему и почини ясли!..

— Ясли?.. Ну, это можно!.. Это пустое!

— Такъ вотъ и иди себѣ съ Богомъ! Значитъ въ воскресенье? Смотри же, приходи въ церковь пораньше! Я васъ передъ обѣдней обвѣнчаю!

Digitized by Google

Ермолай нашелъ, что заключилъ съ батюшкой выгодную сдѣлку. Къ этому времени Оныська благополучно добыла вдовью бумагу, и они съ облегченными сердцами возвратились въ хуторъ.

IV.

Воскресенье оказалось торжественнымъ днемъ для кнышевскаго прихода. Обитатели Кнышей никогда не отличались особенной богомольностью, но на этотъ разъ церковь была полна народу. Дѣло въ томъ, что батюшкинъ кучеръ разсказалъ своему пріятелю о сценѣ, происходившей къ кабинетѣ батюшки. Кухарка и церковный сторожъ съ своей стороны приняли мѣры, чтобы интересная новость не осталась безъ распространенія. Ихъ разсказы были подтверждены высокимъ авторитетомъ—матушкой, которая подѣлилась впечатлѣніями съ двумя наиболѣе приближенными къ ней бабами. Наконецъ самъ батюшка передалъ новость церковному старостѣ. Всѣхъ этихъ органовъ оказалось достаточно, чтобы разнести новость по всему селу и собрать въ церковь прихожанъ. Очень много явилось изъ Арнаутовскаго хутора, и такимъ образомъ Кныши приняли вполнѣ праздничный видъ, вродѣ того, какой имѣютъ они въ храмовой день. Такъ какъ церковь не могла вмѣстить всѣхъ богомольцевъ, то многіе толпились въ оградѣ; были и такіе, которые расхаживали по большой улицѣ въ ожиданіи торжественнаго шествія. Ребятишки съ шумомъ и визгомъ ѣздили верхомъ на длинныхъ камышенкахъ, гонялись другъ за другомъ и производили страшную суету.

День стоялъ морозный. Обыватели Кнышей запаслись огромными рукавицами и носили съ собой ѣдкій запахъ овечьихъ тулуповъ.

Когда на большой дорогѣ, тамъ, гдѣ кончается степь и начинается село, показалась небольшая кучка людей, по улицѣ стало разноситься восклицаніе «Идутъ! Идутъ! Гей, гей! Молодые идутъ»!

Digitized by Google

Ермолай и Оныська были въ тѣхъ же овчинныхъ тулупахъ, въ которыхъ ходили къ попу. Торжественность настроенія выражалась у Оныськи новымъ, зеленаго цвѣта платкомъ, который въ то-же время былъ свадебнымъ подаркомъ жениха, а у Ермолая — тѣмъ обстоятельствомъ, что сапоги его были заново вымазаны свѣжимъ, пахучимъ дегтемъ. Они шли впереди, рядомъ. Позади шло нѣсколько мужчинъ и двѣ бабы. Ермолай опустилъ глаза долу, потому что настроеніе гулявшей публики не обѣщало комплиментовъ. И дѣйствительно, какъ только они поровнялись съ прогуливавшимися парнями и дѣвками, такъ со всѣхъ сторонъ, послышались ироническія замѣчанія:

— Вотъ такъ молодые! Вотъ такъ свадебка! Нечего сказать!..

— А невѣста зубки дома оставила!.. Ха, ха!

— Да и женихъ-то половину позабылъ!.. Хо, хо, хо-о!

— Эй, хлопцы! гаркнулъ одинъ изъ парней почти надъ самымъ ухомъ Ермолая,—чего-же вы смотрите? Что это дядя Ермолай невѣстъ у насъ отбиваетъ? Да смотри еще,—самую что ни на есть раскрасавицу! А? Отымемъ, что-ли?..

Эта острота вызвала раскатистый смѣхъ по всей улицѣ.

— Какъ-же это, дѣвки, невѣста и безъ цвѣтовъ? воскликнула бойкая, краснощекая дѣвка, заглядывая прямо въ лицо Оныськѣ.

— Хоть безъ цвѣтовъ, а все-же подъ вѣнецъ иду, а ты вонъ и съ цвѣтами, да никто не беретъ тебя!.. не выдержала и огрызнулась Оныська.

На это публика опять отвѣтила хохотомъ, чѣмъ показала свое полное безпристрастіе. Нѣкоторые изъ парней обратили свои насмѣшки на оскандалившуюся дѣвку.

— А что? Скушала? Славно! Славно! Ай, да Оныська! Такъ ее, такъ!..

— А слыхалъ ты, что покойная Ермолаева жинка нынче на томъ свѣтѣ вѣнчается съ покойнымъ Оныськи-нымъ чоловикомъ? сострилъ кто-то.

— Съ которымъ?

Digitized by Google

— Да должно быть съ сто первымъ!..

— О-хо, хо, хо, хо-о!

Мальчишки, рѣшительно ничего не понимая, прыгали передъ самыми носами молодыхъ, тормошили фалды ихъ тулуповъ и орали во всю мочь:

— Тю-у! Тю-у-у!..

Наконецъ шествіе приблизилось къ церкви, и тогда молодые вздохнули свободно. Изъ церковной ограды выглянули сѣдыя бороды почтенныхъ прихожанъ, и молодежь немедленно прониклась почтительностью и умолкла. Въ сущности ни противъ Ермолая, ни противъ Оныськи, ни противъ ихъ брачнаго союза никто ничего не имѣлъ. Напротивъ всякій изъ кричавшихъ и острившихъ отлично понималъ, что Ермолаю нужна хозяйка, а Оныськѣ—хозяинъ и что нѣжныя чувства здѣсь ни при чемъ. Молодежь просто воспользовалась случаемъ подурачиться, и всѣ эти, съ виду злостныя, насмѣшки были проникнуты праздничнымъ благодушіемъ.

Когда кучка поравнялась съ батюшкинымъ домомъ, Оныська отдѣлилась и пошла къ матушкѣ за обѣщаннымъ благословеніемъ. Остальные, съ Ермолаемъ во главѣ, направились въ церковь.

Посреди церкви уже стоялъ маленькій столикъ, на которомъ лежало небольшое Евангеліе и «вѣнцы». Скоро дьякъ принесъ и поставилъ рядомъ съ Евангеліемъ корецъ, наполненный виномъ. Оныська, запыхавшись, прибѣжала отъ матушки. Передъ столикомъ разостлали ситцевый платокъ и на него поставили молодыхъ. Началось вѣнчанье. Ни Ермолай, ни Оныська не поняли ни одного слова изъ того, что читалъ батюшка и пѣлъ дьякъ. Три сотни глазъ были разомъ устремлены на нихъ и, казалось, собирались проглядѣть ихъ насквозь. Бабы перешептывались между собой и указывали пальцами на Оныську. Вотъ уже имъ связали руки и стали водить вокругъ столика. Дьякъ запѣлъ «Исаіе ликуй», и оба разомъ вспомнили они свои молодые годы, когда ихъ, точно такъ, какъ теперь, водили вокругъ стола и пѣли ту-же пѣсню. Только тогда невѣста

Digitized by Google

была въ цвѣтахъ, а густые, черные волосы были распущены и переплетены множествомъ пестрыхъ лентъ. И вокругъ ихъ тогда толпилась молодежь, и вѣнцы тогда держали надъ головой, а не на плечѣ, какъ теперь. Вспомнили и вздохнули...

Но вотъ все кончилось, и батюшка обратился къ нимъ съ краткой рѣчью. Что онъ тамъ говорилъ, никто этого хорошенько не понялъ, а только въ концѣ всего онъ прибавилъ:

— А теперь поцѣлуйтесь, чтобы предъ лицомъ церкви засвидѣтельствовать вашу взаимную любовь...

О, это былъ трагическій моментъ! Имъ цѣловаться! Имъ, имѣющимъ вдвоемъ сотню лѣтъ, свидѣтельствовать свою взаимную любовь! Церковь биткомъ набита народомъ, глаза всѣхъ устремлены на нихъ, всѣ съ жадностью смотрятъ, какъ это они будутъ «свидѣтельствовать любовь»... Но развѣ батюшка не знаетъ, что они вѣнчаются не ради любви, а ради хозяйства? Конечно знаетъ; зачѣмъ-же онъ заставляетъ ихъ цѣловаться? Таковъ обычай. Нельзя-же для нихъ измѣнять обычай, которому испоконъ вѣку слѣдуютъ всѣ новобрачные! Въ особенности была сконфужена Оныська. Это вѣнчанье доставило ей такъ много непріятностей, обидъ, насмѣшекъ. И зачѣмъ она согласилась? Ахъ, она готова-бы отказаться, да поздно, уже дѣло сдѣлано...

И вотъ среди глубокой тишины двѣ пары старческихъ губъ сомкнулись, и въ церкви раздался поцѣлуй. Благодаря волненію, молодые не разсчитали и поцѣлуй вышелъ слишкомъ звонкимъ, почти страстнымъ. Они вышли изъ церкви совершенно смущенные и сконфуженные въ конецъ.

Въ тотъ-же день, въ обѣденное время, хата Ермолая и дворъ его, и улица близъ его хаты — представляли необычайное зрѣлище. На улицѣ и во дворѣ толпился народъ всякихъ возрастовъ и половъ. Кто-то держалъ въ рукахъ огромный штофъ съ водкой и потчивалъ желающихъ; гдѣ-то въ толпѣ раздался писк скрипки, кто-то ударялъ въ бубенъ, кое-кто изъ парней и дѣвокъ отплясывалъ козачка. Въ хатѣ, за длиннымъ столомъ, накрытымъ бѣлою ска-

Digitized by Google

тертью и уставленнымъ полштофами и кабацкими стаканчиками, мисками съ густой лапшей, съ кусками вареной и жареной поросятины, вяленной рыбы, тарелками съ пирогами, — сидѣли наиболѣе почтенные изъ хуторянъ — мужики и бабы. Это были тѣ самые хуторяне, которые еще не такъ давно осыпали новобрачныхъ ядовитыми насмѣшками. Марика занимала самое почетное мѣсто среди представительницъ женскаго пола. Всѣ они теперь совершенно искренно одобряли поступокъ Ермолая и Оныськи и находили, что лучшую пару мудрено сыскать въ цѣломъ уѣздѣ. Ермолай важно возсѣдалъ среди гостей и то и дѣло наполнялъ стаканчики, упрашивая выпить. Оныська суетилась у печки, въ которой пылалъ огонекъ и шипѣло какое-то варево. Ермолай уже здорово выпилъ, глаза его блестѣли, а на губахъ играла улыбка. Онъ видѣлъ живое осуществленіе своей мечты и позабылъ всѣ непріятности, которыя вытерпѣлъ за эти три дня сватанья.

— Вотъ оно, вотъ! думалъ онъ, глядя на суетившуюся Оныську, на огонекъ, пылавшій въ бѣлой, чистенькой печкѣ, на чистоту въ хатѣ, на все то, что принесла съ собой Осынька. Когда уже это было? А теперь опять пойдетъ! По крайности—какъ у другихъ! И все пойдетъ по иному! Эхъ, право! Славно это я вздумалъ! Славно!.. — И въ то время, какъ въ комнатѣ стоялъ шумъ отъ пьяныхъ разговоровъ, а съ улицы доносился писк скрипки, трескъ и гулъ бубна и топотъ деревенскихъ танцоровъ— возбужденное воображеніе проносило передъ его очами цѣлую вереницу картинъ новаго житья бытья. Тутъ были и коровы, и бычки, и лошадка, и всякая птица, и плугъ, и все, все, что требуется въ хорошемъ хозяйствѣ и что есть у всякаго дѣльнаго мужика, а когда-то было и у Ермолая.

— Славно, славно! мысленно повторялъ онъ и не могъ налюбоваться невзрачной, сухощавой, сморщенной фигурой Оныськи, которая, вся проникнутая довольствомъ, съ достоинствомъ свершала свое высокое назначеніе. Не ею любовался онъ, а ея присутствіемъ.

Она внесла въ его домъ, въ его хозяйство струю новой жизни.

Digitized by Google

ИЛЛЮЗІЯ И ПРАВДА.

(*Эскизъ*).

Театръ полонъ. Сотня газовыхъ рожковъ, ярко освѣщающихъ зрительный залъ, весело подмигиваютъ другъ другу, какъ бы сочувствуя и радуясь успѣху антрепренера. Верхняя публика волнуется, шумитъ, стучитъ, требуетъ начала, выражаетъ нетерпѣніе. Солидные люди, съ достоинствомъ занимающіе мѣста въ партерѣ, учащенно посматриваютъ на часы. Взоры всѣхъ отъ времени до времени устремляются въ оркестръ на дирижерское мѣсто, которое пусто. Скоро-ли онъ придетъ? Скоро-ли взмахнетъ онъ своей волшебной палочкой и вслѣдъ затѣмъ польются божественные аккорды?

Всѣмъ хорошо знакомо это начало. У каждаго въ сердцѣ звучатъ эти глубокіе, то стонущіе, то замирающіе, то торжествующіе аккорды, незамѣтно переходящіе въ яркую, прозрачную и полную могучей юности мелодію. Это «Фаустъ», котораго всѣ знаютъ наизустъ и все-таки ходятъ слушать, какъ спѣшатъ всѣ въ сотый разъ пожать руку старому, вѣчно милому другу.

На сценѣ все готово. И старый, потертый картонъ, долженствующій изображать раскрытый пергаментъ древней книги, и оловянный кубокъ, съ вставленной въ него стеклянной пуговицей, блескъ которой публика будетъ принимать за жаркій блескъ фамильнаго бриллианта, до-

Digitized by Google

ставшагося доктору Фаусту отъ отдаленнаго предка, и страшный черепъ, коему суждено свидѣтельствовать о неимовѣрно глубокой учености доктора, и солнце, которое взойдетъ именно тогда, когда это будетъ надо,—и все, все готово.

Готовъ и Мефистофель. Широкими шагами расхаживаетъ онъ за кулисами, слегка прихрамывая, какъ истый чертъ, только что вышедшій изъ ада. Его потѣшное лицо съ неимовѣрно горбатымъ носомъ, съ неимовѣрно косыми и приподнятыми бровями, съ чертовски острой бородкой,—дышетъ въ самомъ дѣлѣ злобой, только не дьявольской, а настоящей человѣческой злобой. Когда онъ случайно, проходя мимо, заглядываетъ въ уборную, онъ задыхается и ноги его начинаютъ дрожать. Тамъ, въ уборной, сидитъ и бесѣдуетъ съ антрепренеромъ его соперникъ... «О, я хотѣлъ бы послушать, какъ онъ споетъ Мефистофеля! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ онъ его провалитъ!» шепчетъ онъ съ бѣшенствомъ, съ злобой, съ завистью, съ ненавистью, со всѣми вражескими чувствами, соединенными въ одно гигантское желаніе раздавить, уничтожить, превратить въ прахъ противника. «Подлецъ! Онъ готовъ служить за грошъ, а я не уступлю ни одного рубля, хотя бы помиралъ съ голоду... Да, это у него большой шансъ!.. Но посмотримъ, посмотримъ! Я имъ сегодня покажу, что я такое! Я потрясу театръ, я развалю стѣны громомъ рукоплесканій и криками восторга...» И въ этотъ моментъ что-то кольнуло у него въ сердцѣ. На мигъ онъ остановился, какъ вкопанный; онъ вспомнилъ... Ахъ, тамъ, дома!.. Если онъ не развалитъ стѣны театра громомъ рукоплесканій и криками восторга, если онъ не устоитъ на мѣстѣ 1-го баса, — тамъ будетъ голодъ, и его бѣдная жена, его маленькая дочка — будутъ страдать... Онъ чувствовалъ, что голосъ у него «опустился», въ горлѣ жаръ и сухость. Если такъ будетъ дальше, у него не выйдетъ ни одной ноты, и онъ погибъ...

Однако тамъ уже началось, онъ ничего не замѣчаетъ, все шагаетъ, шагаетъ, и съ каждымъ шагомъ

Digitized by Google

злоба его растетъ. О, если бы только могла вмѣстить его грудь, то въ нее влилось бы столько злобы, что онъ, вмѣстѣ со своимъ гримомъ, вмѣстѣ съ этимъ огненно-краснымъ плащемъ, превратился бы въ настоящаго дьявола.

«О, сме-эрть, когда же ты
Дашь мнѣ успокоенье?
Коль ты отъ меня бѣжишь,
Такъ я пойду къ тебѣ—э—э на встрѣчу»...

Фаустъ отлично взялъ эту высокую ноту: къ тебѣ—э—э», и разбудилъ его отъ мучительнаго забытья. «Однако сейчасъ мой выходъ! Боже мой!» Онъ схватился за голову и заковылялъ по узкой, грязной и темной лѣстницѣ внизъ, въ преисподнюю, такъ какъ Фаустъ уже предавалъ проклятью «всѣ радости земныя и цѣпи земной тюрьмы», «составъ тѣлесный, несовершенный и больной» и пр., и пр.

— Вашъ выходъ, вашъ выходъ! шипѣлъ надъ головой его сценаріусъ.

Черезъ минуту онъ уже выползалъ изъ-подъ земли, окруженный краснымъ заревомъ, приложивъ одну руку полукругомъ къ боку, а другой указывая на свою грудь. Голова его дрожала отъ волненія, а перо на шляпѣ трепетало, словно колеблемое бурей.

«Во—о—о—тъ и я!..»

Возгласилъ онъ и поблѣднѣлъ, и ноги его готовы были подкоситься. Голосъ его одеревенѣлъ, онъ самъ не слышитъ своего голоса. Судьба смѣется надъ нимъ. Онъ откашлялся и продолжалъ:

«Чему-жъ ты дивишься?»..

А Фаустъ въ самомъ дѣлѣ глядѣлъ на него и дивился. Да и было чему подивиться. Мефистофель пѣлъ не басомъ, какъ полагается, и какъ пѣлъ и онъ столько разъ, а какимъ-то дряблымъ, разбитымъ теноркомъ. Что сталось съ Мефистофелемъ?

*
* *

Digitized by Google

Минулъ второй актъ. Въ уборной примадонны было тихо. Она сидѣла одна. На ней было скромное бѣлое платье, подпоясанное стальнымъ кушакомъ. Двѣ русыя тяжеловѣсныя косы спускались до колѣнъ; въ рукахъ она держала молитвенникъ съ бархатнымъ малиновымъ переплетомъ. Она стояла передъ зеркаломъ въ скромной позѣ смущенной Маргариты и находила, что ей это очень идетъ. Она была хорошенькая. На сценѣ она новинка, Маргарита—ея третья роль.

Дверь скрипнула, она подняла голову.

— Кто тамъ?

— О, свои, свои! не безпокойтесь; это я, влюбленный въ васъ Фаустъ...

— Что? Что это значитъ?

— Влюбленный Фаустъ! Ха, ха, ха! Фаустъ влюбленъ въ Маргариту, а я въ васъ... Что-жъ такого удивительнаго? Ха, ха, ха, ха!..

— Вы съ ума сошли!.. Уходите пожалуйста!..

Она вспылила. О, да вѣдь она была еще такъ неопытна. Ну, что тутъ дурного въ самомъ дѣлѣ, что онъ, первый теноръ, ухаживаетъ за нею, примадонною? Это такъ естественно.

Онъ былъ хорошо сложенъ. Лицо его было довольно красиво и безъ грима. Онъ носилъ свои усы и свою эспаньолку. Правда, это лицо напоминало лицо парикмахера, но тѣмъ не менѣе 1-й теноръ считался дамскимъ любимцемъ. Волосъ на его головѣ было немного; вѣдь онъ уже лѣтъ 12 исполнялъ роли любовниковъ и считался дамскимъ любимцемъ... Но онъ умѣлъ хорошо носить парикъ.

Онъ глядѣлъ на нее въ упоръ. Взглядъ его былъ вызывающій, нахальный, а она была такъ еще неопытна, такъ мало «знала сцену», что этотъ взглядъ показался ей противнымъ. Она еще разъ попросила его уйти.

— Да вы не сердитесь, милая Маргариточка! Я вѣдь ничего, я только ручку поцѣловать...

Digitized by Google

Онъ схватилъ ея руку и присосался къ ней. Она съ презрѣніемъ оттолкнула его.

— Подите, я вамъ говорю!.. крикнула она.

— Ха, ха, ха, ха! отвѣчалъ онъ

— Это ни на что не похоже! Подите, или я позову слугу...

— Ха, ха, ха, ха! Какая вы сердитая! добродушно говорилъ онъ.

— Господи! Что-же это такое!?

О, какъ она была неопытна!.. Раздался звонокъ. «На сцену, на сцѣну!» послышался голосъ сценаріуса.

— У насъ вѣдь съ вами дуэтъ! промолвилъ онъ, уходя, и при этомъ какъ-то такъ подмигнулъ, что ее передернуло.

Зибель пѣлъ свою арію. Она стояла у кулисы, волнуясь и обдумывая подробности предстоящаго выхода.

— На сценѣ я васъ поцѣлую! раздался шепотъ надъ ея ухомъ. Она испуганно обернулась. Это былъ теноръ; онъ смотрѣлъ ей въ глаза просто и благодушно.

— Вы не смѣете!..

— Какъ?? На сценѣ? Ха, ха, ха!.. Да вѣдь это по піесѣ... Ха, ха, ха, ха!.. и онъ залился веселымъ смѣхомъ.

— Нахалъ, нахалъ!.. Если вы посмѣете, если...

— «Вашъ выходъ, вашъ выходъ!» раздалось у нея за спиной.

Она, задыхаясь, поспѣшила къ главной двери.

* * *

Оркестръ наигрывалъ волшебную мелодію. На сценѣ разливался таинственный полумракъ. Въ окно свѣтила луна, ея нѣжный свѣтъ любовно серебрилъ трогательную группу на авансценѣ. Фаустъ лѣвой рукой охватилъ Маргариту за талію, а правой сжималъ ея руку. Онъ пѣлъ:

«О, ночь любви и нѣги рай!
«Въ твоей тиши»...

— Не жмите!.. Оставьте руку! Мнѣ больно,—шептала Маргарита. А онъ сладостно улыбался и продолжалъ:

Digitized by Google

«О, наслажденье быть съ тобой,
«Ангелъ, ангелъ—Маргарита!»...

Въ публикѣ пронеслась электрическая искра. Все слилось въ общемъ восторгѣ упоительнаго наслажденія. Эта поэтическая обстановка, этотъ серебристый лунный свѣтъ, эта чарующая ночь, эта поэзія первой любви, трепещущая сладкой нѣгой дивная мелодія, чудный бархатистый голосъ пѣвца, наивный восторгъ во взглядѣ Маргариты, упоенной и вмѣстѣ изумленной первымъ страстнымъ біеніемъ влюбленнаго сердца,—все это дѣлало поразительную иллюзію. Казалось, публика была въ этотъ мигъ такъ-же влюблена, какъ Фаустъ и Маргарита. Всякій боялся пошевельнуться, чтобы не нарушить очаровательной иллюзіи. Восторгъ былъ такъ великъ, что никто и не думалъ объ аплодисментахъ.

«Ангелъ, ангелъ—Маргарита»!

Съ удвоенной экспрессіей повторялъ теноръ и при этомъ все крѣпче и крѣпче и притомъ совсѣмъ не условно прижимался къ груди Маргариты.

— Нахалъ, нахалъ!.. вся дрожа, глубоко оскорбленная, шептала она, и вслѣдъ за этимъ голосъ ея съ задушевною нѣжностью зазвучалъ:

«О, я твоя, тебя люблю.
О, милый мой, и для тебя
Готова я, готова я
На смерть, на смерть»...

Послѣднія слова замерли на ея губахъ и она опустила изнеможенную головку на плечо Фауста. Оркестръ игралъ продолженіе дуэта.

— Ну, какая-же вы прелесть! Конфетка, настоящая конфетка!.. Говорилъ ей въ полъ-голоса Фаустъ. Она вздрагивала отъ бѣшенства. Публика не выдержала и разразилась неистовыми рукоплесканіями. Это былъ колоссальный восторгъ, который длился около пяти минутъ. Пѣвецъ и пѣвица, взявшись за руки, съ радостными улыбками раскланивались на всѣ стороны.

Прошла еще сцена, и еще. Вотъ они попрощались.

Digitized by Google

Фаустъ, обрадованный своимъ любовнымъ успѣхомъ, подошелъ къ рампѣ и объявилъ публикѣ, что онъ испытываетъ блаженство и прибавилъ:

«Я—а-а-а бѣгу»!..

Это «я» было ни что иное, какъ высокое si, и такъ какъ эта нота была у него очень хороша, то онъ продержался на ней съ минуту, послѣ чего раздался громъ рукоплесканій. Но онъ не убѣжалъ, потому что Мефистофель не пустилъ его. «Сейчасъ она начнетъ бесѣдовать съ звѣздами. Останьтесь»!—Сказалъ онъ, и Фаустъ остался. Дѣйствительно, Маргарита показалась въ окнѣ бесѣдки и заговорила съ звѣздами:

«Онъ любитъ... Волнуется грудь...
Пѣнье птичекъ»...

Увлеченіе публики доходило до послѣднихъ предѣловъ напряженія. Всѣ знали, что будетъ дальше, потому что всѣ знали «Фауста» наизустъ. Никто не сомнѣвался, что Маргарита дойдетъ до забвенія всякой осторожности и, не смотря на то, что сама же попросила Фауста уйти, станетъ звать его. Знали также, что Фаустъ, подталкиваемый Мефистофелемъ, воспользуется случаемъ, чтобы слиться съ нею въ поцѣлуѣ. И вотъ насталъ этотъ моментъ. Она уже на высокихъ нотахъ. Голосъ ея не сходитъ съ sol, la и si, оркестръ шумитъ, страстныя скрипки изображаютъ взволнованное тремоло, чувственный віолончель порывисто вскрикиваетъ... Она зоветъ его. Фаустъ бросается къ ней, сжимаетъ ее въ горячихъ объятіяхъ и впивается своими губами въ ея губы. Мефистофель адски хохочетъ, занавѣсъ падаетъ. Публика не можетъ опомниться отъ волненія и восторга. Казалось, на мгновеніе она вся умерла, окаменѣла.

Оркестръ продолжаетъ шумѣть, и подъ звуки оркестра, на сценѣ, въ бесѣдкѣ слышится звучный сопрано:

«Нѣтъ, это невыносимо, это невыносимо»!

— Ха, ха, ха! — отвѣчаетъ голосъ тенороваго тембра:—но какія у васъ сочныя губки! Ха, ха, ха, ха!

Вслѣдъ за этимъ раздается звонкая хлесткая пощечина.

Digitized by Google

Вызовы безъ конца. Фаустъ и Маргарита кланялись и улыбались публикѣ до изнеможенія. Фаустъ однако слегка придерживался за щеку, которая у него горѣла...

* * *

Мефистофель былъ мраченъ. Куплеты 2-го дѣйствія вышли у него неудачно, у него, который всегда срывалъ въ нихъ апплодисменты. На этотъ разъ ему слегка похлопали и даже не требовали bis. Но это было-бы ничего; все равно онъ и безъ требованія спѣлъ на bis. Такъ, просто взялъ и спѣлъ, чтобы никто не смѣлъ сказать, что «bis'а не было». Но антрепренеръ избѣгаетъ его и издали косится, а тотъ, соперникъ, нахально смотритъ ему въ лицо и насмѣшливо улыбается. «О, подлецъ, подлецъ! Погоди, придетъ серенада! Я тебя уничтожу».

Четвертый актъ начался. Фаустъ испытываетъ угрызенія совѣсти у жилища Маргариты. Мефистофель смѣется надъ нимъ:

«Чѣмъ намъ стоять у порога.
Я вашей милой рѣчь подамъ за васъ».

Съ ѣдкой улыбкой замѣчаетъ онъ убійственными стихами. И вотъ оркестръ наигрываетъ piccicato, ужь онъ примѣрился на своей дьявольской гитарѣ... Онъ начинаетъ:

«Выходи, о другъ мой нѣ-жный»...

О, у него почти нѣтъ голоса, Боже мой! Что же это будетъ? Если серенада ему не удастся, все погибло, все погибло... Погибла слава... Да что слава?! Жена, дочь, голодъ, холодъ, страданья!.. И нахальный образъ ненавистнаго соперника сталъ передъ нимъ, какъ живой. О, какъ онъ его ненавидитъ, о, какъ онъ хотѣлъ бы растоптать его! Голосъ, голосъ! Его могучій голосъ, который кормилъ столько лѣтъ его, и жену и дочь! Голосъ—кормилецъ, голосъ—капиталъ! Онъ звалъ его, этотъ голосъ, который, казалось, улетѣлъ изъ его горла въ этотъ роковой день, звалъ какъ друга, какъ спасителя. Онъ ненавидѣлъ въ этотъ моментъ всѣхъ—и антрепренера, и соперника, и публику, которая можетъ сейчасъ ошикать его и этимъ лишить и его, и семью хлѣба и крова. И проникну-

Digitized by Google

тый этой ненавистью, онъ чувствовалъ гигантскую силу, охватившую все существо его, и эта сила вливала въ него ощущеніе могущества; ему казалось, что вотъ-вотъ изъ его задыхающейся груди вылетитъ нота, которая потрясетъ своды театра. И странное дѣло! Голосъ его растетъ... Ненависть, которой пылала его душа, придаетъ его пѣнію какую-то истинно-демоническую окраску; онъ видитъ и чувствуетъ, что слушатели удвоили вниманіе, онъ ясно ощущаетъ этотъ неуловимый процессъ покоренія сердецъ, когда все вокругъ сливается въ общемъ восторгѣ, направленномъ къ одному... И этотъ одинъ — онъ... Да, да, къ нему возвратилась мощь, голосъ его раскаялся и вернулся въ нѣдра его могучей груди... О, божественная ненависть! Ты помогла ему побѣдить! Онъ всѣми фибрами своихъ нервовъ, каждой каплей своей до утомленія взволнованной крови переживаетъ побѣду?..

«Не цѣлуй е—го... Ха, ха, ха, ха, ха»!..

Боже, что это за смѣхъ? У слушателей дрожь пробѣжала по тѣлу. Какая-то дрожащая волна нѣмого восторга пронеслась по залѣ. Громъ рукоплесканій. Онъ поетъ bis, поетъ еще разъ, еще разъ, поетъ ничего не помня, ничего не понимая. Онъ понимаетъ только одно: онъ растопталъ соперника. Жена и дочь будутъ сыты, будутъ въ теплѣ. Антрепренеръ жметъ ему руку... что-то тамъ еще происходитъ на сценѣ, что-то такое онъ еще поетъ. Но вотъ занавѣсъ падаетъ, и онъ... онъ тоже падаетъ отъ изнеможенія, отъ ненависти, отъ упоенія побѣдой...

Да, онъ уже не могъ выходить на бѣшеные вызовы. Онъ лежалъ въ обморокѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google